

СБОРНИКЪ МАТЕРІАЛОВЪ

ДЛЯ ОПИСАНІЯ

МѢСТНОСТЕЙ И ПЛЕМЕНЪ КАВКАЗА.

Изданіе Управленія Кавказскаго Учебнаго Округа.

ВЫПУСКЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

ТИФЛИСЬ.

Типографія: Канцелярія Главнначальствующаго гражд. частію на Кавказѣ,
К. Козловскаго и М. Мартirosiанца.

1900.

Оглавленіе.

	<i>Стр.</i>
Предисловіе (съ мотивами сказокъ и указателемъ именъ) <i>Л. Г. Лопатинскаго</i>	I—XII.

Отдѣль первый.

I. Обращеніе Грузіи (въ христіанство).	
II. Жизнь и извѣстіе о Вагратадахъ, царяхъ нашихъ грузинскихъ, откуда они явились въ эту страну, или съ какого времени владѣютъ они царствомъ грузинскимъ, которое написалъ Сумбатъ, сынъ Давида.	
III. Хроника Месхійской Псалтири (съ опечатками и подробнымъ оглавленіемъ). <i>Е. С. Такайшвили</i>	1—216
Въ Горахъ Вольшого и Малаго Карачая.	
Путешествіе 26-ти учениковъ Еватеринодарской гимназіи (съ Предисловіемъ автора, рисунками и приложеніями, перечисленными на стр. 112). <i>А. Н. Дьячкова-Тарасова</i>	1—136
Черезъ Сванетію къ Эльбрусу. <i>А. А. Долгушина</i>	137—197.

Отдѣль второй.

Предисловіе (съ мотивами сказокъ и указателемъ именъ) <i>А. А. Богоявленскаго</i>	I—* [*]
---	------------------

Армянская народная словесность въ За- кавказьѣ

1—167

I. Легенды и преданія.

1. Не осуждай другого, свящ. <i>Г. Буянтова</i>	1— 5
2. Карн-кѣпакъ, <i>М. Погосова</i>	5— 7
3. Легенды о Соломонѣ Мудромъ. 4. Легенды объ Але- ксандрѣ Македонскомъ. 5. Дивана-Балуль, свящ. <i>Г. Бу-</i> <i>янтова</i>	7— 17
6. Смерть. 7. Благочестивый Лусникъ, <i>Г. Новрузова</i> . . .	18— 22
8. Чистая вѣра спасаетъ отъ огня. 9. Какъ головешка зазеленѣла, <i>П. Тоніева</i>	22— 24
10. Богачъ и бѣднякъ, <i>А. Теръ-Хачатурова</i>	25— 29
11. Преданіе о Господѣ нашемъ Иисусѣ Христѣ, <i>А. Ба-</i> <i>балаяна</i>	29— 32
12. Преданіе объ албанскомъ царѣ Вачаганѣ, <i>И. Момтева</i> .	33— 45
13. Въ пещерѣ, <i>К. Шайнова</i>	45— 57

II. Снази.

1. Геджа-Чраги. 2. Дѣти купца Арутюна, <i>Х. Арутюнова</i> .	58— 73
3. Качаль-Назаръ, <i>С. Субматянца</i>	73— 80
4. Сказка о двухъ братьяхъ, <i>В. Шаймянца</i>	80— 89
5. Злой царь. 6. Лисица и пастухъ. 7. Бѣдная Марія, свящ. <i>Г. Буянтова</i>	89—115
8. Купленный сонъ. 9. Качаль-Ахметъ 10. Крестьянинъ и змѣя. 11. Лиса. 12. Умный и дуракъ. 13. Рамазанъ, <i>Н.</i> <i>Д. Калашева</i>	115—156

III. Юмористическіе рассказы, анекдоты и басни.

1. Три муллы. 2. Какъ Гассанъ ѣлъ пловъ, <i>Г. Новрузова</i> .	137—161
3. Лисица и куропатка. 4. Ослевокъ и свиньи. 5. У вся- каго свой вкусъ. 6. Услужливый сынъ. 7. Было хорошо, стало лучше. 8. Умѣнье продавать, <i>П. Тоніева</i>	162—166
9. Слѣпой, хромой и нищій. 10. Одинъ лучше другого, <i>Ст. Субматянца</i>	166—167.

Отдѣлъ третій.

Чеченскіе тексты. 1. Отъ бабъ въ домѣ разладъ. 2. За-
вѣтъ отца. 3. Какъ Насръ-Эддинъ одурачилъ всѣхъ?
4. Какъ Насръ-Эддинъ наказалъ невѣрную жену? 5. Злая
жена. Записаны *Т. Эльдархановымъ*

1— 40

Замѣтка *Л. Л.* 40— 40.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ I отдѣлѣ XXVIII выпуска Сборника помѣщены статьи довольно разнообразнаго содержанія.

Статья *Е. С. Такайшвили*, подъ загл.: „Источники грузинскихъ лѣтописей. Три хроники. 1. Обращеніе Грузіи (въ христіанство). 2. Жизнь и извѣстіе о Вагратидахъ, царяхъ нашихъ грузинскихъ, откуда они явились въ эту страну, или съ какого времени владѣютъ они царствомъ грузинскимъ, которое написалъ Сумбатъ, сынъ Давида. 3. Хроники Месхійской Псалтири“ сопровождается цѣнными примѣчаніями автора, съ многочисленными ссылками на другіе источники, объясненіемъ темныхъ и запутанныхъ мѣстъ, а, гдѣ нужно, и добросовѣстной критикой текстовъ. Этимъ своимъ трудомъ уважаемый авторъ оказалъ большую услугу разработкѣ источниковъ по исторіи Грузіи.

Статья *А. Н. Дьячкова-Тарасова* „Въ горахъ Вольшого и Малаго Барачая“ даетъ занимательное описаніе путешествія въ истокамъ р. Кубани, у подножья Эльбруса, 26-ти учениковъ Еваториновдарской гимназіи. Путешествіе это хотя и не могло многого сдѣлать въ научномъ отношеніи, но оно привило молодымъ экскурсантамъ любовь къ краю и интересъ къ изученію его особенностей, не говоря уже о томъ, что оно развило умственный кругозоръ учениковъ и уврѣпило ихъ физическія силы. О цѣляхъ и пользахъ подобныхъ лѣтнихъ экскурсій авторъ говоритъ краснорѣчиво въ Предисловіи къ своей статьѣ.

Въ статьѣ *А. А. Домушина* „Черезъ Сванетію къ Эльбрусу“ описываются живыми красками тѣ же самыя

мѣста Сванетіи, которыя были посѣщены еще 25 лѣтъ тому назадъ А. И. Стояновымъ ¹⁾). При сравненіи обоихъ этихъ описаній бросается въ глаза, что четверть столѣтія прошло для этого уголка Кавказа, заброшеннаго въ горныя трущобы, почти незамѣтно: край все еще ждетъ дорогъ, которыя бы его не только соединили съ Сѣвернымъ Кавказомъ, но и дали ему выходъ къ морю. Описаніемъ перевала Донгузь-орунъ и ледника Азау авторъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ дополняетъ свѣдѣнія, сообщенныя покойнымъ В. Я. Тепцовымъ ²⁾

*
* *

Отдѣлъ II редактированъ А. А. *Боголюбскимъ*, и ему же принадлежитъ Предисловіе къ нему.

*
* *

Въ отдѣлѣ III помѣщены „Чеченскіе тексты“, записанные Т. Э. *Эльдархановымъ*. Всего помѣщено пять чеченскихъ сказокъ, которыя я считаю своимъ долгомъ разобратъ по содержанію.

Въ сказкѣ „Отъ бабъ въ дождѣ разладъ“ проводится мысль, что женщина бываетъ причиной распаденія родового союза и раздѣла общаго имущества. Но наша сказка носитъ консервативный характеръ. Такъ, хотя и выяснена роль женщины въ разложеніи стариннаго патріархальнаго быта, но переходъ къ новымъ бытовымъ формамъ еще не допускается. Фабула сказки такова. Три брата владѣютъ нераздѣльнымъ имуществомъ и живутъ дружно.

¹⁾ Въ статьѣ „Путешествіе по Сванетіи“ въ X кн. Записокъ Кавк. Отд. Имп. Русс. Геогр. Общества (Тифл. 1876 г.).

²⁾ Въ статьѣ „По истокамъ Кубани и Терека“ въ XIV вып. Сборника мат. по опис. мѣст. в пл. Кавк. (Тифл. 1892 г.).

Жена старшаго брата хочеть доказать мужу, что дружба держится только женщинами. Съ этою цѣлью она взводитъ клевету на младшаго брата, и ссора готова разгорѣться. Тогда она разясняетъ мужу всю неосновательность введе-денной ею клеветы и беретъ ее назадъ; братья мирятся и не доводятъ дѣла до дѣлежа имущества. По основной своей идеѣ сказка нѣ представляется оригинальной. Въ русевихъ ¹⁾ и татарскихъ ²⁾ сказкахъ женщина преслѣдуетъ другія цѣли: она разстраиваетъ счастье супруговъ.

Сказка „Завѣщаніе отца“ имѣеть весьма сложный составъ. Исходной точкой служить *завѣтъ умирающаго отца*. Прощаясь съ жизнью, онъ запрещаетъ единственному своему сыну выѣзжать въ пятницу изъ дому, не то—быть бѣдѣ. И сказки другихъ народовъ имѣють такую же завязку, но отступаютъ въ формулировкѣ отцовскаго завѣта. Болѣе всего своей завязкой подходятъ къ нашей сказкѣ двѣ армянскія и одна татарская. Въ первой армянской сказкѣ „Невѣста-всадникъ“ ³⁾ умирающій отецъ завѣщаль своимъ тремъ сыновьямъ не посѣщать мѣстности „на югъ отъ его царства“, во второй—„Гайраманъ-Блуть“ ⁴⁾ „не ѣздить по такой-то дорогѣ“, а въ татарской сказкѣ „Невѣста-богатырь“ ⁵⁾—„не посѣщать извѣстнаго имъ сада“. Въ кабардинской же сказкѣ „Наскочила коса на камень“ ⁶⁾, армянской „Сынъ рыбака“ ⁷⁾ и русской „Безногій и слѣпой богатыри“ ⁸⁾ со-держаніе отцовскаго завѣта совершенно другое.

Въ первую же пятницу сынъ, увлекаемый какимъ-то

¹⁾ Аеланасевъ, Народныя русскія сказки, изд. Грузинскаго, 236 (Прим.).

²⁾ Сборникъ мат. XIII, 301.

³⁾ Сб. мат. VII, 79.

⁴⁾ Сб. мат. XXI, 2, 139.

⁵⁾ Сб. мат. XXVI, 2, 34.

⁶⁾ Сб. мат. XII, 123.

⁷⁾ Сб. мат. XXI, 2, 113.

⁸⁾ Ас. 116 а.

рокомъ и подѣ влияніемъ необыкновеннаго явленія природы, нарушаетъ завѣтъ отца; онъ сѣдлаетъ своего коня и выѣзжаетъ со двора. Но при этомъ животныя, вѣрные *спутники* охотника, какъ бы чуя бѣду, заявляютъ свое безпокойство: конь ржетъ, борзые визжатъ, а соколы клечатъ. И дальше, при выѣздѣ одного за другимъ трехъ братьевъ нартовъ-эрхустойцевъ, вѣрныя ихъ животныя такимъ же образомъ выражаютъ свое безпокойство, но каждый разъ парты ихъ осаживаютъ грознымъ окрикомъ. Эта подробность встрѣчается и въ бѣлорусской сказкѣ „Покатигорошекъ“¹⁾; въ ней эти животныя составляютъ *свиту змья*.

Выѣхавши, молодой князь наткнулся въ степи на яму, на дно которой онъ спускается. Тамъ онъ находитъ себѣ товарища-богатыря, Ханъ-Кургула, съ которымъ онъ отправляется добывать себѣ невѣсту. Они проѣзжаютъ чрезъ *пустыню*, усѣянную разложившимися и свѣжими *трупами*. Это были жертвы трехъ братьевъ нартовъ-эрхустойцевъ. Въ вышеупомянутой армянской сказкѣ „Невѣста-всадникъ“ царевичъ по дорогѣ въ мѣстность „на югъ“ проѣзжаетъ чрезъ страну, *богатую растительностью*, также усѣянную разбросанными повсюду *костями* людей, истребленныхъ невѣстой-всадникомъ.

Подѣхавши къ кургану, въ которомъ находилось *отверстіе въ подземелье*, нашъ герой со своимъ товарищемъ спускаются туда къ тремъ братьямъ нартамъ-эрхустойцамъ. Товарищъ ихъ одолеваетъ и отдаетъ ихъ сестру ему въ жены. Въ подземелье еще разъ спускается, но уже одинъ Ханъ-Кургулъ для выручки похищенной нартомъ красавицы. Спускъ чрезъ глубокое отверстіе въ подземелье, или подземный край—это излюбленный сказочный мотивъ. Туда обыкновенно спускаются герои въ поискахъ за красавицами, похищенными враждебными силами, ради чего они

¹⁾ Аван. 74, 6, 75; въ послѣдней сказкѣ, вмѣсто сокола, является воронъ.

совершают трудные подвиги ¹⁾. Но въ нашей сказкѣ совершаетъ подвиги не самъ герой, но его *товарищъ*, какъ и въ русскихъ сказкахъ: „Кощей Безсмертный“ ²⁾—товарищъ царевича Булатъ-молодецъ, „Безногий и слѣпой богатыри“—дядька Катомъ ³⁾, „Звѣриное молоко“—мужичокъ-кулачокъ ⁴⁾, или, наконецъ, благодарные мертвецы русскихъ и кавказскихъ сказокъ ⁵⁾.

Нашъ герой, сдѣлавшись мужемъ красавицы, получаетъ отъ нея ключи отъ всѣхъ помѣщеній въ домѣ, но съ тѣмъ, чтобы онъ и не заглядывалъ въ *третью* комнату. Не послушавшись жены, онъ открываетъ эту комнату; тамъ онъ находитъ нарта, связаннаго желѣзною цѣпью и прирѣпленнаго къ землѣ желѣзнымъ коломъ и гвоздями, пробившими насквозь его тѣло. Узникъ проситъ развязать его, и лишь только нашъ герой дотронулся до гвоздя, какъ нартъ сбросилъ съ себя оковы, схватилъ его жену, ударился оземь и исчезъ съ нею изъ виду. *Запретная комната* упоминается не только въ татарскихъ сказкахъ—вышеупомянутой „Невѣста-богатырь“ и другой—„Прекрасная царевна“ ⁶⁾, но также и въ русскихъ сказкахъ ⁷⁾ и сказкахъ другихъ народовъ ⁸⁾. Но съ нашей сказкой болѣе сближена первая изъ нихъ: она, подобно нашей, помѣщаетъ въ запретной комнатѣ, *сороковой* по счету, дива, закованнаго въ цѣпи; дивъ, освобожденный героемъ сказки, точно такъ же похищаетъ царевну. И по другимъ своимъ деталямъ эта

¹⁾ Ае., стр. 138, 141.

²⁾ Ае. 93. с.

³⁾ Ае. 116. abc.

⁴⁾ Ае. 118. a.

⁵⁾ Сб. мат. XX, Пред. на 6 стр., гдѣ и указаны параллели. Сб. мат. IX, 2, 87.

⁶⁾ Сб. мат. VI, 2, 131.

⁷⁾ Ае. 120 b (тамъ говорится о запретномъ *ключѣ*).

⁸⁾ Напр., во франц. сказкѣ „La Barbe Bleue“ изъ „Contes des fées“ Perrault.

сказка идетъ параллельно съ нашей. Мотивъ о запретной комнатѣ встрѣчается также и въ татарской сказкѣ „Странствованія царскаго сына“¹⁾, которая отъ нашей отступаетъ одной лишь подробностью: въ запретной комнатѣ, *послѣдней* изъ многихъ, виситъ *портретъ красавицы*, при видѣ которой царевичъ лишается разсудка. Заслуживаетъ вниманія еще одна оригинальная подробность: нартъ ударяется объ-поль, чтобы *подняться на воздухъ* и улетѣть въ невѣдомую даль. Къ тому же сказочному приему прибѣгаетъ потомъ и Ханъ-Кургуль. И въ русскихъ сказкахъ²⁾ герои ударяются оземь, но это для нихъ служитъ *средствомъ оборотничества*.

Посѣтивъ чрезъ нѣкоторое время молодого князя, Ханъ-Кургуль нашелъ его въ безпомощномъ состояніи, стонущимъ отъ боли (нартъ вывернулъ его на изнанку), и узнаетъ отъ него, что его жену похитилъ нартъ. Ханъ-Кургуль, топнувъ ногами объ-поль, поднимается на воздухъ и летитъ по слѣдамъ похитителя. При спускѣ въ подземелье, онъ находитъ брошенный красавицей *перстень*, который долженъ былъ избавителю указать дорогу. Въ подземельѣ онъ увидѣлъ большой городъ, всѣ жители котораго веселились по случаю возвращенія нарта съ красавицей. Миновавъ городъ, онъ очутился на берегу молочнаго озера, гдѣ встрѣтилъ рабыню съ кувшиномъ *молока*, зачерпнутаго изъ озера; молоко назначалось для ея госпожи, той же самой красавицы, которая похищена нартомъ. Ханъ-Кургуль, желая дать ей знать о себѣ, бросаетъ въ *кувшинъ* найденный перстень. Этою подробностью наша сказка совпадаетъ съ вышеупомянутой русской сказкой „Кощей Безсмертный“³⁾.

¹⁾ Сб. мат. IX, 2, 87.

²⁾ Ае. 77. 107. 112. 120. 122 с. 130. 140 аб (ударяются о коверъ). 151.

³⁾ Ае. 93 с. Сказка о Кощей переработана Жуковскимъ подъ загл. „Иванъ-царевичъ и сѣрый волкъ“.

Булатъ-молодецъ этой сказки встрѣчаетъ дѣвushку съ *чашкой* козлиного молока, которымъ Василиса Кирбитьевна ежедневно умывалась (назначеніе молока въ нашей сказкѣ не выяснено); онъ бросаетъ въ чашку съ тою же цѣлью перстень, данный ему Иваномъ-царевичемъ.

Найдя на днѣ кувшина перстень, красавица сейчасъ же догадалась, что спаситель ея прибылъ, и велѣла рабынѣ отвести ее къ нему. При личномъ свиданіи, Ханъ-Кургуль, желая избавить красавицу отъ рукъ ея похитителя, уговариваетъ ее узнать, гдѣ находится *душа* нарта. Посредствомъ хитрости она узнаетъ отъ нарта о мѣстопребываніи его души; оказывается, что она находится въ мѣстѣ таинственномъ и недоступномъ для обыкновеннаго человека, подъ нѣсколькими оболочками: внутри носорога находится олень, внутри оленя—заяцъ, внутри зайца—шкапула, внутри шкапулы три *ласточкиныхъ дѣтеныша*, и только въ послѣднемъ заключена душа нарта. Отысканіе мѣстопребыванія души весьма распространенный сказочный мотивъ ¹⁾. Слѣдуетъ сказать, что и въ большинствѣ сказокъ жизненная сила названа душою, но въ приведенной выше русской сказкѣ „Кощей Безсмертный“ и въ слѣдующихъ: „Царевна-лягушка“ ²⁾ и „Федоръ Тугаринъ“ ³⁾ она олицетворена въ образѣ похитительницы этой силы—*смерти*; въ норвежской и нѣмецкой сказкахъ „О великанѣ“ ⁴⁾ жизненная сила названа *сердцемъ*. Въ другихъ русскихъ сказкахъ подобнымъ образомъ герой старается узнать о мѣстопребываніи *мудрости* ⁵⁾ и *любви* ⁶⁾. Такъ же варьи-

¹⁾ Литература этого мотива указана въ Предисловіи къ XXII вып., стр. 7.

²⁾ Ае. 150 с.

³⁾ Ае. 95.

⁴⁾ Ае. I, стр. 228. Grimm, Kinder-und Hausmärchen, II, 197.

⁵⁾ Ае. 120 б.

⁶⁾ Ае. 128 а.

руеть въ сказкахъ и то мѣсто, гдѣ заключена жизненная сила; но послѣдней оболочкой для Коцея, напримѣръ, или для змѣя является *яйцо*.

Убивъ нарта, Ханъ-Кургуль освобождаетъ красавицу, но та не захотѣла вернуться къ своему мужу и сдѣлалась *женою* своего *избавителя*. Этимъ свѣжимъ концомъ наша сказка рѣзко отличается отъ сравниваемыхъ съ нею сказокъ. Между тѣмъ какъ во всѣхъ сказкахъ, гдѣ вмѣсто героя въ роли избавителя является его товарищъ, красавица достается не послѣднему, но герою, въ нашей сказкѣ наоборотъ: она досталась товарищу. Заключительный мотивъ нашей сказки объясняется тѣмъ, что на нашего героя должна была еще обрушиться *кара за ослушаніе* послѣдней воли отца. Въ сказкахъ съ той же самой завязкой, что и въ нашей ¹⁾, гдѣ говорится о трехъ братьяхъ, наказаніе за ослушаніе настагаетъ только *двухъ* старшихъ, а младшій не только остается *безнаказаннымъ*, но даже добивается своего счастья; точно такъ же остается безнаказаннымъ единственный сынъ въ сказкѣ „Сынъ рыбака“ ²⁾, несмотря на то что и онъ нарушилъ завѣтъ своего отца. Очевидно, во всѣхъ этихъ сказкахъ дидактическій тонъ не выдержанъ до конца. Въ приводимой выше русской сказкѣ „Безногій и слѣпой богатыри“ ³⁾, напротивъ, Иванъ-царевичъ, исполняя завѣтъ умирающаго отца, слушается во всемъ своего дядьку, и потому счастье достается на его долю, какъ награда за послушаніе.

Сказка „**Какъ Насръ-Эддинъ одурачилъ всѣхъ**“ знакомитъ съ неизвѣстной до сихъ поръ стороной характера этого излюбленнаго кавказскими и другими восточными

¹⁾ Сб. мат. VII, 79. XXIV, 2, 139. XXVI, 2, 34. XII, 123.

²⁾ Сб. мат. XXIV, 2, 113.

³⁾ Аз. 116 а.

народами сказочнаго героя ¹⁾). Въ Насрѣ-Эддинѣ обыкновенно олицетворяется народное остроуміе, принимающее иногда личину наивности и простоты; здѣсь же онъ изображается хитрецомъ и, притомъ, не въ родѣ безобиднаго плута „Мальчика-съ-пальчика“ ²⁾ русской сказки или „Кулацу“ ³⁾ и „Малъ мала меньше“ ⁴⁾ черкесской, но злостнаго „Шута“ ⁵⁾ или „Демидки“ ⁶⁾ русской сказки. Одной подробностью наша сказка совпадаетъ съ вышеупомянутой черкесской „Кулацу“. Какъ Кулацу, такъ и Насрѣ-Эддинѣ, чтобы отвязаться отъ пристававшихъ къ нимъ людей, одурченныхъ и обобранныхъ ими, высказываютъ готовность удовлетворить только тѣхъ изъ нихъ, которые, оставаясь почевать въ ихъ домѣ, не заболѣютъ разстройствомъ желудка: всѣ оказались не безъ грѣха, но, чтобы довести своихъ гостей до этого, первый употребилъ нѣсколько другое средство, чѣмъ второй.

Сказка „Какъ Насрѣ-Эддинѣ наказалъ невѣрную жену“ приводитъ еще одну сторону его характера, весьма несимпатичную—мстительность. Насрѣ-Эддинѣ не старается исправить невѣрную жену, какъ это дѣлаетъ обманываемый мужъ въ великорусской сказкѣ „Вѣщій дубъ“ ⁷⁾, съ которой наша сказка схожа почти во всѣхъ деталяхъ, но мстить ей зло, насмѣявшись надъ ея недогадливостью и надругав-

¹⁾ Сбор. мат. IX, 2, 52; Сб. свѣд. о кавк. горцахъ I, ст. V, стр. 26 (Усларъ „Кое-что о слов. произведеніяхъ горцевъ“); Сб. свѣд. VII, ст. II, 2, 32; Чеченскій букварь Бартоломея (Изд. Общ. возст. христ. на Кавк.), стр. 32—53 (перепечат. въ прил. къ изд. „Чеченскій языкъ“ Услара); Сб. мат. XXVI, см. Пред.

²⁾ Ао. 168.

³⁾ Сб. мат. XXVII, 4, 31.

⁴⁾ Сб. мат. XII, 137.

⁵⁾ Ао. 223 а в. Литература предмета указана въ Разборѣ Н. О. Сумцова этнографическихъ трудовъ Романова, Ист. 1894, стр. 64.

⁶⁾ Сб. мат. XXVI, 2, 231.

⁷⁾ Ао. 241.

пись надъ нею. Также и малорусская сказка „Дьякъ и невѣрная жена“¹⁾, совпадающая вообще съ нашей, кромѣ мотива о *въщемъ деревѣ*, не знаетъ этой черты характера обманутаго мужа. Тема о *женской невѣрности* весьма популярна и съ большимъ или меньшимъ разнообразіемъ сказочныхъ мотивовъ разработана въ устной словесности многихъ народовъ²⁾. Мотивъ о *переносѣ трупа* принадлежитъ тоже къ числу весьма распространенныхъ³⁾.

Сказка „Злая жена“ имѣетъ весьма оригинальную завязку. Богачъ, желая избавиться отъ своего богатства, женится, по совѣту мудрецовъ, на женщинѣ высокаго роста, съ рыжими волосами, синими глазами и острыми пятнами. Женщина дѣйствительно оказалась расточительной, но къ тому еще и сварливой. Изъ всѣхъ этихъ атрибутовъ только рыжіе волоса служатъ признакомъ отрицательныхъ сторонъ характера. Рыжеволосая женщина выставляется коварной и въ армянской сказкѣ „Три юноши“⁴⁾, черкесской „Три добрыхъ совѣта“⁵⁾ и горско-татарской „Женщина съ сѣрыми глазами“⁶⁾.

Обнищавшему мужу приходится уже избавляться отъ злой жены. Для этого онъ прибѣгаетъ къ обычному сказочному приему—толкаетъ ее *въ яму*, какъ и въ кабардинской „Злая жена и чудовище“⁷⁾, русскихъ: „Жена-спорщица“⁸⁾, „Злая жена“⁹⁾, „Чортъ и баба“¹⁰⁾ и „Лыха жінка и

¹⁾ Сб. Кольберга „Рокисіе“, см. ст. Н. О. Сумцова „Малорусскія сказки“ (XXII кн. Этногр. Обзорѣнія).

²⁾ Литература предмета въ Пред. къ Сб. мат. XIII, стр. 306.

³⁾ См. вышеупомянутое соч. Н. О. Сумцова.

⁴⁾ Сб. мат. VII, 2, 37.

⁵⁾ Сб. мат. XXI, 2, 175.

⁶⁾ Сб. мат. XXIII, 3, 28.

⁷⁾ Сб. мат. XII, 106, гдѣ и указаны параллели.

⁸⁾ Сб. мат. VII, 1, 123.

⁹⁾ Ас. 236 а в с d, 237 а в с.

¹⁰⁾ Сб. мат. XIII, 289.

чортъ" ¹⁾). Изъ ямы злую жену выгоняетъ не чортъ, какъ въ русскихъ сказкахъ, но *змѣй-чудовище*. Дальше сказка развивается точно такъ же, какъ и вышеприведенная кабардинская „Злая жена и чудовище“.

При записи текстовъ сдѣланы отъ правописанія Услара въ его трудѣ по чеченскому языку ²⁾ слѣдующія два отступленія: вм. q поставленъ соотвѣтствующій ему знакъ k, а вм. z—б. Редакція руководствовалась при этомъ желаніемъ держаться однообразнаго начертанія въ транскрипціи инородческихъ текстовъ.

Л. Лопатинскій.

11 ноября 1900 г.
Тифлисъ.

¹⁾ Рудченко, Южно-русс. сказки I. 32.

²⁾ Въ изд. Кавк. уч. о-ва. Этнографія Кавказа. Языковеденіе II. Чеченскій языкъ. Тиф. 1888.

Указатель предметовъ (мотивовъ сказокъ).

III отдѣла.

- А.** *Аттрибуты* расточительной и сварливой жены 38.
- В.** *Веселіе* (ликваніе) въ незнакомомъ городѣ по случаю возвращенія правителя 20. *Вѣтшій* чинарь 33.
- Г.** *Городъ* незнакомый въ подземельѣ 20.
- Д.** *Дѣлѣжъ* (раздѣлъ) общаго имущества 4. *Дуплистое* дерево говоритъ 33; въ дуплистомъ деревѣ прячутся 33. *Душа* гдѣ находится 21.
- Ж.** *Женщина* причиной ссоры 4;—расточаетъ имущество 38;—сварливая 38.
- З.** *Завѣтъ* умирающаго отца 16. *Запретная* дверь (комната) 19. *Злая* жена 38. *Змѣй-чудовище* на днѣ ямы 39;—облегааетъ вокругъ селеніе и пожираетъ людей 39;—убѣгаетъ отъ злой жены 40.
- И.** *Имущество* нераздѣльное 4.
- Е.** *Кипятокъ*, влитый въ ротъ, умерщвляетъ 34. *Конь* треногий, трехій 18. *Красавица-сестра* трехъ нартовъ 18.
- М.** *Месть* невѣрной женѣ 32. *Молочное* озеро 20.
- Н.** *Нора* см. яма.
- О.** *Одурачиваетъ* Насръ-Эддинъ другихъ 27. *Отверстіе* въ подземелье, см. яма.
- П.** *Перстень* брошенный указываетъ дорогу 20;—брошенный въ кувшинъ съ молокомъ подаетъ вѣсть 20. *Покойникъ*, приставленный къ дверямъ дома 34. *Похищеніе* красавицы 19. *Почтъ* выражается поднесеніемъ лучшихъ частей зарѣзаннаго животнаго 4. *Пустыня*, усѣянная группами людей 17. *Пятки* острыя у женщины 38.
- Р.** *Раздѣлъ* см. дѣлѣжъ. *Разстройство* желудка (мнимое), какъ при-знакъ виновности 39. *Расточаетъ* богачъ имущество преднамѣрено 38. *Рыжіе* волосы 38.
- С.** *Связанный* нартъ лежить на полу 19. *Сетъ* озаряетъ комнату 17;—идетъ отъ красавицы 17. *Синіе* глаза 38. *Согласіе* съ женою 19. *Стрѣлой* вырываютъ яму 17.
- Т.** *Топнуть* ногами см. ударъ.
- У.** *Ударъ* кулака выворачиваетъ на изнанку 19;—поги оземь (объ-полъ) средство для поднятія на воздухъ 19. *Убиваетъ* герой нартовъ одного за другимъ 18.
- Ч.** *Число* (эпическое): 3 брата-эрхустойцы 17;—дѣтеныша ласточки 22; 5 дней работы 22;—мѣшковъ муки 27; 9 арбъ 27; 15 косарей 22.
- Х.** *Хитрость* Насръ-Эддина 27.
- Я.** *Яма* (нора), въ которую опускаются 17. 20;—въ которую заманиваютъ злую жену 38.

Указатель именъ.

Насръ-Эддинъ 27. Нарты см. эрхустойцы. Ханъ-Кургуль 17. Эрхустойцы-нарты 17.

ОТДѢЛЪ І.

ИСТОЧНИКИ ГРУЗИНСКИХЪ ЛѢТОПИСЕЙ.

Три хроники.

1. Обращеніе Грузіи (въ христіанство).

(Переводъ съ грузинскаго).

Когда царь Александръ ¹⁾ обратился въ бѣгство потомковъ сыновей Лота и оттѣснилъ ихъ въ полуночную страну, онъ нашель сперва свирѣпныя племена бунтурковъ ²⁾, жившихъ по теченію рѣки Куры, въ четырехъ городахъ съ ихъ пред-

¹⁾ Рѣчь идетъ объ Александрѣ Македонскомъ. Такимъ образомъ, наша хроника начинается отъ прихода въ Грузію Александра Македонскаго, тогда какъ Барглисъ-цховреба начинаетъ свой рассказъ отъ Ноя. Но весь рассказъ Барглисъ-цховреба до появленія Александра Македонскаго (см. М. Brosset. Histoire de la Géorgie, t. I, pp. 15—32) носить слишкомъ тенденціозный характеръ, и составленіе его ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отнесено ранѣе составленія нашей хроники, которая, безъ сомнѣнія, служитъ первоисточникомъ Барглисъ-цховреба.

²⁾ Бунтурки или турки, иначе туранцы, по словамъ грузинской лѣтописи Барглисъ-цховреба, будучи вытѣснены изъ своихъ предѣловъ персидскимъ царемъ Байхосро, или Байхосроемъ, обогнули Гургенское, т. е. Каспійское море и, слѣдуя вверхъ по теченію р. Куры, прибыли въ Мцхету въ количествѣ 28 (по другому варианту 28000) семействъ. Съ позволенія мцхетскаго мамасахлиса и всѣхъ картвеловъ, т. е. грузинъ, которымъ они обѣщали свое содѣйствіе въ борьбѣ противъ персовъ, бунтурки поселились въ пещерахъ скалы, въ западу отъ Мцхеты. Мѣсто это, сильно укрѣпленное ими, получило впослѣдствіи названіе Саркине или Саркинети, что въ переводѣ значитъ мѣсто нахожденія желѣза. Въ указанномъ мѣстѣ теперь помѣщается извѣстный въ Грузіи пещерный монастырь Шю-мгвине (М. Brosset. Барглисъ-цховреба, т. I, стр. 25, Списокъ Марія, стр. 12. Histoire de la Géorgie, t. I

мѣстями. *Онъ нашелъ* городъ Саркине ¹⁾, Каспи ²⁾, Урбниси ³⁾ и Одзрахе ⁴⁾ и крѣпости ихъ: Цихе-диди ⁵⁾, *крѣпость*

pp. 30—33). Сень-Мартенъ (см. *Mémoires historique sur l'Arménie*, t. II, p. 44—48) появленіе бунтурковъ отождествляетъ съ переселеніемъ Орбеліановъ въ Грузію, о которомъ повѣствуетъ армянскій историкъ XIII вѣка Стефаносъ Орбеліанъ.

Самое слово „бунтуркъ“ академикъ Броссе объясняетъ и переводитъ: *turk primitif*, что, по нашему мнѣнію, невѣрно, по крайней мѣрѣ грузинскимъ языкомъ такое толкованіе нельзя оправдать. Слово „бунтуркъ“ состоитъ изъ двухъ словъ: изъ „бунъ“, грузинское „буни“ и „туркъ“, грузинское „турки“. Значеніе второго слова, какъ названія туранца, человѣка тюркскаго племени, извѣстно. Первое слово въ словарѣ Саввы-Сулхана Орбеліани, а затѣмъ у Д. Чубинова, означаетъ рукоятку копья. Слово это не грузинское, а армянское. Въ грузинскомъ языкѣ оно, вѣроятно, обозначало самое копье; вѣдь бываетъ, что названіе части предмета переносится на самый предметъ (*pars pro toto*). Принимая такое предположеніе, „бунъ-туркъ“ будетъ означать турка-копьемосца.

¹⁾ Саркине, какъ выше указано, лежалъ на лѣвомъ берегу р. Куры въ 10 верстахъ къ сѣверо-западу отъ Мцхеты, тамъ, гдѣ нынѣ находится пещерный монастырь Шіо-мтвиме.

²⁾ Каспи нынѣ село на лѣвомъ берегу р. Куры, при впаденіи въ нее Лехуры, около теперешней станціи Закавказской желѣзной дороги „Каспи“.

³⁾ Урбниси тоже на лѣвомъ берегу р. Куры, въ 12 верстахъ отъ города Гори, нынѣ село подъ тѣмъ же названіемъ съ древнимъ базиличнымъ храмомъ. Слѣды городища въ Урбниси и до сихъ поръ хорошо замѣтны. Названіе Урбниси обыкновенно производятъ отъ латинскаго слова *urbs*—городъ. Если это вѣрно, то такое названіе должно было появиться послѣ римскаго владычества на Кавказѣ и не могло существовать при Александрѣ Македонскомъ.

⁴⁾ Одзрахе—прежній городъ и крѣпость въ Абастуманскомъ ущельи. Въ старину все ущелье носило названіе Оцхе или Оцхисъ-хеви. Старинная крѣпость Оцхе—большихъ размѣровъ, изъ необтесанныхъ камней, довольно хорошо сохранилась.

⁵⁾ Цихе-диди означаетъ по-грузински большую крѣпость. Остатки

Саркине; Уплись-цихе ¹⁾, *крѣпость Каспи*; *крѣпости Урбнисскую и Одзрахскую* ²⁾.

И удивлялся Александръ и узналъ, что они (бунтурки) были потомки іевусеевъ, ѣли всякую плотъ, не было у нихъ

этой крѣпости въ узкомъ лѣсистомъ ущельи, выходящемъ въ долину р. Буры съ правой стороны, около селенія Дзегви, какъ разъ напротивъ Шіо-игвие, не оправдываютъ этого названія. Здѣсь имѣется только четырехугольная, суживающаяся къ верху, башня въ три яруса, изъ неотесанныхъ камней и рваныхъ плитъ. Длина ея въ нижней части 9 аршинъ 2 вершка, ширина 8 аршинъ 4 вершка. Ниже, на берегу рѣчки, небольшая церковь обычнаго типа, построенная изъ такого же матеріала, какъ башня. Церковь имѣетъ въ длину 10 аршинъ 9 вершковъ, а въ ширину 6 аршинъ 12 вершковъ. Дверь одна съ юга, а оконъ три. Недалеко отъ церкви колокольня, основаніе которой представляетъ четырехугольникъ, сложенный изъ простыхъ камней. Надъ нимъ шесть небольшихъ столбовъ изъ красныхъ тесаныхъ камней поддерживаютъ конусообразный навѣсъ изъ кирпича. Какъ мнѣ передавали, церковь эта привлекаетъ много богомольцевъ изъ Кахетіи въ первые дни послѣ Пасхи, при чемъ женщины непременно являются въ бѣлыхъ платьяхъ. Выше въ ущельи подъ скалами находятся источники сѣрной воды, горячей и холодной. Загородивъ входъ въ это ущелье, конечно, всегда можно превратить его въ большой укрѣпленный лагерь, такъ какъ ущелье съ другихъ сторонъ недоступно.

¹⁾ Уплись-цихе извѣстный пещерный городъ, высѣченный въ Квернакскихъ скалахъ на лѣвомъ берегу р. Буры, недалеко отъ гор. Гори. Уплись-цихе по-грузински означаетъ крѣпость господина или правителя.

²⁾ Въ К. Ц. сказано: Онъ (Александръ) нашелъ въ предѣлахъ Картли сильно укрѣпленные города: Цунду; Хертвисъ на р. Буръ; Одзрахе, висящее на скалѣ Гадо; Тухарисъ на р. Сперъ, который называется и Чорохомъ; Урбниси; Каспи; Уплись-цихе; большой городъ Мцхету съ его предѣльями—Саркине, Цихе-диди, Занави, гдѣ жили евреи; Рустави; Деда-цихе; Самшвилде; Мткврисъ-цихе (дословно крѣпость Буры) или Хунанъ и города Кахетіи (К. Ц. 26. М. 14. Н. Г. 32—33).

могиль, мертвыхъ пожирали ¹⁾.... И царь, не будучи въ силахъ бороться съ ними, ушелъ ²⁾.

¹⁾ Здѣсь въ оригиналѣ одна строчка выскоблена. Іевусеи мелкое ханаанское племя, ведущее свое начало отъ Іевусея, одного изъ сыновей Ханаана, четвертаго сына Хамова. Іевусеи сохранили свою независимость до царя Давида, который, наконецъ, завоевалъ вхъ главный городъ Іевусь, перенесъ туда свою столицу и назвалъ Іерусалимомъ.

²⁾ Относительно прибытія въ Грузію Александра Македонскаго и обычаевъ ея жителей Картелисъ-цховреба говоритъ слѣдующее:

„Этотъ Александръ Македонскій выступилъ съ запада, пошелъ на югъ, проникъ на сѣверъ, перешелъ Кавказъ и явился въ Карлію. Онъ нашелъ, что всѣ картвелы по своимъ обычаямъ отвратительнѣе всѣхъ народовъ, ибо въ супружествѣ и сожительствѣ они не соблюдали родства, ѣли всякое животное, мертвыхъ пожирали, и, видя эти свирѣпыя и языческіе народы, которыхъ мы называемъ бунтурками и кипчаками и которые жили по теченію р. Буры, Александръ удивлялся, ибо ни одинъ народъ не дѣлалъ ничего подобнаго“ (Н. Г. р. 32—33).

Это мѣсто Картелисъ-цховреба исполнено противорѣчій. Сначала говорится объ отвратительныхъ нравахъ грузинъ, а потомъ изъ-за этихъ нравовъ Александръ удивляется бунтуркамъ, какъ будто описанные нравы относятся къ бунтуркамъ, а не къ грузинамъ. На самомъ дѣлѣ такъ и было въ первоисточникѣ, т. е. въ подлежащей хроникѣ, откуда это мѣсто несомнѣнно взято; такимъ образомъ, наша хроника даетъ безусловное свидѣтельство того, что описаніе нравовъ и обычаевъ туранской колоніи въ Грузіи бунтурковъ отнесено въ Картелисъ-цховреба къ грузинамъ. Мнѣ вѣжется, что это не есть случайная путаница, происшедшая по винѣ переписчиковъ, а напротивъ, составитель Картелисъ-цховреба, безъ сомнѣнія, ревностный христіанинъ, нарочно отнесъ это описаніе къ грузинамъ, чтобы тѣмъ рельефнѣе выставить ихъ дикость до принятія христіанства и умалить значеніе до-христіанской культуры, а также для того, чтобы возвысить просвѣтительное вліаніе Александра Македонскаго на грузинъ. Александръ вѣдь, по грузинскимъ хроникамъ, былъ благодѣтелемъ грузинъ. Онъ освободилъ ихъ отъ иноплеменниковъ, прогналъ бунтурковъ, очистилъ нравы и обычаи, установилъ новую религію, т. е. поклоненіе солнцу, лулѣ, пяти главнымъ звѣздамъ и Богу невидимому, творцу вселенной. Послѣ ухода Александра, замѣчаетъ Картелисъ-цховреба, богѣ не ѣли человѣческаго мяса, а только приносили людей въ жертву.

Въ то время пришли выселенныя халдейцами воинственныя племена хонновъ ¹⁾. Они испросили у владыки бунтурковъ мѣсто, подѣ условіемъ платить дань, и поселились въ Занавѣ.

И владѣли они имъ (Занавомъ), за который платили „харки“ (подать), поэтому называется онъ Херки ²⁾.

идоламъ (К. Ц. 27, 32. М. 13—16. Н. Г. 34, 43). Чѣмъ бы ни объяснили такую перетасовку фактовъ въ Бартлисѣ-цховреба, одно несомнѣнно, что вопросъ о каннибализмѣ грузинъ за древнѣйшій періодъ, который занималъ нѣкоторыхъ изслѣдователей на основаніи лѣтописнаго извѣстія, самъ собою падаетъ при свѣтѣ нашего источника.

¹⁾ Подѣ хоннами мы не подразумеваемъ гунновъ, какъ бы слѣдовало ожидать по транскрипціи этого слова, а остаемся при убѣжденіи, что въ грузинскомъ начертаніи этого слова ჯახხი пропущено титло. Съ титломъ это слово ჯახხი нужно прочесть какъ ჯუჯახხი, т. е. еврей. Что тутъ нужно читать еврей, это явствуетъ изъ соответствующаго мѣста Бартлисѣ-цховреба, гдѣ сказано слѣдующее: „Тогда царь Навуходносоръ взявъ Іерусалимъ, и выселенные оттуда еврей пришли въ Бартлію и испросили у михетскаго мамасахлиса мѣсто подѣ условіемъ дани. Мамасахлисъ михетскій согласился и поселилъ ихъ на берегу Арагвы, у источника, который называется Занавомъ. За это мѣсто они платили „харки“ (подать). Нынѣ оно называется Херкъ изъ-за „харки“ (К. Ц. стр. 25. Н. Г. р. 31). То обстоятельство, что составитель Бартлисѣ-цховреба помѣстилъ это мѣсто нашей хроникѣ ранѣе вступленія Александра Македонскаго въ Грузію и приурочилъ фактъ переселенія евреевъ ко взятію Іерусалима Навуходносоромъ, нисколько не мѣшаетъ нашему заключенію, потому что въ Бартлисѣ-цховреба нѣрѣдки случаи, когда неопредѣленно выраженные событія первоисточника приурочиваются къ извѣстному историческому лицу и времени.

²⁾ Географъ Вахуштъ указываетъ Херкъ въ долинѣ рѣчки Тедзами, лѣваго притока рѣки Арагвы, въ нынѣшнемъ Сагурамо, къ сѣверу отъ Михеты (Brosset. Description de la Géorgie par Vakhoucht, p. 285). Давидъ Ректоръ Месхишвили, извѣстный своею эрудиціею по исторіи и литературѣ Грузіи, въ примѣчаніи переписанной имъ Исторіи Грузіи царевича Вахушта замѣчаетъ: „Херкъ есть Сагурамо“ (Исторія царевича Вахушта, на груз. языкѣ, изд. Бакрадзе, стр. 35, примѣч. 1). Названіе Херкъ нельзя образовать этимологически отъ харки. Въ данномъ

Спустя нѣсколько времени, пришелъ Александръ, царь всей земли, разрушилъ эти три города и крѣпости и поразилъ хонновъ оружіемъ ¹⁾. Только съ городомъ Саркине онъ воевалъ одиннадцать мѣсяцевъ: онъ расположился съ западной стороны *отъ него*, насадилъ виноградникъ, провелъ оросительный каналъ изъ *рѣки* Ксани и поставилъ людей смотрѣть за каналомъ; и отъ „стаги“ канала назвали это мѣсто Настагиси ²⁾.

случаѣ мы имѣемъ дѣло съ народнымъ толкованіемъ географическихъ названій, а для народа такія сблженія достаточны для объясненія собственныхъ именъ.

¹⁾ По нашей хроникѣ, Александръ Македонскій два раза вступалъ въ Грузію. Первый разъ онъ не могъ одолѣть бунтурковъ, но во второй разъ заставилъ ихъ удалиться. Грузинскій текстъ Картлис-цховреба, изданный академикомъ Броссе, равно какъ и списокъ царицы Маріи, указываютъ только на одинъ приходъ. Но Баратовскій списокъ, имѣющийся въ библиотекѣ Общества грамотности въ Тифлисѣ (№ 25), содержитъ свѣдѣнія, сходныя съ нашею хроникой. Здѣсь мы читаемъ: და ენება, რათამცა აღმოფურნა იგინი ქალაქებისა მისგან, არამედ მას უამსა ვერ უძლო, რამეთუ პოვნა ციხენი მაგარნი და ქალაქნი ძლიერნი. ევლად გამოვიდეს სხვანი ნათესავნი ქალდეველნი და დაეშენეს იგინიცა ქართლს. შემდგომად ამისა განძლიერდა ალექსანდრე და დაიპურა ყოველი ქვეყანა და აღმოვიდა ქვეყანასა ქართლისასა და პოვნა ციხე-ქალაქნი ესე ძლიერნი. „И онъ (Александръ) хотѣлъ вытѣснить ихъ (бунтурковъ) изъ городовъ, но въ то время онъ не смогъ сдѣлать этого, такъ какъ нашель крѣпости ихъ неприступными, а города сильно укрѣпленными. Затѣмъ пришли другіе народы, халдейцы, и поселились въ Картліи. Послѣ этого Александръ сдѣлался могущественнымъ, покорилъ весь свѣтъ, пришелъ въ страну картлійскую и нашель эти укрѣпленные города и крѣпости“. То же самое, какъ видно изъ одного примѣчанія, было и въ другихъ спискахъ, имѣвшихся у Броссе, хотя грузинскаго текста этого приваженія онъ почему-то не напечаталъ (Н. Г. р. 33, п. 4).

²⁾ Въ Е. Ц. и на картѣ царевича Вахушта это названіе приведено въ формѣ „Настакиси“, а въ армянскомъ переводѣ „Картлис-цховреба“, или въ Армянской хроникѣ, какъ обыкновенно называютъ

Потомъ Александръ ввзялъ Саркине: сами *бунтурки* оставили его и удалились. И царь Александръ держалъ при себѣ Азо, сына царя Картли Арана ¹⁾; онъ далъ ему во вла-

этотъ переводъ, въ формѣ „Астаки“ (Brosset. Additions à l'histoire de la Géorgie p. 7). Слово „настагиси“ по своему образованію означаетъ мѣсто, гдѣ раньше былъ „стаги“. „А „стаги“ въ словарѣ Саввы Сулхана Орбелиани, а затѣмъ и Чубинова, означаетъ „начало канала“. Не соглашаясь съ подобнымъ объясненіемъ „стаги“ грузинскихъ лексикографовъ, профессоръ Н. Марръ, въ интересной своей замѣткѣ: „Мнимое географическое названіе ъротастакъ, въ Исторіи Агаангела“ (Зап. Импер. Русск. Арх. Общ. т. IX, стр. 192—195), даетъ другое толкованіе этому слову. По объясненію Н. Марра, „стак“ есть персидское слово, означающее „свѣжій побѣгъ, вѣтку, въ частности виноградную лозу, виноградникъ, а другое слово „рой“ — *رو* (это слово, впрочемъ, всегда употребляется въ грузинскомъ языкѣ въ формѣ *რუა*—руи, каковая форма тамъ же, въ рукописи обращенія Грузинъ въ христіанство, два раза повторяется въ видѣ *რუაბანი* и производнаго *ერუაბანი*). Марръ считаетъ такую форму вульгарною, хотя и существовавшею въ X вѣкѣ), происходитъ также отъ персидскаго „род“ или „рот“ и означаетъ рѣку, каналъ. Такимъ образомъ, благодаря грузинскому тексту нашей хроники, Н. Марръ мнимое географическое названіе ъротастакъ, въ Исторіи Агаангела, объяснилъ какъ „виноградникъ, орошаемый каналами“. Въ нашемъ же текстѣ „Настагиси“, или „Настакиси“, судя по этому объясненію, будетъ означать „мѣсто, бывшее подъ виноградникомъ“.

¹⁾ Картли—бывшій городъ и крѣпость въ нынѣшнемъ Армазскомъ ущельи, въ шести верстахъ къ югу-западу отъ Мцхеты, давшей названіе всей Грузинской странѣ. По словамъ К. Ц., съ тѣхъ поръ какъ царь Фарнавазъ поставилъ на горѣ, возвышающейся надъ ущельемъ, идолъ Армаза (или Ормузда Зороастровой религіи), Картли сталъ называться Армазомъ. Подъ послѣднимъ названіемъ онъ извѣстенъ и у классическихъ авторовъ, ибо въ Армазѣ грузинскихъ источниковъ нельзя не видѣть 'Αρμαζική Страбона, 'Αρμαζιχα Птоломея и 'Αρμαζις Плинія. Камень съ греческою надписью 75 года по Р. Х., найденный въ Мцхетѣ, тоже, по мнѣнію Ревье, упоминаетъ объ Армазѣ (Помяловскій. Сборникъ латинскихъ и греческихъ надписей Кавказа, стр. 68).

дѣніе Мцхету и, назначивъ ему границами Эрети, Эгрись-цкали, Сомхитію и Црольскую гору, ушелъ ¹⁾).

Царь Картли Аранъ въ К. Ц. неизвѣстенъ. По словамъ К. Ц., во время прихода Александра Македонскаго въ Грузію, въ Мцхетѣ сидѣлъ мамасакхлисъ (домовладыка) Самара (К. Ц. 29. Н. Г. 36). Этимъ К. Ц. подчеркиваетъ, что, до прихода Александра Македонскаго, въ Грузіи не существовало царской власти, а было родовое правленіе, и старшій въ родѣ назывался мамасакхлисомъ. Что касается до Азо, то объ немъ упоминается въ К. Ц., гдѣ онъ именуется Азономъ; но Азонъ считается грекомъ, сыномъ Паредоса, поставленнымъ Александромъ правителемъ или патрикомъ надъ Грузіею (К. Ц. 27. Н. Г. р. 34). Въ древней исторіи Грузіи царевича Теймураза, изданной профессоромъ Д. Чубиновымъ въ Петербургѣ въ 1844 году, стр. 110, приведена такая замѣтка: სრულად საქართველოს კათოლიკოსი არსები დიდი სწერს ზმანს ქედ არაბებსა. „Католикосъ всей Грузіи Арсеній Великій Азона пишетъ сыномъ Арианесса“.

¹⁾ Границы эти не указаны въ К. Ц. Она только упоминаетъ, что Азонъ покорилъ всѣ предѣлы Грузіи отъ рѣки Бердуджи до Сперскаго моря, присоединилъ къ Грузіи Эгриси (Мингрелію) и обложилъ данью осовъ, лековъ (лезгинъ) и хазаръ (К. Ц. 28. Н. Г. 34).

Эрети—часть Кахетин, или области по бассейнамъ рѣкъ Алазани и Юры. Область эта простиралась къ востоку до Кавказскихъ горъ, къ западу до р. Куры, къ сѣверу до озера Тхе-тба или Гулгулы, что выше Телава, къ югу до впаденія Алазани въ р. Куру. Здѣсь, въ промежуткѣ между слияніемъ Алазани и Юры, былъ городъ Эрети, впоследствии получившій названіе Хоранта. Городъ этотъ былъ разрушенъ при нашествіи арабовъ въ VII вѣкѣ. Послѣ раздѣленія Грузіи на три царства съ 1466 г., по словамъ царевича Вахушта, земли, входившія въ составъ Эрети, получили названіе—Гагма-мхари, Элисени, Шигнитъ-Кахети (внутренняя Кахетія), Кисики и Гаретъ-Кахети (внѣшняя Кахетія. Géographie de la Géorgie pp. 313, 331, 285).

Подъ Эгрись-цкали обыкновенно разумѣютъ р. Ингуръ, на которомъ лежалъ городъ Эгрись или Бедія.

Сомхитія иначе Армения. Границею между Арменией и Грузіей служила р. Дебеда или Бердуджи.

Црольская гора у Вахушта не упоминается. Я не нашелъ ея и въ другихъ грузинскихъ источникахъ. Она, какъ видно, составляла сѣверную границу Грузіи и, стало быть, должна была входить въ составъ Кавказскихъ горъ.

Между тѣмъ этотъ Азо отправился въ Картли, въ Арану, отцу своему, привелъ *оттуда* восемь домовъ и десять домовъ сородичей ¹⁾ *своихъ* и поселился въ старой Мцхетѣ, имѣя при себѣ богами идоловъ—Гацц и Ганмъ ²⁾.

¹⁾ Въ оригиналѣ მამა-მძუღებანი (мама-мдзудзетани). Мама-мдзудзе собственно значить отецъ-кормилецъ, затѣмъ воспитатель, дядька. Въ данномъ случаѣ слово это, по нашему мнѣнiю, означаетъ болѣе общее родство и нужно понимать въ смыслѣ домочадець, сородичъ.

²⁾ Царевичъ Теймуразъ въ цитованной нами уже книгѣ (стр. 111), ссылаясь предварительно на „Разсказъ католика Арсенiя Великаго“ (კათოლიკოსის არსენისა დიდისა მოხრობისაგან), даетъ намъ свѣдѣнiя, составляющiя вариантъ для этого мѣста нашей хроникки: არამედ კვლად წარვიდა აზონ მამისა თჳსისა მიმართ არიანნესა და მოიყვანა მუნით ათი სახლი ჩინებულთა და ათასი სახლი მდაბიონი და ყოველნი დედა-წულითურთ მათით მოვიდეს და დაეშენენ ქართლს (ესე აგი საქართველოსა შინა) და თანა ჰყვეს მთ კურანი მათნი ლუთად.... „Но Азонъ опять отправился къ отцу своему Арианнесу и привелъ оттуда десять домовъ знатныхъ и тысячу домовъ простыхъ (людей), всѣхъ со своими семействами. Они пришли и поселились въ Картли, т. е. въ Грузiю, и имѣли при себѣ богами идоловъ своихъ“... Историческiй трудъ католика Арсенiя, выписки изъ котораго имѣлъ въ своихъ рукахъ царевичъ Теймуразъ, какъ онъ объ этомъ самъ заявляетъ въ своемъ трудѣ (стр. 49, 83),—до сихъ поръ еще не разысканъ. Въ дальнѣйшемъ своемъ изложенiи объ Азонѣ Теймуразъ всецѣло слѣдуетъ Картлисъ-цховреба, и Арианнеса, отца Азона, считаетъ владѣтелемъ (მთავარი) македонскимъ, а не царемъ Картли. Поэтому нужно полагать, что, по мнѣнiю Теймураза, а можетъ-быть, и самого католика Арсенiя, Азонъ отправился въ Македонiю, къ отцу своему, и оттуда привелъ своихъ сородичей. Выраженiе нашей хроникки: „восемь домовъ и десять домовъ“, вмѣсто одного слова „восемнадцать“, заставляетъ думать, что тутъ пропущены опредѣленiя въ родѣ: „знатныхъ“ и „простыхъ“, какъ это мы видимъ въ вышеприведенной выпискѣ изъ труда Теймураза. Наша хроникка, по всему видно, представляетъ какъ бы извлечение изъ какого-то болѣе пространнаго, намъ неизвѣстнаго, историческаго труда, и конспективный характеръ ея даетъ себя чувствовать на каждомъ шагѣ.

По смыслу одного мѣста второй части нашей хроникки, старая Мцхета должна была находиться на правомъ берегу р. Куры тамъ, гдѣ ока-

1. И этотъ Азо, сынъ царя картвеловъ, былъ первымъ царемъ въ Мцхетѣ, и умеръ онъ.
2. Послѣ него царемъ сталъ Фарнавазъ ¹⁾. Онъ воз-

чивается скала, идущая отъ Армаза. Въ армянскомъ переводѣ В. Ц. (см. у Броссе *Chronique Arménienne* въ его *Addition*'ъ стр. 7). Мцхета считается предмѣстьемъ Саркине. По даннымъ нашей хроники, до прихода Александра Македонскаго въ Грузію, цари сидѣли въ Бартли или Армазѣ, и затѣмъ престолъ былъ перенесенъ въ Мцхету, но Армазъ все еще не утрачиваетъ своего значенія и даже играетъ первостепенную роль, потому что онъ все болѣе и болѣе укрѣпляется и украшается разными идолами послѣдующими царями, тогда какъ объ украшеніи и укрѣпленіи Мцхеты они и не думаютъ; по крайней мѣрѣ, мы объ этомъ не имѣемъ свѣдѣній въ нашей хроникѣ. Только при восьмомъ царѣ Братманѣ владется основаніе городу въ Мцхетѣ (значитъ, до того тамъ города не было) и оканчивается при девятомъ царѣ Мирсанѣ. По извѣстіямъ же К. Ц., Мцхета играетъ большую роль еще до пришествія въ Грузію Александра Македонскаго. Здѣсь сидятъ правители или мамасахлисы Грузіи, которые принимаютъ бунтурковъ, евреевъ и другихъ иноплеменниковъ, пришедшихъ въ Грузію, и отводятъ имъ мѣста въ окрестностяхъ Мцхеты, а затѣмъ, послѣ ухода Александра и убіенія ставленника его Азона Фарнавазомъ, первымъ царемъ Грузіи, въ Мцхетѣ учреждается резиденція грузинскихъ царей.

Относительно идоловъ Гаца и Гаима подробнѣе будетъ сказано ниже во второй части нашей хроники.

¹⁾ Картлисъ-цховреба Фарнаваза считаетъ потомкомъ легендарнаго Уплоса, сына Мцхетоса, первымъ царемъ Грузіи, племянникомъ Самары, который во время прихода въ Грузію Александра Македонскаго былъ мамасахлисомъ въ Мцхетѣ. Отецъ Фарнаваза и Самара были убиты Александромъ, а трехлѣтняго Фарнаваза мать его, испаганская персіянка, спасла бѣгствомъ въ горы. Возмущавъ, Фарнавазъ явился въ Грузію, вступилъ въ союзъ съ Куджи, правителемъ Кларджета, пригласилъ лековъ и осетинъ, убилъ въ битвѣ Азона и завладѣлъ всею Грузіей. Очитивъ Грузію отъ владычества грековъ, Фарнавазъ учредилъ восемь эриставствъ, окружилъ Мцхету крѣпкою стѣною, построилъ города и крѣпости, ввелъ алфавитъ и создалъ письменность грузинскую. Словомъ, этому царю приписывается въ Картлисъ-цховреба столько дѣлъ,

двигъ большой идолъ на выступѣ горы и далъ ему имя Армазъ; возвелъ стѣну со стороны рѣки, и называется это укрѣпленіе Армазомъ ¹⁾).

3. Послѣ него царемъ сталъ Саурмагъ ²⁾). Онъ воздвигъ на дорогѣ идолъ Айнину и сталъ строиться въ Армазѣ ³⁾).

4. Послѣ него царствовалъ Мирванъ ⁴⁾). Онъ воздвигъ впереди, надъ дорогою, идолъ Данину и достроилъ Армазъ ⁵⁾).

сколько хватило бы на многихъ царей (К. Ц. стр. 28—32. Списокъ царицы Маріи стр. 16—22. Н. Г. р. 36—43).

¹⁾ К. Ц.: „Этотъ Фарнавазъ въ честь своего имени сдѣлалъ большой идолъ, который есть Армазъ, въдъ и Фарнаваза по-персидски называли Армазомъ. Онъ воздвигъ этотъ идолъ на вершинѣ Картли, который съ тѣхъ поръ отъ этого идола сталъ называться Армазомъ. Съ большимъ торжествомъ обставилъ онъ воздвиженіе этого идола“ (К. Ц. стр. 32. М. 21. Н. Г.). Во второй части нашей хроникки Святая Нина подробно описываетъ названный идолъ.

²⁾ Этотъ Саурмагъ, по словамъ Картлисъ-цховреба, есть сынъ Фарнаваза.

³⁾ К. Ц.: „И сынъ Саурмагъ въ Мхетѣ царемъ; онъ еще болѣе увеличилъ крѣпости мхетскія и картлійскія (т. е. армазскія), сдѣлалъ два идола Айнину и Данану и поставилъ ихъ на дорогѣ въ Мхету“. Многие видятъ въ послѣднемъ идолѣ Діану латинскую (К. Ц. стр. 33. Н. Г. р. 44). Въ спискѣ Маріи (стр. 23) названіе послѣдняго идола Дана.

⁴⁾ По словамъ Картлисъ-цховреба, этотъ Мирванъ былъ Небротидъ, т. е. персъ, который былъ усыновленъ бездѣтнымъ Саурмагомъ. „Тогда, говоритъ Картлисъ-цховреба, Саурмагъ привелъ изъ Персіи потомка Неброта, родственника своей жены, сына сестры матери ея, и держалъ его у себя въ качествѣ сына; звали его Мирванъ“ (К. Ц. стр. 33. М. 23. Н. Г. 44).

⁵⁾ Мы уже видѣли выше, что К. Ц. этотъ идолъ называетъ Дананою и постановку его приписываетъ Саурмагу, а не Мирвану. О постройкахъ въ Армазѣ нѣтъ свѣдѣній въ Картлисъ-цховреба, но зато Мирвану приписывается лѣтописью сооруженіе Даріальскихъ воротъ: „И вступилъ Мирванъ, читаемъ въ Картлисъ-цховреба, въ Дурдзукетию,

5. И царствовал Фарнаджобъ ¹⁾. Онъ воздвигъ идолъ Заденъ на горѣ и выстроилъ *крѣпость* [Заденъ] ²⁾.

6. И царствовал Арс[акъ] ³⁾, который окружилъ городъ стѣнами ⁴⁾.

7. И царствовал Арикъ, который построилъ въ Армазѣ внутреннюю крѣпость (акрополь) ⁵⁾.

опустошилъ Дурдзукети и Чартали, сдѣлалъ ворота изъ камня на извести и назвалъ Дарубалъ“ (К. Ц. стр. 34. М. 24. Н. Г. р. 45—46).

¹⁾ По Карглись-цховреба, Фарнаджомъ, сынъ Мирвана.

²⁾ Последнее слово въ рукописи стерто и совершенно исчезло, но что здѣсь нужно подразумѣвать слово Заденъ, это видно изъ слѣдующаго мѣста Карглись-цховреба: „Этотъ (Фарнаджомъ) увеличилъ постройки городовъ и крѣпостей; онъ построилъ крѣпость Заденъ и сдѣлалъ идолъ по имени Заденъ“ (К. Ц. стр. 34. Н. Г. р. 44). Идолъ Заденъ стоялъ на горѣ того же имени, которая тянется по лѣвому берегу рѣки Арагвы, къ сѣверо-востоку отъ Мцхеты, на томъ мѣстѣ, гдѣ находится теперь Зедазенскій монастырь, построенный Иоанномъ Зедазинскимъ, однимъ изъ 13 сирскихъ отцовъ. Слово Заденъ отождествляютъ съ словомъ Юпитеръ безъ достаточныхъ, впрочемъ, по нашему мнѣнiю, оснований (Н. Г. 203, п. 2. Исторiя Грузии царевича Теймураза, стр. 120 прим.).

³⁾ Конецъ этого слова и слѣдующее въ рукописи попорчено. Ниже такое же слово приведено въ формѣ Арсукъ. Карглись-цховреба этого царя называетъ Аршакомъ. Арсакъ, Аршакъ и Арсукъ одно и то же. По словамъ лѣтописи, этотъ Аршакъ былъ сынъ армянскаго царя (Ардашеса), онъ былъ женатъ на дочери грузинскаго царя Мирвана. Его призвали на грузинскiй престолъ отложившіеся отъ Фарнаджома зриставы, такъ какъ Фарнаджомъ ввелъ въ Грузiю поклоненiе огню, т. е. вѣру отцовскую, и оставилъ вѣру материнскую (К. Ц. стр. 34—35. М. 25. Н. Г. р. 48).

⁴⁾ К. Ц.: „Этотъ (Аршакъ) покорилъ всю Грузiю и царствовалъ спокойно, умножилъ крѣпости грузинскiя и главнымъ образомъ укрѣпилъ стѣны города Цунды въ Джавахетин“ (К. Ц. стр. 35. М. 25—26. Н. Г. 48).

⁵⁾ Слѣдующiй за Аршакомъ царь въ Карглись-цховреба носитъ названiе Артага, имя котораго нельзя не сблизить съ Артокомъ (Ἀρθώκος, Arthoces, Ὀθωκος), известнымъ иностраннымъ писателямъ Аппiану, Флору и Диону Бассiю (Н. Г. р. 49. Ганъ. Извѣстiя древ-

8. И царствовалъ Братманъ, при которомъ въ Мцхетѣ положено было начало городу ¹⁾).

9. И царствовалъ Миреанъ, и онъ достроилъ городъ Мцхету ²⁾).

10. И царствовалъ Арсукъ, который завоевалъ Каспи и привелъ въ порядокъ Уплисъ-цихе ³⁾).

11. И царствовалъ Рокъ, который совершенно выдѣлилъ Мцхету, и царство раздѣлилось на двѣ части, сѣли два царя, *одинъ* по ту, а *другой* по сю сторону *рѣки Куры* ⁴⁾).

нихъ греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ, стр. 165, 172). По словамъ К. Ц., Артагъ былъ сынъ Аршака. О постройкѣ Артагомъ акрополя (дословно внутренней крѣпости) въ Армазѣ К. Ц. ничего не говоритъ, она только въ общемъ отзывается объ немъ, что онъ укрѣпилъ города и крѣпости (К. Ц. 36. М. 26. Н. Г. р. 49).

¹⁾ Въ К. Ц. имя этого царя приводится въ формѣ Бартомъ или Бартомъ, и онъ считается сыномъ Артага. О строительной дѣятельности его К. Ц. говоритъ: „Онъ (Бартомъ) увеличилъ укрѣпленія мцхетскія и всѣхъ крѣпостей Бартли“ (К. Ц. 36. М. 26. Н. Г. 49).

²⁾ Миреанъ или Мирванъ, по словамъ К. Ц., былъ сынъ Фарнаджома, воспитанный въ Персїи. О достройкѣ имъ Мцхеты въ К. Ц. нѣтъ извѣстій (К. Ц. 37. М. 26. Н. Г. 51).

³⁾ Арсукъ въ К. Ц. извѣстенъ въ формѣ Аршакъ, который считается сыномъ Мирвана. О завоеванїи Каспи этимъ царемъ К. Ц. ничего не говоритъ, а объ Уплисъ-цихе сообщаетъ, что Аршакъ прибавилъ къ укрѣпленїямъ Уплисъ-цихе (К. Ц. 38—39. М. 28. Н. Г. 51—3).

⁴⁾ Вмѣсто Рока, въ К. Ц. указывается Адеркъ, сынъ Бартома. Въ царствованїе Адерка, по словамъ К. Ц., имѣли мѣсто земная жизнь І. Христа, Его проповѣдь и смерть, а также проповѣдь апостола Андрея въ Грузїи. Въ нашей хроникѣ нѣтъ упоминанїя о проповѣди Андрея, а проповѣдь и смерть Христа указываются въ царствованїе Амазаера (объ немъ рѣчь будетъ ниже), а не Рока или Адерка. Раздѣленїе Грузїи на два царства К. Ц. относить къ Адерку, который всю страну раздѣлилъ между двумя своими сыновьями—Бартагомъ и Бартомомъ (К. Ц. 39—47. Н. Г. 53—64). Выраженїе нашей хроники „по сю сторону“ указываетъ на лѣвый берегъ р. Куры и страну на сѣверъ отъ этой рѣки; главнымъ городомъ этой части страны была Мцхета; выраженїе: „по ту сторону“

12. И царствовалъ въ Армазѣ Каррамъ, а въ Мцхетѣ Братманъ ¹⁾. Въ ихъ царствованіе пришли и поселились въ Мцхетѣ евреи ²⁾.

13. И царствовалъ по ту сторону Фарсманъ, а по сю сторону Каозъ ³⁾.

14. И царствовалъ по ту сторону Арсокъ, а по сю сторону Амазаеръ ⁴⁾.

15. И царствовалъ по ту сторону Амазаспъ, а по сю сторону Дерукъ ⁵⁾.

16. И царствовалъ по ту сторону Фарсманъ Доблестный, а по сю сторону Фарсманъ Авазъ (Барсъ) ⁶⁾.

17. И царствовалъ по ту сторону ⁷⁾ Рокъ, а по сю

имѣть въ виду правый берегъ Буры и страну къ югу отъ нея; столицею этой части служилъ Армазъ, прежній Картали. Кроме того, эти выраженія показываютъ, что наша хроника, или по крайней мѣрѣ ея первоисточникъ, должна быть написана въ Мцхетѣ.

¹⁾ Мы уже указали выше, что въ К. Ц. имена этихъ царей читаются въ формѣ Картаманъ и Бартоманъ.

²⁾ Относительно прихода евреевъ въ К. Ц. читаемъ: „Въ царствованіе этихъ царей (Картама и Бартома) Веспасіанъ, кесарь римскій, взялъ Иерусалимъ, и бѣжавшіе оттуда евреи явились въ Мцхету и поселились вмѣстѣ съ прежде пришедшими“ (К. Ц. 47. М. 31. Н. Г. р. 64).

³⁾ По К. Ц., тоже Фарсманъ и Каозъ, сыновья Бартома и Картама (К. Ц. 48. Н. Г. 64).

⁴⁾ По К. Ц., Азоркъ и Армазель, сыновья Фарсмана и Каоса (К. Ц. 48.—51. М. 32. Н. Г. 65—71).

⁵⁾ По К. Ц., Амазаспъ и Дерокъ, сыновья Азорка и Армазеля (К. Ц. 51. Н. Г. 71).

⁶⁾ По К. Ц., Фарсманъ Доблестный и Мирдатъ, сыновья Амазаса и Дерока (К. Ц. 52. Н. Г. 71). Итакъ, въ К. Ц. нѣтъ упоминанія о Фарсманѣ Авазѣ. Что касается до Мирдата, въ предлагаемой хроникѣ онъ указывается ниже.

⁷⁾ Въ грузинскомъ текстѣ ошибочно написано „по сю сторону“.

сторону Мирдаты. При послѣднемъ царская власть пресѣклась въ Армазѣ и сосредоточилась исключительно въ Мцхетѣ ¹⁾.

18. И царствовалъ Гадамъ двадцать дней ²⁾.

19. И—Фарсманъ ³⁾.

20. И—Амазаспъ ⁴⁾.

21. И—Ревъ Справедливый ⁵⁾.

22.—Ваче ⁶⁾.

23.—Бакуръ ⁷⁾.

24.—Мирдаты ⁸⁾.

25.—Асфагуръ ⁹⁾.

26.—Левъ, отецъ ¹⁰⁾

¹⁾ Въ К. Ц. царь Рокъ совсѣмъ не упоминается, а Мирдаты, какъ мы видѣли, указанъ въ предыдущемъ царствованіи вмѣсто Фарсмана Аваза. Такимъ образомъ, К. Ц. одну смѣну царей совершенно пропускаетъ и уничтоженіе двоецарствія относить ко времени предшествующихъ царей Фарсмана Доблестнаго и Мирдаты. Извѣстія объ этихъ событіяхъ довольно подробно изложены въ К. Ц. (К. Ц. 52—54. М. 37—40. Н. Г. 71—74).

²⁾ Дословно въ текстѣ сказано: „И царствовалъ Гадамъ и дней 20“. Въ К. Ц. этотъ царь носитъ имя Адама, считается сыномъ Фарсмана Доблестнаго и царствуетъ три года (К. Ц. 54. М. 40. Н. Г. 74).

³⁾ По К. Ц., тоже Фарсманъ, сынъ Адама. По словамъ К. Ц., Фарсману былъ всего годъ, когда умеръ его отецъ, а потому до его совершеннолѣтія престоломъ правила бабушка его по отцу, жена Фарсмана Доблестнаго, Дадана (въ спискахъ Маріи и Мингрельскаго—Гадана). (К. Ц. 54. М. 40. Н. Г. 74).

⁴⁾ По К. Ц., Амзаспъ, сынъ Фарсмана.

⁵⁾ По К. Ц., тоже Ревъ Справедливый, сынъ армянскаго царя.

⁶⁾ По К. Ц., тоже Ваче, сынъ Рева.

⁷⁾ По К. Ц., тоже Бакуръ, сынъ Ваче.

⁸⁾ По К. Ц., тоже Мирдаты, сынъ Бакура.

⁹⁾ По К. Ц., тоже Асфагуръ, сынъ Мирдаты (К. Ц. 56—57. М. 42—43. Н. Г. 77—79).

¹⁰⁾ Этотъ Левъ неизвѣстенъ ни въ К. Ц., ни въ другихъ грузинскихъ источникахъ.

27. Миреана ¹⁾.

Эти двадцать восемь (?) царей въ Картліи были язычниками ²⁾.

Во дни царя Константина, въ 310-мъ году послѣ Вознесенія Христова, враги отличались подвигами на войнѣ и сильно брали верхъ надъ царемъ Константиномъ, сыномъ Костая, и кесарь Константинъ былъ въ отчаяніи отъ горя ³⁾.

¹⁾ По Б. Ц., тоже Миреанъ или Миріанъ (и та другая форма одинаково употребляются въ Картлисъ-цховреба). Миреанъ, по словамъ Б. Ц., былъ сынъ не грузинскаго царя Льва, какъ сообщаетъ наша хроника, а царя персидскаго Касре Ардашира, Сасанида; Миреанъ былъ сынъ Касре однако не отъ законной жены, а отъ рабыни. По просьбѣ грузинъ, царь персидскій привезъ въ Грузію семилѣтняго своего сына, котораго по-персидски называли Михранъ, а по-грузински Миріанъ, женилъ его на дочери царя Асфагура Абушеръ и сдѣлалъ царемъ всей Грузіи. Въ этомъ приглашеніи большую роль игралъ спасеть грузинскій Манжанъ. Семилѣтнему своему сыну въ качествѣ воспитателя и регента Касре Ардаширъ оставилъ одного знатнаго перса, по имени Мирваноза (Б. Ц. 60—64. М. 44—49. Н. Г. 80—83).

²⁾ Счетъ, веденный въ самой хроникѣ числовыми буквами, указываетъ 27 царей послѣ прихода въ Грузію Александра Македонскаго. Въ итогѣ приводится число 28 потому, вѣроятно, что составитель хроники имѣетъ въ виду и Арана, царя Картли (впослѣдствіи Армаза), сына котораго Александръ сдѣлалъ первымъ михетскимъ царемъ. Во второй части нашей хроники, или въ Житіи св. Нины сохранилось завѣщаніе Миреана, въ которомъ онъ считаетъ себя 36-ымъ царемъ Грузіи. Судя поэтому, до Арана, или прихода Александра Македонскаго, въ Грузіи было еще восемь царей, имена которыхъ не сохранились.

³⁾ Выраженіе: „послѣ Вознесенія Христова“ часто употребляется въ грузинскихъ источникахъ вмѣсто выраженія: „послѣ Рождества Христова“. Кто такіе были враги Константина, наша хроника не указываетъ, но нужно полагать, что рѣчь идетъ о Максенціи и его борьбѣ съ Константиномъ. Между тѣмъ Б. Ц. считаетъ нужнымъ отнести эти событія къ войнѣ Миреана и персидскаго царя противъ Константина. По словамъ Б. Ц., когда въ Персіи воцарился сынъ Бартама, племянникъ Миреана, то персидскій царь пригласилъ Миреана къ совмѣстной войнѣ.

Тогда былъ нѣкій человекъ изъ Эфеса, и изложилъ онъ передъ царемъ, что римскіе и всѣ индійскіе христіане, и всякій, имѣющій новую религію Св. Христа, дровомъ креста и упованіемъ на него сильно побѣждаютъ враговъ.

Тогда царь двинулся со своими легіонами и послалъ привести епископовъ изъ Іерусалима, Антиохіи, Рима и Александріи, и приняли крещеніе самъ государь со своимъ станомъ и мать его ¹⁾.

Спустя десять лѣтъ послѣ этого, Елена отправилась въ Іерусалимъ искать Честный Крестъ ²⁾, а четырнадцать лѣтъ

противъ грековъ. Миріанъ согласился, и цари съ войскомъ прошли Арменію и вступили въ предѣлы Греціи. „А греческій царь Константинъ, продолжаетъ К. Ц., не могъ устоять противъ нихъ и впалъ въ большое горе, между тѣмъ враги начали опустошать Грецію. Тогда служители Божіи убѣждали царя Константина, и сказали ему: „Взгляни на чудеса Христа и на побѣды вѣрующихъ въ Него, ибо всѣ вѣрующіе во Христа подъ знаменемъ креста побѣждаютъ враговъ своихъ“. И царь Константинъ повѣрилъ имъ, какъ это ясно написано въ лѣтописи грековъ, принялъ крещеніе, приказалъ нести впереди изображеніе креста и съ небольшимъ войскомъ вступилъ въ битву съ безчисленнымъ полчищемъ персовъ, снялъ станъ ихъ и истребилъ большую часть враговъ“. Затѣмъ, по увѣренію К. Ц., Константинъ заключилъ миръ съ царемъ грузинскимъ Миріаномъ и взялъ въ заложники сына Миріана, Бакара (К. Ц. 63—64. М. 53—54. Н. Г. 88—89).

¹⁾ Известно, что Константинъ принялъ крещеніе только предъ своею смертію въ 337 году, но грузинскіе источники, послѣ побѣды Константина надъ Максенціемъ (312 г.) и объявленія имъ свободного исповѣданія христіанства въ Миланѣ (313 г.), считаютъ его христіаниномъ. По нашей хроникѣ выходитъ, что Константинъ принялъ крещеніе въ 310 году, но во второй части, какъ увидимъ, то же самое событіе отнесено къ 311 году. Подробностей этихъ двухъ параграфовъ, какъ мы видѣли изъ предыдущаго примѣчанія, въ К. Ц. нѣтъ.

²⁾ Значить, въ 320 году, если обращеніе Константина въ христіанство отнести къ 310 году. Честный Крестъ былъ найденъ Еленою, по вычисленіямъ Лебо, въ 326 г., а по вычисленіямъ Флерк, въ 327 г. (Н. Г. р. 120. п. 4).

спустя ¹⁾, бѣжала по какой-то причинѣ со своей кормилицей нѣкая женщина изъ царскаго рода ²⁾, по имени Рипсима.

А съ нею вмѣстѣ была одна прекрасная плѣнница, женщина по имени Нино, дѣла которой разслѣдовала царица Елена: она была владѣтельница римлянка, сама пустилась въ свое путешествіе и, совершая исцѣленія, достигла Греціи, и настаивала владѣтельница Рипсима.

Отправившись моремъ, Рипсима, Гаіане и Нино и съ ними нѣкоторыя другія жены вступили въ предѣлы Арменіи, мѣстопребываніе царя Трдата, и приняли тамъ мученическій вѣнецъ ³⁾. Осталась только Нино; и пошла она по

¹⁾ Значить, въ 324 году. Во второй части нашей хроникки мы увидимъ, что то же самое событіе отнесено къ 319 году.

²⁾ Въ данномъ мѣстѣ въ грузинскомъ текстѣ написано: ღუჳუა ჯუ-ჯუგო— „мепета евадаги“, а во второй части нашей хроникки, или въ Житіи св. Нины, написано: ღუჳუა ჯუჯ ჯუგო— „мепата вадаги“. Первое слово этихъ выраженій представляетъ родительный падежъ множественнаго числа отъ слова царь, и, стало быть, означаетъ „царей“. Значеніе второго слова неизвѣстно, къ тому же оно въ одномъ и томъ же источникѣ приводится подъ двумя формами, какъ видѣли, „евадаги“ и „вадаги“. Въ К. Ц. и въ другихъ вариантахъ Житія св. Нины этихъ словъ нѣтъ совсѣмъ, а вмѣсто нихъ сказано: ბაჳბაჳო ჯუ ჭუბო ღუჳუა — „родственница и потомокъ царей“. Очевидно, въ текстахъ К. Ц. и въ другихъ редакціяхъ Житія св. Нины мѣсто это подновлено, и слово „евадаги“ или „вадаги“ объяснено словомъ родъ, потомокъ (ჭუბო). Пока значеніе этого слова не будетъ разъяснено специалистами, намъ приходится держаться смысла Карглись-цховреба.

³⁾ Изъ второй части нашей хроникки мы узнаемъ, что это событіе случилось 30-го числа перваго мѣсяца, въ пятницу, въ 319 году послѣ Вознесенія Христова. Но мы должны замѣтить, что хронологическія данныя второй части нашей хроникки не согласны съ хронологическими данными первой части. Точкою отправленія хронологическихъ данныхъ первой части служить, какъ мы видѣли, обращеніе царя Константина въ христіанство, которое здѣсь отнесено къ 310 году. Поэтому въ своихъ вычисленіяхъ годовъ первой части хроникки мы держимся

направленію сѣверныхъ горъ и пришла къ рѣкѣ Курѣ; слѣдую по ея теченію, она прибыла въ Мцхету, городъ большой, резиденцію царей, и провела тамъ три года такимъ образомъ: молилась тайно на одномъ мѣстѣ, покрытомъ кустами ежевики; сдѣлала изображеніе креста изъ обрѣзковъ виноградныхъ лозъ; поставила ея на томъ мѣстѣ и молилась, а мѣсто то, *поросшее* кустами ежевики, было внѣ стѣнъ города. Оно нынѣ занято алтаремъ Верхней церкви ¹⁾.

На четвертомъ году *послѣ своего прихода въ Картлію*, Нино стала проповѣдывать Христа Бога и вѣру, говоря, что она „нашла въ заблужденіи эту полуночную страну“. На шестомъ году она обратила въ вѣру жену царя Нану [во время какой-то ея болѣзни] ²⁾, а на седьмомъ году чудомъ, явленнымъ отъ Христа, обратила царя ³⁾. Царь же скоро выстроилъ цер-

этого указанія, принимая выраженіе: „послѣ Вознесенія Христова“ равнозначущимъ выраженію: „послѣ Рождества Христова“. Исходя изъ этихъ соображеній, мученичество Рипсиме и ея спутницъ не можетъ быть отнесено ранѣе 324 года, ибо онѣ въ этомъ году бѣжали изъ Греціи, какъ это мы видѣли выше.

¹⁾ Верхнею церковью называется теперешній женскій монастырь въ Мцхетѣ, болѣе извѣстный подъ названіемъ Самтавро. На мѣстѣ, гдѣ, по преданію, въ кустахъ ежевики жила и молилась Нино, теперь стоитъ небольшая часовня, вся расписанная сценами изъ жизни ея. Она недавно расширена довольно длинною пристройкою, для которой часовня служитъ алтаремъ.

²⁾ Слова, заключенныя здѣсь въ прямыхъ скобкахъ, въ оригиналѣ вѣсколько попорчены.

³⁾ Слѣдуя хронологическимъ указаніямъ этой части хроники, приходъ Нины въ Картлію мы должны отнести, за неизмѣненіемъ другихъ указаній, къ 324 году, т. е. къ тому году, когда Нино вѣсть съ Рипсиме и Гагане бѣжали изъ Греціи и когда послѣднія были замучены въ Арменіи. На этомъ основаніи обращеніе въ вѣру царицы Наны должно быть отнесено къ 330 году, а царя Миріана къ 331 г.

ковъ въ Нижнемъ саду ¹⁾, а Столбъ тотъ, который самъ установился, былъ изъ дерева ²⁾.

Какъ только выстроили церковь, Миреанъ отправилъ пословъ и письмо Нины въ Грецію, къ царю Константину, просить священниковъ. Послы же скоро доѣхали ³⁾.

И царь Константинъ далъ епископа Іоанна, двухъ священниковъ, одного дьякона и письмо царицы Елены, икону Спасителя и древо жизни для Нины ⁴⁾.

И какъ только послѣдніе вернулись, царь Миреанъ и царица и весь домъ ихъ приняли крещеніе. Выпросили дерево, чтобы

¹⁾ Нижній садъ находился тамъ, гдѣ теперь главный Мичетскій храмъ. Здѣсь сначала Миріаномъ была построена деревянная церковь, которая по своему положенію получила названіе Нижней церкви, въ отличіе отъ Верхней или Самтавро.

²⁾ Рѣчь идетъ о Животворящемъ Столбѣ, отъ котораго Нижняя церковь получила названіе „Свети-Цховели“, т. е. Животворящаго Столба.

³⁾ Въ К. Ц. это мѣсто изложено такъ: „На другой день царь Миріанъ отправилъ пословъ въ Грецію, къ царю Константину, съ письмомъ Нины къ царицѣ Еленѣ. Послы извѣстили ихъ (царя и царицу) обо всѣхъ этихъ чудесахъ Христовыхъ, которыя имѣли мѣсто въ Мичетѣ надъ царемъ Миріаномъ, и просили поскорѣ прислать священниковъ для крещенія. Между тѣмъ святая Нина и ея ученики днемъ и ночью проповѣдывали среди народа безостановочно и указывали истинный путь къ царствію небесному“ (К. Ц. 88. М. 92. Н. Г. 115).

⁴⁾ Въ К. Ц. читаемъ: „Прислали истиннаго священнослужителя, епископа Іоанна, а съ нимъ вмѣстѣ двухъ священниковъ и трехъ дьяконовъ. Царь Константинъ написалъ Миріану письмо, исполненное молитвы, Божьяго благословенія и благодарности, и далъ крестъ и икону Спаса, а царица Елена прислала письмо похвалы и утѣшенія“ (К. Ц. 91. М. 97. Н. Г. 118). Имена священниковъ и дьякона здѣсь, въ нашемъ текстѣ, не указаны, но изъ дальнѣйшаго разсказа мы узнаемъ, что одного изъ присланныхъ священниковъ звали Яковомъ, а дьякона Просилою. Во второй части нашей хроники Просила названъ архидьякономъ.

сдѣлать крестъ ¹⁾... [Тогда царь Мирианъ отправилъ епископа Іоанна и съ нимъ вмѣстѣ одного вельможу къ царю Константину и просилъ у него часть животворящаго древа, которое не задолго передъ тѣмъ было найдено благочестивою служительницею Бога, царицею Еленою. Онъ просилъ *также* большое число священниковъ, чтобы послать ихъ во всѣ города и мѣста для крещенія народа, чтобы всякъ, живущій въ Картліи, поскорѣе принялъ крещеніе. Онъ просилъ, *кромя того*, архитекторовъ для постройки каменныхъ церквей. Когда послы предстали предъ кесаремъ Константиномъ, онъ съ радостью далъ имъ часть животворящаго древа, доски, на которыхъ были прибиты ноги Спасителя, и гвозди отъ рукъ Его. Онъ прислалъ *также* очень много священниковъ и архитекторовъ,—ибо царь Константинъ во время своего царствованія самъ выстроилъ церковь, храмъ святой,—и далъ епископу Іоанну большое богатство, и приказалъ ему: „Выстрой въ Картліи, гдѣ нужно будетъ, церкви въ честь моего имени, и это богатое сокровище утверди въ предѣлахъ Грузіи“. Епископъ и съ нимъ вмѣстѣ посолье направились обратно и, когда прибыли въ страну, которая называется Эрүшети, оставили тамъ мастеровъ съ деньгами для постройки церкви, а также и гвозди Спасите-

¹⁾ Здѣсь въ оригиналѣ недостаетъ одного листа. Судя по К. Ц. и принимая во вниманіе характеръ первой части нашей хроники, гдѣ очень кратко и почти вскользь упоминается о тѣхъ событіяхъ, о которыхъ пространно рассказывается въ К. Ц. и во второй части самой хроники, нужно полагать, что на пропавшемъ листѣ были приведены краткія свѣдѣнія о воздвиженіи Честнаго Креста (К. Ц. 93—97. М. 100—106. Н. Г. 122—125) и кратко излагалась исторія второго посольства Мириана въ Грецію. Последняя исторія нами добавлена здѣсь изъ К. Ц. и заключена въ прямыхъ скобкахъ (К. Ц. 92—93. М. 98—100. Н. Г. 120—122). Конецъ этого прибавленія и начало текста нашей хроники вслѣдъ за пропавшимъ листомъ совпадаютъ вполне, и второе составляетъ продолженіе перваго безъ всякихъ пропусковъ.

ля. Оттуда они прибыли въ Манглиць, гдѣ начали строить церковь, и оставили тамъ доски Спасителя. Тогда царь Мирианъ былъ опечаленъ тѣмъ, что послы не явились прежде всего въ столичный городъ, а начали строить церкви и оставили святыни въ другихъ городахъ и мѣстахъ. Но св. Нино пришла къ нему и сказала: „Не печалься, царь, ибо такъ и надлежитъ, чтобы они сѣяли, куда бы ни пришли, имя Бога, а въ этомъ городѣ и безъ того имѣется чудная одежда Спасителя“.

Тогда царь призывалъ Авиатара и вмѣстѣ съ нимъ многихъ евреевъ и распросилъ ихъ о хитонѣ; и они рассказали все, что было изложено ¹⁾. И царь Мирианъ воздѣлъ свои руки вверхъ и сказалъ: „Благословенъ еси, Господи Іисусе Христе, Сынъ Бога Живаго, ибо Ты изначала] желалъ нашего спасенія и освобожденія нашего отъ дьявола, и отъ мѣста того темнаго, когда одежду Твою прислалъ черезъ евреевъ изъ священнаго града Іерусалима въ сей городъ иноплемennыхъ народовъ, ибо отцы наши царствовали въ этомъ городѣ во времени Распятія Твоего“.

И царь и вся Картлія преуспѣвали въ христіанствѣ очень быстро.

Тогда блаженная та женщина Нино сказала: „Благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа, Который съ высоты небесъ и державнаго престола Своего ниспослалъ міру Святое Свое Слово, Которому надлежало родиться во плоти отъ сѣмени Давида, отъ Дѣвы едиnorodной, святой и непорочной, Которое явило въ ней свое благоволеніе; и по этой причинѣ *Христосъ* создалъ спасеніе наше и просвѣтилъ всѣхъ сущихъ подъ небесами, наипаче даровавъ вѣчную жизнь увѣровавшимъ въ Него, ибо Онъ родился, какъ человекъ, былъ

¹⁾ Сказаніе о хитонѣ Господнемъ предшествуетъ въ К. Ц. данному разсказу (К. Ц. 79—86. М. 78—89. Н. Г. 106—113).

почитаемъ, какъ Богъ, крестился водою и землею, какъ простой служитель вѣры; только по вышней волѣ Бога Отца и Духа Святаго былъ замученъ и возвеличился, былъ распятъ, погребенъ и воскресъ, вознесся на высоту Отца Своего и придетъ со славою; Ему же подобаетъ похвала и аминь ¹⁾.”

Сказавъ это, Нино взяла съ собою священника Якова, пришедшаго изъ Греціи, и одного эристава; отправилась и остановилась въ Цобенѣ и, призвавъ мтеульцевъ (горцевъ), тчарталійцевъ, пховельцевъ и цилванцевъ, проповѣдала имъ религію Христа, но тѣ отринули ее. И эриставъ пустилъ немного въ ходъ оружіе, и они со страху выдали на сокрушеніе своихъ идоловъ. И Нино перешла въ Эрцо и остановилась въ Жалетѣ, мѣстечкѣ Эдемъ, и просвѣтила эрцо-тіонетцевъ; а кварельцы, услыхавъ объ этомъ, перешли въ Топетію; тѣхъ, которыхъ нашли впослѣдствіи, привелъ царь Трдатъ и крестилъ ²⁾.

¹⁾ Весь этотъ разсказъ почти слово въ слово повторяется въ К. Ц. (стр. 93. М. 100. Н. Г. 121—122).

²⁾ Въ К. Ц. сказано: „И отправились св. Нино и епископъ Іоаннъ, и вмѣстѣ съ ними царь отправилъ одного эристава. Они пришли и остановились въ Цорбанѣ, позвали мтеульцевъ (горцевъ), звѣроподобныхъ людей, чарталійцевъ, пховельцевъ, гудамакарцевъ и проповѣдали имъ о честномъ крестѣ Христовомъ, ведущемъ къ вѣчной жизни, но тѣ не захотѣли принять крещеніе. Тогда эриставъ царскій пустилъ въ ходъ немного оружіе и силою сокрушилъ идоловъ ихъ. Оттуда они пришли и остановились въ Жалетѣ, проповѣдали эрцо-тіонетцамъ, которые вняли имъ, и приняли крещеніе. Между тѣмъ пховельцы оставили свою страну и переехали въ Тупетію. Большая часть другихъ мтеульцевъ тоже не обратилась въ христіанство. Такъ какъ они не захотѣли креститься, царь увеличилъ имъ подать. Поэтому и они впали въ заблужденіе и ушли. Впослѣдствіи нѣкоторыхъ изъ нихъ обратилъ въ христіанство Абибось, епископъ некресскій, а нѣкоторые остались идолопоклонниками и понынѣ“ (К. Ц. 98. М. 107. Н. Г. 126—127). Всѣ народности, перечисленныя въ этомъ параграфѣ, принадлежать глав-

И Нино вступила въ Кхоетию, остановилась въ Кацаретѣ, крестила кхоетинцевъ и соджновъ (?) съ ихъ народомъ; перешла въ Кахетию, остановилась въ мѣстечкѣ Кцелъ и, пригласивъ знатныхъ людей, крестила ихъ ¹⁾.

нымъ образомъ жителямъ Арагвскаго ущелья и рѣчекъ, составляющихъ систему этой рѣки. Кварельцы, жители кахетинскаго селенія, въ долинѣ Алазани, помѣщены здѣсь, вѣроятно, по ошибкѣ, ибо, по К. Ц., не они переехали въ Тушетію, а пховельцы. Пховельцы—старинное названіе пшавовъ. Мтеульцами, или мтіульцами, въ собственномъ смыслѣ, называются грузины-горцы, живущіе въ количествѣ 2.324 души въ высочайшихъ долинахъ къ юго-западу отъ Казбека, по Мтіулинской Арагвѣ, одной изъ составныхъ частей настоящей Арагвы. Въ болѣе широкомъ смыслѣ мтіульцами (отъ слова мта—гора) называютъ всѣхъ горскихъ грузинъ, хевсуръ, пшавовъ, тушинъ и другихъ. Тцарталійцы жили въ ущельи Тцарталіс-хеви, притока Арагвы, выше Анапура, а гудамакарцы по ущелью Гудамакарис-хеви, или Гудамакарской Арагвы, другой составной части настоящей Арагвы. Эрцо-тіонетцы—жители равнинъ Эрцойской и Тіонетской. Цобанъ или Цорбанъ намъ неизвѣстенъ. Онъ не можетъ быть Цорбиси географа Вахушта, на р. Дванис-хеви, притокъ Куры. Мѣстечко Эдемъ изъ другихъ источниковъ неизвѣстно, а Жалети находилось на р. Іоръ, выше впаденія въ нее Эрцос-хеви (см. Description géographique de la Géorgie par Wakhoucht, pp. 221, 223, 261, 295). Обращеніе въ христіанство горцевъ-грузинъ, не принявшихъ ученіе Христа отъ св. Нины, К. Ц. приписываетъ Абибасу, некресскому епископу изъ сирскихъ отцовъ, а наша хроника царю Трдату, который, по этой хроникѣ, былъ внукомъ Миріана, второй царь послѣ него. Форма „Тошетія“, вмѣсто „Тушетія“, объясняется пропускомъ одной изъ составныхъ частей звука „у“, который въ грузинскомъ алфавитѣ асонтаврули всегда выражался двумя гласными „оу“. Такого рода пропуски, безъ обозначенія пропущенной гласной титломъ, въ текстѣ нашей хроники попадаются довольно часто. Этимъ я объясняю приведенныя ниже формы: Кхоетія, кхоетинцы, вмѣсто Кухетія, кухетинцы, при чемъ въ данномъ случаѣ, вромѣ пропуска „у“, произошла еще перестановка буквы „о“.

¹⁾ Кацареты—село въ долинѣ Іоры, недалеко отъ Мухравана. Соджини, какъ народъ, неизвѣстны ни въ К. Ц., ни въ другихъ грузинскихъ

И заболѣла Нино и направилась обратно въ Мцхету. Какъ только она прибыла въ Кхоетию, въ мѣстечко, которое называется Бодина, она уже не въ состоянii была продолжать путь ¹⁾).

Изъ города Уджармы прибыли *тогда* Ревъ, сынъ царя, Саломе, жена Рева, и дочь царя, и стали ухаживать за ней. А царь и жена его Нана прислали изъ Мцхеты архіепископа Іоанна, чтобы навѣстить и взять *Нину*, но она не захотѣла *этого*, а только поручила архіепископу священника Якова, сказавъ: „Пусть послѣ тебя онъ править церковью“ ²⁾).

источникахъ. Я полагаю, что тутъ, вмѣсто соджни, должно стоять Суджи. Суджи—ими кахетинской царицы, которая, по извѣстіямъ нѣкоторыхъ вариантовъ Житія святой Нины, царствовала тогда въ Кахетii и была обращена въ христіанство святою Ниною съ ея народомъ и вельможами (см. Житія грузинскихъ святыхъ, рукопись Церковнаго древлехранилища при Сіонскомъ соборѣ, въ Тифлисѣ, № 170, стр. 358. Тамъ же рукопись Іоанна Крестительской пустыни, № 130, стр. 586. Сабанинъ, Рай Грузii на грузинскомъ языкѣ, стр. 149). Поэтому интересующее насъ мѣсто нашей хроникѣ должно быть изложено такъ: „крестила кхоетницею и *царицу* Суджи съ ея народомъ“. Мѣстечко Кцель у Вахушта не упоминается. Въ указанныхъ нами выше Житіяхъ св. Нины, вмѣсто „Кцель“, приведена форма Куэль (კუელ). Въ К. Ц. свѣдѣній разбираемаго нами параграфа не имѣется.

¹⁾ Въ К. Ц. сказано: „Святая Нино собралась отправиться въ Ранъ, чтобы обратить въ христіанство Фероза. Приблизившись къ Кухетii, она остановилась на нѣсколько дней въ мѣстечкѣ Будѣ (въ спискѣ Марii—Бодѣ). Народъ толпою приходилъ къ ней изъ Кахетii и, осѣдомившись, принималъ ученіе ея. Тогда она заболѣла тамъ“ (К. Ц. 98. М. 107. Н. G. 127).

²⁾ Въ К. Ц. сказано: „Какъ только узнали объ ея болѣзни Ревъ, сынъ царя, и Саломе, жена его, которые жили въ Уджармѣ, прибыли къ Нинѣ и дали знать царю и царицѣ. Послѣдніе же послали епископа Іоанна, чтобы взять ее, но св. Нино не захотѣла этого. Тогда отъправилась и пришли къ ней самъ царь и народъ толпою“. Далѣе въ этомъ мѣстѣ К. Ц. приводится рассказъ о томъ, какъ ок-

Передъ архіепископомъ Нино передала Якову письмо, присланное ей царицею Еленою, которое та написала Нинѣ, какъ царигцѣ, величая ее апостоломъ и евангелистомъ, а древо жизни та прислала для царицы Наны ¹⁾).

Іоаннъ отслужилъ обѣдню и приобщилъ Нину къ плоти и крови Христа. Нино взяла причастіе, какъ путевую пищу души, и передала свою душу въ руки Божіи на пятнадцатомъ году послѣ прихода своего въ Картлію, отъ Вознесенія Христова въ 338 году, отъ сотворенія міра въ 5838 г. ²⁾).

Тогда, по причинѣ ея преставленія, пришли въ движеніе эти два города—Мцхета и Уджарма, и вся Картлія; явились и похоронили побѣдоносное тѣло ея въ томъ же мѣстѣ Будѣ, селеніи кхоетскомъ ³⁾).

ружающіе просили Нину рассказать свою біографію для назиданія потомства и какъ Нино согласилась на это, а Саломе уджармійская и Перожавра сивніетская стали записывать съ ея словъ жизнь и дѣянія просвѣтительницы Грузіи (К. Ц. 98—99. Н. Г. 127—128). Рассказъ этотъ вмѣстѣ и въ нашей хроникѣ, но только не здѣсь, а во второй части. Заключительныя слова вышеуказаннаго параграфа въ К. Ц. изложены такъ: „И поручила царю священника Якова, чтобы послѣ Іоанна тотъ былъ епископомъ“ (К. Ц. 99. М. 107—108. Н. Г. 128).

¹⁾ Объ этомъ письмѣ и дрѣвѣ жизни въ К. Ц., въ данномъ мѣстѣ, не имѣется свѣдѣній.

²⁾ Въ К. Ц. читаемъ: „Тогда епископъ Іоаннъ отслужилъ обѣдню, приобщилъ Нину къ плоти и крови Христа, и она поручила душу свою Царю Небесному на четырнадцатомъ году послѣ своего прихода въ Картлію, отъ Вознесенія Христова въ 338 году, а отъ сотворенія міра въ 5838 году“ (К. Ц. 99. М. 109. Н. Г. 128). Хронологическія данныя К. Ц. болѣе согласны между собою, чѣмъ данныя нашей хроники. Въ самомъ дѣлѣ, 5838 годъ отъ сотворенія міра соотвѣтствуетъ 338 году послѣ Р. Х., если отъ сотворенія міра до Р. Х. считать 5500 л. Четырнадцать лѣтъ послѣ прихода въ Грузію Нины тоже будутъ соотвѣтствовать 338 г. по Р. Х., потому что приходъ Нины въ Грузію, какъ мы выше видѣли, по смыслу нашей хроники, относится къ 324 году.

³⁾ Въ К. Ц. читаемъ то же самое: „Тогда по причинѣ ея кончи-

Царь Миреанъ и весь народъ вернулись обратно, ибо строили Верхнюю церковь изъ камня, и окончили ее на четвертомъ году ¹⁾).

Умеръ царь Миреанъ и былъ похороненъ къ сѣверу отъ южной стороны средняго столба, а въ столбѣ этомъ имѣется часть Животворящаго Столба. Въ слѣдующемъ году скончалась жена его Нана и была похоронена къ западу отъ того же столба, гдѣ былъ похороненъ царь Миреанъ ²⁾).

ны заволновались эти два города — Мцхета и Уджарма, и вся Картлія; пришли и похоронили побѣдоносное тѣло ея въ мѣстности эретской (въ сликѣ царицы Маріи: кухетской), въ мѣстечкѣ Бодѣ, ибо, по Божьему указанію, она сама просила царя, чтобы ее тамъ похоронили“ (К. Ц. 99. М. 109. Н. Г. 129—130). Далѣе въ К. Ц. приведенъ рассказъ о высылкѣ царемъ Константиномъ въ Грузію Бакара, сына Миріана, который былъ заложникомъ у него, и о присылкѣ любезнаго письма Миріану. Уджарма—бывшій городъ и крѣпость недалеко отъ берега Іоры, теперь село и почтовая станція на дорогѣ къ Телаву. Въ текстѣ нашей хроники названіе ея всегда приводится въ формѣ Ужарма, Боди, Буди и Бодини различныя транскрипціи теперешняго названія Бодбе, монастыря и мѣста погребенія святой Нины, недалеко отъ города Сигнаха. Мы уже говорили, что Кхоетія приведена въ нашей хроникѣ, вмѣсто формы Кухетія. Кухетія составляла, по Вахушту, часть Кахетіи въ границахъ: съ В. и С. Кахетинскія горы, съ З. рѣки Кура и Арагва, съ Ю. граница Эретіи, или прямая линія отъ Хунана до озера Гулгулы. „Теперь эти земли, продолжаетъ Вахуштъ, носятъ названіе Тіонети, Сагурамо, Грдани (Глдани), Марткопи, Лило, Дидубе, Самъ-гори, Чадивари, Оманисьхеви, Карагаджъ, Нагеби и Карая“ (Description géographique de la Géorgie, p. 283—285).

¹⁾ Въ К. Ц. сказано: „Тогда царь Миріанъ окончилъ епископскую церковь и съ большими почестями отпраздновалъ ея освященіе“ (К. Ц. 100. М. 110. Н. Г. 130). Съ тѣхъ поръ какъ въ Верхней церкви стали сидѣть епископы или, скорѣе, архіепископы карталіискіе, она получила названіе Самтавро, т. е. архіепископской, въ отличіе отъ Нижней церкви, или католикосской, гдѣ сидѣли католикосы Грузіи. Называя Верхнюю церковь епископскою, К. Ц. вводитъ названіе, появившееся гораздо позже.

²⁾ К. Ц.: «И умеръ царь Миріанъ и былъ похороненъ въ Верх-

Царемъ сѣлъ Бакуръ, сынъ Рева ¹⁾). Умеръ епископъ Иоаннъ, и архіепископомъ сѣлъ упомянутый священникъ Яковъ, оттуда же, *изъ Греціи*, пришедшій.

Двадцать три года спустя послѣ воздвиженія Честнаго Креста, Ревъ сдѣлалъ склепъ и приготовилъ себѣ могилу въ Нижней церкви.

Умеръ Ревъ и былъ похороненъ вмѣстѣ съ женою ²⁾). Спустя десять лѣтъ послѣ этого, названный Бакуръ сталъ строить Цилванскую церковь и окончилъ ее черезъ тридцать пять лѣтъ. Умеръ Бакуръ и былъ похороненъ въ Нижней церкви ³⁾):

ней церкви, съ южной стороны отъ средняго Столба, а въ столбѣ этомъ иѣется часть Богомъ воздвиженнаго Столба. Въ слѣдующемъ же году умерла царица Нана и была похоронена къ западу отъ того же столба, гдѣ былъ похороненъ царь Миріанъ“ (К. Ц. 101. М. 111—112. Н. Г. 132).

¹⁾ По К. Ц., Бакаръ или Бакаръ, сынъ Миріана, а не Рева. Мы уже говорили, что этотъ Бакаръ, по К. Ц., былъ заложникомъ у греческаго царя Константина, который потомъ вернулъ его обратно въ Грузію.

²⁾ Въ К. Ц. смерть Рева упоминается раньше смерти Миріана, и затѣмъ прибавлено: „Въ томъ же году заболѣлъ царь Миріанъ, который и умеръ“. О смерти Рева въ К. Ц. сказано слѣдующее: „На двадцать пятомъ году отъ обращенія Миріана въ христіанство умеръ сынъ его Ревъ, зять Трдата, царя армянскаго. Онъ еще при жизни своего отца получилъ отъ него царскую власть. Похоронили Рева въ склепѣ, который имъ же самимъ, Ревомъ, былъ сдѣланъ“ (К. Ц. 100. М. 110. Н. Г. 131).

³⁾ Въ К. Ц. читаемъ: „Этотъ (Бакаръ) построилъ Цилванскую церковь, умеръ и былъ похороненъ рядомъ съ отцомъ (по спискамъ царицы Маріи и Теймураза, рядомъ съ братомъ) своимъ“. Нужно полагать, что вѣрнѣе первый вариантъ, который, согласно нашей хроникѣ, Бакара считаетъ сыномъ Рева, а Ревъ, какъ мы видѣли, дѣйствительно, былъ похороненъ въ Нижней церкви.

Царемъ сѣлъ братъ его Трдать ¹⁾, а архіепископомъ былъ Іовъ, *бывшій* дьяконъ армянскаго католикоса Нерсе ²⁾.

Царь для орошенія провелъ каналъ и положилъ основаніе церкви. При немъ же въ Некрестѣ кахетинскомъ была совершенно окончена постройка церкви ³⁾.

Послѣ него царемъ сталъ Варазъ-Бакуръ ⁴⁾. При немъ

¹⁾ По К. Ц., послѣ Бакара царствуетъ Мирдатъ, сынъ Бакара, а не Трдать, братъ Бакура. Трдать, сынъ Рева (и стало быть, по нашей хроникѣ, братъ Бакура или Бакара) тоже извѣстенъ въ К. Ц., но онъ считается третьимъ царемъ послѣ Бакара, а не его наследникомъ. Такое же преимущество царей приводится въ армянскомъ переводѣ К. Ц. и въ Хронологической исторіи Мхитара Айриванскаго, армянскаго писателя XII вѣка, который сохранилъ намъ списокъ царей, епископовъ и католикосовъ грузинскихъ (Н. Г. 134—135, 260).

²⁾ Въ К. Ц. сказано: „И при немъ (Мирдатъ) умеръ епископъ Яковъ, и сѣлъ армянинъ Іовъ, *бывшій* дьяконъ католикоса Нерсе.

³⁾ О проведеніи канала Мирдатомъ въ К. Ц. нѣтъ свѣдѣній. Относительно же церкви она сообщаетъ, что Мирдатъ построилъ церковь въ Тухарисской крѣпости, въ Кларджетскомъ ущельи, и украсилъ церкви Эрुшетскую и Цундскую (К. Ц. 102. Н. Г. 135).

⁴⁾ Въ списокѣ царицы Маріи (стр. 113 моего изданія) мы читаемъ: „Умеръ царь Мирдатъ и сѣлъ царемъ сынъ его Варазъ-Бакаръ, и онъ взялъ себѣ двухъ женъ: одну, дочь Тардата, сына (въ оригиналѣ по ошибкѣ: брата) Рева, внука (въ оригиналѣ опять по ошибкѣ: племянника) Миріана; другую, внучку Фероза, правнучку Миріана (въ оригиналѣ приводится такой наборъ словъ: „другую Рева, дочь Фероза и внучку Миріана). Внучка Рева родила ему двухъ сыновей, которыхъ звали Мирдатъ и Тардатъ, а внучка Фероза родила одного сына, котораго звали Фарсманъ“ (въ данномъ случаѣ родство передано вѣрно, на основаніи чего мы и исправили вышеприведенныя ошибки въ генеалогіяхъ двухъ женъ Варазъ-Бакара. Замѣтимъ кстати, что подобныя некаженія нерѣдки въ списокѣ царицы Маріи, благодаря невѣжеству переписчика и смѣшенію имъ сходныхъ формъ и буквъ хуцуур). Въ спискахъ Вахтанговской Редакціи К. Ц., на основаніи которыхъ сдѣлано изданіе академика Броссе, это мѣсто изложено нѣсколько иначе: «Умеръ царь Мирдатъ и сѣлъ сынъ его Варазъ-Бакаръ, и женился онъ на дочери Тарда-

марзапаны персидскаго царя вступили въ Сивніетію, а самъ

та, сына Рева, внука Маріана, которая была вѣрующая и благотѣльная“. Далѣе въ этомъ мѣстѣ въ изданіи Броссе приводятся краткія свѣдѣнія изъ Житія сятаго Петра Грузина, епископа Майумскаго, который былъ сынъ Варазь-Бакара и носилъ въ мірѣ имя Мурванъ. Мурванъ еще двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ былъ отданъ въ заложники греческому царю Θεодосію Младшему, но скоро покинулъ Константинополь и сталъ подвизаться въ Палестинѣ. Своею примѣрною жизнью, выдающимися добродѣтелями, служеніемъ ближнимъ и строгимъ аскетизмомъ онъ привлекъ всеобщее вниманіе и противъ воли былъ сдѣланъ епископомъ города Майума или, лучше, приморской части ея, Газы, въ Малой Азіи. Этотъ замѣчательный и ученый мужъ игралъ большую роль въ жизни Восточной церкви V вѣка, чреватой ересями и раздорами, и заслужилъ любовь и симпатію всѣхъ партій, одинаково похвально отзывавшихся объ немъ (подробности о Петрѣ Грузинѣ см. Н. Марръ. Житіе Петра Ивера царевича-подвижника и епископа Майумскаго, V вѣка. А. Цагарели. Памятнику грузинской старины въ Святой Землѣ и на Синаѣ, стр. 33—36). Въ изданіи Броссе краткія свѣдѣнія изъ Житія Петра Грузина приводятся въ двухъ редакціяхъ: одна очень краткая, принадлежитъ списку К. Ц. царевича Теймураза, а другая, болѣе пространная, встрѣчается во всѣхъ другихъ спискахъ Вахтанговской Редакціи въ томъ числѣ и въ вариантахъ Мингрельскаго и Баратова, неизвѣстныхъ академику Броссе. По окончаніи вставки краткихъ свѣдѣній о Петрѣ, изданіе Броссе продолжаетъ: „Такъ какъ этотъ Варазь-Бакаръ остался безъ сына (ибо Мурванъ, по этой Редакціи, былъ взятъ греческимъ царемъ Θεодосіемъ въ заложники), то онъ полюбилъ сей міръ, удалился отъ добродѣтели, взялъ себѣ вторую жену, дочь сына Фероза (и) дочери Маріана. Эта внучка Фероза родила ему сына, который былъ названъ Фарсманомъ, а внучка Рева, о которой было раньше упомянуто, родила двухъ сыночекъ, которые были названы Мирдатомъ и Тардатомъ (по Мингрельскому списку, Трдатомъ. К. Ц. 102—105. Н. Г. 136—139). Такимъ образомъ, изъ сопоставленія извѣстій списка царицы Маріи съ извѣстіями списковъ Вахтанговской Редакціи о Варазь-Бакарѣ видно, что въ спискѣ Маріи не только нѣтъ свѣдѣній изъ Житія Мурвана, или Петра Грузина, но даже не упоминается, что у Варазь-Бакара былъ сынъ подъ именемъ Мурванъ. То же самое замѣчается и въ армянскомъ переводѣ К. Ц. Краткія свѣдѣнія изъ Житія Петра Грузина внесены въ К. Ц. Редакцію Вахтанга VI.

онъ отступилъ къ Хидару. Архіепископомъ былъ тотъ же самый Іовъ ¹⁾).

Тогда Крамъ-Хуаръ-Боръ-Задъ, питіахшъ персидскаго царя, вступилъ въ городъ-крѣпость Тифлисъ, и Картлія, Сомхитія, Сиваніетія и Гуаспураганъ подпали подъ его дань ²⁾).

При немъ дворяне выстроили въ Мцхетѣ святую церковь и подчинили ее большой церкви со своими деревнями и помѣстьями въ Картліи ³⁾).

¹⁾ Въ К. Ц. читаемъ: „При немъ (Варазъ-Бакаръ) царь персидскій прислалъ эристава съ большими войскою, чтобы обложить данью армянь и грузинъ. Тогда армяне прислали посла къ Варазъ-Бакару и предложили ему соединиться вмѣстѣ съ ними, подтвердить себя греческими силами, открыть Кавказскія ворота и, пригласивъ осовъ и левовъ, оказать сопротивление персамъ. Вся знать царя тоже подавала совѣтъ за сопротивление персамъ. Но Варазъ-Бакаръ не послушался ни армянь ни своей знати, ибо былъ человекъ слабый и трусливый; онъ отступилъ къ Хазетинскому ущелью, построилъ крѣпость въ Хидарѣ и, укрѣпивъ города и крѣпости, приказалъ всѣмъ спрятать кресты“ (К. Ц. 106. М. 114. Н. G. 140). Хидаръ, по Вахушту (Description. etc. p. 219), находится на Арагвѣ и называется еще Охеръ-Хида, т. е. Заброшенный мостъ.

²⁾ Въ К. Ц. сказано: „Персы пришли сначала въ Армению и опустошили ее, потомъ вступили въ Картлію, и эриставъ персидскій построилъ между тѣсннами (дословно: воротами) *Куръ* Тифлисъ съ тѣмъ, чтобы онъ служилъ крѣпостью противъ Мцхеты“ (ibid.). Такимъ образомъ, основаніе Тифлиса К. Ц. относитъ ко времени Варазъ-Бакура, тогда какъ, по смыслу нашей хроники, Тифлисъ, какъ городъ и крѣпость, уже существовалъ до него. Имени питіахша или эристава „Крамъ-Хуаръ-Боръ-Задъ“ нѣтъ въ К. Ц.

³⁾ К. Ц. не упоминаетъ о постройкѣ какой-либо церкви азнаурами при упомянутомъ царѣ и считаетъ Варазъ-Бакара крайне невѣрующимъ человекомъ. „Этотъ Варазъ-Бакаръ, читаемъ въ К. Ц., былъ человекъ невѣрующій и ненавидящій религію, но онъ не осмѣливался открыто выражать передъ народомъ свою ненависть къ религіи, ибо Грузія уже была обращена въ христіанство, знать и весь народъ грузинскій были очень преданы вѣрѣ, а Варазъ-Бакаръ, боясь ихъ, не могъ открыто

Послѣ него царствовалъ Бакуръ, сынъ Трдата ¹⁾, а архіепископомъ былъ Элія. Этотъ *царь* построилъ церковь въ Болнисѣ, перешелъ по ту сторону *Курь* и укрѣпилъ Армазъ, по причинѣ боязни персовъ ²⁾.

Послѣ него царствовалъ Фарсманъ, сынъ сестры Трдата ³⁾, а архіепископомъ былъ Свимеонъ ⁴⁾.

оставить свою религію, но онъ нигдѣ не построилъ церкви, а также не прибавилъ къ прежде построенной и велъ себя во всѣхъ отношеніяхъ, какъ невѣрующій* (К. Ц. 105. М. 114. Н. Г. 139). Такой отзывъ Б. Ц. не оправдывается Житіемъ Петра Грузина, составленнымъ первоначально на сирійскомъ языкѣ ученикомъ святого Захаріемъ и потомъ переведеннымъ на грузинскій языкъ священникомъ Макаріемъ. Въ Житіи, напротивъ, выставляется на видъ отъѣнное благочестіе Варазъ-Бакара. Армянскій писатель V вѣка Корюнь современнаго ему грузинскаго царя Бакура, въ которомъ нельзя не видѣть нашего Варазъ-Бакура, рисуетъ какъ искренняго радѣтеля христіанскаго просвѣщенія грузинъ (Марръ. Житіе Петра Ивера и т. д. стр. XII). Наша хроника тоже не говоритъ объ его невѣрїи.

¹⁾ По К. Ц., Трдатъ или Трдать, тестъ Варазъ-Бакара, сынъ Рева, внучъ Миріана, человекъ вѣрующій, мудрый и разумный. Объ этомъ Трдатѣ мы выше уже говорили, что онъ въ нашей хроникѣ показанъ царствующимъ послѣ Бакура II. Такимъ образомъ выходитъ, что наша хроника не знаетъ Мирдата III, царствующаго, по К. Ц., послѣ Бакара I, а К. Ц. не знаетъ, въ свою очередь, Бакура III, царствующаго, по нашей хроникѣ, послѣ Варазъ-Бакура.

²⁾ Въ К. Ц. объ этомъ царѣ читаемъ: „Онъ (Трдатъ) своею мудростью обуздавъ персовъ, открылъ кресты, украсилъ церкви. При немъ умеръ епископъ Іовъ, и на мѣсто его онъ поставилъ Элію. Онъ давалъ дань персидскому царю и, выпросивъ Руставъ, построилъ (тамъ) церковь. Онъ же построилъ Некреси и, царствуя спокойно, умеръ въ большой вѣрѣ“ (К. Ц. 106—107. М. 115. Н. Г. 143).

³⁾ По К. Ц., тоже Фарсманъ, но онъ, по К. Ц., не сынъ сестры Трдата, а сынъ Варазъ-Бакара, правнучъ Фероза, старшій между братьями.

⁴⁾ Относительно этого архіепископа К. Ц. говоритъ: „И умеръ епископъ Элія, и поставили Свимеона“. Постройку Болнисской церкви К. Ц. отно-

Послѣ него царствовалъ Мирдатъ ¹⁾, и питіахшъ Варашъ взялъ его въ Багдадъ, гдѣ онъ и умеръ ²⁾.

Послѣ него царствовалъ Арчилъ ³⁾, а архіепископомъ былъ Іона. Тогда Нижняя церковь обрушилась. Іона перешелъ въ Гареубанскую церковь и взялъ съ собою Животворицій Столбъ. При немъ же дворяне выстроили на Арагвѣ Степанъ-Цминду, а маги занимались магіею въ Могуетъ, поклоняясь огню ⁴⁾.

силь къ этому царю, а не его предшественнику, какъ мы видѣли и въ нашей хроникѣ. Въ К. Ц. сказано: „Онъ, Фарманъ, умножилъ кресты повсюду въ Грузіи, возобновилъ церкви, построилъ Волнисскую церковь и, царствуя немного времени, умеръ“ (К. Ц. 107. М. 119. Н. Г. 143).

¹⁾ По К. Ц., тоже Мирдатъ, братъ царя Фармана, сынъ дочери Трдата и Варазъ-Бакара, потомокъ Бакара по отцу и Рева по матери, родственникъ обоимъ сыновей Миріана. Его К. Ц. выставляеть храбрымъ, отважнымъ и полагающимся на свое войско, но невѣрующимъ и не боявшимся Бога (К. Ц. 107. М. 116. Н. Г. 144).

²⁾ О питіахшъ Варашъ въ К. Ц. не упоминается. Персидскій эривастъ, пришедшій въ Грузію съ войскомъ, въ К. Ц. извѣстенъ подъ именемъ Убарабъ (по списку царицы Маріи, Убраабъ). Въ К. Ц. читаемъ: „Онъ (Мирдатъ) по надменности своей возсталъ и противъ грековъ и противъ персовъ. Отъ грековъ онъ требовалъ Кларджетъ, провинцію Грузіи, а персамъ отказалъ въ данн. Тогда персидскій царь прислалъ съ большимъ войскомъ противъ Мирдата эриваста, котораго звали Убарабъ (въ некоторыхъ спискахъ Вахтанговской Редакціи и въ томъ числѣ въ Баратовскомъ — Абрамъ). Мирдатъ же не отступилъ передъ превосходствомъ персидскихъ силъ, а по дерзости своей съ небольшимъ войскомъ встрѣтилъ ихъ въ Гардабанъ, вступилъ въ бой, но былъ разбитъ и попался въ плѣнъ во время боя. Персы вступили въ Грузію, покорили ее и оквернили церкви. Но потомки грузинскихъ царей вмѣстѣ съ епископомъ Симеономъ спаслись въ Кахетинскомъ ущельи, а Мирдата персы взяли въ Багдадъ, гдѣ онъ и умеръ (К. Ц. 107. М. 116. Н. Г. 144).

³⁾ По К. Ц., тоже Арчилъ, сынъ царя Мирдата.

⁴⁾ Архіепископъ Іона въ К. Ц. неизвѣстенъ, но онъ, быть-можетъ, тотъ же самый, который въ спискѣ царицы Маріи показанъ ниже, вмѣсто Іоанна (см. ниже, стр. 34, прии. 1). О паденіи Нижней церкви К. Ц. въ

Въ его же, Арчила, время преставились четыре архіепископа ¹⁾).

Затѣмъ царствовалъ Мирдаты ²⁾, а архіепископомъ былъ Глонокоръ. Этотъ архіепископъ былъ поставленъ, питіахшемъ Барзабодомъ, и эриставомъ въ Картліи и Эретіи ³⁾).

данномъ мѣстѣ тоже ничего не говоритъ, только ниже, въ царствованіе Вахтанга Горгаслана, замѣчаетъ, что Вахтангъ построилъ церковь Животворящаго Столба и Столбъ помѣстилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ раньше обрушилась церковь Большаго Сіона (см. ниже стр. 36, примѣч. 1). Гарубанская, или, лучше, Гаретубанская церковь означаетъ такую церковь, которая находится не въ чертѣ города, а въ его предмѣстьи. Въ данномъ случаѣ, вѣроятно, подразумѣвается Верхняя церковь, или Самтавро. Относительно постройки Степанъ-Цминды въ спискѣ К. Ц. царицы Маріи сказано: „Тогда царь Арчилъ построилъ церковь Святаго Степана въ Мцхетѣ, у воротъ Арагвы, гдѣ были укрѣпленныя башни для военныхъ цѣлей, имъ же построенныя (Списокъ К. Ц. царицы Маріи, стр. 118). Въ спискахъ Вахтанговской Редакціи, вмѣсто башни (з^аз^бб^а), написано гробницы (з^рд^аб^а). Предположеніе Броссе, что слово з^аз^бб^а замѣнено переписчиками словомъ з^рд^аб^а, вслѣдствіе сходства составныхъ буквъ обѣихъ словъ въ алфавитѣ хуцури, оправдывается спискомъ царицы Маріи (К. Ц. 109. Н. Г. 142. 147, п. 2).

¹⁾ Имена этихъ католикосовъ сохранились въ К. Ц., въ которой сказано: „При этомъ Арчилъ преставились три католикоса: Іоаннъ (въ спискѣ Маріи—Іона), Григоръ и Василій, а послѣ Василія этотъ же Арчилъ поставилъ епископа, котораго звали Мобиданъ“. Послѣдній епископъ, по словамъ К. Ц., какъ потомъ оказалось, былъ въ душѣ магъ и огнепоклонникъ, но боясь царя и народа, онъ открыто не могъ исповѣдывать свою религію, а тайно писалъ соблазнительныя книги, которыя потомъ были сожжены истиннымъ епископомъ Микаэлемъ, смѣненнымъ за оскорбленіе царя Вахтанга. Хронологическая исторія Мхитара Айриванскаго перечисляетъ намъ имена выше приведенныхъ епископовъ согласно К. Ц., только послѣдній епископъ изъ Мобидана, превратился у него въ Мушидъ вслѣдствіе смѣшенія ъ (б) и э (ш) хуцури и пропуска въ начертаніи звука „оу“ (у) первой гласной (К. Ц. 110. М. 120. Н. Г. 147).

²⁾ По К. Ц., тоже Мирдаты, сынъ царя Арчила.

³⁾ Архіепископа Глонокора не знаютъ ни Мхитаръ ни К. Ц., равно

Послѣ него царствовалъ Вахтангъ Великій Голгасаръ ¹⁾, а архіепископомъ былъ Ювель. Тогда персы взяли Вахтанга, но, спустя нѣсколько времени, онъ вернулся, а архіепископомъ былъ Микаэль ²⁾.

И онъ (Микаэль) ударилъ ногою царя Вахтанга въ лицо; царь отправилъ пословъ въ Грецію и попросилъ у царя и патріарха католикоса ³⁾.

Они же прислали католикоса Петра, и вмѣстѣ съ послѣднимъ находился Самовель, монахъ достойный и святой ⁴⁾. Царь Вахтангъ построилъ Нижнюю церковь и по-

какъ не упоминается, чтобы архіепископъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ ериваномъ Картинъ и Эретинъ. Пятіахшъ Барзабодъ (въ нѣкоторыхъ спискахъ К. Ц. написано: Барзабудъ), по К. Ц., былъ ериваномъ или правителемъ Рана. На дочери его Сагдухтъ Мирдатъ женился еще при жизни Арчила и далъ ему клятву въ миролюбивомъ къ нему отношеніи (К. Ц. 109—110. М. 119—120. Н. Г. 147—148).

¹⁾ По К. Ц., Вахтангъ Гургасланъ или Гургасалъ, воспитанникъ сасанида Саурмага.

²⁾ Микаэль извѣстенъ и въ К. Ц., но Ювель неизвѣстенъ. О взятіи Вахтанга персами въ К. Ц. нѣтъ извѣстій. Она только даетъ подробный разсказъ о томъ, какъ мать Вахтанга, царица Сагдухтъ, отправилась къ отцу своему Барзабоду просить, чтобы онъ оставилъ сына ея въ странѣ своей, не принуждалъ оставить религію Христа и былъ ходатаемъ за него передъ персидскимъ царемъ. При этомъ К. Ц. замѣчаетъ, что Барзабодъ исполнилъ всѣ просьбы ея, далъ обѣщаніе, что никого не заставитъ отречься отъ Христа силою, а только пошлетъ огнепоклонниковъ въ ихъ городъ и епископа надъ ними. „Тогда, продолжаетъ К. Ц., Барзабодъ прислалъ въ Мидету огнепоклонниковъ, а епископомъ надъ ними Бинкара, и они поселились въ Могетъ (К. Ц. 111. М. 122—123. Н. Г. 148—149).

³⁾ По К. Ц., Вахтангъ сначала просилъ католикоса у греческаго царя, и это обстоятельство заставило обиженнаго Макавіа проклясть и оскорбить царя (К. Ц. 144. М. 176—177. Н. Г. 190).

⁴⁾ По К. Ц., Вахтангъ, отправивъ епископа Микаэля въ Константинополь на судъ патріарха, просилъ прислать ему 13 епископовъ, въ томъ числѣ Петра католикосомъ и Самовеля епископомъ. Микаэль

садилъ *въ ней* католикоса Петра. Это было спустя 170 лѣтъ послѣ обращенія Грузіи *въ христіанство*, — царей представилось десять, а архіепископовъ тринадцать ¹⁾. Первымъ же католикосомъ былъ Петръ.

былъ осужденъ и отправленъ въ ссылку, а Петра и Самовеля отправили къ антиохійскому патриарху для посвященія, ему же предоставили выбрать отъ себя и другихъ епископовъ, ибо Грузинская церковь въ то время зависѣла отъ Антиохійской. Всѣ эти епископы съ католикосомъ Петромъ во главѣ прибыли въ Грузію вмѣстѣ съ Кленю, дочерью греческаго царя Леона I, которую, по словамъ К. Ц., отецъ выдалъ замужъ за Вахтаंगा (К. Ц. 145. М. 178—179. Н. Г. 191—192).

¹⁾ Въ К. Ц. читаемъ: „Между тѣмъ царь Вахтагъ построилъ въ Мцхетѣ для католикоса большую, святую, каменную церковь Апостоловъ, Свети-Цховели, Живствѣрающій Столбъ, повѣстивъ самый Столбъ въ южномъ столбѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ раньше обрушилась церковь Большаго Сіона. Въ этой церкви посадили католикосомъ Петра, а Самовель былъ посаженъ епископомъ въ Мцхетѣ же, въ епископской церкви“ (ibid.). К. Ц., какъ мы замѣтили, не упоминаетъ раньше, что Нижняя церковь обрушилась, а потому Броссе затруднился повѣсть это мѣсто (Н. Г. 193, п. 2). Прѣжняя церковь на мѣстѣ Свети-Цховели, вѣроятно, была безъ купола и потому называлась Сіономъ. Далѣе Баратовскій списокъ К. Ц. (стр. рукописи 172) продолжаетъ: „Отъ обращенія Грузіи въ христіанство до постройки Свети-Цховели прошло 170 лѣтъ, — царей представилось 10, а архіепископовъ 13, отъ Вознесенія 501, отъ начала міра 6034 года“. Такая же замѣтка, но безъ указанія года отъ Вознесенія и начала міра, находится еще въ одной рукописи, принадлежавшей академику Броссе. Нечего говорить, что разбираемая замѣтка взята изъ нашей хроникъ, но внесена въ К. Ц. сравнительно поздно, потому она встрѣчается не во всѣхъ спискахъ, а въ Баратовскомъ помѣщена на полѣ, хотя и рукою текста. Изучивъ этотъ списокъ, я пришелъ къ заключенію, что всѣ замѣтки, писанныя на поляхъ, не принадлежать первоначальному тексту К. Ц. и даже Вахтагговской Редакціи, а составляютъ позднѣйшую, сравнительно новую, вноску изъ разныхъ источниковъ и, вѣроятно, разныхъ лицъ. Отъ царя Миріана до Вахтаंगा Горгаслана не будетъ 10 царей, если между ними не считать Рева, сына Миріана. Что касается архіепископовъ, то, по нашей хроникѣ, до Вахтанга ихъ счѣтено 13, но въ К. Ц. изъ нихъ извѣстны только 10. Въ другомъ

Послѣ него царствовалъ Дачи уджармійскій ¹⁾, а католикосомъ былъ Самовель. При этомъ царь люди начали селиться въ Тифлисъ и построили святую церковь, а католикосомъ былъ Петръ ²⁾.

Послѣ него царствовалъ Бакуръ ³⁾, сынъ Дачи, а католикосомъ былъ Самовель ⁴⁾.

Послѣ него царствовалъ Фарсманъ ⁵⁾, а католикосомъ былъ Тавпачагъ.

иѣтъ К. Ц. мы имѣемъ такіа свѣдѣнія, общія всѣмъ спискамъ: „Отъ царя Миріана до Вахтанга сѣнилось десять поколѣній и восемь царей (въ спискѣ Маріи—восемь поколѣній и десять царей), годовъ же сто пятьдесятъ семь, а епископовъ, истинныхъ блюстителей закона, преставилось восемь, остальные же были нарушители закона“ (К. Ц. 121. М. 137—138. Н. Г. 161).

¹⁾ По К. Ц., тоже Дачи, сынъ Вахтанга Горгаслана отъ первой жены Базендухты, дочери персидскаго царя. Воцареніе Дачи замѣтка на полѣ Баратовскаго списка (стр. рукописи 177) относится къ 517 году по Р. Х.

²⁾ Католикосъ Самовель извѣстенъ и въ К. Ц., но Петръ II неизвѣстенъ. Послѣдній неизвѣстенъ также и изъ Исторіи Мхитара. Относительно Тифлиса въ К. Ц. читаемъ: „Онъ (Дачи) докончилъ постройку стѣнъ Тифлиса и, какъ приказалъ Вахтангъ, сдѣлалъ его царскою резиденціей“. О постройкѣ церкви въ Тифлисъ при царѣ Дачи въ К. Ц. нѣтъ извѣстій (К. Ц. 149—150. М. 185—186. Н. Г. 142, 200—201).

³⁾ По К. Ц., тоже Бакуръ, сынъ Дачи. Объ этомъ царѣ и слѣдующемъ въ спискѣ царицы Маріи (стр. 186 моего изданія) сказано только слѣдующее: „Умеръ царь Дачи, и сълъ сынъ его Бакуръ. Умеръ Бакуръ, и сълъ сынъ его Фарсманъ“. Списки Вахтанговской Редакціи К. Ц. прибавляютъ, что Бакуръ царствовалъ 13 лѣтъ (К. Ц. 150. Н. Г. 201). Судя по замѣткѣ на полѣ Баратовскаго списка (стр. 178), Бакуръ воцарился въ 529 году по Р. Х.

⁴⁾ Этотъ католикосъ будетъ второй Самовель, котораго К. Ц. и Мхитаръ не знаютъ.

⁵⁾ По К. Ц., какъ видѣли, тоже Фарсманъ, сынъ царя Бакура. Замѣтка на полѣ Баратовскаго списка относится воцареніе Бакура (*ibidem*) къ 542 году по Р. Х.

При немъ же былъ Чимага, шестой католикосъ ¹⁾). Въ его же, Фарсмана, время въ Мцхетѣ наступило владычество персовъ и, потревоживъ Картлію съ городами, пресѣлось ²⁾).

Послѣ него царствовалъ другой Фарсманъ ³⁾, а католикосомъ былъ Дасабія ⁴⁾, уроженецъ мцхетскій. Съ этого времени два семейства изъ мцхетскихъ уроженцевъ взяли на себя

¹⁾ Объ этихъ католикосахъ въ К. Ц. читаемъ: „Умеръ католикосъ Самовель, и сѣлъ католикосомъ третій католикосъ Тавпечагъ. Умеръ Тавпечагъ, и сѣлъ католикосомъ четвертый католикосъ Чирмагъ“. У Мхитаря имена этихъ католикосовъ приводятся въ формахъ: Tapidchan и Zimag (ibid). Счетъ католикосовъ въ К. Ц. другой; потому что она, какъ мы видѣли, не знаетъ двухъ католикосовъ Петра II и Самовеля II, но и самый счетъ не принадлежитъ первоначальной редакціи К. Ц., а составляетъ позднѣйшую вноску съ записей на поляхъ, какъ это отиѣтъ въ своемъ изданіи и академикъ Броссе (К. Ц. 151, п. 3.). Въ спискѣ царицы Маріи (стр. 186) нѣтъ счета католикосовъ, и католикосъ Тавпечагъ пропущенъ.

²⁾ Въ К. Ц. читаемъ: „Въ царствованіе этого Фарсмана пришли персы и опустошили Картлію и Ранъ (послѣднія два слова находятся только въ спискѣ Маріи). Царь же грузинскій Фарсманъ просилъ у персидскаго царя не разорять церквей и оставить Картлію въ христіанской вѣрѣ. Ибо греки въ то время были заняты. Противъ нихъ возстали враги на Западѣ, и они не могли помочь грузинамъ и стать въ непріязненные отношенія къ персамъ. Тогда царь персидскій внялъ его просьбѣ и пощадилъ церкви. Фарсманъ далъ письменное обѣщаніе повинноваться и служить ему, и царь персидскій ушелъ“ (К. Ц. 150—151. М. 186—187. Н. Г. 201—202). Вахтанговская Редакція К. Ц. сообщаетъ, что Фарсманъ царствовалъ 14 лѣтъ, чего нѣтъ въ спискѣ Маріи (ibidem).

³⁾ По К. Ц., тоже Фарсманъ (VI), сынъ брата предыдущаго Фарсмана (V). Въ спискѣ Маріи, вѣроятно, отъ смѣшенія формъ ღაბ и ღაბ, онъ названъ внукомъ Фарсмана V (К. Ц. 151. М. 187. Н. Г. 202). Воцареніе Фарсмана VI замѣтка на полѣ Баратовскаго списка (стр. рукописи 179) относитъ къ 556 году по Р. X.

⁴⁾ По К. Ц., Саба (Савва). У Мхитаря: Abas catholicos (ibid.).

католикоство ¹⁾). При этомъ же *царь* католикосомъ былъ Евладе ²⁾).

Тогда прибылъ въ Грузію изъ Месопотаміи ассирійской блаженный Іоаннъ Зедавійскій, и съ нимъ вмѣстѣ прибыло двѣнадцать его учениковъ ³⁾).

¹⁾ Въ К. Ц. читаемъ: „Съ этого времени уже не призывали католикосовъ изъ Греціи, а возсѣдали грузины изъ знатныхъ людей“ (К. Ц. 151, М. 187. Н. Г. 202). Далѣе два списка, Баратовскій и списокъ, принадлежавшій академику Броссе, прибавляютъ: „Между тѣмъ грузины просили у Юстиніана, чтобы католикосами возсѣдали лица изъ грузинъ, тогда какъ (до тѣхъ поръ) католикосы приходили изъ Греціи. Юстиніанъ же написалъ грамоту за своею печатью, чтобы католикосами возсѣдали лица изъ грузинъ и имѣли бы главенство надъ всѣми церквями и епископами“ (К. Ц. 151, Н. Г. 202. п. 6. Баратовскій списокъ, стр. рукописи 179). Эти свидѣнія, какъ я уже указалъ въ своемъ изданіи, Новый вариантъ Житія св. Нины на груз. языкѣ, стр. XXXVIII—LVII,—внесены въ К. Ц. Вахтанговскою редакціей изъ „Письма Ефрема Младшаго объ источникахъ обращенія Грузинъ въ христіанство“. Самое „Письмо Ефрема“ помѣщено въ указанномъ моемъ изданіи.

²⁾ Въ рукописи написано Евтаде (Evthathe), но это, быть-можетъ, отъ смѣшенія похожихъ другъ на друга буквъ хуцури ϯ и ϰ , да и начертанія указанныхъ буквъ въ нашей рукописи почти одинаковы, такъ что отъ насъ зависить принимать ихъ за ту или другую букву. Мы въ переводѣ допускаемъ форму Евладе по примѣру К. Ц., въ которой имя этого католикаса—Евлавіозъ, въ Баратовскомъ списокѣ и въ списокѣ Броссе—Евлавіосъ, въ списокѣ царицы Маріи въ одномъ случаѣ написано Велати, въ другомъ Влати. Въ Армянской Хроникѣ—Hélathi. У Мхитара Elthai или Héthathi. Послѣ этого католикаса Мхитаръ помѣщаетъ Киріона нечестиваго (Ter Curion l'impur), котораго ни наша хроника ни К. Ц. не знаютъ (К. Ц. 151. М. 187, 188. Н. Г. 142, 202, п. 7). Итакъ, присутствіе буквы ϰ —th въ имени этого католикаса встрѣчается во всѣхъ древнихъ спискахъ и переводахъ изъ К. Ц.

³⁾ К. Ц. приходъ въ Грузію Іоанна Зедавійскаго и его учениковъ относить также къ царствованію этого Фарсмана. Приведенныя въ спискахъ Вахтанговской Редакціи (К. Ц. 151—159. Н. Г. 203—213) имена сирскихъ отцовъ и ихъ сокращенныя жизнеописанія не принадле-

Послѣ него царствовалъ Бакуръ ¹⁾, а католикосомъ былъ Макарій ²⁾; при этомъ же царь былъ питяхшъ Варскенъ, и Шушаника была замучена въ Цуртавѣ ³⁾.

жать первоначальной редакціи лѣтописи, а внесены въ К. Ц. Вахтанговскою Редакціей. Въ спискѣ царицы Маріи не только нѣтъ жизнеописаній, но даже не указаны имена ихъ, кромѣ Іоанна Зедазнійскаго. Здѣсь мы читаемъ слѣдующее: „При этомъ же Фарсманѣ пришелъ Іоаннъ Месопотамскій (прозванный впоследствии Іоанномъ Зедазнійскимъ), просвѣтитель Грузіи, очиститель вѣры, строитель церквей. Онъ и его ученики совершили много чудесъ и знаменій, которыми поразили всѣхъ грузинъ. Житія и чудеса ихъ были описаны и положены въ церквахъ грузинскихъ; и отъ царствованія царя Миріана до Фарсмана II (послѣ Миріана, онъ, правда, былъ второй, но отъ учрежденія царства онъ былъ шестой подъ симъ именемъ) прошло 250 лѣтъ—царей преставилось 14, а католикосовъ послѣ Вахтанга преставилось 8“ (Списокъ Маріи, стр. моего изданія 187—188). Во всѣхъ спискахъ Вахтанговской Редакціи католикосовъ, вмѣсто 8, показано 6. Другіе списки, вмѣсто 250 указываютъ въ этомъ мѣстѣ 200 лѣтъ (К. Ц. 159. Н. Г. 213—214, п. 1). Въ спискахъ Баратовскомъ (стр. рукописи 180), Румянцевскомъ, Мингрельскомъ (стр. рукописи 143) и академика Броссе (К. Ц. 151, п. 6. Н. Г. 203, п. 5) еще раньше этого хронологическаго указанія, а именно передъ началомъ жизнеописанія Іоанна Зедазнійскаго приведена такая замѣтка: „Отъ Миріана прошло 200 лѣтъ, а царей сѣялось 12“. Въ Армянской Хроникѣ сказано тоже, что отъ Миріана до Фарсмана прошло 200 лѣтъ. Отъ Миріана до Фарсмана VI, дѣйствительно, выходитъ 12 царей. Указаніе 14 царей можно оправдать въ томъ случаѣ, если въ числѣ нихъ считать Миріана и Фарсмана VI. Католикосовъ отъ Вахтанга Горгаслана до Фарсмана VI въ К. Ц. извѣстно только 6, а въ нашей хроникѣ, какъ видѣли, 8. Замѣтка на полѣ въ Баратовскомъ спискѣ (стр. 179) приходъ въ Грузію Іоанна Зедазнійскаго относить къ 6066 году отъ сотворенія міра и 559 отъ Р. Х. Годы эти не согласуются между собою: разница между ними на единицу.

¹⁾ По К. Ц., тоже Бакуръ, сынъ царя Фарсмана VI.

²⁾ По К. Ц. и Мхитару, тоже Макарій.

³⁾ Шушаника была дочь Вардана, жена вышеупомянутаго Варскена, родомъ армянина. Послѣдній изъ личныхъ расчетовъ отправился

Послѣ Макарія католикосомъ былъ Самовель, а потомъ Семень-Петръ¹⁾. При этомъ Бакуръ пресѣклась царская власть въ Картліи²⁾.

въ персидскому царю, оставилъ христіанскую вѣру и сдѣлался огнепоклонникомъ, послѣ чего получилъ должность эристава, или пѣтиахша Ранскаго. Набожная Шушаника не захотѣла имѣть послѣ этого ничего общаго съ своимъ мужемъ, и, когда Васкенъ ласками и мольбою ничего не могъ сдѣлать съ нею, то замучилъ ее. Тогда Бакуръ отправился съ войскомъ на Васкена, сначала плѣнилъ, а потомъ приказалъ изрубить его на куски и повѣсить на деревѣ, а Шушанику съ большими почестями похоронилъ въ Цуртавѣ, что въ провинціи Гугарской. Точное мѣстоположеніе его неизвѣстно (К. Ц. 160. М. 188—189. Н. Г. 214—215. Addition à l'histoire de la Géorgie III).

¹⁾ Католикоса Самовеля при этомъ царѣ не знаютъ ни К. Ц, ни Мхитаръ. Другой католикосъ въ К. Ц. и у Мхитара носитъ имя просто Петра, но Исторія Багратидовъ Сумбата, какъ увидимъ ниже, называетъ его, согласно нашей хроникѣ, двойнымъ именемъ Свямонъ-Петръ.

²⁾ Пресѣченіе царской власти въ Грузіи К. Ц. относитъ ко времени, наступившему послѣ смерти Бакура: „Умеръ царь Бакуръ, читаемъ въ К. Ц., и остались малолѣтніе его сыновья, которые не могли удержать за собою царской власти. Тогда царь персидскій Урмиздъ далъ сыну своему Касрѣ Амбарвезу Ранъ и Моваканъ. Послѣдній пришелъ и сѣлъ въ Бардавѣ. Онъ вошелъ въ переговоры съ картлійскими эриставами, обѣщалъ имъ большія блага, утвердилъ за ними потомственно ихъ эриставства и такимъ образомъ лестью склонилъ ихъ на свою сторону. Каждый изъ эриставовъ объявилъ себя независимымъ и платилъ дань Касрѣ Амбарвезу. Сыновья же Бакура остались въ Мтиулетѣ, въ Кахетіи, а потомки Мирдата, сына Вахтанга (Горгаслана), которые были владѣтелями Кларджета и Джавахетіи, остались въ скалахъ кларджетскихъ. Всю остальную Картлію, Сомхитію и Аспураганъ покорили себѣ персы и воевали съ греками“ (К. Ц. 160—161. М. 189—190. Н. Г. 214—215).

Тогда¹⁾ Мцхета стала рѣдѣть, а Тифлисъ—обстроиваться; Армазь сталъ падать, а Кала—возвышаться²⁾.

Персы владычествовали въ Картліи, Сомхитіи, Сивніетіи и Гуаспураганѣ³⁾.

Католикосомъ былъ Самовель, и мало-по-малу стала собираться Картлія, и поставили Гуарама *сначала* эриставомъ, а потомъ куропалатомъ⁴⁾. Гуарамъ положилъ основаніе

¹⁾ Начиная отсюда, текстъ нашей хроникі почти слово въ слово повторяется въ Исторіи Багратидовъ Сумбата, сына Давида, и не подлежитъ сомнѣнію, что Обращеніе Грузинъ есть одинъ изъ источниковъ Исторіи Сумбата. Но какъ Обращеніе Грузинъ, такъ и Исторія Сумбата выѣстъ послужили источниками для первоначальной редакціи К. Ц., причѣмъ, независимо отъ первоначальной редакціи, свѣдѣнія изъ Исторіи Сумбата вторично были внесены въ К. Ц., какъ я полагаю, Редакціей царя Вахтанга VI, ибо этихъ, вторично внесенныхъ свѣдѣній изъ Сумбата, нѣтъ въ спискѣ царицы Маріи, относящемся къ 1636—1646 г.г. Въ спискѣ Маріи Исторія Багратидовъ Сумбата, сына Давида, выдѣлена въ особую главу, и первоначальный текстъ К. Ц. не испещренъ вторичными вносами фразъ и отдѣльныхъ мѣстъ изъ Исторіи Сумбата, какъ это наблюдается въ спискахъ Вахтанговской Редакціи.

²⁾ Этотъ параграфъ дословно повторяется, какъ въ Исторіи Сумбата, такъ и въ К. Ц., но, въ К. Ц., это имѣло мѣсто при эриставѣ Стефаносѣ, сынѣ Гуарама (Списокъ Маріи, стр. 193—194).

³⁾ Этотъ параграфъ также повторяется какъ въ К. Ц. (М. 190), такъ и въ Исторіи Сумбата, но въ послѣднемъ источникѣ прибавлено, что персы владычествовали еще въ Кахетіи и Эретиѣ⁴⁾.

⁴⁾ Въ спискѣ царицы Маріи мы читаемъ: „Спусти немного лѣтъ послѣ этого (это служитъ продолженіемъ текста, приведеннаго нами на стр. 41, во 2 примѣчаніи), въ Персіи произошли большія возмущенія. Царь турокъ вступилъ въ Персію. Греки напали на нихъ въ Месопотаміи и, обративъ въ бѣгство, вступили въ Персію и стали опустошать ее. Тогда Касре Анбарезъ оставилъ Картлію и Ранъ и отправился на помощь отцу своему. Въ то время, когда персы были заняты такимъ образомъ, эриставы грузинскіе Верхней и Нижней страны, сговорившись между собою, отправили посла къ греческому царю, прося его назначить имъ царя изъ потомковъ грузинскихъ царей, оставивъ эриставовъ не-

церкви Честнаго Креста ¹⁾, и при немъ же католикосомъ былъ другой Самовель. Жители Тифлиса начали строить большую церковь: половину строилъ весь народъ, а другую — эриставы ²⁾. И католикосомъ былъ Бартоме ³⁾.

тронутыми въ своихъ владѣнiяхъ. Тогда кесарь исполнилъ ихъ просьбу и далъ имъ въ царя сына сестры Мирдата, Вахтангова сына отъ греческой принцессы, котораго звали Гуарамъ и который былъ правителемъ Кларджета. Этому Гуараму кесарь далъ титулъ куропалата и послалъ въ Мцхету. Дѣти царя Бакура, потомки Дачи, Вахтангова сына, котораго еще царь Вахтаугъ назначилъ царемъ, остались въ Кахетii и, завладѣвъ Кухетiей (въ К. Ц. Кахетiею) и Эретiей, начиная отъ Иоры, поселились въ Уджармѣ и пребывали въ повиновенii Гуарама куропалата* (Списокъ Марiи, стр. 190). То же самое мы находимъ и въ изданii Броссе (К. Ц. 161, 163, Н. Г. 215—216, 220), съ тою только разницею, что въ изданii Броссе, какъ и во всѣхъ спискахъ Вахтанговской Редакцiи, послѣ словъ: „который былъ правителемъ Кларджета“, вставлено начало Исторiи Сумбата, заключающее въ себѣ генеалогiю Багратидовъ отъ Адама до нашего Гуарама, перваго грузинскаго Багратида, во Исторiи Сумбата (К. Ц. 161—163. Н. Г. 216—220).

Итакъ, первоначальный текстъ К. Ц., насколько онъ сохранился въ спискѣ царицы Марiи, въ Исторiи Сумбата, Гуарама не считаетъ Багратидомъ. Въ нашей хроникѣ, т. е. въ Обращенii Грузiи, тоже нѣтъ никакого намека, чтобы Гуарамъ былъ Багратидъ, хотя не можемъ не замѣтить, что Обращенiе Грузiи вообще совершенно не указываетъ, къ какой династii принадлежать цари и правители, въ немъ перечисленные. Въ армянскомъ переводѣ К. Ц. въ данномъ мѣстѣ пропускъ, и свѣдѣнiй о Бакурѣ и Гуарамѣ нѣтъ (Addition, р. 46). Изъ грузинскихъ источниковъ Гуарамъ обреченъ Багратидомъ только въ Исторiи Сумбата, сына Давида.

¹⁾ По К. Ц., Животворящiй Крестъ до сихъ поръ находился на открытомъ полѣ, и Гуарамъ довелъ постройку церкви Креста до пояса, и возобновилъ основанiе Тифлисскаго Сиона (Списокъ Марiи, стр. 192).

²⁾ По Исторiи Сумбата, другую половину этой церкви, т. е. Сионскаго собора, строила одна какая-то женщина.

³⁾ По К. Ц., Бартоме былъ поставленъ слѣдующимъ эриставомъ Стефаносомъ (М. 193).

Послѣ Гуарама эриставомъ былъ Стефаносъ, сынъ его, братъ Деметре, и онъ продолжалъ постройку церкви Креста.

Тогда прошелъ *черезъ Грузію* Ираклій, царь греческій, и начальникъ крѣпости изъ Калы тифлисской обозвалъ царя Ираклія козломъ. Ираклій же топнулъ ногою, взялъ *книгу* Даниила и нашель слѣдующее слово: „Пришелъ козелъ Запада и сокрушилъ рога восточнаго овна“. Царь сказалъ: „Если это слово относится ко мнѣ, то я воздамъ тебѣ по заслугамъ“; и, оставивъ эристава Джибго для веденія осады, самъ отправился въ Багдадъ воовать съ царемъ Хуасро ¹⁾.

А Джибго этоть, послѣ немногихъ дней, взялъ Калу, плѣнилъ упомянутаго начальника крѣпости, наполнилъ ему ротъ драканами (драхмами), затѣмъ снялъ съ него живого кожу и послалъ вслѣдъ за царемъ въ Гардабанъ, въ домъ Вараза-Григола.

Ираклій, отправившись, сокрушилъ Багдадъ, взялъ въ плѣнъ царя Хуасро и заставилъ его выдать Животворящій Крестъ ²⁾.

Царь повелѣніемъ своимъ положилъ начало возобновленію Іерусалима, поставилъ патриархомъ Модистоса ³⁾ и вернулся сюда же, *въ Картлію*, на седьмомъ году.

¹⁾ То же самое мы находимъ въ Исторіи Сумбата, между тѣмъ, по К. Ц., Стефаносъ былъ невѣрующій и не боящійся Бога. Церковь Честнаго Креста строилъ его братъ Деметре. При приходѣ Ираклія Стефаносъ остался вѣрнымъ персамъ и каждый день сражался съ греками. Въ одной изъ такихъ схватокъ Стефаносъ былъ убитъ. Ираклій покорилъ Тифлисъ, но въ крѣпости Калѣ остались люди, и начальникъ крѣпости ругалъ царя. Далѣе разсказъ переданъ согласно нашей хроникѣ. Существенную разницу составляетъ то, что, по К. Ц., „Ираклій призвалъ сына Бакура, потомка грузинскаго царя Дачи, сына Вахтанга, который былъ эриставомъ въ Кахетіи и носилъ имя Адарнасе; онъ далъ ему Тифлисъ и назначилъ его правителемъ Картліи“ (М. 194—195).

²⁾ Свѣдѣнія этихъ двухъ параграфовъ ииѣются какъ у Сумбата, такъ и въ К. Ц.

³⁾ Этихъ свѣдѣній нѣтъ въ списокѣ Маріи, но у Сумбата есть.

До его возвращенія въ Тифлисъ, Сіонъ былъ оконченъ жителями, только недоставало немного церкви Креста. Сей Ираклій послалъ глашатаевъ въ Тифлисъ, Мцхету и Уджарму, съ приказаніемъ, чтобы всѣ христіане собрались въ городскихъ церквахъ и чтобы всѣ маги и поклонники огня или приняли бы крещеніе, или были бы истреблены ¹⁾.

Но маги не пожелали принять крещеніе и чърами стали дѣйствовать противъ христіанъ до тѣхъ поръ, пока царь не пустилъ въ ходъ оружіе; и потоки крови потекли въ церквахъ.

Между тѣмъ Ираклій, очистивъ вѣру Христа, ушелъ, а эриставомъ былъ тотъ же Стефаносъ Великій; католикосомъ же былъ Бартоме во второй разъ ²⁾.

Затѣмъ былъ эриставомъ Адрнесе ³⁾, и при немъ преставились три католика ⁴⁾ (Іоаннъ, Бабила и Таборъ ⁴⁾).

Послѣ него эриставомъ былъ Стефаносъ, сынъ Адрнесе. Онъ докончилъ церковь Креста и установилъ при Крестѣ

¹⁾ Всѣ эти свѣдѣнія имѣются и у Сумбата, но въ спискѣ Маріи, кромѣ первой фразы, ихъ нѣтъ.

²⁾ Свѣдѣнія этихъ двухъ параграфовъ повторяются и въ Исторіи Сумбата, но въ текстѣ К. Ц. царицы Маріи ихъ нѣтъ. По К. Ц., какъ мы видѣли, Ираклій еще предъ выѣздомъ изъ Тифлиса назначилъ правителемъ Картліи Адарнасе, сына Вакура, вмѣсто павшаго въ бою Стефаноса. Между тѣмъ, по нашей хроникѣ и по Исторіи Сумбата, Стефаносъ еще живъ при возвращеніи Ираклія въ Тифлисъ, и не видно, чтобы онъ дѣйствовалъ противъ него. Католикосъ Бартоме, упоминаемый въ этомъ мѣстѣ, въ Исторіи Сумбата названъ Вторымъ, а К. Ц. знаетъ только одного Бартоме (М. 193).

³⁾ Исторіи Сумбата считаетъ Адрнесе или Адарнасе сыномъ Стефаноса I. К. Ц., какъ мы видѣли, Адарнасе считаетъ сыномъ Дачи.

⁴⁾ Свѣдѣнія объ этихъ католикосахъ одинаково изложены какъ у Сумбата, такъ и въ К. Ц. (М. 197). Имена ихъ приведены и у Мхитаря. Таборомъ (Tharphog) кончается списокъ грузинскихъ католикосовъ у этого писателя (Н. G. 143).

собрание на одинъ мѣсяцъ ко времени праздника Креста. Стефаносъ съѣлъ въ Тифлисъ, а католикосомъ былъ Самовель, при немъ же былъ и Евнонъ ¹⁾).

И пришло извѣстіе ²⁾, что агаряне заняли Багдадъ. Поэтому греки *сдѣлали опись* страны картлійской, навьючили на муловъ и взяли въ Грецію ³⁾.

Послѣ него эриставами были: Гуарамъ куроपालать 6 ⁴⁾; Гуарамъ Молодой 7 ⁵⁾ потомъ Аршуша куроपालать 8 ⁶⁾; Варазъ-Бакуръ, апай-патракиосъ ⁷⁾, который обратилъ въ

¹⁾ То же самое мы читаемъ въ Исторіи Сумбата. Въ К. Ц. нѣтъ упоминанія о католикосахъ Самовелѣ и Евнонѣ, а относительно церкви Честнаго Креста сообщается, что Стефаносъ окружилъ ее стѣнами, построилъ дворецъ и учредилъ собраніе по пятницамъ (М. 197).

²⁾ Тутъ два слова выскоблены въ рукс Бя; какъ кажется, самими переписчикомъ.

³⁾ Въ оригиналѣ дословно сказано: „Поэтому греки страну навьючили на мула и взяли въ Грецію“. Но Исторія Сумбата даетъ возможность исправить это мѣсто нашей хроники. У Сумбата сказано: „При немъ (Стефаносѣ) сдѣлали опись страны картлійской и взяли въ Грецію“.

⁴⁾ У Сумбата тоже Гуарамъ, сынъ Стефаноса II. По К. Ц., у Стефаноса II было два сына: Миръ и Арчилъ, исторія которыхъ подробно разсказана въ К. Ц. (М. 199—216. К. Ц. 172—184. Н. С. 237—256). Въ спискахъ Вахтанговской Редакціи К. Ц., кромѣ Теймуровскаго, этотъ Гуарамъ считается сыномъ Стефаноса Перваго, а не Стефаноса Второго (К. Ц. 186. Н. С. 259).

⁵⁾ Гуарама Молодого не знаютъ ни Исторія Сумбата ни К. Ц.

⁶⁾ Аршуша куроपालать неизвѣстенъ ни въ К. Ц. ни въ Исторіи Сумбата, но онъ, по нашему мнѣнію, томъ самый, который упоминается въ Житіи Евстафія Мцхетскаго (VII в.), гдѣ названъ питіахшемъ Картаин (см. рукопись Шюнгвильскаго монастыря въ Церковномъ древле-хранилищѣ, въ Тифлисъ, № 170, стр. 113).

⁷⁾ По Сумбату, Варазъ-Бакуръ антипатриосъ, сынъ Гуарама II куроपालата. По спискамъ К. Ц. Вахтанговской Редакціи, Варазъ-Бакуръ антипатрикъ — тоже сынъ Гуарама II куроपालата. Нужно полагать, что

христіанство гардабанцевъ, 9; потомъ Нерсе (10)¹⁾ и его сыновья: Филиппъ 11, Стефаносъ 12, Адрнесе 13, Гуарамъ 14²⁾; Бакуреанъ, сынъ Баллада, 15³⁾; и сыновья Адрнесе: Степаносъ 15⁴⁾, Ашотъ куропалатъ 17 и Гуарамъ 18⁵⁾. Итакъ, они были великими эриставами.

апай-патрикіосъ (въ рукописи—патрикіозъ) представляетъ испорченную переписчикомъ форму антипатрикіосъ.

1) Въ рукописи въ данномъ мѣстѣ не стоитъ, вопреки обыкновенію, числовой буквы, обозначающей 10. Въ нашей хроникѣ и въ Исторію Сумбата не указывается, чей сынъ эриставъ Нерсе. По спискамъ К. Ц. Вахтанговской Редакціи, онъ сынъ Варазъ-Бакура антипатрика.

2) Въ числѣ сыновей Нерсе въ Исторіи Сумбата и въ К. Ц. совершенно неизвѣстенъ Гуарамъ (IV), а остальные три извѣстны.

3) Бакуреанъ, сынъ Баллада, неизвѣстенъ ни въ К. Ц. ни у Сумбата.

4) Этотъ Стефаносъ, четвертый подъ симъ именемъ, неизвѣстенъ ни въ К. Ц. ни у Сумбата.

5) Ашотъ куропалатъ хорошо извѣстенъ какъ въ К. Ц., такъ и въ Исторіи Сумбата, но Гуарамъ не упоминается ни въ одномъ изъ двухъ этихъ источниковъ. Зато въ числѣ сыновей Адрнесе или Адарнасе, кромѣ Ашота куропалата, извѣстенъ какъ у Сумбата, такъ и въ К. Ц. Гургенъ, который, повидимому, указанъ вмѣсто нашего Гуарама.

По поводу Ашота куропалата списки Вахтанговской Редакціи К. Ц., кромѣ Теймуразовскаго, приводятъ указанія объ эриставахъ, которые предшествовали Ашоту. Здѣсь мы читаемъ: „Послѣ смерти Адарнасе, Богъ возвеличилъ царствованіе Ашота куропалата, ибо отецъ его Нерсе, сынъ Варазъ-Бакура антипатрика, и отецъ этого Варазъ-Бакура, по имени Гуарамъ, куропалатъ, сынъ Стефаноса Перваго и братъ Деметре,— уже преставилсь, и братья этого Адарнасе, а именно Филиппъ и Стефаносъ, тоже умерли“ (К. Ц. 186. Н. Г. 259). Такъ какъ въ списокѣ царицы Маріи этихъ свѣдѣній нѣтъ, то нужно полагать, что указанные свѣдѣнія внесены въ К. Ц. Редакціей царя Вахтанга и изложены на основаніи извѣстій Исторіи Сумбата, при чемъ допущены такіе отступленія отъ Исторіи Сумбата, что Нерсе названъ сыномъ предыдущаго эристава, Варазъ-Бакура, а Гуарамъ II сыномъ Стефаноса I; тогда какъ

А католикосы, которые были послѣ Евнона, *слѣдующіе*: Тавпачагъ 1, Эвлале 2, Ювель 3, Самовель 4, Георгій 5, Квиріонъ 6, Ивидъ-Бовидъ 7, Θεοδορ (Тѣ?)¹⁾ 8, Петръ 9. Эти девять *католикосовъ* были женаты²⁾.

Потомъ были: Мама³⁾ 1, Іоаннъ 2, Григоль 3, Клементосъ 4, Сармеанъ 5, Талеле 6, Самовель 7, Квириле 8, Григоль 9, Самовель 10, Георгій 11, Гавріиль 12, Иларіонъ 13, Арсеній 14, Евсукій 15, Василій 16, Микаэль 17, Давидъ 18, Арсеній 19⁴⁾.

у Сумбата относительно Нерсе не указано, чей онъ сынъ, а Гуарамъ II считается сыномъ Стефаноса II.

¹⁾ Въ рукописи, вмѣсто слова Θεοδορ, написано *ⲛⲉ—The*, но по нашему мнѣнію, тутъ переписчикомъ пропущено титло, съ титломъ *ⲛⲉ—Th̅e* нужно прочесть *ⲛⲉⲩⲟⲗⲟⲩⲁⲛⲉ*, т. е. Θεοδορ, поэтому полагаю, что имя этого католикоса должно быть Θεοδορ.

²⁾ Эти девять католикосовъ неизвѣстны ни въ К. Ц. ни въ Исторіи Сумбата.

³⁾ „Мама“ въ грузинскомъ языкѣ можетъ означать и собственное имя и нарицательное; въ послѣднемъ случаѣ это слово означаетъ отца. Судя по контексту, въ нашемъ случаѣ интересующее насъ слово нельзя принять за собственное имя, по крайней мѣрѣ, его не считалъ за таковое переписчикъ рукописи, ибо въ рукописи, писанной строчными буквами хуцури, всѣ собственныя имена католикосовъ начинаются заглавными буквами, асомтавруди, тогда какъ данное слово всецѣло написано строчными буквами, и это тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что оно стоитъ въ началѣ списка католикосовъ. Вотъ почему въ первоначальномъ изданіи текста хроникъ указанное слово я не принялъ за собственное имя. Но, принимая во вниманіе, что въ транскрипціи нѣкоторыхъ словъ въ нашей рукописи встрѣчаются ошибки, а также то, что безъ Мама по счету не выйдетъ 19 католикосовъ, слово это можно принять и за имя католикоса.

⁴⁾ Этимъ кончается первая часть „Обращенія Грузинъ“. Перечисленные тутъ 19 католикосовъ неизвѣстны ни по К. Ц. ни по Исторіи Сумбата.

[Глава II].

Между тѣмъ окончила теченіе своей жизни по вѣрѣ Св. Троицы святая и блаженная царица Нино, которая сдѣлалась вѣстницею радости сердець нашихъ и увеселительницею душъ и тѣлесъ нашихъ; она покончила съ однимъ этимъ царствомъ Сѣвера, мѣхетскимъ, съ царствомъ царей: научила всѣхъ исповѣданію Отца и Сына и Св. Духа съ крещеніемъ, пришествію Христа и рожденію отъ Св. Дѣвы, крещенію и смерти Христа, воскресенію изъ мертвыхъ, бессмертію и жизни послѣ смерти, второму пришествію на землю Сына Божія, жизни праведныхъ и возмездію грѣшниковъ, и тому, что Его есть царствіе Божіе во вѣки вѣковъ и послѣ, аминь ¹⁾.

Достигнувъ страны хкоетской, мѣстечка Буди, *Нино* заболѣла болѣзнию, отъ которой и преставилась.

Тогда, *при ея кончинѣ*, собрались цари земные и мтавары ²⁾ съ вельможами, и многое множество народа, ибо всякій человекъ видѣлъ, что лицо *Нины* было, какъ лицо ангела небеснаго.

И разрывали простую и старую одежду ея, прикладываясь съ вѣрою, и невольно преклонялись предъ нею всѣ, окружающія ее царицы, у которыхъ потоки слезъ текли изъ глазъ по причинѣ отшествія отъ нихъ наставницы, подвижницы и искусной испѣлительницы больныхъ.

Къ ней обращались съ вопросами царицы—Саломе уджармійская и Перожавра сивніетская, и вмѣстѣ съ ними всѣ мтавары спрашивали ее и говорили: „Кто ты и какъ ты при-

¹⁾ Весь этотъ параграфъ, выраженный въ оригиналѣ однимъ періодомъ, отсутствуетъ во всѣхъ до сихъ поръ извѣстныхъ вариантахъ Житія св. *Нины*.

²⁾ Мтаварами называются владѣтельные князья, главари народа, высшіе сановники.

шла въ нашу страну ради спасенія нашего; или гдѣ ты воспитывалась, царица? Открой намъ дѣло твое, почему ты называешь себя плѣнницею, любезная освободительница плѣнныхъ? Ибо мы узнали отъ тебя, что и прежде бывали пророки до пришествія Сына Божія на землю, а потомъ было двѣнадцать да еще семьдесятъ два апостола, но намъ никого не прислалъ Богъ, кромѣ тебя. И почему ты говоришь: „ибо я плѣнница“, или „ибо я странница?“¹⁾

Тогда Нино начала говорить и сказала: „Жены вѣрующія, угодницы Божіи, царицы мои, вижу васъ всѣхъ, какъ первыхъ тѣхъ святыхъ женъ, *проникнутыхъ* вѣрою и любовью къ Богу; вы хотите узнать пути мои, убогой рабыни вашей, и я повѣдаю вамъ. Вотъ душа моя подступила къ горлу моему, и мнѣ хочется уснуть сномъ вѣчнымъ матери моей. Вы же принесите чернила и перья и запишите убожество мое и жалкую жизнь мою, чтобы вѣдали и сыновья ваши вѣру вашу, благосклонный приемъ мой и чудеса Божіи, изъ которыхъ вы видѣли немного на горѣ той, на мѣстѣ тѣхъ ежевичныхъ кустовъ, при воздвиженіи Столба, и далѣе, надъ источникомъ; а какія знаменія, явленныя съ неба на землю, видѣли очи мои до моего прихода сюда, знаетъ самъ Господь и душа моя“²⁾.

Тогда Саломе улжармійская и Перожавра сивніетская достали чернила и перья, и Нино стала рассказывать, а тѣ

¹⁾ Последнія четыре слова я беру изъ К. Ц., къ которой, какъ и въ другихъ вариантахъ, сказано: *ახუ ვითარ უცხო*. Въ нашемъ оригиналѣ тутъ текстъ не понятенъ: *ახუ ანდოეს თუ*—или какъ бы въ Индіи (?). Быть-можетъ, мы тутъ имѣемъ ошибочно переданную, вслѣдствіе смѣшенія сходныхъ буквъ хуцуря, фразу: *ახუ ვითარ უნდოა ვინმე თუ*—или какая нибудь убогая.

²⁾ Отъ словъ „на горѣ той“ нѣтъ въ другихъ вариантахъ.

писали. Она начала о дѣлахъ родителей своихъ, предшествовавшихъ ея рожденію ¹⁾).

[Глава III]. Житіе Святой Нины.

Въ то время когда Георгій Каппадокійскій былъ замученъ за Христа, нѣкій человекъ, равный мтавару, рабъ Божій ²⁾, отправился изъ *одного* города Каппадокіи въ Римъ, къ царямъ ³⁾, чтобы служить имъ и получать награды.

¹⁾ Весь рассказъ отъ словъ: „Тогда собрались цари земные“ повторяется съ нѣкоторыми вариациями и въ К. Ц. (см. Н. Г. р. 127—128). Существенную разницу нашего оригинала съ другими вариантами составляетъ то, что во всѣхъ другихъ житіяхъ св. Нины приведенный рассказъ помещенъ въ концѣ жизнеописанія ея—тамъ, гдѣ говорится объ обращеніи ея кахетинскихъ владѣтелей въ христіанство, при чемъ списки Житія св. Нины Іоанна Крестительской пустыни и Шюмгвискаго монастыря, равно какъ и изданіе М. Сабинина „Рай Грузія“, вводятъ рассказъ объ обращеніи въ христіанскую вѣру кахетинской царицы Суджи съ ея народомъ, приводятъ письмо св. Нины, посланное ею передъ смертью царю Миріану черезъ царицу Суджи, которая, судя по этому рассказу, отправилась въ Мцхету, чудеснымъ образомъ переправилась на глазахъ всего народа черезъ разлившуюся до большихъ разливовъ Арагву, приложилась къ Животворящему Столбу и пожертвовала Мцхетскому храму городъ Баратіани и мѣстечко Буди (Рай Грузія, стр. 149—150. Рукописи Крест., стр. 586—587, Шюмг. стр. 358—359). Этихъ свѣдѣній нѣтъ ни въ К. Ц. ни въ нашемъ источникѣ, какъ мы объ этомъ упоминали отчасти (см. выше, стр. 24, прим. 1). Во всѣхъ другихъ вариантахъ Житіе св. Нины начинается слѣдующими словами: „Сперва упоминаетъ о жизни святой и блаженной матери нашей, вѣстницы и просвѣтительницы всей Грузія, которую она сама желанная рассказала передъ своею смертью и которую записала вѣрующая царица Саломе уджаршійская, жена сына царя Миріана, дочь Трдата, царя армянскаго“.

²⁾ Всѣ другіе списки тутъ прибавляютъ: по имени Завулонъ (въ нѣкоторыхъ спискахъ: Забллонъ; М.: Забулонъ).

³⁾ Въ спискахъ К. Ц. Вахтанговской Редакціи сказано: къ царю Максимиану.

Въ то же самое время въ Коластъ ¹⁾ жилъ одинъ человекъ, у котораго было двое дѣтей: сынъ и дочь. Имя сыну его было Ювеналій (Лобеналь), а дочери—Сусанна.

Послѣ того, какъ названные родители умерли, дѣти ихъ остались сиротами. Они отправились въ святой градъ Иерусалимъ, возложивъ надежду на *орама* Воскресенія, упованіе всѣхъ христіанъ, куда и обратились съ просьбою.

Упомянутый братъ Сусанны получилъ *должность* эконома, а Сусанна служила Міафоръ-Саррѣ, вилеземлянкѣ.

Между тѣмъ молодой каппадокіецъ прибылъ въ Римъ, къ царю. Въ то время бранджи учинили нападеніе на римлянъ на полѣ Паталанскомъ ²⁾. Богъ далъ молодому кашпа-

¹⁾ Въ К. Ц., Крест. и Шюм.: въ городъ Коластрѣ. Въ Армянской Хроникѣ: Коласта. „Peut-être la ville de Colonée ou Colosse“, замѣчаетъ Броссе по поводу названія упомянутого города (Н. Г. р. 90, п. 4). Если подъ именемъ Коласта подразумѣвается городъ Colossae классическихъ писателей, то онъ находился не въ Капподокіи, а въ Фригіи. Впрочемъ, городъ подъ такимъ названіемъ находился еще въ Лидіи.

²⁾ Неизвѣстно, какой народъ подразумѣвается подъ бранджами, потому что это названіе вѣдъ Житія св. Нины ни въ одномъ грузинскомъ источникѣ не попадается. Царевичъ Вахуштъ въ своей Исторіи Грузіи (изданіе Бакрадзе, стр. 57, прим. 3) говоритъ слѣдующее: „Я полагаю, что бранджи суть жители Барцалоніи (Барцелоніи), города Испаніи въ Каталоніи, ибо названія бранджи и Барцалонъ похожи, а Каталонъ отличается отъ грузинскаго Паталонъ только одною буквою, тамъ же находился глубокая рѣка и поле Паталонское или Каталонское. Кромѣ того, тамъ живутъ баргузы—то же, что грузинскіе бранджи“. Изъ исторіи извѣстно, что Константинъ Великій въ 306 году побѣдилъ на берегу Рейна франковъ и плѣнилъ ихъ царей Аскарива и Реганса (Lebea Histoire du Bas-Empire 1, 42—43), но едва ли объ нихъ здѣсь идетъ рѣчь. Грузинологи, касавшіеся вопроса о бранджахъ, приурочивали этотъ народъ то къ франкамъ, то къ бургундцамъ, то къ фризанъ и британцамъ, то фригійцамъ (Сабининъ Рай Грузіи, стр. 120. М. Джанашиви. Исторія Грузинской Церкви, стр. 19. А. Хахановъ. Источники по введенію христіанства въ Грузіи, стр. 20, прим. 42).

докійцу силу несокрушиму. Онъ сильно боролся съ врагами до тѣхъ поръ, пока не обратилъ ихъ въ бѣгство. Онъ взялъ въ плѣнъ царя бранджовъ вмѣстѣ со многими мтаварами и представилъ римскому царю царя бранджовъ и всѣхъ мтаваровъ. Царь же опредѣлилъ имъ смертную казнь.

Тогда бранджи начали плавать и просили Завулону: „Дай намъ сначала вѣру твою и введи насъ въ храмъ Бога твоего, а потомъ пусть возьмутъ насъ, ибо какъ ты плѣнилъ насъ, такъ ты же одѣлай это намъ и будешь ты тогда неповиненъ въ крови нашей“.

Между тѣмъ Завулонъ, услыжавъ это, немедленно сообщилъ ихъ слова царю и патриарху, и они крестили ихъ водъ воспріемничествомъ Завулону, ввели ихъ въ храмъ Божій, святую церковь, приобщили тѣмъ Христа и помазали имъ все величіе святыхъ апостоловъ. Утромъ рано бранджи эти встали, одѣлись въ траурныя одежды, вышли на мѣсто казни, молились и благодарили Бога за крещеніе и причащеніе и говорили: „Мы и въ смерти — безсмертны, ибо сподобилъ насъ Богъ получить такое величіе и нескончаемую путевую пищу, тѣло и кровь Христа, Сына безсмертнаго Бога, того Владыки, Который превыше всего высокаго и глубже всѣхъ беднъ, яко благословенъ во вѣки вѣковъ, аминь. Только горе дѣтямъ ¹⁾ нашимъ, плодамъ горькимъ, обитателямъ тьмы!“ И восклицали они: „Приходи, палачъ, и отруби намъ головы наши!“ Видя это, Завулонъ встревожился духомъ и плакалъ, ибо они подобно овцамъ выставили головы свои на закланіе, и какъ овцы объ агнцахъ своихъ, такъ и эти заботились о дѣтяхъ своихъ.

Тогда Завулонъ вошелъ къ царю, выпросилъ прощеніе имъ и отпустилъ ихъ съ подарками, но они умоляли Завулону отправиться вмѣстѣ съ ними въ ихъ страну, чтобы дать религію Христа и крестить водою весь ихъ народъ.

¹⁾ Въ Вахт. Ред.: родителей.

Завулонъ внявъ ихъ *просьбу*, испросилъ у патріарха священниковъ и, получивъ позволеніе отъ царя, отправился съ радостью.

Какъ только они приблизились на разстояніи одного дневного перехода, дошло извѣстіе *изъ страну бранджова*, что царь живъ и ѣдетъ со всѣми мтаварами.

Тогда двинулись слѣдующіе десять эриставствъ: Холамай ¹⁾ и Хозабай ²⁾, Хлачай ³⁾, Хенешаги ⁴⁾, Тимгараги ⁵⁾, Закай ⁶⁾, Гвай ⁷⁾, Заргай ⁸⁾, Зардай, Зармай ⁹⁾ и Тмоигои ¹⁰⁾ царскій ¹¹⁾ и встрѣтили ихъ у большой рѣки Гдамары ¹²⁾.

Царь раздѣлилъ народъ и поставилъ по ту и по сю сторону рѣки. Священники освятили рѣку. Весь народъ вошелъ туда и, омывшись, сталъ выходить черезъ одинъ выходъ. Завулонъ возлагалъ на всѣхъ ихъ руку въ продолженіе десяти дней. Въ разбитыхъ тутъ палаткахъ священники служили обѣдню и приобщали *народъ* св. таинъ Христовыхъ.

¹⁾ Въ Вах. Ред. нѣтъ этого слова. М.: Холамъ.

²⁾ Вах.: Хозамо. М.: Хозабъ.

³⁾ Вах.: Гаахладжа. Списокъ Броссе: Гардаджа. Шіомг. и Крест.: Халачай.

⁴⁾ М.: Хенебаги (смѣшеніе буквъ б и ш). Вах.: Хонебага. Шіом. и Кр.: Хенешаги.

⁵⁾ Вах.: Хингирага: Списокъ Броссе: Хиничраги.

⁶⁾ Вах.: Заджа.

⁷⁾ Вах. нѣтъ. I. Кр.: Газай. Шіом.: Газа.

⁸⁾ Вах.: Зага. I. Кр. и Шіом.: Зарга.

⁹⁾ Вах.: Запра. I. Кр. и Шіом.: Зарма. Въ М. пропущено.

¹⁰⁾ Вах.: Тмои. М.: Тмогои. Тмоигои считается, вѣроятно, за собственное владѣніе царя и не входитъ въ число десяти эриставствъ.

¹¹⁾ Вах.: Царство.

¹²⁾ М.: Гадмара. Въ Вах. Редаціи *გადმარა* приурочено къ слову *გაბი*—глубокій, такъ что у Вахтанга это слово не собственное имя, а нарицательное. „И встрѣтили ихъ у большой и глубокой рѣки“. Это исправленіе принадлежитъ безусловно Вахтанговской Редаціи, тѣмъ болѣе, что Шіомгвимскій и I. Крестительскій списки согласены съ нашимъ текстомъ.

И отпустилъ *Завулонъ* священниковъ, благоустроивъ дѣла христіанства и, благословивъ ихъ, вернулся съ большими дарами въ Рямъ.

Затѣмъ онъ возымѣлъ намѣреніе въ сердцѣ своемъ и сказалъ: „Отправлюсь я въ Іерусалимъ“. И даже нищимъ все имъ пріобрѣтенное. Между тѣмъ упомянутый экономъ былъ уже избранъ патріархомъ; и очень подружился между собою *Завулонъ* и патріархъ.

Сарра-Міафора сказала патріарху: „Этотъ *Завулонъ*, отецъ и воспріимникъ *Бранджовъ*,—человѣкъ, исполненный мудрости и страха Божія; дай ему въ супружество сестру твою *Сусанну*“.

Слова ея понравились св. патріарху. Онъ выдалъ *Сусанну* замужъ за *Завулону*, который отправился въ свой городъ *Коласы* ¹⁾.

И только я ²⁾ одна родилась отъ нихъ, и они—родители мои, и воспитала меня мать моя подъ кровомъ своимъ въ безпрестанномъ служеніи нищимъ и днемъ и ночью.

Какъ только мнѣ исполнилось двѣнадцать лѣтъ, родители мои продали все, что имѣли, и отправились въ Іерусалимъ.

Тогда отецъ мой, получивъ благословеніе отъ патріарха, разошелся съ матерью моею, прижалъ меня къ груди своей и, потоками проливая слезы на глаза и лицо мое, сказалъ мнѣ: „Ты, единокровная дочь моя, вотъ я оставляю тебя сиротою и предоставляю Богу небесному, отцу, воспитателю и господну всѣхъ, ибо Онъ—отецъ сиротъ и судья вдовъ. Не бойся, дочь моя! Ты только выкажи рвеніе *Маріи Магдалины* и сестеръ *Лазаря* въ любви къ Богу и, если ты такъ же, какъ онѣ, будешь бояться Его, Богъ дастъ тебѣ все, что попросишь и что тебѣ когда-нибудь нужно будетъ отъ Него“. И,

¹⁾ Въ другихъ вариантахъ: *Коластры*.

²⁾ Во всѣхъ другихъ вариантахъ, кромѣ *Армянской Хроникъ*, рассказъ переданъ третьимъ лицомъ.

поцѣловавъ меня поцѣлуемъ вѣчнымъ, отправился за Иорданъ, въ племенахъ дикимъ. Объ его пребываніи тамъ вѣдаетъ Господь его Исусъ.

Что касается до моей матери, то патриархъ далъ ее въ служительницы нищимъ, больнымъ женщинамъ, а я находилась въ услуженіи у Міафоры, армянки изъ Двина, два года.

И я спрашивала ее о страданіяхъ Христовыхъ, о распятіи, погребеніи, воскресеніи, объ одеждѣ, о крестѣ, о флажкахъ, о погребальныхъ плащаницахъ Его и обо всемъ постепенно, ибо ни прежде ни тогда никого не было въ Иерусалимѣ равнаго ей по знаціямъ всѣхъ путей завѣтовъ Ветхаго и Новаго.

Она начала рассказывать мнѣ и сказала: „Вижу, дитя мое, силу твою, подобную силѣ львицы, которая возвышаетъ свой голосъ надъ всѣми четвероногими; или подобна ты орлицѣ, которая выше орла поднимается въ высъ небесную и зеницей своей, равной небольшой жемчужинѣ, обнимаетъ всю землю, выслѣживаетъ и намѣчаетъ свою добычу и, намѣтивъ взоромъ, подобнымъ огню, съ шумомъ недбираетъ крылья и устремляется на нее. Да будетъ такова жизнь твоя, при руководствѣ Св. Духа“ ¹⁾.

Глава IV ²⁾, написанная тою же Соломе уджармійскою ³⁾.

„Нынѣ я начну и расскажу все. Когда смертные люди увидѣли безсмертнаго Бога, Который явился на землю, Из-

¹⁾ Весь этотъ рассказъ имѣетъ параллель и въ другихъ вариантахъ (ср. съ Н. Г. р. 90—93).

²⁾ Первые три главы нашего источника не обозначены въ оригиналѣ, но очевидно, что первую главу составляетъ приведенная нами выше краткая хроника (стр. 1—48), вторая и третья главы отмѣчены нами въ скобкахъ (см. выше стр. 49 и 51).

³⁾ Въ другихъ вариантахъ нижеслѣдующій рассказъ примыкаетъ къ предыдущему и не выдѣленъ въ особую главу.

раниль отрекся отъ Него. Онъ призывалъ всѣ чуждые народы, поклоняющіеся инымъ богамъ, ибо желалъ спасти міръ, Имъ же созданный. Онъ же началъ благодѣтельствовать евреямъ: воскрешать мертвыхъ, возвращать зрѣніе слѣпымъ и исцѣлять отъ всѣхъ болѣзней. Это возбудило въ нихъ зависть и они, сговорившись, разослали стратиготовъ ¹⁾ по всѣмъ странамъ, чтобы *сорои* поспѣшно явились; „ибо“, говорили они, „вотъ, мы погибаемъ“.

Тогда собрались изъ всѣхъ странъ евреи, знатоки Моисеева закона, которые возстали противъ Св. Духа, и что надлежало Христу отъ нихъ, они исполнили: распяли Его и одѣждѣ Его кинули жребій; хитонъ же Господа. Іисуса достался по жребію людямъ сѣвернымъ, жителямъ Мидхеты. Евреи похоронили Творца своего и запечатали гробъ. Но Онъ воскресъ, какъ предрекъ, а плащаница утромъ была еще въ гробу.

Выждавъ все это, Пилать и его жена пришли ко гробу, нашли плащаницу; жена Пилата взяла ее и поспѣшно отправилась въ Понтъ, къ себѣ домой, и сдѣлалась вѣрующей во Христа ²⁾. Спустя много лѣтъ, плащаница попала въ руки евангелиста Луки, и онъ спряталъ ее, гдѣ, — самъ вѣдаеть. Саванъ же, какъ и тѣло Христа, не былъ найденъ. Нѣкоторые говорили относительно Петра, будто ему посчастливилось взять и владѣть имъ, но определеннаго объ этомъ, какъ обо всемъ остальномъ, ничего не сказывали. Что же касается до крестовъ, то они зарыты въ этомъ городѣ, но мѣсто ихъ никому неизвѣстно. Когда Богу будетъ угодно, они откроются ³⁾.

¹⁾ Отъ слова *στρατιώτης* — воинъ. Въ данномъ случаѣ это слово имѣетъ значеніе курьера.

²⁾ Этотъ параграфъ до этого мѣста не имѣется въ спискахъ К. Ц. Вахтанговской Редакціи, хотя въ спискахъ Марин, Крест., Шюм. и въ Армянской Хроникѣ есть.

Тогда я воздала хвалу Господу Богу и благодареніе царицѣ моей за весь этотъ рассказъ и снова спросила ее: „Гдѣ та сѣверная страна, или гдѣ та одежда Господа нашего?“

Она сказала мнѣ: „Сѣверная страна находится съ стороны нагорной области Арменіи, она — страна языческая, подвластная грекамъ и ужикамъ“¹⁾.

¹⁾ Въ спискѣ К. Ц. Маріи сказано: Сарра-Ніафора отвѣчала и сказала: „Есть на востокѣ городъ, который носить названіе Мцхета, и — страна Бартаин и нагорная область Арменіи, она (Мцхета) пребываетъ въ язычествѣ и подвластна грекамъ (этого слова въ изданіи Броссе нѣтъ) и ужиканъ (см. К. Ц. Маріи, стр. 61—62). Въ Крест. и Шюмг. рукописяхъ мы читаемъ: „На востокѣ находится городъ подъ названіемъ Мцхета и страна Бартаин и Арменіи, и нагорная область Арменіи, и языческая страна, въ настоящее время она (Мцхета) подвластна грекамъ и ужикамъ“. Въ одной рукописи хуцури, озаглавленной „Метафраза св. Нины“, списанной съ старой рукописи священникомъ Алексѣемъ Баградзе (онъ еще живъ) и помертвованной имъ Тифлисской дворянской школою, мы читаемъ (стр. 3): *საგორა იგი ვერცხლსა და და არს მცხეთა. ხელთა მან მთუცა. არს იგი ჩრდილოეთით ვერცხლსა და არს საქართველო და სამხრეთკრებულთა წინამძღოლთა შინ სპარსთა და თურქთა და ქალაქი არს მცხეთა* — А она (Нино) спросила: „Гдѣ находится Мцхета?“ Та же (Ніафора) отвѣчала: „Она находится въ странѣ сѣвера, которая есть Сакартвело (Грузія) и владѣніе язычниковъ, между Персією и Осетією, и въ ней находится городъ Мцхета.“ Такое же указаніе на страну сѣвера, языческое государство, между Персією и Осетією, встрѣется еще въ одной рукописи Азиатскаго музея (№ 39), какъ видно изъ статьи Н. Марра: Хитонъ Господень въ ивжнскихъ легендахъ армянъ, грузинъ и сирійцевъ. Изъ Сборника статей учениковъ профессора бар. В. Р. Розена, стр. 7). Кого нужно подраумѣвать подъ ужиками до сихъ поръ въ точности неизвѣстно, но въ догадкахъ нѣтъ недостатка. Ужики встрѣчаются еще въ грузинскомъ переводѣ Дѣяній Апостоловъ, гл. 2, ст. 7, гдѣ сказано: И пертны и имды и ужики и эланиты. Въ другихъ переводахъ священныхъ книгъ ужики не упоминаются. Броссе замѣчаетъ: *En armenien oujégh signifie „hort. vigoureux“; ne serait-ce pas l'origine du mot oujic, indiquant peut-être ici la tyrannie des démons, dont le cult prévalait*

Въ тѣ дни прибыла изъ Ефеса одна женщина поклониться св. храму Воскресенія. Міафора спросила ее: „Въ прежней ли тѣмъ пребываетъ царица Елена, и царствованіе ихъ не отъ Бога?“

Та отвѣчала: „Я раба ихъ и соучастница всѣхъ ея намѣреній, и она имѣетъ сильное желаніе принять религію римлянъ, вѣру Христа, и креститься“.

А я сказала Міафорѣ¹⁾: „Пошли, и я пойду къ царицѣ Еленѣ, быть-можетъ, она допуститъ меня проповѣдать ей

alors en Géorgie?Un géorgien m'a dit que les commentateurs géorgiens de l'Évangile nomment les oujics „chaldéens“ (Н. Г. р. 94, п. 1). Савва Сулханъ Орбелиани въ своемъ грузинскомъ лексиконѣ подъ Ужикети подразумѣваетъ Багдадъ. Привода разныя указанія объ ужикахъ П. Юсселиани спрашиваетъ: „Народъ этотъ, извѣстный подъ именемъ ужиковъ въ грузинскихъ книгахъ, не есть ли тѣ ужи, которые принимаются за мадяровъ или маджаровъ и о которыхъ въ первый разъ сталъ упоминаеть Константинъ Порфирогенитъ въ De administrando Imp. cap. XXVII?“ (П. Юсселиани. Жизнеописаніе святыхъ, прославляемыхъ православною Грузинскою Церковью, стр. 40, прим. 1 см. также у Сабинина. Полное жизнеописаніе святыхъ Грузинской Церкви, стр. 7, прим.). Въ К. Ц. упоминается еще народъ „уджи“, подъ которыми разумѣются турки (Н. Г. 451, п. 4). По мнѣнію А. Хаханова, подъ ужиками, быть-можетъ, нужно подразумѣвать черкесовъ (Источники по введенію христіанства въ Грузію, стр. 22, прим. 45). Послѣ этого параграфа въ указанномъ выше трудѣ М. Сабинина. Полное жизн. святыхъ Груз. Церкви, стр. 7—8, разсказывается, что Богородица во снѣ явилась св. Нинѣ и приказала ей отправиться въ Иверскую страну, въ свой жребій, благовѣствовать тамъ евангелію, при чемъ вручила ей крестъ изъ виноградныхъ лозъ, который Нино перевязала своими волосами. Ни въ одномъ спискѣ Житія: св. Нины, въ томъ числѣ и въ изданіи самого Сабинина Рай Грузію на грузин. языкѣ, этихъ свѣдѣній нѣтъ. Но въ цитованномъ мною Метафразѣ св. Нины (стр. 4) разсказъ этотъ приведенъ. Изъ нашего источника (стр. 19) видно, что крестъ изъ обрѣзковъ виноградныхъ лозъ сдѣлала сама св. Нино въ Микетѣ.

¹⁾ Это имя въ другихъ вариантахъ встрѣчается въ формѣ Міафора.

Христа". Миафора сообщила объ этомъ патриарху, и святой отецъ мой патриархъ, дядя мой по матери, позвалъ меня, поставилъ на ступеняхъ алтаря и, возложивъ руки свои на плечи мои, обратился къ небу, вдохнулъ и сказалъ: „Господи, Боже отцовъ и вѣвовъ, въ руки твои предаю сироту эту, дочь сестры моей, и посылаю ее на проповѣдь божества Твоего, чтобы она благовѣствовала Воскресенію Твоему. Вскреси, куда Твое благоволеніе направитъ ее, будь ей, Христе, путемъ, соутникомъ, пристанищемъ, учителемъ краснорѣчія, каковымъ Ты былъ для боящихся прежде имени Твоего!“

И патриархъ удалилъ меня отъ матери моея, далъ мнѣ крестъ и благословеніе, какъ путевую пицу, и я отправилась вмѣстѣ съ тою женщиной. Когда мы пришли въ ея домъ, тамъ застали одну царицу, изъ царскаго рода¹⁾, по имени Рипсима, которая ожидала крещенія изъ Іерусалима, сильно желая исповѣдывать Христа. Тогда она отдала меня въ руки Рипсима, которая вмѣстѣ съ 40 домохадцами приняла крещеніе изъ моихъ рукъ. Мы отправились въ ея домъ и оставались тамъ два года²⁾.

Тогда Господь приерълъ на Грецію: увѣровалъ царь Константинъ, и провозгласили Христа онъ, мать его и весь дворъ ихъ, отъ сотворенія міра въ пять тысячъ четыреста сорокъ четвертомъ году, а отъ Вознесенія Христова въ

¹⁾ Въ оригиналѣ 𐌸𐌹𐌱𐌰𐌹𐌸𐌰 —свадига. ²⁾Объ этомъ см. выше, стр. 18 прим. 2.

²⁾ Во всѣхъ другихъ вариантахъ Житія св. Нины тутъ приводится длинный рассказъ о томъ, какъ для римскаго царя искали красивую жену и какъ Трдатъ, царь армянскій, былъ пораженъ красотой Рипсима и хотѣлъ жениться на ней, но когда она этого не захотѣла, замучилъ Рипсима вмѣстѣ съ ея спутницами. Источникомъ этого рассказа всѣ арменски называютъ книгу „Обращенія Арменіи въ христіанство, т. е. Ага-ангела (см. Н. G. p. 96—97).

триста одиннадцатомъ году, и вся Греція преуслѣвала въ христіанствѣ. На седьмомъ году былъ соборъ въ Никее, а на восьмомъ имѣло мѣсто бѣгство наше изъ Греціи. Я, царица Рипсиме, Гаіане, кормилица ея, и пятьдесятъ *другихъ* душъ, выстушили пятнадцатаго числа перваго мѣсяца ¹⁾).

И прибыли мы въ предѣлы Арменіи, въ садъ царя Трдата. Онѣ были замучены тамъ тридцатаго числа перваго мѣсяца, въ день пятницы ²⁾).

Я же осталась въ розовыхъ кустахъ, ибо розы и миндаль цвѣли тогда. Когда души этихъ святыхъ поднялись, а

¹⁾ Хронологическія свѣдѣнія этого параграфа отсутствуютъ въ другихъ вариантахъ. Мы уже говорили, что эти свѣдѣнія не согласны съ хронологическими указаніями первой части нашего источника (см. выше стр. 16—18). 5444 г. отъ сотворенія міра согласуется съ 311 годомъ послѣ Вознесенія, если считать отъ сотворенія міра до Р. Х. 5100 лѣтъ, а отъ Р. Х. до Вознесенія 33 года ($5100 + 311 + 33 = 5444$), но тогда выйдетъ, что Константианъ принялъ крещеніе въ 344 году послѣ Р. Х., когда его уже не было въ живыхъ. Поэтому выраженіе „послѣ Вознесенія Христова“, какъ мы уже указывали, нужно принять равнозначущимъ выраженію „послѣ Рождества Христова“. Въ грузинскихъ источникахъ за древній періодъ такое значеніе этого выраженія явленіе довольно обыкновенное. Итакъ, принимая во вниманіе, что здѣсь разумѣется принятіе христіанства Константиномъ Великимъ въ 311 г. послѣ Р. Х., а не послѣ Вознесенія, по смыслу разбираемаго мѣста выйдетъ, что Никейскій соборъ былъ въ 318 г. ($311 + 7 = 318$), а Нина бѣжала изъ Греціи со своими спутницами въ 319 году. ($311 + 8 = 319$). На самомъ дѣлѣ, Никейскій соборъ былъ, какъ извѣстно, въ 325 г., а бѣгство Нины, по смыслу первой части нашего источника, имѣло мѣсто въ 324 г. (см. выше стр. 17—18). Мы должны еще замѣтить, что выше, въ первой части нашей хроники (стр. 28), отъ сотворенія міра до Р. Х. считается 5500 лѣтъ. Другое болѣе пряное указаніе такого рода мы увидимъ ниже.

²⁾ Первый мѣсяцъ тутъ, повидному, считается мартъ. Въ этомъ смыслѣ мы находимъ разъясненіе въ другихъ спискахъ, какъ увидимъ ниже. Свѣдѣнія разныхъ авторовъ о годѣ мученичества Рипсиме и Гаіане см. у Вроссе Н. G. p. 97, n. 1.

увидѣла дьякона въ облаченіи, спускающагося съ неба, со свѣтлымъ ораремъ. Онъ держалъ въ рукахъ своиѣ кадило, изъ котораго выступалъ дымъ благоуханія, застилавшій небо. Вмѣстѣ съ нимъ было множество небожителей.

И святія эти души соединились съ небожителями и съ величіемъ вознеслись на небо.

Тогда я воскликнула: „Господи, Господи, зачѣмъ оставлешь меня среди аспидовъ и ехиднъ!“

Услышала я голосъ свыше, который говорилъ мнѣ: „Такое же будетъ взятіе твое, когда это терніе, которое тебя окружаетъ, все превратится черезъ тебя въ красную; благоухающую розу. Ты только встань и отправляйся на востокъ ¹⁾, гдѣ жатвы много, а дѣлателей совсѣмъ нѣтъ“. Я же отправилась въ Улопоретъ ²⁾, гдѣ зимовала въ большомъ затрудненіи.

На четвертый мѣсяцъ ³⁾ отправилась я къ Джавахетскимъ горамъ, чтобы узнать, по какую сторону находится Мцхета ⁴⁾.

Пришла я къ тѣмъ горамъ ⁵⁾ [и достигла большого

¹⁾ Во всѣхъ другихъ вариантахъ сказано: „на сѣверъ“, что и должно быть на самомъ дѣлѣ.

²⁾ То же самое въ цитованномъ Метафрасѣ Нины. Но въ спискѣ Маріи, вмѣсто Улопоретъ,—Урбията; въ Вахт. Ред.: Орбията; въ Крест.: Орбията; въ Шюмг.: Урбияси; въ Армянской Хроникѣ—Ourbanis. Приуроченіе этого названія къ Урбиясу, каковая тенденція замѣчается въ нѣкоторыхъ спискахъ, не выдерживаетъ критики, потому что Урбияси находится въ центрѣ Карталиніи, а Улопоретъ, какъ видно, находился въ предѣлахъ Грузіи, повидимому, въ Арменіи. Въ Урбияси Нино прибыла гораздо позже, и этотъ путь описанъ ниже.

³⁾ Во всѣхъ другихъ вариантахъ прибавлено: „т. е. въ іюнь, считая отъ марта“.

⁴⁾ Вся эта четвертая глава въ другихъ спискахъ въ общемъ представляетъ тѣ же варианты, какія мы наблюдаемъ въ К. Ц. (см. Н. Г. р. 93—99).

⁵⁾ Тутъ въ оригиналѣ недостаетъ одного листа, и то, что нами ниже приводится въ прямыхъ скобкахъ, взято нами изъ К. Ц. и другихъ на-

озера, имѣющаго истокъ, и называемаго Паравана¹⁾. Оглядывшись кругомъ, я увидѣла Сѣверныя горы, которыя, не смотря на тѣ лѣтніе дни, были покрыты снѣгами и суровымъ воздухомъ. Я смутилась и сказала такъ: „Господи, Господи, прими душу мою отъ меня!“ Я осталась тамъ два дня, прося пищу у рыбаковъ, ловившихъ рыбу въ томъ озерѣ. Въ тѣхъ мѣстахъ были также пастухи, которые, сторожа свои стада на мѣстѣ ихъ ночной стоянки, считали своими помощниками и покровителями боговъ своихъ, Армаза и Задена, и обѣщивали имъ жертвы, когда они предстанутъ предъ нихъ благополучно. Это они говорили на армянскомъ языкѣ, которому я немного научилась въ началѣ у Ниафоры, и спросила одного изъ этихъ пастуховъ и сказала по-армянски: „Изъ каковаго вы села?“ Онъ отвѣчалъ и сказалъ мнѣ: „Мы изъ селъ Эларбини, Сапурцли²⁾, Киндзара, Рабата и изъ большого города Мцхеты³⁾, гдѣ боги господствуютъ⁴⁾, и цари царствуютъ“. Я опять спросила: „А гдѣ этотъ городъ Мцхета?“ Онъ отвѣчалъ и сказалъ мнѣ: „Вотъ эта рѣка, выте-

ми указанныхъ списковъ Житія св. Нины, при чемъ для единства мы передаемъ разсказъ первымъ лицомъ, хотя во всѣхъ спискахъ нашъ разсказъ переданъ третьимъ лицомъ (см. Н. Г. р. 99—100). Текстъ К. Ц. въ данномъ случаѣ особыхъ вариантовъ въ сравненіи съ другими списками не представляетъ.

1) Въ Вахт. Ред.: Паравна. Крест.: Цанавра. Шюмгвиск.: Паравани.

2) Пяти послѣднихъ словъ нѣтъ въ Кр. и Шюмг.

3) Въ Армянской Хроникѣ: изъ Дарба, Лрбана и большого города Мцхеты. Сапурцли и Киндзара у Вахушта показаны (см. Géogr. de la Géorgie. р. 473) недалеко отъ Мцхеты, въ сосѣдствѣ съ Мухраномъ. Положеніе Рабата неизвѣстно. Эларбинъ или Лрбинъ Армянской Хроники Броссе сближаетъ съ лѣтникомъ, народомъ Албаніи по Моисею Каганкатвацци; имя этого народа онъ находитъ въ названіи Лопотисъ-цвалъ, лѣваго притока Алазани (см. Н. Г. р. 98, п. 7).

4) ღმერთობებ, т. е. божествуютъ. Въ Шюмгв.: ღმერთობებ—видать.

нающая изъ озера, протекаетъ черезъ тотъ городъ Мцхету¹⁾.

Огорченная продолжительностью пути и протяженностью тѣхъ горъ, которыя видѣла, я была въ тревогѣ и, вдыхая, положила себѣ подъ голову вмѣсто изголовья камень и такъ заснула у стога того озера. Во время сна мнѣ представился человѣкъ, среднихъ лѣтъ, съ волосами, спускающимися на половину, который, отдавъ мнѣ запечатанную книгу, сказалъ: „Отнеси это немедленно въ городъ Мцхету, къ царю-язычнику“.

Я начала плакать, и съ мольбою сказала ему: „Господи, я женщина невѣдѣнная и неувѣдущая, не владѣющая ихъ языкомъ²⁾, какъ я приду въ чужую страну, въ людямъ многоплемени?“ Тогда человѣкъ тотъ отерлъ упомянутую книгу, на которой была печать Иисуса Христа, и было написано въ ней, какъ на каменныхъ скрижаляхъ Моисея, языкомъ римлянъ десять изреченій, и онъ далъ мнѣ ее читать. Таково было начало тѣхъ изреченій:

1. Гдѣ будетъ проповѣдано евангеліе сіе, тамъ будетъ сказано и о женѣ сей.

2. Нѣтъ ни мужскаго пола ни женскаго, ибо всѣ вы одно.

3. Идите и научите всѣ (языческіе) народы, крестя ихъ во имя Отца и Сына и Св. Духа.

4. Свѣтъ къ просвѣщенію язычниковъ и славу народа твоего Израиля.

5. Это евангеліе царства небснаго будетъ проповѣдано во всемъ мірѣ³⁾.

¹⁾ Изъ Тапарванскаго озера вытекаетъ не сама Бура, а правый притокъ ея Тапарванъ-чай, извѣстный у грузинъ подъ названіемъ Джавахетской Буры. Она впадаетъ въ Буру у Хертвиса.

²⁾ Въ Вахт. Ред.: не умѣющая много говорить.

³⁾ Въ Шюмг. это изреченіе пропущено. Оно, впрочемъ, въ нѣкоторыхъ вариантахъ составляетъ повтореніе перваго въ такой формѣ:

6. Принимающій васъ принимаетъ Меня, а принимающій Меня принимаетъ пославшаго Меня.

7. Ибо Марія была такъ возлюблена Господомъ, что Онъ всегда внималъ истиннымъ словамъ ея.

8. Не бойтесь убивающихъ тѣло ваше, душу же не могутъ убить.

9. Иисусъ сказалъ Маріи Магдалинѣ: иди въ братіямъ моимъ и возвѣсти имъ.

10. Куда ни придете ¹⁾, проповѣдуйте во имя Отца и Сына и Св. Духа. -

Какъ только я прочла эти изреченія, стала молиться Богу и, понявъ, что это было видѣніе съ неба, подняла очи къ небу и просила помощи у Бога, пребывающаго въ высотѣ и охраняющаго всѣхъ. Я отправилась и пошла по теченію рѣки, которая вытекаетъ изъ озера] и течетъ къ западу. Я шла по трудной и опасной дорогѣ, испытывая величайшія бѣдствія отъ пути и страхъ отъ дивныхъ звѣрей, пока не достигла мѣста, откуда рѣка начинаетъ течь къ востоку.

Съ этого времени началась радость моя: я нашла спутниковъ и достигла предѣловъ Картаги, города Урбниси. *Здѣсь* я нашла иноплеменный народъ, поклоняющійся неизвѣстнымъ богамъ и обожающій огонь, камни и дерево.

Печалась въ душѣ объ ихъ гибели, я отправилась въ еврейскій кварталъ для изученія еврейскаго языка, гдѣ осталась цѣлый мѣсяць, изучая нравы ²⁾ этой страны.

Въ одинъ день сильная и несмѣтная по числу толпа двинулась изъ этого города и отправилась въ большой го-

„Гдѣ будетъ проповѣдано сіе евангеліе царства небеснаго, тамъ будетъ сказано во вселенной“.

¹⁾ Это слово имѣется только въ Шіомг. спискѣ.

²⁾ Въ оригиналѣ сказано *ἔθνη*—силу.

родъ ¹⁾ Мцхету, резиденцію великихъ царей, имѣя въ виду торговныя цѣли и поклоненіе своему богу Армазу.

Я сопровождала ихъ, и мы пришли въ городъ Мцхету, со стороны Могвта, на мосту, и тамъ остановились. Видя народъ, поклоняющійся огню, я плакала объ ихъ магіи, заблужденіи и погибелѣ, и скорбѣла объ одиночествѣ своемъ ²⁾.

Глава VI. Прибытіе Св. Нины въ Мцхету, написанное тою же Саломе уджаршійской ³⁾.

На другой день раздались крики и трубные звуки, и выступило безчисленное количество народа, разукрашенное цвѣтами. Раздавался ужасающій шумъ, но царь еще нигде не двигался.

Какъ только наступило условленное время, началась бѣготня: всѣ люди стали скрываться, и каждый прятался подъ кровомъ, ибо гдѣ-то показалась царица Нана.

Когда царица Нана прошла, тогда мало-по-малу сталъ выступать народъ, украшая всѣ улицы разноцвѣтными одеждами и листьями.

Весь народъ сталъ превозносить царя похвалами, и тогда выступилъ царь Миреанъ съ видомъ, необычайнымъ для глазъ.

И я спросила одну женщину еврейку: „Что это такое?“ Она отвѣчала мнѣ: „Богъ боговъ ихъ Армазъ предписываетъ это царю, ибо нѣтъ другого такого идола“.

Я отправилась, чтобы видѣть Армазъ. Горы тѣ наполнились знаменами и народомъ. Я успѣла пройти въ Армазскую

¹⁾ Въ Вахт. Ред.: въ главный городъ (ფრეა-ქალაქად).

²⁾ Этимъ кончается пятая глава нашего оригинала (ср. съ Н, G. p. 99—100). Обозначеніе главы, вѣроятно, имѣло мѣсто на праправшемъ листѣ.

³⁾ Этого заглавія нѣтъ ни въ одномъ вариантѣ.

крѣпость и стала въ разсѣлинѣ скалы, недалеко отъ идола, и видѣла удивительныя и ужасныя зрѣлища. Нельзя выразить словами, съ какимъ это трепетомъ и страхомъ, приводящимъ въ ужасъ, стояли царь и весь народъ.

И видѣла я: вотъ, стоялъ человѣкъ изъ мѣди; на немъ были надѣты золотыя латы, золотой шлемъ и наплечники; опиксы и бериллы украшали его; въ рукѣ своей онъ держалъ острый мечъ, который блестѣлъ и вращался въ рукѣ, какъ бы *показывая*, что если кто прикоснется къ нему, то голова его будетъ обречена на смерть. И *каждый* говорилъ: „Горе мнѣ, если я упустилъ что-нибудь для возвеличенія великаго бога Армаза, если я позволилъ себѣ что-нибудь говорить съ евреями, или довелось мнѣ слушать маговъ, служителей огня, или *тмаз*, которые говорятъ по невѣжеству, что есть какой-то великій Богъ небесный! И какъ бы онъ (Армазъ) не нашелъ какого-нибудь порока во мнѣ и не поразилъ бы меня своимъ мечомъ, котораго страшится весь свѣтъ!“ И съ трепетомъ падали ницъ предъ нимъ всѣ.

Направо отъ него стоялъ истуканъ изъ золота, и имя его Гацц, а налѣво стоялъ идолъ изъ серебра, и имя его Га¹⁾. *Всѣ эти идолы* изъ Картли²⁾ считались богами у отцовъ вашихъ. Тогда я, обратившись къ Богу, плакала и стонала по поводу заблужденія этой сѣверной страны, сокрытія свѣта и господства тьмы.

Я видѣла, какъ могущественные цари и мтавары живыми были поглощены дьяволомъ, какъ будто они мертвецы ада.

Считая творцами камни, деревья, мѣдъ, желѣзо и бронзу³⁾, рельефно выкованную, они поклонялись имъ, какъ Богу, и приписывали имъ сотвореніе неба и земли.

¹⁾ Во всѣхъ другихъ вариантахъ: Гамъз.

²⁾ Т. е. Армаза, по нашему мѣтнію.

³⁾ *გვგლო* вообще означаетъ мѣдъ и смѣсь мѣди съ другими металлами.

Тогда я вспомнила слова, сказанныя мнѣ святымъ отцомъ моимъ, патріархомъ Ювеналіемъ: „Я посылаю тебя какъ полнаго мужчину, и ты придешь въ чужую страну, къ племенамъ дгевелъ зефелъ нарвадовелъ, что значить: люди, враждебные Богу, воинственные и непокорные“ ¹⁾.

Тогда я подняла очи къ небу и сказала: „Господи, Господи, несмотря на Твое могущество, враги эти грѣшатъ противъ Тебя. Это происходитъ отъ великаго долготерпѣнія Твоего, и дѣлають, что вдумается, сія пыль и зола земная, но Ты не оставь ихъ безъ вниманія, ибо человекъ — образъ Твой, изъ-за котораго одно изъ трехъ лицъ вочеловѣчилось и спасло весь міръ. Обрати свое благоволеніе и на сей народъ и яви гнѣвъ душамъ этихъ властителей земли и господиновъ тьмы! Боже отца моего и матери моей, дай мнѣ, рабынѣ, рожденной отъ раба Твоего, видѣть, чтобы всѣ концы земные узнали Твое спасеніе, чтобы Сѣверъ возрадовался вмѣстѣ съ Югомъ, и всякій языкъ поклонился бы Тебѣ одному черезъ Иисуса Христа, Господа нашего, Которому подобаетъ возвеличеніе съ благодареніемъ нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.“

Не прошло и мгновенія ока, какъ поднялись съ запада буря и вѣтеръ, загремѣлъ громъ съ ужасающимъ шумомъ, появилось быстрое облако, съ страшною примѣтою, и западный вѣтеръ принесъ запахъ горечи и смрада. Тогда всѣ стали убѣгать въ села и города, и время позволило, чтобы люди укрылись въ дома.

И вдругъ ужасное облако приблизилось и разразилось на томъ только мѣстѣ градомъ, равнымъ литрѣ ²⁾, который со-

¹⁾ Во всѣхъ другихъ вариантахъ: „дарвелъ, зевели, баркадуль, что значить по-браднжски: люди враждебные Богу и непокорные“. Къ какому языку относятся эти слова, до сихъ поръ не разъяснено.

²⁾ Въ другихъ вариантахъ: градъ, равный такому камню, который

жрушилъ эти идолы, разломалъ и превратилъ ихъ въ мелкіе куски, а сильный вѣтеръ разрушилъ стѣны и побросалъ ихъ въ овраги, что и вы видѣли, или вѣтъ ¹⁾....

[А я осталась невредимой на томъ же прикрытомъ мѣстѣ, куда вступила и находилась съ самаго начала.

На другой день царь Миріанъ и весь народъ пришли, чтобы искать своихъ боговъ и, не найдя ихъ, они, сильно перепуганные, встревожились и удивились. Большинство народа, жестокосердаго и непреклоннаго, говорило: „Богъ халдейцевъ Итруджанъ и нашъ богъ Армазъ ²⁾ всегда во враждѣ между собою, ибо сей Армазъ когда-то напустилъ на него море, а теперь тотъ отомстилъ и это явилъ на этомъ“.

Нѣкоторые же говорили такъ: „Богъ, силою котораго Трдатъ, царь арманскій, былъ превращенъ въ кабана, а изъ кабана снова превратился въ человѣка, тотъ именно Богъ

съ трудомъ можно кидать двумя руками. Литра по старинному счету равняется одному фунту, теперь въ литрѣ считаютъ 9 фунтовъ.

¹⁾ Тутъ въ оригиналѣ недостаетъ одного листа. Текстъ, приведенный въ прямыхъ скобкахъ нами взятъ изъ К. Ц., съ которою согласны и другіе списки (см. Н. Г. р. 102—103). Но этотъ текстъ далеко не восполняетъ пробѣловъ и не такъ прилагивается къ предшествующему и послѣдующему тексту, какъ это мы видѣли въ аналогичномъ случаѣ выше (см. стр. 62—65). Нѣтъ сомнѣнія, что оригиналъ въ данномъ мѣстѣ заключалъ въ себѣ болѣе пространный и, по всей вѣроятности, нѣсколько отличный отъ нашего текстъ. Что тутъ текстъ долженъ былъ быть болѣе пространный, это видно изъ того, что на одномъ листѣ оригинала обыкновенно помѣщается вдвое больше текста, чѣмъ приведенный нами въ скобкахъ. Что текстъ оригинала представлялъ другой вариантъ, это становится очевиднымъ изъ того, что добавленный нами текстъ не прилагивается къ предыдущему и послѣдующему тексту оригинала, въ особенности послѣдующему.

²⁾ Итруджана Брессе сближаетъ въ Кисутромъ (т. е. Ноемъ) халдейскаго историка Вероза, на котораго ссылается Моисей Хоренскій (см. новое изданіе стр. 5, 11, 12) и Заруана того же историка съ Ормуздомъ персовъ, съ нашимъ Армазомъ (см. Н. Г. р. 102, п. 2).

сдѣлалъ и явилъ это, ибо другой богъ не въ состоянiи сдѣлать подобное“. Это и въ этомъ родѣ говорили тогда, потому что царь Трдать силою Христа, *дѣйствительно*, превратился въ кабана, и силою же Христа снова превратился въ человѣка. Съ того времени похвала и величанiе Христа уже не тайно превозглашались въ Грузiи, ибо благодать Божiя уже начала распространяться на Востокъ]...

И царь со слезами сказалъ: „Да, да, райтъ мебой ходжаты ста банубъ расуль фсаръ задъ ¹⁾), а переводъ таковъ: „Правду ты говоришь, счастливая царица и посланница Сына Божiя“. Когда минула гроза, я вышла изъ разсѣлины скалы, нашла тотъ драгоценный камень берилль, взяла и направилась впередъ къ оконечности той скалы, гдѣ прежде былъ старый городъ; на томъ мѣстѣ прежде была также крѣпость. Тамъ стояло *одно* прекрасное, высокое и развѣсистое дерево „бриджи“ ²⁾). Я пришла подъ то дерево, поставила изображенiе креста Христова и молилась тамъ шесть дней.

Когда вы, множество народа, пришли и искали боговъ, которые произвели несчастiе, и не нашли ихъ,—я была тамъ, ибо былъ шестой день того мѣсяца ³⁾), когда Еммануиль показалъ на Оаворѣ образъ отца своего лицамъ какъ живымъ, такъ и мертвымъ.

¹⁾ Эта фраза, нѣбующая только въ нашемъ оригиналѣ, приведена на новоперсидскомъ языкѣ и, по разъясненiю профессора Н. Марра (Н. Марръ. Хитонъ Господень въ книжныхъ легендахъ ариянъ, грузинъ и скрийцевъ. Изъ Сборника статей учениковъ профессора барона В. Р. Розена, стр. 6), нѣсколько пострадала, но легко восстанавливается, благодаря сопровождающему ее грузинскому переводу. Н. Марръ предлагаетъ эту фразу въ такой транскрипцiи:

gasθ megoy qofasθa banu v gasul[-i] psar[-i] [i]zad.
правду говоришь, счастливая государыня и посланница Сына Бога.

²⁾ *ბრიჯი* означаетъ каракаш или акацiю.

³⁾ Во всѣхъ другихъ вариантахъ сказано: „Въ шестой отъ

Тогда пришла ко мнѣ сестра Шрошана, женщина придворная ¹⁾, посѣтила меня и привела съ собою женщину,

марта мѣсяцъ августъ, и день шестой, въ какой день Христось преобразился въ присутствіи пророковъ и своихъ учениковъ”.

¹⁾ სევე-ქალი можетъ означать еще бодрскую дочь, царевну. სევე-სენიე имѣетъ въ грузинскомъ языкѣ очень много различныхъ значеній (см. Н. Г. р. 430). Различныя мѣста изъ грузинскихъ источниковъ, въ которыхъ это слово употребляется, собраны Д. Баградзе (см. Исторія Грузіи царевича Вахушта, стр. 62, прим. 2). Въ Гуріи, когда на свадьбу сзываютъ много народу, строятъ длинный навѣсъ, въ которомъ виѣтъ съ новобрачными сажаютъ и угощаютъ приглашенныхъ. Новобрачныхъ называютъ обыкновенно ზევე-დეოფალი—царь и царица, а длинный навѣсъ называется სევე—სენიე. Основное значеніе этого слова дворецъ, сѣни, дворъ. Въ этомъ смыслѣ слово это употребляетъ Шота Руставели въ своей безсмертной повѣсти „Человѣкъ въ барсовой кожѣ“ (стихъ 615, 1061). Въ соединеніи съ другимъ словомъ სევე приобрѣтаетъ значеніе прилагательнаго и можетъ означать все, относящееся къ двору и царю, и вообще все высокое, знатное, благородное. Отсюда სევე-კაცი—придворный человѣкъ, царедворецъ, царскій слуга; სევე-ქალი придворная женщина, царевна, бодрская дочь; სევის-სევერი—господскій хлѣбъ, просфора; სევე-დროზი—царская знамя; სევე-დაბაზი—царскій домъ, дворецъ; სევე-წიგნობარი—царскій книжникъ, царскій секретарь, канцлеръ; სევე-წული—სენიე-тцули, собственно сынъ двора, знать, отрядъ знатныхъ, охраняющій особу цари. Въ послѣднемъ значеніи это слово употребляется, повидимому, у Моисея Хоренскаго, который въ своей Исторіи Арменіи, говоря о государственномъ устройствѣ Вахршана I, между прочимъ пишетъ: „Вахршагъ образуетъ четыре полка для охраны дворца, которые всѣ составлены (были) изъ вооруженныхъ (мужей), потомковъ древнихъ царей Хайндовъ; (мужей) получившихъ въ разныя времена отъ отцовъ въ наслѣдство села и виллы. Впослѣдствіи, какъ я слышу, при парсійскомъ владычествѣ составлены были полки изъ людей другихъ (родовъ) и названы Останомъ (царскими). Не знаю—(потому ли что) вымерло прежнее поколѣніе, или же вслѣдствіе какого-либо возмущенія оно было истреблено и на мѣсто его составлены полки изъ другихъ, подъ названіемъ Дворцовыхъ. Вѣрно то, что первые происходили отъ поколѣнія первыхъ

говорящую по-гречески, и расспрашивала о всемъ пути моемъ. Когда же она узнала все дѣла мои, то побуждала меня отправиться съ нею во дворецъ, но такъ какъ я не согласилась, она ушла. На третій день я спустилась въ городъ Мпхету и подступила къ царскому саду. Пришедъ къ двери сада, я увидѣла небольшой домикъ садоваго сторожа и, войдя въ него, застала эту женщину, Анастось ¹⁾, сидящую. Замѣтивъ меня, она встала и такъ ласково приняла, какъ будто она была знакомая и подруга моя: омыла мои ноги, помазала меня елеемъ и поставила мнѣ кушанье и вино, понуждая ѣсть и пить. Я прожила у ней девять мѣсяцевъ. Она была бездѣтна и печалилась *объ этомъ* вмѣстѣ съ своимъ мужемъ. Я видѣла видѣніе: подошелъ человекъ, похожій на свѣтъ, и сказалъ мнѣ: „Войди въ садъ, тамъ подъ кедрами небольшое мѣсто отпрысковъ виноградныхъ лозъ, мало обработанное; возьми землю съ того мѣста и дай поѣсть этимъ *супругамъ*, и будутъ у нихъ дѣти“.

Я такъ и поступила, и родилось у нихъ много мальчиковъ и дѣвочекъ, которыхъ и вы сами видите ²⁾.

Въ тѣ же дни, во время легкаго сна моего на колѣняхъ, я два-три раза видѣла одно и то же видѣніе: налетятъ птицы небесныя, опускаются въ рѣку, купаются и прилетаютъ

нашихъ царей, подобно тому какъ теперь въ странѣ Иверовъ—Сейцулъ“. (Н. Эминъ. Исторія Арменіи Моисея Хоренскаго, новый переводъ, стр. 57). Въ старомъ изданіи Эмина (стр. 83) послѣдняя фраза приведена такъ: „(Могу сказать) навѣрное, что первые (происходили) отъ поногѣнія нашихъ первыхъ царей, подобно тому какъ теперь въ Иверіи (мы видимъ) Селецулъ“.

¹⁾ Въ другихъ вариантахъ: жену сторожа того сада Анастось (въ Вахт. Ред. — Анастасію).

²⁾ Вся эта VI глава до этого мѣста въ другихъ вариантахъ представляетъ въ общемъ тѣ же различія, какія встрѣчаются въ К. Ц. (ср. съ Н. Г. р. 100—104).

въ садѣ, ослевываютъ листву, потравляютъ цвѣты и дружески зываютъ ко мнѣ, какъ будто тотъ садъ мой, окружаютъ меня съ пискомъ и обращаются ко мнѣ различнымъ способомъ. И было прекрасно видѣніе ихъ и многократно повторялось оно. Объ этомъ я сообщила сестрѣ моей, дочери Авиатара ¹⁾. Она отвѣчала и сказала мнѣ: „Страшница, здѣсь не ²⁾ рожденная, плѣнница, избавляющая плѣнныхъ, я знаю, что вмѣстѣ съ тобою наступило новое время, черезъ тебя стали извѣстны старыя дѣянія, совершенныя отцами нашими, незаконное пролитіе невинной крови небеснаго чловека, которымъ Богъ посрамилъ евреевъ, разсѣялъ ихъ по всему міру, уничтожилъ ихъ царство, лишилъ ихъ св. храма, приобрѣлъ и призвалъ къ себѣ чуждый народъ и возвеличилъ его“. И сказала еще: „Іерусалимъ, Іерусалимъ, какъ ты раскрылъ крылья ³⁾ твои и собираешь подъ твои крылья всѣ народы со всѣхъ концовъ вселенной! Вотъ, и сюда пришла женщина эта, и пусть она измѣнитъ всѣ законы страны этой“.

Потомъ она обратилась ко мнѣ и сказала: „Видѣніе твое означаетъ то, что это мѣсто сада превратится черезъ тебя въ садъ для возвеличенія Бога, Которому принадлежитъ слава и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь“ ⁴⁾.

¹⁾ Тутъ въ рукописи на полѣ внизу почеркомъ текста, заглавными буквами и кинноварью имѣется примѣчаніе: „Сія женщина была Сидонія, ученица св. Нины, которая все это описала“.

²⁾ Этого слова нѣтъ въ нашемъ оригиналѣ, но во всѣхъ другихъ спискахъ имѣется.

³⁾ Въ нашемъ оригиналѣ Զոռնո—сыновей (?), но во всѣхъ другихъ вариантахъ Զոռնո—крылья.

⁴⁾ Последніе два параграфа этой главы въ другихъ вариантахъ помѣщены не здѣсь, а во второмъ разказѣ Авиатара относительно хитона Іисуса Христа (см. Н. Г. 108—109).

Глава VII, которую написала женщина еврейка, по имени Сидонія, дочь священника Авіатара.

Въ то время когда Богъ милостью своею привърѣлъ на эту забытую, полуночную страну Кавказа, нагорную область Арменіи ¹⁾, горы каковой страны были объаты туманомъ, а долины пламенемъ заблужденія и невѣжества, край этотъ былъ лишень солнца правды и знанія о приходѣ Сына Бога, по правдѣ называеясь полуночнымъ. Не свѣта солнца, на самомъ дѣлѣ, лишень былъ этотъ край, или теперъ лишень его. Свѣтъ солнца видятъ всѣ сущіе подъ небесами, и всѣхъ освѣщаетъ оно, и хотя нѣкоторыя страны лишаетъ жары, но свѣтъ даетъ всякому мѣсту.

Нѣтъ, не для этого страна сія называлась полуночной, но *потому, что мы не знали*, что прошло столько лѣтъ и было столь много народовъ со временъ Ноя, Эбера и Авраама. Въ числѣ нихъ былъ благородный Іовъ, испытанный Испытателемъ, а также Іосифъ, Моисей, Іисусъ, первосвященники и судьи и затѣмъ по порядку тѣ, которыхъ мы знаемъ по устной передачѣ изъ священныхъ книгъ.

До Рождества Христова *отъ сотворенія міра* прошло 5,500 лѣтъ, отъ Рождества Христова до Распятія 33, отъ Распятія Христа до крещенія Константина, царя греческаго, 311, а спустя 14 лѣтъ *послѣ этого*, явилась въ нашу страну вѣстница истины Нино, царица наша, подобно тому какъ во тьмѣ появляется денница, сумерки исчезаютъ и послѣ того восходитъ великій тотъ владыка дня ²⁾.

¹⁾ Въ оригиналѣ сказано Сомхитин. Подъ названіемъ Сомхити или Сомхети у грузинъ извѣстны Арменія и область Грузія въ югу отъ Тифлиса, сопредѣльная съ Арменіей.

²⁾ По грузинскому счету отъ сотворенія міра до Р. Х. прошло 5604 года, по греческому 5508 лѣтъ. Но по всему видно, что до установле-

Такова была жизнь наша, кавтвельцы: мы набѣгали свѣта и пребывали во тьмѣ, радовались веселью и отлагали печаль, утѣшителя которой не было, служили гдѣ-то творамъ, а не Творцу.

Вмѣсто Того, Который сидитъ въ колесницѣ херувимовъ, отцы наши поклонялись высокимъ горамъ, Гебалу и Гаривиму, на которыхъ не было ни Бога, ни Моисея, ни ихъ изображеній, а стояли бездушные истуканы изъ камня.

А въ этой странѣ Картліи были двѣ горы и на нихъ два идола, Армавъ и Заденъ. Отъ нихъ исходилъ запахъ смрада тысячи душъ мальчиковъ-первенцевъ, которыхъ родители ихъ считали *приятною* жертвою для Армаза и Задена, какъ будто они *этимъ* во вѣки избавлялись отъ смерти. Такъ продолжалось до сего времени.

Но были и друг^{стыя} долы царскіе, Гади и Га. Имъ приносили въ жертву одну ^{царевну} царевну, которую сжигали и пепель ея сыпали на голову истукана ¹⁾).

Послѣ всего этого я расскажу вамъ сказаніе отца моего, которое я знаю и изъ чтенія книгъ и изъ разсказа моего отца.

Когда царствовалъ Иродъ, до насъ дошло извѣстіе, что

ніи сначала греческаго, а потомъ ирузискаго счета, въ Грузіи употреблялся александрійскій счетъ, по которому отъ сотворенія міра до Р. Х. считается 5500 лѣтъ. 33 года отъ Р. Х. до Распятія указаны вѣрно. Что касается обращенія въ христіанство Константина Великаго, то мы уже указывали, что въ первой части нашей хроникъ то же самое событіе отнесено къ 310 году и что обращеніе Константина служитъ основой другихъ хронологическихъ указаній въ обеихъ частяхъ нашей хроникъ.

¹⁾ Отъ начала этой главы до сего мѣста нѣтъ ни въ одномъ вариантѣ. Остальная часть нѣтъся во всѣхъ спискахъ съ небольшимъ вариациями и приписывается не Садоніи, а отцу ея Авиатару (Н. G. p. 106—108).

персы завоевали Иерусалимъ, и получено было траурное письмо на имя всѣхъ картлійскихъ евреевъ, жителей Мцхеты, бодійскихъ священниковъ, кодисъ-царойскихъ книжниковъ и собійскихъ переводчиковъ изъ Канаана ¹⁾, что двѣнадцать царей пришли завоевать нашъ край. Тогда всѣ пришли въ смятеніе и отправились помочь имъ.

Спустя немного времени, повсюду получено было изъ Иерусалима другое извѣстіе, *болѣе* утѣшительное, что „персы пришли не для завоеванія страны, а вмѣсто дѣлѣтъ, оружія и путевой провизіи, они имѣли желтое ²⁾ золото, смирну, быстро исцѣляющую рану, и благовоный ладонъ. Каждый воинъ и каждый царь ихъ имѣлъ по одной ношѣ этого товара. Они искали какого-то новорожденного мальчика, сына Давидова, и нашли одного несчастнаго младенца, сына женщины чужестранки, *рожденнаго* несвоевременно и не на подходящемъ мѣстѣ, какъ это водится у живущихъ внѣ дома.

Они пришли къ тому мальчику, поклонились ему, поднесли всѣ эти подарки, и, перейдя горы, отправились *во свои* мирно.

Нынѣ не бойтесь, евреи, я, Иродъ, искалъ и не нашелъ ни его ни его мать, но теперь я поражу мечомъ всѣхъ младенцевъ, начиная отъ двухлѣтнаго возраста и ниже, и будетъ убитъ и тотъ младенецъ вмѣстѣ съ ними. Теперь будьте покойны, ибо все это случилось по недоразумѣнію“.

Послѣ этого прошло тридцать лѣтъ. Священникъ Анна написалъ изъ Иерусалима дѣду моему по отцу Озіаку ³⁾: „Тотъ младенецъ, къ которому пришли персидскіе цари съ дарами,

¹⁾ Бодѣ, по мнѣнію Броссе, должно быть то же самое, что Бодѣ, мѣсто погребенія св. Нины. Кодисъ-царю впадаетъ въ Кумисское озеро, тамъ же деревня Кода. Соба намъ неизвѣстна. Переводъ этого мѣста см. у Броссе (Н. Г. р. 106).

²⁾ Въ другихъ вариантахъ: царское.

³⁾ Это имя въ другихъ вариантахъ отсутствуетъ.

пришелъ въ мѣрный возрастъ, отправился на рѣку Иорданъ къ сыну Захарія. *Туда же* отправились всѣ народы іерусалимскіе и въ числѣ нихъ братъ матери твоего отца Эліозъ¹⁾.

И вотъ, когда небо гремяло, земля колебалась, горы дрожали, холмы плясали, море стояло *безъ движенія* и рѣки текли вверхъ, сынъ Захарія бѣжалъ. Мы всѣ были поражены ужасомъ, но изъ-за толпы умолчали объ этомъ дѣлѣ, которое, на самомъ дѣлѣ, явно было отъ вѣчнаго Бога“.

На четвертомъ году полученъ былъ изъ Іерусалима приказъ царя Ирода: „Всѣ сыны Іерусалима, разбѣянные по всѣмъ странамъ, чтите единого Бога, имѣете въ виду и внимайте единому закону, уразумите одно слово, сказанное Моисеемъ: „Кто на землѣ объявитъ себя Богомъ, тотъ пусть будетъ распятъ на крестѣ“, да еще сказано имъ: „Пусть будетъ проклятъ всякій, который будетъ распятъ на крестѣ“.

Вотъ, теперь возсталъ одинъ человекъ и имя ему Исусъ. Онъ объявляетъ себя сыномъ Бога, и будто онъ самъ тоже Богъ. Приходите всѣ на смерть его, и исполнимъ заповѣдь Бога и Моисея“.

И отправился отсюда братъ матери отца моего Эліозъ, человекъ старый. У него была мать, изъ рода священника Иліи, и единственная сестра.

Мать умоляла своего сына и говорила: „Иди, сынъ, назовъ царя и постановленія закона, только пусть разумъ твой, чадо мое, вовсе не присоединится къ замыслу тѣхъ, ибо Онъ есть слово пророковъ и притча мудрыхъ, таинство, сокрытое отъ евреевъ, а для язычниковъ свѣтъ и вѣчная жизнь“.

И Эліозъ и всѣ евреи отправились изъ Картліи, и совершилось все, что теперь мы знаемъ отъ Нины, евангелистки во Христѣ.

¹⁾ Въ оригиналѣ по ошибкѣ *ἑλεος* — „Воскъ“, что, вѣроятно, происходитъ отъ смѣшенія буквъ *χουρι* *ἡ* съ *ἡ* и *ἑ* съ *ο*.

А риза та досталась по жребію этой странѣ, и Эліозъ взялъ ее.

Между тѣмъ, когда палачъ ударилъ въ Іерусалимѣ молотомъ кузнеца, пригвождая Христа къ кресту, мать Эліоза слышала адѣсь стукъ, и горько крикнувъ, сказала: „Прощай, царство Іудейское, ибо вы убили спасителя и избавителя своего и сдѣлались отнынѣ врагами Создателя. Горю мнѣ, что я не умерла раньше, чтобы не слышать этого, и что мнѣ не осталось прожить еще немного, чтобы видѣть свѣтъ, просіявшій на язычниковъ, и славу народа Израиля!“ И съ этими словами почилъ эта женщина, мать Эліоза.

Между тѣмъ Эліозъ принесъ ту ризу Спасителя Іисуса Христа, въ Мцхету, въ домъ нашъ, и узналъ, что мать его умерла съ памятными словами. Ему вышла навстрѣчу сестра его, обогрѣнная слезами, какъ бы кровью. Она обняла брата своего, взяла у него ризу ту Іисуса и, прижавъ ее къ груди своей, тотчасъ испустила духъ вслѣдствіе трехъ слѣдующихъ горестей: вслѣдствіе смерти матери, еще болѣе вслѣдствіе печали по смерти Христа и вслѣдствіе вождеденія къ той ризѣ.

Въ то время въ Мцхетѣ было большое смятеніе царей, мтаваровъ и всего народа. Царь Амазаеръ ¹⁾, видя ризу ту Іисуса, пожелалъ отобрать ее, но ужасъ обрѣтенія ея умершею женщиною испугалъ его, и онъ не рѣшился.

Эліозъ схоронилъ сестру свою, которая въ рукахъ своихъ имѣла ту ризу. А мѣсто ея погребенія знаетъ Богъ и мать моя Нина, но не говорить, потому что нынѣ *еще* не слѣдуетъ говорить.

Но для учениковъ Нины и вѣрующихъ во Христа до-

¹⁾ Во всѣхъ другихъ вариантахъ: Адергъ.

статочно знать, что мѣсто то находится по близости кедра, привезеннаго изъ Ливана и посаженнаго въ Мцхетѣ ¹⁾.

Кромѣ того я слышала отъ отца своего, что въ нашемъ обладаніи ²⁾ въ этомъ городѣ, въ камняхъ подѣ твердынею алтаря, пребываетъ до поры до времени безъ гніенія ³⁾ и другая *святыня*, облеченная силою, сугубая епанча Илиі.

Мать моя Нино много разъ поручала мнѣ узнать подробности отъ отца моего о мѣстѣ той одежды. Отецъ такимъ образомъ освѣдомилъ меня и, *указывая*, сказалъ: „вдѣсь — мѣсто погребенія ея“. Это то мѣсто, на которомъ языки людскіе не умолкають возносить хвалы Богу, это какъ бы мѣсто видимой лѣстницы Якова, возвышающійся до неба, отнынѣ и до вѣки вѣковъ не лишенное величія и похвалы ⁴⁾.

¹⁾ Въ армянскомъ переводѣ Исторіи Михаила Сирійца мы находимъ слѣдующія указанія о хитонѣ:

„О нешвенномъ хитонѣ Господа святой Ефремъ говоритъ, что бр-сли жребій воины, чтобы не раздирать его, и хитонъ вышелъ по жребію одному воину, подручному Лонгина (Гунзіана); взялъ его сотникъ Лонгинъ и принесъ его въ Галатію, въ свой городъ Маѳсонъ, гдѣ и чтится онъ (хитонъ) до днесь.

Другой сотникъ лазъ, свою долю одежды принесъ въ свой городъ Пети (Пудъ), въ столицу Минграліи (страны Кгорской); положили (эту часть облаченія) въ стеклянный сосудъ, и находится онъ на вѣсу въ церкви, недоступный ни для кого, съ покрывкомъ на отверстіи слянки, и зрима всѣми. И этотъ нешвенный хитонъ соткала сестра Авгаря и отправила Господу нашему рукою гонца Ананія“ (Н. Марръ. Хитонъ Господень въ книжныхъ легендахъ армянъ, грузинъ и сирійцевъ, стр. 13—14). Приводя переводъ съ текстомъ этихъ отрывковъ, Марръ замѣчаетъ, что въ цитованномъ отрывкѣ какъ будто сошлись два преданія о хитонѣ, одно о галатійскомъ, другое о лазскомъ.

²⁾ Дословно: въ нашихъ рукахъ.

³⁾ Во всѣхъ другихъ вариантахъ вмѣсто этихъ двухъ словъ: невидимо.

⁴⁾ Эта глава отъ словъ: „послѣ всего этого я разкажу“ (стр. 75) имѣется во всѣхъ другихъ вариантахъ съ тѣми отступленіями, какия на-

Глава VIII, сказанная женщиною Сидонією же ¹⁾.

Я, дочь Авиатара, Сидонія видѣла св. Нину у начала крѣпости прежней Мцхеты, около высокой башни, подъ деревьями „бринджи“. Она сидѣла на мѣстѣ сѣни и отдохновенія царя Братмана, послѣ того какъ Господь ужасающимъ гнѣвомъ устъ своихъ сокрушилъ Армаза и другихъ идоловъ, о чемъ написано выше въ предсмертномъ разсказѣ Нины ²⁾.

А до признанія царицею Наною Христа Бога Сыномъ Божиимъ, блаженная и св. Нино пребыла шесть лѣтъ, какъ это сама говоритъ въ бытіи своемъ.

И въ тѣ времена она сдѣлала насъ семь женщинъ послѣдовательницами своей религіи, ибо она совершала много исцѣленій тайно до тѣхъ поръ, пока провидѣніемъ Божиимъ она не начала открыто исцѣлять царицу Нану. Богъ показавъ силу свою черезъ Нину сначала на мѣстѣ тѣхъ ежевичныхъ кустовъ. Молитвою своею она исцѣлила Нану отъ ея тяжелой болѣзни, которую искусство человеческое не могло исцѣлить ³⁾.

блюдаются въ К. Ц. Поэтому для сравненія я отсылаю читателя къ Н. Г. р. 106—108.

¹⁾ Этого заглавія нѣтъ ни въ одномъ другомъ вариантѣ.

²⁾ Свѣдѣнія этого параграфа въ иной формѣ повторяются въ другихъ вариантахъ (см. Н. Г. р. 103).

³⁾ Въместо этихъ двухъ параграфовъ, въ другихъ вариантахъ имѣется довольно подробный разсказъ о первыхъ послѣдовательницахъ и послѣдователяхъ св. Нины, объ исцѣленіи ею одного отрока и самой царицы Наны (см. Н. Г. р. 109—110). Послѣдній разсказъ въ общемъ совершенно подходит къ разсказу церковнаго историка Руфина объ обращеніи иверійцевъ въ христіанство. Совпадая съ повѣствованіемъ Руфина тѣмъ самымъ упомянутый разсказъ совпадаетъ и съ повѣствованіями Сократа, Созомена и Феодорита по тому же предмету, потому что послѣдніе своимъ повѣствованіямъ заимствовали у перваго.

Послѣ нея заболѣлъ одинъ знатный магъ, персіянинъ

Объ исцѣленіи отрока и царицы Наны въ другихъ вариантахъ согласно разсказывается слѣдующее: „Тогда былъ нѣкій отрокъ, одержимый тяжкою болѣзью. Мать носила его изъ дому въ домъ, чтобы найти кого-нибудь знающаго врачеваніе, который могъ бы помочь ему. Всѣ осматрѣли его, но не нашли никакихъ средствъ къ его излѣченію. Врачи объявили этой женщинѣ, что „ничего не въ состояніи помочь отроку“. А женщина эта была жестокосердая язычница, часто бранила христіанскую религію и не переставала удерживать другихъ ходить и учиться у св. Нины. Но такъ какъ она разочаровалась въ врачахъ, пришла и бросилась передъ Ниной, умоляя ее исцѣлить ея сына. Тогда св. Нина сказала: „Никакихъ врачеваній, которыя исходятъ отъ человѣка, я не совершу, но Богъ нашъ, Христосъ, которому я служу, дастъ исцѣленіе этому отроку, ибо онъ оставленъ всѣмъ“. Она приказала положить больного на власяницу, на которой св. Нина всегда молилась, сама начала молить Господа, и отрокъ тотчасъ исцѣлился. Она отдала его, удивленнаго и веселаго, его матери. Мать же отрока увѣровала въ Христа и сказала: „Нѣтъ другого Бога, вромѣ Христа, Котораго проповѣдуетъ Нина“. И она стала ученицею св. Нины, пошла по ея слѣдамъ и прославляла Бога.

Въ то-же время царица Нана впала въ тяжкую, серьезную и сильную болѣзнь, исцѣлить которую никто не былъ въ состояніи. Хотя искусные врачи истощили всѣ свои средства, но не могли исцѣлить ее, остались безсильными и разочаровались. Между тѣмъ нѣкоторые доложили царицѣ, что „молитвами женщины той римлянки, плѣнницы, которую зовутъ Нина, исцѣляются многіа болѣзні“. Тогда она приказала слугителямъ своимъ, чтобы привели Нину. Слуги царицы пошли и нашли Нину подъ кущою ежевики. Она стояла на молитвѣ въ шестомъ часу. Слуги передали приказаніе царицы, но св. Нина отвѣчала: „Мнѣ не велѣно оставить мѣсто моего пребыванія (лагеря), но пусть царица придетъ сюда, въ мое истинное обиталище и исцѣлится силою Христа“. Слуги доложили царицѣ сказанное Ниною. Тогда царица съ сердечнымъ желаніемъ сказала имъ: „Приготовьте мнѣ ложе инесите меня къ ней!“ Между тѣмъ слугителямъ тѣ вмѣстѣ съ сыномъ ея Ревомъ и множествомъ народа понесли ее на ложѣ. Придя въ обиталище св. Нины, они положили царицу на той же власяницѣ. Св. Нина стала молиться и долго просила Бога, потомъ взяла крестъ, который имѣла, и коснулась имъ головы, ногъ и плечь ея, изобразивъ форму креста, и вдругъ она исцѣлилась и, оживъ,

Хуара, который сильно бѣсновался отъ нечистыхъ силъ и

встала. Она увѣровала въ Христа и сказала: „Нѣтъ Бога, кромѣ Христа, Котораго проповѣдуетъ эта лѣбная женщина“. Съ тѣхъ поръ она сдѣлала ее своей домашней подругой, часто спрашивала и входила въ подробности небесной христіанской вѣры, а св. Нинно и Авиатаръ, новый Навель, и дочь его Сидонія поучали ее. Царица сдѣлалась вѣрующей и признала истиннаго Бога. Царь спрашивалъ царицу: „Какъ это ты вдругъ исцѣлилась?“ Царица рассказала все то, что съ ней было, какъ она исцѣлилась безъ лѣкарства молитвой Нинны и прикосновеніемъ креста, а многочисленный народъ, который былъ свидѣтелемъ этого, подтверждалъ слова царицы“ (Б. Ц. стр. 82—84. М. 84—86. Крест. 568—570. Шюмг. 345—346. Рай Грузин, стр. 135—137). Рассказъ этотъ имѣется и въ армянскомъ переводѣ Б. Ц. (Броссе. Additions p. 25).

Отсутствіе вышеприведеннаго разсказа въ нашемъ источникѣ, списокъ котораго восходитъ къ X вѣку, и появленіе его во всѣхъ другихъ спискахъ, сравнительно поздней редакціи, показываетъ, по нашему мнѣнію, что разсматриваемый разсказъ внесенъ въ Житіе св. Нинны позже появленія на свѣтъ нашего оригинала. Источникомъ разсказа, по всей вѣроятности, послушало (посредственно или непосредственно) извѣстіе по тому же предмету церковнаго историка конца IV вѣка Руфина, у котораго мы читаемъ слѣдующее: „Per idem tempus etiam Iberorum gens, quae sub axe Pontico jacet, verbi Dei foedera et fidem futuri susceperat regni. Sed huius tanti boni praestitit causam mulier quaedam captiva, quae apud eos reperta, cum fidelem et sobriam satis ac pudicam duceret vitam, totisque diebus ac noctibus obsecrationes Deo pervigiles exhiberet, in admiratione esse ipsa rei novitas barbaris coepit et, quid hoc sibi velit, curiosius perquirebant. Illa, ut res erat, simpliciter Christum se Deum hoc ritu colere fatebatur. Nihil ex hoc amplius barbari praeter novitatem nominis mirabantur. Verum (ut fieri solet) ipsa perserverantia curiositatem quandam mulierculus inferebat, si quid emolumenti ex tanta devotione caperetur. Moris apud eos esse dicitur, ut si parvulus aegrotet, circumferatur a matre per singulas domus, quo, scilicet si quis experti aliquid remedii noverit, conferat laboranti. Cumque mulier quaedam parvulum suum per omnes circumtulisset ex more, nec aliquid remedii, cunctas domos lustrando, cepisset, venit etiam ad captivam, ut, si quid sciret, ostenderet. Illa se humani quidem remedii nihil scire

былъ при смерти. Этотъ вельможа приходился дядею по

testatur, Deum tamen suum Christum, quem colebat, dare ei desperatam ab hominibus posse salutem confirmat. Cumque cilicio suo parvulum superposuisset, atque ipsa desuper orationem fudisset ad Dominum, sanum matri reddidit infantem. Sermo defertur ad plures, factique fama magnifici usque ad aures reginae perlabitur. Quae, dolore quodam gravissimo corporis afflicta, in desperatione maxima erat. Rogat ad se captivam deduci. Illa ire abnuvit, ne praesumere amplius aliquid quam sexus sineret videretur. Ipsam se regina deferri ad captivae cellulam jubet. Quam similiter supra cilicium suum positam, invocato Christi nomine, continuo post precem, sanam et alacrem fecit exurgere: Christumque esse Deum, Dei summi Filium, qui salutem hanc contulerit, docet: eumque quem sibi auctorem suae sciret esse incolumitatis et vitae, commonet sibi invocandum. Ipsum namque esse, qui et regibus regna distribuat et mortalibus vitam. At illa cum laetitia domum regressa, marito percontanti causam tam subitae sanitatis aperuit, quique cum pro salute conjugis laetus, mulieri munera deferri juberet, illa: horum, inquit, o rex, nihil captiva dignatur: aurum despicit, argentum respuit, jejunio quasi cibo pascitur: hoc solum ei muneris dabimus, si eum, qui me illa invocante sanavit, Christum Deum colamus. (Разсказъ этотъ, взятый изъ Potrologiae Mign'а т. XXI, я привожу по выпискѣ А. Хаханова въ статьѣ: „Источники по введению христіанства въ Грузію“, такъ какъ подлиннаго изданія Mign'а у меня нѣтъ подъ руками).

Что разсказъ Б. Ц. и другихъ вариантовъ объ исцѣленіи Ниною отрока и самой царицы взято изъ Руфина видно изъ того, что слово cilicium — власнища, войлокъ, два раза повторяемое въ приведенномъ отрывкѣ, оба раза оставлено въ грузинскомъ языкѣ безъ перевода и приведено въ формѣ оригинала: „ჯვრისა ზედა—на вышкѣ“. Моисей Хоренскій о распространеніи христіанства въ Грузію даетъ свѣдѣнія въ общемъ близкія съ грузинскими источниками, ибо у него одного изъ иностранныхъ авторовъ виновница просвѣщенія Грузіи названа собственнымъ именемъ Нунэ=груз. Нино, упоминается престольный городъ Мцхита=Мцхета и правитель страны носитъ названіе Мхрანъ=Мирванъ, но онъ ничего не говоритъ объ исцѣленіи отрока, а также не приводитъ подробностей объ исцѣленіи самой царицы, какъ это мы видѣли у Руфина и въ указанныхъ грузинскихъ источникахъ (выписку изъ Хоренскаго см. ниже, стр. 104, прил. 3)

матери царицѣ Нанѣ ¹⁾).

Тогда обратились съ просьбою къ матери моей Нинѣ царица Нана, а также царь, который видѣлъ мало-по-малу дѣла Нины и притворно сказалъ ей: „Силою какого Бога совершаешь ты сія дѣла исцѣленія? Не дочь ли ты Армаза, или дщерь Задена, которая пришла какъ чужестранка, была стѣснена, просила у нихъ помощи и они дали тебѣ силу врачеванія, чтобы ты могла жить въ этой чужой странѣ? Пусть они будутъ возвеличены вѣчно! А ты будь всегда предо мною, какъ одна изъ кормилицъ, уважаема въ этой странѣ, но не проповѣдуй чужое слово, ложную ту религію Рима, и совѣсьмъ не изволь говорить *объ этомъ* здѣсь, ибо, вотъ, боги, дающіе великіе плоды, и міродержатели, разстилающіе лучи солнца и посылающіе дождь, вырастывающіе плоды земные, *кормители* Картліи, Армазъ и Заденъ, изслѣдователи всѣхъ тайнъ, и древніе боги отцовъ нашихъ, Гади и Га, пусть они будутъ главными *богами* для тебя ²⁾ и предметомъ почитанія для людей! Нинѣ же, если ты исцѣлишь этого вельможу, я обогащу тебя и поселю въ Мцхетѣ на служеніе Армазу. Онъ хотя и былъ сокрушенъ пертурбаціей воздуха, но мѣсто его непоколебимо. Этотъ Армазъ и богъ халдейцевъ Итрушана ³⁾ постоянно во враждѣ: этотъ напустилъ море на него, а тотъ это ничтожное *дѣло* причинилъ этому ⁴⁾, какъ это въ обычаѣ у міродержателей. Пусть достаточно будетъ тебѣ это мое приказаніе!“

¹⁾ Во всѣхъ другихъ вариантахъ: этотъ вельможа былъ изъ родственниковъ царя Миріана.

²⁾ *თავი უბნ* дословно: голова твоя.

³⁾ Въ другихъ вариантахъ имя этого бога Итруджанъ.

⁴⁾ *და ამბ ანბ ზედა ურთი ბურა და მუ ჰმარობს*. Въ К. Ц., вѣсто *ბურა და მუ, ურუა* — бѣдствіе. Значитъ, вся фраза будетъ: а тотъ причинилъ этому одно это бѣдствіе.

Блаженная Нино отвѣчала царю и сказала: „Царь, ты живи вѣчно! Во имя Христа и молитвами святой матери Его и вмѣстѣ съ нею всѣхъ святыхъ Богъ, творецъ неба и земли, родитель всѣхъ рожденныхъ, явилъ тебѣ отъ великихъ благъ и безчисленныхъ щедротъ своихъ, какъ искру изъ печи горящей, одно ¹⁾ изъ благъ своихъ, чтобы ты позналъ и уразумѣлъ правду ²⁾ неба и свѣтъ солнца, глубину моря и основанія его, широту вселенной и основы ея, и чтобы ты, царь, зналъ, кто одѣваетъ небо облаками, *снабжаетъ* громъ раскатами воздуха, отъ свирѣпости котораго дрожить земля и раскаты грома идутъ по его слѣдамъ и возжигаютъ огни яростью своею; *чтобы ты зналъ*, что, когда тотъ великій китъ, который находится въ морѣ, пошевелится, то вся земля приходитъ въ такое колебаніе, что рушатся твердо-стоящія горы и скалы ³⁾. Я научу тебя всему этому подробно: ибо есть Богъ въ небесахъ, но самъ Онъ невидимъ ни для кого изъ рожденныхъ, за исключеніемъ Того, Который исходитъ отъ Него. Этотъ послѣдній явился на землю, какъ человекъ, исполнилъ все, для чего пришелъ, и возшелъ опять на высоту Отца своего. Онъ одинъ видѣлъ Его и Онъ одинъ вмѣстѣ съ Нимъ, Который кроткихъ видитъ, а гордыхъ издали узнаетъ ⁴⁾.

Нынѣ же, о царь, близко твое приближеніе къ Богу. Я знаю, что въ этомъ городѣ имѣется одно знаменіе, риза Сына Бога, а нѣкоторые говорятъ, что и епанча Иліи находится здѣсь, и много здѣсь чудесъ, о которыхъ самъ Богъ повѣдаетъ тебѣ.

¹⁾ Въ оригиналъ по ошибкѣ *ѡбо*—народъ, вмѣсто *ѡбо*—одно.

²⁾ Въ К. Ц. и въ другихъ вариантахъ: высоту.

³⁾ Эти любопытныя свѣдѣнія, знакомящія насъ съ народнымъ представленіемъ о нашей землѣ и причинахъ землетрясенія, не сохранились въ другихъ спискахъ Житія св. Нины. Но въ армянскомъ переводѣ К. Ц. сказано, что земля дрожитъ отъ великаго кита (Additions, p. 26).

⁴⁾ Дословно: низкихъ видитъ, а высокихъ издали замѣчаетъ.

А я исцѣлю этого вельможу силою Христа моего и крестомъ страданій Его, какъ это царицу Нану исцѣляли Богъ отъ тяжкой болѣзни ея; а то, что я повѣдалъ ей, она сдѣлаетъ, чтобы просвѣтить душу свою и приблизить народъ свой къ Богу“.

Тогда привели вельможу, и Нино взяла его, меня и царицу Нану въ садъ. Она поставила его подъ кедрами, *лицомъ* къ востоку, и заставила поднять руки *къ небу* и сказать трижды: „Отрекаюсь отъ тебя дьяволъ и предаю себя Христу, Сыну Бога“. И св. Нино плакала со вздохами въ *глубины* души своей и просила Бога помочь этому человѣку. Мы *были* съ нею цѣлый день ¹⁾. Злой духъ тотчасъ исчезъ, и этотъ вельможа и весь домъ его стали учениками св. Нины ²⁾ и величали Бога Отца и Сына и Св. Духа, Которому принадлежитъ слава во вѣки вѣковъ, аминь ³⁾.

Глава IX, сказанная ею же ⁴⁾.

Въ одинъ лѣтній день, мѣсяца іюля, дня 20-го, въ

¹⁾ Во всѣхъ другихъ вариантахъ: одинъ день и двѣ ночи.

²⁾ Въ другихъ вариантахъ: Онъ своимъ домомъ и народомъ сталъ послѣдователемъ ея.

³⁾ Вся эта глава, какъ уже замѣтили, ни въ одномъ вариантѣ не выдѣлена, и послѣдніе шесть параграфовъ составляютъ продолженіе разсказа Авіатара, а не ея дочери Сидоніи (ср. съ Н. Г. р. 111—113).

⁴⁾ Въмѣсто этого заглавія въ другихъ вариантахъ читаемъ: „Сказаніе женщины Сидоніи, которая была ученица св. Нины, которая видѣла и написала объ обращеніи *отъ христіанства* царя Миріана посредствомъ чуда и о подчиненіи его Нинѣ, объ исповѣданіи Христа, водруженіи Креста, построеніи церкви и о чудесахъ въ нихъ *совершившихся*. Глава VII“. Обозначенія главы нѣтъ въ спискахъ Вахтанговской Редакціи Б. Ц., кромѣ, впрочемъ, Теймуразовскаго, да и въ спискѣ Маріи, равно какъ и въ Теймуразовскомъ, только одна эта VII глава в

день ¹⁾ [субботній, царь отправился на охоту въ сторону Мухрана. Врагъ невидимый и злой, дьяволъ враждующій, присталъ и возбудилъ въ немъ любовь къ идоламъ и огню, такъ что царь сталъ размышлять о всеяческомъ служеніи имъ и объ истребленіи мечомъ всѣхъ христіанъ, и сказалъ четыремъ совѣтникамъ своимъ: „Мы отъ боговъ нашихъ достойны всякаго зла, потому что у насъ въ пренебреженіи служеніе имъ, вато мы допустили христіанъ чародѣевъ проповѣдывать свою религію въ нашей странѣ, ибо они творять чудеса чародѣйствомъ. Теперь мое рѣшеніе таково, чтобы мы безжалостно истребили всѣхъ, поклоняющихся распятому на крестѣ, и съ большимъ усердіемъ приступили бы къ служенію боговъ, владѣтелей Картлии. Я заставляю жену свою Нану раскаяться и отречься отъ вѣры распятаго на крестѣ, и если она непослушается, то я забуду о любви къ ней и погублю ее вмѣстѣ съ другими“. Совѣтники одобрили намѣреніе царя, ибо они то же самое давно желали, такъ какъ были ревностны къ тому дѣлу, но не рѣшались объявлять объ этомъ.

Между тѣмъ царь, объѣхавъ всѣ мѣста Мухрана, поднялся на высокую гору Тхоти, чтобы оттуда посмотрѣть въ сторону Каспи и Уплись-цихе. Около полудня солнце затмилось для нихъ и стало такъ темно, какъ будто наступила вѣчная ночь. Темнота покрыла всѣ окрестности и мѣста, и свита царя отъ бѣдствія и заботъ о себѣ разбрелась въ разныя стороны. Царь остался одинокъ и блуждалъ въ дубравѣ горѣ.

обозначена, но и она, какъ видимъ, не совпадаетъ съ VII главой нашего источника, а соотвѣтствуетъ IX главѣ.

¹⁾ Тутъ въ оригиналѣ недостаетъ одного листа. То, что нами приведено въ прямыхъ скобкахъ, взято изъ К. Ц., съ которою согласны и другіе списки Житія св. Нины (см. Н. Г. р. 113—114). То обстоятельство, что добавленный текстъ вполне прилаживается къ тексту нашего оригинала, заставляетъ думать, что утраченный текстъ въ общемъ мало отличался отъ добавленнаго.

Объятый страхомъ и ужасомъ и потерявъ надежду на спасеніе, онъ остановился на одномъ мѣстѣ и, придя въ себя, сталъ думать такъ въ умѣ своемъ: „Вотъ я призывалъ боговъ своихъ и не нашелъ утѣху себѣ; не могутъ ли нынѣ крестъ и Распятый на крестѣ, о которыхъ проповѣдываетъ Нино и совершаетъ исцѣленія упованіемъ ихъ, спасти меня отъ несчастія? ибо я живой нахожусь въ аду и не знаю, для всего ли міра случилась эта катастрофа, и свѣтъ превратился въ тьму, или только для меня *одною*. Теперь, если это несчастіе для меня только, Боже Нины, освѣти мнѣ эту ночь, покажи мнѣ домъ свой, и я исповѣдую имя Твое, воздвигну древо креста и поклонюсь ему, построю себѣ домъ для молитвы и буду послушнымъ Ниинѣ относительно религіи римлянъ!“

Какъ только онъ все это сказалъ, разсвѣло и солнце просіяло. Царь слѣзъ съ лошади, сталъ на томъ мѣстѣ, лицомъ къ востоку и, водѣвъ руки къ небу, сказалъ: „Ты — Богъ надъ всѣми богами и Господь надъ всѣми господами, Богъ, Котораго проповѣдываетъ Нино, Твое имя должно быть прославляемо рожденными на землѣ и подъ небесами, ибо Ты спасъ меня отъ бѣдствій и просвѣтилъ тьму мою. И вотъ, я позналъ, что Ты хочешь спасти меня, дать утѣху и приблизить меня къ Себѣ. Боже благословенный, на этомъ мѣстѣ я воздвигну древо креста, чтобы тѣмъ величалось Твое имя и вспоминалось это дѣло и знаменіе во вѣки вѣковъ!“ Царь, намѣтивъ ту мѣстность, направился обратно, а разсѣянный народъ, увидя свѣтъ, собрался. Царь же громко зывалъ: „Воздайте, всѣ люди, славу Бгу Нины, ибо Онъ одинъ Богъ вѣковъ и Ему одному подобаетъ величаніе во вѣки!“

Между тѣмъ царица Нана, весь народъ и]¹⁾ *цѣлый* го-

¹⁾ Нужно полагать, что на пропавшей лѣтѣ часть разсказа Сидонія, заключеннаго нами въ скобки, была выдѣлена въ особую, десяти-

родъ вышли навстрѣчу царю, ибо сначала они слышали, что царь погибъ, а потомъ,—что онъ благополучно возвращается. Они встрѣтили царя въ Киндзарѣ и Гартѣ ¹⁾, и было большое ликование по поводу его благополучнаго возвращенія. А блаженная Нино по обыкновенію стояла на вечерней молитвѣ въ кущѣ ежевики, и мы пятьдесятъ душъ были вмѣстѣ съ нею.

Во время вѣзда царя весь городъ пришелъ въ сматеніе, а царь громогласно кричалъ: „Гдѣ та женщина чужестранка, которая есть мать моя, а Богъ ея забавитель мой?“

Когда царь услышалъ, что „она здѣсь въ кущѣ изъ ежевики и молится“, онъ повернулъ и прибылъ къ ней со всѣмъ войскомъ, слѣзъ съ лошади и говорилъ Нинѣ: „Достойнъ ли ²⁾ я теперъ призывать Бога твоего и Спасителя моего?“ А святая Нино поучала его и заставила тотчасъ поклониться въ сторону востока Христу, Сыну Бога. Тогда весь народъ началъ гнѣмѣть и плакать, ибо они видѣли у царя и царицы льющіяся слезы отъ радости и великаго того чуда, которое совершилось.

На другой день царь отправилъ пословъ въ Грецію ³⁾, а блаженная Нино днемъ и ночью поучала всѣхъ людей истинному пути вѣры ⁴⁾.

тую по счету главу, ибо ниже десятая глава не обозначена. Всего вѣроятнѣе, что X глава начиналась съ первой строки послѣдняго параграфа, со словъ, „между тѣмъ царица“.

¹⁾ О Киндзарѣ мы уже говорили выше (см. стр. 63, прим. 3). Гарта или Гартисъ-Кари находится въ Микетѣ, выше Самтаврскаго монастыря.

²⁾ Въ другихъ вариантахъ: удостой меня.

³⁾ Всѣ другіе варианты тутъ прибавляютъ то, что нами приведено выше на стр. 20, въ прим. 3.

⁴⁾ Послѣ этого въ другихъ вариантахъ нижеслѣдующій текстъ имѣеть особое заглавіе: Сказаніе ея же Сидоніи о постройкѣ церкви. (Н. Г. 115).

До прїѣзда священниковъ изъ Греціи, послѣ того какъ царь и весь народъ быстро укрѣпились въ христіанствѣ, царь имѣлъ разговоръ съ Ниной о постройкѣ церкви.

Вѣрующій царь спросилъ св. Нину: „Гдѣ мнѣ построить домъ Богу?“ А блаженная та отвѣтила: „Гдѣ угодно будетъ твердому разуму царей“ ¹⁾ Царь же сказалъ: „Я люблю сію твою кущу изъ ежевики и желаю тамъ по разумѣнію своему. Но нѣтъ, я не пощажу царскій садъ и высоту кедровъ, плодობиліе листвы и благоуханіе цвѣтовъ, но въ немъ построю храмъ для моленія своего, который будетъ стоять вѣчно.

Тотчасъ достали доски ²⁾ и начали строить *церковь*, срубили тотъ кедръ, приготовили изъ него столбъ, а на основаніи его положили фундаментъ.

Удивительны были на видъ тотъ столбъ и фундаментъ, о которомъ выше написано ³⁾. Когда пришло время возставить столбъ, раньше упомянутый, плотники начали поднимать его, но не могли.

Тогда собралась безчисленная толпа. Съ нимъ находися и царь. Они начали прибѣгать къ различнымъ средствамъ и приготовленію машинъ, но не только возставить, но и сдвинуть съ мѣста не могли его, и всякая мудрость и средство человеческое были напрасны. *Это было для того*, чтобы чудеснымъ поднятіемъ того столба былъ бы прославляемъ Богъ, а люди болѣе укрѣпились бы въ вѣрѣ.

Такъ какъ они не могли поднять *столбъ*, и не удалось

¹⁾ Дословно: гдѣ разумъ царей твердъ. Въ другихъ вариантахъ, вмѣсто царей, сказано мтаваронъ.

²⁾ Въ оригиналѣ: доску.

³⁾ Эта ссылка на вышесказанное заставляетъ думать, что на одномъ изъ пропавшихъ листовъ оригинала, отмѣченныхъ нами на своихъ мѣстахъ, были приведены свѣдѣнія о воздвиженіи Животворящаго Столба.

имъ это дѣло, царь и весь народъ, увѣрившись въ неудачу, разошлись, горюя объ этомъ.

Только блаженная Нино и двѣнадцать другихъ женъ остались на мѣстѣ. А желанная Нино рыдала и проливала слезы на тотъ столбъ. И какъ только наступила полночь, двѣ эти горы, Армазъ и Заденъ, обрушились и, повидимому, такъ свалились, что запрудили объ эти рѣки. Кура выступила изъ береговъ и уносила сильно затопленный городъ. Оттуда поднялись ужасные и душу раздражающіе крики плача и бѣгства.

Точно такъ же и Арагва вышла изъ берега выше крѣпости, и стали раздаваться сильные удары. Женны тѣ и я вмѣстѣ съ ними испугались и бѣжали. Блаженная же св. Нино громко зывала: „Не бойтесь, сестры мои, горы тѣ стоятъ на своихъ мѣстахъ, и рѣки тѣ текутъ въ своихъ руслахъ, а народъ весь спитъ. Но это видимое разрушеніе горъ на самомъ дѣлѣ показываетъ, что горы невѣрны разрушились въ Бартаин; остановка же рѣкъ значитъ, что остановилась кровь дѣтей, приносимая въ жертву дьяволамъ, а голоса плача—это вопли многочисленныхъ дьяволовъ, которые оплакиваютъ свое разореніе, ибо они изгоняются изъ этого мѣста Всевышнею силою и крестомъ Христа. Вернитесь, дѣти, и помолитесь Богу!“ И вдругъ стихли голоса, и ничего не было слышно

И св. Нино продолжала опять стоять и, воздвѣвъ руки свои къ небу, а глаза къ Богу, молилась и просила, чтобы врагъ не помѣшалъ этому дѣлу религіи, за которое ревностно взялись царь и весь народъ.

Не успѣлъ еще пройтъ пѣтухъ, какъ сильное войско ударило въ набатъ у всѣхъ трехъ воротъ. Городскія ворота были сокрушены, и городъ наполнился персидскимъ войскомъ. Внезапно началась рѣзня народа при крикахъ и душу раздражающемъ шумѣ, кровь лилась какъ бы *рякою* и наполнила

собою всё мѣста. Толпа съ крикомъ и мечами направилась на насъ, и тѣла наши растаяли и души изсякли.

Я же плакала объ отцѣ и родственникахъ своихъ и вдругъ услышала раздающійся громкій голосъ: „Такъ приказываетъ царь персидскій Хуара и царь царей Хуаранъ-Хуара: избавьте всякаго еврея отъ острія меча!“

Когда я это услышала, пришла въ себя. Я и десять тѣхъ *женъ* со мною ободрились. Меченосцы приблизились, поражая и убивая всѣхъ кругомъ насъ, и раздался сильный голосъ, что „царя Миреана взяли въ плѣнъ“. Неутомимая та подвижница *Нино* оглянулась кругомъ и сказала: „Знаю, что обреченъ на смерть *тотъ, кто кричитъ*, ибо онъ въ очень затруднительномъ положеніи“. И она благодарила Бога за то, что это было знаменіе гибели ихъ, спасенія Картліи и возвеличенія этого мѣста. Св. Нино утѣшала насъ, какъ искусная наставница, и *не только* истинная наставница, *но и* вѣстница Христа. Обратившись къ народу, шедшему на насъ, она сказала: „Гдѣ цари персидскіе Хуара и Хуаранъ-Хуара? Вчера только выступили изъ Сабастана? Рано пришли. Вѣроятно гдѣ-нибудь по близости находится *другое* большое, болѣе безчисленное войско, нежели вы. Сильно разгромите этотъ городъ! Поразите мечомъ вѣтеръ и зефиръ! Удалитесь во мракъ сѣвера, по направленію горъ! Сюда пришелъ Тотъ, отъ Котораго вы бѣжите!“ И пошевелила десницу свою и изобразила рукою знаменіе креста.

Вдругъ исчезло все это множество народа и стало очень тихо. Мы же прославляли Бога и вождѣли къ святой и блаженной *Нинѣ*.

Когда заря приходила къ концу, сестры ¹⁾ мои немного задремали, я же бодрствовала, а св. Нино стояла съ воздѣтыми *къ небу* руками. И вотъ, предсталъ предъ ней одинъ юноша,

¹⁾ Во всѣхъ другихъ вариантахъ: матери.

облаченный въ лучезарный свѣтъ и завернутый въ огненный плащъ, и сказалъ блаженной Нинѣ какія-то три слова. Она же упала лицомъ на землю, а юноша схватилъ рукою тотъ столбъ, взялъ за конецъ, поднялъ и унесъ въ высь небесную. Я съ удивленіемъ приблизилась и сказала блаженной царицѣ: „Что это такое?“ Она же преклонила мою голову къ землѣ, и я начала плакать отъ этого ужаса. Спустя немного времени, та блаженная встала, подняла также и меня, и мы отошли отъ того мѣста.

Между тѣмъ тѣ женщины опять отсутствовали, и вотъ я видѣла, какъ тотъ столбъ, въ огненномъ видѣ, опустился и приблизился къ основанію своему и, опустившись, сталъ надъ основаніемъ на разстояніи двѣнадцати локтей отъ земли, понемногу спускаясь къ своему пню, ибо пень служилъ основаніемъ, отъ котораго Животворящій тотъ Столбъ былъ отрѣзанъ.

Не успѣла еще появиться заря, какъ царь всталъ озабоченный неудачею и посмотрѣлъ въ садъ, на начатую имъ церковь, ибо тамъ были сосредоточены мысли его. Онъ увидѣлъ въ саду свѣтъ, наподобіе молніи, поднимающійся до небесъ. Онъ сталъ бѣжать, чтобы поскорѣе притти, и съ нимъ послѣшила толпа цѣлаго народа. Когда они пришли, увидѣли, что сей необыкновенный, блистающій свѣтомъ Столбъ спустился, сталъ какъ бы прямо надъ своимъ основаніемъ и утвердился неподдерживаемый человѣческими руками ¹⁾.

¹⁾ О затменіи дня царю во время охоты и утвержденіи столба посредствомъ чуда мы находимъ свѣдѣнія и у Руфина, но, конечно, не въ такой пространной формѣ, какъ въ нашей источникѣ. „Ad hoc, продолжаетъ Руфинъ (см. выше, стр. 83—84, прим.), tunc rex segnior fuit et interim distulit, saepius licet ab uxore commonitus, donec accidit quadam die venante eo in silvis cum comitibus suis, obscurari densissimis tenebris diem, et per tetrae noctis horrorem

Блаженно то время, когда это случилось! Городъ Мцхета

luce subducta, caecis iter gressibus denegari. Alius alio diversi ex comitibus oberrant: ipse solus densissima obscuritate circumdatus, quid ageret, quo se verteret, nesciebat: cum repente anxios salutis desperatione animos cogitatio talis ascendit. Si vere Deus est Christus ille, quem uxori suae captiva praedixerat, nunc se de his tenebris liberet, ut ipsum ex hoc omissis omnibus coleret. Ilico ut haec nondum verbo, sed sola mente devoverat, reddita mundo dies, regem ad urbem perducit incolumem. Quique reginae rem protinus ut gesta est pandit. Evocari jam jamque captivam et colendi ritum ut sibi tradat, exposcit: neque se ultra alium Deum quam Christum veneraturum esse confirmat. Adest captiva, edocet Deum Christum: supplicandi ritum venerandique modum, in quantum de his aperire feminae fas erat, pandit. Fabricari tamen Ecclesiam monet, formamque describit. Igitur rex totius gentis populo convocato, rem ab initio quae erga se ac reginam gesta fuerat, exponit fidemque edocet et nondum initiatus in sacris fit suae gentis apostolus. Credunt viri per regem, feminae per reginam: cunctisque idem volentibus Ecclesia extruitur instanter: et elevato jam perniciousiter murorum ambitu, tempus erat quo columnae collocari deberent. Cumque erecta prima vel secunda, ventum fuisset ad tertiam, consumptis omnibus machinis et boum hominumque viribus cum media jam in obliquum fuisset erecta et pars reliqua nullis machinis erigeretur, repetitis secundo et tertio ac saepius viribus, ne loco quidem moveri attritis omnibus potuit. Admiratio erat totius populi, regis animositas hebescebat: quid fieri deberet, omnes simul latebat. Sed cum interventu noctis, omnes abscessissent, cunctique mortales et ipsa opera cessarent, captiva sola in oratione pernoctans mausit intrinsecus: cum ecce matutinus et anxius cum suis omnibus ingrediens rex, videt columnam, quam tot machinae ac tot populi movere non quiverant, erectam et supra basim suam librate suspensam nec, tamen superpositam, sed quantum unius pedis spatio in aëre pendentem! Tunc vero omnes populi contuentes et magnificantes Deum, veram esse regis fidem et captivae religionem praesentis miraculi testimonio perhibebant. Et ecce mirantibus adhuc et stupentibus cunctis in oculis eorum sensim supra basim suam, nullo ontigente, columna deposita, summa cum libratione consedit. Post

исполнился страха и радости, потоки слезъ текли у царей, мтаваровъ и всего народа отъ сердечныхъ рыданій своихъ, и они прославляли Бога и возжелѣли къ св. Нинѣ. Въ тѣ дни совершались многочисленныя чудеса.

Глава XI, сказанная ею же ¹⁾).

Первое чудо. Пришелъ нѣкій еврей, слѣпой по рожденію, приблизился къ Животворящему Столбу и тотчасъ прозрѣлъ, и прославлялъ Бога.

Одинъ отрокъ, язычникъ ²⁾, изъ придворныхъ ³⁾, лежалъ больнымъ въ продолженіе восьми лѣтъ. Мать принесла его съ вѣрою и положила на ложе предъ тѣмъ Столбомъ свѣта, дѣйствительно облеченнымъ въ свѣтъ, и, умолая блаженную Нину, говорила: „Призри, царица, на этого моего сына, близкаго къ смерти, ибо я знаю, что Тотъ, Которому ты служишь и намъ проповѣдуешь есть Богъ боговъ“. Тогда бла-

hoc reliquis numerus columnarum tanta facilitate suspensus est, ut omnes quae superfuerant, ipsa die locarentur. Postea vero quam Ecclesia magnifice constructa est, et populi et fidem Dei maiore ardore sitiebant, captivae monitis ad imperatorem Constantinum totius gentis legatio mittitur: res gesta exponitur: sacerdotes mittere oratur, qui caeptum erga se Dei munus explerent. Quibus ille cum omni gaudio ex honore transmissis, multo amplius ex hoc laetatus est, quam si incognitas Romano imperio gentes et regna ignota junxisset. Haec nobis ita gesta, fidelissimus vir Bacurius, gentis ipsius rex, et apud nos Domesticorum comes (cui summa erat cura et religionis et veritatis) exposuit cum nobiscum Palaestini tunc limitis Dux, in Hierosolymis satis unanimiter degeret“.

¹⁾ Ни въ одномъ вариантѣ нижеприведенный рассказъ не выдѣленъ въ особую главу.

²⁾ Этого слова нѣтъ въ другихъ вариантахъ, но зато прибавлено: по имени Амзаспани.

³⁾ ἑταῖρος. Объ этомъ см. выше, стр. 71, прим. 1. Этимологию этого слова см. у Н. Марра. Зап. Вост. Огд. Им. Русск. Арх. Общ. т. V.

женная Нино приложила руки свои къ Животворящему Столбу, а *потомъ* возложила *ихъ* на того отрока и сказала: „Вѣруешь ли ты въ Иисуса Христа, Сына Бога живого, пришедшаго во плоти для спасенія всего міра?“ Отрокъ тотъ сказалъ: „Да, царица, вѣрую въ Иисуса Христа, Спасителя рожденныхъ“.

Тогда св. Нино сказала ему: „Исцѣлися отнынѣ и прославляй Того, силою Котораго ты исцѣлился!“ И вдругъ отрокъ тотъ всталъ, какъ будто и не былъ боленъ, и большой страхъ напалъ на царя и на толпу народа.

Приходили и *другіе*, одержимые разными болѣзнями, и исцѣлялись, пока царь не сдѣлалъ вокругъ Столба деревянный футляръ и не закрылъ его отъ взоровъ.

Но и въ такомъ положеніи люди касались къ тому навѣсу и немедленно получали исцѣленіе, и прославляли Бога, производящаго знаменія. Царь же приступилъ къ постройкѣ церкви въ томъ саду съ ревностью и великою радостью ¹⁾.

Тогда вернулись изъ Греціи послы съ священно-служителями, священниками и дьяконами, и, какъ написано выше, приступили къ крещенію всего народа.

Глава XII, сказанная Авіатаромъ, который былъ первосвященникомъ въ святилищѣ евреевъ въ Мцхетѣ и принялъ крещеніе изъ рукъ Нины ²⁾.

Я, Авіатаръ, былъ по очереди священникомъ надъ свя-

¹⁾ Въ другихъ вариантахъ: „Царь приступилъ и быстро кончилъ постройку церкви въ томъ саду“. Далѣе приводятся подробности приѣма пословъ Константиномъ и Еленю, возвращенія пословъ и крещенія грузинъ, которыя въ нашемъ источникѣ кратко изложены выше (см. стр. 20 и Н. Г. 118).

²⁾ Во всѣхъ вариантахъ имѣется такое заглавіе: Сказаніе священника Авіатара, который сдѣлался ученикомъ святой и блаженной Нины (см. Н. Г. р. 105).

щенниками въ томъ году, когда эта блаженная женщина Нино пришла въ Мцхету. Въ то время мною уже были получены письма изъ Рима, Египта и Вавилона отъ священниковъ и книжниковъ еврейскихъ ¹⁾, въ которыхъ написано было такъ:

„Богъ разрушилъ царство Иудейское и, вотъ, умоляли пророки, ибо тѣ, которыхъ призывалъ Духъ, всѣ умерли, мы рассѣялись по всему міру, и римляне покорили подъ свою власть страну нашу, потому что мы согрѣшили во всемъ и разгнѣвали Творца своего.

„Теперь ты разсмотри книгу Моисея, который заповѣдалъ намъ слѣдующее: „Тотъ, который объявить на землѣ себя Богомъ, пусть будетъ распятъ!“ Или мы уже согрѣшили, убивъ Иисуса Назаретянина? ибо я знаю, что когда прежніе отцы наши грѣшили предъ Богомъ и совершенно забывали Его, Онъ предавалъ ихъ могущественному царю и плѣну. Но когда они обращались и зывали къ Богу, Онъ немедленно отвращалъ отъ нихъ бѣдствіе. И мы знаемъ изъ Писанія, что такъ случилось семь разъ. Но съ тѣхъ поръ какъ *отцы наши* наложили руку на сына убогой женщины и убили его, Богъ отвратилъ руку свою отъ насъ, разрушилъ царство *наше*, удалилъ насъ отъ храма Божія и совершенно пренебрегъ нашъ родъ.

Нынѣ же прошло триста лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Онъ пересталъ слушать моленія наши и не заботится о нашемъ спасеніи *болше*. Я полагаю, что человекъ тотъ былъ съ неба“.

И многое въ этомъ родѣ было написано. Когда же я узналъ обо всемъ этомъ, сталъ спрашивать о Христѣ у женщины той Нино, кто Онъ былъ или по какой причинѣ Богъ сдѣлался человекомъ? Тогда блаженная Нино отвергла уста свои подобно колодцу бьющемуся и подобно ключу безпрерывному. Она начала отъ начала вѣковъ, рассказала наи-

¹⁾ Во всѣхъ другихъ вариантахъ: мною получены были письма изъ Антиохіи отъ еврейскихъ священниковъ.

зустъ *содержаніе* моихъ книгъ, разъяснила его, пробуждала меня какъ бы спящаго, просвѣщала меня неразумнаго, возбуждала во мнѣ жалость къ отцамъ нашимъ и убѣждала меня переменить вѣру *до тѣхъ поръ*, пока я не увѣровалъ вслѣдствіе ея словъ въ Христа, Сына Бога, въ страданія Его, въ воскресеніе со славою, во второе пришествіе со страхомъ, и что воистину Онъ есть членіе язычниковъ.

Въ то время я и дочь моя удостоились крещенія священной водою, кропила и чистилища грѣховъ, котораго желалъ пророкъ Давидъ, но не достигъ; и услышалъ я еще голосъ пѣвцовъ новой религіи, котораго желалъ тотъ же Давидъ, но не удостоился.

Я же удостоился приобщиться истиннаго тѣла и крови Агнца Божія, принесеннаго въ жертву за грѣхи міра, вкушеніе котораго сладостно.

И въ этомъ *убѣжденіи* Господь да удостоитъ меня оставить тѣло *мое*, ибо во дни свои много чудесъ видѣли очи мои отъ Нины въ Мцхетѣ ¹⁾).

Что касается до дома Эліова, онъ находился въ западной части города, у воротъ Могуеты, на берегу Курн. Тамъ было небольшое святилище и кладбище ихъ, на которомъ св. Нино водрузила крестъ Христа и крестила тамъ, за городомъ, руками священника Якова и архидіакона Просилы нѣкоторыхъ сыновей мтаваровъ. Мѣсто это получило названіе Купели мтаваровъ и очень чтилось въ наши дни, хотя оно представляло изъ себя поле безъ всякаго строенія.

Въ тѣ же дни мцхетскіе евреи сильно возстали противъ меня, срубили то сладкокорное ²⁾ дерево, которое стояло у

¹⁾ Эта 12-ая глава отъ начала до этого мѣста приведена и въ другихъ вариантахъ съ тѣми отступленіями, какія наблюдаются въ К. Ц. см. Н. Г. р. 105—106).

²⁾ ჯღღაღბი. Въ словарѣ Д. Чубинова ჯღღაღბი означаетъ сладкій корень, солодовый лапоротникъ. *Polipodium vulgare*.

воротъ святилища и которое украшало то мѣсто, ибо вѣтви его покрывали всѣ притворы святилища; они начали выселяться въ прежнія свои мѣста, за исключеніемъ только семейства Барабы, домъ котораго въ числѣ пятидесяти душъ принялъ крещеніе и обосновался въ Мцхетѣ. Царь Миреанъ подарилъ имъ одно мѣстечко, которое называется Цихе-диди, и они были возвеличены предъ царемъ и всѣми христіанами благостью блаженной Нины и ученіемъ ея ¹⁾).

Въ то время ²⁾ получено было письмо изъ Рима отъ святаго патріарха на имя блаженной Нины, царя Миреана и всего народа грузинскаго. Пріѣхалъ также къ ней архидіаконъ бранджскій съ тѣмъ, чтобы прославлять и благословить ее и *съ сою очередь* взять отъ блаженной Нины благословеніе и сдѣлаться соучастникомъ ея благодати. Онъ имѣлъ письмо отъ царя бранджовъ къ блаженной Нинѣ, ибо бранджи были уже крещены отцомъ ея Завулономъ, и обо всемъ этомъ вѣсти дошли до нихъ изъ Іерусалима, Рима и Константинополя, а именно, что въ полуночную ту страну ³⁾ достигло солнце правды, свѣтъ, исходящій отъ Отца, Христосъ.

Поэтому тотъ и написалъ любовное письмо, чтобы онъ былъ увѣдомленъ о дѣлахъ и знаменіяхъ, о чудесахъ отъ того Столба и ежевичной кущи, и о силѣ врачеванія *Нины*. Все

¹⁾ Отъ словъ: „что касается дома Вліоза“ нѣтъ въ другихъ вариантахъ, только нѣкоторые свѣдѣнія этихъ параграфовъ въ иной формѣ сообщаются въ другомъ мѣстѣ, а именно въ разсказѣ Сидонія о постройкахъ церкви, тамъ гдѣ говорится о крещеніи царя Маріана и всего народа (см. Н. Г. р. 120).

²⁾ Въ другихъ вариантахъ разсказъ начинающійся этими словами имѣетъ заглавіе: Письмо, которое написалъ патріархъ римскій и царь бранджовъ Нинѣ, царю и всему народу Картліи (см. Н. Г. р. 125).

³⁾ Во всѣхъ другихъ вариантахъ, вмѣсто послѣднихъ четырехъ словъ, написано: въ страну Картліи.

это увидѣлъ тотъ архидіаконъ, который, въ удивленіи *своемъ* прославляя Бога, взялъ письма и уѣхалъ ¹⁾).

Глава XIII. О Честномъ Крестѣ, которое написалъ Яковъ ²⁾).

Когда было срублено то дерево честнаго и побѣдоноснаго креста, оно было несомо на рукахъ съ вѣтками и листьями десятью десятками людей и внесено въ городъ.

¹⁾ Во всѣхъ другихъ вариантахъ послѣ этихъ словъ приведенъ рассказъ о путешествіи Нины, обращеніи ею въ христіанство грузинъ-горцевъ и кахетинцевъ, о смерти Нины въ Бодѣ и погребеніи ея, о чемъ въ нашемъ источникѣ рассказано выше, на стр. 23—27, 49—50.

²⁾ Во всѣхъ другихъ вариантахъ имѣется такое заглавіе: „О воздвиженіи Честнаго Креста“ и глава эта приписывается не Якову, а Сидоніи. Въ началѣ главы въ другихъ вариантахъ приведенъ рассказъ, который отсутствуетъ въ данномъ мѣстѣ нашего источника. Вотъ этотъ рассказъ: „Въ тѣ времена, когда приняли крещеніе царь, царица, дѣти ихъ и вмѣстѣ съ ними весь народъ, стояло одно дерево на одномъ мѣстѣ, на скалѣ недоступной. Дерево это было очень красиво и ароматно. Оно имѣло удивительное свойство: если подходилъ къ нему звѣрь, пораненный стрѣлою, и ѣлъ листья его или упавшіе съ него плоды, онъ избавлялся отъ смерти, если бы даже рана была смертельна. Это очень удивляло первыхъ тѣхъ язычниковъ, и они рассказали епископу Іоанну объ этомъ деревѣ. Епископъ же сказалъ: „Вотъ, поминишь, страна эта изначала была предназначена Богомъ для служенія Себѣ, и Богъ взростилъ то дерево и сохранилъ для этого времени. Теперь, такъ какъ благодать Божія распространилась по Картліи, слѣдуетъ изъ этого дерева сдѣлать честный крестъ, которому бы поклонялся весь народъ грузинскій. И отравились Ревъ, сынъ царя, епископъ и вмѣстѣ съ ними множество народа, срубили то дерево и взяли вмѣстѣ съ вѣтками; оно было несомо“... Далѣе рассказъ совпадаетъ съ нашимъ оригиналомъ. (К. Ц. 93—94. М. 100—101. Н. С. 122). Ниже мы увидимъ, что приведенный рассказъ о свойствахъ дерева, изъ котораго были сдѣланы кресты, имѣется и въ нашемъ источникѣ, а именно въ предсмертномъ письмѣ царя Миріана (см. ниже, стр. 113—114).

Народъ валилъ *смотреть* зеленѣющія листья его въ началѣ лѣта ¹⁾, когда всякое другое дерево было сухо, между тѣмъ какъ оно было съ неопавшими листьями, благоухающе и красиво на видъ. Тогда поставили его на своемъ корнѣ у южной двери храма, и вѣтерокъ, дующій съ рѣки, шедший листьями и шевелилъ вѣтки его, и было видѣніе его прекрасно и пріятно *подобно тому*, какъ это мы знаемъ по слышкѣ о томъ деревѣ кипариса ²⁾.

Мы ³⁾ срубили его 25 марта мѣсяца, въ день пятницы, и въ продолженіе тридцати семи дней листья его нисколько не измѣнились, какъ будто то дерево стояло на своихъ корняхъ у источника, пока всѣ деревья дубравы не одѣлись въ листья и плодовые деревья не украсились цвѣтами. Тогда, мѣсяца мая перваго, были приготовлены эти кресты, а седьмого того же мѣсяца воздвижены приложеніемъ руки царя и при радости и страстномъ желаніи всего города ⁴⁾.

Во время пребыванія этихъ крестовъ въ церкви, всѣ жители города наблюдали, какъ въ каждую ночь спускался огненный крестъ, увѣнчанный сверху короною изъ звѣздъ, и становился надъ храмомъ до разсвѣта, и въ виду этого всѣ прославляли Бога.

Къ утру, при наступленіи зари, отъ него отдѣлялись двѣ звѣзды. Одна изъ нихъ уходила къ востоку, другая къ западу, а самая крупная изъ нихъ блистательно стояла на мѣстѣ и мало-по-малу уходила по ту сторону Арагвы и оста-

¹⁾ Въ спискахъ К. Ц. Вахтанговской Редакціи: зины.

²⁾ Тутъ, по нашему мнѣнію, дѣлается намекъ на то дерево, изъ котораго, по апокрифическому сказанію, былъ приготовленъ крестъ страданія Спасителя.

³⁾ Во всѣхъ другихъ вариантахъ: рассказъ переданъ третьимъ лицомъ.

⁴⁾ Въ Вахт. Ред.: всего народа Картліи.

навливалась сверху надъ скалистымъ холмомъ, по близости того источника, который былъ вызванъ изъ земли слезами св. Нины, а оттуда поднималась къ небу ¹⁾).

Это дарованіе вѣчной жизни нашимъ отъ Бога много разъ наблюдалось всѣмъ народомъ. Тогда мы начали спрашивать блаженную Нину, что это такое, что *звѣзды* выдѣляются изъ лучей *короны* и уходятъ на востокъ и западъ?

А святая сказала царю и всему народу: „Разошлите людей по высокимъ горамъ, на востокъ до горъ кахетинскихъ, и на западъ до границъ твоего владѣнія ²⁾), и когда эти свѣтила озарятся, пусть наблюдаютъ, гдѣ они остановятся, и на тѣхъ мѣстахъ поставьте эти два креста на храненіе всѣмъ христіанамъ и въ сокрушеніе врага“. Царь же такъ и сдѣлалъ и занялъ вершины горъ по порядку въ продолженіе десяти дней. *И вотъ*, въ ночь съ пятницы на субботу, было то же самое знаменіе и случилось то же самое, что всегда случилось. На другой день пришли посланные на западъ, которые стояли на горѣ, называемой Квабта-тави ³⁾), и сказали царю, что „звѣзда та остановилась на горахъ Тхоти, спустилась къ Кркви ⁴⁾ и Каспи, остановилась на одномъ мѣстѣ, и постепенно сдѣлалась невидимою. Точно также пришли посланные на востокъ и сказали: „Мы увидѣли ту звѣзду,

¹⁾ Источникъ, вызванный по преданію изъ земли слезами св. Нины, существуетъ около монастыря Креста и носить названіе Дзудзусъ-цвали, т. е. родникъ груди, и, по убѣжденію мѣстныхъ жителей, имѣеть свойство возвращать пропавшее молоко матерямъ.

²⁾ Во всѣхъ другихъ вариантахъ: до окрестностей этого города.

³⁾ Квабта-тави буквально значитъ голова или вершина пещерь. Это то мѣсто, гдѣ нынѣ находится извѣстный въ Грузіи Квабтаховскій монастырь.

⁴⁾ ყრვანს. Этого слова нѣтъ ни въ одномъ вариантѣ и неизвѣстно, какое названіе тутъ подразумѣвается.

направляющуюся отсюда, и она остановилась надъ мѣстечкомъ Боди, въ странѣ кахетинской¹⁾.

Тогда блаженная Нино приказала, чтобы взяли эти два креста и поставили—одинъ на Тхоти, гдѣ Богъ показалъ царю свою силу, а другой отдали бы Саломѣ уджармійской, истинной рабынѣ Божіей, съ тѣмъ чтобы она поставила его въ городѣ Уджармѣ, дабы мѣстечко Боди не сдѣлалось соперникомъ города царей, ибо тамъ народу много. „Мѣстечко же Боди, сказала она, желанное мѣсто Бога, мы сами еще увидимъ“. И мы сдѣлали такъ, какъ приказала намъ св. Нино.

Что касается до Честнаго Мцхетскаго Креста, явленнаго намъ небесными знаменіями, то мы понесли его человѣческими руками. пришли подъ холмъ, къ названному источнику, провели ночь въ бдѣніи и молились Богу. А блаженная Нино сливала свои слезы съ источникомъ, и были великія исцѣленія и знаменія. На другой день мы поднялись на ту скалу. Блаженная Нино, подойдя, упала на камняхъ холма и плакала. Съ нею вмѣстѣ плакали царь, всѣ мтавары и все множество народа, отцы и матери, и пискъ грудныхъ дѣтей смѣшивался съ эхомъ горъ.

И св. Нино положила руку на одинъ камень и сказала мнѣ: „Приди, это подобаетъ тебѣ, и благослови крестнымъ знаменіемъ сей камень!“ Я такъ и сдѣлалъ, и тамъ воздвигли тотъ крестъ съ царскимъ величіемъ. Царь, всѣ мтавары и все множество народа пали на колѣни и поклонились чудодѣйственному кресту и признали распятаго Іисуса Христа истиннымъ Богомъ и Сыномъ Животворящаго Бога, и всѣ увѣровали въ Бога въ трехъ лицахъ величаемаго, Которому приличествуетъ слава во вѣки вѣковъ, аминь.

Между тѣмъ жены мтаваровъ¹⁾ никуда не отходили отъ святой церкви, свѣтоноснаго столба и животворящаго креста,

¹⁾ Въ К. Ц. и въ другихъ вариантахъ: великіе мтавары.

ибо онѣ видѣли безчисленные чудеса и невыразимыя исцѣленія ¹⁾).

Тогда св. Нино оставила городъ Мцхету и отправилась въ мтеульцамъ для возвѣщенія истины звѣроподобнымъ ²⁾ тѣмъ людямъ и для сокрушенія ихъ идоловъ ³⁾).

¹⁾ Вся эта двѣнадцатая глава до этого мѣста повторяется во всѣхъ вариантахъ въ общемъ съ тѣми отступленіями, какія наблюдаются въ Е. Ц. (см. Н. Г. р. 122—124).

²⁾ Этотъ эпитетъ мтеульцевъ встрѣчается и въ другихъ вариантахъ (см. выше, стр. 23, прим. 2).

³⁾ Моисей Хоренскій въ своей Исторіи Арменіи о Нинѣ, распространеніи христіанства въ Грузіи и о Мцхетскомъ Крестѣ даетъ слѣдующія свѣдѣнія подъ заглавіемъ: „Блаженная Нунѣ, виновница спасенія иверійцевъ“ (глава 86, новый переводъ Эмина стр. 132—133):

„Нѣкая женщина, по имени Нунѣ, изъ разсѣявшихся подругъ святой Рипсимы, убѣжавъ, прибыла въ землю иверійцевъ въ ихъ первопрестольный городъ, Мцхету. Вслѣдствіе строгой жизни она получила даръ исцѣленія, которымъ исцѣляла многихъ недужныхъ, какъ и жену Михрана, правителя Иверіи. Поэтому, когда Михранъ спросилъ ее: „какою силою творишь ты эти чудеса?“ узналъ, что черезъ проповѣданіе Евангелія Христова. Выслушавъ ее охотно, онъ разсказалъ (о томъ) своимъ сатрапамъ съ большою похвалою. Вслѣдъ за тѣмъ дошла до него вѣсть о чудесахъ, совершенныхъ въ Арменіи надъ царемъ и нахарарамъ и о подругахъ блаженной Нунѣ. Изумленный Михранъ разсказываетъ о всѣхъ этихъ чудесахъ блаженной Нунѣ, которая подтверждаетъ ихъ еще съ большими подробностями.

Въ тѣ дни пришлось Михрану выѣхать на охоту. Въ трудныхъ переходахъ заблудился онъ въ горахъ въ пасмурное время, но не вслѣдствіе видѣнія, ибо сказано: „голосомъ призываетъ мракъ“, и еще: „день въ ночь поворачаетъ“. Такимъ-то мракомъ былъ окруженъ, которому онъ послужилъ причиною вѣчнаго свѣта; ибо, изумленный (этимъ), онъ вспомнилъ разсказанное о Тратѣ, котораго, когда собирался онъ на охоту, постигла пораженіе отъ Господа. Михранъ думалъ, что съ нимъ то же самое можетъ случиться. Обуянный страхомъ, онъ въ молитвахъ просилъ, чтобы прояснился воздухъ и чтобы можно было ему возвратиться съ миромъ, общаясь поклоняться Богу Нунѣ.—Просьба его услышана—и онъ исполняетъ обѣщаніе.

А здѣсь она оставила священника Авіатара, бывшаго

Блаженная Нунé потребовала вѣрныхъ людей, которыхъ отправила къ святому Григорію спросить—что онъ отнынь прикажетъ ей дѣлать; ибо иверійцы охотно приняли проповѣданіе Евангелія. И получаетъ она приказаніе сокрушить идоловъ по его собственному примѣру и воздвигнуть знаменіе честнаго Креста до того дня, когда Господь дастъ пастыря на управленіе ими. Она немедленно сокрушила изображеніе громовещца Арамзда, стоявшее за городомъ, отъ котораго его раздѣляла великая рѣка. Жители имѣли обыкновеніе рано по утрамъ съ кровель своихъ домовъ поклоняться тому изображенію, возвышавшемуся передъ ихъ глазами; желавшіе же принести ему жертву переходили рѣку и передъ храмами совершали закланія.

Сатрапы города возстали, говоря: „Кому же будетъ поклоняться вмѣсто идоловъ?“—„Знаменію Креста Христова“, получили отвѣтъ. Сдѣлали его и воздвигли на востокъ отъ города на красивомъ холмѣ, который также отдѣлялся отъ города небольшою рѣкою. Съ наступленіемъ утра всѣ жители, по обыкновенію, поклонились ему съ кровель своихъ домовъ. Но когда взошли на холмъ и увидали обтесанное не художественной рукой дерево, многіе съ презрѣніемъ сказали, что всѣ лѣса ихъ полны подобнымъ деревьямъ, и потому разошлись. Но Богъ въ своей благодати воззрѣлъ на ихъ соблазнъ, послалъ съ небесъ облачный столпъ и вся гора наполнилась благоуханіемъ: раздался сладкозвучный голосъ множества исламопѣвцевъ, и появился свѣтъ съ изображеніемъ креста въ мѣру и подобіе креста деревяннаго; оно стало съ двѣнадцатью звѣздами надъ послѣднимъ. Всѣ увѣровали и поклонились. — Съ тѣхъ поръ отъ того креста много было исцѣленій.

Но блаженная Нунé отправилась наставлять пречистыми своими устами и другія области Иверіи; проходила всюду въ одеждѣ величайшей простоты, не имѣя ничего лишняго, чуждая міру, всему мірекому, или лучше сказать, пригвожденная ко Кресту, изощряя свою жлнзъ въ постоянной смерти, словомъ исповѣдующая Слово Божіе и готовностью своею увѣнчанная, какъ бы кровавымъ вѣнкомъ; дерзаетъ сказать—она, ставъ апостоломъ, проповѣдывала, начиная отъ Кхарчовъ (Кхарджи—въ Гугарской области, что въ Великой Арменіи) близъ Аланскихъ Воротъ (т. е. Дарьяльскихъ воротъ) и Касбовъ до предѣловъ Маскѣутовъ (т. е. Массагетовъ), какъ повѣствуетъ тебѣ Агаангелъ“. Ссылка М. Хоренскаго на Агаангела, къ сожалѣнію, не оправдывается, ибо дошедшіе до

еврея, который былъ второй Павелъ и который не переставалъ проповѣдывать днемъ и ночью Христа и величіе Его, пока не былъ прогнанъ евреями. Только относительно святилища *Нино* побуждала царя не трогать зданія его, а прибавить еще строеніе, ибо, до тѣхъ поръ пока на сей землѣ не было еще новой благодати, въ немъ прославлялось имя Бога вѣчнаго. Царь пощадилъ его за свое время, и въ немъ оставались родственники Эліоа священниками надъ евреями ¹⁾.

Глава XIV. Воздвиженіе Честнаго Мцхетскаго Креста и затѣмъ новое явленіе его ²⁾

Когда вся Картлія была обращена въ христіанство, священники, пришедшіе изъ Греціи, рѣшили поставить знаменіе креста. Священники эти сказали царю Миреану: „Нужно и слѣдуетъ поставить знаменіе креста Господня“. Царю и всему народу понравилась *это* и съ радостью приняли они слова и совѣтъ священниковъ. Царь Миреанъ приказалъ приготовить древо креста. Плотники отправились и срубили одно статное дерево. Царь же приказалъ сдѣлать изъ него крестъ.

А священники объясняли *плотникамъ* форму креста. Когда же крестъ былъ готовъ, плотники пришли и сказали

насъ армянскіе и греческіе тексты Агаангела (см. Langlois. Collection des historiens de l'Arménie. Paris 1869, t. I) разсказа о Нинѣ не содержатъ въ себѣ, равно какъ мы не находимъ его и въ грузинскомъ переводѣ Агаангела, имѣющемся въ рукописи грузинскаго Общества грамотности въ Тифлисѣ № 350.

¹⁾ Свѣдѣній этихъ двухъ параграфовъ въ данномъ мѣстѣ не имѣется въ другихъ вариантахъ. Только относительно Авиатара, что онъ былъ новый Павелъ, сказано въ разсказѣ о хитонѣ Христа (см. G. H. p. 109, 110).

²⁾ Ни въ одномъ вариантѣ нѣтъ этого заглавія, и добрая половина нижеприведеннаго текста отсутствуетъ въ другихъ спискахъ.

царю Миреану: „Мы сдѣлали крестъ такъ, какъ научили насъ эти священники“.

Царь тотчасъ приподнялся отъ радости, и весь народъ увидѣлъ форму того креста и, рассматривая очень внимательно, прославлялъ Бога.

Тогда царь, вникая въ дѣло, вспомнилъ, какъ ему на горѣ день превратился въ тьму, какъ онъ увидѣлъ великій лучезарный свѣтъ подобіе креста, и *теперь*, видя крестъ, узналъ его. Тогда царь сталъ рассказывать священникамъ и всему народу о томъ видѣніи, какъ изображеніе креста оарило ему тьму предъ его глазами.

Тогда, услышавъ слова царя, народъ еще болѣе увѣровалъ въ Иисуса Христа и въ знаменіе креста Его, и всѣ вмѣстѣ съ радостью поклонились ему и величали Бога.

Тогда царь спрашивалъ совѣта у всего народа, на какомъ мѣстѣ воздвигнуть знаменіе креста. Каждый предлагалъ, гдѣ находилъ болѣе удобнымъ, но *окончательно* нигдѣ не могли выбрать. Въ то время царь Миреанъ сталъ молиться и говорилъ:

„Господи, Иисусе Христе, въ Котораго мы вѣруемъ черезъ эту плѣнницу и по ученію этихъ Твоихъ іереевъ! Ты, Иисусе Христе, Который унижилъ Себя самого и принялъ образъ раба по смиренности Твоей, Который снизошелъ съ благословеннаго лона Отца, Который ради насъ оставилъ престолы, права и силы и вошелъ въ чистую утробу Дѣвы, потомъ принялъ распятіе на крестѣ при Понтійскомъ Пилатѣ, былъ похороненъ въ нѣдра земли и воскресъ на третій день, исполнилъ все сказанное пророками, вознесся на небо и сѣлъ одесную Отца, и намѣренъ снова притти, судить живыхъ и мертвыхъ, и оставилъ намъ знаменіе креста Твоего для разрушенія невидимыхъ козней враговъ,—мы же, боящіяся Тебя, приняли крестъ за знамя, чтобы имъ избавиться отъ лица дьявола, отъ котораго находились въ гибель“.

ли. Нынѣ же Ты, Господи Боже и Спаситель нашъ, соизволь указать мѣсто, на когоромъ мы бы воздвигли крестъ Твой, дабы ненавидящіе насъ, видя его, стыдились, ибо Ты, Господи, помоги и утѣшилъ насъ!“

Въ ту же ночь, какъ только наступили сумерки, ангелъ Господень сталъ надъ царемъ Миреаномъ въ видѣніи и, указывая ему на одинъ холмъ за Арагвою, по близости Мцхеты, сказалъ ему: „Это мѣсто выбрано Богомъ, на этомъ водрузи знаменіе креста!“ Какъ только разсвѣло, царь Миреанъ рассказывалъ священникамъ объ этомъ видѣніи ангела и о словахъ, которыя тотъ сказалъ, и о томъ холмѣ, на который онъ указалъ.

Услышавъ объ этомъ видѣніи и ознакомившись съ тѣмъ мѣстомъ, весь народъ нашелъ тотъ холмъ удобнымъ, и всѣ вмѣстѣ съ большою радостью и пѣніемъ взяли тотъ крестъ и водрузили побѣдоносное знаменіе креста на томъ холмѣ, по близости Мцхеты, прямо къ востоку отъ нея, въ день воскресный, черезъ недѣлю послѣ Пасхи.

Какъ только знаменіе креста было водружено въ страдѣ Картліи, тотчасъ безъ замедленія всѣ идолы, находящіеся въ предѣлахъ Картліи, пали и разбились, храмы же ихъ разрушились. Когда увидѣли это необыкновенное дѣло и чудо, которое совершило побѣдоносное знаменіе креста надъ идолами, еще больше дивились этому дѣлу, величали Бога и съ радостью поклонялись Честному Кресту. Въ тотъ же день царь Миреанъ и весь мцхетскій народъ сдѣлали большое пожертвованіе Честному Кресту ¹⁾, и вся Картлія учредила праздникъ побѣдоноснаго Креста черезъ недѣлю послѣ Пасхи, въ воскресный день, *каковой* совершается по днесь и *бу-*

¹⁾ Вся эта четырнадцатая глава отъ начала до этого мѣста отсутствуетъ во всѣхъ вариантахъ, нижеслѣдующій же рассказъ составляетъ продолженіе предыдущей главы (Н. Г. р. 124—125).

деть продолжаться во вѣки вѣковъ. Черезъ нѣсколько времени, послѣ Пятидесятницы, въ среду, наблюдали большое и необыкновенное чудо:

Вотъ, столбъ свѣта въ видѣ креста стоялъ надъ тѣмъ крестомъ и двѣнадцать ангеловъ вѣнчали его кругомъ. Такимъ же образомъ двѣнадцать звѣздъ составляли корону *его*, а холмъ, на которомъ стоялъ тотъ крестъ, курился весь блауханіемъ. Видя такое чудо, многіе безбожники обращались *въ христіанство*, принимали крещеніе и строили церкви. Вѣрующіе же болѣе укрѣплялись въ вѣрѣ и прославляли Бога.

Затѣмъ увидѣли другое чудо отъ Честнаго Креста: Надъ верхнею частью креста горѣлъ какъ бы огонь и пылало пламя въ три раза свѣтлѣе солнца, и подобно тому какъ отъ огня обильно поднимаются вверхъ искры, точно также ангелы восходили и нисходили къ тому Честному Кресту. Холмъ же *подъ* крестомъ сильно дрожалъ ¹⁾; земля вся колебалась; дымъ благоуханія восходилъ къ небу отъ горъ, холмовъ и овраговъ; скалы рушились, и страна вся наполнилась запахомъ аромата. Это *наблюдалось* не только поверхностно и временно, но постоянно; и слышны были громкіе голоса, весь народъ замѣчалъ это, прислушивался къ голосу пѣнія, боялся и въ сильномъ удивленіи со страхомъ и трепетомъ поклонялся Честному Кресту, съ великою радостью прославляя Бога.

Черезъ нѣсколько времени, какъ тѣ знаменія и видѣнія прекратились, такъ и эти большія и страшныя колебанія *почвы* пріутихли. Послѣ этого другія, *болѣе* многочисленныя, знаменія и чудеса, явленныя свыше, совершались надъ Честнымъ Крестомъ. Весь народъ наблюдалъ это и со страхомъ

¹⁾ Въ нашемъ источникѣ: *лиговалъ*, но во всѣхъ другихъ—*дрожалъ*.

и трепетомъ подходилъ усердно поклониться Честному Кресту и съ радостью прославляя Бога ¹⁾.

Въ то время былъ одинъ богобоязливый человекъ, сынъ царя, котораго звали Ревъ. Сынъ Рева былъ боленъ и находился при смерти. Онъ былъ единственный у *отца*. Отецъ взялъ его и положилъ предъ Честнымъ Крестомъ и со слезами сказалъ: „Если ты вернешь мнѣ этого сына, я построю часовню ²⁾ для твоего пребыванія“.

Пока онъ горько и безобидно плавалъ передъ Честнымъ Крестомъ, тотъ мальчикъ немедленно исцѣлился. Отецъ взялъ его съ радостью, прославляя Бога и Честный Крестъ.

Затѣмъ Ревъ, царя сынъ ³⁾, приступилъ къ выполнению своего обѣта: выражая свое благодареніе и большую радость, онъ съ ревностью построилъ часовню въ Мцхетѣ и, приходя изъ года въ годъ, совершалъ служеніе Честному Кресту. Съ тѣхъ поръ все больше и больше приходили многочисленныя больныя и разслабленныя и, получая исцѣленія, съ радостью прославляли Бога и Честный Крестъ.

Былъ одинъ неизвѣстный человекъ, у котораго оба глаза были слѣпы. Онъ пришелъ и прибѣгъ къ Честному Кресту, ревностно молясь предъ нимъ. Черезъ семь дней у него открылись глаза, и онъ съ радостью восхвалялъ Бога и Честный Крестъ.

Была нѣкая женщина, одержимая нечистой силой. Она настолько бѣсновалась, что когда ее заставляли прикасаться

¹⁾ Обо всѣхъ этихъ чудесахъ, переданныхъ въ послѣднихъ трехъ параграфахъ, сравнительно кратко упоминается въ К. Ц. и въ другихъ вариантахъ. Нашъ текстъ гораздо пространнѣе (ср. Н. Г. р. 124).

²⁾ Во всѣхъ другихъ вариантахъ: футляръ. Въ нашемъ текстѣ *зрѣльня* собственно куполь, а затѣмъ сводъ вообще. Здѣсь по смыслу подъ сводомъ нужно разумѣть часовню.

³⁾ Въ нашемъ оригиналѣ сказано: „затѣмъ сынъ Рева“, что совершенно невѣрно, ибо обѣтъ былъ данъ Ревомъ.

къ Кресту, она обдирала ризу съ Креста. Черезъ четырнадцать дней эта женщина получила исцѣленіе и сама ушла пѣшкомъ ¹⁾, съ радостью восхваляя Бога и Честный Крестъ.

Была еще нѣкая другая женщина. У нея былъ сынъ, *который* вдругъ истекъ кровью ²⁾. Мать взяла его и положила предъ Честнымъ Крестомъ. Истекшій тотъ отрокъ лежалъ предъ Честнымъ Крестомъ съ утра до вечера. Между тѣмъ мать того отрока со слезами молилась предъ Честнымъ Крестомъ. Окружающіе говорили: „Онъ уже умеръ, возьми и похорони его, и не досаждай!“

Но она не отчаивалась въ надеждѣ, а болѣе жалостно плакала и просила помощи. Къ наступленію сумерекъ отрокъ сталъ снова дышать и открылъ глаза. Черезъ три дня ³⁾ мать взяла его совершенно здороваго, прославляя Бога и Честный Крестъ.

Такъ какъ всѣ видѣли эти великія чудеса Честнаго Креста, многіе бездѣтныя приходили, прося его дарованія дѣтей, и, удовлетворенныя рожденіемъ дѣтей, прославляли Бога и приносили дары и благодареніе Честному Кресту. Онъ давалъ просимое не только тѣмъ, которые приходили къ нему, но и тѣмъ, которые находились вдали.

Если кто въ пылу битвы призывалъ Честный Мцхетскій Крестъ, тотчасъ побѣждалъ враговъ съ помощью Честнаго Креста и съ великою радостью приходилъ благодарить Честный Крестъ.

¹⁾ Въ Б. Ц. и въ другихъ вариантахъ: „Потомъ была одна женщина, настолько одержимая нечистыми силами, что она была лишена силы и разума въ продолженіе восьми лѣтъ. Она раздирала свою одежду. Когда привели и заставили ее приложиться къ Честному Кресту, она исцѣлилась послѣ двѣнадцати дней и собственными ногами ушла“ (Н. Г. 125).

²⁾ Въ К. Ц. и въ другихъ вариантахъ, вмѣсто этихъ двухъ фразъ: Потомъ былъ маленькій мальчикъ, который сразу упалъ и умеръ (Б. Ц. 96. М. 105 Н. Г. 125).

³⁾ Въ К. Ц. и въ другихъ вариантахъ: черезъ семь дней.

Многіе безбожники, впавшіе въ болѣзни, какъ только съ вѣрою призывали Честный Крестъ Мцхетскій, тотчасъ избавлялись и съ великою радостью приходили поклониться Честному Кресту, принимали крещеніе и съ радостью славословили Бога и Честный Крестъ.

Но и многіе другіе, впавшіе въ разныя бѣдствія, избавлялись обращеніемъ къ Честному Кресту. И много больныхъ, одержимыхъ разными болѣзнями, приходятъ съ мольбою къ Честному Кресту и получаютъ исцѣленія по днесь. Бывали и другія чудеса, явленныя Богомъ съ неба, предъ Честнымъ Крестомъ, которыя не описаны въ книгѣ сей. Только написано это немногое въ прославленіе Бога и въ возвеличеніе Честнаго Креста, дабы мы всё славословили Отца и Сына и Св. Духа, Которому принадлежитъ слава и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь ¹⁾).

Письмо, которое написалъ передъ смертью царь Картліи Миреанъ, рукою архіепископа Якова, и далъ Саломѣ уджармійской, женѣ своего сына, которая была поистинѣ свѣдуща во всемъ ²⁾).

Въ то время когда Господь воззрѣлъ на эту сѣверную страну, помраченную грѣхами и полную искушеніями дьявола, мы были подобны овцамъ, обреченнымъ на закланіе.

Ибо я понынѣ тридцать шестой царь съ тѣхъ поръ, какъ отцы наши появились. Они обрекали своихъ дѣтей и невинный народъ этой страны въ жертву меракимъ идоламъ. Отцы наши косили, какъ сѣно, дѣтей своихъ, чтобы

¹⁾ Свѣдѣнія о чудесахъ Честнаго Креста ииѣются во всѣхъ вариантахъ въ общемъ съ тѣми вариациями, которыя наблюдаются въ К. Ц. (см. Н. Г. р. 124—125).

²⁾ Ни въ одномъ вариантѣ нѣтъ ни этого заглавія ни письма подъ снмъ заглавіемъ приведеннаго.

угодить идоламъ и главнымъ образомъ двумъ этимъ горамъ, Ариаду и Задену, которые даже камни пропитаны кровью грудныхъ дѣтей. Горы эти достойны быть уничтоженными огнемъ гѣба Вожія.

Между тѣмъ, когда наступило время, пришла эта желанная жемчужина, посланница и вѣстница Бога, св. Нино. Сначала она пришла, какъ плѣнница, какъ странница, какъ убогая, какъ безпомощная, какъ глухая и нѣмая, нынѣ же плѣнница эта сдѣлалась для меня царицею, странница — матерью недосытаемою, предметомъ поклоненія всѣхъ, а нѣмая эта — замѣчательною проповѣдницею и знающею сокровенными мои думы.

Святая эта зажгла въ сердцѣ моемъ свѣтильникъ правды, и около полуночи озарило меня лучезарное солнце, Христосъ Богъ нашъ, свѣтъ Котораго неисчислимо во вѣки.

Она сдѣлалась моею учительницею, приобщила меня при посредствѣ святаго крещенія и поклоненіемъ Честному Кресту къ сонму Христа, дала мнѣ новую вѣру жизни и радости и удостоила меня приобщиться негнѣнныхъ тайнъ неба. Исполняя ея велѣнія, я сдѣлалъ все, чему она научила: построилъ церковь для моленія въ саду отцовъ моихъ, поставилъ въ ней тотъ столбъ свѣта, который я не могъ поднять никакими силами и знаніями человеческими, но Всевышній Богъ ниспослалъ одного изъ своихъ служителей, который моментально поднялъ его съ земли къ небу.

Вы сами видите собственными глазами необыкновенными и удивительными знаменія его, а затѣмъ и исцѣленія отъ него.

Когда она указала мнѣ о воздвиженіи крестомъ, я послалъ плотниковъ искать дерево. Они нашли одно дерево, стоящее одиноко на скалѣ, къ которому не прикасалась человеческая рука, но мы знали по рассказамъ охотниковъ объ его чудѣ, ибо олень, пораженный стрѣлою, подходилъ подъ скалу, на которой стояло то дерево, успѣшно ѣлъ

плоды, упавшіе съ того дерева, и избавлялся отъ смерти ¹⁾).

Такъ мнѣ рассказывали, и я былъ удивленъ. Въ виду этого я срубилъ то дерево и сдѣлалъ изъ него три креста: одинъ этотъ, Микхетскій, надъ которымъ совершилось жебесное знаменіе, другой водрузилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ проарѣлъ отъ Господа, на горѣ Тхоти, а третій, который взялъ Садоме, былъ водруженъ въ городѣ Уджармѣ.

И построилъ я церковь на мѣстѣ ежевичной кущи Нины, гдѣ совершилъ невидное дѣло, но явно возвеличивающее тѣ кусты ежевики, ибо я не тронулъ ни одного листа отъ нихъ, но оставилъ ихъ вмѣстѣ съ корнями снаружки, потому что я видѣлъ много чудесъ въ нихъ и большія исцѣленія.

И построилъ Верхнюю церковь изъ камня для себя и для многочисленнаго народа, ибо Нижняя церковь называлась святою святыхъ, и я не осмѣливался постоянно открывать ея двери, развѣ только въ воскресный день, и никто не отваживался входить, кромѣ священниковъ, которые шли въ ней.

Ибо великій страхъ былъ распространенъ отъ этого Животворящаго Столба на всѣхъ людей, и всякій видѣлъ въ томъ Столбѣ силу Божию; человекъ не въ состояніи былъ смотрѣть даже на его кровлю, что и мы сами видимъ. Я не осмѣлился предъ нимъ вырыть землю для своей могилы, чтобы бранныя останки мои были похоронены предъ нимъ, ибо я грѣшный боялся его; поэтому приготовилъ себѣ могилу въ Верхней церкви, чтобы быть вдали отъ его глазъ и приобщиться его благъ въ день всеобщаго воскресенія.

Когда я по благодати Божіей приготовилъ себѣ могилу на случай моей смерти, я высказывалъ желаніе предать душу свою матери моей, св. Нинѣ.

¹⁾ Рассказъ объ этомъ чудесномъ деревѣ въ другихъ вариантахъ помѣщенъ, какъ мы видѣли, въ главѣ: „О воздвиженіи Честнаго Креста“ (см. выше, стр. 100, прим. 2).

Но святая сама предала безгрѣшную душу свою въ руки Творца своего. Ибо она исполнила всѣ заповѣди Божіи и наставленіе св. дяди своего, отца нашего, патріарха, и оставила насъ, новорожденныхъ, младенцевъ несѣдущихъ, сиротами. Я сильно сокрушился духомъ, и весь сѣверный народъ исполнился печали. Ибо только что вошло солнце правды и истина распространилась, между тѣмъ облако скрыло отъ насъ св. Нину. Но святая та постоянно пребываетъ въ свѣтъ и отовоюду освѣщаетъ насъ.

А я рѣшилъ взять съ большимъ благоговѣніемъ святое тѣло ея сюда, предъ Честнымъ Крестомъ, но не нашелъ совершенно никакихъ средствъ, ибо двѣсти человекъ не могли одвинуть небольшое ложе ея, на которомъ успокоилась святая и блаженная Нина.

Тогда мы похоронили св. тѣло ея, вѣчно великой, въ Бодѣ, мѣстечкѣ какетинскомъ, и совместно съ цѣлымъ царствомъ нашимъ оплакивали сиротство наше въ продолженіе тридцати дней.

И построилъ я церковь надъ ея могилою, очень украсилъ ее, и упованіемъ ея питаю надежду на Сына Божія и вѣру въ безпредѣльнаго Бога Отца, всемогущаго Сына и животворящаго и безсмертнаго Духа.

И нищу и чаю воскресенія мертвыхъ, и поручаю душу свою Христу царю, Ботораго есть слава, крѣпость и сила и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь!

Завѣщаніе царя Миреана сыну своему Реву и супругѣ своей Нанѣ ¹⁾.

Вотъ, отхожу я, который пришелъ! Но ты, Нана, если

¹⁾ Этого заглавія нѣтъ въ другихъ вариантахъ, хотя самое завѣщаніе приводится, даже въ болѣе пространномъ видѣ, чѣмъ наше (ср. Н. Г. р. 131). Однако по К. Ц. завѣщаніе касается сына Миріана Вавара, а не Рева.

тебѣ позволить время жизни послѣ моей смерти, раздѣли пополамъ царскія сокровища мои и удѣли половину мѣгилѣ Нины для поддержанія на стѣны времена, чтобы во вѣки вѣковъ мѣсто это было непоколебимо, ибо оно не есть резиденція царей, а представляетъ изъ себя незначительное мѣсто.

Точно также я прошу архіепископа, чтобы онъ возвелъ на мѣсто, ибо оно достойно почестей.

А сына своего онъ поучалъ такъ: „Вотъ, тѣмъ наша замѣнилась свѣтомъ и смерть жизнью. Нинѣ, гдѣ только найдешь въ твоей странѣ *смиреннаго* страдавша Картліи, идоловъ искушенія, сожги огнемъ и пепелъ ихъ заставь идти тѣмъ, которые по нимъ будутъ печалиться. То же самое передай дѣтямъ твоимъ, ибо я знаю, что идолы на Кавказѣ не скоро переведутся. Ты же поступи такъ: предай себя Столбу, возвеличенному свыше, и Честному Кресту, прославленному въ небесахъ, и возвращеніе твое въ землю, къ сну вѣчному, пусть будетъ по вѣрѣ Св. Троицы, аминь!“

Книгу „Обращеніе Грузин“, наковымъ обращеніемъ Богъ явилъ свѣтъ, основу процвѣтанія святыхъ церквей, [цвѣтъ хора небесныхъ силъ, непоколебимую стѣну, Христа, Спасителя нашего отъ грѣховъ и утѣшителя] души, — какъ талантъ, сокрытый пастырями, мы нашли по прошествіи многого времени и многихъ лѣтъ¹⁾.

¹⁾ То, что здѣсь заключено въ скобкахъ, въ оригиналѣ сильно попорчено, и чтеніе текста въ данномъ мѣстѣ гадательное, но общій смыслъ этой интересной приписки, исполненной въ оригиналѣ рукою текста и новарью, ясенъ и изъ уцѣлѣвшихъ строкъ.

И. Жизнь и известіе о Багратидахъ; царямъ, князьямъ грузинскимъ; отсюда они явились въ эту страну, или съ какого времени владычють они царствомъ Грузинскимъ, которое назвали Сумбать, сынъ Давида ¹⁾).

1. Адамъ родилъ Сеита, Сеитъ родилъ Еноса, Еносъ ро-

¹⁾ Исторія грузинскихъ Багратидовъ Сумбата, сына Давида, похъ приведенныхъ главамиъ собранна въ видѣ отдельной главы только въ спискѣ Кортлазъ-цковреба царицы Маріи, который переписанъ въ 1630—1646 г.г. и который представляетъ нѣтъ себе единственикъ описание, безусловно предшествоующей Вахтанговской редакціи по графной мѣрѣ на полъ-вѣка. Все другое, до сихъ поръ известное, списки принадлежатъ Вахтанговской редакціи Кортлазъ-цковреба. Исторія Сумбата послужила матеріаломъ редакціи Вахтанта для повѣствованія въ некоторыхъ свидѣній текста К. Ц., начиная отъ повѣстия Багратидовъ до начала царствованія Баграта IV. Съ этою цѣлью редакціей Вахтанга внесены въ К. Ц. нѣкъ отдельные, болѣе или менѣе пространныя, выписки изъ Исторіи Сумбата, такъ и отдельные фразы и предложения, и выказано стараніе сдѣлать текстъ Сумбата съ текстомъ К. Ц. Не во всѣхъ, впрочемъ, спискахъ К. Ц. Вахтанговской редакціи внесено одинаковое количество выписокъ изъ Исторіи Сумбата. Всего болѣе ихъ мы находимъ въ спискѣ царевича Теймураза, нѣкъ принадлежнцѣ Императорской Академіи Наукъ въ Петербургѣ. Въ послѣднихъ спискахъ почти цѣлкомъ можно прослѣдить текстъ Исторіи Сумбата въ видѣ пространныхъ выписокъ и отдельныхъ фразъ и предложений, вложенныхъ тамъ и сдѣлать въ первоначальный текстъ К. Ц. Этотъ важный для нашего веданія списокъ, по любезности Академіи Наукъ, прислалъ мнѣ изъ Петербурга, и имъ я пользуюсь въ рукописи при печатаніи этого труда. Изъ другихъ списковъ К. Ц. у меня нѣтъ, кромѣ изданнаго мномъ варианта царицы Маріи; три списка; принадлежатіе грузинскому Обществу грамотности въ Тифлисъ: Мангрельскій (№ 354), Баратовскій (№ 25) и Чубиновскій (№ 43). Послѣдній когда-то тоже принадлежалъ царевичу Теймуразу и снабженъ имъ предисловіемъ. Кромѣ того, я пользуюсь спискомъ К. Ц. Церковнаго Музея въ Тифлисъ № 131, принадлежащаго прежде Иоанно-Брслетельской пустынь. Если Исторію Сумбата въ видѣ отдельной главы, мы легко можемъ возстановить дру-

диль Каинана, Каинанъ родиль Малела, Малель ¹⁾ родиль
Іарода, Іародъ родиль Еноха, Енохъ ²⁾ родиль Мисусала,
Мисусалъ родиль Лавеха, Лавехъ родиль Ноа, Ноа родиль
Сема ³⁾, Сема родиль Арфаксада, Арфаксадъ родиль Нанина,

гой текстъ этой Исторіи изъ перечисленныхъ списковъ К. Ц. Такимъ образомъ восстановленный текстъ Сумбата послужитъ намъ для сравненія съ нашими текстомъ, какъ его вариантъ, при чемъ различіи Теймуразовскаго сниска мы отмѣчаемъ отдѣльно, а другіе списки, если они сходятся съ надписью Броссе, буквами К. Ц., какъ это мы дѣлали и раньше для Обращенія Грузинъ. Но Исторія Сумбата послужитъ источникомъ не только для Вахтанговской редакціи, но и для первоначальной редакціи К. Ц., на крайней мѣрѣ той редакціи, какою мы находимъ въ текстѣ сниска царицы Маріи, въ Исторіи Сумбата. Для выясненія того, что взято изъ Исторіи Сумбата для первоначальной редакціи К. Ц., намъ придется нашъ текстъ сравнить съ текстомъ сниска царицы Маріи, такъ какъ этотъ единственный списокъ намъ даетъ возможность узнать, каковъ былъ текстъ К. Ц. отъ появленія Вагратидовъ до начала царствованія Баграта IV безъ вторичнаго внесенія въ него Исторіи Сумбата. Дѣленіе на параграфы текста Сумбата принадлежитъ намъ. Что касается приведеннаго нами заглавія Исторіи Сумбата, то въ нѣкѣхъ спискахъ Барташе-дховеба, кромѣ списка царицы Маріи въ отдѣлѣ Исторіи Сумбата, это заглавіе сохранилъ только снисокъ царевича Теймураза (мощь рукописи 104 recto), въ которомъ оно исполнено киневарью. Академикъ М. Броссе, приводя переводъ этого заглавія, замѣчаетъ: „Cette rubrique serait importante, si l'on pouvait croire qu'elle donnât un nom d'auteur; mais vraisemblablement il s'agit d'un simple copiate“... (Hist. de la Géorgie t. 1, p. 217, n. 1). Предположеніе совершенно невѣрное, такъ какъ рѣчь идетъ именно объ авторѣ Исторіи Вагратидовъ, а не о переписчикѣ.

¹⁾ Въ К. Ц. и Т.: Малелалель. Здѣсь в нижне, когда собственное имя повторяется, прибѣжаніе указываетъ начальную форму транскрипціи и предыдущаго слова.

²⁾ Въ К. Ц. и Т.: Енохъ.

³⁾ До этого мѣста родословіе взято изъ книги Бытія, см. гл. V. Мы удерживаемъ въ текстѣ грузинскую транскрипцію нѣкоторыхъ собственныхъ именъ.

Каннанъ родилъ Салу, Сала родилъ Ебера, Еберъ родилъ Фалега, Фалегъ родилъ Рагава, Рагавъ родилъ Серука, Серукъ родилъ Нахора, Нахоръ ¹⁾ родилъ Фару, Фара родилъ Аврама ²⁾, Аврамъ ³⁾ родилъ Исаака, Исаакъ ⁴⁾ родилъ Иакова, Иаковъ родилъ Иуду, Иуда родилъ Фареза, Фарезъ родилъ Есрома, Есромъ родилъ [Арама, Арамъ родилъ] ⁵⁾ Аминадаба, Аминадабъ родилъ [Наасона, Наасонъ родилъ Салмона, Салмонъ родилъ Бооса, Боосъ родилъ Иобеда, Иобедъ родилъ] Иесе, Иесе родилъ царя Давида, царь Давидъ родилъ Соломона, Соломонъ родилъ Робоама, Робоамъ ⁶⁾ родилъ Абію, Абія родилъ Асу, Аса ⁷⁾ родилъ Иосафата, Иосафатъ родилъ Иорама, Иорамъ родилъ Озію, Озія родилъ Иотама, Иотамъ ⁸⁾ [родилъ] Аназа, Аназъ родилъ Езекию, Езекия родилъ Манасе, Манасе родилъ Амона, Амонъ родилъ Иосію, Иосія родилъ Иоакима, Иоакимъ родилъ ⁹⁾ Иехонію, Иеховія родилъ Салатаела, Салатаелъ ¹⁰⁾ родилъ Зорабавеля, Зорабавель родилъ Абіуда, Абіудъ родилъ Еліакима, Еліакимъ родилъ Авора, Аворъ родилъ Садука, Садукъ родилъ Авима, Авимъ родилъ Еліуда, Еліудъ родилъ Еліазара, Еліазаръ родилъ

¹⁾ Въ оригиналѣ Накуръ, что произошло, безъ сомнѣнія отъ снѣженія буквы Оу (о) хуцуръ съ буквою Оу (у). Такихъ примѣровъ ниже будетъ много.

²⁾ Отъ Сема до Аврама родословіе взято изъ XI книги Бытія.

³⁾ Въ оригиналѣ: Абрамъ, въ Т.: Абраамъ.

⁴⁾ Въ оригиналѣ: Исакъ.

⁵⁾ Слова, заключенныя въ прямыхъ скобкахъ здѣсь и ниже, пропущены въ оригиналѣ и добавляются нами изъ Картильс-цховреба, преимущественно изъ Теймуразовскаго варианта.

⁶⁾ Въ нашемъ оригиналѣ и въ Т.: Ребуамъ.

⁷⁾ Въ нашемъ оригиналѣ Асафъ. Въ Т. и К. Ц.: Аса.

⁸⁾ Въ Т.: Иотамъ.

⁹⁾ Въ К. Ц. и въ Т. нѣтъ трехъ послѣднихъ словъ.

¹⁰⁾ Въ К. Ц.: Салатіелъ.

Маттаеана, Маттаеанъ ¹⁾ родилъ Иакова, Иаковъ родилъ Иосифа, Иосифа ²⁾ мужа Маріи ³⁾, [и] брата Иосифа ⁴⁾ Клеопу ⁵⁾, Клеопа родилъ Наома, Наомъ родилъ Салу, Сада родилъ Робуама, Робуамъ ⁶⁾ родилъ Мохтара, Мохтаръ ⁷⁾ родилъ Едіакима, Едіакимъ родилъ Веніамина, Веніаминъ родилъ Робема, Робемъ ⁸⁾ родилъ Моисея, Моисей родилъ Іуду, Іуда родилъ Еліазара, Еліазаръ родилъ Лева, Левъ родилъ Іарома, Іаромъ ⁹⁾ родилъ Манасе, Манасе родилъ [Іакова, Иаковъ родилъ Микію, Микія] родилъ Іоакима, Іоакимъ ¹⁰⁾ родилъ Робуама, Робуамъ ¹¹⁾ родилъ Аврама, Аврамъ родилъ Іова, Іовъ родилъ Ахава, Ахавъ родилъ Свимона, Свимонъ родилъ Изивара, Изиваръ родилъ Абію, Абія родилъ Гаада, Гаадъ ¹²⁾ родилъ Асеръ, Асеръ родилъ Ісаака, Ісаакъ родилъ Дана, Данъ родилъ Соломона, Соломонъ родилъ семь братьевъ, которыхъ даровалъ ему Богъ во время плѣна.

2; Эти семь братьевъ, сыновья названнаго Соломона, прибыли въ Екленцъ ¹³⁾ передъ царицею Раказъ ¹⁴⁾ и приняли

¹⁾ Въ К. Ц. и въ Т.: Маттаеанъ.

²⁾ Это слово не повторяется въ К. Ц. и въ Т.

³⁾ Отъ Аврама до Иосифа, отца Маріи, родословіе взято изъ I главы евангелія отъ Маттея.

⁴⁾ Во всѣхъ спискахъ К. Ц. сказано: Иаковъ родилъ Иосифа, мужа Маріи и брата Клеопы.

⁵⁾ Въ К. Ц. и въ Т.: Робуамъ.

⁶⁾ Въ К. Ц. и въ Т.: Мохтаръ.

⁷⁾ Въ К. Ц. и въ Т.: Иеробемъ.

⁸⁾ Въ К. Ц. и въ Т.: Иорамъ.

⁹⁾ Въ К. Ц. и въ Т.: Іоакимъ.

¹⁰⁾ Въ К. Ц.: Иерубемъ. Въ Т.: Иуробемъ.

¹¹⁾ Въ К. Ц.: Гаадъ.

¹²⁾ Екленцъ, по мнѣнію Свѣтъ-Мартена, то же самое, что Ахлисене, провинція Верхней Арменіи, у истоковъ Евфрата, известная у армянъ подъ названіемъ Егегатъ или Вегетъ (см. S.-Martin. Mémoire sur l'Arménie. t. I, p. 45). Броссе сближаетъ еще эту провинцію съ провинціей Егегатъ или Егегнадзоръ, лежащей въ центрѣ Сюніи, гдѣ царевичъ Вахуштъ отбѣгаетъ рѣчку Екленцъ-цкал на картѣ № 4 своей Географіи Грузіи. Названіе Екленци встрѣчается еще въ К. Ц. три раза (см. Н. G. p. 218. п. 3, 40, 162, 322, п. 3).

¹³⁾ Царница эта въ исторіи неизвѣстна.

крещеніе отъ нея ¹⁾. Они остались въ странѣ армянской, и съ тѣхъ поръ до настоящаго времени сыновья ихъ владычествуютъ въ Арменіи. Четыре брата ихъ приняи въ Картлію: Одною изъ нихъ, по имени Гуарама ²⁾, поставили эриставомъ ³⁾, и эти грузинскіе Багратиды суть потомки ⁴⁾; и родственники того Гуарама. Братъ же Гуарама, по имени Саакъ ⁵⁾, отправился въ Каветию: и посредствомъ брака породнился съ Персесомъ, а два другіе брата ихъ, по имени Асаки и Варза-Вардъ ⁶⁾ отправились въ Кабечанъ ⁷⁾, убили они персидскаго спасалара, покорили Кабечанъ и остались тамъ жить въ Хорнабуджѣ ⁸⁾. Сыновья ихъ до сего времени владычествуютъ въ немъ. Не съ тѣхъ поръ какъ сыновья Горислана лишились царской власти, съ того времени до этихъ Багратидовъ власть въ Картліи принадлежала азнаурамъ (дворянамъ), но и власть азнауровъ грузинскихъ просѣклась по причинѣ не-

¹⁾ Эта часть Исторіи Сумбата, кромѣ заглавія, отъ начала до сего мѣста нѣтъ въ всѣхъ спискахъ Вахтанговской редакціи К. Ц., но въ списокѣ царицы Маріи, въ Исторіи Сумбата, этой части кромѣ нѣтъ.

²⁾ Въ Т. и К. Ц. это слово, какъ здѣсь, такъ и во многихъ другихъ случаяхъ приводится въ формѣ Гурамъ.

³⁾ Т. прибавляетъ: Овъ и есть эриставъ Картліи и родоначальникъ Багратидовъ.

⁴⁾ Въ оригиналѣ *ჴორცაშის შვილები* — собственно сыновья сыновей т. е. внуки, но въ данномъ случаѣ это слово нужно понимать въ смыслѣ потомки.

⁵⁾ Транскрипція этого слова въ оригиналѣ *სააკი* — Саакъ, въ Т. *სააკი* — Саакъ.

⁶⁾ Въ нашемъ оригиналѣ: Вардъ-Вардъ, но ниже Варза-Вардъ. Въ Т. тоже Варза-Вардъ.

⁷⁾ Кабечанъ *კაბეჯანი* Стравона, область между Іорю и Алазанью, известная у грузинъ еще подъ названіемъ Кванкин. Названіе происходитъ, вѣроятно, отъ грузинскаго слова *კაბეჯი* (кабечи) — буйволъ.

⁸⁾ Эта форма Т. Въ нашемъ оригиналѣ: въ Хорнабуджѣ. Хорнабуджъ былъ главнымъ городомъ Кабечана, или Кичкин.

честивыхъ икъ дѣл¹⁾).

3. Въ то время въ Мидкетѣ католикосомъ былъ Свинонъ-Петръ, и Мидкета стала рѣдѣть, а Тифанезъ насаятѣся, Армазъ стала падать, а Кала возвышатѣся. Персы властвовали въ Карлмин, Кахетин, Эретин, Сомхитин, Сивнетин²⁾ и Аспораганъ³⁾. Къ тому времени католикосомъ въ Мидкетѣ былъ Самовель, и собралась вмѣстѣ вся Карллія и выбрали эриставомъ Гуарама⁴⁾, изъ потомковъ Давида, пришедшаго вмѣстѣ съ своими братьями, Осамомъ⁵⁾ и Варва-Вардомъ, о которыхъ мы выше упоминали.

4. Эти братья евреи, пришедшіе изъ плѣна, изъ страны филистинской, направилосъ сюда въ Карллію изъ Египта. Въ Египцѣ же они были крещени царцею Ресаалъ, которая тремъ изъ нихъ измѣнила имена, ибо одного назвала Мошале⁶⁾, другого Багратеиъ (онъ же и есть отецъ Баграгидовъ), а третьяго Абгаваромъ; одного ввела себѣ зятемъ, а двухъ другихъ породнила посредствомъ брака съ царями Арменіи.

5. Эти четыре брата, какъ мы выше упомянули, направилсѣ въ Карллію и Гуарама⁷⁾ сдѣлали эриставомъ⁸⁾, а царь

¹⁾ Относительно пресѣченія царской власти въ Грузіи см. выше стр. 41, прим. 3.

²⁾ Въ нашемъ текстѣ სავანეთს — Саванетин, въ Т. სავანეთს — въ Сивнетин. Сивнетин это сивійская провинція Великой Арменіи, владѣніе Орбеліановъ (см. S.-Martin. Mémoires sur l'Arménie t. I, p. 142).

³⁾ Въ оригиналѣ сказано: Аспораганъ. Должно быть Аспораканъ или Васпураканъ. Это Ասօրաքան или Βασταραքան грековъ, одна изъ провинцій Великой Арменіи, которая простиралась отъ горъ къ югу отъ озера Ваи до Аракса (S.-Martin. Mémoire sur l'Arménie, t. I, p. 123).

⁴⁾ Этотъ параграфъ до этого мѣста есть повтореніе текста Обращенія Грузіи (см. выше, стр. 42).

⁵⁾ Т.: Асамонъ.

⁶⁾ Т.: Одною назвала Мухель.

⁷⁾ Т.: Гурама.

⁸⁾ Часть Исторіи Сумбата отъ словъ „они остались въ странѣ

греческій далъ ему въ знакъ почета титулъ «куропалата»¹⁾.

6. Этотъ, *Гурамъ*, положили основаніе церкви Креста, которая находится въ Мцхетѣ²⁾.

7. Между тѣмъ три другіе брата отправились въ Кахетію, и Саакъ породнился посредствомъ брака съ Бакуроемъ, сыномъ Нерсеса, а Усамъ³⁾ и Варза-Вардъ отправились въ Камбечанъ⁴⁾, воапутали народъ противъ Везана, эристава [Барамъ-Чубина, убили Везана]⁵⁾ и покорили Камбечанъ.

8. Католикосомъ въ то время въ Мцхетѣ былъ Самовель, и при немъ жители Тифлиса стали строить церковь, половину которой строилъ весь народъ, а другую—одна какая-то

армянской“ до этого мѣста сохранилась, кромѣ нашего текста, еще въ Теймуразовскомъ спискѣ безъ замѣненія какъ продолженіе предыдущаго (см. листы рукописи 104—105 verso). Въ другихъ спискахъ К. Ц. цѣльнаго отрывка нѣтъ, а отдѣльныя фразы вписаны тамъ и сямъ въ текстъ К. Ц.

1) Т.: „Этому Гураму кесарь далъ въ знакъ почета титулъ куро-палата и прислалъ въ Мцхету“. Этой фразѣ въ спискѣ Т. предшествуетъ календарное заглавіе: Тридцать девятый (царь) Картлиа, куропалата Гурамъ, Багратаидъ. Но этотъ Гурамъ былъ по матери Хосроидъ, а по отцу Багратаидъ, и эти (грузинскіе) Багратаиды суть истоки и родственники того Гурама куропалата (л. 405 verso).

2) Этотъ параграфъ составляетъ повтореніе текста Обращенія Грузин (стр. 42—43). Указаннаго параграфа въ данномъ мѣстѣ нѣтъ въ Теймуразовскомъ спискѣ, а подъ заглавіемъ, приведеннымъ въ предыду-щемъ примѣчаніи, слѣдуетъ текстъ К. Ц., а не Сумбата (Н. Г. р. 219—222).

3) Т.: Асамъ. Выше въ нашемъ текстѣ было Осамъ. Здѣсь опять сдѣшленіе *О*, в *Оу*.

4) Т.: Камбечанъ.

5) То, что здѣсь заключено въ кривыхъ скобкахъ, составляетъ добавленіе К. Ц., которое нѣтъ и въ Теймуразовскомъ спискѣ.

женщина¹⁾, и католикосомъ былъ въ Микетъ Бартоломе²⁾.

9. Последъ этого Гуарама эриставомъ былъ сынъ его Стефаносъ, братъ Деметре, и онъ продолжалъ постройку церкви Креста въ Микетъ³⁾. При немъ Ираклий, царь греческій, за-

¹⁾ Этотъ и предыдущій параграфъ Исторіи Сумбата цѣлкомъ повторяется только въ спискѣ Теймураза, въ другихъ спискахъ К. Ц. Вахтанговской редакціи отдѣльными частями и фразы этого списка цѣлкомъ вынесены тамъ и сямъ въ текстъ К. Ц. и въ отдѣльности цѣлкомъ текста нельзя прослѣдить. Теймуразовскій списокъ, желая какъ бы связать предыдущій параграфъ съ текстомъ Сумбата, прерваннымъ рассказомъ К. Ц. о Гуарамѣ, приводитъ обычную въ такихъ случаяхъ фразу: „но мы вернемся къ первому (т. е. прерванному) рассказу“ (г. рукописи 106 verso).

²⁾ Въ К. Ц. этотъ католикосъ упоминается при сынѣ и преемникѣ Гуарама Стефаносѣ. Разбираемый параграфъ повторяется и въ „Обращеніи Грузинъ“, только въ послѣднемъ источникѣ сказано, что другую половину церкви строили эриставы (см. выше стр. 43).

³⁾ Выше мы привели переводъ текста списка царицы Марин относительно посвященія царской власти въ Грузинъ и назначенія Гуарама эриставомъ Картліи со стороны греческаго императора (см. стр. 41, прил. 2 и стр. 43, прил. 4). Тутъ же мы замѣтили, что какъ Обращеніе Грузинъ, такъ и текстъ К. Ц. списка Марин, въ исторіи Сумбата, Гуарама не считаютъ Вагратидомъ. Дальнѣйшая исторія грузинскихъ эриставовъ до этого Стефаноса въ спискѣ Марин, въ Исторіи Сумбата, представлена въ такомъ видѣ: „Тогда кесарь (это слѣдуетъ продолженіемъ текста списка Марин, приведеннаго на 42 стр. въ 4 примѣчаніи) прислалъ Гуараму куроплату большую сумму денегъ и приказалъ вывести на эти деньги съ събора войска [присоединить къ нимъ войска Картліи] и отправить ихъ въ Персію. Гуарамъ исполнилъ порученіе. Онъ привелъ осовъ, урдзуковъ (въ К. Ц. дурдзуковъ) и дидойцевъ и далъ имъ въ предводители эриставовъ Картліи. Войска вступили въ Адарбадаганъ и начали опустошать его. Когда такіа бѣдствія и заботы были причинены персамъ, въ странѣ ихъ появился человекъ, котораго звали Барамъ-Чубиномъ. Онъ сразился съ турками, вступившими въ Персію, какъ это ясно написано въ лѣтописи: персовъ, убилъ царя турокъ и обратилъ въ бѣгство ихъ полкъ. Между тѣмъ греческія войска, которыя

вернуть по пути въ [Грузію] и пришелъ въ Тифлисъ. Онъ

были посланы въ Персію, вернулись и пришли домой, а посланные Гуарамомъ куропалатомъ съверяне, [оставшись один], тоже вернулись домой, ибо они побоялись персовъ, послѣ того какъ послѣдніе освободились отъ турокъ; грузинами *тоже* овладѣли боязнь и страхъ передъ персами. Гуарамъ куропалатъ началъ укрѣплять замки и города. Богъ сподобилъ милостя христіанамъ, и другого рода бѣдствію подвергся царь персидскій, [ибо тотъ же Барамъ-Чубинъ отлосился отъ него] и ослѣпилъ глаза царю Уршиаду [и] его шуривамъ. Началась борьба между Чубиномъ и Касре [Анбарвезомъ]. Касре потерпѣлъ поразеніе и отправился въ Грецію. Кесарь Маврвій выдалъ за него замужъ свою дочь, свадилъ его войскомъ и отправилъ противъ Чубина. *Побѣжденный* Чубинъ бѣжалъ въ Персію, [и Касре Анбарвезъ овладѣлъ всей страной]. Тогда кесарь Маврвій возымѣлъ заботу о грузинахъ предъ Касре и сказалъ ему: „Отъ тѣхъ варъ какъ грузины оставили вѣлопоклонство, они пребывали въ повиновеніи у грековъ, и только во время могущества нашего Картліи была опустошена *сама*, и никакого другого права вы не имѣете на нее. Тѣмъ какъ мы отыиѣ по волѣ Божіей пребываемъ въ любви другъ къ другу, то Картлія пусть будетъ между нами свободной и мирной, [ибо] я защитникъ и помощникъ всѣхъ грузинъ и всѣхъ христіанъ“. Тогда царь персовъ принялъ предложеніе кесаря, [грузины сдѣлались независимыми, и Гуарамъ куропалатъ пребывалъ въ повиновеніи у грековъ. Гуарамъ былъ человекъ вѣрующій и строительъ церквей. Онъ началъ церковь Честнаго Креста (крестъ же до сего времени находится на открытой гора) и довелъ ее до пояса. Онъ царствовалъ мудро и широко, по картлійскимъ аріставамъ не могъ смѣнить съ своихъ имѣть, такъ какъ послѣдніе имѣли грамоты относительно закрѣпленія за ними [ихъ аріставствъ] какъ со стороны царей персидскихъ, такъ и со стороны греческихъ императоровъ. Но аріставы пребывали въ повиновеніи Гуарана куропалата. [У этого Гуарана куропалата было два сына, изъ которыхъ одного звали Стефаномъ, а другого Деметре]. И умеръ католикосъ Свикошъ, и сѣлъ Самовель, и умеръ католикосъ Самовель, и посадилъ католикосомъ Самовеля же. Этотъ же [Гуарамъ] куропалатъ возобновилъ фундаментъ Тифлисскаго Сіона, [который былъ оконченъ послѣ этого Гуарана, во время итавара Адарнаса Перваго; половина была построена какою-то женщиной-вдовой, а другая—вѣнъ народомъ. Адарнасъ въ свою очередь при-

расположился противъ крѣпости Ками. Начальникъ крѣпости, направивъ голосъ къ Ираклію, закричалъ ему изъ крѣпости¹⁾: „У тебя борода козла и [шея] злого козла“²⁾. Тогда царь

явля участіе въ постройкѣ его], ибо родственники благочестиваго царя Мириана всѣ были строителями церкви. (Въ изданіи Броссе, какъ и въ другихъ вариантахъ К. Ц. Вахтанговской редакціи, часть разсказа отъ словъ: „Онъ царствовалъ мудро“ до словъ: „Этотъ же Гуарамъ куропалать возобновилъ“ помѣщается послѣ этого мѣста нашего текста).

И умеръ Гуарамъ куропалать, и съѣлъ вмѣсто него сынъ его Стефаносъ. Но и этотъ Стефаносъ, боясь персовъ и грековъ, не позволялъ себѣ титуловаться царемъ, а его считали итаваромъ (т. е. главою) эриставовъ. И умеръ набожнѣе Самовель, и названный Стефаносъ посадилъ католикосомъ Вартаме. Этотъ Стефаносъ былъ невѣрующій и не боящійся [Бога]. Онъ мычаль не послушалъ Богу; не споспешествовалъ вѣрѣ и не умножалъ церкви. Въ его время въ Греціи произошли большія смуты, ибо воинъ Фока возсталъ противъ кесаря Маврикія, убилъ его и его дѣтей и покорилъ Грецію. Тогда царь персидскій Касре, зять кесаря, сталъ мстити за кровь тестя своего и шуриновъ; онъ вступилъ въ Грецію и подвергъ ее опустошенію. Онъ такъ усилился надъ греками, что кесарь Фока не могъ устоять противъ него. Между тѣмъ Стефаносъ, итаваръ Картаин, боясь персидскаго царя, отложился отъ грековъ и присоединился къ персамъ. Тотъ же царь Касре въ то же самое время разгромилъ Іерусалимъ и взял съ собою Древо жизни, послѣ чего милость ругъ Божиихъ покинула его. Онъ былъ схваченъ своими сыномъ и посаженъ въ [мрачную] темницу, гдѣ онъ и умеръ отъ тяжкой болѣзни. При этомъ Стефаносъ Мцхета стала убывать, а Тифлисъ усиливаться, Армазъ сталъ падать, а Капа возвышаться. Братъ Стефаноса Деметре продолжалъ постройку церкви Честнаго Креста, но одержимый тяжкою болѣзнію онъ не могъ докончить дверь церкви“ (Списокъ царицы Маріи, мое изданіе, стр. 190—194. Слова и фразы, заключенныя въ прямыхъ скобкахъ, составляютъ дополненія изданія Броссе и другихъ списковъ К. Ц. Вахтанговской редакціи).

¹⁾ Т.: ругалъ царя Ираклія и свазалъ.

²⁾ Въ нашемъ текстѣ сказано: ვაც-ბორცისა—злого козла. Въ текстѣ списка Маріи тоже самое: და ვაც-ბორცისა კისერსი ვაძიქს—и

Ирандїи, услышавъ это, исполнился гнѣва противъ него и вычиталь изъ книги пророка Данїила слѣдующее слово: „Пришелъ козелъ Запада и сокрушилъ рога восточнаго овна“. Царь сказалъ ¹⁾: „Если это слово относится ко мнѣ, то я, за дерзость по отношенію ко мнѣ, воедамъ тебѣ двойное наказаніе“. И, оставивъ въ Тифлисѣ для завоеванія крѣпости эристава Джибгу ²⁾, самъ направился въ Багдадъ ³⁾, пришегъ въ Гардабанъ въ Варазу-Гагелу ⁴⁾ и расположился лагеремъ

шея злого козла, но въ Теймуразовскомъ спискѣ и въ изданіи Броссе читаемъ болѣе правильную редакцію: ღა ვაც-ბოროტისა კისერი გაქუს — и шея козла-вожака. Форма ვაც-ბოტი подтверждается и Обращеніемъ Грузинъ: უკმე ჰერაკლეს ვაც-ბოტობით — обозвалъ Ираклія козломъ, но ვაც-ბოტი собственно значить козелъ для прилода, козелъ-вожакъ.

¹⁾ Т. прибавляетъ: ругателю своему.

²⁾ Т.: „Оставилъ въ Тифлисѣ эристава, котораго звали Джибгу, и приказалъ ему взять крѣпость Кагу“.

³⁾ Этотъ параграфъ Исторіи Сумбата до этого мѣста есть повтореніе текста Обращенія Грузинъ съ нѣкоторыми вариациями (см. выше, стр. 44).

⁴⁾ Здѣсь въ нашемъ текстѣ, равно какъ во всѣхъ спискахъ Б. Ц., какъ здѣсь тамъ и ниже, это имя приводится въ формѣ Варазъ-Гагелъ, но въ Обращеніи Грузинъ (стр. 44) стоитъ форма Варазъ-Григолъ. Ниже нашъ текстъ тоже приводитъ форму Варазъ-Григолъ. Поэтому слѣдуетъ отдать предпочтеніе послѣдней формѣ, тѣмъ болѣе, что армянскій писатель Моисей Каганкатвацц, повидимому, имѣетъ въ виду этого Варазъ-Григола, когда упоминаетъ о Варазъ-Григорѣ въ генеалогіи племени Микра или Микраиа, происшедшаго изъ рода Сасанида-Хосровъ и сдѣлавшагося владѣтельнымъ въ Албаніи или въ Агованіи армянь. Сынъ Микраиа, по Моисею, былъ Армазъ, сынъ Армаза Вардъ, сынъ Варда храбрый Варданъ, который въ три года построилъ крѣпость Гарманъ, сынъ Вардана Вардъ. Вардъ родилъ Варамана, госпожу Шушигъ и Варазъ-Григора, перваго князя агванскаго, который принялъ крещеніе отъ Виро, католикаса агванскаго. У Варазъ-Григора было четыре сына: Варазъ-Перожъ, Джаваширъ, Ваудъ-Хосрѣвъ и Вараманъ (Патриархъ). Исторія Агванъ Моисея Каганкатвацц, стр. 135.—137. Въ другомъ мѣстѣ у автора повторяется эта генеалогія съ прибавленіемъ другихъ

въ мѣстности, извѣстной подъ названіемъ Хувапени. Ираклій крестилъ Вараса-Григола ¹⁾ и весь его народъ и приступилъ къ постройкѣ церкви, которая блистательнѣе всѣхъ церквей. Отсюда онъ отправился въ Бердуджъ, остановился посреди деревни, воздвигъ каменный крестъ, положилъ основаніе церкви Пресвятой Богородицы и кончилъ постройку ея кунола ²⁾.

10. Между тѣмъ Джибгу взялъ Тифлисскую крѣпость³⁾,

потомковъ, см. стр. 276—270. Генеалогическую таблицу Михранановъ, составленную Паткановымъ по Моисею, см. на стр. 342). Впрочемъ, мы не думаемъ, чтобы одно изъ двухъ прозвищъ Вараса, встрѣчающагося въ нашемъ источникѣ, было ошибочное, потому что Григоль, или Григоръ, должно было быть имя, а Гагелемъ (т. е. изъ Гага) онъ назывался, вѣроятно, какъ житель и обладатель Гагской крѣпости.

¹⁾ Т.: ерцисава Вараса-Гагала. Нужно полагать, что Варасъ былъ Григоріанской вѣры и Ираклій привелъ его въ православіе (Н. Стр. р. 228, п. 5).

²⁾ Эта часть Исторіи Сумбата отъ словъ: „принелъ въ Гардабавъ“ не имѣется ни въ Обращеніи Грузинъ ни въ текстѣ К. Ц. списка царвы Маріи, конечно, въ Исторіи Сумбата.

³⁾ Т.: „Между тѣмъ ерцисавъ Джибгу въ продолженіе нещогтихъ дней овладѣлъ Калой и завоевалъ Тифлисскую крѣпость“. Этотъ Джибгу былъ предводитель, или хаканъ хазарскаго войска, явившійся на помощь Ираклію и имѣвшій свиданіе съ нимъ подъ стѣнами Тифлиса въ 626 году. Византійскіе писатели называютъ его Зибелемъ, а армянскіе Джембукомъ (см. Себесъ, Исторія Императора Иракла, переводъ Патканова гл. XVIII и XIX) и Джебуба-Хаганомъ (Исторія Агванъ Моисея Каганмагвани, пер. Патканова, кн. II, гл. 11 и 12). Еще въ VI вѣкѣ, при Хосровѣ Нуширванѣ, турецкій хаганъ называется у Моендра Зиллибулъ, у Табары Сиддибу. Привода эти имена, Паткановъ замѣчаетъ, что „Зибель VII вѣка и Зиллибулъ VI вѣка, кажется, тождественны какъ титулъ, а не какъ собственныя имена, и что слѣдовательно, въ Джембу мы также должны видѣть званіе, а не собственное имя лица“ (Василія надписи и значеніе ихъ для исторіи восточной Азіи. О древней грузинской хроникѣ, стр. 262—264).

Въ Житіи грузинскихъ святыхъ Давида и Константина, рассказы-

плѣнили начальника вѣрности и наполнилъ ему ротъ дра-

гается, что Ираклій побѣжалъ въ страну комановъ или кипчаконъ и далъ свою дочь въ супруги ихъ царю, котораго взялъ съ собою на помощь съ многочисленнымъ войскомъ и отправился въ Персію (см. рукопись Шюмтани. Церковнаго музея № 170, стр. 155. Рай Грузія Сабинина, стр. 323).

Подробности объ осадѣ Тифлиса хазарами и иракліемъ мы читаемъ въ Исторіи Агванъ Моисея Баганкатваца, который, упомянувъ о разграбленіи Аговани хазарами подъ предводительствомъ Джебу-Хагана, продолжаетъ:

„Послѣ всего этого потоки бурной рѣки поднялись и устремились противъ Иверіи, окружили и осадили изнѣженный, торговый, славный и великій городъ Тифлисъ. Узнавъ о томъ и великій императоръ. Собралъ все войско своего могущества, онъ немедленно пришелъ къ сподвижнику своему; и послѣ взаимныхъ даровъ и приношеній, они весьма радовались при видѣ другъ друга.

Тамъ надо было видѣть ужасы людей заключенныхъ въ вѣрности; ихъ постигли несчастіе за несчастіемъ. Но такъ какъ еще не настало время, то Хозрой, узнавъ о прибытіи двухъ великихъ государей къ городу, прежде чѣмъ началась осада, послѣдшилъ прислать къ нимъ на помощь и на защиту города искуснаго и храбраго воеводу, полководца своего Шаргапага, и съ нимъ около 1000 человекъ избранныхъ всадниковъ изъ тѣлохранителей и стражи своей. Увидя присланныхъ къ нимъ на помощь соратниковъ мощныхъ и искусныхъ, жители города ободрились и стали насмѣхаться надъ обонки царяив. Хотя они и видѣли несмѣтное множество войска Сѣвера и Запада, которые подобно горахъ устроились около города махиты четырехъ-колесныя и другія разнообразныя, изобрѣтеныя римскими инженерями орудія, которыми они иѣтко поражали стѣны и отламывали огромные камни; хотя они видѣли также огромные надутые бурдюки, наполненные камнемъ и пескомъ, которыми они обращали назадъ въ городъ рѣку Куръ, омывающую одну часть города, но, не страшась ничего, ободряли другъ друга и разрушенное ими слова задѣлывали и укрѣпляли.

Послѣ того какъ войска обонхъ царей были ослаблены, отражены и утомлены, когда немалое число пѣхоты ихъ пало въ битвѣ, цари разсуждали между собою и говорили: „Къ чему намъ губить войска наши; не правда ли, если мы свяжемъ сильнаго, то домъ его разграбимъ, какъ намъ угодно“.

Тогда великій и мстительный императоръ Ираклій обдумалъ и

конами. Это за то, что тотъ сказалъ хвалу царю Ира-

устроилъ какъ надо было поступить, и сказалъ мужу, пришедшему къ нему на помощь: „Возвратись съ миромъ съ войсками своими въ нынѣшнѣеи году на мѣсто свое, ибо мы видимъ утомленіе ваше. Вы не въ состояніи во время этого лѣтняго зноя достигнуть страны ассирійской, гдѣ у великой рѣки Тигра стоитъ столица персидская. При наступленіи слѣдующаго года, по истеченіи жаркихъ мѣсяцевъ, немедленно выступи сюда, и мы исполнимъ желаніе наше. Я между тѣмъ не перестану воевать съ царемъ персидскимъ и подвергать опасности страны и подданныхъ его, и до тѣхъ поръ буду употреблять хитрость, пока его умертвятъ свои же!“ Услышавъ объ ихъ утомленіи и отступленіи, жители города еще болѣе возгордились въ сердцахъ своихъ, и сыграли игру своей погибели: они принесли огромную тыкву, нарисовали на ней изображеніе царя гуинновъ, аршинъ въ ширину и аршинъ въ длину; вмѣсто рѣсницъ нарисовали нѣсколько обрѣзанныхъ вѣтвей, которыхъ никто не могъ видѣть; мѣсто бороды оставили безобразно голымъ; мѣсто ноздрей носа шириной въ локоть, рѣдкіе волосы на усахъ. Едва-ли кто нибудь могъ узнать его.

Они принесли это и поставили на стѣнѣ противъ нихъ и кричали: „Вотъ, царь-государь вашъ, возвратитесь, поклонитесь ему, это Джебухаканъ“, и взявъ въ руки копья, кололи и пронзали тыкву, изображающую лицо его; также издѣвались и насмѣхались надъ другимъ царемъ, называя его сквернымъ и мужеложникомъ. Увидя и слыша то, цари досадовали, приходили въ ярость, собирали злобу въ сердцахъ своихъ, начали головой и великими проклятіями клялись, что ни одна душа не останется въ царствѣ ихъ, пока они не выместятъ злобы своей за оскорбленія, которыя нанесены были имъ. И обративъ лица свои, оба царя ушли съ тѣми же угрозами“ (Исторія Агванъ, стр. 107—109).

Второй походъ хазаръ и взятіе Тифлиса тотъ же Мехсей описываетъ такъ: „Выступилъ хищный энѣръ сѣверный (т. е. хазарскій царь) съ кровожаднымъ орленкомъ своимъ Шатомъ. Онъ прежде всего обратилъ лицо свое противъ Исерин и города Тифлиса, и никого не нашелъ въ немъ изъ прежнихъ храбрыхъ мужей, а нашелъ удобный случай отомстить за прежнія ихъ оскорбленія. Когда онъ окружилъ городъ и сталъ битвами притѣснять жителей его, то и они (т. е. жители города Тифлиса) обратились противъ него, и жестоко бились въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, тщетно борясь противъ смертнаго приговора; страхъ проли-

кляю¹⁾), а за оскорбленіе царя онъ снялъ съ него кожу и до-

тѣхъ кровъ ихъ, долженствующій наступить скоро, сильно терзалъ ихъ.

Тогда зарычалъ ужасный звѣръ надъ ними, плѣнилъ и потопилъ многихъ изъ черни; лѣса свои наполнилъ дичью, а войска свои грабежомъ. Педявъ мечи свои, они все устроились на стѣны, и все это множество, нагромождая другъ на друга, поднялось выше стѣвъ, и мрачная тѣнь пала на бѣдственныхъ жителей города; отвалились суставы членовъ ихъ, ослабли руки ихъ; они были побѣждены, отступили отъ стѣвъ, и какъ птицы, захваченныя тенетами охотниковъ въ недоумѣніи, многіе изъ нихъ не могли дойти до дому своего, чтобъ принести страшную и печальную вѣсть, приказать скрыться любимой супругѣ, или возлюбить о рожденіяхъ чрева своего; родителямъ нѣкогда было думать о родительскихъ обязанностяхъ. Напротивъ того, столкнувшись, они старались скрыться, нѣкоторые на кровляхъ домовъ, другіе въ трубахъ. Но многіе устремились подъ святые своды церкви, и ухватились за уголь алтаря. Стоны и вопли матерей къ дѣтямъ раздавались, подобно блевнію многочисленнаго стада овецъ къ ягнятамъ своимъ. За ними вслѣдъ бросались жнецы немилосердые; руки ихъ проливали потоки крови; ноги ихъ давили трупы; глаза ихъ смотрѣли на надшихъ, какъ на груды града. Когда прервался голоса, вопли и стоны, и когда ни одинъ не остался въ живыхъ, тогда только узнали они (хпщеники), что насытились мечи ихъ. Тогда привели и двухъ правителей, изъ которыхъ одинъ былъ намѣстникомъ со стороны Персін, другой изъ настоящихъ жителей города, изъ племенъ князей иверскихъ. Схвативъ ихъ, привели связанныхъ предъ царя, который приказалъ выколоть имъ глаза, потому что они нарисовали портретъ его слѣпыми, желая его оскорбить, и потопилъ ихъ въ страшныхъ мученіяхъ.

Содравъ съ нихъ кожу, выдѣлавъ и наполнивъ ихъ сѣвомъ, повѣсили ихъ съ верху стѣвъ.

Тогда хищники простерли свои руки къ сундукамъ награбленныхъ сокровищъ; все безчисленное войско, тяжело нагруженнымъ, принесло предъ своего повелителя груды и громады сокровищъ, и такъ много они принесли, что утомительно было глядѣть на несмѣтное количество талентовъ золота и серебра. Но кто въ состояніи разсказать объ украшеніяхъ церкви, объ утвари, унизанной жемчугомъ?“ (ibid. стр. 119—120)

¹⁾ Т.: Это за то, что словамъ его кесарь обрадовался, ибо онъ сказалъ хвалу царю Иранію.

счалъ въ догонку царю въ Гардабанъ, къ Вараву-Григолѣ¹⁾.

11. Изъ Гардабана царь перешелъ въ Лалъ; позвалъ къ себѣ правителя мецекевнцевъ и крестилъ его²⁾. [Отсюда] онъ отправился въ Багдадъ³⁾, завоевалъ Багдадъ, плѣнилъ царя Хуасро и заставилъ его выдать Древо жизни⁴⁾. Онъ приступилъ къ возобновленію Іерусалима, поставилъ тамъ патріархомъ Модистоса и направился обратно сюда и прибылъ въ Грузію на седьмомъ году [послѣ своего отъѣзда].

12. Довозвращенія Ираклія тифлисская [Сіонская] церковь была уже окончена, недокончена была только церковь Креста. И царь Ираклій разослалъ проповѣдниковъ въ Тифлисъ, Микету и Уджарму, чтобы всѣ христіане вошли въ церкви и всѣ маги и поклонники огня, которые не крестятся, были умерщвлены. Послѣдніе не только не захотѣли креститься, но коварствомъ напустились на христіанъ. Противъ всѣхъ ихъ былъ пущенъ въ ходъ мечъ, и потоки крови потекли въ церквахъ. Очистивъ вѣру Христа, Бога нашего, царь Ираклій отправился обратно въ свое царство. Эриставомъ въ Грузіи былъ тотъ же Стефаносъ Великій. При немъ же былъ католикосомъ другой Бартоме⁵⁾.

¹⁾ Этотъ параграфъ есть повтореніе текста Обращенія Грузіи (см. выше, стр. 44).

²⁾ Этотъ параграфъ до сего мѣста отсутствуетъ въ Обращеніи Грузіи.

³⁾ Этотъ параграфъ до этого мѣста отсутствуетъ въ Т. и К. Ц., въ которыхъ вмѣсто этого сказано: Но царь Ираклій вступилъ въ Персію.

⁴⁾ Т. прибавляетъ: и убилъ царя Хуасро и взялъ Древо жизни.

⁵⁾ Мы уже видѣли выше, что Обращеніе Грузіи этого Бартоме не называетъ Вторымъ, а замѣчаетъ, что Бартоме былъ католикосомъ во второй разъ (см. выше, стр. 45).

Ходъ походовъ Ираклія противъ персовъ, по извлеченіямъ Броссе изъ Лебо, былъ таковъ: Императоръ выступилъ въ походъ въ 622 г., вступилъ въ Арменію и въ началѣ зимы вошелъ въ Понтъ; въ 623

13. Послѣ него эриставомъ былъ Адарнасе, сынъ Стефаноса. При немъ смѣнились три католикоса: Іоаннъ, Бабила и Таборъ.

14. Послѣ этого [умеръ эриставъ Адарнасе ¹⁾] и сѣлъ

г., въ концѣ похода, онъ прошелъ Азербейджанъ и остался зимовать въ Албаніи; въ 624 г. его покинули лазы, абазы и иверійцы, которые были въ большомъ количествѣ въ его арміи; въ 626 г. Ираклій вступилъ въ Лазіку, чтобы дѣйствовать противъ персидскаго полководца Сайса, и произвелъ тамъ большія опустошенія; въ томъ же году онъ имѣлъ свиданіе подъ стѣнами Тифлиса съ Зибелемъ, хаканомъ хазаровъ, на виду персовъ, которые занимали городъ. Извѣстіе Б. Ц. (см. выше, стр. 44, прим. 1), что Стефаносъ былъ убитъ въ борьбѣ съ Иракліемъ, если вѣрно, должно было бы имѣть мѣсто въ это время. Впрочемъ, византійскіе источники не упоминають о Стефаносѣ, но зато сообщаютъ, что иберійскій архонтъ Варзамузесъ, прикнущій къ персамъ, попался въ руки Ираклія, послѣ того какъ послѣдній побѣдилъ враговъ недалеко отъ р. Заба 12-го декабря 627 года. Въ 628 г. Хосрой былъ низвергнутъ съ престола его сыномъ Кобадомъ-Спруэ, который заключилъ миръ съ греками и возвратилъ имъ Древо жизни. Возвратясь съ 6-го своего похода, Ираклій прошелъ черезъ Арменію, которая, казалось, одно время была какъ будто расположена принять постановленія Халкидонскаго собора. Наконецъ въ 629 г. императоръ вернулся въ Константинополь, на 7-ой годъ послѣ своего отъезда (Н. Ст. р. 225 п. 4, 226, п. 1. Lebeau, t. XI pp. 91, 102, 105, 114, 118, 134, 160),

¹⁾ Моисей Каганватвацц, вѣроятно, имѣетъ въ виду этого Адарнаса, когда упоминаетъ, что Джеванширъ, правитель Агованіи, послѣ взятія Ктезифона (въ 645 г.), возмущился противъ персовъ и, разбивъ ихъ сначала къ сѣверу отъ города Перозапата (Фирюза-Кабада Абуль-Касема), а потомъ въ области Капичанъ (т. е. въ Камбечанъ нашей хроникѣ), имѣ предѣловъ своего родного участка, раненый въ голову отдыхалъ на границахъ Иверіи. „Тамъ, продолжаетъ нашъ авторъ, многоуважаемый мужъ Атриерсехъ, владѣтель страны, получившій тройной титулъ отъ царя греческаго, пришелъ къ нему и самъ обвязывалъ ему раны, радуясь великой побѣдѣ его. Заключивъ съ нимъ нерушимый союзъ мира, Джеванширъ взялъ себѣ на помощь войска иверскія, быстро пошелъ на область Ути и предалъ мечу всѣхъ, кого только встрѣ-

эриставомъ] Стефаносъ, сынъ его. Онъ докончилъ церковь [Креста], учредилъ тамъ собраніе при Крестѣ ¹⁾ и сталъ жить въ Тифлисъ. Католикосами были Самовель и Енонъ. При немъ же сдѣлали опись страны картлійской и взяли въ Грецію. И пришло извѣстіе, что агаряне заняли Багдадъ ²⁾.

15. Послѣ этого Стефаноса былъ эриставомъ сынъ его Гуарамъ куроपालать ³⁾, послѣ него—Варазъ-Бакуръ, сынъ его, антипатрикосъ, который обратилъ въ христіанство гардабанцевъ; потомъ—Нерсе и его сыновья: Филиппъ, Стефаносъ и Адарнасе ⁴⁾, и сыновья Адарнасе: Гургенъ эриставъ, Ашотъ куроपालать ⁵⁾.

тилъ изъ войска персидскаго“. Далѣе авторъ сообщаетъ, что, видя славныя побѣды надъ персами Джеваншира, вельможи Арменіи и Иверіи хотѣли избрать ему жену изъ своихъ родовъ, но тотъ взялъ себѣ жену изъ рода Гарухчанъ, дочь князя сисаканскаго, къ вѣчной радости снуждцевъ (Исторія Агванъ, стр. 141—143. Н. С. р. 231, п. 7).

¹⁾ Начиная отъ словъ: „и католикосомъ былъ въ Мцхетѣ Бартоломе“ (§ 8) до этого мѣста во всѣхъ спискахъ К. Ц., не исключая и Теймуразовскаго, текстъ Исторіи Сумбата перемежшанъ съ текстомъ К. Ц., и цѣльнаго текста Сумбата ни въ одномъ спискѣ нельзя прослѣдить. Теймуразовскій списокъ, впрочемъ, содержитъ и въ этомъ мѣстѣ больше фразъ, взятыхъ изъ Сумбата, но въ общемъ и онъ не выдѣляется.

²⁾ Часть Исторіи Сумбата отъ словъ: „отсюда онъ отправился въ Багдадъ“ (§ 11 до) сего мѣста составляетъ повтореніе текста Обращенія Грузіи съ незначительными вариациями (см. выше, стр. 44—46). Часть этого параграфа отъ словъ: „и сталъ жить въ Тифлисъ“ до этого мѣста ниѣтся только въ Т. (л. 109 verso). Въ другихъ спискахъ К. Ц. эта часть отсутствуетъ.

³⁾ Послѣ этого Гуарама Обращеніе Грузіи, какъ мы видѣли, указываетъ еще двухъ эриставовъ (см. выше, стр. 46): Гуарама Молодого и Армушу куроपालата, о которыхъ въ нашемъ спискѣ Исторіи Сумбата не упоминается.

⁴⁾ Обращеніе Грузіи, какъ мы видѣли (стр. 47), въ числѣ сыновей Нерсе указываетъ еще Гуарама, котораго нашъ списокъ Исторіи Сумбата и К. Ц. не знаютъ.

⁵⁾ Мы уже указывали выше (стр. 47, прим. 4 и 5), что Обра-

16. Что касается Ашота куропалата, то онъ былъ вла-

дѣніе Грузіи сыновьями Адарнаса считаетъ Стефаноса IV, Ашота куропалата и Гуарама. Въ Теймуразовскомъ спискѣ К. Ц. совсѣмъ нѣтъ свѣдѣній объ эриставахъ, перечисленныхъ въ послѣднемъ параграфѣ, а въ другихъ спискахъ Вахтанговской редакціи приведены тѣ свѣдѣнія, которыя нами указаны на стр. 47, въ 5 примѣчаніи. Этими параграфомъ кончаются свѣдѣнія, вошедшія изъ Обращенія Грузіи въ Исторію Багратидовъ Сумбата, сына Давида.

Въ спискѣ царицы Маріи, начиная отъ Стефаноса (см. выше, стр. 126, прим.), до Ашота куропалата мы находимъ такой рассказъ:

„Стефаносъ былъ итаваромъ всей Картліи; онъ сѣлъ въ Тифлисъ и пребывалъ въ повиновеніи у персовъ. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ этого, въ Греціи появился человекъ, изъ родственниковъ кесаря Маврикія, по имени Ираклій. Онъ убилъ кесаря Маврикія и завладѣлъ всей Греціей. Сдѣлавшись могущественнымъ, Ираклій призвалъ съ запада турокъ, собралъ безчисленное войско и во главѣ ихъ выступилъ противъ Персіи, чтобы вернуть Животворящее древо. Прибывъ сначала въ [Верхнюю] Картлію, [въ Самцхе, онъ услышалъ о чудесахъ, совершаемыхъ иконою, которая была написана Пресвятою Богородицею и дана ею Андрею Первозванному, и которую послѣдній привезъ въ Ацкуръ и поставилъ въ маленькой часовнѣ. Пришедъ, чтобы лицезрѣть и поклониться этой иконѣ, кесарь Ираклій въ то же самое время приступилъ къ закладкѣ фундамента и построилъ большой церкви въ Ацкурѣ, которая затѣмъ была окончена благочестивыми людьми, и съ тѣхъ поръ сдѣлалась каедрою епископа. Тогда] названный Стефаносъ, не желая отложиться отъ персовъ, укрѣпилъ замки [и города] и расположился въ Тифлисъ. Царь Ираклій, придя, окружилъ Тифлисъ. Но Стефаносъ былъ храбрый и доблестный воинъ; онъ ежедневно выходилъ за воротами города и сражался съ греками. Тогда въ одной изъ такихъ схватокъ Стефаносъ былъ сраженъ и убитъ, и кесарь овладѣлъ Тифлисомъ. Но въ крѣпости Калѣ остались люди, которые не явились съ покорностью къ Ираклію. Начальникъ крѣпости, ругая царя изъ крѣпости, сказалъ: „У тебя борода козла и шея злого козла“. Тогда царь, [услыхавъ эти слова, сильно разгнѣвался и] сказалъ: „Хотя этотъ человекъ и называлъ меня злымъ козломъ для брани, но слово его недурное“. И онъ взялъ книгу [пророка] Давида и нашелъ въ ней слѣдующее писаніе: „Пришелъ козелъ Запада и сокрушилъ рога восточнаго овна“. Тогда

дѣтелемъ въ этой странѣ, и мѣстопробываніе его было въ

царь обрадовался и убѣдился, что во всемъ предстоитъ ему удача. Затѣмъ кесарь призвалъ сына Бакура, царя грузинскаго, потомка Дачи, Вахтангова сына, который былъ эриставомъ въ Кахетин и носилъ имя Адарнасе. Онъ далъ ему Тифлисъ и назначилъ мтаваромъ Картліи. вмѣстѣ съ нимъ Ираклій оставилъ эристава, котораго звали Джигбу, съ приказаніемъ взять [крѣпость] Калу, и самъ отправился [въ Багдадъ]. Спустя немного дней, [эриставъ Джигбу и Адарнасе, мтаваръ Картліи] взяли [крѣпость] Калу и плѣнили начальника крѣпости. Эриставъ Джигбу сначала наполнилъ ему ротъ драканами за то, что кесарь обрадовался его словамъ, затѣмъ снялъ съ него кожу и послалъ вслѣдъ за кесаремъ въ Гардабанъ. Это онъ сдѣлалъ за то, что тотъ осмѣлился ругать царя. Такого рода смерти подверглись Стефаносъ и его слуги. Богъ причинилъ это Стефаносу вслѣдствіе того, что онъ жилъ не по волѣ Его, былъ врагъ благочестивыхъ людей и другъ невѣрующихъ.

Тогда греки снова захватили пограничныя области Картліи, Сперъ, нижнюю часть Кларджета и Приморскую область. Сыновья Стефаноса остались въ скалахъ кларджетскихъ; всю остальную Картлію подчинилъ себѣ Адарнасе, сынъ Бакура, въ качествѣ мтавара, но титуловаться царемъ и онъ не рѣшался. Эриставы же оставались въ своихъ эриставствахъ, владѣли ими прочно и повиновались Адарнасу.

Между тѣмъ царь Ираклій вступилъ въ Персію, убилъ царя Хуасро, завоевалъ Багдадъ и взялъ Животворящее древо. На седьмой годъ послѣ своего отъѣзда онъ вернулся въ Картлію. Къ тому времени церковь Честнаго Креста и тифлисскій Сіонъ уже были окончены мтаваромъ Адарнасомъ. Тогда царь Ираклій захватилъ съ собою изъ Манглиса и Эршетиі гвозди и доску, на которой были положены ноги Господа нашего Іисуса Христа, и которыя были подарены Константиномъ царю Миріану. Опечаленный этимъ мтаваръ Адарнасе умолялъ кесаря не отнимать этихъ Божескихъ сокровищъ, но кесарь не вынулъ его просьбъ и захватилъ ихъ съ собою.

При этомъ Адарнасъ представились три каголикоса: Іоаннъ, Бабила и Таборъ. Умеръ Адарнасе, и сѣлъ мтаваромъ сынъ его Стефаносъ. Этотъ Стефаносъ былъ благочестивѣе всѣхъ грузинскихъ царей и мтаваровъ, очиститель вѣры и строитель церквей. Онъ окружилъ стѣнами церковь Честнаго Креста, построилъ тамъ дворецъ и предписалъ всѣмъ священнослужителямъ собираться по пятницамъ предъ Честнымъ Крестомъ.

Бардавѣ и Тифлисѣ, и владѣлъ онѣ землями, которыя нахо-

И тамъ собирались все епископы и священники того района съ католикосомъ во главѣ и съ торжествомъ справляли пятницу, какъ Великую Пятницу. Въ католикосской церкви были собранія по четвергамъ, и справляли праздникъ, въ возвеличаніе св. Сіона, наподобіе Великаго Четверга, съ принятіемъ св. даровъ, тѣла и крови Христа. По вторникамъ были собранія въ Мцхетѣ же, въ епископской церкви, гдѣ поминали Первомученика Стефана и всехъ мучениковъ, а также и тѣхъ, которые были замучены во время могущества персовъ, и въ числѣ послѣднихъ Абибеса, некресскаго епископа, который обратилъ въ христіанство большую часть игульцевъ къ востоку отъ Арагвы, а честное его тѣло было положено въ епископской церкви въ Мцхетѣ, въ склепѣ, предназначенномъ для епископовъ. Въ день праздника въ честь него собраніе бывало болѣе многочисленное, чѣмъ во все другіе праздники, равно какъ и служеніе Богу болѣе торжественное.

Въ тѣ времена уже появился Магометъ, потомокъ Исмаила (въ нашемъ текстѣ по ошибкѣ Соломона), основатель вѣры сарацинъ, и, покоривъ всю Аравію и Іаманеть, умеръ. Ему наследовалъ Абу-Бекиръ (въ нашемъ текстѣ Або-Бикарь), который вступилъ въ Персію, ибо въ Персіи, послѣ того какъ Ираклій пошелъ походомъ и разгромилъ ее, не было никого, кто бы могъ противостоять ему. Этотъ Абу-Бекиръ агарянинъ покорилъ Персію, вступилъ въ Багдадъ, силою принудилъ большинство населенія отречься отъ огнепоклонства и принять вѣру сарацинъ. Умеръ Абу-Бекиръ, и наследовалъ ему Омаръ (въ нашемъ текстѣ отъ сѣщенія буквъ о и у написано Умаръ), который сдѣлался еще болѣе могущественнымъ. Царю Ираклію доложили, что агаряне уже вступили въ Шамъ и Джазирагъ, т. е. въ (Сирію) и Месопотамію, и Ираклій выступилъ въ Палестину, чтобы тамъ дать имъ сраженіе. Но тутъ находился одинъ монахъ, человекъ Божій, и онъ сказалъ царю: „Бѣгите назадъ [удаленные Сарою или удалившіеся отъ нея], ибо Господь отдалъ Востокъ и Югъ сарацинамъ, что въ переводѣ значитъ „собака Сары“ (грузинская форма этого слова *სარკობა*—саркинози происходитъ отъ греческихъ словъ *Σαρξ* *χόσω*). Со словъ того монаха это сказали Ираклію астрологи и прорицатели. Ираклій же воздвигъ столбъ и написалъ на немъ: [Прощай] Месопотамія и Палестина, до тѣхъ поръ пока пройдутъ семь седмиць“. Что касается опредѣленія количества времени седмицы, то философы нашли въ книгѣ Римскаго-Тросаманъ-Иджинтона

дятся вокругъ него. Но тогда усилилось владычество ага-

(по поводу этого названія Броссе замѣчаетъ: *Ce nom est évidemment une altération de celui d'Hermès-Trismégiste*. Н. Г. р. 235, п. 1), что для сарацинъ она равняется двумъстамъ пятидесяти годамъ, а отъ Александра (Македонскаго) до появленія Магомета прошло девятьсотъ двадцать семь лѣтъ.

Тогда всѣ именитые греки стали прятать въ землѣ свои сокровища, чтобы легко найти ихъ, когда они вернутся, и забавиться отъ возни увозить ихъ съ собою и потомъ снова привозить. Царь же Ираклий направилъ свой путь на Равъ и вторично прибылъ въ Картлію. Онъ сказалъ персамъ, которые бѣжали сюда отъ сарацинъ: „Если вы знаете, что царство ваше кончилось, оставьте сѣверъ и приходите къ намъ“. И они оставили страну эту и спрятали въ землю сокровища свои. Одни отправились вмѣстѣ съ нимъ, другіе остались и составили гуджары всему своему имуществу. Написавъ гуджары, они составили списокъ всѣхъ своихъ родственниковъ и земель и положили вмѣстѣ со своими сокровищами, чтобы, когда греки придутъ, на основаніи этихъ гуджаровъ могли отыскать ихъ родственниковъ и раздѣлить между ними сокровища и земля.

У Стефаноса было два сына, Арчилъ и Миръ. Онъ раздѣлялъ между ними все богатство царской своей казны, золота, серебра и драгоценныхъ камней. Половину этого богатства онъ взялъ въ страну Егриса (Мингрелію), куда взялъ съ собою старшаго своего сына Мира, а другую половину своего имущества онъ далъ Арчилу, младшему своему сыну* (Списокъ царицы Маріи, стр. 194—199).

Далѣе въ списокѣ Маріи приведены: исторія Мира и Арчила (стр. 199—211), мученичество св. Арчила (стр. 211—216) и исторія сыновей Арчила, Іонна и Джуаншера (216—219). Во всѣхъ этихъ рассказахъ свидѣній объ эриставахъ и Багратидахъ, имѣющихъ отношеніе къ Исторіи Сумбата, сравнительно немного. Въ одномъ мѣстѣ (стр. 208) сказано, что Арчилъ одну изъ дочерей умершаго брата своего Мира „далъ въ супруга сыну сына дяди своего по отцу (въ Румянцевскомъ списокѣ: сыну дяди своего по отцу) Гуараму, владѣтелю Кларджета и Джавахетія“.

Въ другомъ мѣстѣ (стр. 209) сказано, что „когда Арчилъ пріѣхалъ изъ Егриса (Мингрелія) и сѣлъ въ Хидаръ, гдѣ раньше была крѣпость, тогда къ нему пришелъ одинъ мтаваръ, который былъ изъ-

рянъ, и стали они преслѣдовать Ашота куроपालата; Ашотъ не

потомковъ пророка Давида, по имени Адарнасе, сынъ брата (въ нашемъ текстѣ сынъ сестры) Адарнаса Слѣпного, отецъ котораго породнился посредствомъ брака съ Багратидами и былъ назначенъ греками эриставомъ въ Армянской странѣ, но во время разгрома со стороны (Мурвана) Глухого онъ прибылъ въ Кларджетъ къ сыновьямъ потомка Гуарама куроपालата и остался тамъ. [Этотъ Адарнасе] просилъ Арчила и сказалъ ему: „Если ты желаешь, сдѣлай меня твоимъ подданнымъ и дай мнѣ земли“. И Арчилъ далъ ему Шулаверъ (въ изданіи Броссе Шолаверъ) и Артанъ*. Здѣсь мы имѣемъ первое упоминаніе о Багратидахъ въ спискѣ К. Ц. царицы Маріи. Затѣмъ упоминается (стр. 210), что Арчилъ женился на дочери Гуарама куроपालата, который происходилъ отъ сыновей царя Вахтанга (Горгаслана) со стороны греческой принцессы.

Далѣе на стр. 210 мы читаемъ, что „сыновья брата Адарнаса Слѣпного, которые выжили глаза дядѣ своему по отцу, прѣшли изъ Тарона въ Шанихъ въ числѣ трехъ братьевъ и поселились тамъ по приказанію Арчила, ибо мѣста, прилегающія къ Кавказу со стороны Рана, были безлюдны, а Эретія и Бахетія сохранили населеніе, благодаря своимъ лѣсамъ и чащамъ, и три эти брата, поселившись тамъ, заняли страну до Гулгулы“.

Въ описаніи мученичества Арчила мы находимъ свѣдѣнія, подтверждающія его генеалогію по редакціи списка Маріи. Здѣсь сказано, что, когда Асимъ, воевода арабовъ, держалъ Арчила въ тюрьмѣ, „къ Асиму пришелъ одинъ мгаваръ изъ Гардабана, уже принявшій вѣру сарацинъ, дядя по отцу котораго былъ убитъ канарамъ; но убійцы его были оставлены безнаказанными дѣдомъ Арчила, царемъ Аларнасомъ. Поэтому гардабанецъ тотъ отомстилъ за это и сказалъ Асиму: „Развѣ ты не знаешь, кто такой этотъ Арчилъ? Онъ сынъ Стефаноса, родственникъ царя Вахтанга Великаго, который былъ потомокъ Миріана, сына Касре. Онъ присутствовалъ при отцѣ, когда тотъ пряталъ въ землѣ соврѣшища царства грузинскаго, онъ знаетъ и о той назвѣ, которую царь Ираклій зарылъ въ землю, ибо Ираклій показывалъ ему, куда онъ ее зарывалъ“.

О женѣ Джуаншера, сына Арчила, въ томъ же спискѣ царицы Маріи имѣются такія свѣдѣнія:

„Между тѣмъ Джуаншеръ привелъ жену, родственницу Багратидовъ, дочь Аларнаса, по имени Латавру. Мать упрекала его за то, что

былъ въ состояніи устоять противъ нихъ и, избѣгая ихъ, собрался уѣхать въ Грецію ¹⁾). При немъ были мать, жена и два старшихъ, но еще малолѣтнихъ сына, Адарнасе и Багратъ, а младшаго сына, по имени Гуарама, у него еще не было. Мало было также при немъ народа своего, и то были съ женами и дѣтьми. Изнемогши отъ пути, они прибыли къ Джавахетскимъ горамъ, къ берегу большаго Параванскаго озера и расположились на отдыхъ на берегу этого озера. Подкрѣпивъ себя пищею, они вздремнули немного, но на нихъ спящихъ напали многочисленная войска сарциновъ. [Тогда]

онъ привелъ ее, ибо какъ оказалось, она не совсѣмъ хорошо была освѣдомлена, что Багратиды родственники пророка Давида, который получилъ названіе тѣлеснаго отца Бога. Но когда она увидѣла жену своего сына, полюбила ее и, пожелавъ ей счастья, благословила. Спустя много лѣтъ послѣ этого, пришелъ эмиръ агарянинъ, по имени Хуасро, который былъ правителемъ Сомхити, Картли и Эреги. Онъ отстроилъ городъ Тифлисъ, разрушенный хазарами. Между тѣмъ, когда греки ослабли, отложился отъ нихъ анказскій эриставъ, по имени Леонъ, сынъ брата эристава Леона, которому дана была во владѣніе Апхазія. Этотъ Леонъ Второй былъ сынъ дочери царя хазаровъ, при помощи ихъ силъ [отложился отъ грековъ], покорилъ Апхазію и Егриси (Мингрелію) вплоть до Дихи (т. е. Дихскихъ, или Сурамскихъ горъ) и сталъ титуловаться царемъ анказья, ибо эристава Іоанна уже не было въ живыхъ, а Джуаншеръ былъ старъ. Затѣмъ умеръ и Джуаншеръ. Но еще при жизни Джуаншера Багратицъ Адарнасе вернулъ себѣ треть Кларджета, Шавшета, Адчаріи, Нигала, Исиспра (вѣроятно Исспири, въ издачи Брюссе Асиспра), Артана, Нижняго Та) и крѣпостей, которыя были у внуковъ (потомковъ) Вахтага Горгаглача. [Послѣ этого] Адарнасе ушелъ въ Кларджетію, гдѣ и умеръ" (Списокъ Маріи, стр. 217—219). Далѣе слѣдуетъ разсказъ объ Ашотѣ, но объ этомъ см. ниже, стр. 143, прим.

¹⁾ Этотъ параграфъ до этого мѣста сохранился безъ измѣненія только въ Т. (л. 129 recto), въ другихъ спискахъ эти свѣдѣнія Исторіи Сумбата отдѣлены отъ нижеслѣдующаго длинной вставкою изъ текста К. Ц. (Н. Г. р. 260—262).

Богъ помогъ Ашоту куропалату и небольшому войску его. Онъ далъ имъ побѣду надъ врагами, и убили они несмѣтное количество ихъ.

17. Двинувшись оттуда, они пришли въ Шавшетское ущелье. Но ущелье Шавшетское, кромѣ немногихъ деревень, тогда было неустроено, ибо во время владычества персовъ, когда Глухой Багдадецъ уничтожилъ всѣ крѣпости и прошелъ по Шавшетіи и по *горамъ* Гадо, оно было опустошено. Кромѣ того, повальная дезинтерія опустошила потомъ Шавшетъ и Кларджетъ, и только кое-гдѣ осталось немного людей. Но оставшееся шавшетское населеніе приняло Ашота радостно и съ любовью. Онъ поселился тамъ, и Богъ далъ ему успѣхъ и власть надъ Шавшетъ-Кларджетомъ. Онъ нѣкоторыя деревни приобрѣлъ покупкою, другія, разоренныя возстановилъ; *такимъ образомъ*, Ашотъ куропалатъ умножилъ деревни въ тѣхъ странахъ. Богъ помогъ и утвердилъ власть его по волѣ греческаго царя.

18. Въ лѣсахъ кларджетскихъ Ашотъ нашелъ одну скалу ¹⁾, на которой впервые Вахтангъ Горгасланъ построилъ крѣпость подъ названіемъ Артануджъ. Она была уничтожена со времени Глухого Багдада. Ашотъ возобновилъ ее и опять сдѣлалъ крѣпостью. Впереди, подъ нею, онъ построилъ городъ. Въ крѣпости же онъ воздвигъ храмъ въ честь святыхъ апостоловъ Петра и Павла и, приготовивъ въ немъ свою усыпальницу, сталъ жить въ той крѣпости. Затѣмъ Ашотъ снова завладѣлъ и остальною странною вплоть до воротъ города Бардава, и много разъ Богъ даровалъ Ашоту куропалату побѣду и великую славу въ войнахъ.

19. Въ одно время Ашотъ вышелъ, чтобы собрать войско для войны съ сарацинами. Онъ пришелъ въ одно мѣсто и разослалъ

¹⁾ Въ Т., вѣроятно по ошибкѣ: одинъ лѣсъ.

оттуда сборщиковъ войска Но, пока войска собирались около него, вдругъ на него напали сарадины и обратили его въ бѣгство. Ашотъ, повернувъ, пришелъ въ Нигальское ущелье и сталъ искать людей, чтобы увеличить свое войско. Тѣ, которымъ Ашотъ приказалъ явиться, направились къ нему, но только для того, чтобы убить его ¹⁾. Пока они не подошли къ его воротамъ, Ашотъ ничего не подозрѣвалъ объ ихъ зломъ умыслѣ. И не было у него войска, кромѣ незначительнаго количества, съ [которымъ] онъ не могъ противостоять противъ нихъ. Поэтому Ашотъ куропалатъ укрылся въ церкви, но его убили мечомъ въ алтарѣ ²⁾, и алтарь тотъ обагрился кровью, ибо его зарѣзали тамъ, на ступеняхъ алтаря, какъ агнца, и кровь, имъ пролитая, ясно видна и по днесъ ³⁾. Услыхавъ объ этомъ дѣлѣ, а именно, что государь ихъ Ашотъ убить руками сыновей Оровъ-Морова, народъ Ашота, находившійся въ Долисъ-Канѣ, выступилъ изъ Долисъ-Каны и погнался за убійцами государя своего. Они настигли ихъ въ ущельи Чороха и съ злостью вырѣзали всѣхъ, такъ что не осталось ни одного изъ нихъ, трупъ же Ашота куропалата взяли и похоронили въ усыпальницѣ его, въ крѣпости Артануджской, въ церкви святыхъ апостоловъ [Петра и Павла]. Ашотъ куропалатъ былъ убитъ ⁴⁾ въ 6830 году отъ сотворенія міра, въ 46-ой корониконъ тринадцатаго обращенія, мѣсяца января 29.

20. Ашотъ оставилъ трехъ сыновей: старшаго Адарнаса,

¹⁾ Тутъ К. Ц. и Т. прибавляютъ: Когда они подошли къ его дверямъ, тогда онъ повялъ, чего они хотѣли.

²⁾ Т. прибавляетъ: „Въ Гардабанѣ въ церкви“. Эти слова прибавлены въ рукописи Т. сверху строки и относятся, какъ мы увидимъ ниже (стр. 143, прим.) къ тексту К. Ц., а не Исторіи Сумбата.

³⁾ Т.: Кровь его, которая тамъ была пролита, видна и по днесъ, какъ свѣжая“. Это также составляетъ редакцію К. Ц., а не Сумбата.

⁴⁾ Списки К. Ц. Броссе и Баратовскій тутъ прибавляютъ: „отъ жингрельцевъ (?)“. Корониконъ соответствуетъ 826 году по Р. Х.

слѣдующаго за нимъ Баграта (эти двое уже были у него тогда, когда онъ прибылъ въ Шавшетъ-Кларджетскую область) и младшаго Гуарамы, который родился послѣ прибытія его въ Артануджъ. Послѣ смерти Ашота, дѣти его, такъ какъ были малолѣтніе, лишились всѣхъ внѣшнихъ земель своихъ, которыя у нихъ отняли сарацины. Когда же они стали совершеннолѣтними, Богъ снова далъ имъ все отцовское владѣніе. Въ малолѣтствѣ своемъ дѣти Ашота росли въ Артануджской крѣпости, и всѣ ущелья Шавшета, Кларджета и Нигала платили дань сарацинамъ ¹⁾. Потомъ они завладѣли

¹⁾ Часть Исторіи Сумбата, начиная отъ словъ: „и стали они преслѣдовать Ашота куропалата“ (стр. 139) до этого мѣста внесена во всѣ списки К. Ц. Вахтанговской Редакціи съ тѣми незначительными вариантами, какіе нами указаны въ примѣчаніяхъ, но въ спискѣ царицы Маріи, въ Исторіи Сумбата, этого длиннаго разсказа нѣтъ. Въ спискѣ Маріи объ Ашотѣ сказано только слѣдующее: „Послѣ смерти Адарнаса Богъ возвеличилъ царствованіе Ашота куропалата, и онъ овладѣлъ Картліею въ своихъ границахъ, ибо въ то время Маслама вступилъ въ Грецію, но вернулся назадъ обезсиленный и измученный (въ изд. Броссе осрамленный). Тогда царь греческій помазалъ Ашоту ~~титулъ~~ куропалата. Сарацины были обезсмыслены, и Ашотъ куропалатъ усмился. Между тѣмъ въ Тифлисѣ никого не осталось изъ сарацинъ, кромѣ Али, сына Шуаба. Григоръ же былъ итаваромъ въ Кахетіи. Въ то время (изданіе Броссе прибавляетъ: въ слѣдующемъ году) Ашотъ куропалатъ выступилъ въ походъ. На помощь ему явился Феодосій, царь анкаскій, сынъ Леона II, который былъ зятемъ Ашота куропалата. Изъ Кахетіи прибылъ Григоръ, которому помогали итвалцы (горцы), царицы и тифлисскій эмиръ. Ашотъ и Григоръ сразились на р. Ксани, но Григоръ, итаваръ Кахетіи, былъ обращенъ въ бѣгство и лишился земель, раньше отошедшихъ ему отъ Картліи, а Ашотъ овладѣлъ страной, начиная отъ Кларджета до р. Ксани. Послѣ этого пришелъ Халилъ, сынъ Изида, изъ Аравіи и повернулъ Сохитію, Картлію и Эретію. Ашотъ куропалатъ заперся въ царицѣ въ Гардабанѣ, гдѣ его зарѣзали мечомъ, и кровь его, такъ пролитая, видна и понынѣ, какъ свѣжая. Сарацины же овладѣли Картліею (см. Спискомъ царицы Маріи, мое изданіе, стр. 219—220). Эти свѣдѣнія имѣются и въ спискахъ К. Ц. Вахтанговской Редакціи,

всѣмъ тѣмъ, чѣмъ владѣлъ ихъ отецъ по сю сторону Артануджи; Баграта поставили куропалатомъ, и Богъ далъ успѣхъ владычеству ихъ ¹⁾).

21. А у Адарнаса, старшаго ихъ брата, сына Ашота, было три сына: Гургенъ, котораго при старости лѣтъ поставили куропалатомъ, и братья его Ашоть-Кекела и Сумбатъ Артануджскій; послѣдняго во время его правленія сдѣлали антипатосъ-патриккомъ.

22. Багратъ куропалатъ имѣлъ трехъ сыновей: Давида, который послѣ своего отца былъ поставленъ куропалатомъ, Адарнаса и Ашота.

23. А у Гуарама, младшаго сына Ашота, было два сына: Насръ и Ашоть. Ашоть-Кекела, сынъ Адарнаса, умеръ въ корониконъ 87—867 и оставилъ Гургена, котораго впоследствии поставили куропалатомъ, и Сумбата Артануджскаго, антипатрика ²⁾).

24. Ашоть, сынъ мампала Гуарама, умеръ раньше своего отца, въ корониконъ 89—869, и не оставилъ сына.

25. Адарнасе, сынъ Баграта куропалата, умеръ въ корониконъ 94—874, при жизни отца своего, и не оставилъ

но они тамъ не совсѣмъ кстати переиѣнаны съ текстомъ Исторіи Сумбата (см. Н. Г. р. 260—261), ибо Исторія Сумбата совсѣмъ не упоминаетъ похода Масламы въ Грецію и не приурочиваетъ жизнь Ашота къ этому времени, какъ это мы видимъ въ текстѣ К. Ц. Между тѣмъ известно, что Маслама вступилъ въ Грецію въ 717—718 гг., а Ашоть куропалатъ умеръ въ 826 году. Въ данномъ случаѣ въ анахронизмъ впадаетъ К. Ц., а не Сумбатъ.

¹⁾ Конецъ этого параграфа отъ словъ: „потомъ они“ до этого мѣста нѣтъ только въ Т., въ другихъ спискахъ К. Ц. Вахтанговской Редакціи въ этомъ видѣ и въ данномъ мѣстѣ отрывокъ этотъ не встрѣчается. Итакъ, въ списокъ Т. рассказъ нашъ цѣликомъ можно прослѣдить, начиная отъ словъ: „Что касается Ашота куропалата“ (пар. 16) до этого мѣста (л. рукописи 123 recto—125 recto).

²⁾ Этого слова нѣтъ въ Т.

сына. Отецъ его куропалатъ Багратъ, сынъ куропалата Ашота, умеръ въ корониконъ 96—876 и оставилъ сына Давида, котораго послѣ него сдѣлали куропалатомъ; онъ былъ убитъ рукою сына дяди своего ¹⁾ Насра, сына Гуарама, при жизни же Гуарама, въ корониконъ 101—881 ²⁾. Но Гуарамъ мампалъ, дядя его, отецъ Насра, не былъ причастенъ къ крови куропалата Давида. Убитый Давидъ оставилъ молодого сына Адарнаса, еще юнаго лѣтами. Насръ же, убійца, бѣжалъ въ царственный *тоходъ* Константинополь и оставался тамъ много лѣтъ.

26. Послѣ этого поставили куропалатомъ Гургена, сына Адарнаса, сына куропалата Ашота Великаго.

27. Умеръ Гуарамъ мампалъ, сынъ Ашота Великаго, отецъ Насра, въ корониконъ 102—882.

28. И умеръ ³⁾ ~~тоходъ~~, сынъ куропалата Баграта, въ корониконъ 105—885 ³⁾.

29. Послѣ этого Насръ вышелъ изъ царства *греческаго* и пришелъ въ Абхазію. Абхазскимъ царемъ былъ тогда Ба-

¹⁾ Какъ въ нашемъ оригиналѣ такъ и въ Теймуразовскомъ спискѣ въ данномъ мѣстѣ написано, очередно, по ошибкѣ: рукою сына брата своего.

²⁾ Въ данномъ мѣстѣ въ нашемъ оригиналѣ прибавлено: *ბუჯჯჯაბა*: *ბაბა*: *ბუჯჯჯაბა*, чего нѣтъ въ Т. Последнее слово *ბუჯჯჯაბა*, вѣроятно, есть ошибочная передача *ბუჯჯჯაბა*. Тогда вся фраза составитъ повтореніе предыдущей фразы: при жизни же Гуарама.

³⁾ Въ спискахъ Е.-Ц. Вахтанговской редакціи, вромѣ Теймуразовскаго, свѣдѣнія пяти послѣднихъ параграфовъ представлены въ такомъ видѣ:

Умеръ Адарнасе, братъ Гуарама и сынъ куропалата Ашота.

Умеръ куропалатъ Багратъ, братъ этого Адарнаса, въ корониконъ 96—876, и оставилъ трехъ сыновей: Давида, Ашота и Адарнаса.

Умеръ этотъ Адарнасе въ корониконъ 94—874.

Умеръ Ашотъ, братъ этого Адарнаса и сынъ куропалата Баграта, въ корониконъ 105—885 (см. К. Ц. 191. Н. Г. 269).

грать, сынъ сестры Насра, и царь абхазскій помогъ ему большимъ войскомъ. Оттуда Насръ перешелъ въ Самцхе, *гдѣ* собралъ другое, болѣе многочисленное войско. Между тѣмъ Адарнасе, сынъ убитаго куропалата, вышелъ противъ него на сраженіе. На помощь Адарнасу пришли куропалатъ Гургенъ и его сыновья. Они дали большое сраженіе и битву Насру, и Богъ помогъ немногочисленнымъ сторонникамъ Адарнаса: они побѣдили Насра, обратили его въ бѣгство; *потомъ* поймали и убили его въ долинѣ Самцхійской ¹⁾, въ деревнѣ Аспиндзѣ ²⁾, въ корониконъ 108—888. Насръ не оставилъ сына, и память объ немъ совершенно изгладилась.

30. Адарнасе, сынъ убитаго куропалата Давида, былъ поставленъ царемъ грузинами. Этотъ Адарнасе, сынъ убитаго Давида, построилъ Бану рукою Кв. ^{Мѣ}же Банели, который былъ сдѣланъ первымъ епископомъ Баны ³⁾.

31. Мампалъ Сумбатъ Артануджскій, сынъ Адарнаса, сына Ашота Великаго, умеръ въ корониконъ 109—889, и оставилъ двухъ сыновей: Баграта Артануджскаго мампала [и Давида мампала] ⁴⁾. Еще при жизни Сумбата Артануджскаго

¹⁾ Въ нашемъ оригиналѣ по ошибкѣ: Мухетской, въ Т.: Самцхійской.

²⁾ Въ Т.: въ деревнѣ, которая называется Аспиндзой.

Аспиндза, извѣстная по геройской побѣдѣ Ираклія II надъ полчищами лезгинъ въ 1784 году, дѣйствительно находится въ Самцхійской области.

³⁾ Бана—обширный монастырь великолѣпной архитектуры въ бассейнѣ р. Чороха, въ Ольгинскомъ округѣ, въ деревнѣ, нынѣ носящей названіе Пенякъ. Монастырь теперь въ развалинахъ.

⁴⁾ Слова, заключенныя въ прямыхъ скобкахъ, мы добавляемъ изъ Теймуразовскаго списка, въ которомъ сказано: и оставилъ двухъ сыновей: Баграта мампала и Давида мампала.

Константинъ Порфирогеннетъ въ своемъ трудѣ De administrando imperio упоминаетъ о нѣкоторыхъ Багратадахъ Тао, начиная отъ Сумбата (Σουμβάτιος) Артануджскаго, но отца послѣдняго онъ не называ-

Насръ былъ убитъ ¹⁾, и землями его завладѣли другіе мтавары. Между тѣмъ куропалать Гургенъ изъ своего владѣнія Тао-Калмаха перешелъ на житье въ Шавшетъ и Артанъ. Послѣ этого стали врагами другъ друга и собрали войска другъ противъ друга, съ одной стороны, куропалать Гургенъ и его, народъ, съ другой стороны, Адарнасе, царь грузинскій, и Багратъ Артануджскій. Они сошлись въ Артанскомъ ушелѣ, въ деревнѣ Мглинави, и сразились тамъ другъ съ другомъ. Куропалать Гургенъ былъ обращенъ въ бѣгство [раненъ и взятъ въ плѣнъ; и умеръ] ²⁾, куропалать Гургенъ, сынъ Адарнаса, сына Ашота Великаго, отъ раны въ корониконъ 111—891, оставивъ двухъ сыновей: Адарнаса [и Ашота] эристава эриставовъ ³⁾.

32. *Адарнасе умеръ* послѣ смерти отца своего куропалата Гургена, въ корониконъ 116—896, и оставилъ двухъ маленькихъ сыновей: Давида, эристава эриставовъ, и Гургена, который впоследствии былъ великимъ эриставомъ эриставовъ.

еть. По Константану, у Сумбата было три сына: магистръ Багратъ, который женился на своей двоюродной сестрѣ, Давидъ Великій, который также былъ женатъ на своей двоюродной сестрѣ, и Мампаль (Mampal), т. е. Святѣйшій. Мампаль однако не есть собственное имя, а титулъ, который носили тао-кларджетскіе Багратиды того времени, и вовсе не означаетъ Святѣйшій. Мампаль მამულა происходитъ отъ грузинскихъ словъ მამე უფალი—отецъ господинъ, равно какъ и დედოფალი (дедопали)—царица отъ დედა უფალი—мать госпожа. Поэтому правъ Броссе, когда вноситъ поправку, что союзъ „и“ тутъ надо выбросить и слово Мампаль отнести какъ титулъ къ Давиду (Brosset. Additions, p. 148, n. 2 et p. 154. См. также у Гама, Извѣстія древнихъ греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ, ч. II, стр. 8).

¹⁾ Въ Т.: когда Насръ былъ убитъ.

²⁾ Слова, заключенныя въ скобкахъ, добавлены изъ Т.

³⁾ Т.: „Адарнаса и Ашота, котораго потомъ поставили эриставомъ эриставовъ“. Свѣдѣнія трехъ послѣднихъ параграфовъ внесены во всѣ списки К.-Ц. Вахтангской редакціи (см. Б. Ц. 194—195. Н. Г. 173—174) и перемѣшаны со свѣдѣніями первоначальнаго текста.

33. И умеръ мампалъ Баграць Артануджскій, сынъ Сумбата, въ корониконъ 129—909, мѣсяца апрѣля 20-го, въ день Пасхи¹⁾, и оставилъ четырехъ сыновей: Адарнаса, который сдѣлался монахомъ и названъ былъ Василюемъ, эристава Гургена, Ашота и Давида²⁾.

34. Эристава Давидъ, сынъ мампала Баграта Артануджскаго, сына Адарнаса, братъ куропалата Гургена (Великаго Гургена)³⁾, умеръ въ корониконъ 128—908, не оставивъ сына.

35. Ашоть, эристава эриставовъ, сынъ куропалата Гургена, по прозванію Кухъ, построилъ Тбетъ въ Шавшетѣ, снабдилъ его всѣмъ необходимымъ и, по указанію Духа Святого, оставилъ въ немъ первымъ епископомъ блажен-

¹⁾ Въ 909 г. Пасха приходилась, по вычисленіямъ Броссе, на 16 апрѣля.

Въ этомъ параграфѣ нарушена хронологическая послѣдовательность событій, ибо ниже указавъ фактъ 908 года. По этой причинѣ, а также въ виду того, что Пасха 20 апрѣля приходилась въ 906 г., О. Жорданія полагаетъ, что смерть Баграта Артануджскаго послѣдовала въ 906, а не въ 909 году (О. Жорданія. Хроника и друг. мат. на груз. яз. т. 1, стр. 83—84).

²⁾ Константинъ Порфирогеннетъ уже въ цитованномъ нами сочиненіи не упоминаетъ о Давидѣ, хотя трехъ другихъ братьевъ называетъ въ числѣ сыновей Баграта. По Константину, у Баграта была еще дочь, которая вышла замужъ за своего двоюроднаго брата (Сумбата, сына Давида Великаго. Изъ сыновей Баграта, по Константину, куропалатъ Адарнасе (Αδρηνάστρ) женился на дочери Давида, своей двоюродной сестрѣ, магистръ Гургенъ (Κοορμένιος) женился на дочери Ашота Кискаса, своей племянницѣ, патрицій Ашоть Кискасъ (Ἀσώτιος Κισκάστης) женился на сестрѣ Георгія, царя абхазскаго (Additions, p. 154, Гана, Извѣстія... II, стр. 8).

³⁾ Отецъ эристава Давида, мампалъ Баграць Артануджскій, какъ видно изъ предыдущаго параграфа, былъ сынъ Сумбата Артануджскаго, а не Адарнаса. Въ этомъ смыслѣ тутъ, по нашему мнѣнію, допущена ошибка.

яго Стефана. Названный Ашотъ Кухъ умеръ въ корониконъ 138—918, не оставивъ сына. Послѣ него поставили эриставомъ эриставовъ Гургена, сына его брата Адарнаса.

36. Давидъ, сынъ Баграта Артануджскаго, умеръ въ корониконъ 142—922 ¹⁾, оставивъ сына въ утробѣ жены своей, который былъ названъ Баграгомъ.

37. Адарнасе, царь грузинскій, сынъ убитаго Давида, умеръ въ корониконъ 143—923, оставивъ чегырехъ сыновей: Давида, который послѣ отца своего сдѣлался грузинскимъ царемъ, куропалата Ашота, магистра Баграта и Сумбата, котораго послѣ его братьевъ поставили куропалатомъ.

38. [Гургонъ] ²⁾ эриставъ, сынъ Баграта Артануджскаго, умеръ въ корониконъ 143—923, въ тотъ же годъ, въ который умеръ царь грузинскій Адарнасе. Этотъ Гургонъ оставилъ въ утробѣ жены своей сына, котораго назвали Гургеномъ же, именемъ отца его ³⁾

39. Умеръ Давидъ, царь грузинскій, сынъ грузинскаго ⁴⁾ царя Адарнаса, въ корониконъ 157—937, не оставивъ сына.

40. Умеръ Ашотъ, сынъ Баграта Артануджскаго, въ корониконъ 159—939, мѣсяца іюня, не оставивъ сына ⁵⁾.

41. Умеръ Гургонъ Великій, эриставъ эриставовъ, сынъ Адарнаса, который больше всѣхъ своихъ предковъ отличался храбростью и воинственностью и подчинилъ себѣ всѣхъ

¹⁾ Списки Вахтанговской редакціи К. Ц., кроме Теймуразовскаго, смерть Давида относятъ къ 908 году (см. ниже, стр. 152, прим.)

²⁾ Это слово добавлено нами изъ Т.

³⁾ По Константину, Гургонъ не оставилъ потомка.

⁴⁾ Этого слова нѣтъ въ Т.

⁵⁾ Упоминаемый въ этомъ параграфѣ Ашотъ тотъ самый, который извѣстенъ у Константина подъ названіемъ Кисаса, вѣроятно отъ грузинскаго слова ჯივალა живой, дѣятельный, храбрый (См. Additions p. 164, п. 5). Однако, по Константину, Ашотъ оставилъ потомство въ лицѣ дочери, жены магистра Гургена.

своихъ сосѣдей, въ корониконъ 161—941, мѣсяца февраля 14-го, не оставивъ сына.

42. Мампаль Давидъ, сынъ Сумбата Артануджскаго, умеръ въ монашествѣ, въ корониконъ 163—943, мѣсяца февраля 20-го, и оставилъ сына своего Сумбата, котораго сдѣлали эриставомъ эриставовъ.

43. Магистросъ Багратъ, сынъ Адарнаса, царя грузинскаго, умеръ въ корониконъ 165—945, мѣсяца марта, и оставилъ сына Адарнаса, который послѣ отца своего сдѣлался магистросомъ, а послѣ дядей своихъ по отцу—куропалатомъ. Въ тотъ же годъ, т. е. въ годъ смерти магистроса Баграта, умеръ монахъ Василій Кларджъ ¹⁾, сынъ мампала Баграта.

44. Умеръ куропалатъ Ашотъ, сынъ Адарнаса, царя грузинскаго, въ корониконъ 174 ²⁾,—954, не оставивъ сына. Въ этотъ же годъ умеръ Ашотъ, сынъ Сумбата, не оставивъ сына ³⁾.

45. Послѣ куропалата Ашота поставили куропалатомъ Сумбата. Этотъ куропалатъ Сумбатъ, сынъ Адарнаса, царя грузинскаго, умеръ въ корониконъ 178—958, оставивъ двухъ сыновей: Баграта Регвени ⁴⁾, эристава эриставовъ, котораго поставили царемъ грузинскимъ, и куропалата Адарнаса.

46. Умеръ сынъ магистроса Баграта [Адарнасе] въ корониконъ 181—961. Его поймали его же сыновья и постригли въ монахи. Онъ умеръ, насильно облаченный въ рубище, и оставилъ сыновей: Баграта и Давида, эристава эриставовъ.

¹⁾ Василій Кларджъ въ мирѣ носилъ названіе Адарнаса (см. стр. 148). По Константину, у него было четыре сына: куропалатъ Ашотъ (Асотій), магистросъ Давидъ, магистросъ Багратъ (Панкратій) и четвертый сынъ, имя котораго не упоминается (см. Additions, стр. 154).

²⁾ Тутъ какъ въ нашемъ оригиналѣ такъ и въ Т. отъ смѣшенія О₁ (о) съ О₂ (у) написано: ჟამბაზამბა „ზრდ“, вмѣсто „ზრდ“. Такая же очевидная ошибка повторяется ниже подъ 948 годомъ.

³⁾ Неизвѣстно, о какомъ Ашотѣ и Сумбатѣ тутъ идетъ рѣчь.

⁴⁾ Регвени значитъ молодой, неопытный, глупый.

47. Умеръ этотъ Багратъ, эриставъ эриставовъ, сынъ куропалата Адарнаса, въ корониконъ 186—966, и братъ ¹⁾ его куропалатъ Давидъ сдѣлался великимъ ²⁾).

48. Умеръ Гургенъ, сынъ Гургена, сына мампала Баграта, въ корониконъ 188—968.

49. Умеръ Адарнасе, сынъ куропалата Сумбата, братъ Баграта Регвени, въ корониконъ 203—983, и оставилъ молодого сына Давида.

50. Умеръ Сумбатъ Артануджскій, эриставъ эриставовъ, человекъ справедливый, сынъ мампала Давида, въ корониконъ 208—988, и оставилъ двухъ сыновей: Давида и Баграта. Въ сороковой день послѣ его смерти умеръ сынъ его Багратъ, оставивъ двухъ сыновей: Сумбата и Гургена ³⁾).

¹⁾ Въ нашемъ оригиналѣ по ошибкѣ написано: сынъ, вмѣсто брата. Въ Т. правильно написано: братъ.

²⁾ Списки Вахтанговской редакціи К. Ц., кроме Теймуразовскаго, смерть упомянутого въ этомъ параграфѣ Баграта относятъ къ 969-ому году, а брата его Давида къ 966-ому (см. ниже, стр. 153, прим.), но, очевидно, тутъ въ Вах. ред. по ошибкѣ переставлены года, ибо, судя по нашему тексту, Давидъ жилъ еще послѣ смерти Баграта и получилъ титулъ великаго куропалата.

³⁾ Свѣдѣнія относительно большинства указанныхъ эриставовъ, начиная отъ 23 §, внесены во всѣ списки К.Ц. Вахтанговской редакціи, но безъ хронологической послѣдовательности. Вотъ эти свѣдѣнія:

„Къ тому времени Насръ, сынъ мампала Гуарамы, заманилъ куропалата Давида, сына Баграта, сына дяди своего по отцу, и убилъ его въ корониконъ 101—881. Послѣдній оставилъ сына Адарнаса, который сдѣлался царемъ послѣ отца своего.

А Ашотъ Кекела, сынъ Адарнаса, сына Ашота Великаго, умеръ въ корониконъ 87—867.

Сумбатъ Артануджскій, мампалъ, братъ Ашота Кекелы и сынъ Адарнаса, сына Ашота Великаго, умеръ въ корониконъ 109—889.

Умеръ сынъ этого Сумбата, мампалъ Давидъ, сдѣлавшійся монахомъ, въ корониконъ 163—943.

Умеръ Сумбатъ, эриставъ эриставовъ, сынъ мампала Давида, мо-

51. Умеръ Сумбатъ, сынъ Баграта Реввени, царя грузинскаго, въ корониконъ 212—992, и не было у него сына.

наха, въ корониконъ 208—988 (въ Баратовскомъ спискѣ, отъ смѣшенія буквъ хуцурѣ Ϟ и ϟ , показанъ 230 корониконъ, т. е. 1010 г.) и оставилъ двухъ сыновей: Давида и Баграта.

Умеръ этотъ Баграть, сынъ Сумбата и братъ Давида, въ корониконъ 208—988 (въ Мингрельскомъ спискѣ опять 230 корониконъ), въ тотъ же годъ, въ который умеръ отецъ его Сумбатъ, оставивъ двухъ сыновей: Гургена и Сумбата. А Гургенъ оставилъ одного сына, по имени Дехетре; и Сумбатъ оставилъ тоже одного сына, по имени Баграта.

Умеръ куропалатъ Гургенъ, братъ мампала Сумбата Артануджскаго и сынъ Адарнаса, сына Ашота Великаго, въ корониконъ 111—891.

Умеръ Ашотъ Кухъ, который построилъ Тбегъ, каедрю епископа, сынъ названнаго куропалата Гургена, въ корониконъ 138—918.

Умеръ Адарнасе, эристанъ эристановъ, сынъ куропалата Гургена, братъ Ашота Куха, въ корониконъ 116—896, оставивъ двухъ сыновей: Давида, эристава эристановъ, и Гургена, эристава эристановъ.

Умеръ этотъ Гургенъ, эриставъ эристановъ, братъ Давида, эристава эристановъ, въ корониконъ 161—941.

Умеръ мампалъ Баграть Артануджскій, сынъ мампала-антипата Сумбата Артануджскаго, сына Адарнаса, и братъ мампала Давида, сдѣлавшагося монахомъ, въ корониконъ 129—909.

Умеръ Адарнасе, сдѣлавшійся монахомъ подъ именемъ Василя, сынъ названнаго мампала Баграта Артануджскаго, въ корониконъ 165—945.

Умеръ Ашотъ, братъ Адарнаса, сдѣлавшагося монахомъ, и сынъ мампала Баграта Артануджскаго, въ корониконъ 159—939.

Умеръ Давидъ, эристанъ эристановъ, сынъ мампала Баграта Артануджскаго, братъ Адарнаса, въ монашествѣ Василя, въ корониконъ 128—908.

Умеръ эриставъ Гургенъ, братъ названнаго Давида, эристава эристановъ, въ корониконъ 143—923.

Умеръ Гургенъ, сынъ названнаго эристава Гургена, сына мампала Баграта Артануджскаго, (въ корониконъ) 188—968“ (см. К. Ц. 192—193. Н. Г. р. 271—272).

Далѣе свѣдѣнія о тао-кларджетскихъ Багратидахъ продолжены въ другомъ мѣстѣ въ такомъ видѣ:

52. Умеръ Давидъ, сынъ Сумбата, эристава эриста-

„Георгій, царь абхазскій, отдалъ Бартаію старшему своему сыну Константину, ибо тогда уже не было въ живыхъ царя Адарнаса, который умеръ въ корониконъ 143—923.

И умеръ сынъ этого царя Адарнаса, куроपालъ Ашотъ, въ корониконъ 174—954.

Умеръ братъ этого куроपालата Ашота, царь Давидъ, въ корониконъ 157—937.

Умеръ братъ ихъ и сынъ царя Адарнаса, Багратъ, магистрось-куроपालъ, въ корониконъ 165—945.

Умеръ сынъ этого Баграта, куроपालъ Адарнасе, въ корониконъ 181—961.

Умеръ Багратъ, сынъ этого куроपालата Адарнаса, въ корониконъ 189—969.

Умеръ магистрось Давидъ (этого слова нѣтъ въ спискѣ Церковнаго музея), эриставъ эриставовъ, братъ названнаго Баграта, въ корониконъ 186—966“ (К. Ц. 197. Н. Г. 280).

Оканчиваются свѣдѣнія о тао-кларджетскихъ Багратидахъ слѣдующимъ:

„Умеръ Сумбатъ, царь-куроपालъ, сынъ царя Адарнаса и братъ царя Давида, въ корониконъ 178—958 (въ Баратовскомъ спискѣ 177 корониконъ), оставивъ двухъ сыновей: Баграта, или Давида (последнихъ двухъ словъ нѣтъ ни въ одномъ варіантѣ, кромѣ изданія Броссе) Регвени, который сдѣлался царемъ послѣ отца своего, и куроपालата Адарнаса.

Умеръ этотъ куроपालъ Адарнасе въ корониконъ 203—983.

Умеръ сынъ этого Адарнаса, Давидъ Великій, куроपालъ, исполненный добродѣтелей (исторія котораго будетъ ясна въ нижеприведенномъ разсказѣ) въ корониконъ 221—1001.

Умеръ дядя по отцу этого куроपालата Давида и сынъ Сумбата, царя-куроपालата, царь Багратъ Регвени, въ корониконъ 214—994.

Умеръ сынъ этого царя, Баграта Регвени, Сумбатъ, въ корониконъ 212—992, не оставивъ сына“ (К. Ц. 201. Н. Г. 280).

Всѣ эти свѣдѣнія въ такомъ видѣ внесены во всѣ списки К.-Ц. Вахтанговской редакціи и вклеены, какъ видимъ, въ безпорядкѣ въ первоначальный текстъ К. Ц. Въ Теймуразовскомъ варіантѣ въ указанныхъ мѣстахъ ихъ нѣтъ, потому что этотъ списокъ отдѣльно даетъ въ

вовъ, человекѣ великаго ¹⁾ и справедливаго ²⁾).

53. Умеръ Багратъ Регвени, царь грузинскій, сынъ благо-
словеннаго куропалата Сумбата, въ корониконъ 214—994, и
оставилъ сына первенца Гургена, котораго назвали царемъ
царей. У этого Гургена былъ сынъ Багратъ, племянникъ по
матери царей абхазскихъ, Деметрїя и Θεодосїя. До воцаре-
нїя Гургена этотъ Багратъ былъ сдѣланъ царемъ въ Абхазїи.
Поэтому Гургенъ [былъ названъ] царемъ царей ³⁾).

54. Умеръ Давидъ Великій, куропалатъ, сынъ куропалата
Адарнаса, въ корониконъ 221—1001, не оставивъ сына ⁴⁾, и

другомъ мѣстѣ цѣльную выписку, почти во всемъ согласную съ Исто-
ріей Сумбата, о тѣхъ же тѣло-кларджетскихъ Багратадахъ.

¹⁾ Въ оригиналѣ ზიდებულს, вмѣсто დიდებულს. Этого слова
нѣтъ въ Т.

²⁾ Въ Т., вмѣсто четырехъ послѣднихъ словъ, сказано: человекѣ спра-
ведливый. Тутъ корониконъ не указанъ; нужно полагать, что это событие
относится къ предыдущему короникону, т. е. 992 году или 993-му.

³⁾ Начиная отъ словъ: „а у Адарнаса, старшаго изъ сына“ (стр.
144, пар. 21), до этого мѣста текстъ Исторїи Сумбата внесенъ въ Тей-
муразовскій списокъ Карлисѣ-Цховреба (лл. рукописи 136 verso—137
verso).

⁴⁾ Куропалатъ Давидъ, правда, не оставилъ сына, но имъ былъ
усыновленъ Багратъ III, сынъ своего племянника Гургена. Багратъ еще
при жизни Давида сдѣлался царемъ въ Абхазїи въ 979 г., а въ 985 г.
занялъ престолъ Карталинїи. Такимъ образомъ въ лицѣ Баграта послѣ
смерти Давида объединились въ одно царство Абхазїя, Карталинїя и
Тао (Н. Г. I, р. 287, 294). Исторїя Сумбата не упоминаетъ объ
услугѣ, оказанной куропалатомъ Давидомъ царю Василю, въ борьбѣ
его противъ бунтовщика Варда Склира, о которой армянскїи историки
Асохикъ рассказываетъ слѣдующее: „Когда воцарился въ 425—976 году
Василїй [II Булароктонъ], какъ мы выше сказали, Вардъ, по прозванїю
Склерось, отложившись, сталъ царствовать въ джавахской и мелитинской
странахъ. Вардъ былъ мужъ храбрый и свѣдущїй въ военномъ дѣлѣ.
Склонивъ на свою сторону армянскую конницу, бывшую въ Грециї, онъ
раздѣлил греческое царство на двѣ части, прошелъ до Виеннїи, не переставая
воевать съ царемъ Василюемъ въ продолженїе 4 лѣтъ и обратилъ кровью

область Тѣо по ту сторону была опустошена, ибо пришелъ Ва-

всю страну. Царь Василій, собравъ [съ своей стороны] войска византійскія, арагійскія и македонскія со всеми западными народами, отправилъ ихъ противъ тирана Варда. Вардъ пошелъ противъ нихъ войною; армянское войско сражалось мужественно; сыновья князя таронскаго— Григоръ и Багаратъ, и князь мокскій Априякъ, нанесли ужасъ на греческое воинство, которое, приведенное въ смятеніе какъ бы вихремъ, частью погвбло подъ ихъ мечами, частью же было захвачено. Въ этомъ сраженіи былъ убитъ [греческій] полководецъ, евануъ Петраносъ (вѣроятно Петръ Фоа, по заимчанію переводчика). Но Вардъ смалился надъ остальными, какъ надъ христіанами, и даровалъ имъ жизнь. Такииъ образомъ не въ двухъ, не въ трехъ, не во многихъ сраженіяхъ они одержали верхъ надъ западною арміею, и война распространилась по всей Греціи такъ, что деревня съ деревней и городъ съ городомъ вели бой, и кровь проливалась всюду. Жестокій голодъ распространился по всему царству; съ каждымъ днемъ число труповъ увеличивалось на дорогахъ и на площадяхъ; оставшіеся въ живыхъ внушали болѣе жалости, нежели умершіе, и хадные воики, привыкшіе къ трупамъ, терзали даже живыхъ...

Послѣ всѣхъ этихъ событій царь греческій Василій, вызвавъ полководца Торника, родомъ иверійца, монашествовавшаго на Святой горѣ, отправилъ его къ куропалату тайкскому, Давиду, съ предложеніемъ уступить послѣднему Хахто-яритчъ съ Келе-Сиріею, Чормайри и Каринъ, Басенъ и вѣрпостцу Севукъ въ Мардахи, Харкъ и Алахуникъ—, что и уступилъ въ самомъ дѣлѣ, —если Давидъ пришлетъ ему на помощь войско. Куропалатъ Давидъ, собравъ иверійскія войска подъ начальство князя князей Джоджика, отправилъ съ Торникомъ на войну противъ тирана Варда. Начиная съ земли таронской, они начали опустошать страну греческую, подвластную тирану. Царь [Василій], освободивъ изъ темницы Варда, названнаго также Фокой, сосланнаго кяръ-Жаномъ на островъ, далъ ему всю западную армію греческую и вмѣстѣ съ иверійскими войсками отправилъ противъ тирана Варда съ двумя лагерями. Тиранъ вступилъ въ бой съ однимъ изъ этихъ лагерей и уже обратилъ было его въ бѣгство, какъ подоспѣлъ другой лагерь и снова завязался бой. Тиранъ Вардъ, устрешенный этимъ, обратился въ бѣгство. Вышедъ изъ Греціи, онъ пошелъ за помощью къ эмиру багдадскому Иби-Хосрову“... (Всеобщая Исторія Степаноса Таронскаго, Асехика по прозванію, писателя XI столѣтія, переводъ Н. Эмина. Москва 1864, стр. 133—134).

силій, царь греческій, и азнауры Давида отдали ему крѣпости. Царь Василій покорилъ владѣніе куропалата Давида, и пред-

Разсказа о пораженіи Склероса при помощи грузинскаго войска нѣтъ не только въ Исторіи Сумбата, но и въ К.-Ц. списка царицы Марш. То, что объ этомъ приведено въ изданіи Броссе по списку царевича Теймураза (см. Н. Г. Р. 293. К.-Ц. стр. 206), взято изъ Житія грузинскихъ святыхъ Евимія и Георгія и внесено въ К.-Ц., по нашему мнѣнію, Вахтанговской редакціей. Изъ упомянутого разсказа между прочимъ узнаемъ, что Василій далъ Давиду „Верхнія области Грціи“, т. е. области греческой Арменіи, пожизненно, а не потомственно. Нежеланіе разстаться съ этими областями не разъ вызывало войны между преемниками куропалата Давида и греческими императорами. Впрочемъ изъ другихъ источниковъ мы узнаемъ, что когда послѣ пораженія Склероса побѣдитель послѣдняго, Варда Фока, возмущался противъ Василія, то Давидъ помогъ Фокѣ войскою, чѣмъ вызвалъ противъ себя неудовольствіе Василія. Чтобы загладить свою ошибку, куропалатъ Давидъ, какъ передаютъ, на случай своей смерти, завѣщалъ свое владѣніе царю Василію. Довольно подробныя свѣдѣнія объ этомъ мы находимъ у антиохійскаго историка Яхъя. Упомянувъ о побѣдѣ Василія надъ Фокою съ помощью русскихъ войскъ при Хрисополсѣ глѣтомъ 988 года, Яхъя продолжаетъ:

„И побѣдили они (русскіе и греки) Фоку и завладѣлъ царь Василій приморскою областью, захвативъ всѣ суда, которыя были въ рукахъ Фоки. И уже послалъ царь Василій, послѣ того какъ войска Фоки расположились въ окрестностяхъ города Константинополя и завладѣли областью востока, магистра Таронита моремъ въ Трeбизондѣ. И собралъ онъ людей и направился къ берегу Евфрата. И послалъ Варда Фока своего сына Никифора кривого къ Давиду, царю Грузин, владѣтелю города ал-Тай (читай Тайской области), чтобы просить у него помощи противъ Таронита. И отправилъ Давидъ съ нимъ одного своего раба съ тысячею всадниковъ и пошли съ нимъ также оба сына Бакрѣта, патриціи, владѣтели ал-Халимдіата, съ тысячею всадниковъ и стѣкнулись съ Таронитомъ и разбили его. И дошла до нихъ въ эту пору вѣсть о побѣдѣ войскъ царя Василія надъ Фокою на морѣ въ Хрисополѣ. И вернулся рабъ Давида грузинскаго со своими людьми и также оба сына Бакрѣта во свояси и оправдывались передъ нимъ тѣмъ, что они уже исполнили то, чего онъ отъ нихъ требовалъ, то есть разбили Таронита. И разбрелось то войско, которое было при Никифорѣ, сынѣ Фоки, и

стали передь нимъ Баграть, царь абхазскій, и отецъ его Гургень. Царь Василій одарилъ въ знакъ почета Гургена титуломъ магистроса, а Баграта титуломъ куропалата ¹⁾. Это лукавое

самъ онъ пошелъ къ своей матери; она же пребывала въ томъ замкѣ, въ которомъ былъ заключенъ Силиръ“. (Извлеченія изъ Летописи Яхъи Антиохійскаго, барона В. Р. Розега, стр. 24). Далѣе о Давидѣ Яхъи повѣствуетъ:

„И гнѣвался царь Василій на Давидѣ, царя грузинъ, владѣтеля ал-Тайя, и на двухъ сыновей Баграта, владѣтелей ал-Халадѣята, за то, что они помогали Фокѣ, и послалъ войско для войны съ ними подъ начальствомъ одного патриція, именуемаго Джак-русомъ. И пошелъ онъ на сыновей Баграта и убилъ старшаго изъ нихъ и сослалъ младшаго. И просилъ Давидъ, царь грузинъ, у царя Василія прощенія и пощады и обѣщалъ ему повиновеніе и покорность, и что его владѣнія, послѣ его смерти, будутъ присоединены къ его (Василія) государству, такъ какъ онъ самъ дряхлый старикъ и не имѣетъ ни сына ни другихъ наследниковъ, и просилъ царя разрѣшить ему прислать своихъ сановниковъ ко двору его, чтобы царь могъ взять съ нихъ (клятвы) и заручиться обязательствами съ ихъ стороны, что они сдадутъ города по смерти ихъ государя. И понравился образъ дѣйствія его царю Василію, и сдѣлалъ онъ его куропалатомъ и послалъ ему платья съ драгоценными украшениями. И надѣлъ онъ ихъ и велѣлъ въ странѣ своей молиться за царя Василія, и отправилъ каволикоса грузинъ ко двору царя съ многими сановниками государства. И роздалъ имъ царь титулы и оказалъ имъ милости, и возвратились они всѣ къ Давиду“ (ibidem, стр. 27).

По словамъ того же Яхъи, въ 1000 году въ январѣ Василій, назначивъ Никифора Урана правителемъ Антиохіи, самъ отправился въ Тарсусъ и Массеу и въ этихъ областяхъ оставался шесть мѣсяцевъ: „И дошла до него вѣсть, продолжаетъ Яхъи, о смерти Давида куропалата, царя грузинъ, въ городѣ ал-Тай. И пошелъ царь туда и послѣдовалъ за нимъ магистръ, правитель Антиохіи, съ войсками. И принялъ царь всѣ страны грузинъ и назначилъ надъ ними отъ себя правителей изъ грековъ“ (ibid. стр. 41).

¹⁾ Армянскій писатель начала XI вѣка Асохикъ даетъ свѣдѣнія не только согласныя съ свѣдѣніями этого параграфа, но и болѣе подробныя и обстоятельныя. Вотъ что пишетъ Асохикъ:

средство онъ пустилъ въ ходъ для того, чтобы отца и сына сдѣлать врагами другъ друга. Но Гургенъ былъ человѣкъ

„Я считалъ бы долгомъ распространить плачевный свой рассказъ о смерти великаго куропалата Давида, если бъ не побоялся, что это завлечетъ меня далеко, и потому вмѣсто панегирика ограничусь краткими упоминаніями. Кротостью и миролюбивыми нравами онъ превосходилъ всѣхъ государей, живущихъ въ наше время. Онъ былъ вѣковникомъ мира и благоустройства всѣхъ восточныхъ странъ, въ особенности же Арменіи и Иверіи. Онъ прекратилъ войны, безпристрастно со всѣхъ сторонъ возникавшія, восторжествовавъ надъ всѣми окрестными народами, такъ что всѣ государи добровольно покорялись ему. Скончался онъ въ глубокой старости, удрученный лѣтами, въ великій день спасительной Пасхи, въ 449—1000 году. Такъ какъ у него не было ни сына ни брата, который бы могъ наследовать престолъ его владѣнія, поэтому онъ поручилъ своихъ вассаловъ греческому царю Василію, который, получивъ извѣстіе о смерти Давида въ Тарсѣ киликійскомъ, поспѣшилъ прибыть въ страну нашу“.

Указавъ въ дальѣйшемъ рассказѣ подробный маршрутъ Василія, Асохнъ продолжаетъ:

„Направляя далѣе свой путь, царь достигъ горы Хав-тчитча и городъ того же имени, гдѣ онъ былъ встрѣченъ Багаратомъ, царемъ апхазскимъ, и отцомъ его Гургеномъ, царемъ иверійскимъ. Василій, сдѣлавъ великолѣпный приѣмъ апхазскому царю, пожаловалъ его въ достоинство куропалата, а отца его въ магистры—и отпустилъ въ ихъ землю“.

Далѣе Асохнъ передаетъ о слѣдующемъ кровавомъ инцидентѣ, имѣвшемъ мѣсто между иверійскими войсками и русскимъ отрядомъ, сопровождавшимъ Василія:

„Въ самый день отъѣзда послѣдняго (Гургена) въ греческомъ лагерѣ произошла сильная схватка изъ-за ничтожной причины. Князья и вассалы куропалата Давида, прибывшіе туда, стояли недалеко отъ греческаго лагеря. Изъ пѣхотнаго отряда рузовъ (т. е. русовъ) какой-то воинъ несъ сѣно для своей лошади. Подошелъ къ нему одинъ изъ иверійцевъ и отнялъ у него сѣно. Тогда приближалъ къ рузу на помощь другой рузь. Иверіецъ вликнулъ къ своимъ, которые, приближавъ, убили перваго руза. Тогда весь народъ рузовъ, бывшій тамъ, поднялся на бой: ихъ было 6000 человѣкъ пѣшихъ, вооруженныхъ

честный и справедливый ¹⁾), и Василий не могъ возбудить въ сердцѣ его *зависть* ни этимъ лукавствомъ ни другими средствами ²⁾).

коньями и щитами, которыхъ просилъ царь Василий у царя рузовъ въ то время, когда онъ выдалъ сестру свою замужъ за послѣдняго. Въ это же самое время рузы увѣровали во Христа. Всѣ князья и вассалы тайскіе выступали противъ нихъ и были побѣждены. Тутъ погибли: великій князь князей, по имени Патріархъ (должно быть Патрикій), два сына Очопентре—Габріэль и Іоаннесь, Чортванель, внукъ Абу-Харба, и многие другіе, ибо гнѣвъ Божій тяготѣлъ надъ ними за ихъ высокомеріе³⁾.

Затѣмъ, по извѣстіяхъ Асохики, царь Василий отправился въ городъ Ухтинъ, покорилъ подъ власть свою всѣ крѣпости и неприступныя мѣста, давъ ихъ въ руки вѣрнымъ людямъ; остальныхъ же тайскихихъ дворянъ взялъ съ собою, чтобы поселить ихъ въ землѣ греческой, и самъ возвратился черезъ [Каривъ и] Хахтоіаритчъ въ Константинополь⁴⁾ (Всеобщая Исторія Степаноса Таронскаго, Асохики по прозванію, переводъ Н. Эмина, Москва 1864 г., стр. 198—201).

¹⁾ Въ К. Ц.: искренній.

²⁾ Весь этотъ параграфъ внесенъ во всѣ списки К. Ц. Вахтанговской редакціи (см. К. Ц. 209—210. Н. Г. р. 297).

Однако царемъ Василіемъ, судя по Асохику, Гургень остался очень недоволенъ. Вотъ что рассказываетъ объ этомъ Асохики:

„Царь иверійскій Гургень, считая для себя униженіемъ достоинство магистра, пожалованное ему царемъ Василіемъ, какъ человекъ отъ природы ограниченный, отложился отъ него и, со всѣмъ своимъ войскомъ напавъ на тайскую страну, завладѣлъ ею. Осадивъ небольшую крѣпость Ухтинъ, малѣйшаго вреда не могъ причинить не только ей, но и никакой другой крѣпости, и потому стянулъ всѣ свои войска въ Мамруанской долины, гдѣ и расположился лагеремъ. Царь Василий, узнавъ это, приказалъ магистру итти на Гургена, который той же дорогой пришелъ, расположился въ басенскомъ округѣ въ 450 году армянскаго лѣтосчисленія [—1001]. Обѣ [непріятельскія] стороны провели въ этихъ мѣстахъ цѣлый годъ до наступленія зимы. Тогда Каникль вступилъ съ Гургеномъ въ переговоры, говоря, что императоръ согласенъ исполнить его желаніе. Магистръ и Гургень съѣхались на лѣсистомъ горѣ Метцобацъ въ деревнѣ, называемой Сурб-астуатцагцинь [св. Богородица] по имени нахо-

55. Умеръ ¹⁾ этотъ Гургенъ, царь царей, сынъ грузинскаго царя Баграта, въ корониконъ 228—1008 ²⁾, оставивъ упомянутаго сына своего Баграта, царя абхазскаго, великаго куропалата. Багратъ получилъ Тао, владѣнiе свое, и покорилъ подъ свою власть весь Кавказъ отъ Джикетiи до Гурганскаго моря ³⁾; а Адарбадаганъ и Ширванъ онъ обложилъ данью въ качествѣ армянскаго царя. Правя спокойно, онъ мудростью и могуществомъ своимъ персидскаго царя сдѣлалъ другомъ и преданнымъ себѣ болѣе чѣмъ своихъ домочадцевъ. Боялся его также постоянно и царь греческiй ⁴⁾.

56. Этотъ куропалатъ Багратъ пригласилъ къ себѣ на свиданiе въ крѣпости Фанаскертской кларджетскихъ государей, Сумбата и Гургена, сыновей Баграта Артануджскаго, сыновей сестры отца своего ⁵⁾, плѣнилъ ихъ тамъ, срылъ ихъ города ⁶⁾ и крѣпости, ихъ самихъ заточивъ въ Тмогвской крѣпости. И здѣсь, въ Тмогвской крѣпости, умеръ Сумбатъ Артануджскiй въ корониконъ 231—1011. Въ томъ же году умеръ также Гургенъ, братъ Сумбата, въ корониконъ 232—1012.

57. Между тѣмъ сыновья ихъ Багратъ, сынъ Сумбата, и

дащейся въ ней церкви: свидѣвшись другъ съ другомъ, они заключили между собою миръ и разъѣхались каждый въ свою сторону“ (Всеобщая Исторiя Ассiи, стр. 201—202).

¹⁾ Въ К. Ц.: черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого умеръ.

²⁾ Этотъ параграфъ до этого мѣста внесенъ во всѣ списки К.-Ц. Вахтанговской редакци (К. Ц. 210. Н. Г. 297).

³⁾ Въ нашемъ текстѣ по ошибкѣ сказано: до Горангетiи; въ Т. до Гургена. Гургенское море иначе Каспiйское море.

⁴⁾ Этотъ параграфъ отъ словъ: „Багратъ получилъ“ внесенъ во всѣ списки К.-Ц. Вахтанговской редакци (К. Ц. 212. Н. Г. р. 301).

⁵⁾ Этихъ четырехъ словъ нѣтъ въ К. Ц. Значить, Багратъ Артануджскiй (†968) былъ женатъ на дочери Баграта-Регени, сестрѣ Гургена и Сумбата. Впрочемъ въ Т. сказано, вѣроятно по ошибкѣ: кромя сыновей сестры отца.

⁶⁾ Въ нашемъ оригиналѣ: земли.

Деметре, сынъ Гургена, отиравились въ Константинополь, къ царю Василию. Дѣти же ихъ, царей кларджетскихъ, которые остались въ этой странѣ, всё кончили жизнь въ заточеніи ¹⁾).

58. Послѣ этого [царь] Баграть объѣхалъ все свое царство, Абхазію, Эретію, Кахетію, пришелъ и остался зимовать въ ущельяхъ Тао, а съ наступленіемъ весны, на третій годъ, пріѣхалъ въ ту же Фанаскертскую крѣпость и въ ней умеръ этотъ Баграть въ корониконъ 234 — 1014, мѣсяца мая 7, въ день пятницы ²⁾), и оставилъ сына своего Георгія, который сѣлъ царемъ, имѣя 18 лѣтъ отъ роду ³⁾).

59. Между тѣмъ какъ [только] Георгій сѣлъ царемъ, правители ⁴⁾ Эретіи и Кахетіи отложились отъ этой страны, и, благодаря измѣнѣ азнауровъ, эриставы тѣхъ странъ были

¹⁾ Последніе два параграфа внесены во всё списки К. Ц. Вахтанговской редакціи съ такимъ добавленіемъ въ началѣ: „Но мы расскажем и то, что изъ Багратидовъ, о которыхъ мы выше писали какъ о царяхъ и куропалатахъ, нѣкоторые царствовали въ Картліи, другіе въ Самцхѣ и въ Тао до тѣхъ поръ, пока воцарился этотъ Баграть. Когда же царемъ сдѣлался упомянутый Баграть, нѣкоторыхъ изъ Багратидовъ уже не было въ живыхъ, другіе умерли при немъ, такъ что къ концу его времени никого не осталось изъ другихъ Багратидовъ, кромѣ Сумбата и брата его Гургена, сыновою Баграта Артануджскаго, которые царствовали въ Кларджетѣ и о смерти которыхъ мы выше писали: Сумбата подъ 231—1011 корониконемъ, а брата его Гургена подъ 232—1012. Смерть же ихъ произошла такимъ образомъ: Разъ этотъ царь-куропалатъ Баграть пригласилъ къ себѣ „... (дальше приводится слово въ слово нашъ текстъ Исторіи Сумбата. К. Ц. 213. Н. Г., р. 302). Приведеннаго нами добавленія нѣтъ въ Темиурзовскомъ спискѣ.

²⁾ По Армянской Хроникѣ, Баграть царствовалъ 36 лѣтъ и умеръ въ корониконъ 235, т. е. въ 1015 г. Этотъ же самый годъ указываетъ Аристархъ, по извѣстіямъ котораго Баграть умеръ въ 464 году армянскаго лѣтосчисленія, что соответствуетъ тому же 1015 году.

³⁾ Этотъ параграфъ тоже цѣликомъ внесенъ во всё списки К. Ц. Вахтанговской редакціи (см. К. Ц. 213. Н. Г., р. 302—303).

⁴⁾ Это слово пишется только въ Баратовскомъ вариантѣ лѣтописи

схвачены, и вмѣсто нихъ водворились прежніе ихъ владѣтели ¹⁾).

60. Въ седьмой годъ царствованія названнаго Георгія, Василій, царь греческій, выступилъ противъ него. Съ своей стороны и этотъ Георгій вышелъ навстрѣчу ему съ большимъ войскомъ. Обѣ стороны расположились лагеремъ въ Басіанской области и оставались неподвижно много дней, не завязывая битву другъ съ другомъ. Между тѣмъ Георгій отступилъ, пришелъ и сжегъ городъ Олтиси. Царь греческій пошелъ за нимъ по пятамъ. Какъ только авангардъ царя Василія и аррьергардъ Георгія сошлись, завязалась большая битва въ деревнѣ, которая называется Ширимта, и много пало съ обѣихъ сторонъ. Тутъ между прочимъ были убиты великіе эриставы [царя Георгія]—Рать, сынъ Липарита, ²⁾ и Хурсъ ³⁾. Какъ только царь Георгій услышалъ шумъ битвы, пришелъ въ ярость, двинулся и пришелъ къ тому мѣсту, гдѣ было сраженіе. Туда же подступилъ съ большимъ войскомъ и царь Василій. И съ той и съ этой стороны подступили другъ къ другу, и произошло тутъ большое сраженіе. Много великакъ грековъ пало здѣсь, и войска Георгія взяли много добычи. Сраженіе было настолько сильное, что царь Василій думалъ уже бѣжать, но сторонники Георгія выказали малодушіе, ибо они, отступивъ, ушли. Между тѣмъ Василій, слѣдуя за ними, пришелъ въ Артанъ, сжегъ его и взялъ въ плѣнъ, кого нашель. Георгій же черезъ Нигаль направился въ Самцхе, за нимъ туда же черезъ Джавакетію двинулся и Василій, опустошая все. Георгій перешелъ въ Триалетію, и Василій послѣшилъ за нимъ туда же. Когда они *тутъ* снова сошлись, Георгій былъ *сильно* подрѣпленъ войсками, ибо онъ привелъ на помощь цанаровъ и шаковъ. Какъ только это замѣтилъ Василій, повер-

¹⁾ Этотъ параграфъ внесенъ во всѣ списки Е. Ц. Вах. редакціи.

²⁾ Т. прибавляетъ: и знатные.

нуль изъ Триалетин, обошелъ Джавахетию и Артанъ во время зимы и, еще больше прежняго опустошивъ ихъ, ушелъ и сталъ зимовать въ странѣ Халдійской, въ городѣ Трешивондѣ. И послы съ предложеніемъ мира и союза ходили между двумя государями и съ той и съ этой стороны ¹⁾).

¹⁾ По Ариставазу Ластиверташи, когда умеръ абхазскій царь Багратъ въ 464 г. армянскаго лѣтосчисленія (1015 г.), сынъ его Георгій сдѣлался царемъ вмѣсто него. Послѣднему царь Василій написалъ грамоту слѣдующаго содержанія: „Те, что я отдалъ отъ владѣнія куропалата (Давида) твоему отцу, какъ подарокъ, это оставь и будь княземъ только твоего отечества“. На это Георгій не согласился и, уповавъ на свою молодость, отвѣтилъ ему: Изъ того, чѣмъ владѣлъ мой отецъ, ни одного дома никому не дамъ“. Получивъ такой отвѣтъ, Василій послалъ большое войско, чтобы силой покорить эту страну. Противъ нихъ вышли храбрыя тайксскія войска около города Ухти (Ухтинъ) и обратили римское войско въ бѣгство, но городу и другимъ населеннымъ мѣстностямъ они никакого вреда не причинили. Это было, замѣчаетъ Ариставазъ, начало паденія тайкскаго дома.

Затѣмъ, по Ариставазу, въ 470 г. армянскаго лѣтосчисленія (1021 г.) Василій съ большимъ войскомъ отправился на Востокъ и, остановившись на обширной равнинѣ Карина (Эрзерума), отправилъ пословъ къ владѣтелю грузинъ Георгію, чтобы онъ пришелъ и покорился ему, ибо одинъ епископъ, родомъ грузинъ, который сидѣлъ въ Валашавертѣ, выйдя навстрѣчу Василію, увѣрилъ его въ слѣдующемъ: „Какъ только ты явишься въ Ксегіацъ или придеши въ Каринъ, ояъ (Георгій) явится къ тебѣ навстрѣчу“. Василій, повѣривъ его словамъ и будучи убѣжденъ, что Георгій придетъ, ждалъ его пріѣзда на каждой станицѣ. Но Георгій не соглашался явиться на зовъ царя, ибо многіе изъ его людей страшили его, говоря: „Какъ только онъ тебя увидитъ, велитъ убить тебя или взять въ плѣнъ, и ты не получиши почести“. Василій, пріявъ въ Васенъ, послалъ къ Георгію двухъ или трехъ пословъ, ибо ояъ очень желалъ миромъ кончить свой походъ и оставить страну невредимой. Но потомъ, когда переговоры не увѣнчались успѣхомъ, ояъ приказалъ опустошить огнемъ, мечомъ и плѣномъ большой городъ, который называется Окомы, и тѣ деревни и пошѣстья, которыя находятся въ этой мѣстности. Забравъ плѣнныхъ, Василій велѣлъ увезти ихъ въ Халдійскую провинцію, и самъ направилъ свой путь черезъ Васенъ и

61. Въ то время въ Греціи случилось большое возмуще-
ніе, ибо спасеть Василія [Ксифенъ] и Царвизъ ¹⁾, сынъ

пришелъ въ Ванандъ, или Порахъ (по варианту: „въ провинцію Крас-
ный Порахъ“). Георгій же, найдя удобный случай, пошелъ на гор. Ухти
и приказалъ своимъ воинамъ уничтожить огнемъ красивыя зданія города
и разграбить его, но людямъ никакого вреда не причинять. Узнавъ объ
этомъ, Василій еще больше разсердился и направился противъ Георгія.
Войска встрѣтились около озера, которое называется Палакаціосъ. Они
вынулись другъ на друга (тутъ Аристакасъ даетъ картинное описаніе
битвы въ духѣ другого историка Вгеше Варданета). Смотри на сраже-
ніе, самъ Василій удивлялся храбрости сражающихся, ибо они были по-
добны волнамъ, ударяющимся о скалы и возвращающимся назадъ. Та-
кимъ образомъ войска римскія, сражаясь съ ними, подалась назадъ.
Въ этомъ сраженіи палъ великій князь Ратъ, ибо его лошадь, встрѣ-
тивъ болото, не могла перейти его; и, наравъ на этого славнаго вождя,
убили его, что доставило большое огорченіе тайскому дому. Георгій со
своими войсками удалился въ абхазскую крѣпость, а царь Василій, пославъ
войска въ разныя стороны этой земли, строго приказалъ имъ опусто-
шить все и не щадить ни старыхъ, ни молодыхъ, ни дѣтей, ни муж-
щинъ, ни мужей, ни женъ и вообще никого, и такимъ образомъ онъ
разорилъ двѣнадцать округовъ (идеть картинное описаніе въ библейскомъ
духѣ разоренія дворцовъ, замковъ, опустошенія страны и звѣрской
расправы съ людьми со стороны греческихъ войскъ, которыя, по сло-
ванъ автора, были дикаго нрава, потому что состояли изъ разныхъ ди-
кихъ племенъ). Разрушивъ все до наступленія зимы, Василій, по сло-
вамъ Аристакаса, цвѣтущую страну превратилъ въ бесплодную пустыню
и вернулся на зимовку къ берегамъ Понта и остановился въ странѣ Халди
(Исторія Аристакаса Ластивертаци на арм. яз. гл. I и II. Эти и другія
свѣдѣнія, приведенныя мною изъ Аристакаса, извлечены изъ подстрочнаго
перевода, продиктованнаго мнѣ Н. Р. Карамяномъ, которому долгомъ счи-
таю выразить свою благодарность за содѣйствіе. Перевода Prud'homme's,
Histoire d' Arménie, Revue d' Orient 1864, и отдѣльно, у меня не
было въ рукахъ. Отрывки изъ Аристакаса можно прочесть и у Броссе.
Additions, p. 216—218).

¹⁾ Царвизомъ у грузинскихъ и армянскихъ авторовъ извѣстенъ
Никифоръ Фока, сынъ Варды Фоки. Подъ спасетомъ, т. е. военачаль-
никомъ Василія подразумѣвается Ксифенъ или Есифіасъ.

отложившагося Фоки, стоворились вмѣстѣ; царемъ сдѣлался Ксифенъ, и они переманили на свою сторону всю страну Востока. Но Богъ оказалъ милость сильно перепугавшемуся Василію, ибо Ксифенъ отложился отъ Царвиза и воѣ его приверженцы *разбрелись*. *Самого Царвиза* окружили въ крѣпости, поймали и представили передъ Василиемъ, который послалъ его въ заточеніе на одинъ островъ и многихъ приверженцевъ его обезглавилъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ Шерисъ, сынъ Джоджика, грузинъ ¹⁾.

¹⁾ Т.: Шеризъ, сынъ Джоджика, родомъ изъ Тао, другіе же были греки.

По Аристанкэсу возстаніе Никифора Фоки произошло весной слѣдующаго 1022 года, когда Василій, окончивъ зимовку на берегахъ Понта, снова выступилъ въ Тайку и разбилъ свой лагерь въ Басенѣ. Такъ какъ многіе изъ византійскихъ князей, которыхъ царь въ разное время изъ-за разныхъ причинъ лишилъ титуловъ и владѣній, разбили отдѣльно лагерь, объявили императоромъ Никифора и стали угрожать Василію, то Василій сильно перепугался и укрѣпился въ замкѣ, который называется Младать. Такимъ образомъ по Аристанкэсу выходитъ, что первое столкновеніе Василія съ Фокой имѣло мѣсто въ Басенѣ. Послѣ подавленія бунта, о которомъ Аристанкэсъ подробно рассказываетъ, Василій снова пришелъ въ Басенъ и оттуда послалъ отрядъ язычечкихъ всадниковъ, чтобы захватить возставшаго Шерса. Самъ онъ разбилъ лагерь, который окружилъ ровомъ, у границъ Басена, въ мѣстности, которая называется Салькора, гдѣ пробылъ мѣсяцъ или больше. Посланные императора, схвативъ Шерса и зятя его Андроника, сообщника Шерса, привели ихъ къ хутору, противъ замка Хахто-іаритчъ, на границѣ Барина (Эрзерума), гдѣ тамъ отрубили имъ головы. Такъ имъ было приказано отъ императора, потому что они, возставъ, были соучастниками абхаза и обѣщали послѣднему предоставить владѣніе до этого мѣста, ибо Давидъ Куропалатъ прежде владѣлъ этимъ, но это не было его отцовское наслѣдіе, а подарокъ отъ императора за его вѣрноподданность, и Куропалатъ обѣщалъ послѣ своей смерти уступить эту провинцію императору. Но они (бунтовщики) объ этомъ не думали, а стали щедрими въ раздачѣ того, что имъ не принадлежало. Поэтому и велѣлъ царь, чтобы имъ головы отрубили на этомъ мѣстѣ (Исторія

62. Царь Василій снова выступилъ въ походъ, пришелъ въ Басіанъ и требовалъ отъ царя Георгія крѣпостей и земель, обѣщавъ ему союзъ и миръ. Между тѣмъ царь Георгій выслалъ предъ собою Звіада съ большимъ войскомъ. Звіадъ въ свою очередь расположился лагеремъ съ этой стороны на границѣ Басіана, какъ будто на зимовку. Самъ царь Георгій выступилъ за нимъ съ большимъ и сильнымъ войскомъ, но съ желаніемъ мира. Но коварные люди и съ той и съ этой стороны не допустили Георгія заключить миръ, ибо они не желали его, подстрекали царя къ битвѣ и поощряли идти на Василія, который думалъ и ожидалъ, что они придутъ для заключенія мира и союза. Между тѣмъ войска Георгія начали битву и обратили въ бѣгство часть войска Василія. Тогда царь Василій приказалъ привѣсить къ окончности копы письма¹⁾, написанное ему нашимъ Георгіемъ относительно вѣрности и союза, поднялъ его такимъ образомъ окончностью копы вверхъ и, обративъ его къ Богу, сказалъ: „Взгляни, Господи, на это письмо ихъ и на дѣла, которыя они теперь совершаютъ“. Затѣмъ царь Василій взялъ Животворящее древо, обвернутое въ чистое покрывало, бросилъ его на землю и сказалъ такъ: „Если ты отдашь меня въ руки враговъ моихъ, я никогда больше не буду поклоняться тебѣ“. Какъ только онъ это сдѣлалъ и сказалъ, тотчасъ были побѣждены и обратились въ бѣгство войска Георгія, которыя при-

Аристанаса, глав. III). Что бунтовщики находились въ сношеніи съ Георгіемъ, это видно и изъ византійскихъ источниковъ (Lebeau, t. XIV p. 222).

¹⁾ О письмѣ въ предыдущемъ разсказѣ ничего не упоминается у нашего историка. По Аристанасу, какъ увидимъ ниже, письмо дѣйствительно было написано и дано грузинскому епископу Валашкерта Захарію для отнесенія къ Василію, но на дорогѣ посланные Георгія отобрали письмо у Захарія. Тутъ, быть-можетъ, рѣчь идетъ о другомъ письмѣ.

шли раньше туда. И съ той стороны выступили отряды царя, русскіе¹⁾), и не осталось ни одного изъ прибывшихъ раньше,

¹⁾ Это упоминаніе о русскихъ отрядахъ принадлежитъ исключительно Исторіи Сумбата и отсюда внесено въ Теймуразовскій списокъ В. Ц. Вахтанговской редакціей. Въ списокъ Марія, какъ увидимъ изъ приведеннаго ниже отрывка, о русскихъ не упоминается. Изъ другихъ грузинскихъ источниковъ раньше этого о русскихъ упоминаетъ приписка одного киникоса подъ 991 годомъ. Указанная приписка гласитъ: Въ корониконъ 211 (=991 г.), отъ сотворенія мира въ 6595 (=по грузинскому счету 991 г.). Въ этотъ годъ (дословно здѣсь) явились русскіе* (Θ. Жорданія, хроники, т. 1, стр. 132). Относительно участія русскаго отряда въ войскѣ Василія, когда онъ послѣ смерти куропалата Давида (въ 1001 г.) прибылъ въ Грузію, мы уже указывали се словъ Асохива (см. выше, стр. 153, прим.). Можно полагать, что и упоминаніе о появленіи русскихъ въ приведенной припискѣ имѣетъ связь съ походами Василія, ибо изъ приведеннаго нами (см. стр. 153, прим.) отрывка антиохійскаго лѣтописца Яхъи мы узнаемъ, что 990 г. царь Василій, гнѣваясь на куропалата Давида за помощь, оказанную послѣднимъ Вардѣ Фокѣ, отправилъ противъ него съ войскомъ нѣкоего патриція Джак-руса. Ученый переводчикъ и комментаторъ Яхъи баронъ В. Р. Розенъ ничего общаго не находитъ между именемъ или прозвищемъ Джак-русъ (въ послѣднемъ слогѣ авторъ видитъ греческое окончаніе—рос) и именемъ народа русъ (см. Яхъя, стр. 27 и прим. 178, стр. 226), но если самъ Джак-русъ не былъ русскимъ, то, по всей вѣроятности, отрядъ его состоялъ главнымъ образомъ, если не исключительно, изъ русскихъ. Въдъ русскій отрядъ, впервые участвовавшій въ сраженіи при Хрисополѣ противъ Варды Фоки въ 988 г., надолго не повидалъ грековъ и своимъ появленіемъ рѣшалъ битвы. Другіе авторы ничего не говорятъ намъ объ экспедиціи Джак-руса, только Асохивъ упоминаетъ о нѣкоемъ Жанѣ Портезѣ, отправленномъ Василіемъ противъ Чортванела. Изъ числа отложившихся, говоритъ Асохивъ, вѣстѣ съ Фокою Вардомъ еще оставались нѣкоторые, какъ напр. магистръ Чортванель, племянникъ (по брату) монаха Торивка, заставшій въ странахъ Держана и Тарона. Царь Василій послалъ на него патрика Жана, онъ же Портезъ, который, пришедъ, далъ ему два сраженія, въ послѣднемъ изъ которыхъ онъ убилъ Чортванела на равнинѣ багаринджской въ держанскомъ округѣ въ 489—990 году. Съ той поры вся Греція, поко-

за исключеніемъ немногихъ, ибо самъ царь Георгій и болѣе сильное его войско пока еще совсѣмъ не подходили *туда*. Въ этотъ день были убиты и тѣ, которые не желали заключенія мира. Всѣ были обращены въ бѣгство; безчисленное множество погибло отъ меча; другіе бѣжали. Греки взяли большую добычу и цѣликомъ все царское сокровище, которое они (грузины) имѣли при себѣ.

63 Царь Василій подвинулся немного впередъ по слѣдамъ [царя Георгія] и завелъ снова попрежнему переговоры о мирѣ и союзѣ, ибо онъ боялся новаго возстанія въ Греціи. Тогда они заключили миръ и союзъ. Царь Георгій далъ въ заложники сына своего Баграта, младенца трехъ лѣтъ, и уступилъ двѣнадцать ¹⁾ крѣпостей и земля, которыми владѣлъ еуропалать Давидъ въ Тао, Басіанѣ, Джавахетин и Шавшетѣ. Такимъ образомъ царь греческій Василій увѣчалъ и ввзялъ съ собою Баграта, юнаго младенца, но обѣщаль Георгію выслать обратно Баграта черезъ три года ²⁾.

ренная подъ власть Василія, стала наслаждаться миромъ (Асохикъ, пер. Эмина, стр. 180). Относительно этого похода Жана, баронъ Розенъ замѣчаетъ, что это, можетъ-быть, одинъ изъ эпизодовъ похода нашего Джак-руса (Яхъя, прим. 178, стр. 226). Разница на одинъ годъ между указаніемъ похода Джак-руса по свидѣтельству Яхъя и указаніемъ приписки упомянутаго кинглоса не имѣетъ существеннаго значенія, такъ какъ разница на одинъ годъ въ припискахъ кинглосовъ явленіе довольно обыкновенное, да и самъ Яхъя, впрочемъ, не всегда можетъ претендовать на безусловную хронологическую точность.

¹⁾ Въ К. Ц.: четырнадцать.

²⁾ Современникъ походовъ Василія съ Георгіемъ Яхъя Антиохійскій такъ описываетъ эти походы: „Что касается до того, что случилось съ царемъ Васиіемъ послѣ занятія имъ Волгаріи, то дѣло вотъ въ чемъ: когда онъ былъ занятъ тамъ, усердно воюя съ ними, Георгій, царь абхазовъ, возымѣлъ намѣреніе нанести ему вредъ въ областяхъ сосѣднихъ съ его владѣніями. И овладѣвъ онъ крѣпостями и областями изъ тѣхъ, которыя дядя его, еуропалать Давидъ, уступилъ царю Васиію. И когда царь

61. По прошествіи трехъ лѣтъ, царь Василій, по объ-

дстигъ своей цѣли въ Болгаріи и покорилъ ее и вернулся въ Константинополь, то Георгій этотъ, царь абхазовъ, не считая нужнымъ исправитъ свою ошибку и воздержаться отъ своихъ дѣйствій и заявить ему свою преданность, какъ это дѣлали его отецъ и дядя, но возгордился и сталъ упорствовать въ своемъ заблужденіи и вступилъ въ переписку съ ал-Хадимомъ о томъ, чтобы имъ соединиться другъ съ другомъ для войны съ царемъ и чтобы каждый изъ нихъ пошелъ на него изъ своей страны. И дошло это до царя Василія, и онъ презпендился изъ-за этого гнѣвомъ противъ него и пошелъ изъ Константинополя въ Филомилиі (Филомилионъ греновъ, въ Писидіи, недалеко отъ Антиохіи писидійской, нынѣ Ан-Шехръ), не сказавъ никому, что онъ имѣетъ въ виду, а объявивъ приготовленіи къ походу въ сирійскія земли. И направилъ онъ провіантъ, фуражъ и оружіе въ Антиохію, какъ приготовленіе къ этому походу, и не сомнѣвался никто въ томъ, что онъ пойдетъ на Сирію. И въ то самое время, когда царь былъ въ Филомилиі, случилось исчезновеніе ал-Хадима; и пошелъ онъ воевать абхазовъ. И когда узналъ объ этомъ абхазецъ, то онъ собралъ свои войска и призвалъ на помощь него только могъ изъ чужихъ и выступилъ въ самыя окраины своихъ владѣній, желая столкновенія съ царемъ и сраженія съ нимъ. И когда приблизился къ нему царь и обнаружилась ему сила его войскъ и могущество его рати, то абхазецъ обратился въ бѣгство безъ боя. И преслѣдовалъ его царь, пока онъ не нашелъ защиты за рѣкой, черезъ которую не могли переправиться греческія войска. Тогда онъ снегъ его селенія и разграбилъ всѣ находившіеся тамъ припасы и увелъ изъ его странъ и убилъ и ослѣпилъ болѣе двухсотъ тысячъ человекъ его подданныхъ, и опустошилъ всѣ принадлежавшія ему области и селенія, кромѣ тѣхъ, которыя лежали въ мѣстностяхъ за той рѣкой, за которой онъ искалъ убѣжища и черезъ которую не могли переправиться (греческія) войска. И наступила зима, и ушелъ царь Василій въ Тривизондъ, чтобы войска тамъ провели зимнее время и чтобы затѣмъ вернуться въ походъ. И въ это время уступилъ Синахаримъ, царь Асфарагана, всѣ свои крѣпости, земли и всю страну асфараганскую царю Василію. И уступилъ ему Ибн-ал-Дайрани, сосѣдъ *первою*, свои крѣпости и замки, и присоединилъ царь все это въ своему государству. И было число ихъ болѣе сорока, крѣпостей и замковъ. И сдѣлалъ царь изъ нихъ особое катенанство и помѣстилъ въ крѣпостяхъ воиновъ и поставилъ надъ ними правителей.

шанию, прислалъ изъ города Константинополя Баграта, сына

Сеннахарibu же и Иби-аа-Дайрани съ ихъ семействами и родственниками онъ далъ въ вознагражденіе обширныя имѣнія, большія деньги и высочію титулы. И съ прибытіемъ царя въ Трѣбизондъ онъ началъ хлопотать объ отправкѣ флота моремъ въ страну абхазовъ. И прибылъ въ нему отъ царя ихъ, Георгія, посолъ, черезъ котораго онъ старался склонить его въ милости и завинился за свой поступокъ и обѣщалъ, что уступить ему все крѣпости и все владѣнія, которыя принадлежали его дядѣ куропалату Давиду, и отдать ему въ заложники сына своего, Бакрата, и неизменно и неуклонно останется, пока онъ живъ, въ покорности ему и преданности. И внялъ царь Василій всему, чего онъ просилъ, и принялъ отъ него то, что онъ обѣщалъ, и отправилъ вмѣстѣ съ его посломъ многихъ сановниковъ и судей. И взяли они всякія крѣпкія клятвы въ честномъ исполненіи обѣщаннаго и условленнаго съ Георгія абхазскаго и каволіюса—это глава духовенства его земли—со всехъ епископовъ и другихъ сановниковъ и высокопоставленныхъ его подданныхъ. И взялъ онъ (Василій) себѣ съ нихъ такое обезпеченіе клятвами, какое беретъ съ лицъ исповѣдующихъ (разныя) религіи. И пошелъ царь тогда, чтобы принять крѣпости и области, которыя ему обѣщала абхазецъ, и взять его сына. И дошло въ то самое время до царя Василія, что патрицій Никифоръ, извѣстный подъ именемъ Ксифія, правитель области Анатолиа, соединился съ Никифоромъ кривошейнымъ, сыномъ Варды Фоки, и сговорился съ нимъ возстать противъ него. (Тутъ слѣдуетъ подробный разсказъ о возстаніи Ксифія и Никифора кривошейна и о томъ какъ Ксифій изъ зависти измѣнически убилъ Никифора 15 августа 1022 г. и голову его послалъ Василію, но самъ былъ схваченъ Теофилактомъ Далассиномъ). И когда узналъ абхазецъ о возстаніи, происходившемъ въ землѣ грековъ, то онъ вновь почувствовалъ себя сильнымъ и отрекся отъ того, что обѣщала. И когда прибыла голова Фоки къ царю Василію, то онъ посѣщилъ послать ее Георгію абхазскому, чтобы дать ему ясно понять, что онъ ему не довѣряетъ. И стало тогда яснымъ царю, что все, что дѣлалъ абхазецъ, и переговоры его съ нимъ были лишь обманомъ. Дѣло въ томъ, что одинъ его визирь, Р-фад-с (онъ, по догадкѣ барона Розена, быть-можетъ, тождественъ съ Липаритомъ Кедріаа) по имени совѣтовалъ ему пользоваться клятвами именемъ Божиимъ и обязательствами, данными имъ, какъ средствомъ для устройства западня царю Василію. Царь же, повѣривъ клятвамъ абхаца и отправившись въ его страну для принятія областей и

Георгія. Багратъ прибылъ въ Тао и вступилъ въ свое владѣніе въ Бану. Катабанъ ¹⁾ Востока сопровождалъ Баграта до границъ его владѣнія ²⁾).

крѣпостей, которыя тотъ обѣщаль ему, и для взятія его сына, одержалъ верхъ лишь потому, что взялъ съ собою храбрѣйшихъ и лучшихъ воиновъ столько, сколько счелъ нужнымъ для покоренія себѣ абхазца силою въ случаѣ, еслибъ тотъ уклонился отъ заключеннаго между ними договора и не исполнилъ его. И подумалъ абхазецъ, что задуманное имъ противъ царя дѣло ему вполне уже удалось. И когда онъ приблизился къ нему, то онъ и напалъ на войска царя, чтобы обратить ихъ въ бѣгство и погубить ихъ. И сразился съ нимъ царь и убилъ и взялъ въ плѣнъ великое множество изъ войска абхазца. И бѣжали абхазецъ и его визирь и кто послѣдовалъ за нимъ изъ его людей разбитыми. И захватило войско царя всѣ деньги абхазца и припасы и кромя того весь скарбъ его людей, и угнали греки скотъ ихъ, верховой и вьючный. И сталъ тогда абхазецъ опять унижаться передъ царемъ и выражать свою покорность предъ нимъ и упрашивать его, пока онъ не принялъ его сына и не принялъ крѣпостей и городовъ выше упомянутыхъ и не условился съ нимъ, чтобы его сынъ оставался въ столицѣ царя два года, по истеченіи которыхъ царь пришлетъ его назадъ къ нему. И ушелъ царь изъ страны абхазца, направляясь въ страну грековъ. И было это въ сорокъ восьмой году его царствованія, то есть 414 гджры (26 марта 1023—14 марта 1024). И схватилъ царь послѣ убіенія Фоки всѣхъ участвовавшихъ въ возстаніи и конфисковалъ ихъ имѣнія и убилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и ослѣпилъ другихъ и заключилъ въ тюрьму третьихъ, Ксифія же омонашилъ и назначилъ ему мѣстомъ жительства одинъ монастырь внѣ Константинополя, принявъ во вниманіе прежнюю службу его ему, когда онъ вмѣстѣ съ нимъ былъ въ походахъ въ Болгаріи. И по той причинѣ также, что у него по временамъ получалъ перевѣсъ элементъ черной желчи—вслѣдствіе чего у него являлась иногда нѣкотораго рода меланхолія—онъ пощадилъ его жизнь, а деньги и имѣнія конфисковалъ* (Извлеченія изъ Лѣтописи Яхъи Антиохійскаго барона В. Р. Розена, стр. 61—63, 65—66).

¹⁾ Обыкновенная форма этого слова катапанъ (катепанъ), который въ устахъ грузинъ превратился въ катабана.

²⁾ По Аристаклосу, когда Василій былъ въ Сальнора, онъ потребовалъ отъ Георгія три заеца съ ихъ землями, которыми Гургенъ за-

65. Но, какъ только катабанъ повернулъ назадъ,

владѣлъ неправильно отъ владѣнія куропалата. Василій, отправивъ пословъ къ Георгію, написалъ ему въ сладкихъ выраженіяхъ: „Оставь то, что не твое отцовское наследіе, и живи въ мирѣ въ твоихъ владѣніяхъ и не будь мнѣ препятствіемъ на пути въ Персію“. Когда на это Георгій не согласился, царь отправилъ потомъ Захарія, епископа Валашакерта, о которомъ уже было вскользь упомянуто. Захарій, придя къ Георгію, обманулъ его убѣдительными словами, и Георгій согласился написать императору, что дастъ то, что онъ просилъ. Захарій, взявъ это письмо, отправился обратно съ радостью. Но, пройдя однодневную дорогу, на станціи, гдѣ онъ долженъ былъ остановиться, его догнали посланные Георгія и потребовали обратно письмо, заявивъ, что Георгій, какъ безумный, рассказываетъ въ этомъ, и, взявъ письмо, вернулись назадъ. Епископъ же пришелъ къ царю и рассказалъ ему о случившемся. Тогда царь сталъ спрашивать его о войскахъ и о готовности Георгія къ войнѣ, Захарій, отвѣчая ему, сказалъ, что у Георгія больше войскъ, чѣмъ у кого-либо, и что эти войска сильны и готовы къ войнѣ. Услышавъ это, царь разсердился и сказалъ епископу: „И ты со стороны возставшихъ пришелъ ко мнѣ и нагоняешь страхъ на меня“. Онъ приказалъ отправить его въ Константинополь, сказавъ ему: „Иди, оставайся тамъ, пока я какъ бѣглець приду къ тебѣ“; а людямъ, которые должны были сопровождать его, царь приказалъ отрѣзать ему языкъ. Захарій пошелъ и не возвращался больше на свое мѣсто, оставаясь тамъ до своей смерти. Послѣ этого Василій оставилъ свой лагерь въ Салькора, двинулся съ войсками впередъ и пришелъ къ мѣстности, называемой Шегриша. Пока Василій еще не укрѣпился въ лагерь, Георгій прибѣгнулъ къ такой хитрости: онъ послалъ въ качествѣ посла одного изъ главныхъ своихъ епископовъ и самъ позади него двинулся со своими войсками, чтобы напасть на нихъ врасплохъ и, нагнавъ страхъ, обратить ихъ въ бѣгство. Въ этихъ видахъ конные воины Георгія, опережая другъ друга, такъ спѣшили, какъ будто они устремились не на войну, а на добычу (слѣдуютъ библейскія сравненія, такъ частыя у нашего автора). Когда войска Георгія достигли до греческаго лагеря, они были утомлены и изнурены отъ быстроты ѣзды и длинныхъ переходовъ, такъ что они легко были окружены греками и избиты въ большомъ количествѣ. Остальные со своимъ царемъ убѣжали и укрѣпились въ абхазскомъ замкѣ. До заката солнца греки преслѣдовали грузинъ

его встрѣтили мандатуры ¹⁾ съ письмомъ, въ которомъ было написано такъ: „Царь Василій, братъ мой, умеръ, и я [Константинь] сдѣлался царемъ всей Греціи, и нынѣ, до какого бы мѣста царства нашего ²⁾ ни достигъ сынъ Георгія Баграть, верни его назадъ немедленно и представъ предъ нами!“

66. Какъ только это вычиталъ катабанъ, тотчасъ повернулъ назадъ и погнался за Багратомъ, но не могъ ничего сдѣлать, ибо онъ, пришедъ въ свое владѣніе, подкрѣпилъ себя войсками, воевать съ которыми катабанъ не былъ въ состояніи. Поэтому онъ, повернувъ, уѣхалъ назадъ. О великая и удивительная милость Божія, какъ правдивый ушелъ изъ рукъ плѣнителей и враговъ своихъ, въ корониконъ 245—1025!

67. И пріѣхалъ Баграть къ отцу своему царю Георгію и

и многихъ убили. Императоръ обѣщалъ за каждую голову непріятеля по одному дагевану (=груз. драканъ) и войны, вѣща всюду головы павшихъ, собирали ихъ на одно мѣстѣ. Императоръ приказалъ разставить ихъ вучами по сторонамъ дороги на удивленіе и страхъ зрителей. Послѣ этого Георгій, видя, что у него никакихъ надеждъ нѣтъ, просилъ императора о мирѣ. Василій сжался надъ нимъ и написалъ ему слѣдующее: „Не думай, что я, будучи побѣдителемъ, больше буду требовать отъ тебя, чѣмъ прежде; дай мнѣ только мое отцовское наслѣдіе, которое оставилъ мнѣ куропалатъ, и дай твоего сына въ заложники и послѣ этого будетъ миръ между нами“. Георгій согласился на это, и Василій, назначивъ правителей надъ этими землями, раздѣлилъ между ними дома, села и помѣстья, какъ было прежде. Послѣ этого Василій взялъ заложниковъ, но обѣщалъ вернуть ихъ черезъ три года, и двинулся черезъ Арменію на равнину нЕра (Эрети). Вся персидская земля была въ страхѣ, но жестокая зима, подробно описанная нашими авторомъ, заставила Василія бросить лагерь и черезъ Аспураганскую провинцію вернуться въ Константинополь. Черезъ три года Василій съ большими подарками возвратилъ на родину сына абхаза и самъ умеръ (Аристанкъ, глава IV).

¹⁾ Мандатуръ значитъ полицейскій чиновникъ, слуга царя.

²⁾ Въ оригиналѣ: твоего.

матери своей царицѣ Маріи въ резиденцію ихъ Кутаисъ. Такимъ образомъ, собравшись вмѣстѣ, они благодарили и славословили Бога за то, что Онъ сподобилъ ихъ такого блага.

68. Спустя два года послѣ этого, Георгій, отецъ названнаго Баграта, умеръ въ Триалетіи, въ мѣстности, которая называется Мкинвари, въ корониконѣ 247—1027, мѣсяца августа 16-го, и похоронили его въ Кутаисѣ.

69. Послѣ него царемъ сѣлъ сынъ его Багратъ 9 лѣтъ. Между тѣмъ азнауры Тао отправились въ Грецію. Ваче Каридчисдзе, епископъ Баны [Іоаннъ] и вмѣстѣ съ ними большинство азнауровъ Тао, — одни владѣтели крѣпостей, другіе не имѣвшіе ихъ, — отложились отъ Баграта и предались брату Василія, царя греческаго, Константину, который сдѣлался царемъ послѣ Василія.

70. Во второй ¹⁾ годъ своего царствованія царь Константинъ прислалъ паркиманоса ²⁾ своего съ несмѣтными силами своего войска и большимъ количествомъ денегъ. Силы его были гораздо больше, чѣмъ таковыя царя Василія. Паркиманосъ прошелъ и еще болѣе опустошилъ тѣ области, которыя раньше были опустошены Василіемъ, ибо онъ пришелъ въ Триалетію, къ крѣпости Клде-Кари, гдѣ тогда стояли азнауры Баграта. Произошло небольшое сраженіе, и азнауры снова отложились и сдали крѣпости. Чанчухъ ³⁾, эриставъ Шавшета, сдалъ Цептскую крѣпость. Сами азнауры ушли въ Грецію ⁴⁾.

¹⁾ Въ спискѣ Маріи и во всѣхъ другихъ рукописяхъ сказано: „по прошествіи года“, только Т. считаетъ нужнымъ прибавить еще: и на третій годъ.

²⁾ Греческая транскрипція этого слова παρακομάνος.

³⁾ Въ оригиналѣ: Чанчухъ.

⁴⁾ Начиная отъ 60 §, текстъ Исторіи Сумбата не представляетъ особыхъ вариантовъ сравнительно съ текстомъ К. Ц. списка Маріи, но

71. Между тѣмъ Саба, епископъ тбетовій, построилъ крѣпость близъ Тбетскаго монастыря и назвалъ ее Свети (Столбъ). Онъ собралъ въ этой крѣпости свою паству. Туда же вступили, кромѣ самого Сабы, епископа тбетскаго, Езра, епископъ Анчи, и азнауры Шавшета и укрѣпился въ ней.

72. А пармянаносъ прислалъ сюда съ большимъ войскомъ хартуларя ¹⁾ Иоанна, названнаго Валангомъ, и отправилъ съ нимъ Деметре, сына Гургена Кларджетскаго, для того, чтобы переманить на свою сторону мѣстныхъ жителей, что дѣйствительно такъ и случилось, ибо деревенскіе жители, неразумные и наивные по уму и понятіямъ, перешли на ихъ сторону. Свети Тбета былъ окруженъ войсками, которыя сражались сильно и всѣми средствами. Но Богъ благодатью и ходатайствомъ святыхъ апостоловъ и молитвами этихъ оваченнослужителей укрѣпилъ *духомъ* оставшихся въ Светѣ, ибо они, какъ преданные и истинные мученики Божіи, обрели свои головы на погибель и готовы были, по словамъ апостоловъ, пожертвовать собою и пролить кровь ради яемного господина, мужались и говорили всѣмъ: „Да не прельстятъ насъ эти льстивыя слова и богатства, скоро преходящія, но да пріобрѣтемъ мы благодать вѣрности и вѣнецъ мужества!“ Дѣйствительно, воители, окружавшіе ихъ,

есть небольшая разница въ подробностяхъ разсказа, въ отдѣльных фразахъ и словахъ. Все что недоставало К. Ц. сравнительно съ Исторіей Сумбата Вахтагановская редакция внесла изъ послѣдняго источника въ первый. Обиліе такихъ мѣстъ въ спискѣ Т и нѣсколько другое распределение ихъ въ другихъ, намъ извѣстныхъ, спискахъ происходить отъ того, что списокъ Т представляетъ не вполне dokonченную и обработанную редакцію Вахтаганга. Многое, что было внесено въ Т сначала, Вахтагангу, видимо, потомъ показалось лишнимъ для К. Ц. и было имъ выкинуто, равно какъ продолжено было исправленіе и редактированіе второй части К. Ц., совершенно нетронутой въ спискѣ Т.

¹⁾ Въ К. Ц.: хартулари. Хартуларъ значитъ секретарь.

прельщали ихъ обѣщаніями, ожиданіями добра и богатствъ ¹⁾).

73. Между тѣмъ какъ Востокъ, охваченный волною, претерпѣвалъ такія невзгоды, вдругъ разразилось несчастіе надъ безрасуднымъ царемъ Константиномъ наподобіе невѣрнаго Юліана, за то, что онъ такъ немилостиво обошелся съ нашимъ царемъ Багратомъ, и опустошилъ его владѣнія. Онъ поспѣшно предписалъ своему паркиманосу-проэдросу ²⁾ немед-

¹⁾ Эти два параграфа изложены въ Т въ двухъ редакціяхъ: въ редакціи списка Марія и Исторіи Сумбата (листы рукописи 145 verso и 146 verso). Обѣ редакціи помѣщены рядомъ другъ съ другомъ и даже не раздѣлены новой строкой. О смерти Георгія и первыхъ годахъ царствованія Баграта IV Яхъ рассказываетъ слѣдующее:

„Царь Василій за нѣкоторое время и до смерти, отпустилъ Бакрата, сына Георгія, царя абхазскаго, и отправилъ его обратно къ его отцу. И послѣ его прибытія умеръ Георгій, его отецъ, уже въ царствованіи царя Константина, и воцарился его сынъ, Бакратъ. И былъ онъ тогда еще молодъ и несовершеннолѣтенъ, а дѣлами его заправляла его мать, дочь Сennaхаріба, который уступилъ царю Василію Асфараганъ. И представляли ему его придворные дѣломъ выгоднымъ потребовать возвращенія ему тѣхъ крѣпостей, которыя отецъ его уступилъ царю Василію, и занять ихъ. И отправилъ царь Константинъ своего слугу Николая параклимена въ Абхазію съ войсками въ 3-й годъ своего царствованія. И тотъ опустошилъ ее и жегъ и убивалъ и увозилъ въ плѣнъ изъ нея несмѣтное множество. И спаслись остальные въ недоступныя горы и укрѣпленныя мѣста, куда войска не проникали. И вышли въ немногіе изъ вождей ихъ. И просили царица, дочь Сennaхаріба, и ея сынъ Бакратъ простить и извинить происшедшее и обѣщали полное повиновеніе и искреннюю преданность царю Константину, в что они всегда будутъ исполнять его желанія и что никто изъ нихъ болѣе не будетъ дѣйствовать наперекоръ ему. И было дѣло между ними покончено къ взаимному удовольствію, и возвратился Николай параклименъ“ (Извлеченіе изъ Лѣтописи Яхъ Антиохійскаго, стр. 70—71).

²⁾ Проэдросъ греческій титулъ, одинаково даваемый какъ свѣтскимъ, такъ и духовнымъ лицамъ, и можетъ означать президентъ, прелатъ и т. д. (Н. Г. р. 312, п. 5).

ленно вернуться назадъ со своимъ войскомъ и поспѣшить въ Константинополь. Получивъ такой *приказъ*, паркиманосъ ушелъ; [но до его прибытія] царь Константинъ умеръ¹⁾, оставивъ царство послѣ себя Романову, родственнику и стороннику своему²⁾.

1) По Аристарху, когда послѣ Василія воцарился Константинъ, правитель Веспуракана, Коміаносъ, или Коминасъ, который былъ извѣстенъ своей храбростью, вздумалъ воцариться на Востокѣ, для чего заключилъ союзъ съ Георгіемъ. Но войны изъ Капутака (канутокцы) напали на него врасплохъ и заключили въ тюрьму въ 475 г. армянскаго лѣтосчисления (=1026 г.). Черезъ годъ императоръ, узнавъ истину, прислалъ палача, который ослабилъ его и его сообщниковъ, въ числѣ восьми. Въ началѣ второго года своего царствованія императоръ Константинъ отправилъ на Востокъ правителемъ свнуха Никитома, который пришелъ въ Грузію и обманчивыми словами многихъ изъ дворянъ вывелъ изъ своего отечества и послалъ императору. Константинъ, видя ихъ, очень обрадовался и виѣстъ съ большими подарками и княжескими достоинствами каждому по его рангу отдалъ селенія и города съ грамотами за печатью на вѣчное владѣніе. Въ началѣ третьяго года пришелъ на Востокъ, паркиманосъ, свнухъ Семень, съ большими войсками. Онъ прибылъ въ Грузію, но не успѣлъ ничего сдѣлать, такъ какъ извѣстіе о смерти императора за нимъ же послѣдовало. Услышавъ объ этомъ, онъ немедленно съ своими войсками возвратился въ Константинополь. (Аристархъ, гл. V).

2) Мы уже говорили выше (см. стр. 42, прим. 1 и стр. 118, прим.), что Исторія грузинскихъ Багратидовъ Сумбата, сына Давида, послужила источникомъ не только для редакціи Вахтанга, но и для первоначальной редакціи К. Ц., по крайней мѣрѣ той ея редакціи, которая сохранилась въ спискѣ царицы Маріи, внѣ Исторіи Сумбата. Но нигдѣ связь текста К. Ц. съ Исторіей Сумбата не видна съ такою очевидностью, какъ въ рассказахъ о войнахъ греческихъ императоровъ Василія и Константина съ грузинскими царями Георгіемъ I и Багратомъ IV. Иначе говоря, Исторія Сумбата, начиная отъ 60 § до самаго конца почти цѣлкомъ совпадаетъ съ текстомъ К. Ц. царицы Маріи. Текстъ Маріи, конечно, представляетъ нѣкоторые варианты, но эти варианты сравнительно очень незначительны и нисколько не противорѣчатъ нашему заключенію. Въ

74. На третій годъ послѣ этого желанная царица Ма-

списахъ К. Ц. Вахтанговской редакціи, не исключая и Теймуразовскаго, текстъ Исторіи Сумбата слить съ текстомъ К.-Ц. и фразы Сумбата чередуются съ фразами К.-Ц. списка Марин. Въ списокъ Марин, начинающій отъ царствованія Георгія I, до отправленія царицы Марин, матери Баграта IV, въ Константинополь, которымъ оканчивается Исторія Сумбата, мы читаемъ слѣдующее:

„Послѣ него, *Баграта*, царемъ сдѣлался сынъ его Георгій, который также былъ исполненъ всѣхъ добродѣтелей. Онъ сдѣлался обладателемъ всего своего царства и страны еще въ дѣтствѣ и молодости своей, ибо въ то время, когда онъ сѣлъ царемъ, имѣлъ отъ роду всего шестнадцать (по другимъ спискамъ 18) лѣтъ.

Но въ седьмой годъ царствованія Георгія Василій, царь греческій, выступилъ противъ него со всѣми войсками греческими и безчисленными иноплеменниками. Съ своей стороны и царь Георгій вышелъ противъ него съ большимъ войскомъ. Они оба расположились лагеремъ въ Басіанской области и оставались неподвижно много дней, не завязывая битву другъ съ другомъ. Царь же Георгій отступилъ, пришелъ и сжегъ городъ Олтисъ; оттуда онъ пришелъ въ Колу (въ нашемъ оригиналѣ, вѣроятно по ошибкѣ, კოლსъ вмѣсто კოლასъ К. Ц.). Василій, царь греческій, пошелъ за нимъ по пятамъ. Какъ только авангардъ царя Василія и аррьергардъ Георгія сошлись, завязалась большая битва въ деревнѣ, которая называется Ширимта, и много пало съ обѣихъ сторонъ. Тутъ были убиты великіе аристаны: Рать, сынъ Аппарита, и Хурсъ. Царь Георгій поздно узналъ, что съ аррьергардомъ его завязали битву. Онъ тотчасъ отдалъ приказъ войску, и воины поспѣшно взялись за оружіе. Царь Георгій, лично выступилъ *въ бой*, ибо онъ былъ смѣлъ и неустрашимъ во всемъ, какъ будто не имѣлъ тѣла, и съ нимъ вмѣстѣ выступило многочисленное его войско. Съ той стороны вышелъ царь Василій со всѣми своимъ войскомъ. И съ той и съ этой стороны подступили другъ къ другу. Произошло большое сраженіе. Много грековъ пало. Войска [Георгія] взяли добычу. Сраженіе длилось такъ долго, что царь Василій приготовился къ бѣгству, но грузины выказали малодушіе: они отступили и ушли. Василій пошелъ вслѣдъ за ними, поражая многихъ остріемъ меча. Войска Василія достигли Артана, полонили и опустошили его. Когда же царь Георгій пошелъ въ Триалетію, Василій двинулся за нимъ, опустошилъ Джавахетскую область и снова перешелъ въ Триалетію. *Здѣсь цари* опять подступили другъ къ другу, ибо

ря, мать царя Баграта, набралась смѣлости и мужества, ибо

царь Георгій получалъ подкрѣпленіе: онъ привлекъ на свою сторону силы Кахетин и Эретин. Но ему отсвѣтовали вступить въ битву во второй разъ. Царь Василій повернулъ изъ Триалетин, обошелъ Джавахетію и Артанъ и, опустошивъ ихъ еще съ большимъ мстѣю, ушелъ и сталъ зимовать въ странѣ Халдійской, близъ города Трелизонда. И послы съ предложеніями мира и любви ходили между ними. Въ то время въ Греціи случилось большое возмущеніе. Спасетъ и Царвизъ стоворились между собою и перетянули на свою сторону страну Востока, и царь Василій сильно былъ испуганъ этимъ. Но Богъ оказалъ ему милость: Ксифе[шъ] убилъ Царвиза, и отложился отъ него тѣ, которые раньше пристали. Но Ксифенъ былъ отомщенъ за измѣну Царвизу, ибо его заманили въ Даласонскую крѣпость, арестовали за убійство сына Фоки и привели къ царю Василію. Послѣдній отправилъ его въ ссылку на какой-то островъ и много ихъ приверженцевъ обезглавилъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ Шерисъ (въ нашемъ текстѣ Шезисъ), сынъ Джоджина, родомъ изъ Тао, а остальные были греки. Василій снова выступилъ въ походъ и пришелъ въ Басіанъ. Онъ требовалъ отъ [царя Георгія] земель и крѣпостей, обѣщавъ ему союзъ и миръ. Узнавъ объ этомъ, царь Георгій послалъ аристава Звиада (въ нашемъ текстѣ по ошибкѣ Закада) съ войскомъ, приказавъ ему, занять временно позицію подъ видомъ мира. Самъ онъ выступилъ за нимъ съ сильнымъ войскомъ и думалъ такъ: если царь Василій захочетъ миръ, пусть будетъ миръ, а если онъ захочетъ сразиться, мы будемъ готовы для этого. Но тѣ, которые не желали мира, начали готовиться къ битвѣ и пошли на царя Василія, расположившагося въ лагерь въ порядкѣ, извѣстномъ подъ названіемъ свиндакаръ (вѣроятно, *συντάξις* грековъ, см. Н. Г. р. 308, п. 5), завязали битву и обратили въ бѣгство нѣкоторыхъ изъ его войска. Разгнѣванный царь Василій приказалъ принести Животворящее древо и, положивъ его на землю въ чистомъ покрывалѣ, сказалъ: „Если ты отдашь меня въ руки враговъ, я больше не буду поклонникомъ твоимъ“. И когда сраженіе снова возобновилось между ними, грузинскія войска показали тылъ, предалися бѣгству, и безчисленное множество изъ бѣжавшихъ погибло отъ острія меча. Греки взяли большую добычу и царское сокровище, которое было при грузинахъ. Царь Василій пошелъ за ними, но снова завелъ попрежнему переговоры о мирѣ, ибо онъ очень боялся *новаго* возмущенія въ Греціи. И заключили они между собою миръ и союзъ. Царь Георгій далъ въ залогъ

она происходила отъ блистательныхъ, сильныхъ и великихъ

ники сына своего Баграта, трехъ дѣтъ, и крѣпости, которыя раньше были даны азнаурами; вернулъ и другія крѣпости, раньше уступленныя, и наконецъ пятнадцать (въ К. Ц. 14) крѣпостей и земли, которыми владѣлъ Давидъ куропалатъ въ Тао, Колѣ-Артанѣ и Джавазетин. Уступивъ царю Георгію въ свою очередь нѣкоторыя церкви, села и земли этихъ областей, *Василій* уѣхалъ и взялъ съ собою въ качествѣ заложника царевича Баграта, сына царя нашего Георгія, давъ обѣщаніе клятвенно, что черезъ три года придетъ его обратно. Три года Баграта пребылъ въ царственномъ градѣ Константинополѣ, и черезъ три года *Василій* выслалъ его обратно, какъ обѣщалъ. Когда онъ прибылъ въ свое владѣніе и царство, съ нимъ находился катанъ Востока, сопровождавшій его до границъ его владѣній. Какъ только катанъ повернулъ назадъ, немедленно встрѣтилъ его мандатуръ и далъ ему письмо царя Константина, въ которомъ написано было въ такомъ видѣ: „По волѣ Божіей почилъ желанный братъ мой, царь *Василій*, и взаимно его я сдѣлался царемъ во всей Греціи. Нынѣ, до какого бы мѣста владѣнія нашего ни достигъ Баграта, сынъ абхазскаго государя Георгія, верните его съ большою поспѣшностью, чтобы онъ предсталъ предъ нами“. Прочитавъ приказъ, катанъ рѣшилъ вернуть его назадъ по приказанію царя; онъ поспѣшно повернулъ назадъ и погнался за Багратомъ. Когда онъ догналъ его, увидѣлъ громадное количество встрѣтившихъ его (Баграта) вельможъ, эриставовъ, азнауровъ Тао, месховъ и грузинъ, которымъ не было счета по многочисленности ихъ. Онъ повернулъ назадъ и сказалъ тому мандатуру, который прибылъ къ нему: „Если ты въ состояніи, верни его, но мнѣ теперь это невозможно сдѣлать“. О великая и удивительная милость Божія, какъ правдивый быстро ушелъ изъ рукъ тѣхъ, которые желали коварствомъ вернуть его! Если кто изъ васъ жаждетъ знать необыкновенныя благодѣянія Божія, посмотрите и взгляните въ несчастливыя блага, явленныя Богомъ надъ этимъ Великимъ Багратомъ, царемъ абхазскимъ, подобныя которымъ никому изъ другихъ царей не были оказаны и о которыхъ время отъ времени вы будете узнавать изъ нижеслѣдующаго разсказа. Когда онъ уже прибылъ къ отцу своему, царю Георгію, въ резиденцію его [Кутахсѣ], родители его нашли сына преисполненнымъ необыкновенныхъ и невыразимыхъ добродѣтелей, которыя человѣку невозможно описать. Увидѣвъ сына, они исполнились несказанной радости и воздали благодареніе Богу. Въ то время корониконъ былъ 245—1025.

царей Аршакидовъ и отправилась въ Константинополь

Спустя два года [послѣ прїѣзда Баграта], умеръ царь Георгій, еще юный лѣтами, исполненный всѣхъ добродѣтелей. Среди его предковъ никакого не было, равнаго ему въ мужествѣ, въ храбрости, въ доблести, въ статности, въ красивомъ очертаніи лица, въ пронзительности и въ полнотѣ званія управления государствомъ. Онъ умеръ въ 247—1027 корониконѣ, мѣсяца августа 16-го, въ Триалетской области, въ мѣстности, которая называется Млинвари или Ипрони, и оставилъ плачь и печаль всѣмъ жителямъ страны и государства своего. Всѣ оплакивали его за его добродѣтель, мужество и храбрость. *Тѣло* его взяли и похоронили въ церкви въ Кутаисѣ. У него было четверо дѣтей: сыновья—Багратъ и Деметре, и дочери—Гурандухъ и Ката. Марѳа, пятое дитя его, уже умерла.

Сейчасъ послѣ смерти великаго того государя, Багратъ сдѣлался царемъ всего государства и страны своей, Верхней и Нижней, имѣя отъ роду десять (во всѣхъ другихъ вариантахъ 9) лѣтъ.

Въ то же время азнауры Тао, Ваче Каречидзе, епископъ Баны Іоаннъ и вѣсть съ ними множество азнауровъ Тао, отправились въ Грецію. Между тѣмъ царь Константинъ, по прошествіи года, прислалъ паркиманоса съ безчисленнымъ войскомъ. Паркиманосъ, приѣдя, вступилъ и опустошилъ тѣ же области, которыя были раньше опустошены царемъ Василиемъ. Онъ прибылъ въ Триалетію, къ крѣпости Кледе-Бари, которой тогда владѣлъ Липаритъ, эриставъ эриставовъ, сынъ Липарита. Липаритъ присоединилъ къ себѣ другихъ азнауровъ, *которыя* устояли противъ подкупа (ἄρξερξερξ ἄρξερξ). Греки сразились подъ крѣпостью, но, когда паркиманосъ увидѣлъ, что онъ никакого вреда не можетъ причинить, ушелъ назадъ. Въ то время Чанчухъ Фалегъ перешелъ на сторону грековъ, сдалъ крѣпость Гаврилобскую (К. Ц. Гаврольбскую) и уѣхалъ въ Грецію, а Арджеванъ Озоласдзе сдалъ грекамъ же крѣпость Цептскую (Церептскую). Когда тбетскій епископъ Саба увидѣлъ, что въ Шавшетѣ нѣтъ другихъ средствъ, построилъ крѣпость повыше Тбета и удержалъ Шавшетскую область. Онъ выказалъ большую вѣрность Баграту, абхазскому царю. Богъ помогъ ему, и враги не могли завладѣть странкою. Тогда паркиманосъ-проэдрось (въ нашемъ текстѣ патрикозъ и провдрось), прислалъ эристава Баны, хартулара, котораго сопровождалъ Валанъ (К. Ц. Витагъ) съ большимъ войскомъ (это мѣсто въ нашемъ оригиналѣ представляетъ изъ себя такой наборъ словъ, въ которомъ трудно разобраться), и назначилъ при немъ Деметре Кларджетскаго, сына Сумбата, чтобы переманить

къ царю Романозу ¹⁾, просить его, чтобы онъ умиротворилъ Востокъ и не было бы войны между греками и грузинами, чтобы нищѣ были успокоены и жили въ тишинѣ и чтобы сынъ ея Багратъ получилъ почесть по достоинству своего сана ²⁾.

на свою сторону жителей страны. По этой причинѣ многіе изъ простолюдиновъ этой страны перешли на ихъ сторону. Вѣра Аячели и азнауры, которые остались вѣрными *Баграту*, вступили и укрѣпились въ той же *Тбетской* крѣпости. Артавуджской же крѣпостью владѣлъ [эриставъ] Іоаннъ Абусеръ. Въ то время въ этихъ мѣстностяхъ происходили битвы, споры и усмиренныя броженія. Когда страна сія такъ волновалась, Богъ снова оказалъ милость Баграту, царю абхазовъ и грузинъ: царь Константинъ заболѣлъ смертельною болѣзью и предписалъ паркиманосу-проэдросу вернуться назадъ. Паркиманосъ немедленно отправился, но до его возвращенія царь Константинъ умеръ. Предъ смертью онъ посадилъ царемъ другого, по имени Романоза, и далъ ему въ супруги дочь свою Зою. Затѣмъ, на третій годъ, царица Марія, мать царя абхазскаго, отправилась въ Грецію, чтобы искать мира и, кромѣ того, чтобы выпросить для своего сына въ знакъ почета титулъ куропалата, какъ это въ обычаѣ и въ порядкѣ въ ея домѣ, и, наконецъ, чтобы привести жену ему“ (Списокъ царицы Маріи, стр. 246—257).

¹⁾ Марія происходила не изъ Аршакидскаго дома, а изъ дома Арцруни, и была дочь васпураганскаго царя Сенехерима, который завѣщалъ свое владѣніе царю Василію и о которомъ не разъ упоминалось въ предыдущихъ примѣчаніяхъ. Въ надписи на стѣнахъ Мармашена Марія называетъ себя царицей абхазовъ, дочерью Сенехерима, внучкой Гатика, царя армянскаго, и Каты (Н. Г. р. 314, п. 1).

²⁾ Тутъ прерывается Исторія Багратидовъ Сумбата, сына Давида. Дальнѣйшая исторія царствованія Баграта IV подробно разсказана въ К. Ц. (Н. Г. р. 328—341. Списокъ Маріи стр. 256—277).

III. Хроника Месхійской Псалтири ¹⁾.

(Глава I. Агапы).

1. Храброму и въ бояхъ непоколебимому царю, благочестивому владѣтелю Баграту, въ монашествѣ Барнабѣ, да будетъ вѣчная память и благословеніе! ²⁾

2. Царицѣ и владѣтельницѣ Еленѣ да будетъ вѣчная память и благословеніе! ³⁾

3. Сыновьямъ ихъ, взожденнымъ наподобіе побѣговъ рая, прелестнымъ по лицу и глазамъ, непоколебимымъ въ

¹⁾ Отъ такъ называемой Месхійской Псалтири (рукопись Общества грамотности № 947) до насъ дошло всего 15 листовъ, изъ которыхъ четыре листа заключаютъ въ себѣ отрывки псалмовъ, а остальные 11 историческія записи или хронику. Агапы, или поминальныя записи, въ нашей рукописи приведены не въ началѣ хронологическихъ записей, а на двухъ слѣдующихъ отъ начала страницахъ (стр. 10 и 11). Историческія записи начинаются съ 9-ой страницы, но въ началѣ записей недостаетъ по крайней мѣрѣ одного листа. Мы помещаемъ эти агапы въ началѣ, какъ особый родъ записей нашей рукописи, при чемъ лица, упоминаемыя въ этихъ агапахъ, имѣютъ тѣсную связь съ лицами историческихъ записей, какъ ихъ близкіе родственники и сообщники въ политическихъ дѣлахъ. Ихъ мы часто встрѣтимъ въ историческихъ записяхъ нашей рукописи. Почеркъ этихъ агаповъ другой, чѣмъ разнообразный почеркъ историческихъ записей и скорѣе подходит къ почерку оригинала, которымъ писаны дошедшіе до насъ отрывки псалмовъ рукописи, чѣмъ почерку историческихъ записей. Агапы писаны, конечно, раньше историческихъ записей. Дѣленіе на главы и параграфы принадлежитъ намъ.

²⁾ Багратъ былъ сынъ карталинскаго царя Константина III. Онъ сдѣлался владѣтелемъ Мухрана въ 1512 г. Постригся въ монахи подъ именемъ Барнабы и умеръ въ 1539 г. Отъ Баграта идетъ мухранская вѣтвь грузинскихъ Багратидовъ.

³⁾ Елена, супруга упомянутого перваго мухранскаго владѣтеля Баграта, въ генеалогической таблицѣ Броссе не показана (Н. G. II, 1, р. 626).

бояхъ, царю и владѣтелю Ерекле и брату его владѣтелю Ашоту да будетъ вѣчная память и благословеніе! ¹⁾

4. Сестрѣ ихъ, владѣтельницѣ Феодорѣ, да будетъ вѣчная память и благословеніе! ²⁾

5. Ионатану, Гулдфарѣ, Ионатану ³⁾ да будетъ вѣчная память и благословеніе!

6. Внука Великаго Константина, Богомъ вѣнчаннаго царя царей грузинъ, сына царя Баграта, владѣтеля Арчида ⁴⁾, да удостоитъ Богъ долготѣія, аминь!

7. Дѣтей ихъ, Ерекле и Елену ⁵⁾, взрости и сохрани Боже, аминь!

9. Также и владѣтелю Вахтангу да будутъ долгіе годы жизни! ⁶⁾

¹⁾ Ерекле и Ашотъ сыновья Баграта и Елены.

²⁾ Феодора—дочь Баграта и Елены въ генеалогической таблицѣ Броссе не показана.

³⁾ Ионатанъ и Гулдфаръ тоже сыновья Баграта и Елены у Броссе не показаны.

Въ этой записи два раза повторяется слово Ионатану. По нашему мнѣнію, авторъ записи во всякомъ случаѣ по ошибкѣ написалъ Ионатану вмѣсто Іоту или Іотаму, ибо изъ одной надписи на вѣтѣ креста Кацхскаго монастыря извѣстно, что у Баграта былъ сынъ Іотъ или Іотамъ (Опись памятниковъ древности въ нѣкоторыхъ храмахъ и монастыряхъ Грузіи Н. Кондакова и Д. Бакрадзе, стр. 141. Археологическая экскурсія по Квирильскому ущелью Г. Церетели. Изъ VII вып. Моск. Арх. Общ. стр. 5). Въ упомянутой надписи перечислены всѣ дѣти Баграта и Елены.

⁴⁾ Арчилъ сынъ Баграта и Елены.

⁵⁾ Изъ дѣтей Арчила Ерекле показанъ въ генеалогической таблицѣ Броссе, но Елена не показана.

⁶⁾ Вахтангъ—сынъ Баграта и Елены, который наследовалъ своему отцу. Итакъ, въ этихъ агапахъ перечислены всѣ дѣти Баграта и Елены, кромѣ дочери ихъ Дедисъ-имеди. Дедисъ-имеди въ буквальномъ переводѣ значить «надежда матери». Она вышла замужъ за атабега Кайхосро II около 1545 года. Въ числѣ сыновей Баграта Броссе указываетъ еще Александра, который въ нашихъ записяхъ неизвѣстенъ (Н. Г. II, 1, р. 626).

(Глава II. Хроника).

1. въ 11 день луны ¹⁾).

2. Въ корониконъ 247—1559, марта 23, въ день ²⁾ . . .
родился сынъ владѣтеля Арчила Ерекле.

3. Апрѣля 18, въ день пятницы, въ 6 часовъ дня, въ четвертый день луны, въ корониконъ 249—1561, родилась Тамара въ Адкурѣ ³⁾).

4. Саба ⁴⁾. Родился въ Адкурѣ патронъ ⁵⁾ Іанко мѣсяца

¹⁾ Этимъ начинается первый сохранившійся листъ (стр. 9) историческихъ записей, впереди недостаетъ по крайней мѣрѣ одного листа.

Приведенныя ниже записи не слѣдуютъ другъ за другомъ въ хронологическомъ порядкѣ, а писаны на разныхъ страницахъ. Мы располагаемъ ихъ въ порядкѣ хронологическомъ, но въ примѣчаніяхъ укажемъ, какииъ почеркомъ и гдѣ онѣ писаны. Эти замѣчанія касаются впрочемъ записей первыхъ листовъ, дальше записи идутъ, какъ увидимъ, въ хронологическомъ порядкѣ по корониконамъ.

²⁾ Остальное было написано на полѣ, которое отрѣзано. Арчилъ былъ сынъ первого мухранскаго владѣтеля Баграта, въ монастырѣ Бариабы. Рожденіе Ерекле въ генеалогической таблицѣ Броссе отнесено къ 9 марта 1560 г. (Н. Г. II, 1, р 626). Этотъ параграфъ написанъ сейчасъ послѣ агаловъ (стр. 11) мелкимъ почеркомъ и отчасти поблѣкшими чернилами.

³⁾ Тамара—дочь атабега Кайхосро II и супруги его Дедисъ-шведи, дочери первого мухранскаго владѣтеля Баграта. Броссе не могъ утвердительно сказать, Тамара дочь ли Кайхосро II, или Манучара II, хотя считалъ болѣе вѣроятнымъ, что она дочь первого, что и оправдалось (Н. Г. II, 1, р. 640). Этотъ параграфъ слѣдуетъ въ рукописи послѣ первого параграфа и писанъ одинаковымъ съ нимъ почеркомъ.

⁴⁾ Это слово въ оригиналѣ начинается съ прописной буквы, стоитъ въ началѣ записи и отдѣляется отъ слѣдующаго слова тремя точками. Въ нашемъ оригиналѣ попорченные края листовъ подправлены прозрачной бѣлой бумагой и листы въ такомъ видѣ пришиты другъ къ другу. Нужно полагать, что на попорченной части края листа въ данномъ мѣстѣ была вертикальная записъ (для горизонтальной едва ли хватило бы мѣсто), которая кончалась словомъ Саба. Иначе Сабу и Іанко придется считать близнецами и рожденіе ихъ отнести къ одному времени, но для такого предположенія нѣтъ основаній.

⁵⁾ *Зәқуръ*—патрона (patronus), неразлучный эпитетъ въ актахъ.

апрѣля 29, въ день четверга, въ 6 часовъ дня, въ 7-й день луны, въ корониконъ 251—1563 ¹⁾).

5. Въ корониконъ 252—1564, іюня 6-го, въ день вторника, въ 27-ой день луны, съ помощью Бога и св. Николая патронъ Кваркваре ²⁾ обвинчался въ Одишѣ съ дочерью Дадіана Марехъ ³⁾).

6. Василій и Бека-Павле ⁴⁾ родились въ Цихисъ-джуа-

и записяхъ грузинскихъ царей и царицъ и ихъ дѣтей, равно какъ владѣтелей отдѣльныхъ областей, ихъ женъ и дѣтей. Другое слово, также часто употребляемое въ нашей хроникѣ, есть ბატონი батони, которое происходитъ отъ слова патронъ; оно теперь употребляется въ смыслѣ господина, но въ примѣненіи къ царямъ и владѣтелямъ, равно какъ къ ихъ женамъ и дѣтямъ означаетъ то же самое, что патронъ, и соответствуетъ слову владѣтель, государь. Броссе эти слова переводитъ черезъ слово принцъ. Я слово патронъ оставляю въ формѣ оригинала, а батони замѣняю словомъ владѣтель, владѣтельница.

¹⁾ Ианко—сынъ атабega Кайхосро II и Дедисъ-имеди въ генеалогической таблицѣ Броссе не показанъ. Ианко, по нашему мнѣнію, то же самое что Иванъ, который въ надписяхъ Вале и Бацха упоминается въ числѣ сыновей Дедисъ-имеди. Этотъ параграфъ писанъ мелкими почеркомъ, совершенно отличнымъ отъ почерка I и 3 §§, но похожимъ на почеркъ 2 § и довольно поблекшими чернилами.

²⁾ Здѣсь идетъ рѣчь о Кваркварѣ V, сынѣ Кайхосро II и Дедисъ-имеди. Этотъ параграфъ начинается сейчасъ за предыдущимъ, первая шесть словъ написаны въ строку, остальные писаны на полѣ вдоль, въ 4 строки. Почеркъ этого параграфа совершенно не походитъ ни на одинъ почеркъ предыдущихъ параграфовъ. Чернила, черныя ясныя.

³⁾ Вахуштъ даетъ то же самое свѣдѣніе объ этомъ дѣлѣ (Dates recueillies par Vakhoucht. Hist. de la Géorgie, t. II, livr. 1, p. 388). Этотъ параграфъ слѣдуетъ послѣ предыдущаго, писанъ почеркомъ отличнымъ отъ предыдущихъ и поблекшими чернилами.

⁴⁾ Слово Павле прибавлено тою же рукою сверху, и поставленъ знакъ, указывающій, что слово надо вставить въ этомъ мѣстѣ.

рѣ¹⁾ августа 12-го, въ день субботній, въ 2 часа ночи, въ 6-ой день луны, въ корониконъ 252—1564.

7. Въ корониконъ 258—1565, іюля 7-го, въ день воскресный, при[везли] владѣтельницу Марехъ въ Цка[роста]ви..²⁾

8. Патронъ Кайхосро выѣхалъ въ Казминъ изъ Мгелъцихе къ шаху Шахъ-Тамазу марта 3-го, въ день пятницы, въ корониконъ 258—1570³⁾

9. Патронъ Мзе-тчабукъ⁴⁾, 22-хъ лѣтъ, женился и привезъ дочь Ростома Гуріели, патронессу, по имени Родамъ⁵⁾, и жилъ съ ней одинъ годъ и два мѣсяца. 11-го января, въ день пятницы, въ 6 часовъ дня, разгнѣвался Богъ на родителей его, и Мзе-тчабукъ переселился изъ этого міра въ міръ вѣчнаго покоя 23-хъ лѣтъ; не доставало ему до *церковнаго* совершеннолѣтія двухъ мѣсяцевъ. Онъ былъ совершенъ, безъ недостатка въ нравѣ, съ дѣтства любящій Бога, воспитанный въ вѣрѣ Христа; совершенный книжникъ, пѣвецъ и риторъ; съ превосходнымъ голосомъ, сладкорѣчивъ; къ церквамъ

¹⁾ Изъ этой записки видно, что Василій и Бека, сыновья Кайхосро II и Дедисъ-имеди, были близнецы. Цихисъ-джуары—село и крѣпость въ Боржомскомъ уѣздѣ, въ Салгерской долинѣ, на Черной рѣчкѣ.

²⁾ Части словъ, заключенныя въ скобкахъ, были написаны на отрѣзанныхъ поляхъ. Относительно упомянутого событія Вахуштъ пишетъ: Въ корониконъ 253—1565 Кваркваре привезъ Марехъ въ Самцхе (Н. Г. II, 1 р. 388). Этотъ параграфъ писанъ почеркомъ и чернилами § 5.

³⁾ У Вахушта: Въ корониконъ 258—1570 атабергъ Кайхосро поѣхалъ въ Казминъ къ Шаху-Тамазу (*ibid.* р. 389). Мгелъцихе находится въ Самцхѣ, выше Аспиндзы и къ сѣверу отъ нея (Вахуштъ. Description р. 91). Этотъ параграфъ писанъ почеркомъ, отчасти напоминающимъ почеркъ § 6, но буквы здѣсь тоньше, чернила поблекшія.

⁴⁾ Мзе-тчабукъ въ переводѣ значить солнце-юноша, солнце-богатырь. Упомянутый Мзе-тчабукъ былъ сынъ Кайхосро II и Дедисъ-имеди.

⁵⁾ Въ генеалогической таблицѣ Броссе Родамъ значитъ дочь Гуріели Георгія II, а не Ростома (Н. Г. II, 1, р. 640).

и боголюбивымъ людямъ относясь почитательно, онъ умѣлъ читать и писать по-персидски, зналъ языки турецкій (татарскій), персидскій и арабскій; онъ же былъ *отмѣнный* игрокъ въ мячъ и наѣвдникъ. На землѣ еще не появлялся подобный ему. Онъ умеръ въ корониконъ 260—1572 ¹⁾.

10. Родился сынъ владѣтеля Вахтанга ²⁾ Багратъ іюля 16-го, въ день среды, въ первый часъ дня, въ корониконъ 260—1572 ³⁾.

11. Мая 27-го, въ день четверга, въ корониконъ 261—1573, мы отправились въ Ахалцихъ и взяли съ собою владѣтеля Тваль-швениера ⁴⁾ съ тѣмъ, чтобы проводить его въ Казминъ. Іюня 17-го, въ день среды, мы покинули Ахалцихъ, а сентября 7-го, въ среду, покинули Царось-тави ⁵⁾. Въ

¹⁾ Вахуштъ относитъ смерть Мзе-тчабука къ этому же году, а женитьбу его на Родамъ къ 1571 году (ib. p. 389). Но, принимая во вниманіе, что Мзе-тчабукъ жилъ съ своей женой одинъ годъ и два мѣсяца, нужно заключить, что онъ женился въ концѣ 1570 года. Этотъ параграфъ въ рукописи начинается снизу предыдущаго, на 9 страницѣ, на которой помѣщены 5 строкъ, продолжается на слѣдующей 10 страницѣ ниже агановъ; на этой страницѣ приведены три строки, остальные 5 строкъ помѣщены на 11 страницѣ, опять таки внизу. Между окончаніемъ этой записки на 11 страницѣ и 10 §, который, встать сказать, слѣдуетъ за 1 параграфомъ, имѣется въ оригиналѣ пустое мѣсто. Почеркъ разбираемаго параграфа мелкій и не подходит на почеркъ предыдущихъ параграфовъ, чернила черныя, ясныя.

²⁾ Вахтангъ былъ сынъ перваго мухранскаго владѣтеля Баграта, который наследовалъ своему отцу. Онъ приходился братомъ Дедисъ-шведи.

³⁾ Вахуштъ указываетъ этотъ же годъ (ibid.). Этотъ параграфъ писанъ послѣ 2-го поблешими чернилами и почеркомъ, напоминающимъ 8 §.

⁴⁾ Тваль-швениери въ переводѣ значить прекрасноглазый. Онъ былъ сынъ Байхосро II и Дедисъ-шведи.

⁵⁾ Царось-тави—село, известное своимъ знаменитымъ монастыремъ, находится въ Каресской области, въ 15 вер. отъ Ахалкалаки.

пятницу меньшіе братья и сестры простились другъ съ другомъ у Ква-каци¹⁾, и мы остановились въ Чалѣ; октября 11-го, въ воскресный день, мы, мать и братья, и ратники (войска), покинули другъ друга: въ тотъ же день Твальшвеніеръ прибылъ въ Гори, а мы пріѣхали въ Джамасп. Оказалось, что онъ (Твальшвеніеръ) выѣхалъ изъ Эривани 20 октября, въ день вторника. Дальнѣйшія дѣла зависятъ отъ Бога²⁾.

12. Гнѣвъ Божій обрушился въ Казминѣ на именитаго и отъ Востока до Запада прославленнаго, несравненнаго, преисполненнаго добротой, многократнаго побѣдителя, храбраго и мужественнаго, въ бою непоколебимаго, *истиннаго* христіанина и благочестиваго патрона Кайхосро, и оставилъ онъ сіи непостоянные дни сентября 29-го, во вторникъ, въ 9 часовъ, во второй день луны, въ корониконъ 261—1573 (ему минулъ бы 51 годъ 13-го февраля), и переселился онъ въ вѣчную жизнь царства небеснаго къ Отцу и Сыну и Св. Духу. Да будетъ ему вѣчная память и благословеніе!³⁾

¹⁾ Ква-каци въ переводѣ значить камень-человѣкъ.

²⁾ Вышеприведенныя свѣдѣнія отъ начала до этого мѣста не внесены ни въ *Chronique géorgienne*, ни въ *Suite des annales*. Вахуштъ воспользовался только тѣми, которыя нами указаны въ примѣчаніяхъ. Разбираемый параграфъ начинается въ рукописи послѣ 9 § на стр. 11 и продолжается на слѣдующей. Онъ писанъ рукою и чернилами того же 9-го параграфа.

³⁾ Рѣчь идетъ объ атабергѣ Кайхосро II, супругѣ Дедисъ-имеди. Если Кайхосро былъ бы 51 годъ 13 февраля 1574 г., какъ нужно полагать по смыслу нашей записи, то, значить, онъ родился 13 февраля 1523 года. Начиная съ этого параграфа Хроника Месхійской Псалтири, помимо Исторіи Грузіи царевича Вахушта, послужила источникомъ двухъ грузинскихъ хроникъ, такъ называемой *Chronique géorgienne* и другой, известной подъ названіемъ Продолженіе Хроники, *Suite des annales*. Рукопись первой хроники имѣется только въ Парижѣ,

13. Октября 22-го, въ четвергъ, патрона Арчила от-правили изъ Казмина въ Ширазъ, въ корониконъ 261—1573 ¹⁾.

14. По волю Божіей и помощью Ацкурской и Вардвій-ской Божіей Матери патронъ Кайхосро, сынъ патрона Кваркваре, родился въ Ацкуръ въ ночь на понедѣльникъ де-

текстъ которой вмѣстѣ съ французскимъ переводомъ былъ изданъ въ Парижѣ въ 1831 году М. Броссе, впоследствии русскимъ академикомъ. Французскій переводъ Броссе переиздалъ съ исправленіями въ 1841 г. въ Петербургѣ (см. *Mémoires de l'Académie Imp. VI-me série, t. 5, p. 220—245*). Вторая хроника, составляющая продолженіе Карглис-Цховреба, пишется во многихъ позднихъ спискахъ Вахтанговской редакціи К. Ц. и обязана своему происхожденію, по всей вѣроятности, царю Вахтангу VI. Переводъ этой хроники помещенъ М. Броссе во II томъ его *Histoire de la Géorgie*. Первую, или Парижскую, хронику мы для краткости будемъ указывать буквами П. Х., а другую, составляющую продолженіе К. Ц., буквами Прод. И въ той и въ другой хроникѣ свѣдѣнія разбираемаго нами параграфа Месхійской Псалтири внесены кратко въ такой формѣ: „Въ корониконъ 261—1563 патронъ атабегъ Кайхосро (ему былъ бы 51 годъ 13 февраля) умеръ въ Казминѣ сентября 29-го, во вторникъ, въ 9 часовъ, во 2-й день луны“. Неизвѣстно, почему М. Броссе, зная это извѣстіе указанныхъ хроникъ, отнесъ смерть Кайхосро къ 1575 году (Н. Г. П, 1, р. 640).

¹⁾ П. Х. и Прод.: „Въ этотъ же (261) корониконъ Арчила, сына мухранскаго владѣтеля патрона Баграта, отравили изъ Казмина въ Ширазъ, октября 22-го, въ четвергъ“. Далѣе П. Х. прибавляетъ:

„Въ корониконъ 266—1578 царь кахетинскій Леонъ умеръ. Въ этотъ же корониконъ царь кахетинскій Александръ и сыновья его брата сразились въ Чауръ; царь Александръ побѣдилъ и сыновья его брата были убиты. Въ этотъ же корониконъ кизилбаши опустошили Оцхе“. Прод. Хроники объ этихъ дѣлахъ болѣе подробно рассказываетъ (см. К. Ц. т. II, стр. 287—289. Н. Г. П, 1, р. 354—356).

Почеркъ двухъ послѣднихъ параграфовъ 12 и 13-го крупный сравнительно съ предыдущими и отличный отъ нихъ, чернила черныя, ясныя. Оба параграфа несомнѣнно писаны одной рукой.

вѣтаго ноября, ко времени пѣвня пѣтуха, въ 14-й день луны, въ корониконъ 261—1573 ¹⁾).

15. Марта 20-го, въ воскресный день, въ вечернюю пору, въ корониконъ 263—1575, въ девятый день луны, разгнѣвался Богъ на патрона Янко, возвеличеннаго до неба, сына государя, потеряннаго [рая] ..., прекраснаго по лицу и глазамъ, пріятнаго на видъ и представительнаго, новаго цвѣтка рая, сына, составляющаго гордость двухъ государствъ; разгнѣвался Богъ и наступило для его родителей [невыразимое горе]; апрѣля 29-го [ему было бы] двѣнадцать лѣтъ ²⁾).

16. Въ корониконъ 264—1576, мая 15 го, въ день субботній, шахъ Шахъ-Тамазъ умеръ. Устаджалуаны и Али-Ханъ-Султанъ ³⁾, сынъ Ютама, захотѣли сдѣлать государемъ Айдаръ-Мирзу⁴⁾. Джаргазъ, Шамхаль авшаровъ и тѣ, которые бы-

¹⁾ Последняя буква короникона въ оригиналѣ закрыта приклеенной тонкой бумагой, но сѣвось свѣтъ она ясно видна, поэтому неправы тѣ, которые меня упрекали въ искаженіи этого короникона. Свѣдѣній разбираемаго параграфа нѣтъ ни въ П. Х. ни въ Прод. Противъ этого параграфа въ рукописи на полѣ написано рукою текста: Захарія. Не онъ ли авторъ этой записи?

²⁾ Слова, поставленныя въ прямыхъ скобкахъ, были писаны на поляхъ, которые теперь отрѣзаны, и нами добавляются по смыслу. Янко, какъ мы видѣли выше, родился 29 апрѣля 1563 г., такъ что 29 апрѣля 1575 г. ему дѣйствительно было бы 12 лѣтъ. Изъ этого можно усмотрѣть, съ какими точными историческими записями мы имѣемъ дѣло въ нашей хроникѣ. П. Х. и Прод. свѣдѣній разбираемаго параграфа не содержатъ въ себѣ. Почеркъ этого параграфа, писаннаго передъ предыдущимъ, разнится отъ него и не такой крупный.

³⁾ Али-Ханъ-Султанъ былъ родомъ грузинъ, равно какъ и Салу-Заалъ-Ханъ, который тоже былъ на сторонѣ Айдаръ-Мирзы, но котораго наша запись не упоминаетъ (Hammer. Histoire de l'Empire Ottoman, t. VI p. 70).

⁴⁾ Онъ былъ пятый сынъ Шахъ-Тамазы.

ли подвластны¹⁾ ему, напавъ, убили Айдаръ-Мирзу, истребили Устаджалуановъ и отправили гонца, чтобы вывести Исмаиль-Мирзу²⁾. Въ этотъ же корониконъ и этого же мая 22-го, во вторникъ, сына его (Шахъ-Тамазы), Шаха-Исмаила, вывели изъ крѣпости Калки, *съ которой онъ сидѣлъ узникомъ*, и 26 онъ пріѣхалъ въ городъ Ардавелъ (Ардебиль), а 28-го выѣхалъ по направленію Казмина³⁾.

17. Въ этотъ же годъ, въ іюнѣ, атабегъ патронъ⁴⁾ Кваркваре, братъ его⁵⁾ патронъ Манучаръ и сынъ дяди его царевичъ⁶⁾ патронъ Ерекле выѣхали въ Мгелъ-цихе⁷⁾, чтобы отправить посла къ шаху. Всего вмѣстѣ⁸⁾ ихъ сопровождало

¹⁾ *مذابح* *омяхи*—турецкое слово можетъ означать еще по смыслу единомышленника. Въ словарь Д. Чубнинова сказано, что такъ называются шамшадальскіе крестьяне; мушланъ.

²⁾ Отъ слова „Устаджалуанъ“ запись нечинается на полѣ, продолжается *vice-versa* между началомъ этого параграфа и предыдущимъ и заканчивается на другомъ полѣ. Начало этой записи на полѣ теперь закрыта приклеенной тонкой бумагой, но сквозъ свѣтъ видна.

³⁾ Подробности объ этихъ событіяхъ см. у Hammer'a (*Histoire de l'Empire Ottoman*, t. VП, p. 70—74).

П. X. и Прод. тутъ прибавляютъ: И посадилъ шахомъ Шаха-Исмаила. Онъ освободилъ царя Свинона изъ Аламутской крѣпости, приказалъ привезти въ Казминъ, пожаловалъ ему во владѣніе Барталинію и много другихъ милостей. Онъ же помогъ ему пріобрѣсть всѣ царскія украшенія изъ фабрикъ. Когда объ этомъ дѣлѣ узналъ царь Давидъ, сидѣвшій въ Тифлисъ, разсердился и послалъ къ султану курьера просить войска (П. X. стр. 11, К. Ц. т. II, стр. 289). Начиная съ этого 16 параграфа записи въ рукописи идутъ въ хронологическомъ порядкѣ. Почеркъ 14 и 16 §§ одинаковый. Чернила черныя, ясныя.

⁴⁾ Этого слова нѣтъ ни въ П. X. ни въ Прод.

⁵⁾ Здѣсь и въ подобныхъ случаяхъ въ оригиналѣ обыкновенно стоитъ „ихъ“, *pluralis maiestatis*.

⁶⁾ П. X. и Прод.: сынъ мухранскаго владѣтеля Арчила.

⁷⁾ Мгелъ-цихе буквально значитъ волчья крѣпость.

⁸⁾ *از-جانبها* буквально плохихъ и хорошихъ.

до шестидесяти человекъ. Мы остановились въ Самбцуть-геле¹⁾. Изъ Оладисъ-квabi²⁾ Шеданишвили³⁾ Ясонъ далъ знать Варазашвили Коволъ, его брату Лашкаръ и его дядѣ Гургаку. Они взяли съ собою сына Ели Діасамидзе Автандила, его брата Шермазана, Аматакишвили Аматака, сына Ростома, и Абдукапара; сына брата ихъ Ростома и Аматакишвили Сехнiю. До пятисотъ человекъ приготовились и выступили. Переправившись черезъ мостъ Ортвалисъ-хиди⁴⁾, они прибыли въ Боргъ. Тамъ Джирасонъ⁵⁾, сынъ Iоба Панаскертели, встрѣтилъ ихъ и случайно присутствовалъ при разговорѣ *одного* человекъ, что „они на самомъ дѣлѣ отправляются чтобы напасть и перебить владѣтелей“. Онъ отправился и сообщилъ Кандуръ-Али, сыну Уйубо⁶⁾ Доленджишвили, что „они на самомъ дѣлѣ собираются убить владѣтелей, и чтобы онъ немедленно донесъ имъ *объ этомъ*“. Кандуръ-Али отправился и сообщилъ владѣтелямъ. Пѣтухъ уже пролѣтъ. Патроны встали *и ест*, которые были при нихъ, взяли за оружіе. Было около двадцати вооруженныхъ людей. Они навьючили вещи; долгое время вращались около того же мѣста, но *никто* не являлся, *потомъ* отступили къ крѣпости Охерать-тави⁷⁾. Iюня 30-го, въ субботу на рассвѣтѣ, тѣ учинили нападеніе на мѣсто ихъ *прежней* стоянки⁸⁾, но ничего не на-

¹⁾ Самцубтъ-геле буквально значить Самцубская ложбина, оврагъ.

²⁾ П. X.: Олтисъ-квabi. Квabi значить пещера.

³⁾ П. X. и Прод.: Беданишвили. У Вахушта правильно (Н. Г. II, 1, р. 219)..

⁴⁾ Оръ-твалисъ хиди значить мостъ о двухъ пролетахъ.

⁵⁾ П. X.: Джараханъ.

⁶⁾ П. X. и Прод.: Угубо. Въ оригиналѣ разбираемое слово написано сверху строки, впереди стерта одна буква, которая, повидимому, была Д.

⁷⁾ Охерать-тави, или Охеръ-тави, значить безпріютная голова.

⁸⁾ значить мѣсто прежней стоянки, жилья. Броссе принялъ это слово за *posen loci* и переводитъ черезъ Nasadgomew (Mémoires de l'Acad. VI-me série, t. 5, p. 230).

шли, кромѣ палатки и вещей Тухарелей, которыя и растащили, но муловъ вернули назадъ. Наши и ихъ люди повздорили, и наши одного убили и одного взяли въ плѣнъ. Тѣ вернулись назадъ не солоно хлѣбавши и похвастались: „Если бы они не ушли до нашего прахода, мы бы сняли съ нихъ головы, тѣла бы изрубили на куски и при этомъ и дѣтей бы не оставили въ живыхъ“. Разнеслась молва *объ этомъ*, и войско наше стало собираться. Патронъ Квареваре, патронъ Манучаръ и Ерекле выступили во имя Бога, и мы прибыли въ Зеда-Тмогви, опустошили городъ Тмогви и туда же въ Зеда-Тмогви ¹⁾ вернулись. Мать ихъ, патронесса Дедисъ-имеди, въ монашествѣ Дебора, прибыла сюда же. Въ понедѣльникъ мы подступили къ Ванисъ-кваби ²⁾, въ среду взяли его приступомъ, а въ пятницу снялись съ мѣста, спустились внизъ, присоединили къ себѣ Рчеуловыхъ; въ воскресенье взяли Оладисъ-кваби ³⁾, поднялись и остановились въ Карцахъ.

¹⁾ Зеда-Тмогви значитъ Верхній Тмогви. Тмогви дѣлился рѣчкой на двѣ части. Нижній Тмогви, или городъ въ собственномъ смыслѣ, лежалъ на лѣвомъ берегу рѣчки, а Верхній Тмогви находился на скалѣ, на правомъ берегу рѣчки (см. Dubois de Montpréaux, *Voyage autour du Caucase* t. II, p. 312). Вахуштъ, отмѣчая вѣрность въ Тмогви на скалѣ, говоритъ, что Тмогви прежде былъ городомъ, а теперь представляетъ изъ себя мѣстечко (*Description*, p. 91). Дѣленіе Тмогви на Верхній и Нижній сохранилось до настоящаго времени.

²⁾ Ванисъ-кваби значитъ пещера Ваны. Вана монастырь на отрогѣ Гурійскаго хребта въ Самцхъ, около которой Вахуштъ отмѣчаетъ и пещеры (*Description*, p. 89).

³⁾ П. X.: Оладисъ-кваби. Оладисъ-кваби, т. е. Олдійская пещера находилась, вѣроятно, въ Джавахетин на Оладисъ-цкали, притокъ Гокисъ-цкали; послѣдняя рѣчка впадаетъ въ Джавахетскую Куру (*Description*, p. 99).

18. Юля 19, въ четвергъ¹⁾, въ корониконъ 264—1576²⁾, мы вооружили Ерекле³⁾ 16-ти лѣтъ, трехъ мѣсяцевъ и трехъ недѣль, напали на Посо⁴⁾, сожгли и опустошили дома⁵⁾, напустили войско, забрали въ плѣнъ семь разоренныхъ домовъ, взяли добычу, вернулись и расположились у озера Палакаціо. Оттуда, въ окрестностяхъ Тетръ-цихе⁶⁾, мы сожгли Албуть⁷⁾ и Камароани⁸⁾ и отправили посла въ шаху. Въ этомъ же іюлѣ мѣсяцѣ, числа 28-го, въ день субботній, сынъ Зембеда Шаликашвили взялъ назадъ крѣпость Отисъ-цихе⁹⁾, которая раньше принадлежала ему. Татары (турки) явились посредниками между нами. Мы повернули, направились къ Мгелъ-цихе, остановились у источника Шераншайановъ и затѣмъ отправились въ Ацкуръ.

1) Прод. не сохранило этого слова, кромѣ списка Мингрельскаго.

2) Этотъ корониконъ не указанъ въ П. X., а въ Прод. онъ отиѣченъ только въ списокѣ Мингрельскаго.

3) П. X. и Прод. прибавляютъ тутъ: сына владѣтеля Мухрана Арчила.

4) Посо - провинція Джавахетія на р. Пососъ-цвали, впадающей въ Карцахское озеро. На этой рѣчкѣ находится знаменитый Цкаростьтавскій монастырь (Description, p. 99).

5) Въ оригиналѣ домъ.

6) Тетръ-цихе, или Агджа-Бала, значитъ бѣлая крѣпость. Она находится на Агабабской горѣ, отдѣляющей Карскую область отъ Джавахетія (Description, p. 139 et 151).

7) П. X.: Алабети. То же самое въ текстѣ Прод., кромѣ Мингрельскаго списка, который точно воспроизводитъ названіе оригинала, т. е. нашей хроникѣ.

8) П. X. и Прод.: Камроани. Албуть и Камароани не обозначены у Вахушта. Они, видимо, находились около Тетръ-цихе.

9) П. X. и Пр.: Отисъ-цихе. Деревня Ота находилась на Аспиндзисъ-хеви, въ Самцхе. По словамъ Вахушта (Description, p. 91—98), въ Отѣ находятся пещеры, куда люди прячутся во время нашествій.

19. Въ этотъ же корониконъ, августа 31-го, измѣнили Варнетской крѣпости¹⁾ изъ Мгелъ-цихе, а четвертаго сентября Діасамидзе пос[лалъ] [а]знауровъ [и] мсахуровъ²⁾, чтобы взять измѣной Дем[от]исъ-цихе³⁾, но [измѣ]на не удалась и сем[надцать] *человѣкъ* были захвачены въ плѣнъ начальникомъ крѣпости [Са]джаромъ Шалвашвили⁴⁾. Патронъ Манучаръ и сынъ дяди ихъ, патронъ Ерекле, были въ Мгелъ-цихѣ и напали на азнауровъ Шаликовыхъ. Азнауры бѣжали, Ерекле догналъ ихъ, убилъ челоуѣка и взялъ *въ добычу* хорошую лошадь. Мы также пріѣхали изъ Самцхе и расположились у источника Шераншайановъ⁵⁾.

20. Въ этотъ же 264—1576 корониконъ, іюня⁶⁾ 24-го, патронъ Арчилъ, какъ мы узнали, прибылъ изъ Шираза въ

¹⁾ Варнетская или Варенетская крѣпость находится на рѣчкѣ Варнетисъ-хеви, притокъ Куры, выше Аспидзы. Вахуштъ отмѣчаетъ (*ibidem* р. 93), что тутъ находится на скалѣ сильная крѣпость.

²⁾ Мсахури составляли классъ людей ниже азнауровъ (дворянъ), но выше крестьянъ. Ихъ обязанностью было сопровождать господина исполнять порученія, но они были свободны отъ всякой черной работы.

³⁾ Демотисъ-цихе у Вахушта помѣщается на р. Курѣ, къ западу отъ Квабисъ-хеви, въ Самцхе (*Description*, р. 83).

⁴⁾ Прод.: Шаликашвили. Мингрельскій списокъ согласенъ съ нашимъ источникомъ. Слова и буквы, заключенныя въ скобки въ этомъ параграфѣ, были писаны въ оригиналѣ на отрѣзанныхъ теперь поляхъ. Но когда составители П. X. и Прод. пользовались нашимъ источникомъ, поля тогда, какъ нужно полагать, еще не были отрѣзаны. Поэтому у нихъ эти слова читаются безъ пропусковъ.

⁵⁾ Начиная съ 17-го параграфа, до этого мѣста текстъ рукописи писанъ однимъ почеркомъ и черными ясными чернилами.

⁶⁾ ივნისის თვეს — мѣсяца Іюанна. Такъ называютъ обыкновенно іюнь мѣсяцъ. Въ предыдущихъ параграфахъ рассказывается о событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ августѣ 1576 г.; здѣсь авторъ возвращается къ прошлествию въ іюнь мѣсяцъ того же года. Такое кажущееся нарушение хронологической послѣдовательности можно объяснить такимъ соображе-

Казминъ съ семействомъ. Потомъ мы двинулись далѣе, опустошили Посо, отправили посла къ шаху и, повернувъ назадъ, прибыли въ Самцхе.

21. Въ корониконъ 265—1577, въ мартѣ, Коккола сдѣлалъ нападеніе и отнялъ у насъ Ахчись-кваби¹⁾. Владѣтель Манучаръ отправился и тотчасъ отобралъ назадъ. Ерекле былъ вмѣстѣ съ нимъ. Затѣмъ Гургакъ отложился отъ сына своего брата, Кокколы, и поклялся *въ отъности* владѣтелю Манучару. Онъ взялъ себѣ Каджись-цихе. Потомъ переступилъ клятву и опять отложился отъ Манучара. Патронъ Манучаръ вернулся назадъ; весною мы опять послѣдовали въ походъ, вступили въ переговоры, но онъ не присоединился къ намъ. Мы опустошили Посо, отправили посла и вернулись назадъ. Въ этотъ же корониконъ, въ половинѣ сентября, именемъ Христа Бога мы выступили въ походъ и подступили къ Каджись-цихе²⁾. Второго октября Гургакъ присоединился къ намъ и далъ Вели. Мы повернули оттуда, взяли крѣпость Уртись-цихе съ своей церковью; она (крѣпость) была на сторонѣ Кокколы. Крѣпость мы разрушили, укрѣпленія, какія были, сожгли, церковь оставили. Мы опустошили Посо, отправили посла къ шаху, и, повернувъ назадъ, прибыли въ Мгель-цихе. Мата Бостоганишвили убилъ старшаго своего брата, по имени Ата-Мирзу. Владѣтель Манучаръ отправил-

ніемъ: авторъ записи узналъ о прибытіи Арчила изъ Шираза въ Казминъ послѣ августа 1576 года, когда предыдущіе параграфы были уже написаны, и тогда вставилъ это извѣстіе въ свои записи.

¹⁾ Т. е. Ачхійскую пещеру.

²⁾ Каджись-цихе, буквально крѣпость лѣшихъ, дивовъ, находится въ Джавахетин, на Джавахетской Курѣ, при впаденіи въ нее Гокійсь-цакали. Она, по словамъ Вахушта, прежде называлась Цуни (Цунда), потомъ армянами была названа Каджта-тунни, а впоследствии получила названіе Каджись-цихе (Description, p. 99). Постройку крѣпости и города Цунды Б. Ц. приписываетъ мнѣческому Джавахосу, сыну Мцхетоса.

ся, схватилъ Мату и выжегъ глаза ему и людямъ, бывшимъ вмѣстѣ съ нимъ. Владѣтель Манучаръ вернулся и прѣхалъ въ Мгелъ-цихе. Владѣтель Кваркваре и патронъ Манучаръ остались тамъ, а владѣтельница Дедисъ-имеди выѣхала и прибыла въ Ахалцихъ. 17-го декабря получено было извѣстіе, что Шахъ-Исмаилъ умеръ. Мы ужъ не разошлись, въ день Рождества отправили посла къ владѣтелю Твалъ-швениѣру, смерти шаха не вѣрили. 28-го декабря пришелъ человекъ отъ Твалъ-швениѣра и принесъ извѣстіе, подтверждающее смерть шаха; какъ оказалось, Шахъ-Исмаилъ умеръ 23-го ноября¹⁾.

22. Декабря 31-го, во вторникъ, владѣтель Кваркваре и владѣтель Манучаръ подступили къ Тмогви. Января 5-го, въ воскресенье²⁾, въ корониконъ 266—1578, патронесса Дедисъ-имеди и владѣтель Бека подступили къ Квели³⁾. Того же января, числа 8-го⁴⁾, въ среду⁵⁾, тамъ они взяли Тмогви, а здѣсь мы въ тотъ же день взяли Квели

¹⁾ Свѣдѣнія этого параграфа недословно внесены, вопреки обыкновению, въ П. X. и Прод. Въ П. X. мы читаемъ: „Въ корониконъ 266—1578 появилась комета, подобную которой никогда никто не видѣлъ, и кизилбаши (персы) отравили ядомъ Шаха-Исмаила ноября 23-го и сдѣлали государемъ его же брата Шаха-Худабанду“. Въ Прод. сказано: „Въ корониконъ 266 появилась комета, подобную которой никто никогда не видѣлъ. Такъ какъ Шахъ-Исмаилъ былъ человекъ безжалостный и кровопійца, поэтому персы не захотѣли господства его, при томъ его подозрѣвали въ суннитствѣ; на шестомъ мѣсяцѣ, 23-го ноября, кизилбаши отравили Шаха-Исмаила, и сдѣлали государемъ его же брата Шаха-Худабанду. Этотъ Шахъ-Худабанда былъ человекъ бессильный и слѣпъ глазомъ и не могъ какъ слѣдуетъ повести свои дѣла.

²⁾ Двухъ послѣднихъ словъ нѣтъ въ П. X.

³⁾ Квелись-цихе находится въ Самцхе, на р. Джаквись-цвали (Description, p. 89).

⁴⁾ П. X.: 5-го.

⁵⁾ Прод.: въ понедѣльникъ. Мингрельскій списокъ согласенъ съ нашимъ текстомъ.

23. Въ среду, 7-го ноября, у владѣтеля Ерекле упала лошадь; она такъ ужасно разбила его, что положеніе стало критическимъ, но онъ избавился отъ страшной опасности. Черезъ тринадцать дней, отправившись опять на охоту, онъ сидѣлъ у подошвы скалы. Сброшенный имъ же камень, упалъ и отрѣзалъ ему палець съ костью, ужасно разможживъ его. Въ два мѣсяца едва онъ вылѣчился ¹⁾. Поэтому онъ не былъ ни въ Тмогвѣ ни въ Квели. Кокола, соединившись съ Кара-Ханомъ, выступилъ на помощь Тмогви, но не подошлѣлъ: крѣпости обѣ были уже взяты. Владѣтельница Дедисъ-имеди отправилась изъ Квели въ Тмогви. Оттуда владѣтель Манучаръ отправился въ Джавахетію. Онъ разграбилъ Посо и Джавахетію, и снабдилъ Каждисъ-цихе провизіей для Гургакка. Владѣтель Кваркваре и владѣтель Манучаръ выѣхали въ Ахалцихъ, а владѣтельница Дедисъ-имеди осталась въ Тмогви. Всѣ припасы ²⁾, какіе нужны были для Тмогви, она распорядилась привезти, обильно снабдила его припасами и отправила посла къ Тваль-швеніеру. Она сообщила ему о пріобрѣтеніи крѣпостей и извѣщала о движеніи урумовъ (турокъ). Молва о *движеніи* урумовъ быстро распространилась. Патронесса Дедисъ-имеди пріѣхала въ Ахалцихъ къ сыновьямъ. Патронъ Манучаръ и патронъ Ерекле собрали войско, отправились и стали лицомъ къ лицу съ урумами. Патрону Кваркваре немного нездоровилось. Онъ не могъ поѣхать.

¹⁾ Очевидно изъ разсказа, что все это приключилось съ Ерекле въ 1577 году. Авторъ вставилъ здѣсь этотъ разсказъ для того, чтобы разъяснить непонятное безъ этой оговорки отсутствіе Ираклія при занятіи крѣпостей Тмогви и Квели. Въ П. X. послѣдняя фраза приведена въ такой формѣ: *არს ოვეს ჰეგლი გაუმოვლდა*—въ два мѣсяца исцѣлилась ему кость. Здѣсь по ошибкѣ, вмѣсто слова оригинала *ჰეგლი*—едва, попалъ въ П. X. *ჰეგლი*—кость, отчего и смыслъ фразы совершенно другой.

²⁾ *დახირა*, въ П. X. по ошибкѣ *ზახირა*; поэтому Броссе по непонятности оставилъ это слово безъ перевода (Mémoires, t. 5, p. 234).

Мы прибыли въ Згудер¹⁾). Между тѣмъ 26-го февраля, въ среду, восемь тысячъ османовъ напали на Кара-Хана. Онъ подался назадъ, чтобы изыскать средства ²⁾). Урумы пустились за нимъ и убили около десяти человекъ; затѣмъ они повернули назадъ, сожгли у него Гори ³⁾) и расположились въ томъ же Зарипатрѣ. Кара-Ханъ повернулъ назадъ, съ нимъ было шестьсотъ человекъ; напалъ на урумовъ, истребилъ ихъ и обратилъ въ бѣгство именемъ Бога. Кара-Ханъ, побѣдивъ, взялъ много богатства и оружія. Владѣгель Манучаръ повернулъ назадъ и пріѣхалъ въ Аккуръ ⁴⁾).

24. Въ корониконѣ 266—1578, мая 21-го, въ среду, патронъ ⁵⁾) Ерекле поѣхалъ въ Сурамъ къ царицѣ карталинской ⁶⁾). Царица пребывала въ бѣдности. Онъ поѣхалъ, чтобы жить вмѣстѣ съ ней ⁷⁾).

¹⁾ Згудеръ—деревня, упоминается Вахуштомъ въ долинѣ Ліахвы въ Карталиннѣ (Description, р. 477). Въ Самцхе-Саатабаго деревня подъ такимъ названіемъ, очевидно, существовала, но въ географическомъ описаніи Вахушта мы ея не находимъ.

²⁾ Такъ я перевожу слова оригинала: გუდერზე სანდობად.

³⁾ Подъ Гори здѣсь, конечно, нельзя подразумѣвать нынѣшній городъ Гори при слияніи р. Ліахвы съ Курой, а другое мѣсто или вѣрность въ Самцхе, хотя таковая не указана въ географіи Вахушта.

⁴⁾ Прод. тутъ прибавляетъ: „Въ этотъ же корониконъ выступила войска султана и покорили Тавризъ, Эривань, Ганджу, Карабагъ вплоть до Султанн и всѣ мѣста Адарбадагана“.

⁵⁾ Въ П. X. и Прод., вмѣсто этого слова, написано: сынъ мухранскаго влѣдѣтеля Арчила.

⁶⁾ П. X и Прод. прибавляютъ: Нестанъ-Дареджанъ.

⁷⁾ П. X. и Прод. прибавляютъ тутъ такія свѣдѣнія: „Въ этотъ же корониконъ умеръ католикось абхазскій Евдемонъ Чхетидзе. Въ этотъ же корониконъ умеръ сынъ царя царей Георгія Багратъ, мѣсяца мая 22-го, и мать ихъ, урожденная Шарвашидзе, царица Русуданъ, умерла 4-го августа“.

25. Въ этотъ же корониконъ, августа 7-го, въ четвергъ, войско султана и Лала-Паши подступили къ крѣпости Мгель-цихе; сразились; до вторника сраженіе возобновлялось каждый день. Защитниками крѣпости были Гогоришви Ройнъ, его братъ, монахъ изъ Ерушети, сынъ брата его Зурабъ и ихъ люди. Съ помощью Бога они прогнали *турокъ*, и крѣпость за нами осталась; наши одержали побѣду. Въ пятницу, 8-го августа, урумы отняли у насъ Каджисъ-цихе, Вели¹⁾ и Тетръ-цихе; гарнизонъ Каджисъ-цихе весь былъ перебитъ²⁾.

Въ субботу, 9-го числа, утромъ, прибыли между Дзурдваномъ и Цинцаломъ азрумскій (эрзерумскій) и ванскій паши. Султанъ³⁾, Кара-Ханъ Базуклу, да еще владѣтель Мугала сошлись тамъ вмѣстѣ. Магмадъ-Султанъ занялъ высокій холмъ и держалъ при себѣ всѣхъ своихъ. Остальные владѣтели дали сраженіе урумамъ. Сначала взяли верхъ кизилбаши, но потомъ одолѣли и одержали побѣду урумы. Магмадъ-Султанъ бѣжалъ и скрылся⁴⁾.

Въ то же воскресенье, 10-го августа, патронъ Манучаръ встрѣтилъ *турокъ* въ Каджисъ-цихе; онъ не подоспѣлъ ни къ сраженію главныхъ силъ, ни къ взятію крѣпостей⁵⁾. Коіаръ

¹⁾ Вели—крѣпость, у Вахушта не указана, она находилась, вѣроятно, около Артана.

²⁾ Занятіе этихъ крѣпостей турками у Наммер'а (t. VII, p. 75) отнесено къ 9 августа 1578 г.

³⁾ Рѣчь идетъ о предводителѣ персовъ Токма-Ханѣ. По Наммер'у, когда титулъ „султанъ“ примѣняется къ персидскимъ сановникамъ, должно писать „солтанъ“.

⁴⁾ Рѣчь идетъ о Чилдирской битвѣ, гдѣ персы подъ начальствомъ Токма-Хана были разбиты турками 9-го августа 1578 г. (Наммер, t. VII, p. 81)

⁵⁾ По Наммер'у (t. VII, p. 85), Манучаръ еще за нѣсколько недѣль до Чилдирской битвы передался туркамъ. Ему дали Ацкурское санджакство, а брату его Кваркварѣ Олты.

Амилахоришвили встрѣтилъ Лала-Пашу въ Артанѣ 2-го августа и передалъ ему двѣ крѣпости въ видѣ подарка. Точно также оказалось, что Арфаксадъ еще раньше обѣщался передаться съ шестью крѣпостями; и онъ поднесъ ему въ подарокъ Хертвисъ и пять другихъ крѣпостей. Онъ сопровождалъ патрона Манучара; его тотчасъ отдѣлили *отъ свиты*, приняли отъ него крѣпости и дали ему Хахульское санджакство. Патронъ Манучаръ 17-го того мѣсяца отдалъ Лала-Пашѣ крѣпость Тмогви; Ахалкалаки, гдѣ стоялъ гарнизонъ Кокоды, паша отнялъ раньше; поэтому онъ и далъ Тмогви. Паша двинувшись, направился къ Тифлису, который *передъ тѣмъ* сжегъ Даутъ-Ханъ и удалился. Паша прибылъ въ Лоре, а *оттуда* въ Тифлисъ; *тамъ* (въ Тифлисѣ) онъ посадилъ пашу, а въ Гори санджака ¹⁾.

26. Сынъ патрона Баграта ²⁾; патронъ Вахтангъ, эриставъ Элизбаръ и Амилахори Бардзи[мъ] соединились вмѣстѣ. Лала-Паша послалъ войско противъ царицы и всей Карталини. Но явились они (патроны) и, благодаря имъ, войска были отозваны назадъ, страна не была опустошена. Имъ (патронамъ) отдали опять ихъ владѣнія и вернули назадъ, не задержавъ даже и четыре дня. Они возвратились въ свои владѣнія.

Сомхитскія войска причинили много вреда *туркамъ*. Лала-Паша выслалъ войска, которыя двинулись черезъ Картлію, но имеретины преградили имъ дорогу и страшно истребили. Во второй разъ Ерекле, сынъ патрона Арчила, оказался за-

¹⁾ П. Х. и Прод. прибавляютъ тутъ: Даутъ-Ханъ отправился къ султану, гдѣ ему оказали большой почетъ. Два пашаликства дали на кормленіе, а самого держали при дворѣ. Два сына его, Баграть и Хосровъ, не послѣдовали за отцомъ. Царевичъ Баграть былъ зять кахетинскаго владѣтеля. Онъ поселился у тестя. Меньшой братъ Хосровъ-Мирза тоже поселился вмѣстѣ съ своимъ братомъ и подъ конецъ поѣхалъ ко двору Шаха.

²⁾ П. Х. и Прод. : „Когда въ Тифлисѣ посадили пашу, а въ Гори санджака, сынъ владѣтеля Мухрана“.

пертымъ среди боя, но вышелъ побѣдителемъ. Онъ выказалъ чудеса храбрости въ бою. Подъ нимъ была убита лошадь; шестнадцать ударовъ было нанесено на его шлемъ и до сорока стрѣлъ попали въ него, но ни кольчуга ни шлемъ не были пробиты. Одинъ ударъ пашки попалъ на его кинжалъ, рукоятка кинжала была перерѣзана. Шесть его азнауровъ были тяжело ранены, изувѣчены, но побѣда осталась за Ерекле; турки бѣжали, большинство было убито и уничтожено. Имеретины дали сраженіе и одержали побѣду перваго сентября, а карталинцы и Ерекле сразились и страшно истребили 10-го сентября.

27. Пріѣхалъ Оравжандашвили и спровадилъ Манучара къ пашѣ. Изъ Ахалкалакъ паша и патронъ Манучаръ поѣхали въ Картлію, а сюда (въ Самцхе) онъ (Манучаръ) прислалъ Кайхосро Оравжандашвили. Въ крониконъ 266—1578, четвертаго¹⁾ сентября, въ четвергъ, мы обвинчали съ нимъ (съ Оравжандашвили) дочь патрона Тамару²⁾. Св. Троица и страшная Ацкурская Божія Матерь и [св. Николай] да сдѣлають счастливымъ ихъ бракъ! Изъ боязни турокъ паръ былъ въ Агуріани. Не веселая, конечно, для насъ была свадьба.

28. Кахетинскій царь, патронъ Александръ, сынъ патрона Леона, также явился къ Лала-Пашѣ. Онъ встрѣтилъ и присоединился къ нему въ Сатисъ-Чалъ, и они отправились на Шакъ и Ширванъ.

¹⁾ П. X.: двадцатаго.

²⁾ Эта Тамара, вѣроятно, дочь Кайхосро II и Дедисъ-имеди, сестра Манучара II, которая потомъ вышла замужъ за Вахтанга Гуріели (1583 г.), а затѣмъ (1592 г.) за Манучара Дадіани. Она родилась, какъ мы видѣли выше (см. стр. 185), 18 апрѣля 1561 года. Броссе, приводя это мѣсто, дѣйствительно не совсемъ ясно, остается въ недоумѣніи, съ кѣмъ Тамара обвинчалась и чья она была дочь (*Mémoires et cetera*, p., 237). Въ другомъ мѣстѣ Броссе обвинчалъ Тамару съ патрономъ Ерекле (Н. Г. II, 1, p. 361).

29. Въ это время пріѣхалъ отъ шаха Шерапшавили, который былъ при Тваль-швеніерѣ. Онъ принесъ слѣдующее извѣстіе: „Шахъ, узнавъ о переходѣ Манучара къ Лала-Пашѣ, послалъ людей къ Тваль-швеніеру, которые вывели его изъ дому и передали корчибашу. Тваль-швеніеръ былъ арестованъ 26-го августа, въ понедѣльникъ“.

30. Татары заняли Ширванъ, построили крѣпость ¹⁾, поставили въ ней Османъ-Пашу со своимъ войскомъ и вернулись назадъ. Сынъ Александра сопровождалъ ихъ до Арагвы и вернулся. Лала-Паша расположился въ Мухранѣ и укрѣпилъ Горы ²⁾.

31. Карталинскій царь патронъ Свимонъ былъ въ плѣну. Шахъ отпустилъ его. Его больного привезли на паланкинѣ. Онъ привезъ съ собою патрона ³⁾ Арчила съ однимъ сыномъ и со множествомъ плѣнныхъ. Прибылъ онъ въ половинѣ октября ⁴⁾. Шахъ Худабанда отпустилъ его .

32. Лала-Паша стоялъ опять въ Картліи. Онъ прибылъ въ Сомхитію, завелъ переговоры. Царь былъ боленъ; поэто-

¹⁾ Въ П. X., вмѣсто этихъ двухъ фразъ: Татары заняли ширванскую крѣпость“.

²⁾ Продолженіе хроники тутъ прибавляетъ: „Вѣсть объ этомъ дѣлѣ дошла до шаха Худа-Банды. Тогда мать шаха Худа-Банды, дочь Отара Шалишавили, вывела царя Свимона и, какъ подобаетъ грузинской женщицѣ, такъ поступила. Она прислала ему личакъ, покрывало женское, съ такими словами: „Это я наматываю на рукоятку твоего меча; поступай такъ, какъ знаешь и какъ подобаетъ твоему мечу. Мы жалуемъ тебѣ твое царство, Грузію, и много другихъ даровъ, иди и защити Грузію, чтобы османы не завоевали ее, и будь помощникомъ и вѣрнымъ государству нашему“. Ему дали безчисленные подарки, и такимъ образомъ царь Свимонъ выѣхалъ (К. Ц. т. II, стр. 293).

³⁾ Въ П. X. и Пред., вмѣсто этого слова, сказано: сына владѣтеля Мухрана Баграта.

⁴⁾ П. X.: 15-го октября.

⁵⁾ ~~Последней фразы нѣтъ въ П. X. и Пред.~~

му онъ не могъ видѣться съ нимъ. Войска снялись 1-го октября, въ пятницу, и начали прибывать *къ намъ*. Мы находились въ Ацкурѣ. Въ понедѣльникъ Лала-Паша отпустилъ Манучара. Онъ пріѣхалъ раньше *наши*, во вторникъ ¹⁾. Патронъ Кваркваре встрѣтилъ его. Пріѣхалъ и самъ Лала-Паша и расположился по ту сторону на Леки ²⁾. Въ четвергъ патронесса Дедисъ-имеди вышла изъ крѣпости и посѣтила Лала-Пашу. Нельзя было счесть, столь много было войска и верблюдовъ. Въ субботу, на зарѣ, *Лала-Паша* снялся и ушелъ. Патронъ Кваркваре, обманутый имъ, отправился вмѣстѣ съ нимъ и не возвращался. Патронъ Манучаръ тоже сопровождалъ пашу. Десять дней едва хватило, чтобы войско ушло. Во вторникъ получено было извѣстіе, что патронъ Кваркваре не возвращается. Патронесса Дедисъ-имеди погналась за нимъ, доѣхала до Джаки, но не могла догнать; потомъ она пустила въ погоню азнауровъ, но не могла вернуть его. Такъ онъ и уѣхалъ, не простившись съ матерью и съ семействомъ. Ему дали Олтинское санджакство; онъ туда и пріѣхалъ. Патронъ Манучаръ вернулся назадъ и пріѣхалъ въ Ацкуръ ³⁾.

¹⁾ Двухъ послѣднихъ словъ нѣтъ въ П. X.

²⁾ ლეკი леки—грузинское названіе лезгина. Авторъ записи, какъ видно, находился въ Ацкурѣ. Лала-Паша туда же и прибылъ, какъ можно заключить по смыслу записи. По всей вѣроятности около Ацкура было небольшое поселеніе лезгинъ, прежнее или современное автору записи, около котораго, вѣроятно, и остановился Лала-Паша. О горѣ Лукунѣ, которая раздѣляетъ долину Машаверы отъ долины Зуртакеты, по нашему мнѣнію, тутъ не можетъ быть рѣчи (Броссе. Mémoires... t. 5. p. 238, п. 5).

Выраженіе «по ту сторону» означаетъ по ту сторону Куры, на которой находится Ацкуръ. Это, вѣроятно, сторона противоположная Ацкурской крѣпости.

³⁾ П. X. в Прод. тутъ прибавляютъ: „Царь Свимионъ, взявъ Гори, сдѣлался могущественнымъ въ Картліи. Изъ тѣхъ, которые измѣнили

33. Въ день Введенія во храмъ царь патронъ Свимонъ плѣнилъ патрона Вахтанга, брата Дедисъ-имеди ¹⁾, и посадилъ его узникомъ въ крѣпости Кехви.

34. Лала-Паша прислалъ войско и Мирдза-Али къ патрону Манучару, побуждая его отправиться въ Картлію. Въ Картлію они не могли пробраться; остановились въ Садгерѣ, опустошили его, *при чемъ* погребло сокровище *церкви* св. Георгія ²⁾. Во второй разъ онъ (паша) прислалъ санджакъ. Патронъ Манучаръ присоединился къ нимъ, напалъ на Верхнюю Картлію и опустошилъ ее.

35. Къ патрону Кваркваре пріѣхалъ вѣстникъ. Его уже не оставили въ Олты, а взяли въ Азрумъ (Эрзерумъ). Онъ былъ взятъ наканунѣ Рождества.

36. Супруга шаха Худа-Банды, Бегумъ, напала на Ширванъ. Произошло сраженіе. Кизилбаши уничтожили *турецкія* войска, крѣпость сожгли и разрушили, казну всю захватили, Татаръ-Хана схватили и отправили плѣнникомъ въ Казвинъ. *Словомъ*, кизилбаши одержали верхъ. Османъ-Паша остался въ Демукафѣ (Дербендѣ). Бегумъ пріѣхала въ

царицѣ и царевичу Георгію, одни уѣхали въ Турцію вмѣстѣ съ царемъ Давидомъ, другіе бѣжали въ Имеретію и Кахетію. Одна часть владѣній ксанскаго эристава была дана царицѣ Нестанъ-Дареджанѣ въ вознагражденіе безчестія, ей причиненнаго, другая часть была отдана царевичу (Георгію). Каспи, принадлежавшій Амилахвару, пожертвовали Животворящему Столбу (т. е. Мцхетскому собору), азнаурцы были объявлены принадлежащими царю, а управленіе Гори отдано Сулхану Турманидзе (П. Х. грузин. текстъ, стр. 21. К. Ц. т. II, стр. 294).

¹⁾ П. Х. и Прод.: плѣнилъ мухранскаго владѣтеля Вахтанга, сына владѣтеля Мухрана.

²⁾ Садгеръ въ Боржомскомъ ущельѣ. Церковь св. Георгія сохранилась до настоящаго времени въ нѣсколько реставрированномъ видѣ. Она безъ купола. Стѣны украшены барельефными изображеніями св. Георгія и его подвиговъ.

Казмиаъ. Побѣдительницу Бегумъ схватили ¹⁾ и, по приказанію шаха, убили, равно какъ и Татаръ-Хана ²⁾).

37. Въ корониконъ 267—1579, марта 23-го, патронъ Манучаръ поѣхалъ въ Арзрумъ ³⁾). Изъ Арзрума патронъ Кваркваре и патронъ Манучаръ поѣхали въ Константинополь. Они выѣхали въ понедѣльникъ, 20-го апрѣля.

38. Послѣ этого получено было извѣстіе, что „патрона Тваль-швениера арестовали 23-го августа, и октября 1-го, въ понедѣльникъ, заключили узникомъ въ Аламутскую крѣпость“ ⁴⁾).

39. Наступила моровая язва. Мая 31-го, въ субботу вечеромъ, заболѣлъ ⁵⁾ въ Саканапѣ Хосита, сынъ патрона Кваркваре, но съ Божіей помощью онъ перенесъ. Іюня 19-го заболѣлъ патронъ Бека и съ Божіей помощью и онъ перенесъ. У насъ заболѣли многіе, но никто не пострадалъ.

40. Лала-Паша пришелъ во второй разъ и построилъ

¹⁾ Въ оригиналѣ написано: დაპტრისე ბეგუმ გამარჯვებულს ქ ლთა—схватили побѣдительницу Бегумъ рукою. Въмѣсто ქ ლთა въ П. Х. написано ქ ლთა—саблею, что произошло отъ неправильнаго раскрытія титла. Поэтому Броссе перевелъ: cette femme (Бегумъ) tout à l'heure victorieuse régit par le glaive (Mémoires... t. 5, p. 240).

²⁾ П. Х. и Прод. тутъ прибавляютъ: Послѣ смерти жены шаха Худа-Банды, персы были унижены. Урумы заняли Азербейджанъ и Ширванъ. Ганджидскій ханъ Шаверди-Султанъ пріѣхалъ въ Кахетію просить помощи у патрона Александра. Послѣдній приказалъ схватить просящихъ и послалъ ихъ султану (П. Х. стр. 22. К. Ц. т. II, стр. 294).

³⁾ Семь послѣднихъ словъ вѣтъ ни въ П. Х. ни въ Прод. Въ оригиналѣ эти слова написаны сбоку, на полѣ.

⁴⁾ Аламутская крѣпость находилась въ Персіи, около Казвина. Она служила мѣстомъ заключенія всѣхъ именитыхъ узниковъ Персіи.

⁵⁾ Въ оригиналѣ вездѣ, гдѣ упоминается о заболѣваніи моровою язвою, сказано: გაცხელო—бросило въ жаръ, въ горячку.

Кари (Карсъ); въ Тифлисъ онъ прислалъ войско и распорядился внести провіантъ ¹⁾).

41. Августа 26-го, въ четвергъ, заболѣла патронесса Дедисъ-имеди, а въ *слѣдующій* понедѣльникъ получено было извѣстіе, что „монахъ патронъ Василій заболѣлъ моровою язвою“. Какъ оказалось, онъ заболѣлъ въ Сапарѣ, на Сабуртало ²⁾). Патронесса Дедисъ-имеди тотчасъ поѣхала къ нему. Оба, мать и сынъ, легли въ одной палаткѣ ³⁾). 3-го сентября, въ ночь съ четверга на пятницу, разгнѣвался Богъ, и въ два часа ночи умеръ патронъ Василій, 15-ти лѣтъ и 22-хъ дней. Патронесса Дедисъ-имеди выступила на паланкинѣ и прибыла въ Згудеръ. Въ октябрѣ пріѣхалъ вѣстникъ изъ Ускудара (Скутари) съ извѣстіемъ объ освобожденіи патроновъ ⁴⁾).

42. Въ этотъ же корониконъ, въ ноябрѣ, патронъ Манучаръ пріѣхалъ изъ Константинополя. Султанъ произвелъ его въ паши и вернулъ ему все его владѣніе, а патрона Кваркваре султанъ задержалъ два мѣсяца въ Тортомѣ, не отпустивъ его ⁵⁾).

¹⁾ Сабуртало значитъ мѣсто, гдѣ играютъ въ мячъ. Мѣсто подъ такимъ названіемъ, какъ извѣстно, находится и около Тифлиса. Василій, видимо, какъ монахъ, проживалъ въ извѣстномъ Сапарскомъ монастырѣ, что въ 7 верстахъ отъ Ахалциха.

²⁾ Возобновленіе крѣпости Карса у Hammer'a (t. 7, p. 104) отнесено къ августу 1579 г.

³⁾ Въ оригиналѣ $\text{ჰარკარე}=\text{ჰარკარე}$ въ палаткѣ, въ шалашѣ. Въ П. X. написано: ჰარკარე —въ одну недѣлю. Это произошло опять таки отъ неправильнаго раскрытія титла въ словѣ оригинала.

⁴⁾ Параграфы 21—41 писаны однимъ почеркомъ и одинаковыми чернилами. Почеркъ отличается отъ предыдущаго.

⁵⁾ Манучаръ принялъ въ Константинополѣ магометанство и получилъ названіе Мустафы-Паши. Кваркваре же, названный въ турецкихъ источникахъ Грегуаромъ, отказался отъ мусульманства (Hammer, p. 102).

43. Въ корониконъ 268¹⁾—1580, 8-го²⁾ января, мы отправили патрона Беку изъ Вале³⁾. Оказалось, что Лада-Паша уѣхалъ, и Бека остался въ Олтахъ.

44. Патронъ Кваркваре, непосрамленный предъ Богомъ и людьми, одолѣлъ борца въ присутствіи султана и былъ отпущенъ грузиномъ же⁴⁾, и возвращено было ему все его владѣніе; онъ пріѣхалъ въ мартѣ.

Въ половинѣ іюня онъ позвалъ Беку, и оба патрона отправились на Лоре, и, опустошивъ его, вернулись побѣдителями.

45. Затѣмъ, въ слѣдующій годъ, пришелъ Синанъ-Па-

¹⁾ П. X. Ошибочно приводитъ 265 корониконъ.

²⁾ П. X.: 5-го. Прод.: 7-го, но въ Мингрельскомъ вариантѣ это число указано вѣрно.

³⁾ Вале теперь большая деревня въ 12 верстахъ отъ Ахалциха. Въ Вале церковь, возобновленная Дедисъ-имеди и снабженная ею обстоятельно надписью на колоннѣ внутри церкви. Я посѣтилъ Вале лѣтомъ 1895 года и привожу тутъ переводъ надписи, часто искажаемой изслѣдователями: „Волею Божьею, я Богомъ вѣнчанаго Иссея, Давидона, Соломонова, Багратонова, царя царей Константина внука, дочь царя Баграта, невѣстка атабегъ-амирспасаларскаго дома, Дедисъ-имеди, во второй разъ построила сію святую Твою, соперница небесъ, Валійская Божія Матерь, церковь, дабы ты была защитницею и покровительницею въ всей и будущей жизни мнѣ и супругу моему атабегу Кайхосро. Дѣтей нашихъ: Кваркваре, Мзе-тчабука, Манучара, Твалъ-швеніера, Ивана и Тамару сохрани въ долгоденствіи, аминь; сестру ихъ Елену утверди въ царствѣ небесномъ. Отца моего Баграта и супругу его Елену да помилуетъ Богъ. Братьевъ моихъ, Ерекле и Ашота, да помилуетъ Богъ. Сестру мою Теодору да помилуетъ Богъ, аминь. Вахтанга и Ерекле сохрани въ долгоденствіи, аминь; а брата моего Арчила, плѣннаго и соблазнаго агарянами, освободи и вновь окружи его прежнимъ почетомъ, аминь.“

⁴⁾ Здѣсь слово грузинъ, конечно, нужно понимать въ смыслѣ религіи, т. е. христіанна православнаго. Вахуштъ тоже сообщаетъ, что Кваркваре поборогъ выставленнаго противъ него борца и за это былъ отпущенъ султаномъ (Н. Г. II 1. р. 225).

ша и отправился на Тифлисъ. Оба патрона сопровождали его, но патрона Кваркваре онъ вернулъ изъ Триалетіи и отправилъ посломъ въ Имеретію, а патрона Манучара взялъ съ собою.

46. Въ корониконъ 268¹⁾)—1580 Богъ разгнѣвался на патрона Вахганга, и умеръ онъ ²⁾).

47. Въ корониконъ 269—1581, въ февралѣ, патронъ Манучаръ короновался ³⁾).

48. Въ началѣ іюня, въ корониконъ 269—1581, Беку взяли въ Константинополь. Въ этотъ же корониконъ, четвертаго августа, патронъ Арчилъ вернулся въ Адкуръ и послѣ долгой разлуки мы, сестра и братья, сошлись вмѣстѣ. Въ октябрѣ ⁴⁾ онъ уѣхалъ.

49. Въ корониконъ 269—1581, 25-го⁵⁾ ноября, разгнѣвался Богъ на патрона Кваркваре и на патрона Арчила, и они умерли ⁶⁾).

¹⁾ Въ П. Х. опять ошибочно приведенъ 265 корониконъ.

²⁾ Курсивомъ приведенныхъ словъ нѣтъ въ оригиналѣ. Въ нашемъ текстѣ слово умеръ обыкновенно замѣняется выраженіемъ: разгнѣвался Богъ. П. Х. и Прод.: умеръ владѣтель Мухрана Вахтангъ, сынъ мухранскаго владѣтеля Баграта, въ началѣ іюня. Послѣднія три слова относятся къ 48 параграфу и ошибочно отнесены сюда въ указанныхъ источникахъ. Параграфъ этотъ писанъ въ оригиналѣ отдѣльно на полѣ.

³⁾ Манучаръ короновался, конечно, въ атабегіи, владѣтели Самцхе-Саатабаго.

⁴⁾ Въ П. Х. ошибочно приведено: *ვზბმდღს თვეს* — въ іюнь. Бросе, вмѣсто того чтобы объяснить это ошибкой переписчика, старается доказать, что *ვზბმდღს თვეს* есть названіе октября мѣсяца. Между тѣмъ *ვზბმდღს თვეს*, т. е. мѣсяць св. Іоанна, соотвѣтствуетъ всегда іюню мѣсяцу, а не октябрю, который у грузинъ носитъ названіе *ვზბმდღს თვეს*, т. е. мѣсяць вина. Этотъ параграфъ, какъ видно, былъ уже написанъ, когда вздумали писать 46 и 47 параграфы, и такъ какъ не было мѣста, ихъ помѣстили на поляхъ, первый сбоку, а второй внизу.

⁵⁾ П. Х.: 26-го.

⁶⁾ П. Х. и Прод.: „Патронъ Кваркваре и сынъ мухранскаго владѣ-

50. Въ корониконъ 270¹⁾—1582 урумы измѣнили патрону Манучару, но патронъ спасся; оба пашы, получивъ тяжкія раны, бѣжали, и страна осталась за ними. Шахъ пріѣхалъ въ Ганджу и далъ въ подарокъ патрону Манучару Чалабутъ, а патронессѣ Дедисъ-имеди пять большихъ деревень.

51. Въ корониконъ 27[1]²⁾—1583 Тваль-швені[ера] вывели изъ ямы и привели къ шаху.

52. Въ корониконъ 271⁴⁾—1583, 24-го марта, въ Вербное воскресенье; патронъ Манучаръ привезъ патронессу Елену, дочь царя царей, патрона Свимона.

теля Баграта, Арчилъ, умерли“. Далѣе П. Х. прибавляетъ: Въ этотъ же корониконъ царь Свимонъ и царь кахетинскій Александръ сразились въ Мартюбъ, въ мѣстности Чоторѣ, и царь Свимонъ одержалъ верхъ. Въ этотъ же корониконъ пришелъ сардаръ съ войскомъ, по имени Махмадъ-Паша. Царь Свимонъ встрѣтилъ его въ Мухранѣ; произошло сраженіе, и царь Свимонъ побѣдилъ. Паша, обращенный въ бѣгство, прибылъ въ Тифлисъ (П. Х. стр. 24—25). Продолженіе хроники даетъ болѣе пространныя свѣдѣнія объ этихъ дѣлахъ (см. К. Ц., т. II, стр. 295—297 = Н. Г. П., 1, р. 364—366).

¹⁾ Тутъ въ оригиналѣ въ числовыхъ буквахъ вмѣсто „бм“ стоитъ „бам“; П. Х. и Прод. эту ошибку исправляютъ и ставятъ „бм“, только Мингрельскій списокъ К. Ц. послѣднюю букву принимаетъ за ъ, такъ какъ ъ и ъ асомтаврели въ нашемъ текстѣ одинаково выражаются черезъ О, и ставятъ „бѣ“.

²⁾ Въ оригиналѣ видно только бам. Этотъ параграфъ написанъ на полѣ, которое немного отрѣзано, и потому нѣсколькихъ буквъ недостаетъ. П. Х. и Прод. бам. Минг. списокъ бѣ.

⁴⁾ Первая цифра короникона писана буквою, а двѣ послѣднія словами. Въ предыдущихъ двухъ случаяхъ авторъ затруднился, видимо, передать буквами корониконы, поэтому, во избѣжаніе недоразумѣній, онъ противъ обыкновенія прибѣгаетъ къ словамъ, какъ бы указывая этимъ, что онъ знаетъ, какой долженъ быть корониконъ, но не умѣетъ его выразить буквами.

53. Въ корониконъ 272¹⁾—1584 пріѣхаль сардаръ Варадъ-Паша въ Ахалцихъ для возведенія укрѣпленій, но не могъ удержаться и уѣхаль; страна осталась за нами ²⁾.

54. Въ корониконъ 275—1587 цирюльникъ убилъ Амза-Мирзу, сына Худабанды.

55. Въ этотъ же корониконъ отправили въ Константинополь Маце[вереля] (Ацкурскаго епископа) и знатныхъ [людей] [выдали] въ качествѣ заложниковъ. *Эти были:* Эдишеръ Шаликашвили, Елія Шаликашвили и [Кои]аръ Амилахоришвили. Заложники были задержаны, *потому* патронъ Манучаръ не доверился имъ (туркамъ) ³⁾.

¹⁾ Въ оригиналѣ опять ошибочно *6.м.д.* П. Х. и Прод. исправляютъ и ставятъ *6.м.д.*, въ Мингр. спискѣ *6.р.д.*

²⁾ Подъ 1584 годомъ Прод. Хроника сообщаетъ еще слѣдующее: „Умеръ Бараташвили католикосъ Николаозъ, и волею и повелѣніемъ Божиимъ католикосомъ сдѣлался сынъ кахетинскаго царя Леона, 28-го февраля, въ субботу (К. Ц. П, стр. 297). Далѣе П. Х. даетъ такіа свидѣнія:

Въ корониконъ 273—1585 царь Свимонъ и лорійскій паша сразились. Царь побѣдилъ и убилъ многихъ, приблизительно до 473-хъ *человѣкъ*.

Въ этотъ же корониконъ царь Свимонъ взялъ лорійскія пещеры, числомъ до 9-ти.

Въ этотъ же корониконъ, 1-го апрѣля, царь Свимонъ подступилъ къ крѣпости Лоре и взялъ его 10-го іюня. Въ этотъ же корониконъ шахъ опустошилъ Самцхе.

Въ корониконъ 274—1586 царь Свимонъ и тифлисскій паша Гасанъ сразились въ Таба-хмелѣ. Царь побѣдилъ и убилъ многихъ, приблизительно до 500 *человѣкъ*. Въ этотъ же корониконъ царь взялъ тифлисскую ограду и Уканъ-цихе (Заднюю крѣпость). *Mémoires. t. 5, p. 242—243. П. Х., стр. 25—26).*

³⁾ Эти два параграфа написаны на полѣ, которое немного отрѣзано, поэтому въ нѣкоторыхъ словахъ недостаетъ буквъ, которыя однако легко дополнить изъ П. Х. и Прод. Когда составители этихъ хроникъ пользовались нашимъ источникомъ, поля, какъ видно, еще были цѣлы.

56. Въ корониконъ 275¹⁾—1587, въ августѣ, урумы построили Ахалцихъ и Гори, отъ сотворенія міра въ семь тысячъ девяносто четвертомъ году ²⁾. Царь Свимонъ явился на помощь, но месхи удержали его отъ битвы. Опустошивъ страну, онъ ушелъ. Много разныхъ измѣнниковъ явилось у патрона Манучара. Онъ не могъ устоять и, взявъ жену, уѣхалъ въ Ахаль-Дабу ³⁾. Патронесса Дедисъ-имеди и патронъ Кайхосро, сынъ патрона Квареваре, поселились въ крѣпости Саканафе. Еліа Диасамиде приставилъ Савалиншвили въ Демотской крѣпости для измѣны. Измѣна удалась. Крѣпость взяли и много богатства и драгоценностей забрали. Бежанъ Гогорипшвили снова взялъ Цихисъ-джуаръ и передалъ пашѣ. Приставили къ намъ измѣнниковъ, поэтому и мы не могли остаться и уѣхали въ Ахаль-Дабу.

57. Въ половинѣ марта, весною, выступилъ Абасъ-Мирва, сынъ шаха Худабанды, и прибылъ въ Ардавелъ (Ардебиль). Въ Хорасанѣ Озбеги учинили возстаніе; поэтому онъ ⁴⁾ повернулъ назадъ и уѣхалъ туда, взявъ съ собою Тваль-швеніера. Когда онъ прибылъ въ Тавризъ, тамъ произошла битва ⁵⁾. Тваль-швеніеръ три раза принялъ участіе въ бою и три раза побѣдилъ; многихъ убилъ, многихъ взялъ

¹⁾ Въ нашемъ источникѣ написано опять такъ по ошибкѣ *Եսոյ*, вмѣсто *Եսոյ*.

²⁾ П. Х.: 7092. Годъ отъ сотворенія міра нашего источника соответствуетъ 1586 году.

³⁾ Деревни и мѣстечки подъ названіемъ Ахаль-Добы (Новое мѣстечко) имѣются въ Барталиніи, Кахетіи, Самхетіи и Имеретіи, но здѣсь рѣчь идетъ объ Ахаль-Добѣ Ксанскаго ущелья.

⁴⁾ Здѣсь кончается дошедшая до насъ Хроника Месхійской Псалтири. То, что нами приводится, ниже въ прямыхъ скобкахъ, взято изъ П. Х. Начиная отъ 42 параграфа, до этого мѣста текстъ рукописи писанъ однимъ почеркомъ, но не одинаковыми чернилами.

⁵⁾ Отъ словъ „взявъ съ собою“ нѣтъ въ Прод., изданномъ Д. Чубиновымъ (К. Ц. т. II, стр. 299), но въ Баратовскомъ спискѣ К. Ц. имѣется. •

въ плѣнъ и отослалъ къ шаху. Шахъ одарилъ его большимъ имѣниемъ и подарками. Затѣмъ патронъ Манучаръ не могъ довѣриться *урумамъ*. Онъ не могъ придумать никакихъ средствъ. Тѣ стали вести переговоры съ нами. Онъ (Манучаръ) послалъ въ Ахалцихъ къ пашѣ наканунѣ Рождества патронессу Дедисъ-имеди и патрона ея сына ¹⁾ Кайхосро] ²⁾..

Е. Такай-швили.

¹⁾ Въ Пред. Хроникъ сказано: патронессу Дедисъ-имеди и патрона *моего внука*. Тутъ въ обѣихъ редакціяхъ должна быть ошибка. У Дедисъ-имеди не было сына Кайхосро, а потому выраженіе *ея сына* не умѣстно. Съ другой стороны, въ началѣ фразы не сказано: *послалъ меня патронессу Дедисъ-имеди*, чтобы можно было оправдать выраженіе и патрона *моего внука*. Броссе и Чубиновъ совершенно правильно предлагаютъ тутъ чтеніе *Зодотовъ Зодотъ внука*, вмѣсто *Зодотъ сына*. Значитъ, нужно читать:.. „послалъ.. патронессу Дедисъ-имеди и патрона ея внука Кайхосро“. Кайхосро былъ сынъ Кваркваре и, стало быть, внукъ Дедисъ-имеди (К. Ц. т. II., сар. 299, прим. 1. Н. Е. II, 1, р. 336, п. 6).

²⁾ Далѣе тексты П. X. и Пред. сильно расходятся между собою въ повѣствованіяхъ, но заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что ни одна изъ упомянутыхъ хроникъ дальше этого мѣста разсказа о дѣлахъ Саатабаго не приводитъ. Въ виду этого мы должны заключить, что приведеннымъ мѣстомъ кончалась Хроника Месхійской Псалтири или, по крайней мѣрѣ, во времени составленія вышеупомянутыхъ хроникъ осталая часть нашей хроникъ, если таковая и существовала когда-нибудь, была утрачена, и составители лишены были возможности продолжать выписки. Впрочемъ, историкъ Вахушта даетъ далѣе нѣкоторыя свѣдѣнія, которыя, судя по изложенію, повидному взяты изъ продолженія разбираемой хроникъ. „Въ корониконъ, 278—1588, марта 15-го, сказано у Вахушта, мы истребили нашихъ извѣнниковъ и съ помощью всенеподобнаго войска царя Свимона покорили дѣлкомъ Самцхе, заключили миръ съ турками и отправили человека къ султану. Султанъ утвердилъ Манучара атабегомъ, позволивъ ему остаться христіаниномъ“ (К. Ц. т. II, стр. 166. Н. Е. II, 1, р. 227. Тамъ же у Вахушта можно прочесть дальнѣйшую исторію Самцхе).

ОПЕЧАТКИ И ПОПРАВКИ

<i>Стр.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Должно быть.</i>
7	15	сверху	руи
25	19	—	руи
44	13	—	кхоетинцевъ
46	7	снизу	драканами (драхмами)
55	8	—	драканами
56	12	—	томъ
63	10	—	тотъ
83	14	—	господину
89	8	—	господину
120	20	—	Соломе
129	6	сверху	Саламе
129-130	1	—	Панавра
147	5	—	Панавра
—	11	—	нѣтъ
193	3	—	нѣтъ
—	6	—	близъ Мцхетъ
195	9	—	близъ Мцхеты
200	6	—	отца
208	3	снизу	мужа
			Иракліемъ
			Иракліемъ
			драканами *)
			драканами *)
			и его,
			и его
			умеръ,
			умеръ
			Варавашвили
			сыну Варавы
			Аматакишвили
			сына Аматаки
			Зембада
			Зембада
			въ томъ же Заршатрѣ
			у того же Заршатша
			принялъ
			принялъ

Первое примѣчаніе 201 страницы должно быть изложено такъ: Вели—деревня въ Чилдырскомъ приставствѣ, Карсской области, съ церковью, построенной въ 954 г. Гургеномъ или Гурамомъ. Въ Вели и до сихъ поръ говорятъ по-грузински (Исторія Бакрадзе на грузинск. языкѣ, стр. 234).

*) Драканъ—золотая монета въ 1 р. 50 к.

Оглавленіе трехъ хроникъ.

	<i>Стр.</i>
I. Обращеніе Грузіи (въ христіанство)	1—11
1. Глава I. Хроника Обращенія Грузіи	1—4
2. Глава II. Вступленіе въ Житіе Св. Нины	49—51
3. Глава III. Житіе Св. Нины	51—56
4. Глава IV, написанная тою же Саломе уджармійскою	56—66
5. Глава V. Прибытіе Св. Нины въ Мцхету, написанное тою же Саломе уджармійскою	66—74
6. Глава VII, которую написала женщина еврейка, по имени Сидонія, дочь священника Авіатара	74—80
7. Глава VIII, сказанная женщиною Сидонією же	80—86
8. Глава IX, сказанная ею же	86—95
9. Глава XI, сказанная ею же	95—96
10. Глава XII, сказанная Авіатаромъ, который былъ первосвященникомъ въ святилищѣ евреевъ въ Мцхетѣ и принялъ крещеніе изъ рукъ Нины	96—100
11. Глава XIII. О Честномъ Крестѣ, которое написала Яковъ	100—106
12. Глава XIV. Воздвиженіе Честнаго Мцхетскаго Креста в вѣтѣхъ новое явленіе его	106—112
13. Письмо, которое написалъ передъ смертью царь Картли Миреанъ, рукою архіепископа Якова, и далъ Саломѣ уджармійскою, женѣ своего сына, которая была поистинѣ свѣдуща во всемъ	112—115
14. Завѣщаніе царя Миреана сыну своему Реву и супругѣ своей Нанѣ	115—117
II. Жизнь и извѣстіе о Багратидахъ, царяхъ нашихъ грузинскихъ, откуда они явились въ эту страну, или съ какого времени владѣютъ они царствомъ Грузинскимъ, которое написалъ Сумбатъ, сынъ Давида.	117—183
III. Хроника Месхійской Псалтири.	183—214
1. Глава I. Агалы	183—184
2. Глава II. Хроника	185—214

В
Г
О
Р
А
Х
Ъ

БОЛЬШОГО И МАЛАГО КАРАЧАЯ (ИСТОКИ КУБАНИ)
ПУТЕШЕСТВІЕ 26 УЧЕНИКОВЪ ЕКАТЕРИНОДАРСКОЙ ГИМНАЗИИ

Digitized by Google

Въ горахъ Большого и Малаго Карачая.

(ИСТОКИ Р. КУВАНИ).

Путешествіе 26-ти учениковъ Екатеринодарской гимназіи.

Съ рисунками автора.

Предисловіе.

Характеръ, отличительный признакъ индивида, есть относительно единственная и постоянная манера чувствовать, мыслить, желать. Основанія нашей нравственной индивидуальности скрываются въ глубинѣ нашего организма, и нашъ характеръ является выраженіемъ той суммы чувствованій и побужденій, которыя уже ранѣе свойственны всей совокупности нашихъ клѣтокъ ¹⁾). Воздѣйствіе физическихъ причинъ — климата, мѣстности, почвы, продуктовъ потребления — сказывается на характерѣ и темпераментѣ какъ дѣльныхъ народовъ, такъ и индивидовъ. И въ дѣлѣ воспитанія чувствованій главенствующая роль принадлежитъ могущественному вліянію природы, ландшафта. Англичане первые изъ европейскихъ народовъ обратились за помощью къ природѣ въ дѣлѣ воспитанія сильнаго и жизнерадостнаго юношества, справедливо считая, что «школа должна, въ одно и то же время, расширять и кругозоръ дѣтей, и ихъ грудную клѣтку» ²⁾; что «человѣкъ не есть отрѣшенный разумъ, но разумъ, связанный съ тѣ-

¹⁾ А. Фулье. Характеръ и темпераментъ. М. 1896., стр. 5—6.

²⁾ Новая школа. Изд. К. П. Побѣдоносцева. М. 1898. Стр. 112.

ломъ, — поэтому нужно также развивать энергію, волю, физическую силу, умѣлость рукъ, ловкость...¹⁾ И образцовая новая англійская школа, основанная д-ромъ Редди въ 1889 г., въ Аббатсгольмъ (Дербишайръ), расположена среди сельскаго простора, среди обширнаго имѣнія, что составляетъ одно изъ существенныхъ условій новой системы воспитанія. Программа школы намѣренно отмѣчаетъ, что по близости нѣтъ большо-го города.²⁾

Невольно приходятъ на память слѣдующія слова К. Д. Ушинскаго. «А воля, просторъ, а природа, прекрасныя окрестности городка, а эти душистые овраги и колыхающіяся поля, а розовая весна и золотистая осень — развѣ не были нашими воспитателями? Зовите меня варваромъ въ педагогикѣ, но я вынесъ изъ впечатлѣній моей жизни глубокое убѣжденіе, что прекрасный ландшафтъ имѣетъ такое огромное вліяніе на развитіе молодой души, съ которымъ трудно соперничать вліянію педагога; что день, проведенный ребенкомъ посреди рощъ и полей, когда его головою овладѣваетъ какой-то упоительный туманъ, въ теплой влагѣ котораго раскрывается все его молодое сердце для того, чтобы беззаботно и безсознательно впитывать въ себя мысли и зародыши мыслей, потокомъ льющихся изъ природы, — что такой день стоитъ многихъ недѣль, проведенныхъ на учебной скамьѣ».

Мы знаемъ, какое властное вліяніе оказывала природа, особенно Кавказа, на вдохновеніе Пушкина, Лермонтова, Л. Толстого, Полонскаго, заставляла Тургенева заглядывать въ ея душу болѣе глубокимъ и проникательнымъ взоромъ, чѣмъ даже въ душу людей. Съ чувствомъ нѣкотораго удивленія читаешь, какъ житель современнаго Вавилона, изобразитель душевныхъ язвъ и пороковъ современныхъ парижанъ, Э. Зола, утомленный городской суетой, восклицаетъ: «О мои чудные

¹⁾ Ibidem. Стр. 30.

²⁾ Ibidem. Стр. 34.

загородные воскресные дни, когда мнѣ было двадцать лѣтъ! они остались для меня самыми дорогими воспоминаніями. Позднѣе—я знавала другія радости, но ничто не замѣнитъ мнѣ молодости и чувства свободныхъ дней, проведенныхъ на просторѣ, въ лѣсу». И не мало найдется людей зрѣлаго возраста, которымъ память донесла изъ золотого дѣтства нѣскольکو роскошныхъ картинъ многообразной матери-природы. Иногда изъ хаоса мыслей всплываетъ и проясняется тотъ чудный ландшафтъ, которымъ человѣкъ безсознательно любовался въ дѣтствѣ, съ которымъ у него соединяются воспоминанія о чемъ-то счастливомъ, радостномъ, благоуханномъ.

Что живое чувство природы можетъ быть еще въ отроческомъ возрастѣ глубоко развито, что пониманіе ея формъ красоты, умѣнье отдѣлать прекрасное, типичное отъ случайнаго вполне доступно вдумчивому отроку, — доказываетъ слѣдующій отрывокъ изъ дневника пятнадцатилѣтняго ученика гимназіи: «Вечеръ. Зелено-голубыя волны моря бѣгутъ къ берегу и разсыпаются жемчугомъ, оставляя на пологомъ, густо усыпанномъ пестрыми, гладко обточенными камешками берегъ полоску бѣлой пѣны. Вонъ темный корпусъ парохода; яркими точками блестятъ на мѣдныхъ фонаряхъ, на окнахъ каютъ косые лучи заходящаго тамъ, вдали, за бѣлой колонной маяка, солнца; золотистыя лодочки снуютъ отъ парохода къ набережной уже порозовѣвшаго городка. На небѣ все ясно, розово. Вонъ на берегу, за кустами барбариса, бѣлѣтъ дача. Родная семья собралась на балконѣ. Въ воздухѣ душно. Хочется побѣжать въ тѣнистый садъ, гдѣ висятъ кисти винограда, рдѣютъ яблоки, сквозь зелень просвѣчиваетъ золотая айва, но нужно пока сидѣть за столомъ да еще въ сосѣдствѣ съ блестящимъ, пышущимъ жаромъ самоваромъ. Вотъ чай оконченъ. Всѣ пустились въ садъ... Надъ пароходомъ взвилось розовое облачко пара, гудокъ звонко прокатился по бухтѣ.... Дѣти уже мчатся изъ сада на кремнистый берегъ смотрѣть, какъ

отойдетъ пароходъ, а онъ медленно повернулъ и плавно скользить по розовой глади уже заснувшего моря. Горстями летяты голыши, шурша падаютъ въ прозрачную воду; дѣтскій смѣхъ далеко несется по водѣ, до самаго парохода: оттуда кто-то машеть платкомъ... Смѣхъ разгорается пуще, разгорается и огнистое море заката. Отчетливо слышится мѣрное бульканье мощнаго парходнаго винта, и дѣтскіе глазки съ наслажденіемъ слѣдятъ за удаляющимся морскимъ гигантомъ».

Безконечно жаль тѣхъ дѣтей, что обречены проводить дни въ городѣ, лишенномъ растительности, какъ напр., въ Баку: по словамъ директора тамошней гимназіи, среди учениковъ найдется не мало такихъ, что никогда не видали—страшно сказать—лѣса, напшви. Эти дѣти будутъ лишены массы благотворныхъ впечатлѣній, щедро раздаваемыхъ природою. И одною изъ важнѣйшихъ задачъ современной школы будетъ восстановление связи между ребенкомъ и природою: лѣтнія коловіи, земледѣльческія фермы при учебныхъ заведеніяхъ, ученическія санаторіи, путешествія, пѣшеходныя экскурсіи въ ближайшемъ будущемъ займутъ, вѣроятно, видное мѣсто среди средствъ, направленныхъ къ развитію въ Россіи здороваго и бодрого молодого поколѣнія. Пока же въ распоряженіи воспитателей этого поколѣнія находится могущественная педагогическая мѣра — лѣтнія *пѣшеходныя* экскурсіи. Въ Россіи практиковались доселѣ кратковременныя прогулки пѣшкомъ; нрѣдка предпринимались болѣе отдаленныя путешествія въ вагонѣ желѣзной дороги. Но такія эфемерныя знакомства съ природою, пассивное разсматриваніе ея картинъ изъ оконъ быстро катящагося вагона всегда казались намъ полумѣромъ. Юная душа должна сливаться съ природою; юноша долженъ итти пѣшкомъ, преодолевать трудности пути, часто останавливаться, жить подъ открытымъ небомъ, ночуя то въ лѣсу, то въ полѣ, то на вершинѣ хребта, то на берегу рѣки или моря, долженъ всматриваться шагъ за шагомъ въ неясныя

сначала картины, вслушиваться въ смутные пока шумы, звуки,—словомъ, юноша долженъ чувствовать, а затѣмъ и понимать жизнь природы — и тогда, быть-можетъ, будетъ «ему звѣздная книга ясна», и станетъ «говорить съ нимъ морская волна».

Въ такихъ путешествіяхъ развивается и воля, гармонія между словомъ и дѣломъ, въ такихъ путешествіяхъ немедленно послѣ труда слѣдуетъ и наслажденіе имъ: вы два часа подъ палящими лучами солнца взбираетесь на гору, вамъ хочется сѣсть въ этой тѣни, отдохнуть, заснуть, но вы побѣждаете трудности дороги, овладѣваете горой — вы на вершинѣ! Далекая перспектива океана горъ, лучистыя дали, золотыя облака, голубыя ущелья — чудесный видъ для глазъ, свѣжій вѣтерокъ — для груди, горделивое побѣдное чувство наполняетъ вашу душу: вы не жалѣете объ испытанныхъ трудностяхъ подъема... И тысячи мелкихъ препятствій долженъ преодолѣть молодой путешественникъ. Дома, быть-можетъ, капризный баловень, — здѣсь онъ самъ улаковываетъ утромъ свою постель, моетъ кружку для чая, чашку для супа, мажетъ касторовымъ масломъ ботинки, моетъ и полощетъ въ рѣкѣ собственное бѣлье, чинитъ одежду, разбиваетъ, окапываетъ и складываетъ палатку, разводитъ костеръ, подталкиваетъ телѣгу, стоитъ на часахъ по ночамъ. Такое путешествіе, подъ руководствомъ людей интеллигентныхъ, будитъ пылливость молодого ума, развѣртываетъ передъ нимъ картину быта обитателей проходимыхъ мѣстностей, позволяетъ собирать поэтическія сказанія ихъ, составлять естественно-историческія коллекціи, производить метеорологическія наблюденія; при этомъ путешественникъ обязанъ вести дневникъ: это осмысливаетъ, во-первыхъ, въ его глазахъ все путешествіе, такъ какъ онъ, необходимо, долженъ въ концѣ каждаго дня пробѣгать мысленно его происшествія; мало того, мысль его пріучается быстро отдѣлять общее отъ частнаго, группировать впечатлѣнія, на-

блюдать; во-вторыхъ, это хорошее ежедневное упражненіе въ сочиненіи.

Въ такомъ путешествіи физическая жизнь юноши идетъ ускореннымъ темпомъ: въ тѣлѣ вызывается усиленный обменъ веществъ, оно закаляется противъ холода, ¹⁾ легкія и сердце дѣлаются болѣе сильными, мускулатура укрѣпляется,—слѣдствіемъ всего этого является бодрое, жизнерадостное настроеніе духа, предприимчивость, легкость исполненія, свѣтлый взглядъ блестящихъ глазъ, быстрый разговоръ, энергичныя движенія.

Нѣтъ сомнѣнія, что присутствіе нѣкоторыхъ препятствій въ пути—перевалы, необходимость помогать обозу, нѣкоторыя лишенія въ комфортѣ, особенно низкая степень культурности проходимой мѣстности—весьма желательно для осуществленія въ полной мѣрѣ цѣли подобныхъ путешествій.

Лѣтомъ 1897 года я предпринялъ, съ разрѣшенія директора Екатеринодарской гимназіи, А. А. Топоркова, и одобренія попечителя Кавказскаго учебнаго округа, К. П. Яновскаго, первое путешествіе подобнаго характера съ 15 учениками названной гимназіи. Насъ сопровождалъ служитель гим-

¹⁾ Если принять въ расчетъ, пишетъ проф. Тархановъ, что простужаемость организма является источникомъ частыхъ и разнообразныхъ заболѣваній человѣка, то закалываніе къ холоду, вѣрнѣе всего гарантирующее отъ простуды, должно быть самымъ желательнымъ явленіемъ для каждаго; кромѣ того, мы знаемъ, что холодъ, усиливая сердечную и дыхательную дѣятельность, является своего рода полезной гимнастикой для нихъ; что, повышая газовый обменъ веществъ въ тѣлѣ, онъ способствуетъ усиленію теплообразованія и повышенію всѣхъ жизненныхъ функций, и, согласно съ этимъ, наружный холодъ повышаетъ мышечный тонусъ, облегчаетъ мышечныя движенія, повышаетъ нервныя функціи, освѣжаетъ умственную работу, вслѣдствіе чего учащіеся занимаются обыкновенно послѣ холодныхъ ваннъ и холодныхъ воздушныхъ ваннъ съ большимъ вниманіемъ и прилежаніемъ. Это все факты, наблюденныя съ большою тщательностью и прямо доказывающіе огромное значеніе закалыванія человѣческаго организма къ холоду какъ для физическаго его здоровья, такъ и для физической и умственной его дѣятельности. („О закалываніи человѣческаго организма“—Журналъ журналовъ, 1898, № 12, стр. 478).

назіи и нанятый извозчикъ съ телѣгою, на которой везли палатку, котлы, съѣстные припасы и проч. Изъ Екатеринодара путь нашъ лежалъ на мѣстечко Горячій Ключъ (50 верстъ), отсюда, черезъ рядъ небольшихъ хребтовъ, на майкопо-туапсинское шоссе (58 верстъ) и далѣе, черезъ станицу Хаджижвинскую, Гойтхскій перевалъ, на мѣстечко Туапсе (76 верстъ); здѣсь сѣли на пароходъ, который доставилъ насъ въ Сухумъ; тутъ мы осмотрѣли всѣ окрестности (29 верстъ) и прошли на Новый Афонъ (25 верстъ); отсюда на пароходѣ вернулись въ Новороссійскъ и далѣе по желѣзной дорогѣ въ Екатеринодаръ. Такимъ образомъ, пѣшкомъ было пройдено 240 верстъ, а на пароходѣ и по желѣзной дорогѣ проѣхали 670 верстъ. Въ теченіе всего пути было собрано бабочекъ и другихъ насѣкомыхъ 218 экз., растений—89 видовъ, отмѣчена температура воздуха и воды въ 28-ми мѣстахъ, сфотографировано видовъ и группъ 34. Экскурсанты въ теченіе всего путешествія, продолжавшагося 20 дней, пользовались превосходнымъ здоровьемъ, были въ самомъ жизнерадостномъ настроеніи духа, что весьма ярко отразилось на содержаніи ихъ дневниковъ. ¹⁾

Настоящая книга является слѣдствіемъ второго путешествія, предпринятаго мною въ сообществѣ двухъ преподавателей Екатеринодарской гимназіи, С. И Борчевскаго и В. М. Сысоева, 26 учениковъ той же гимназіи и двухъ студентовъ, лѣтомъ 1898 года къ верховьямъ Кубани.

По дѣлямъ своимъ это путешествіе весьма мало отличалось отъ предыдущаго; зато оно было значительно труднѣе и интереснѣе.

А. Дьячковъ-Тарасовъ.

4-го декабря 1898 года.
Екатеринодаръ.

¹⁾ Подробное описаніе этой экскурсіи см. въ брошюрѣ—прибавленіи къ № 2 циркуляра по управленію Кавказскимъ учебнымъ округомъ за 1898 годъ.

Отъ Екатеринодара до Баталпашинска.

Сборы. Отъездъ. Затменіе. Тихорѣцкая. Невинномысская. Первый привалъ. Ночлегъ на берегу Кубани. Ночное приключеніе. Прибытіе въ Бѣломечетскую. Баталпашинскъ. Концертъ въ темнотѣ.

Необычайное оживленіе наблюдалось съ 2 часа дня 21 іюня 1898 года въ коридорахъ Екатеринодарской гимназіи. Около тридцати юношей съ веселыми, раскрасившимися лицами тащили по лѣстницамъ свои дорожныя вещи. Молодые голоса звонко неслись по опустѣвшимъ заламъ. Въ одной изъ нихъ на длинномъ столѣ былъ приготовленъ для путешественниковъ чай. Вновь приходившіе устремлялись въ большой классъ, гдѣ былъ сложенъ весь багажъ; въ одномъ углу высилась пирамида изъ чайныхъ ящиковъ съ провизіей, въ другомъ были сложены брезенты, фонари, свѣчи, боченки для воды и вина, переносная складная желѣзная печь, гамаки, флаги для двухъ палатокъ, складныя стулья, корзины, котлы, кастрюли и блестящія металлическія чашки, кухонныя мелкія принадлежности, желѣзные таганы, аптечная корзина. Приносимыя учениками вещи подвергались осмотру: въ саквояжѣ или въ нарочно сшитомъ по данному образцу дорожномъ мѣшкѣ съ отдѣленіями должно было быть мыло для стирки бѣлья, для рукъ и лица, иголки, нитки, пуговицы, запасная пара ботинокъ, бѣлье, чистая пара одежды, зимняя блуза, фуфайка, записная книжка для веденія дневника, же-

лѣзный наконечникъ для Alpen-stock, финскій ножъ или кинжалъ.

Выступленіе было назначено въ 5 часовъ. Вещи были уложены на трое дрогъ. Въ назначенный часъ барабанъ ударилъ сборъ. Дроги съѣхали со двора. Бусковъ (VII кл.) построилъ путешественниковъ въ ряды, Топорковъ (VI кл.) забарабанилъ, и всѣ бодро зашагали по мостовой, направляясь къ желѣзнодорожной станціи, гдѣ насъ ожидалъ отдѣльный вагонъ. Мигомъ онъ былъ занятъ. Минуть черезъ десять внезапно полилъ сильный дождь. Многочисленная публика родныхъ и знакомыхъ поспѣшила искать убѣжища на вокзалѣ, въ нашемъ вагонѣ. Туча прошла. Воздухъ очистился. Все засверкало. Веселѣе звенѣли голоса юношей. Родители давали послѣднія наставленія; гимназистки лукаво шутили. Отъѣзжающіе держали себя съ достоинствомъ заправскихъ путешественниковъ. Вагонъ шумѣлъ, какъ улей. Смѣхъ, остроты, шутки перекрещивались въ воздухѣ. Второй звонокъ!... Поцѣлуи, пожеланія, рукопожатія, родительскія наставленія!... Дверцы на платформѣ вагона захлопнуты... Третій звонокъ, свистокъ паровоза,—и вагонъ, дрогнувъ, мягко покотился по рельсамъ: толпа провожавшихъ уплывала назадъ; руки, махавшія платками, быстро мелькали одна за другой... Поѣздъ прибавилъ ходу. Колеса мѣрно постукивали. Потянулись мимо ряды товарныхъ вагоновъ, съ шипѣніемъ промелькнулъ гигантскій паровозъ,—и поѣздъ мчался уже по широкой степи. Близилась ночь. Западъ горѣлъ краснымъ пламенемъ. Изрѣдка проносилась мимо будка сторожа, и самъ онъ съ бѣлымъ огнемъ въ рукахъ на мгновеніе мелькалъ въ огнѣ вагона. Круглая мѣднокрасная луна стала подыматься надъ фіолетовымъ горизонтомъ. На сѣверѣ темнѣла уходившая туча.

— Доктора, доктора скорѣе! кто-то крикнулъ въ вагонѣ. Всѣ обернулись.

— Смотрите, что съ луною дѣлается: умираетъ! доктора!

На луну надвигалось что-то темное. Любопытный феноменъ надолго занялъ вниманіе всѣхъ. С. И. Борчевскій ¹⁾ подробно объяснилъ столпившимся у окна ученикамъ явленіе затменія.

Во всѣхъ отдѣленіяхъ нашего вагона начались тихіе разговоры. Наши „контрабандисты“ (такъ прозвали группу изъ 5 мальчиковъ, только что перешедшихъ въ 5 классъ и попавшихъ въ число участниковъ экскурсіи, благодаря неотступнымъ просьбамъ ихъ самихъ и ихъ родителей) устроились въ уголку и, мирно бесѣдуя, принялись за ужинъ.

Въ полночь вагонъ затихъ. На Тихорѣцкой его отцѣпили: насъ долженъ былъ захватить съ собою ростовскій поѣздъ. Я вышелъ на платформу. Очищенная отъ пятна луна высоко парила въ небесахъ,плыли рядами далекія перистыя облака, въ темной синевѣ прогалинь мерцали звѣзды. Ночь была тихая, влажная. По платформѣ бродили одинокія фигуры. Вскорѣ подошелъ переполненный пассажирами поѣздъ на Минеральныя Воды. Нашъ вагонъ прицѣнили къ его хвосту, и мы покатали теперь на юго-востокъ.

Въ 4 часа путешественники стали просыпаться. Я взглянулъ въ окно. „Сѣрое небо блѣднѣло, розовѣло, краснѣло“, вспомнилась фраза изъ „Бѣжина Луга“. По дорогѣ, бѣжавшей за линіей телеграфныхъ столбовъ, мѣстами бѣгли лужи.

— И здѣсь былъ дождь, пробормоталъ кто-то съ неудовольствіемъ.

— Если въ Невинномысской то же,—какъ же мы пойдемъ? грустно добавилъ другой.

Вдали показался городъ: то было богатое полурусское, полуармянское селеніе Армавиръ, грязное, имѣющее одну мощеную улицу, однако со всѣми атрибутами города; богатство свое этотъ городокъ-селеніе прибрѣлъ торговлей хлѣбомъ и земледѣльческими орудіями.

¹⁾ Преподаватель физики и математики.

Здѣсь отъ насъ временно отдѣлился В. М. Сысоевъ, ¹⁾ желавшій проѣхать въ станицу Псебайскую, гдѣ, по его указаніямъ, производилась раскопка древняго кургана.

Вагонъ зашумѣлъ, словно улей. Вещи упаковывались въ свертки. Черезъ часъ мы должны были прибыть на ст. Невинномысскую, откуда намъ предстояло уже пѣшкомъ направиться въ горы. Быстро работали 52 руки, и у насъ задолго до прибытія на станцію все было готово: по всѣмъ скамьямъ лежали аккуратно свернутые и связанные тучки.

Въ семь часовъ прибыли на желанную станцію. Здѣсь насъ встрѣтили улыбающіяся фізіономіи Ѳедота, служителя гимназіи, и Егора, извозчика, за недѣлю посланныхъ мною изъ Екатеринодара съ двуконной телѣгой, на которую были уложены столбы отъ двухъ нашихъ палатокъ и другія громоздкія вещи—котлы, таганы, колья.

Вагонъ въ двѣ минуты былъ очищенъ; на платформѣ воздвиглась гора мѣшковъ, чемоданчиковъ. Къ вещамъ было представлено два часовыхъ.

Пока производилась укладка на телѣги (я нанялъ еще двухъ извозчиковъ) нашихъ палатокъ, ящиковъ съ провизіей и прочаго, мы занимались чаепитіемъ: въ двухъ большихъ чайникахъ была принесена съ вокзала горячая вода, съ базара, прилегавшаго непосредственно къ станціи, бабы принесли нѣсколько кувшиновъ молока. Укладкой завѣдывалъ служитель Корнѣй, сопровождавшій насъ въ прошлогоднюю экскурсію. Все укладывалось въ извѣстной системѣ: съѣстные припасы въ ящикахъ помѣщались на одной телѣгѣ; на второй—2 палатки на 36 человекъ, котлы и другія кухонныя принадлежности, боченокъ съ виномъ, боченокъ съ водой, цыновки, которыми выстилался полъ палатокъ; на третьей телѣгѣ — дорожныя вещи экскурсантовъ, четыре фотографиче-

¹⁾ Преподаватель греч. языка и предсѣдатель Общества любителей изученія Кубанской области.

скихъ аппарата, два складныхъ стула, непромокаемые плащи, бурки. Наконецъ, все уложено, покрыто брезентами, увязано.

— Готово! Строиться скорѣе! приказывалъ Бусковъ (VII кл.), назначенный командиромъ нашей роты. Всѣ быстро выполнили приказаніе: впереди стали трубачъ и барабанщикъ, сзади шесть человекъ съ ружьями, изъ которыхъ одно было берданкой со значкомъ, далѣе остальные юноши, студентъ новороссійскаго университета Сопотовъ, С. И. Борчевскій и я. — Шагомъ маршъ! скомандовалъ Бусковъ. „Гранули“ барабанъ и корнетъ, и нашъ отрядъ весело двинулся въ далекій путь. Станичные мальчишки провожали насъ версты три. По дорогѣ на базаръ купили хлѣба, овощей, двухъ барановъ. Вскорѣ вышли въ поле. Путь нашъ лежалъ на югъ. Вдали бѣлымъ облакомъ стоялъ Эльбрусъ. Широко разбѣгавшаяся цѣпь холмовъ на горизонтѣ сужалась; по долину текла Кубань, покрытая зелеными островами. Недалеко отъ нея, въ полуверстѣ отъ четырехъ палатокъ мѣстной казачьей команды мы рѣшили остановиться на обѣдъ: было уже 11 часовъ; кромѣ того, многіе изъ путешественниковъ отъ волненія не спали ночью: имъ слѣдовало отдохнуть. По примѣру прошлаго года, нашъ походный день распредѣлялся слѣдующимъ образомъ: маршъ отъ 7 до 11¹/₂ часовъ; до 4¹/₂ часовъ обѣдъ и отдыхъ, а затѣмъ до 7 часовъ опять маршъ. Средняя скорость марша была 4³/₄ версты въ часъ; при подъемахъ она понижалась до 3 версты, при спускахъ доходила до 6.

Быстро была разбита помѣстительная палатка на 30 человекъ. Разбивка ея требовала около 10 минутъ. Окопанная извиѣ канавкою, причѣмъ землю бросали во внутреннюю сторону, она превращалась въ покойное жилище, почти недоступное вліянію вѣтра и холода. Вечеромъ сверху спускался, въ качествѣ люстры, большой фонарь съ двумя свѣчами. Обѣдъ готовился въ трехъ котлахъ, ставившихся на желѣзные таганы. Главнымъ поваромъ былъ служитель Федотъ, а

метрдетелемъ, завѣдующимъ раздачею хлѣба, сахару и порцій, Корвѣй. Въ дѣлѣ кулинарномъ намъ оказалъ большое подспорье говяжій сгущенный бульонъ и прессованная зелень: они сдобривали нашъ ежедневный бараній супъ или щи, съ крупой, макаронами, рисомъ и картофелемъ. Послѣ этого слѣдовало второе блюдо — баранина съ картофелемъ, или пловъ съ бараниной, или сладкій съ изюмомъ, или молочная каша. Десертомъ служило монпансье. Послѣ обѣда тотчасъ же пили чай, въ виду чего заблаговременно ставились на огонь три большихъ чайника; иногда, въ сырую погоду, въ чай вливалось изъ боченка, черезъ гуттаперчевую трубку, вино.

— Обѣдъ готовъ! доложилъ «метрдетель».

Ученики, заранѣе разбившіеся на группы по 4 человекъ въ каждой, приготовились обѣдать; дежурный отъ каждой группы ходилъ съ блестящей металлической чашкой за обѣдомъ, за «прибавкой», за хлѣбомъ. Въ палаткѣ и вокругъ нея можно было видѣть восемь живыхъ крестовъ, въ центрѣ которыхъ стояло по чашкѣ, куда опускалась ложка за ложкой. Въ тѣхъ же чашкахъ подавалось и второе блюдо. Чай всѣ пили изъ эмалированныхъ кружекъ, которыя каждый носилъ на поясѣ. Обѣдъ оконченъ. Часть путешественниковъ отправилась бродить по полю, но большинство отдыхало въ палаткѣ и на травѣ въ тѣни. Сильный вѣтеръ, съ шумомъ проносившійся надъ палаткой, смягчалъ дѣйствіе жары. Одни читали, другіе записывали кое-что въ дневникъ, третьи спали. У спавшаго Альтшулера сползли съ носа очки, раскрылся ротъ. Его сосѣдъ и пріятель Карамаленко былинкой тронулъ его языкъ: спавшій съ изумленіемъ раскрылъ глаза, плюнулъ, разсердился и, повернувшись на другой бокъ, опять заснулъ.

— Васъ казакъ спрашиваетъ, сообщилъ Корвѣй, пододвѣ къ палаткѣ.

— Зови сюда.

Плотный казакъ шагнулъ въ палатку, широко раскрылъ глаза и вытянулся.

— Чего тебѣ? спросилъ я.

— Г. начальникъ мѣстной команды приказали сказать, чтобы ваша команда не ходила въ растрепанныхъ чувствахъ.

Казачій офицеръ, завѣдывающій пересылкой арестантовъ, вѣроятно, принялъ насъ, благодаря барабану, ружьямъ, значку и палаткѣ, за солдатъ, а безпорядокъ въ костюмѣ—многіе ходили разстегнувшись, безъ поясовъ,—за нарушение своихъ прерогативъ, какъ мѣстнаго коменданта.

Давъ «должный» отвѣтъ, я отправилъ казака. Своеобразное посольство не повторялось. Черезъ два часа по сигналу, данному корнетомъ, всѣ принялись за сборы: палатка была снята и свернута, котлы, посуда, цыновки уложены на телѣги, и мы стали взбираться на высоты по прямой линіи, черезъ луга. Черезъ полчаса мы очутились на вершинѣ невысокаго хребта. Легкій вѣтерокъ приятно освѣжалъ лицо. Туманная даль полей золотилась въ лучахъ низкаго солнца; въ долинѣ дымились селенія и большая Невинномысская станица; широкими зигзагами серебрилась Кубань, изрѣдка прерываемая рощами; съ частыми остановками взбирались на гору наши тяжелыя телѣги. Теперь нашъ путь лежалъ по вершинѣ хребта. Бодрые юноши шли весело. Кое-кто собиралъ цвѣты. Студентъ Сопотовъ толковалъ что-то о дилувіальной эпохѣ, но его не всѣ слушали.

— «Господа! стройтесь въ одну линію! бей въ барабанъ!» крикнулъ кто-то.

Путешественники перегородили дорогу длинною, живою и веселою изгородью. Звонко трещалъ барабанъ, пугая встрѣчавшихся лошадей. Барабанъ зачастилъ,—шаги тоже. Шеренга побѣжала, и крикъ «ура» огласилъ потемнѣвшую лоцину. Маленькое войско «штурмомъ» взяло «укрѣпленную позицію», вершину невысокаго перевала. Обозъ былъ далеко позади. Ми-

леръ протрубилъ ему «сборъ». Мы прошли одиннадцать верстъ; до мѣста ночлега оставалось три версты. Окрестность уже тонула въ сумрагѣ; внизу заблестѣлъ огонекъ. Дождавшись обоза, мы спустились, перешли по мосту небольшую рѣчку, и очутились среди хутора. Ночь царила на небѣ и на землѣ. Гдѣ-то залаяла собака. Луна слабо освѣщала холмъ, на вершинѣ котораго мы опять поджидали наши телѣги. Многие, лежа на спинѣ, молчали, мечтательно слѣдя узоры создвѣдій.

— Какое могущественное вліяніе оказываетъ на человѣка созерцаніе звѣздъ, задумчиво, какъ бы про себя началъ Покатиловъ: какимъ маленькимъ, ничтожнымъ кажешься себѣ, а все-таки чувствуешь, будто расширяется твой мозгъ, вотъ такъ и чувствуешь, какъ какія-то крылья подхватываютъ твою душу и силятся поднять въ высь... Тамъ Марсъ съ таинственными каналами, Сатурнъ съ загадочнымъ кольцомъ, о которыхъ намъ читалъ въ залѣ женской гимназіи лекцію профессоръ Глазенапъ... Любопытное созданіе человѣкъ.

— Скажи лучше: любознательное, поправилъ кто-то.

Покатиловъ не отвѣчалъ и задумался. Черезъ минуту онъ вполголоса продекламировалъ:...

... «Сквозь вѣчные туманы,
Познанья жадный, онъ слѣдилъ
Кочующіе караваны
Въ пространствѣ брошенныхъ свѣтилъ».

— Данько! про кого это сказано? прервалъ онъ самого себя.

— Не знаю, равнодушно отвѣчалъ тотъ (V вл.).

— Про Демона, глупый, про Демона... А вѣдь ты, Данько, порядочнымъ неучемъ растешь: только бороться и любишь. Скажи-ка, ты читалъ «Демона» Лермонтова?

— Не читалъ, но прочту, недовольнымъ тономъ замѣтилъ Данько.

— Кто пойдетъ на рекогносцировку? прервалъ я неприятный разговоръ: нужно отыскать на берегу Кубани чистое,

нѣсколько покатою мѣсто, открытое на далекое пространство.

— Я пойду! я! я! раздалось со всѣхъ сторонъ.

На развѣдки былъ посланъ студентъ Сопотовъ съ ружьемъ и Воскобойниковъ (IV кл.). Они тотчасъ же исчезли въ темнотѣ.

— А. Н., а почему же «открытое мѣсто»? любопытствовалъ Рохлинъ.

— Да потому, что на открытомъ мѣстѣ мы будемъ въ большей безопасности: луна будетъ свѣтить всю ночь, и часовые могутъ во-время замѣтить что-либо подозрительное.

Разговаривая объ обязанностяхъ часовыхъ, мы подошли къ высокому, обрывистому берегу Кубани. Бѣлесоватый свѣтъ луны, тускло глядѣвшей сквозь облака, не далъ возможности обойтись безъ фонарей. Палатки были быстро разбиты на удобномъ, покатою мѣстѣ, — обстоятельство, весьма важное на случай дождя, — окопаны, полъ былъ покрытъ циновками. Наши три телѣги были поставлены амфитеатромъ, въ центрѣ котораго были сложены нужныя вещи, разведенъ костеръ, на желѣзномъ таганѣ кипятились три чайника. Съ сосѣдняго хутора намъ принесли ведро молока: многіе, вмѣсто чаю, выпили по кружкѣ молока.

Путешественники, мало спавшіе въ теченіе прошлой ночи, охьяненные свѣжимъ воздухомъ и прошедшіе четырнадцать верстъ, спѣшили на покой. Сильный вѣтеръ съ горъ заставлялъ палатки вздрагивать; но столбы были основательно укрѣплены, веревки туго натянута. Я вошелъ въ нашъ временный полотняный домъ. Ученики лежали рядами. Здѣсь было тихо и душно: навѣтренная сторона была тщательно окопана, и всѣ щели закрыты землей. Изъ большого числа желающихъ караулить лагерь было отобрано шестеро; они должны были смѣняться каждые два часа, начиная съ 10¹/₂. Паролемъ былъ «Эльбрусъ». Первая пара часовыхъ немедленно обошла всѣхъ безъ исключенія, сообщая его. Лагерь затихъ. Только вѣтеръ колебалъ полотно палатокъ, да шуршали въ тра-

въ шага часовыхъ, одѣтыхъ въ черныя бурки и маршировавшихъ по обѣимъ сторонамъ лагеря, съ такимъ расчетомъ, чтобы одновременно подходить къ противоположнымъ концамъ. На островѣ въ заросляхъ кричалъ меланхолическій сычъ.

Часа въ два я открылъ глаза: передо мной стояла какая-то фигура въ буркѣ съ ружьемъ въ рукахъ. Это былъ Сопотовъ.

— А. Н.,—началъ онъ взволнованнымъ шопотомъ, одного изъ извозчиковъ нѣтъ,—онъ куда-то скрылся. Я съ Топоровымъ обыскалъ весь лагерь, всѣ окрестности—а его нѣтъ... Нѣтъ ли здѣсь шайки? Не пошелъ ли онъ сообщить ей о насъ?... Вѣдь это возможно же, А. Н.?

— Онъ, вѣрно, сторожить лошадей и заснулъ гдѣ-либо въ травѣ.

Я вышелъ изъ палатки. Вѣтеръ по прежнему былъ силенъ. Одинокая фигура часового торчала на бѣлесоватомъ фонѣ пронизанныхъ луннымъ свѣтомъ облаковъ. Шагахъ въ пятистахъ неясно чернѣли какія-то фигуры: то были пасшіяся лошади. Въ поискахъ за мнимопропавшимъ извозчикомъ, я дѣлалъ круги. Сопотовъ ходилъ по пятамъ. Вдругъ мы наткнулись на свернувшася калачикомъ человѣка. Я его тронулъ рукою: онъ вскочилъ. «Брусь! брусь! пробормоталъ отыскавшійся извозчикъ, вообразивъ, что мы спрашиваемъ у него пароль—«Эльбрусь». Мѣстные жители зовутъ величайшую гору европейскаго континента Шать-гороку, карачаевцы же—Менгитау (тысячная гора): поэтому-то нашъ извозчикъ, мѣстный житель, и исковеркалъ «пароль».

— Спи! спи! успокоилъ я его и вернулся въ палатку, оставивъ переконфуженнаго Сопотова продолжать дежурство.

Утромъ проснулись поздно. Многіе выкупались въ одномъ изъ мелкихъ и многочисленныхъ въ этомъ мѣстѣ рукавовъ Кубани. Въ 8 часовъ выступили въ дальнѣйшій путь, въ станицу Бѣломечетскую (13 верстъ). Шли группами по 4

— 5 человекъ. Было душно. Со стороны Главнаго хребта надвигалась туча; видны были тонкія полосы дождя, погромыхивалъ громъ; изрѣдка вѣяла струйка холодна. Въ 11 ¹/₂ часовъ мы остановились на обѣдъ. Пока онъ приготовлялся, мы спустились къ берегу Кубани, гдѣ въ одномъ изъ протоковъ глубиною въ аршинъ былъ устроенъ „маскарадъ“: ученики, намазавъ тѣло чернымъ иломъ, изображали чертенятъ, съ крикомъ и смѣхомъ носились по зеленому берегу съ тѣмъ, чтобы сейчасъ же съ шумомъ броситься въ воду и плыть, цѣпляясь руками за илистое дно и взметывая ногами высокіе фонтаны, блестящіе на солнцѣ всеми цвѣтами радуги. После обѣда была устроена, подъ моимъ руководствомъ, стрѣльба въ мишень изъ берданокъ и магазинки. Пальма первенства досталась студенту Сопотову и Топоркову (VI кл.). Было выпущено около 20 пуль. Лучистая радость сіяла въ глазахъ побѣдителей, когда пуля попадала въ черный кругъ. Въ 5 часовъ корнетъ пропѣлъ сигналъ къ выступленію. Сталъ накрапывать мелкій дождь, и путешественники въ мгновение ока преобразились въ капуциновъ, надѣвъ гуттаперчевыя плащи съ каюшонами, выписанные нами для вашей экскурсіи изъ Москвы. Нѣсколько разъ они оказывали намъ цѣнныя услуги во время ливней подъ Главнымъ хребтомъ: мы были неуязвимы для дождя.

Дорога быстро портилась, такъ что передъ вступленіемъ въ ст. Бѣломечетскую намъ уже приходилось часто останавливаться и стряхивать съ ботинокъ большіе комья грязи.

Вдали показались бѣленькія хатки, общественный хлѣбный магазинъ, кладбище, затѣмъ—бѣжавшіе навстрѣчу нашему барабану мальчишки и „дивчата“ Въ станицу вошли стройно, рядами. Остановились на церковной площади. Дождь съялъ, какъ сквозь сито. Я послалъ Корнѣя „въ правленіе“ за станичнымъ атаманомъ. Видимъ: бѣжить казакъ. Отдалъ „честь“.

Поздоровался. Это былъ помощникъ атамана, отлучившагося „по дѣламъ службы“.

— Писалъ вамъ про насъ что-нибудь атаманъ отдѣла?

— Такъ точно, писали: приготовить квартиры и подводы.

— Ни того ни другого отъ васъ не потребуется. Расскажи-ка, какъ пройти въ Мансуровскій аулъ.

— Лучше здѣсь оставайтесь, в. б., переночевать: тамъ очень неспособно будетъ: грязно живутъ абазинцы, да и дождь большой будетъ.

— Прекрасно; значить, ты предлагаешь намъ здѣсь гостеприимство. Спасибо—воспользуемся.

— Никакъ нѣтъ, послѣшно сказалъ казакъ: онъ, видно, вообразилъ, что съ „гостеприимствомъ“ будетъ тѣсно связано и „угощеніе“. Мальчики засмѣялись; казакъ пуше сконфузился.

— Я пошутилъ, успокоилъ я его: мы остановимся въ школь, и у насъ все запасено. Веди насъ туда.

Школа была тутъ же, на площади. Едва мы разиѣстились въ двухъ низкихъ классахъ старенькаго зданія, сдвинувъ въ стороны ветхія парты, какъ полилъ ливень. Корнѣй съ трудомъ приготовилъ намъ чай. Ночь прошла спокойно. Утро было свѣжее, облачное. Мы послѣшили выбраться изъ грязныхъ улицъ станицы. Перешли по мосту черезъ узкую, бѣшено несшую свои желтыя воды Кубань, пересѣкли низину, залитую вчерашнимъ дождемъ, и поднялись на плато; на горизонтѣ подымался холмикъ. Вскорѣ онъ былъ усѣянъ бѣлыми точками: то были передовые изъ нашего отряда. Справа, среди тянувшихся по Кубани садовъ, бѣлѣли домики, подымалась мечеть Мансуровскаго аула. Мы рѣшили туда не заходить: хотѣлось сегодня же дойти до Баталпашинска, главнаго пункта отдѣла. ¹⁾ Долина сужалась. Справа видны бы-

¹⁾ Кубанская область дѣлится на 7 частей, называемыхъ отдѣлами.

ля остатки старинной башни: здѣсь нѣкогда былъ турецкій окопъ съ башнею — Хаджи-кале; здѣсь жили, по преданію, турецкіе чиновники, наѣзжавшіе сюда изъ Сухумъ-кале; сюда направлялся въ 1790 г. турецкій „трехбунчужный“ генераль Баталь-паша, бывший командиромъ войскъ, расположенныхъ въ Анапѣ и Суджукъ-кале (нынѣ Новороссійскъ): онъ желалъ объединить западногорскія черкесскія или адигейскія племена, сблизить ихъ съ кабардинцами и другими восточно-горскими народцами, и, поднявъ, такимъ образомъ, весь Кавказъ, отбросить русскихъ на сѣверъ. Съ этою цѣлью онъ послалъ кабардинцамъ письмо, гдѣ сообщалъ о своемъ намѣреніи весною 1789 г. явиться съ войсками на Кубань, занять и укрѣпить Хаджи-кале. Дѣйствительно, въ сентябрѣ 1790 г. онъ съ 28-тысячнымъ отрядомъ, съ пушками, въ сопровожденіи тысячъ конныхъ черкесовъ явился на берегахъ Лабы. Навстрѣчу ему поспѣшилъ изъ Георгіевской крѣпости генераль Германъ съ трехтысячнымъ отрядомъ. Мы теперь шли по театру военныхъ дѣйствій: вонъ по ту сторону Кубани былъ Кубанскій редуть, гдѣ Германъ въ волненіи поджидалъ подкрѣпленій и не зналъ, куда направятся турки и скопища горцевъ; вонъ вдали синѣютъ Тохтамышскія высоты, прикрываясь которыми онъ сдѣлалъ ночью молодецкій переходъ и дерзко преградилъ путь Баталь-пашѣ...

Солнце сіяло падъ нашими головами въ синемъ небѣ и горячо лобзало наши лица (шеи были защищены «назатыльниками», что дѣлало насъ похожими на закаспійскую пѣхоту): осязательно чувствовалось, что понимали древніе греки подъ «золотыми стрѣлами Аполлона». Къ 11 часамъ Тохтамышскія высоты значительно приблизились; въ дымкѣ, насквозь пронизанной солнечными лучами, мы стали различать бѣлыя точки — дома Баталпашинска. За двѣ версты отъ города мы неожиданно очутились въ абазинскомъ¹⁾ аулѣ Дару-

¹⁾ Абазины, раньше называвшіеся русскими „шестиродными“, (ал-

кохтъ. Желая сократить путь, мы спустились къ берегу Кубани, въ аулъ; тутъ мы заблудились: пришлось безъ излишнихъ церемоній перелѣзать черезъ заборы, переходить по дворахъ, такъ какъ улицъ здѣсь не было. Абазинки съ удивленіемъ смотрѣли на насъ, стоя у пороговъ савлей; нѣкоторыя смотрѣли въ щелки на незваныхъ гостей. До Баталпашинска оставалось всего съ версту; но мы, перейдя большой мостъ черезъ бурную Кубань, съѣхали съ дороги и остановились на обѣдъ: насъ соблазнила веселая лужайка, осѣненная ивами, пышно росшими по берегамъ быстрого рукава Кубани. Пройдя 24 версты, мы съ наслаженіемъ раскинулись на мягкой травѣ; усталость и журчаніе воды быстро усыпило многихъ. Обѣдъ скоро послѣлъ. Едва мы его окончили, какъ хлынулъ ливень: гимназисты тотчасъ превратились въ монаховъ, надѣвъ свои блестящіе плащи, соединились въ тѣсную группу и обернули спины къ косому дождю. Составился хоръ, руководимый С. И. Борчевскимъ.

Мы живемъ среди полей и лѣсовъ дремучихъ!

Мы счастливыи, веселыи всѣхъ вельможъ могучихъ!

Гей цыгане! гей цыганки!...

Живо! веселѣ!...

Намъ покровъ—небесный сводъ

И земля—постеля!...—

Звенѣли молодые голоса, подъ аккомпанементъ трескотни дождя о гуттаперчевую твердую ткань плащей.

Гой ты, Днѣпръ! ты, мой широкій!

Лейся быстрою волной!...

Надъ нашими головами неумолкаемо грохоталъ громъ, сверкала молнія, «лился волной» дождь. Посинѣвшая Кубань угрюмо шумѣла. Однако, юные путешественники чувствовали себя какъ нельзя лучше. Прижавшись другъ къ другу, они

ты-кесекъ-абаза), принадлежать къ обширному племени абхазцевъ, населяющихъ Сухумскій округъ (древніе абазги).

пѣли. Пѣсня обладает удивительно объединяющею, бодрящею силою: каждый, сливая свой голосъ съ хоромъ, чувствуетъ себя нераздѣльною частью цѣлаго... Изъ-подъ плаща высокаго Миллера выглядывалъ маленькій Рохлинъ, словно цыпленокъ, спасшійся подъ крылышко матери: онъ не успѣлъ достать своего плаща въ-время.

Дождь пересталъ, и мы двинулись въ путь. Перейдя нѣсколько потоковъ и ручьевъ, мы остановились подъ городомъ на мосту черезъ одинъ изъ рукавовъ Кубани, нѣсколько пообчистились, дождались обоза, стали рядами, и съ барабаннымъ боемъ вступили въ Баталпашинскъ, представляющей изъ себя не что иное, какъ большую станицу, съ нѣкоторою претензіею казаться городкомъ, благодаря нѣсколькимъ лавкамъ, аптекѣ и большой каменной церкви. На площади мы замѣтили единственное двухъэтажное зданіе: это было шестиклассное городское училище. Сюда-то мы и направились. У входа насъ встрѣтилъ инспекторъ его, г. Потаповъ, заранѣе насъ пригласившій къ себѣ. Въ огромномъ классѣ въ изобиліи были настланы вороха душистаго сѣна. Радостно жужжа, путешественники стали размѣщаться на импровизированныхъ постеляхъ. Послѣ ужина часть отправилась осматривать городъ. Большинство же нѣжилось на сѣнѣ.

Въ станицѣ я рѣшилъ сдѣлать дневку, чтобы дать своимъ спутникамъ возможность оправиться отъ пятидесятиверстнаго пути; кромѣ того, у трехъ человекъ были ссадины на ногахъ. На обувь нами было обращено серіозное вниманіе. На основаніи прошлогодняго опыта, я рекомендовалъ ученикамъ имѣть двѣ пары ботинокъ изъ мягкой кожи. Послѣ перехода по грязи, когда вода пробиралась даже внутрь обуви, являлась необходимость въ запасной парѣ, въ то время какъ промокшая обувь высушивалась и густо смазывалась касторовымъ масломъ. Передъ походомъ ноги смазывались вазелиномъ съ небольшою примѣсью формалина, обертывались кускомъ бязи и

въ этомъ видѣ отправлялись въ обувь; защищенныя такимъ образомъ, онѣ были недоступны внѣшнимъ ударамъ и, благодаря формалину, не выдѣляли пота, что исключало возможность получить ссадины и водяные пузыри: поэтому ногами болѣли мало, и то въ началѣ путешествія. Въ дѣлѣ лѣченія небольшихъ ссадинъ намъ очень помогало oleum Roscii: кусокъ гигроскопической ваты, напитанный этимъ лѣкарствомъ, накладывался на обмытую растворомъ борной кислоты ранку; затѣмъ все забинтовывалось, и къ утру ранка была уже покрыта кожей; новый кусокъ ваты съ лѣкарствомъ, тщательное бинтованіе,—и безболѣзное путешествіе на весь день.

Въ десять часовъ только неугомонные путешественники улеглись спать на ворохахъ душистаго сѣна; однако, заснули, по словамъ Покатилова (V кл.), не скоро. У него въ дневникѣ записано слѣдующее. «Ученики не могли уgomониться. Кто-то потушилъ лампу, но и это не подѣйствовало: усюкоятся на секунду,—вдругъ кто-нибудь или защититъ или захранитъ «по особенному», и раздастся общій смѣхъ; опять начинается болтовня; слышались недовольные голоса: «перестаньте! спать на даете! вотъ услышите А. Н.!». Ничто не помогало. Наконецъ, нашелся одинъ благодѣтель и придумалъ усынить насъ: «Росляковъ! сыграй что-нибудь: авось, заснуть». Тотъ охотно уступилъ общей просьбѣ, вынулъ свою скрипку. Едва раздались въ темнотѣ первые аккорды,—все смолкло. Чистые, сильные звуки наполнили комнату; то они трепетали, то лились едва слышной волной, то вдругъ, могучіе и громкіе, содрогали наши сердца... О святое наслажденіе звуками! что можетъ быть выше тебя! Всѣ мы, затаивъ дыханіе, въ умиленіи слушали эти звуки, эту гармонию, ласкавшую нашъ слухъ, успокаивавшую и сглаживавшую все рѣзкое и грубое...

Уснули и мы, убаюканные баркароллой Чайковского, и яркія звѣзды глядѣли въ окна съ темныхъ небесъ... Подобное отношеніе моихъ товарищей къ такому искусству, какъ

музыка, было весьма приятнымъ явленіемъ: оно показывало, что они юноши довольно развитые, и грубое сейчасъ же у нихъ исчезало, какъ нѣчто непривычное, разъ только появлялось что-либо изящное... Усну и я: еще проснется мой пріятель Альтшулеръ, съ своей менторской миной, и на меня посыплются упреки въ «многоглаголаніи»...

Спокойной ночи, добрые товарищи!»

День 25-го іюня былъ посвященъ отдыху. Осматривали шелковичныхъ червей въ червоводѣ при училищѣ; объясненія давалъ одинъ изъ бывшихъ воспитанниковъ.

Благодаря любезности атамана отдѣла, г. Браткова, мы ни въ чемъ не терпѣли недостатка. Вечеромъ мы посѣтили убогій заѣзжій циркъ. Вернувшись домой, мы были пріятно удивлены, встрѣтивъ на порогѣ Игнатьева (VIII кл.): онъ не могъ своевременно присоединиться къ товарищамъ, такъ какъ лѣчилъ въ Майкопѣ ушибленную при паденіи ногу; теперь онъ выздоровѣлъ и на перекладной догналъ насъ. Всѣмъ было пріятно, что «нашего полку прибыло».

Отъ Баталпашинска до Хумары.

Битва съ Баталъ-пашою. Переходъ по „Долинѣ гряди“. Ночлегъ близъ минеральнаго источника. Посѣщеніе Николаевскаго укрѣпленія. Угольныя копи. Прибытіе въ Осетинскій поселокъ. Шоанинскій храмъ XI вѣка. Балъ.

В

ъ 6 часовъ утра улей зашумѣлъ, а въ 7¹/₂ путешественники, распростившись съ любезными хозяевами, двинулись дальше въ горы. Бойко трещалъ барабанъ, бодро шли свѣжіе, отчасти приспособившіеся къ путешествію юноши; позади гремѣли три высоконагруженныя телѣги. Мнѣ пришлось остаться по дѣламъ, и я только въ 12 часовъ могъ выѣхать на почтовыхъ, захвативъ куль съ мукой.

Хумаринскій храмъ XI вѣка.

Въ семи верстахъ отъ станицы находилось поле знаменитаго сраженія ген. И. Германа съ Баталь-пашею, 30-го сентября 1790 года. Русскіе въ числѣ 4 тысячъ человекъ, имѣя всего 18 пушекъ, преградили путь турецкой тридцатитысячной арміи съ 31 пушкой. Турки, въ сопровожденіи скопищъ конныхъ горцевъ, двигались изъ-за рѣки Зеленчука, направляясь къ Георгіевской крѣпости. Ген. Германъ смѣло преградилъ имъ путь: озадаченные турки тотчасъ же окопались въ своемъ лагерѣ на берегу Кубани (слѣды окоповъ и теперь ясно видны), и тогда вышли въ поле. Русскіе храбро ударили на оба крыла непріятельскаго войска: турки не выдержали и, преслѣдуемые конницей, бросились въ лагерь; при этомъ многіе были взяты въ плѣнъ, въ томъ числѣ одинъ паша. Горскіе народцы, увидѣвъ, что перевѣсъ клонится на сторону русскихъ, отѣхали нѣсколько назадъ и, остановившись на окружающихъ поле битвы высотахъ, смотрѣли, чья возьметъ; увидѣвъ же, что турки разбиты, черкесы исчезли въ горахъ. День клонился къ вечеру, когда Германъ со своими войсками двигался мимо непріятельскаго лагеря, дѣлая видъ, что хочетъ обойти его; затѣмъ, круто повернулъ и ударилъ на правый, слабо укрѣпленный флангъ лагеря. Началась штыковая работа: самъ Баталь-паша со свитою, много пороху, свинцу, инструментовъ, разныхъ припасовъ, 31 пушка достались побѣдителямъ. «Такъ кончился день», пишетъ въ своемъ «журналѣ» самъ Германъ, «который останется навсегда памятнымъ жителямъ Кавказа, съ коимъ исчезли навсегда дальновидные непріятельскіе планы, такъ что и слѣдовъ не осталось послѣ оныхъ». Дѣйствительно, цѣною жизни 142 русскихъ солдатъ было куплено спокойствіе Сѣвернаго Кавказа, и навсегда отнята у турокъ охота посылать сюда свои экспедиціи. Грустно пониѣ бы головою смѣлый русскій генералъ, если бы узналъ, что главный населенный пунктъ обширнаго отдѣла названъ именемъ трусливаго и бездарнаго ту-

рецаго паши, а имя Германа неизвѣстно большинству жителей даже Баталпашиинска. Миновавъ Джегутинскій поселокъ, перемѣнивъ лошадей въ Джегутинской станицѣ, я покатилъ по значительно сузившемуся кубанскому ущелью: справа, за рѣкою, возвышался мощный лѣсистый хребетъ, слѣва—высокіе холмы. Скоро дорога побѣжала карнизомъ надъ глубоко внизу шумѣвшей Кубанью. Моросившій дождь пересталъ. Вдругъ изъ-за одного изъ многочисленныхъ поворотовъ я увидѣлъ лагерь путешественниковъ. Съ высоты 80 саженой покатилося внизъ «ура»: то меня привѣтствовали наши «альпинисты», поднявшіеся на вершину хребта. Немедленно же былъ данъ сигналъ къ походу: солнце готовилось скрыться за хребетъ, между тѣмъ какъ намъ предстояло пройти одну подозрительную долину; дождь испортилъ дорогу, ночевать же необходимо было на сухомъ мѣстѣ.

Дорога дѣлалась, однако, съ каждымъ шагомъ живописнѣе: мы вступили въ царство горъ. Внизу Кубань съ шумомъ несла воды прямо къ подножію сѣраго утеса, часть котораго, въ видѣ обелиска, лежала въ водѣ; изумруднаго цвѣта островки казались длинными ладьями, у носа которыхъ клубилась пѣна. Разорванныя оранжевыя и голубыя облака на минуту закрывали солнце. Долину окружали высокія причудливыхъ очертаній горы; по нимъ ползали другія облака, длинныя, молочно-голубыя, и подымались къ вершинамъ; тутъ ихъ поджидали лучи скрывающагося солнца, и они горѣли розовымъ и краснымъ огнемъ. Длинныя тѣни побѣжали по зеленой долинѣ, куда мы спустились. Здѣсь прошелъ грандіозный ливень. По дорогѣ, на вершокъ покрытой водою, было итти затруднительно: юноши шли по высокой травѣ, сочно ступая. Ноги промокли; вода переливалась въ ботинкахъ; итти было жарко, всѣ устали; но останавливаться на ночлегъ здѣсь было невозможно: мы должны были добраться, какъ рѣшили, до источника минеральной воды. Нашъ барабанщикъ,

Топорковъ (VI кл.), замѣтивъ нѣкоторую молчаливость въ столь веселыхъ недавно товарищахъ, ударилъ въ барабанъ: всѣ зашлепали по водѣ въ тактъ, рядомъ съ барабанщикомъ, образовалась шеренга, молча и сосредоточенно шагавшая; барабанщикъ иногда спотыкался въ лужахъ, на кочкахъ, сбивался съ такта, но тотчасъ поправлялся и съ самоотверженіемъ колотилъ нѣмѣющими руками въ спасительный барабанъ. Трели его далеко неслись впередъ, въ темнѣющую даль ущелья, откуда уже подулъ свѣжій сумеречный вѣтерокъ.

— Это вѣтеръ изъ Карачая, господа! ледниковый вѣтеръ, свѣжій! дышите имъ! Глубже вздохи!... кричалъ восторженный Покатиловъ. Прибавь шагу! скорѣй изъ этого бота!... Обозь-то, обозь! какъ отсталъ!

Дѣйствительно, дорога затрудняла движеніе тяжелыхъ телѣгъ: онѣ отстали на цѣлую версту. Впереди слышался шумъ потока: мы быстро поднялись на возвышенность. Тамъ, въ извилистомъ, глубоко прорѣзанномъ каменномъ ложѣ бѣжалъ пѣнистый ручей. Каменный мостъ былъ разрушенъ напоромъ воды. Большіе камни, лежавшіе посреди потока, позволили намъ переправиться черезъ воду. Ночь спускалась. Надо было торопиться, и Миллеръ протрубилъ на корнетѣ сигналъ обозу «ускорить шагъ». Мѣстность стала волнистой, овраги, крутые склоны попадались чаще. Впередъ были посланы развѣдчики отыскать минеральный источникъ. Стемнѣло. Бѣлыя фигуры путешественниковъ смутно виднѣлись въ темнотѣ. «Исто-б-чникъ здѣсь!» слышался откуда-то изъ темноты голосъ С. И. Борчевскаго.

Громкое «ура!» прокатилось по тихому ущелью. Всѣ кинулись на голосъ. Опасаясь дождя, я выбралъ мѣсто для палатки на склонѣ; множество камней усѣивало землю. Свистокъ призывалъ всѣхъ къ исполненію своихъ обязанностей. Зажглись фонари, десятка два рукъ очистили мѣсто подъ палатку отъ камней; звенѣли лопаты, коная водоотводныя канавы; стуча-

ли топоры, забивающіе кольца для веревокъ; еще одно мгновение—и быстро поднялся высокій полотняный домъ на 30 человекъ. Тѣмъ временемъ каждый поочереды подходилъ къ телѣгѣ, гдѣ былъ боченокъ съ бургундскимъ виномъ, и выпивалъ стаканчикъ. Скоро былъ готовъ чай. Загусивъ, усталая армія сняла обувь, смазала ноги вазелиномъ и надѣла сухіе носки и запасные ботинки, затѣмъ тѣсно улеглась въ палаткѣ на циновкахъ, закутавшись въ бурки и пальто. Черезъ полчаса въ палаткѣ температура значительно повысилась: на лбу появилась испарина. Вдругъ всѣ затихли и подняли головы: изъ-за рѣки несея грохотъ за грохотомъ: то были земляные и каменные обвалы, слѣдствіе бывшего ливня. Часовые были напачены, и первая смѣна, надѣвши бурки, заняла свои мѣста на видномъ мѣстѣ. Дружный храпъ несея изъ палатки. Теплота заставила многихъ раздѣться, усталость быстро усыпила: Михайловъ спалъ, держа въ одной рукѣ кусокъ хлѣба, въ другой—сыру. Корнѣй и Федотъ спали, забравшись подъ телѣги. Одинъ только неутомимый студентъ Сопотовъ, босой, высоко засучивъ панталоны, съ фонаремъ и лопатой, до разсвѣта провозился около минеральнаго источника, приводя его въ порядокъ. Настало утро, радостное, солнечное. Лагерь весело шумѣлъ. Собираются въ походъ не торопились. Было прохладно, какъ весною, и такъ же, какъ весною, радостно на душѣ. У соляно-щелочнаго источника устроилось засѣданіе; всѣ, сидя на камняхъ, съ интересомъ слѣдили, какъ съ темнаго, илистаго дна круглаго колодца подымались серебристые пузырьки газа; каждый старался побольше набрать ихъ въ кружку. С. И. Борчевскій и Сопотовъ вели разговоръ о химическомъ составѣ воды, о сходствѣ его съ эссендукскимъ № 17; затѣмъ они наполнили нѣсколько лимонадныхъ бутылокъ, захваченныхъ съ собою специально для собиранія образцовъ воды минеральныхъ ключей. Сопотовъ долженъ былъ ихъ отвезти для анализа въ химическую лабораторію Ново-

россійскаго университета. Студентъ добродушно улыбался, когда мальчики съ усмѣшкой разспрашивали его о дѣйствиі воды на желудокъ: оказалось, что нашъ химикъ, желая испытать качества воды, выпилъ 4 чайныхъ кружки воды и пострадалъ. Сопотовъ былъ полезнѣйшимъ членомъ экспедиціи: принадлежа къ типу фанатиковъ—естественниковъ, онъ по цѣлымъ часамъ читалъ охотникамъ лекціи по естествознанію; добродушіе, вмѣстѣ съ серіознымъ знаніемъ предмета, привлекало къ нему симпатіи всѣхъ. Проработавъ у источника всю ночь, выстоявъ, кромѣ того, два часа въ качествѣ часового, Сопотовъ, усталый, съ головою болью, слегка простуженный ночнымъ холодомъ, не измѣнялъ своего жизнерадостнаго настроенія, и его маленькіе сѣрые, быстрые, какъ мыши, глаза попрежнему весело смотрѣли на собесѣдника.

Въ 9 часовъ снялись съ лагера, и тотчасъ стали подыматься на высокую равнину. Вдали забѣлылись полуразрушенныя башни старинной крѣпостцы. Направо, по ту сторону Кубани, у подножья высокаго хребта съ красными осыпями, ютилась бѣдная станица Красногорская (бывшая Николаевская). Это послѣдняя станица на нашемъ пути: дальше начинались инородческія поселенія. Жители ея занимаются хлѣбопашествомъ, но оно мало способствуетъ ихъ благосостоянію: слишкомъ мало земли, слишкомъ далека станція желѣзной дороги; къ тому же, жители ея потомки негоднаго элемента другихъ станицъ, нарочно выславшихъ въ первую линію всѣхъ, отъ кого они хотѣли избавиться.

Подойдя къ укрѣпленію, внутри котораго теперь помѣщается обывательская почтовая станція, путешественники мигомъ взобрались на башню, гдѣ и были сфотографированы въ моментъ, когда, махая въ воздухъ фуражками, кричали побѣдное «ура!» Грустно смотрѣли эти закопченныя стѣны съ зубцами и бойницами; нѣкогда грозная, башня теперь служила хлѣвомъ для телятъ... Кто-то замурыкалъ:

Гдѣ прежде въ Капитоліи судилися цари,—

Тамъ въ наши времена живутъ пономари...

Сигнальный свистокъ, барабанъ затрепалъ, и мы покинули крѣпостцу. Вдали открылась далекая перспектива спѣговыхъ горъ. Широкая равнина, по которой мы шли, сужалась: тамъ вдали синѣли ворота въ Карачай, предметъ нашихъ давнишнихъ вождедѣній; отдѣльно отъ прочихъ стояла столпообразная шоанинская гора съ церковью XI вѣка; у подошвы ея что-то бѣлѣло во мглѣ дали: это былъ георгіевско-осетинскій поселокъ и Хумаринское укрѣпленіе, станъ пристава, завѣдующаго Карачаемъ. Отсюда-то и начинался Карачай; здѣсь мы должны были отдохнуть, оставить часть запасовъ въ укрѣпленіи и, облегченные такимъ образомъ, двинуться дальше въ глубь горъ, въ Малый Карачай.

Итти было легко. Навстрѣчу съ бѣлоснѣжныхъ вершинъ Главнаго хребта несли прохладный, прямо весенній вѣтерокъ. Дорога шла подъ уклонъ. Вдали показалась кучка строеній и рядъ тополей: это были утяковскія каменно-угольныя копи. Дорога теперь живописно вилась по скалистому боку горы, то уклоняясь въ сосѣднія ущелья, то вновь выбѣгая на долину Кубани, стремительно несшей пѣнистыя волны въ глубокое скалистое ложѣ. Начался поросль дубняка, орѣшника, боярышника, прозрачные водопады падали на дорогу. Эта часть дороги носила названіе Мышиной тропы; въ рыхломъ плитнякѣ склоновъ горы мѣстами чернѣли прослойки каменнаго угля. Путешественники шли группами. Синяя блуза Сопотова мелькала тамъ и сямъ: онъ съ геологическимъ молоточкомъ въ рукахъ постукивалъ по скаламъ, отбивая по кусочку; Телѣга (VI кл.), нашъ «автомологъ», собравшій въ прошлую экскурсію 218 экземпляровъ бабочекъ, шелъ ниже дорогою съ своимъ сачкомъ; Шиллингъ (IV кл.), маленькій ботаникъ, несъ подъ мышкой папку съ пропускной бумагой, куда бережно, по-нѣмецки, укладывалъ найденныя

имъ самимъ или принесенныя товарищами растенія; Михайловъ (VII), Мова (VI) и Игнатьевъ (VIII) остановились и что-то дѣлали, окруживъ С. И. Борчевскаго. Былъ полдень, и наша метеорологическая передвижная коммисія остановилась для отиѣтки температуры мѣста, а также и высоты его, по превосходному анероиду. Благодаря С. И. Борчевскому, термометрическія и барометрическія наблюденія велись съ большою точностью въ теченіе всего пути: они могутъ послужить интереснымъ матеріаломъ къ опредѣленію рельефа этой мало изученной мѣстности.

Въ половинѣ перваго мы остановились передъ небольшою группою зданій; прекрасный огородъ, окруженный высокими тополями, примыкалъ къ хозяйскому дому. На нашъ призывный крикъ вышелъ владѣлецъ копей, въ настоящее время почти прекратившихъ свою дѣятельность, но раньше дававшихъ болѣе милліона пудовъ угля въ годъ. Крутая гора нависла надъ домомъ. Ее пересекали двѣ горизонтальныхъ параллельныхъ полосы каменнаго угля, толщиною въ 8 вершковъ. Пока варился обѣдъ, любезный хозяинъ пригласилъ насъ въ садъ, гдѣ подъ деревьями мы и расположились на своихъ цыновкахъ. Наша собака, знаменитый Боксъ, залѣзла въ малинникъ, спасаясь отъ жары; но любезность хозяина простиралась такъ далеко, что онъ просилъ собаку тамъ и оставить, несмотря на то, что она изрядно помяла растенія; однако, Боксъ съ позоромъ былъ извлеченъ изъ своего убѣжища. Утяковскія копи знали лучшее время, когда ихъ эксплуатировало военное вѣдомство съ помощью даровой солдатской силы; теперь же, съ проведеніемъ Ростово-Владикавказской желѣзной дороги, когда донецкій уголь вытѣснилъ потребленіе утяковского, производительность копей свелась почти-что на нѣтъ. Продолжая свое повѣствованіе, хозяинъ сообщилъ намъ, что на вершинѣ горы есть остатки какого-то древняго укрѣпленія. Съ легкой руки академика

Абиха, нѣкоторые приписываютъ его некрасовцамъ, бѣглымъ донскимъ казакамъ, позднѣе бѣжавшимъ въ Турцію; но это мнѣніе не имѣетъ подъ собою ни малѣйшаго основанія. Путь, по которому мы теперь двигались, былъ издревле извѣстенъ: здѣсь проходили византійцы; по преданіямъ здѣсь былъ Левъ Исаврянинъ; сюда, въ Хумару, ссылали византійскихъ преступниковъ, здѣсь были обширныя поселенія, остатки которыхъ мы должны были завтра увидѣть близъ осетинскаго поселка и устья р. Теберды; въ Хумарѣ была кафедра епископа Хумаринской епархіи; быть-можетъ, сюда заходили позднѣе генуэзцы, какъ это еще позже дѣлали турки,—но чтобы здѣсь жили некрасовцы—сомнительно; карачаевцы, въ прїѣздъ мой сюда въ 1896 году, говорили мнѣ, что здѣсь жилъ народъ „тамъ-лала“, невѣдомо куда исчезнувшій; что онъ-то и построилъ это укрѣпленіе. Такъ, въ ожиданіи обѣда, проводили мы время въ экскурсахъ въ область исторіи. Послѣ обѣда, отдохнувъ, отправились осматривать шахты. Поднявшись на высоту семидесяти футовъ, мы остановились передъ запертой дверью въ шахту; пока хозяинъ посылалъ за забытымъ ключомъ, мы любовались живописной панорамой мѣстности: причудливыя, зубчатыя горы, будто ряды замковъ и башенъ, защищавшихъ входъ въ Карачай, раздвигались. Направо за этими воротами начиналось великолѣпное Тебердинское ущелье, тянувшееся на 70 верстъ; по немъ-то намъ и надлежало пройти, подняться къ ледникамъ Главнаго хребта, полюбоваться на его вершинѣ озеромъ, покрытымъ плавающими льдинами, и затѣмъ перевалить отсюда черезъ рядъ хребтовъ въ долину Кубани, въ Большой Карачай; на это требовалось двѣ недѣли.

— Господа! допотопное дерево желаете видѣть? провозгласилъ хозяинъ.

Сопотовъ стремглавъ бросился впередъ. Изъ-подъ рыхлыхъ камней торчалъ большой кусокъ окаменѣвшаго дерева,

достаточно рыхлаго для того, чтобы отрывать куски его руками.

Эта находка дала Сопотову поводъ прочесть лекцію объ образованіи каменнаго угля, а также сообщить гипотезу о періодическомъ поднятїи и опусканіи Кавказскаго хребта.

У входа въ шахты лежали груды блестящаго и легкаго каменнаго угля; по словамъ хозяина, онъ даетъ много дыму и сильный жаръ. Принесли ключъ. Мы зажгли свѣчки и вошли въ прохладную штольню. Летучая мышь вырвалась изъ щели. Воздухъ былъ чистъ; пламя свѣчей горѣло ярко. Штольня имѣетъ въ длину 120 сажень; однако далеко я не пустилъ своихъ спутниковъ, хотя хозяинъ и увѣрялъ въ полнѣйшей безопасности.

Здѣсь С. И Борчевскій насъ сфотографировалъ при помощи вспышки магнія, и мы двинулись назадъ, спѣша выйти на свѣтъ Божій, тусклымъ пятномъ видѣвшійся вдали. Рѣзкій переходъ отъ холода къ теплу непріятно поразилъ насъ по выходѣ: казалось, мы вошли въ гигантскую печь; но черезъ минуту тѣло согрѣлось, и непріятное ощущеніе прошло.

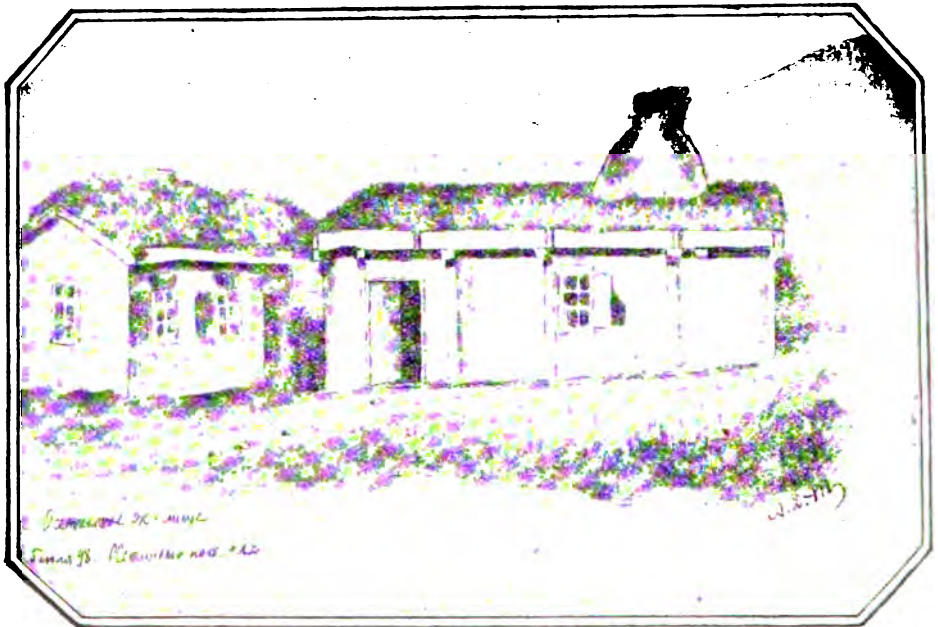
Намъ надо было спѣшить: оставалось до ночлега 6 верстъ, а солнце уже спряталось. Давши свисткомъ сигналъ обозу выступать и распростившись съ хозяиномъ, мы быстро спустились въ Хумаринскій аулъ, населенный выходцами изъ Кабарды. Напугавъ трескомъ барабана и громкой пѣсней аульное стадо, мы прошли мимо большой толпы кабардинцевъ, сбѣжавшихся посмотреть на „урусъ салдусъ“ (русскихъ солдатъ); въ числѣ зрителей видѣлись даже древніе старцы. Вечерняя прохлада, продолжительный послѣобѣденный отдыхъ восстановили наши силы: шли быстро; дорога была теперь хорошая, ровная. Вдали зажглись огни. Въ передней группѣ что-то пѣли. Надъ головами чудесно сверкали звѣзды: казалось, будто съ неба кто-то снялъ слой дымки, такъ

ярки были онъ, — явное слѣдствіе значительной высоты мѣстности надъ уровнемъ моря. Вотъ почему теперь обсерваторіи предпочитаютъ строить на вершинахъ горъ, напр., на Монбланѣ. Профессоръ Глазенапъ мечтаетъ объ устройствѣ такой же на кратерѣ Эльбруса. Безъ сомнѣнія, волшебное зрѣлище представилось бы астроному, наблюдающему небо съ обсерваторіи на высотѣ 18500 футовъ.

Въ Хумаринскомъ укрѣпленіи, по моимъ расчетамъ, насъ должны были встрѣтить В. М. Сысоевъ, если только онъ вернулся съ псебайскихъ раскопокъ, и студентъ Миллеръ, отправившійся въ Карачай для этнографическихъ изслѣдованій. Необходимо было оживить притихшихъ путешественниковъ и въ то же время извѣстить пристава и друзей о своемъ приближеніи: пророкотало два выстрѣла изъ берданки, и залился корнетъ. Насъ услышали: черезъ полчаса насъ окликнули: это былъ студентъ Миллеръ, вышедшій съ мѣстнымъ лѣсничимъ намъ навстрѣчу; они насъ провели кратчайшимъ путемъ въ укрѣпленіе, гдѣ насъ любезно принялъ карачаевскій приставъ г. Шмыткинъ. Ученики размѣстились въ большой залъ горскаго суда. Остатокъ вечера прошелъ незамѣтно въ разговорахъ.

Слѣдующее утро было посвящено приведенію въ порядокъ туалета, записыванію впечатлѣній, обозрѣванію осетинскаго поселка. Весьма зажиточные люди, осетины этого поселка отличаются далеко не симпатичными качествами: къ религіи они относятся весьма пассивно: въ церковь ходятъ преимущественно старики и женщины; обмануть, ограбить не прочь; они банкиры несчастныхъ карачаевцевъ и берутъ съ нихъ проценты прямо чудовищные. Живутъ они здѣсь всего около 20 лѣтъ. Съ 1896 г., когда я поселокъ увидѣлъ впервые, онъ значительно разросся, такъ что теперь ему не къ лицу официальное названіе „поселокъ“. Мы видѣли двѣ-три лавочки, гдѣ продаютъ преимущественно водку,

хлѣбъ, иногда баранину. Путешественникъ, пошавшій сюда, долженъ заранѣе запастись молокомъ, главнымъ продуктомъ мѣстнаго пропитанія,— иначе, ему придется голодать, такъ

какъ къ 11 часамъ всѣ сакли уже дымятся: варится знаменитый на Кавказѣ осетинскій сыръ. Женщины ходятъ съ открытыми лицами, и нигдѣ вы не замѣтите дикой пугливости карачаевскихъ женщинъ и дѣтей.

Главною цѣлью нашей прогулки по поселку и его окрестностямъ былъ осмотръ древней шованинской церкви, построенной въ X—XI вѣкѣ. Нѣкогда вся эта территория была заселена какимъ-то христіанскимъ народомъ, по нѣкоторымъ признакамъ, предками нынѣшнихъ осетинъ, оттѣсненными впоследствии татарскими и адигейскими племенами въ глубь горъ. Въ горахъ и лѣсахъ Карачая разсѣяны развалины каменныхъ часовень, церквей; изъ послѣднихъ только наиболѣе солид-

ныя по размѣрамъ сохранились довольно хорошо. Къ нимъ принадлежатъ хумаринскій (шоанинскій) и сентинскій храмы.

Роскошный видъ вознаградилъ насъ за подъемъ на высокую и крутую гору, вѣрнѣе, скалу. Внизу, словно на ландшафтѣ, лежалъ аулъ со своими прямыми улицами; направо уходили къ снѣговымъ вершинамъ лѣсистыя, кудрявыя ущелья, серебряными полосками вились горныя ручьи и рѣчки; ближе, на насъ надвигался амфитеатръ средневѣковыхъ башенъ, зубчатыхъ стѣнъ. Древняя церковь, при которой находится скитъ Зеленчукскаго мужскаго монастыря и живутъ нѣсколько монаховъ, теперь нѣсколько реставрирована: исправлена крыша, штукатурка, поставленъ иконостасъ, не низкій, византійскій, а высокій подъ куполъ, русскій. Нѣкогда здѣсь была кафедра епископа, по словамъ грузинскаго историка царевича Вахушта. Внизу, у подножя скалы, съ которой мы любовались горнымъ пейзажемъ, видны остатки обширѣйшаго кладбища. Произведенные тутъ В. М. Сысоевымъ раскопки въ 1896 г. показали, что народъ, здѣсь жившій, былъ не богатъ, и только: все „поросло травой забвенья“, и археологи недоумѣваютъ, что за народъ здѣсь жилъ. Полюбовавшись видомъ съ остраго утеса, на который вели шаткія ступеньки и гдѣ лежали колокола съ деревянной колокольни, за нѣсколько дней до нашего прихода разбитой молніей; напившись вдоволь чаю у радушныхъ монаховъ, не знавшихъ, куда посадить молодежь, — мы двинулись въ обратный путь. Дорогою мы забавлялись тѣмъ, что соединенными усилиями сдвигали съ мѣста каменную глыбу и пускали ее катиться внизъ. Громкій смѣхъ сопровождалъ гигантскія параболы и гиперболы, которыя продѣлывалъ стремглавъ несшійся внизъ камень. Внизу шумѣла рѣчка, и камень съ глухимъ стукомъ исчезалъ въ водѣ, вспѣнивъ на мгновеніе ея поверхность. Пора была обѣденная, и мы поспѣшили спуститься съ горы, усталые, голодные, но веселые и довольные началомъ „настоящаго“ горнаго

путешествія. Нѣкоторые и послѣ обѣда не уgomонились, и отправились на сосѣдную гору, гдѣ уже встрѣтили альпійскую флору: сосну, березу и массу цвѣтовъ среди высокой, густой травы. Всѣ ботаническіе трофеи были переданы маленькому, аккуратному Шиллингу. У воротъ укрѣпленія насъ ожидалъ сюрпризъ въ видѣ В. М. Сысоева, вернувшагося изъ Псебайскаго укрѣпленія; онъ пересѣкъ полосу ливней и съ трудомъ добрался до насъ на обывательскихъ, такъ что мы считали себя счастливыми, испытавъ только два дождя. Вечеромъ на дворѣ укрѣпленія нами былъ пущенъ маленькій фейерверкъ, на который г-жа Шмыткина отвѣчала тѣмъ, что прислала большое блюдо пирожковъ. Передъ ужиномъ устроили довольно шумныя танцы, что свидѣтельствовало о полномъ возстановленіи „мускульной энергіи“ моихъ спутниковъ. Въ виду того обстоятельства, что В. М. Сысоевъ предполагалъ произвести археологическія раскопки не въ Хумарѣ, а въ Сентахъ, я рѣшилъ выступить далѣе на другой день утромъ. Въ селеніи мы закупили сыру, заказали нѣсколько пудовъ хлѣба, который былъ поздне доставленъ въ женскій Сентинскій монастырь. Часть вещей, особенно громоздкихъ, мы оставили въ укрѣпленіи для того, чтобы впослѣдствіи за ними прислать, когда опустошимъ въ достаточной мѣрѣ свои запасы. Въ 10 часовъ была пропѣта молитва, и въ укрѣпленіи воцарилась тишина; только наши фотографы долго еще возились въ душной, наглухо запертой комнатѣ пустой казармы, „проявляя“ рядъ сдѣланныхъ ими снимковъ.

Настало облачное утро. Поднявшееся солнце быстро разогнало легкую дымку, заволакивавшую небесную синеву. Путешественники умывались, фыркая и плескаясь. Корнѣй съ Егоромъ, Федотомъ и двумя осетинами, нанятыми мною, вмѣсто невинномысскихъ извозчиковъ, систематически укладывали связанные тщательно и снесенныя хозяевами въ одно мѣсто дорожныя вещи. Топорковъ барабанилъ сборъ, Миллеръ

на корнетъ ему аккомпанировалъ. Этотъ адскій шумъ разбудилъ бы мертваго, не только любившихъ поспать Мову, Карамаленку, Альтшулера.

Напившись чаю, закусивъ и распрощавшись съ милою семьею пристава, обѣщавшаго догнать насъ на перекладной, нашъ отрядъ стройно, рядами, съ барабаннымъ боемъ вышелъ изъ воротъ укрѣпленія.

III.

Отъ Хумары до Сентовъ.

Географія Карачая. Тебердинская долина. Исторія Карачая. Завоеваніе его русскими. Первая ученая экспедиція въ Карачай. Обѣдъ на берегу Теберды и ловля форели. Сенты. Прибытіе въ Сентинскій женскій монастырь. Лагерь. Окрестности. Древній храмъ XI вѣка. Фрески его. Прошлое храма. Археологическія раскопки. Черепъ. Курманлыкъ.

Свѣжій утренній вѣтерокъ весело рвалъ значокъ на штыкѣ берданки Петрова. Громко и въ тактъ стуча каблуками, мы перешли мостъ надъ метавшейся и ревѣвшей въ фельзитъ-порфировыхъ берегахъ Кубанью. Населеніе поселка усѣяло крутой берегъ и долго провожало насъ глазами, а мы, разсыпавшись по широкой зеленой долинѣ, носившей слѣды обширнаго древнѣйшаго поселенія, усѣянной грудями могильныхъ камней позднѣйшаго происхожденія, весело шагали въ «неизвѣстныя страны». Вонъ передовая группа стремится уйти подальше: то «альпинисты» Гороховцевъ, Шанька и Карамаленко; вотъ человекъ двадцать выстроились въ шеренгу, съ барабанщикомъ посрединѣ, и шагаютъ въ тактъ; сзади, стараясь дѣлать побольше шагъ, торопятся «контрабандисты», Шиллингъ, Морозовъ и Рохлинъ; вотъ шеренга приближается къ табуну и стаду коровъ: животныя насторожились, слушаютъ и не понимаютъ никогда ими не слышаннаго звука барабаннаго боя; вотъ они шарахнулись въ сторону и несутся съ развѣвающимися гривами и хвостами, но тотчасъ останавли-

ваются, оборачиваются и широкооткрытыми глазами смотреть на приближающуюся шеренгу съ тѣмъ, чтобы тотчасъ же продолжать бѣгство. Особенный эффектъ на животныхъ произвела атака съ громкимъ «ура».

Нашего барабана боялись, впрочемъ, не одни животныя. Позднѣе, одинъ старикъ мнѣ рассказывалъ, что у карачаевцевъ существуетъ повѣрье: когда загремитъ барабанъ въ горахъ Карачая, послѣднему придетъ конецъ. Намъ почти вездѣ въ аулахъ принимали за солдатъ, посланныхъ забирать свободныхъ горцевъ на военную службу.

Вотъ и мостъ черезъ свѣтлую, бѣшеную Теберду, тутъ же вливавшуюся въ Кубань. Отсюда начинается Большой (на лѣво) и Малый (направо) Карачай—такъ называется треугольникъ, образуемый водораздѣлами кубано-кумскимъ, тебердо-зеленчукскимъ и Главнымъ хребтомъ, и населенный смѣшаннымъ тридцатитысячнымъ племенемъ, говорящимъ на татарскомъ нарѣчїи—карачаевцами, живущими въ этой мѣстности, по ихъ преданїямъ, около 500 лѣтъ; хребты эти покрыты сначала дубомъ, ясенемъ, карагачемъ, тисовымъ деревомъ (порода, вымирающая въ Европѣ: группу тисовыхъ деревьевъ мы встрѣтили на шоанинской горѣ), березою; далѣе идетъ сплошной пихтовый, сосновый и еловый лѣсъ. Вдоль этихъ хребтовъ лежатъ глубокія то сужающіяся, то расширяющіяся долины, развѣтвляющіяся подъ Главнымъ хребтомъ; по лѣвой долинѣ бѣжитъ Кубань, образуемая изъ двухъ рѣчекъ, Хурзука и Учъгулана, принимая въ себя пѣнистый Худесь и быстрый Доуть; по правой же несется Теберда, состоящая изъ „Тебердинки“ и Буначкира, вытекающей изъ озера на Клухорскомъ перевалѣ. Пространство между этими долинами заполнено двумя огромными малодоступными хребтами и массою ихъ побочныхъ отроговъ. Въ большомъ Карачаѣ 4 старинныхъ аула (Картджуртъ—столичный аулъ, Учъгуланъ и Хурзукъ), въ Маломъ же самыми крупными

аулами являются Сенты и Теберды, колоніи первыхъ, основанныя въ 60 г. Нашъ путь теперь лежалъ по Тебердинской долинь на Клухорскій переваль (9600 футовъ); вернувшись оттуда на 37 версть назадъ, мы хотѣли попытаться перевалить, если возможно, черезъ хребты въ Большой Барачай; обозъ же долженъ былъ вернуться назадъ въ Хумару, захватить нужныя вещи и, проѣхавъ вверхъ по Кубанскому ущелью, присоединиться къ намъ уже въ аулъ Учъкуланъ, у истоковъ Кубани.

Мѣстность рѣзко измѣнила свой характеръ. Справа и слѣва надвигались на дорогу гигантскія, причудливыя скалы, сѣрыя, розоватыя, сизыя; на нихъ росли вѣковыя деревья; лѣсъ подступилъ ближе, спустился къ Тебердѣ; между деревьями мелькали развалины какаго-то древняго поселенія. Вотъ приближается къ намъ великолѣпная отвѣсная скала футовъ въ 600. Два года тому назадъ я въ нее стрѣлялъ, чтобы послушать многократное эхо. Рассказываютъ, что одинъ карачаевскій охотникъ, подымаясь на нее, встрѣтился на узкомъ карнизѣ съ медвѣдемъ: ни тотъ ни другой не могли повернуть назадъ; мишка сталъ пятиться. Долго выбиралъ охотникъ моментъ, чтобы убить звѣря и не потерять его шкуры. Выстрѣлилъ, и съ досадой увидѣлъ, какъ бѣдное животное, подпрыгнувъ, свалилось въ бездну; жалкіе остатки нашель онъ, спустившись внизъ. Направо амфитеатромъ разступались горы; на одной изъ ихъ вершинъ мы съ В. М. Сысовымъ нашли въ 1896 г. каменную надгробную статую грубой работы; я ее зарисовалъ въ альбомъ; особенное наше вниманіе привлекло изображеніе сѣкиры, близко напоминавшее древнія западно-европейскія рыцарскія сѣкиры. Кто-то изъ учениковъ пожалѣлъ, что мы не идемъ по той сторонѣ: хотѣлось бы взглянуть на статую; но это было невозможно: бѣлая отъ пѣны Теберда служила непреодолимымъ препятствіемъ.

Горы сузились. Мѣстами попадались веселыя ущелья; изъ каждаго неизмѣнно стекалъ въ Теберду стремительный ручей.

Вдали кучка передовыхъ надъ чѣмъ-то остановилась; оказалось, ученики отыскиали игрушечную карачаевскую мельницу: ручей перегораживался горизонтально положеннымъ колесомъ съ лопастями; оно неустово вертѣлось подъ напоромъ прозрачной, какъ горный хрусталь, струи родниковой воды, бѣжавшей по желобу изъ древесной коры. Мельницы у карачаевцевъ самаго первобытнаго устройства; вода вертитъ колесо, лежащее плашмя. Около каждаго аула встрѣтите нѣсколько водяныхъ мельницъ, къ нимъ издалека проведены канавы отъ рѣки. Карачаевцы въ дѣлѣ искусственнаго орошенія большіе мастера, какъ и всѣ восточные народы.

Малый Карачай только съ 70-хъ годовъ получилъ это названіе, когда послѣ освобожденія крестьянъ нѣсколько тысячъ карачаевскихъ рабовъ узденей Большого Карачая получили свободу и были водворены въ Тебердинской долинь. Происхожденіе карачаевцевъ теряется въ сумракѣ древности. Мнѣ приходилось много бесѣдовать съ карачаевскими стариками, записывать ихъ поэтическія преданія, былинны, сказанія о происхожденіи народа и самаго племени „Карачай“¹⁾. Вкратцѣ про карачаевцевъ можно сказать слѣдующее. Группа бѣглецовъ изъ Крыма, подъ начальствомъ силача Карчи, около 500 лѣтъ назадъ поселилась близъ Сухума; спасаясь отсюда отъ преслѣдованій, послѣ долгихъ скитаній по бассейну Лабы и Кубани, она попала въ Кабарду, на Баксанъ; отсюда эти бѣглецы переселились въ верховья Кубанп. О послѣднемъ событіи девяностолѣтній старикъ въ Картджуртѣ рассказывалъ мнѣ такъ: карачаевскій охотникъ, по имени

¹⁾ См. мои „Замѣтки о Карачаѣ и карачаевцахъ“ (XXV выпускъ „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племень Кавказа“, изд. Кавказскаго учебн. округа).

Боташъ, съ двумя товарищами, преслѣдуя раненаго оленя, спустились въ долину р. Уллукама (близъ Эльбруса); вокругъ лежали дремучіе лѣса, пзоблающіе дичью; нигдѣ не было видно слѣдовъ человѣка. Охотники поставили себѣ на полянкѣ, близъ „Боташева камня“, шалашъ изъ вѣтвей, покрыли его шкурами туровъ и олений. Здѣсь они прожили пятнадцать дней и осмотрѣли долину Хурзука, Учъкулана и Кубани. Въ „газырихъ“ одного оказались зерна ячменя; Боташъ горной палкой съ желѣзнымъ наконечникомъ вскопалъ немного земли и посѣялъ зерна. На слѣдующій годъ они посѣтили названную мѣстность и увидѣли, что посѣянный ячмень далъ превосходный урожай. Тогда весь народъ рѣшилъ переселиться сюда, въ ущелье Кубани, чтобы быть подалше отъ набѣговъ кабардинцевъ и осетинъ. Поселились карачаевцы на мѣстѣ теперешняго Картджурта, который тогда назывался Эль-тубе (Нижнее селеніе), въ отличіе отъ хуторовъ Хураука и Учъкулана; когда же послѣдніе обратились въ аулы, Эль-тубе переименовали въ Картджуртъ (Старое селеніе). Вся земля была раздѣлена на три части—по числу ауловъ. Боташъ, при дѣлежѣ, захотѣлъ взять себѣ лучшую часть и въ возникшей ссорѣ былъ убитъ. „Съ тѣхъ поръ прошло 587 лѣтъ“, заключилъ свой рассказъ старій карачаевецъ.

Что касается борьбы съ русскими, то весьма вѣроятно, что карачаевцы участвовали уже въ сраженіи ген. Германа съ Баталь-нашою въ 1790 г.; въ 1828 г. они принимали дѣятельное участіе въ битвѣ ген. Антропова съ кабардинцами у ст. Незлобной. Въ томъ же году ген. Георгій Арсеіевичъ Эммануэль, сербъ родомъ, покорилъ ихъ. Онъ въ „Извѣстіи жителямъ Кавказской области“ такъ повѣствуетъ объ этомъ покореніи: „Ставрополь, октября 30 дня 1828 года. Термопилы Сѣвернаго Кавказа взяты нашими войсками, и оплотъ Карачаева, у подошвы Эльбруса, для всѣхъ горскихъ племень, враждебныхъ Россіи, помощью Божіею и храбростью

войскъ, подъ личнымъ моимъ предводительствомъ, разрушенъ. Сраженіе съ карачаевцами произошло сего октября 20 числа; оно началось въ 7 часовъ утра и кончилось въ 7 же вечера, съ овладѣніемъ послѣдней высоты. Побѣда покрыла новою славой Россійское воинство, въ семь дѣлъ участвовавшее. Потеря наша, при пораженіи непріятели, состояла въ убитыхъ: оберъ-офицерахъ—3, унтеръ-офицерахъ—2 и рядовыхъ—32; ранены: Горскаго казачьяго полка маіоръ Верзилинъ¹⁾, оберъ-офицеровъ—3, унтеръ-офицеровъ—13 и рядовыхъ—103. Послѣ сей важной для Кавказской области побѣды, войско наше 21 октября достигло уже безъ бою и малѣйшаго сопротивленія Картджурта, и до прибытія еще къ оному, почти въ одно время съ нарочно посланнымъ къ намъ, прибылъ и отъ оныхъ повѣренный съ просьбою о милосердіи и пощадѣ, съ обѣщаніемъ исполнить всѣ требованія; почему ихъ аулъ и огражденъ былъ карауломъ отъ всякаго разоренія. 22 октября представлялся лично мнѣ ихъ повелитель, Валій Исламъ Крымъ-Шамхаловъ, со всѣми старшинами, и подалъ прошеніе, при семъ прилагаемое, именовъ всего народа, которое было принято. 23 октября какъ онъ со всѣми старшинами, равно какъ и весь карачаевскій народъ присягалъ на вѣрность подданства Государю Императору, съ представленіемъ отъ него, Крымъ-Шамхалова, равно и отъ трехъ еще первѣйшихъ фамилій, аманатовъ²⁾. За окончаніемъ, такимъ образомъ, сего важнаго дѣла для будущей безопасности и спокойствія Кавказской области, войско выступило 24 октября въ обратный путь, и я прибылъ въ Ставрополь 29 октября. Подписалъ: генераль-отъ-кавалеріи Эммануэль“.

Валій Исламъ Крымъ-Шамхаловъ произнесъ слѣдующую рѣчь въ присутствіи генерала и офицеровъ: „Счастливы вы,

¹⁾ Отецъ барышень, съ которыми былъ знакомъ Лермонтовъ и Мартыновъ, убившій поэта.

²⁾ Заложниковъ.

что удалось вамъ проникнуть въ скрытыя жилища наши; мы такъ увѣрены были въ невозможности этого, что даже во время сраженія никто изъ насъ не почиталъ нужнымъ отправить женъ и дѣтей въ безопасное мѣсто; но ваше счастье насъ одолѣло. Мы были самыми вѣрными приверженцами Порты Оттоманской и никогда ей не измѣняли,—она измѣнила намъ, оставивъ насъ безъ защиты и не умѣвъ удержать крѣпости своей Анапы. Будьте же теперь нашими повелителями: мы не измѣнимъ своему слову. Вы оградили наши семейства, даже имущество отъ разоренія, и тѣмъ приобрѣли уже нашу признательность“.

Въ 1829 г. ген. Эммануэль предпринялъ развѣдочную экспедицію въ Карачай, пригласилъ участвовать въ ней и ученыхъ: Академія Наукъ командировала адъютанта Ленца (физика), адъютанта Дерптскаго университета Мейера (ботаника), хранителя зоологическаго кабинета Академіи Менетрие (зоолога), чиновника горнаго департамента Вансовича (геолога). Двадцать девятаго іюня отрядъ выступилъ изъ Пятигорска. Карачаевцы всполошились, но генераль успокоилъ ихъ, объяснивъ цѣль экспедиціи. Въ горахъ она была встрѣчена проливными дождями, такъ что только 8 іюля отрядъ добрался до истоковъ Малки, гдѣ и расположился лагеремъ. Девятаго іюня академики начали подъемъ, но десятаго вернулись въ лагерь, не одолѣвъ трудностей пути; только Ленць съ казакомъ и двумя горцами продолжалъ подыматься, но и онъ, не дойдя 600 футовъ до вершины, повернулъ назадъ. Между тѣмъ отыскался кабардинецъ, по имени Килларь, который подымался отдѣльно отъ прочихъ; въ 11 часовъ утра онъ показался на вершинѣ Эльбруса. Генераль Эммануэль первый замѣтилъ его на вершинѣ и приказалъ стрѣлять изъ орудій. Килларь получилъ 400 р. награды. Двадцать перваго іюня экспедиція была уже въ Пятигорскѣ; результатами ея были богатыя минералогическія, ботаническія и геологическія кол-

лекціи; далѣе, академики открыли свинцовую руду на Худесѣ, залежи каменнаго угля и много другихъ минеральныхъ залежей. Словомъ, край былъ всесторонне изслѣдованъ.

Возвратимся, однако, къ нашему путешествію. Мы уже проходили 14-ую версту, какъ сзади послышался звонъ почтоваго колокольчика, всѣ оглянулись: насъ догоняла почтовая телѣжка, тамъ сидѣли двѣ бѣлыхъ фигуры: то были г. Шмыткинъ и лѣсной ревизоръ. Имъ, очевидно, не хотѣлось съ нами разстаться такъ скоро: безъ сомнѣнія, мы внесли свѣжую струю въ ихъ однообразную жизнь въ заброшенномъ въ горахъ укрѣпленіи, въ обществѣ осетинъ и карачаевцевъ. Пройдя еще версты двѣ, мы остановились „на обѣдъ“ подъ большими деревьями. Одни изъ путешественниковъ распаковывали вещи, другіе дѣлали изъ сучьевъ мостъ черезъ ручей, третьи принялись ловить удочками форель; извозчики выпрягли лошадей, и уставшія животныя принялись весело кататься по изумрудной травѣ, чтобы затѣмъ, встряхнувшись, съ жадностью ее щипать. Большая группа съ любопытствомъ слѣдила, какъ низкорослый пожилой карачаевецъ съ маленькимъ сыномъ ловили бреднемъ форель. Корнѣй съ Ѳедотомъ гремѣли посудой, устанавливали котлы на таганкахъ, то показываясь, то исчезая въ голубыхъ облакахъ дыма, который, дѣлаясь за вершины деревьевъ, улеталъ въ высь. Вонъ осетины поволокли бѣднаго барана въ кусты. Мы купили у карачаевца за двугривенный весь его уловъ, штукъ 20 форели, и передали по принадлежности Ѳедоту, съ наставленіемъ варить въ соленой водѣ и подольше, потому что эта рыба, недостаточно проваренная, вызываетъ боли въ желудкѣ. Приставъ, страстный рыболовъ, вызвался наловить бреднемъ форели еще; къ нему присоединился и Сопотовъ. Въ сопровожденіи толпы зрителей они отправились къ маленькому заливику и храбро полѣзли въ прохладную воду; удача сопровождалась громкимъ поощреніемъ зрителей. Наконецъ, Со-

потовъ запросилъ пардову: „Отпустите душу на покаяніе“, взмолился онъ: „очень больно ходить по камнямъ!“ Тѣмъ временемъ въ мелкомъ заличикѣ всѣ успѣли перекупаться и, освѣженные, посиѣшили на призывные звуки миллеровскаго корнета, сообщавшіе, что обѣдъ готовъ и ждетъ насъ. Сегодня, въ видѣ предъобѣденной закуски, былъ предложенъ осетинскій сыръ и отварная форель, затѣмъ слѣдовали щи съ прессованной зеленью, соусъ изъ баранины и картофеля; десертъ замѣнило монпансье; за обѣдомъ слѣдовалъ чай. Не всегда, впрочемъ, были такіе обѣды: иногда приходилось ограничиваться и однимъ блюдомъ; тогда съ неудовольствіемъ вспоминалась пословица: *à la guerre comme à la guerre!*..

Полчаса спустя послѣ *dolce far niente*, раздался сигналъ запрягать; вскорѣ рѣзкій звукъ корнета созвалъ разбредшихся путешественниковъ, и мы, простившись съ веселымъ и любезнымъ приставомъ, двинулись далѣе.

Ущелье, чѣмъ дальше, тѣмъ становилось живописнѣе.

Вонъ вдали оно, казалось, замыкается: идти дальше некуда; надъ нимъ гроздятся синіе, розовые хребты, одинъ выше другого; кое-гдѣ на вершинахъ горятъ темнымъ золотомъ полоски снѣга. Чувствуется приближеніе къ сердцу горъ, къ «медвѣжьимъ угламъ». Но вотъ хитрая дорога дѣлаетъ поворотъ, и вашему восхищенному взору открывается новая сіяющая долина, по ней змѣится быстрая Теберда. Снова впереди смыкаются синія горы, покрытыя темными лѣсами; вверху уже горитъ на облакахъ вечерняя заря... Вокругъ—горная тишь, красиво отгѣняемая глухимъ рокотомъ рѣки. Далеко-далеко дрожить въ воздухѣ мотивъ русской хоровой пѣсни: то развлекается группа нашихъ быстроходовъ, поджидая остальныхъ. Вотъ карачаевцы везутъ въ бочкахъ деготь и скипидаръ со смолокуренныхъ заводовъ въ сосновыхъ рощахъ за Тебердинскимъ ауломъ; вотъ они свернули почтительно съ дороги и пропускаютъ насъ мимо, съ любопытствомъ погла-

дывая на насъ изъ-подъ своихъ пушистыхъ папахъ; маленькіе круторогіе бычки, такіе же дикіе, какъ и ихъ хозяева, метнулись въ сторону, испугавшись нашего вѣрнаго пса Бокса, стремглавъ носившагося взадъ и впередъ и пугавшаго пичужекъ. Вонъ кто-то быстро скачетъ верхомъ, съ двумя осѣдланными лошадьми: оказывается, старшина Сентовъ, предупрежденный приставомъ о нашемъ пріѣздѣ, распорядился, въ видъ особой чести, выслать для желающихъ лошадей. С. И. Борчевскій и Миллеръ тотчасъ же помчались впередъ и быстро скрылись изъ глазъ.

Солнце уже сѣло, когда мы подошли къ Сентамъ. Кусковъ скомандовалъ своей ротѣ, и путешественники, прошедшіе 21 версту, стройно замаршировали подъ звуки барабана и рожка: желаніе «не посрамить себя передъ карачаевцами» заставляло забыть усталость. Все населеніе аула обѣжалось посмотреть на насъ. Типы были самые разнообразныя, господствовали, конечно, смуглые, но часто попадалось бѣлое личико дѣвушки, бѣлокурый ребенокъ; нѣсколько совершенно нагихъ дѣтей вертѣлось у ногъ женщинъ. Запахъ бараньяго сала несся изъ толпы. «Ну и ароматы!» слышалось въ нашихъ рядахъ. Остановились у крыльца аульнаго правленія. Здѣсь насъ встрѣтило начальство: старшина съ помощниками и писарь-старикъ, отставной кавалерійскій унтеръ-офицеръ. Намъ предлагали гостепріимство, квартиры, но мы поблагодарили и отказались отъ перспективы предать себя на всю ночь въ жертву насѣкомымъ въ жилищахъ удивительно нечистоплотныхъ карачаевцевъ. Давши старшинѣ денегъ, я попросилъ его доставить намъ нѣсколько барановъ въ женскій монастырь, гдѣ мы рѣшили провести два дня. Быстро спустившись къ рѣкѣ, въ сопровожденіи всего аульнаго населенія, желавшаго посмотреть на «урусъ салдусъ», мы перешли по мосту черезъ Теберду и стали подыматься на крутизну; многіе запыхались, но никто не отставалъ: таково увлекающее

вліяніе барабана и массового ритмическаго движенія. На первомъ взгорьи остановились, поджидая обозъ, чтобы оказать ему помощь, потому что намъ казалось почти невозможнымъ втащить наши три тяжело нагруженные телѣги; но дѣло было сдѣлано быстро: телѣги дружно вкатили наверхъ. Снова затрещалъ барабанъ, и мы черезъ нѣсколько минутъ увидѣли себя въ небольшомъ густо заросшемъ горномъ уголкѣ; направо, среди зелени большихъ деревьевъ, бѣгло три домика самой примитивной архитектуры, подъ желѣзными, однако, крышами. Мы остановились у открытыхъ дверей одного изъ нихъ, ближайшаго. Изъ раскрытыхъ оконъ несло стройное женское пѣніе, тускло блистали въ темнотѣ красные огоньки, чувствовался запахъ ладана и кипариса. Насъ встрѣтила знакомая уже намъ мать Екатерина. Умные сѣрые глаза ея провзительно смотрѣли сквозь стекла золотыхъ очковъ; черты лица были рѣзки и энергичны. Привѣтствуя насъ, она сказала, что отвела въ наше полное распоряженіе домигъ, гдѣ жилъ недавно уѣхавшій монастырскій священникъ, обѣщала прислать намъ молока, хлѣба и всего, что потребуется. „А теперь“, прибавила она съ улыбкой, „я пойду помолюсь“. Мѣстечко, гдѣ намъ предстояло прожить два дня, было нѣкогда покрыто каменными постройками, на что указывали кучи камней, заросшихъ травой, кустиками; кое-гдѣ росли буковыя деревья; подъ однимъ изъ нихъ пріютился маленькій домигъ о двухъ комнатахъ. Невозможно было помѣстить въ немъ даже половину путешественниковъ,—поэтому было приказано разбить обѣ палатки. Всѣ быстро принялись за работу, и чрезъ четверть часа въ полутьмѣ забѣлѣла наша громадная палатка, недалеко отъ нея подъ деревомъ пріютилась маленькая, на шесть чемовѣгъ, гдѣ помѣстились „контрабандисты“. Собирались тучи. Потянуло холодкомъ. Тамъ, гдѣ мы обѣдали, въ синей мглѣ сверкала молнія, и оттуда несся гулъ: поэтому вокругъ палатокъ были сдѣланы водосточныя канавки; дорожныя вещи, цыновки, плащи перета-

щили въ палатки, въ домикъ, а ящики съ припасами были оставлены на телѣгахъ, амфитеатромъ окружившихъ нашъ лагерь; ихъ закрыли брезентами и увязали. Яркій огонь пылалъ подѣ деревомъ: то была импровизированная кухня; темныя фигуры мелькали туда и сюда. Около домика суетилась надъ самоваромъ послушница. Всѣ наши фонари были зажжены, и лагерь приобрѣлъ мирный, уютный видъ. Сотни свѣтляковъ, словно золотыя мухи, замелькали въ кустахъ, между палатками, исчезали въ безднѣ. Телѣга (VI кл.) наловилъ ихъ штукъ двадцать, положилъ въ стеклянную трубочку и на примѣрѣ доказалъ, что при этомъ фосфорическомъ свѣтѣ весьма удобно читать. Послѣ чаю, молока и закуски, всѣ собрались въ кружокъ, начались разговоры о пережитомъ, строились планы на будущій день; изрѣдка слышался смѣхъ, но не бурный, раскатистый, а тихій, сдержанный: никто не забывалъ, что находимся въ монастырѣ. „Контрабандисты“ мирно похрапывали въ комнатахъ: имъ не было пока разрѣшено ночевать въ палаткахъ, въ виду грозившаго дождя. Настоятельница намъ жаловалась на вороватость карачаевцевъ, на то, что въ окрестностяхъ много волковъ: это заставило меня назначить часовыхъ, и первая смѣна, какъ обыкновенно, въ два человѣка, должна была начать дежурство съ 11 часовъ. Около двухъ часовъ ночи я вышелъ къ часовымъ. Шанька ко мнѣ тотчасъ же подошелъ и сообщилъ, что онъ слышалъ, что какое-то животное или человѣкъ бродитъ въ кустахъ за ручьемъ. Я разрѣшилъ ему выстрѣлить вверхъ. Блеснулъ огонь, и грянулъ выстрѣлъ, эхо умерло гдѣ-то вдали. И тишина стала еще таинственнѣе. Настоятельница на другой день благодарила насъ: «Это безпремѣнно былъ волкъ», говорила она: «намедни онъ у меня зарѣзалъ большущаго барана».

Утро мы посвятили осмотру окрестностей и подъему зигзагами, среди густого лѣса, на высокую скалистую гору. Дорога туда недавно разработана самими сестрами, которыхъ здѣсь

набирается иногда до 100 человекъ, отчасти богомольцами. Чудный альпійскій видъ вознаграждаетъ труды путника, забравшагося на эту высоту. Прямо высится огромный хребетъ, внизу бѣжитъ бѣлая Теберда, тотчасъ же исчезающая за поворотомъ. Подъ горою растянулся аулъ; карачаевцы варятъ, вѣрно, сыръ: почти надъ каждой саклей вьется дымогъ и сливается съ легкою мглою, стоящею надъ ауломъ; ее насквозь пронизываютъ лучи солнца. Вонь въ ущельи надулось и, словно лебедь, поплыло по склону облачко, вонь оно зацѣпилось за деревья; теперь оно попало въ слой теплаго воздуха и быстро начинаетъ таять, вонь расплзлось уже клочками среди зелени деревьевъ, еще мгновение—и слѣдовъ его уже нѣтъ. Вамъ душно. Еще одно усиліе, и вы видите нѣсколько ниже себя, на краю бездны, старинный сѣраго цвѣта храмъ, увѣнчанный золотымъ шаромъ и крестомъ. Свѣжій вѣтеръ обвѣваетъ лицо со всѣхъ сторонъ, шелеститъ листьями деревьевъ, выросшихъ изъ древнихъ гробницъ близъ церкви, шевелитъ красную занавѣсь въ царскихъ вратахъ темнаго лакированнаго иконостаса, подарка московскихъ богомолковъ. Вы среди тишины высокихъ арокъ византійскаго храма X—XI вѣковъ, современника знаменитаго Мстислава, «иже зарѣза Редедю предъ полкы касожьскими», основателя перваго русскаго храма на Кавказѣ—церкви Богородицы въ «Тматороканѣ». Съдавая древность глядитъ на васъ съ этихъ каменныхъ стѣнъ, покрытыхъ изображеніями святыхъ; ничѣмъ не напоминаютъ они вамъ о земномъ; строгія ихъ лица говорятъ вамъ о молитвѣ и постѣ. Византійская живопись до половины IX вѣка (конца иконоборства) отличалась извѣстною свободою и правильностью рисунка, колоритъ былъ яркій, живой. Затѣмъ авторитетъ церкви стѣснилъ свободу творчества, фантазія художника не смѣла выйти изъ сторога опредѣленныхъ церковью рамокъ, и живописцы стали искусными малярами, изображавшими формы тѣла сухими, худыми, фигуры непропорціональ-

но длинными, лица изможденными, со впалыми щеками, сухимъ, обострившимся носомъ, продолговатыми глазами; положеніе тѣла было странно искусственно: фигуры шли широкими легкими шагами, приподнявшись на носкахъ, одежды, плотно прилежавшія къ тѣлу, были расположены симметричными угловатыми складками; въ расположеніи фигуръ царствовала тоже строгая симметрія; краски были самыя величественныя: бѣлизна, яркость, румянецъ щекъ навсегда были изгнаны—ихъ замѣнили темно и свѣтлокоричневые тона. Обратившись къ фрескамъ ¹⁾ сентинскаго храма, мы должны признать, что ихъ писала твердая, увѣренная рука, никакого отступленія отъ схоластическихъ образцовъ себѣ не позволявшая, да, вѣроятно, и не умѣвшая писать иначе, какъ навывкла. Здѣсь мы видимъ тотъ же шаблонный рисунокъ, тѣ же коричневые тона, изрѣдка оживляемые голубоватымъ фономъ, ту же симметричность композиціи, удлиненныя фигуры, искусственныя складки одеждъ,—словомъ, сентинскія фрески—типичныя церковныя изображенія, прототипы которыхъ и способъ исполненія не могли быть выработанными ранѣе второй половины IX вѣка (въ Византіи)—обстоятельство, дающее намъ нѣкоторое основаніе относить постройку нашего храма къ концу IX и началу X вѣка.

Фресковыя изображенія сентинскаго храма сохранились въ весьма незначительномъ числѣ. Расположены они двумя ярусами, между которыми пролегаетъ широкой орнаментъ чисто греческаго стиля. Справа отъ главнаго входа видимъ на стѣнѣ, въ верхнемъ ярусѣ, изображеніе сраженія: щиты, вооруженіе, грозящая рука съ мечемъ; въ нижнемъ помѣщено 4 изображенія отцовъ церкви (см. рис. 1). Далѣе, на правой западной стѣнѣ—въ верхнемъ ярусѣ—входъ Господень въ Іеру-

¹⁾ Фресковая живопись (al fresco) производилась водяными красками по только-что наложенной штукатуркѣ, что давало возможность краскамъ проникать въ толщу ея.

салимъ, внизу волнистая линія облаковъ; въ нижнемъ ярусѣ изображенія отцовъ церкви (рис. 2). Южная стѣна, верхній ярусъ—двѣ картины: Преображеніе, справа, и благословляющій Спаситель, слѣва (рис. 3); нижній ярусъ—воинъ въ панцырѣ, съ копьемъ: молодое лицо опушено вьющеюся бородою, въ правой рукѣ копье (рис. 4). Алтарь: справа—воинъ въ панцырѣ и съ копьемъ, знаменующій собою охранителя алтаря (рис. 5); далѣе 4 изображенія отцовъ церкви, съ евангеліями (рис. 7); большое запрестольное изображеніе Богоматери, плохо сохранившееся (рис. 8); слѣва—одинъ изъ немногихъ хорошо сохранившихся ликовъ—старца восточнаго типа (рис. 11); далѣе, повидимому, изображено Рождество Богородицы (рис. 12). Лѣвая западная сторона—остатки изображеній—два женскихъ и одно мужское (рис. 13). Лѣвая сѣверная стѣна (у входа) изображеніе, повидимому, царицы Елены и Богоматери (рис. 15). Западная стѣна (надъ входомъ) два воина и сидящій старецъ (рис. 16). Орнаментъ (рис. 17) слѣдуетъ признать чисто греческимъ, ибо грузинскій отличается излишней витіеватостью, хитросплетенными узлами ¹⁾.

На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ мы думаемъ, что край, въ которомъ мы находились, былъ нѣкогда подъ сильнымъ вліяніемъ византійско-грузинской культуры: 1) царевичъ Вахуштъ среди епархій, подвѣдомственныхъ католикосу западно-грузинской церкви, упоминаетъ и хумаринскую; 2) онъ же говоритъ, что абхазо-грузинскимъ царямъ были «подвластны не только сваны, но и аланы и люди по ту сторону горъ»; 3) самыя имена «Шоана», «Хумара», «Сенты» (испорченное Свети) суть грузинскія: первое означаетъ средипу, второе—шута, третье—столбъ, колонну; 4) тебердинская долина была весьма оживленнымъ путемъ изъ Севастополя (Сотирополиса—города Спасителя, грузинскаго Цхоми, нынѣшняго Сухума) въ

¹⁾ Подробности см. въ моей брошюрѣ: „Севтисскій храмъ и его фрески“. Екатеринбургъ, 1899. Изданіе Кубанскаго статистич. комитета.

землю аланъ и адиге (черкесовъ). Это предположеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что Блужорскій переваль, куда мы теперь держали свой путь, доступенъ былъ и ранѣе для прогона скота и перевозки товаровъ; Севастополь былъ весьма богатымъ городомъ для того, чтобы не привлекать взоровъ обитателей верховьевъ Кубани: римляне, по словамъ Плинія, содержали въ немъ до 300 переводчиковъ для разныхъ племенъ, торговавшихъ въ этомъ мѣстѣ; «императоръ Юстиніанъ», сообщаетъ Проконій (De aedificiis), «сей самый Севастополь, который прежде былъ не болѣе, какъ крѣпость, возобновилъ, и стѣнами и другими способами такъ укрѣпилъ, что онъ теперь (около 565 г.) неприступенъ, и украсилъ его разными постройками, такъ что городъ этотъ по обширности и богатству сталъ однимъ изъ первыхъ на Черноморскомъ побережьи».

Два дня мнѣ пришлось провести среди этихъ 800-лѣтнихъ стѣнъ, срисовывая акварелью фрески, предохраненныя отъ окончательнаго разрушенія энергичной матерью Екатериной, реставрировавшей храмъ въ прошломъ году. Фрески необходимо какъ можно скорѣе реставрировать, что, думается, будетъ не особенно трудно выполнить, если художникъ, которому будетъ поручена эта важная работа, ознакомится со множествомъ фресковыхъ изображеній, недавно открытыхъ академикомъ Сусловымъ подъ штукатуркой новгородскаго Софійскаго собора, относимыхъ имъ къ XI в. и исполненныхъ греческими художниками, какъ о томъ повѣствуетъ лѣтопись: ...«и устроивъ церковь (Софійскій соборъ), привелоша иконныхъ писцовъ изъ Царя-града, и начаша подписывати во главѣ». Зодчіе и живописцы того времени и въ Россіи и на Кавказѣ были греки, ни на іоту не отступавшіе, какъ я сказалъ раньше, отъ выработанныхъ и санкціонированныхъ церковью формъ: слѣдовательно, художники, расписавшіе стѣны сентинскаго храма и новгородскаго Софійскаго собора, должны были имѣть тѣ же образцы, ту же технику XI вѣка.

Много столѣтій прошло съ тѣхъ поръ, какъ тутъ возносились хвалы Богу. Храмъ былъ въ полномъ запустѣннн и тихо разрушался; горцы изрѣдка загоняли въ него свое стадо и сами прятались въ непогодъ. Въ 1891 году сюда заглянула монастырская послушница, бывшая сестра милосердн, Евдокн Макарова, нынѣ мать Екатерина, игуменья Сентинской Спасо-Преображенской пустыни.

«Дороги къ церкви не было; я пробралась на вершину, хватаясь за кусты, за деревья», повѣствовала она намъ, когда мы вечеромъ въ ея бесѣдѣ въ цвѣтничѣ пили чай, созерцая три убогихъ монастырскихъ домика и все несложное ея хозяйство. «Вѣрите ли, сердце сжалось, когда я увидѣла, какъ храмъ оскверненъ: на сажень отъ полу навалено было всякаго мусору. Фрески тогда были явственнѣ видны. Теперь мы пристроили тамъ сторожку; поселила я туда старичка, а то карачаевцы сломали разъ замокъ и унесли изъ храма нѣсколько вещей... Дорогу-то туда мы своими силами разработали, я сдѣлала нивелировку, сестры и кое-кто изъ богомольцевъ намъ помогли; сами мы и домики эти строили. Здѣсь мы вытерпѣли разъ нападенн со стороны карачаевцевъ: была произведена у меня потрава: я задержала быковъ. Такъ что же вы думаете? Весь аулъ пришелъ сюда. Я велѣла сестрамъ вооружиться колыями. Мы заперлись въ домѣ и ждали нападенн. Уже стемнѣло. Вдругъ стукъ въ двери! Ну, думаю, насталъ конецъ всѣмъ: карачаевцы ломаются. Стала я читать молитву. «Отворите!» закричали по-русски. Такъ отъ сердца и отлегло. Отворили дверь: то была помощь отъ хумаринскаго пристава, которому я послала тайкомъ записку... Теперь мы живемъ въ ладу: они даже посылаютъ къ намъ своихъ дѣвочекъ, а мы ихъ учимъ рукодѣлью». Официально пустынь открыта 8-го октября 1897 года.

Археологическн развѣдки около храма произвелъ В. М. Сысоевъ, членъ московскаго археологическаго общества: съ

помощью нанятых карачаевцевъ, отчасти учениковъ онъ изслѣдовалъ гробницы, сложенные изъ хорошо отесанныхъ камней; оказалось, что гробница уже давно подверглась грабежу; найденный костякъ былъ въ полномъ беспорядкѣ. Черепъ взяли съ собою. Въ сосѣдней гробницѣ, еще лучше сохранившейся, было найдено около десяти череповъ и множество костей. Одинъ черепъ привлекъ всеобщее вниманіе: на затылкѣ была глубокая впадина съ трещиной, образовавшаяся, по всѣмъ признакамъ, при жизни субъекта отъ сильнаго удара; замѣчательно было то, что скважина начинала уже зарубцовываться, какъ раненый умеръ. Всѣ удивлялись, какъ могъ человѣкъ жить съ такою страшною раню. Черепъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Нѣкоторые брезгливо отвертывались. «Это былъ храбрый князь того селенія, что лѣтъ 700 тому назадъ существовало тамъ внизу, господа!» началъ импровизировать одинъ изъ новорожденныхъ «археологовъ». «А что онъ былъ княземъ, это доказывается тѣмъ, что его похоронили здѣсь и въ гробницѣ: простыхъ смертныхъ сюда, на такую кручу, не носили, а хоронили подъ горою. Вотъ этотъ - то князь отправился на войну: тамъ, въ схваткѣ, его и оглушилъ ударомъ кистеня по шишаку какой-нибудь боець; посмотрите: его спасъ шлемъ—не то бы «черепъ врозь раздался», какъ сказалъ дѣдушка Крыловъ. Нашего воина привезли въ забытій домой, вонъ туда, гдѣ курятся за Тебердой карачаевскія сакли. Жена встрѣтила его съ воплемъ. Старый князь созвалъ знахарей для сына, тѣ стали прикладывать къ головѣ лѣкарственные травы. Стало князю легче: видите, кость стала срастаться: прошло, стало-быть, около мѣсяца. Но князь ничего не понималъ, ничего не говорилъ; приходилъ къ нему отсюда въ селеніе священникъ, читалъ молитвы—ничто не помогало, и князь такъ въ забытій и скончался. Съ плачемъ завернули его тѣло въ пестрый коверъ, принесли всѣмъ народомъ сюда и погребли въ этой гробницѣ, по-

ложили съ нимъ лукъ, стрѣлы и саблю. Прошли столѣтія. Его покой караулила эта молчаливая церковь. Пришелъ какой-то дикій народъ, широкоскулый, узкоглазый, смегъ селеніе, истребилъ мужинъ, увелъ съ собою женщинъ и дѣтей. И обратились въ пустыню эти лѣсвистыя ущелья, приютъ волковъ и медвѣдей. Прошли еще столѣтія, и показались здѣсь дикіе овцеводы—карачаевцы. Позднѣе появилась здѣсь русская женщина, привела съ собою русскихъ дѣвушекъ, и стали онѣ пустыню обращать въ благословенный край: проводить дороги, завели ферму, огороды, цвѣтники; звуки колокола понеслись по этой голубой долинѣ туда, къ «престоламъ вѣчныхъ свѣтовъ». Наконецъ, тутъ разсказчикъ усмѣхнулся, пришли безусые русскіе юноши и потревожили его сонъ.

— «Да вѣдь это же для науки, *ὁ θαυμασιώτατε ἀνδρῶντε!*»! сказалъ одинъ изъ слушателей. «Вѣдь только антропология и археология и могутъ опредѣлить народность, нѣкогда обитавшую въ этихъ горахъ; съ помощью сравнительной антропологии могутъ по даннымъ измѣренія черепа опредѣлить принадлежность его къ тому или другому племени. Тебѣ развѣ не любопытно знать, кто здѣсь жилъ? Василій Михайловичъ, смотри, вонъ набралъ штукъ шесть череповъ, пишетъ на нихъ что-то, затѣмъ онъ эти черепа отправить въ Москву, гдѣ уже есть и абхазскіе и осетинскіе и адигейскіе черепа, которыхъ лицевыя углы и прочія антропологическія особенности уже извѣстны. Эти черепа также подвергнутся тщательнымъ измѣреніямъ, и вдругъ добытыя цифры совпадутъ съ цифрами измѣренія осетинскихъ череповъ. Стало-быть, можно будетъ предположить, что здѣсь жили предки теперешнихъ осетинъ, знаменитые въ исторіи аланы; а если бы В. М. нашелъ бы здѣсь еще и бусы, пуговицы, оружіе, да все это оказалось тождественнымъ съ открытымъ раньше въ Осетіи,—тогда уже и сомнѣнія не будетъ, что здѣсь жили эти самые аланы. Понялъ? Если понялъ, такъ не сентиментальничай!».

Въ монастырѣ намъ жилось чудесно: монахини съ охотою стирали намъ бѣлье, пекли хлѣбы, носили молоко; карачаевцы исправно доставляли барановъ по недорогой цѣнѣ. Въ десерту подавались чайныя кружки, наполненныя ярко-красной земляникой, въ изобиліи росшей между сосѣдними кустами. Нѣсколько человѣкъ были посланы, по просьбѣ настоятельницы, побродить съ ружьями по окрестностямъ и погубать волковъ.

Маленькій карачаевецъ—Магометь Кабаловъ.

Изрѣдка слышались изъ лѣсу выстрѣлы нашихъ охотниковъ, стрѣлявшихъ по сойкамъ, въ изобиліи водившимся здѣсь. Вечеромъ мы были приглашены аульнымъ старшиною на «курманлыкъ» — званый вечеръ. Намъ были приведены верховыя лошади, и мы торжественно спустились въ долину. Проводникъ повелъ насъ черезъ узкій тупикъ на небольшой дворикъ, окруженный домами на подобіе сараевъ; изъ маленькихъ отверстій, замѣняющихъ двери, выглядывали дѣти и женщины. Хозяинъ насъ пригласилъ въ кунацкую, стѣны

которой были покрыты коврами, увѣшаны оружіемъ, на полкѣ стояла стеклянная и фаянсовая посуда. Прислужникъ принесъ намъ чаю въ грязныхъ стаканахъ, темнаго хлѣба, наръзаннаго гигантскими ломтями, и нѣсколько кусковъ холодной баранины. Это угощеніе слабривалось любезностью хозяина, интересовавшагося нашимъ здоровьемъ. Весь разговоръ шель черезъ переводчика, длиннаго черноглазаго юношу, воспитанника кубанской учительской семинаріи. Старшина жаловался намъ на игуменью, будто она хочетъ отнять у нихъ около 3-хъ тысячъ казенной земли подъ выпасъ своего скота. «Теперь намъ некуда дѣваться со своимъ скотомъ: придется переселяться», добавилъ онъ. Черезъ полчаса мы вернулись въ лагерь, предоставивъ лошадей въ распоряженіе любителей верховой ѣзды

На лужайкѣ, осѣненной буками, на скамейкѣ С. И. Борчевскій и Сопотовъ разложили добытые за день минералы. Были принесены разныя кислоты, и наша многочисленная аудиторія съ интересомъ слѣдила за объясненіями и демонстраціями лекторовъ, поливавшихъ кислотами камни, которые отъ этого шипѣли.

Выступленіе было назначено на утро: всѣ занялись, поэтому, приведеніемъ въ порядокъ своего имущества; чемоданы, сумки увязывались, добытые черепа, кости и мелкіе предметы укладывались въ особый ящикъ; фотографы занялись «пръявленіемъ» пластинокъ и «заряжаніемъ» кассетъ.

Въ девять часовъ все спало, кромѣ часовыхъ.

VI.

Отъ Сентовъ до вершины Главнаго хребта
(Клухорскій переваль).

Прощаніе съ монастыремъ. „Испанскіе броненосцы“. Ауль Теберды. Экономическое состояніе тебердинцевъ. Ночлеги на берегу лермонтовскаго „Джемата“. Приключеніе съ упрямою лошадыю. Дачи Кузовлева и Кондратьева. Деятельное и скипидарное производство. На берегу Гидже-Муруджа. Ночь близъ устья Куначкира. Зубры, серны и туры. Подъемъ на первый переваль. Карачаевскій „кошъ“—лѣтовье. Карачаевскія овцы. Встрѣча съ карачаевцами. Озеро тумановъ. У подошвы Главнаго хребта. Прибытіе въ „конторку“. Горные ландшафты.

Настало утро, теплое, солнечное. На росистой лужайкѣ заиграла жизнь: около телѣгъ видѣлся тонкой струйкой дымокъ — готовился чай; фыркали отдохнувшія лошади, шумѣли и рвались въ путь бодрые путеше-

ственники; въ сторонѣ блялъ баранъ. Послѣдній визитъ къ настоятелю, наилучшія пожеланія, — и выстроившіеся юноши продефилировали передъ группою монастырскихъ обитательницъ, вѣжливо приподымая фуражки. Едва загремѣлъ нашъ барабанъ, какъ въблизи загудѣлъ большой колоколъ, ему весело отвѣтили колокола сверху, и торжественный перезвонъ повнесся далеко по глубокому ущелью. Мы были уже внизу, въ верстѣ отъ монастыря, а звонъ все еще дрожалъ въ воздухѣ: настоятельница любила, по ея словамъ, наслаждаться звономъ колоколовъ. «Подойду, когда очень скучно станетъ, когда всѣ дѣла передѣлаешь, подойду и начну звонить, — и на душѣ легче станетъ: глушь ужъ очень здѣсь большая», говорила она.

Дорога шла будто по парку: высокіе буки, чинары, дубы осыпали насъ; по скаламъ уже стояли группами стройныя сосенки; изъ каждаго ущелья выбѣгалъ бѣлый потокъ и съ разбѣгу бросался въ прозрачную Теберду. Черезъ полчаса насъ обогнала почтовая телѣжка съ В. М. Сысоевымъ и матерью Екатериной: они ѣхали осматривать затерянную въ лѣсу на горной вершинѣ древнюю разрушенную уже часовню. Скоро ущелье раздвинулось. Вдали сверкнуло серебро снѣговыхъ горъ; синѣли ущелья, ближе скалистыми уступами громоздились горы; высокія сосны съ зонтиковидными вершинами чинно стояли рядами. Пройдя еще нѣсколько верстъ, мы увидѣли на лужайкѣ, у самой рѣки, среди высокой травы распряженную телѣгу. Ямщикъ указалъ направленіе, по которому отправились на гору наши изслѣдователи старины. Гуськомъ поднялись мы на первую террасу, прокладывая себѣ путь въ высокой, по грудь, травѣ.

— «Степь чѣмъ далѣе, тѣмъ становилась прекраснѣе»... началъ кто-то сзади меня, пробираясь «по зеленой дѣвственной пустынѣ». Вокругъ насъ, дѣйствительно, «брызнули миллионы разныхъ цвѣтовъ», на ихъ длинныхъ стебляхъ кача-

лись пчелы, кое-гдѣ сверкала крыльями бабочка, тоже похожая на летающій цвѣтокъ. Голова Телѣги, нашего энтомолога, показывалась тамъ и сямъ. Однако неутомимый В. М. Сысоевъ и энергичная старушка-настоятельница нигдѣ не обнаруживали своего присутствія, несмотря на наши дружные, по командѣ, крики. Миллеръ затрубилъ, я выстрѣлилъ—и ни звука въ отвѣтъ, только пчелы жужжали вокругъ. Тщательный осмотръ окрестностей въ бинокль не открылъ присутствія ни одного живого существа. Вернувшись къ обозу, я велѣлъ отпрячь лошадей и готовить обѣдъ. Пока же «общество» расположилось на травѣ подъ деревьями, у самого берега рѣки; съ кусками бутербродовъ въ рукахъ, всѣ въ линію разсѣлись у воды; она кипѣла буграми, миллиарды пузырьковъ обращали рѣку въ бѣлую поверхность, надъ которой съ шипѣніемъ взлетали струи ледниковой воды; часто слышались какіе-то глухіе раскаты: то ударялись другъ о друга катившіеся по дну рѣки камни—кругляки.

Покатилову пришло въ голову развеселить пуще плескавшуюся у рѣчки компанію. Пройдя сотню шаговъ вверхъ по теченію, онъ столкнулъ въ воду сваленное бурю дерево.

— Караульте! броненосецъ идетъ! извѣстилъ всѣхъ его трубный гласъ.

— Батареи, приготовься! Паръ двадцать пять рукъ уже держали по булыжнику.

— Идетъ! идетъ!

Изъ-за мыса показалось, ныряя и вздрагивая сухими вѣтками, большое полусгнившее дерево и быстро понеслось въ стремнивь. Камни полетѣли тучей въ «испанскій броненосецъ», какъ его окрестили самозванные «американцы»; сносами летѣла вверхъ вода, камни рикошетировали, глухо барабанили по дереву. Стовъ и вопль стоялъ въ воздухѣ. Еще мгновеніе, и «броненосецъ» былъ въ сферы выстрѣловъ.

— Бараульте!! донесся издалека отчаянный вопль Покатилова.

«Публика» притаилась, ждетъ. Дерево ближе, ближе. Залпъ, вой и вопль. Самые степенные изъ юношей до нельзя увлеклись забавой: раскраснѣлись, суетились, бѣжали по берегу, стараясь на перебой попасть лишній разъ въ уплывавшее бревно.

Черезъ полчаса вернулась археологическая комиссія, видимо, уставшая. Мать Екатерина красная, запыхавшаяся, съ трудомъ опустилась на разостланную бурку.

Мы ей предложили раздѣлится съ нами обѣдъ, но она спѣшила въ монастырь: «дѣла ждутъ—нельзя; и рада бы—хозяйскій глазъ вездѣ нуженъ».

Снявъ шапки, всѣ съ ней низко раскланялись, провожая ее. Она сѣла въ свою телѣжку и быстро скрылась за деревьями.

Мы собрались уже обѣдать, какъ гдѣ-то звякнулъ опять колокольчикъ, и изъ-за этихъ же деревьевъ выкатилась такая же телѣжка, только на ней сидѣлъ уже г. Шмыткинъ. Онъ пріѣхалъ «узнать о нашемъ здоровьи.» Встрѣченъ онъ былъ, какъ старый знакомый. Послѣ обѣда я съ г. Шмыткинымъ поѣхали впередъ въ аулъ Теберды, чтобы условиться относительно найма вьючныхъ лошадей для перевала въ большой Барачай и пригласить проводника для дальнѣйшаго восхожденія на вершину Главнаго хребта, къ Тебердинскому горному озеру. Быстро проѣхали мы широкой долиной къ небольшому аулу, пріютившемуся у подножья гигантскаго хребта: по мѣрѣ приближенія къ Главному хребту, всѣ направленные къ нему подъ прямымъ угломъ горные хребты постепенно увеличиваются въ своихъ размѣрахъ и, наконецъ, незамѣтно сливаются съ магистральной линіей.

Въ «правленіи» насъ встрѣтили старшина и писарь. Мнѣ нужно было нѣсколько фунтовъ стеариновыхъ свѣчей: при-

глашенный приставомъ горскій еврей-лавочникъ (въ Карачаѣ обычай запрещаетъ туземцамъ торговать, — поэтому вся торговля, преимущественно мѣновая, находится въ рукахъ евреевъ) запросилъ съ меня по 50 коп. за фунтъ.

— Какъ тебѣ не совѣстно драть такую цѣну, когда въ Баталпашинскѣ 26 коп.?! а ты 50!.. сердился приставъ на почтеннаго по наружности, прямо Натана Мудраго, торговца.

— Онъ говоритъ: за перевозку надо же взять, перевелъ намъ старшина отвѣтъ Натана.

Въ концѣ концовъ, онъ согласился сбавить на фунтъ гривенникъ.

Пока мы пили чай, я разспрашивалъ старшину, молодого, смышленнаго карачаевца, про житье-бытье его одноаульцевъ.

— Ничего: живемъ пока недурно. Только ужъ очень мы глупы: трудно прививается новое дѣло. Напр., вы замѣтили, что нашъ аулъ лишенъ совершенно растительности?

Я посадилъ противъ своей сакли сосенки. Говорю тебердинцамъ: сдѣлайте и вы такъ — тѣнь будетъ. «Хорошо,» говорятъ, и не дѣлаютъ. Дома наши видѣли? Какъ триста лѣтъ назадъ строили, такъ и сейчасъ. ¹⁾ Не лѣчатся и женъ не лѣчать. Торговля, сами видѣли, въ рукахъ евреевъ. Земли пахатной у насъ мало; лѣсовъ — порядочно. Но что съ ними дѣлать? Везти? — Далеко. Можно бы было деготь и скипидаръ гнать, а мы только смотримъ, какъ это другіе дѣлаютъ... ²⁾ Очень мы необразованы, закончилъ горецъ.

Меня удивила, признаюсь, такая ясность взглядовъ. Приставъ, казалось, понялъ мою мысль.

¹⁾ Карачаевскія сакли состоятъ изъ суставчатыхъ срубовъ изъ претолстыхъ бревенъ; крыши земляныя, двускатныя, поросшія густой травой; на вершинѣ подобнаго холма торчатъ, вмѣсто трубы, плетенка, обмазанная глиной.

²⁾ Въ нѣсколькихъ верстахъ выше мы встрѣтили два дегтярно-скипидарныхъ завода, инженера Кондратьева и Утякова. И это на весь Карачай!

— «Онъ очень способный и умный человекъ», сказалъ онъ мнѣ, когда старшина вышелъ, чтобы разыскать намъ проводника. «Много у него враговъ: не позволяетъ воровать лѣсъ—сажаетъ и штрафуетъ».

— Какъ бы не убили его.

— Нѣтъ, карачаевцы на этотъ счетъ не мастера: это не закавказскіе татары, а робкіе потомки бѣглецовъ, укрывшихся отъ преслѣдованія въ этой глуши. Украсть, обмануть, солгать—карачаевецъ мастеръ, но на убійство—нѣтъ, онъ не пойдетъ. Въ ссорахъ, правда, убійства случаются; но это дѣло темперамента... Вонъ наши идутъ, замѣтилъ онъ, посмотрѣвъ въ окно. Дѣйствительно, по дорогѣ въ аулъ спустились къ мосту черезъ Теберду бѣлыя точки.

Вотъ всѣ скрылись подъ горою... Прошло четверть часа, и гдѣ-то въ аулѣ послышался рокотъ барабана. Изъ саклей, словно муравьи, выльзало населеніе аула и спѣшило на странные звуки. Громъ барабана ближе. Вонъ въ концѣ улицы изъ-за угла показался барабанщикъ, за нимъ свергнуло на солдцѣ нѣсколько ружей, и, стройно колыхаясь, змѣей потянулись остальные ряды. Сзади, не отставая, гремѣли три высоко нагруженные телѣги.

Путешественники выпили по стакану чаю, кое-кто побѣждалъ къ Натану Мудрому.

Солнце уже скрылось за высоко врѣзавшейся въ небо горой. Долина темнѣла, и видно было, какъ зубчатая тѣнь подымалась выше и выше по ея лѣвому хребту. Ночлегъ былъ назначенъ на рѣчкѣ Джемаатъ: оставалось всего 2½ версты, которыя мы должны были пройти быстро, чтобы еще засвѣтло разбить нашъ лагерь. Звукъ корнета понесли въ тихомъ воздухѣ, пролетѣли надъ ауломъ, долетѣли до скалъ за рѣкою и вернулись къ намъ слабымъ эхомъ. Всѣ быстро собрались, и мы тотчасъ же выступили дальше. Широкая долина слегка повышалась; кое-гдѣ попадались холмики, груды

камней, нигдѣ ни кустика ни дерева: видно было, что нѣкогда здѣсь были поселенія. И все исчезло, а имя географическое «Теберды» осталось. Нѣтъ ничего консервативнѣе географической номенклатуры: имена эти часто переходятъ безъ измѣненія отъ одного народа къ другому—вспомните имена Москвы, Кавказа: часто языкъ исчезаетъ, народъ стирается съ лица земли, а географическое имя остается невредимымъ и, словно маякъ, бросаетъ снопь лучей въ сумрачную даль древности.

Ночь быстро наступала. Впереди голубая дымка уже протянулась надъ лѣсами. Розовые огни пока еще горѣли на колоссальной снѣговой вершинѣ Аманъ-ауза, уже видны были синѣющіе ледники. Одинокая сосна, росшая близъ дороги, красиво рисовалась на свѣтломъ фонѣ горнаго ландшафта своею зонтичною кроною, краснымъ прямымъ стволомъ. Мы подошли къ ущелью; оттуда подулъ легкій вѣтерокъ; съ шумомъ выбѣгала бѣлая рѣчка: то былъ бѣшеный Джемаатъ. Милліарды крупныхъ пузырьковъ, эта кипящая прозрачная вода производили впечатлѣніе потока зельтерской воды, выпущенной чьей-то могучею рукою тамъ гдѣ-то, въ ущельи, изъ гигантскаго сифона.

— Чжуръ Джемаатъ чохъ яхши, ¹⁾ говорилъ нашъ проводникъ. На лужайкѣ близъ рѣки мы указали мѣсто для лагера. Мигомъ закипѣла работа: рылись ямки для столбовъ, стучали топоры; забѣлѣли временные дома; запылалъ костеръ, огонь котораго, по мѣрѣ того какъ приближалась ночь, сверкалъ все ярче и ярче. Звѣзды сіяли здѣсь еще ярче, чѣмъ въ Хумарѣ: мы были на высотѣ уже 5 тысячъ футовъ. Въ десяти часамъ лагерь затихъ: утомленные жаркимъ днемъ, усыпленные говоромъ потога юноши спали крѣпкимъ, здоровымъ сномъ. Вокругъ палатокъ и обоза ходили часовые.

— Многіе-ли знаютъ родину лермонтовскаго Хаджи-абрека? думалось мнѣ. Насколько помню, никто изъ лермонтов-

¹⁾ Вода въ Джемаатѣ очень хороша.

скихъ комментаторовъ не указалъ на мѣсто нахождения аула Джемата, имя котораго извѣстно каждому гимназисту. Кто не декламировалъ звучныхъ стиховъ:

Великъ, богатъ аулъ Джемать.
Онъ никому не платитъ дани,
Его стѣна—ручной булатъ,
Его мечеть—на полѣ брани,
Его свободные сыны
Въ огняхъ войны закалены;
Дѣла ихъ громки по Кавказу,
Въ народахъ дальнихъ и чужихъ,
И сердца русскаго ни разу
Не миновала пуля ихъ..?

Мы остановились на мѣстѣ этого нѣкогда знаменитаго

аула, населеннаго абреками изъ абхазскаго воинственнаго племени цебельдинцевъ, живущихъ по ту сторону горъ и до 60-хъ годовъ упорно сопротивлявшихся русскимъ. Лѣтъ 40—50 назадъ, говоритъ мѣстное преданіе, аулъ посѣтилъ морь и унесъ большую часть жителей. Дѣйствительно, за Джемаатомъ мы увидѣли на другой день обширное кладбище, оговоренное изъ чувства благочестія карачаевцами; версты на полторы мы видѣли кучи камней, остатки бывшихъ саклей. Слава о джемаатскихъ удалцахъ далеко распространилась. Шагахъ въ двухстахъ отъ нашего лагеря карачаевцы показали намъ двѣ гробницы. «Это сыновья князя джемаатскаго Чепелю Урусбиева—Эль-мирза и Алхазъ; знаменитые джигиты были,» говорили карачаевцы. «А отецъ ихъ старый князь Урусбиевъ былъ самый умный, самый храбрый джигитъ». Когда его сыновья умерли отъ страшной болѣзни, старый князь бросилъ это мѣсто и пошелъ подъ Эльбрусъ, гдѣ и поселился въ теперешнемъ Урусбиевскомъ аулѣ».

По рассказамъ баталпашинскаго старожилла, полковника Кузовлева, Урусбиевы посѣщали русскій лагерь, и Лермонтовъ, жившій «на линіи» и въ Пятигорскѣ, могъ слышать и отъ нихъ кровавый сюжетъ своей поэмы. Что-же касается разницы въ произношеніи между тебердинскимъ Джемаатомъ и лермонтовскимъ Джематомъ, то ее легко объяснить условіями стиха: Лермонтовъ практиковалъ иногда стяженіе двухъ гласныхъ: напр., Бешту, вмѣсто Бештау. Теперь все «поросло травой забвенья», и имя аула должно навсегда сохраниться въ великолѣпныхъ стихахъ поэта:

Сюда, наѣздники Джемата!

Откройте удалъ мнѣ свою!

Кто знаетъ князя Бей-Булата?

Кто возвратитъ мнѣ дочь мою?...

Sic transit, подумалъ я, когда вышелъ въ полночь изъ палатки. Темныя фигуры часовыхъ, закутавшихся въ бур-

ки и неподвижно стоявшихъ, зашевелились. Вдали надъ Тебердой лежалъ густой туманъ; изъ джемаатскаго ущелья тянулъ холодный ночной вѣтерокъ. Температура низко упала, даже въ 7 часовъ утра было 7° С. Въ палаткѣ учениковъ, наглухо закрытой, было тихо и тепло.

— Озябли? спрашиваю часовыхъ.

— Да, есть немного! улыбаясь и пожимаясь отъ холода, отвѣчали они. Скоро смѣнимся.

— Спать хотите?

— Нѣтъ. Мы съ вечера уснули два часа—не хочется.

— Ничего подозрительнаго не замѣтили?

— Нѣтъ, только четыре карачаевца проѣхали верхомъ.

Я находилъ весьма полезнымъ полувоенный режимъ, котораго держался. Для насъ весьма легко было подражать приемамъ русскихъ солдатъ—завоевателей этихъ самыхъ горъ, ибо почти всѣ изъ насъ были кавказскими уроженцами, сыновьями, внуками этихъ завоевателей, всѣ читали исторію Кавказской войны, всѣ слышали много драматическихъ рассказовъ изъ устъ участниковъ кровавой борьбы съ горцами. Всякій изъ насъ понималъ, что эта война заставила выработать цѣлесообразные способы путешествія въ горахъ, среди инородцевъ, а слѣдовательно, сознавалъ необходимость ими пользоваться. Понятно, поэтому, почему у насъ по ночамъ были часовые по всѣмъ правиламъ воинскаго устава. Подобный режимъ вносилъ извѣстный порядокъ въ общую жизнь экспедиціи. Всякій съ удовольствіемъ и внимательно исполнялъ возложенное на него порученіе, чувствовалъ себя тѣсно связаннымъ съ этой маленькой группой людей, затерянной въ глубинѣ Кавказскихъ горъ. Съ чувствомъ благоговѣнія каждый вступалъ на часы, понимая, что въ этотъ полуночный часъ его вниманію поручено спокойствіе, а можетъ-быть, и жизнь спящихъ глубокимъ сномъ товарищей; несомнѣнно, теперь-то впервые зарождалось въ глубинѣ молодой души ча-

сового *отеческое* чувство къ этимъ молчаливо лежащимъ, закутаннымъ въ плащи юношамъ. Нѣтъ сомнѣнiя, что это сознание возлагаемой серьезной обязанности, въ связи съ таинственностью полуночныхъ или предразсвѣтныхъ часовъ въ лѣсу, въ горахъ, и было причиной того, что мнѣ приходилось уже наблюдать очередь при назначенiи «на часы»: такъ много было желающихъ караулить лагерь.

Востокъ уже алѣлъ, когда я вторично проснулся. Облака, надувшись, словно паруса, плыли по склонамъ близкихъ и высокихъ горъ. Барабанъ пробилъ „зорию“. Густой дымъ костра столбомъ подымался перпендикулярно и на высотѣ саженьей десяти тянулся въ сторону. Всѣ горы были еще сини; высокiя облака начинали горѣть розовымъ огнемъ. Умывшись холодной водой Джемаата, закусивъ и напившись чаю, мы покинули мѣсто ночлега. Едва мы перешли черезъ мостъ, какъ я принужденъ былъ дать сигналъ къ остановкѣ: большая бѣлая лошадь, ходившая раньше „подъ верхомъ“, а теперь везшая одну изъ нашихъ телѣгъ, заупрямилась и, несмотря на удары, не хотѣла итти, взвивалась на дыбы, била задними ногами. Кое-какъ, подталкивая телѣгу сзади, подыались на пригорокъ. Лошади побѣжали. „Ура! перестала упрямиться! теперь пойдеть! это она со сна!“ шутили мальчики, бѣгомъ сопровождая телѣгу со злополучною лошадейю. Дорогу пересѣкалъ широкiй и топкiй ручей, одинъ изъ многочисленныхъ искусственныхъ ручьевъ, орошавшихъ поляну. Вдругъ по самой срединѣ его телѣга съ упрямою лошадейю крикнула и остановилась. Возница выбился изъ силъ: снявши обувь, онъ полѣзъ въ холодную, какъ ледъ, грязь, но усилiя одного человека не могли сдвинуть высоко нагруженную телѣгу, по ступицы завязшую въ грязи. Я велѣлъ Корнѣю пропустить подъ телѣгу запасную веревку, по дышлу, и закрѣпить ее. Длинный оставшiйся конецъ подали намъ, и десятка два рукъ ухватились за нее и потянули; веревка натянулась, какъ стру-

на, и грозила лопнуть: пришлось пропустить еще одну. „Теперь выдержит!“ кто-то одобительно замѣтилъ. „Разъ!два!“ — и мы дружно потянули. Возъ колыхнулся и выкатился на берегъ. Не выпуская изъ рукъ длинной веревки, мы бѣжали передъ возомъ, и упрямая лошадь «силою обстоятельствъ» была увлекаема нами вмѣстѣ съ возомъ: сначала она нехотя переставляла ноги, затѣмъ увлеклась и охотно повезла телѣгу. Однако, я рѣшилъ сложить на дачѣ г. Кондратьева часть вещей и разстаться съ беспокойнымъ животнымъ, къ крайнему сожалѣнію ея хозяина.

Скоро мы вышли изъ веселаго бѣло-зеленаго березняка и вступили въ царство темнозеленыхъ сосенъ и стройныхъ величественныхъ пихтъ. Остановившись отдохнуть на одной полянкѣ, мы и не подозрѣвали, что расположились близъ культурнаго уголка. Болѣе десяти лѣтъ назадъ бывшій баталпашинскій уѣздный начальникъ полк. Кузовлевъ построилъ здѣсь большую двухъэтажную съ мезониномъ дачу; сюда стали пріѣзжать слабогрудые и чахоточные. Дѣйствительно, это мѣсто могло быть превосходной климатической станціей: климатъ ровный, вѣтровъ мало, чудесный горный воздухъ, напоенный испареніями дѣвственныхъ сосновыхъ и пихтовыхъ лѣсовъ. Пройдя саженой 50, мы очутились на аллеѣ, осыненной высочайшими мачтовыми соснами, слѣва на дорогу лился серебристыми струями ручей. У всѣхъ неожиданно вырвался крикъ восторга: въ рамкѣ изъ двухъ гигантскихъ пихтъ блеснуло небольшое озеро, въ стеклѣ котораго, словно сказочный дворецъ, отражалась красивая со шпицами и балконами дача г. Кузовлева; у противоположнаго берега стояла лодочка. Озеро было прозрачное и темное; окрестныя сосны силились закрыть его глубину отъ жаркихъ лучей солнца, уже вышедшаго изъ-за зубчатыхъ скалистыхъ вершинъ. Призывный свистокъ остановилъ укатившій впередъ обозъ. Мы хотѣли осмотрѣть зарождающійся курортъ, нѣсколько оправить-

ся, познакомиться съ дегтярнымъ и скипидарнымъ производствомъ. Необыкновенно пріятное впечатлѣніе производятъ эти культурные уголки среди дикой природы, среди страны дикарей-пастуховъ. Мнѣ невольно припили на память англійскіе *gesthus*, устроенные, по словамъ д-ра Елисеѣва, по всей Индіи и Цейлону: это небольшія гостиницы—постоялые дворы, снабженные всѣмъ необходимымъ, вполне благоустроенные; въ *gesthus* можно заказать обѣдъ, закуску, чай, получить небольшую комнатку, снабженную кисейнымъ пологомъ, умывальникомъ, бѣльемъ; но заживаться въ нихъ болѣе 3 сутокъ не полагается. За все забранное, какъ и за ночлегъ, платится по особой вывѣшенной на видномъ мѣстѣ таксъ.

Безъ сомнѣнія, настанетъ время, когда локомотивъ, выбрасывая облака пара, съ шумомъ промчится по этой тихой долинкѣ, пролетитъ въ тоннелѣ подъ нависшими снѣгами и ледниками Аманъ-ауза (Злой ротъ) и спустится въ роскошную подтропическую область Сухума; настанетъ время, когда за локомотивомъ потянутся «предприниматели», и не одинъ отель для слабогрудыхъ заблѣветъ между красными соснами и темными пихтами,—пока же русскіе мальчики должны надѣяться на собственные силы, рискуя оставаться на ночь подъ дождемъ въ виду казенной пустой казармы для рабочихъ, которую не рѣшается отпереть дорожный мастеръ «безъ записки инженера», какъ это чуть было не случилось съ нами на Клухорскомъ перевалѣ, въ сосѣдствѣ снѣга и ледниковъ. Но объ этомъ далѣе. Теперь мы встрѣтили на дачѣ г. Кондратьева, сосѣдней съ кузовлевской, самый радушный пріемъ; хозяинъ, нашъ старый знакомый, предложилъ ученикамъ къ чаю душистаго меду, добытаго его пчелами съ окрестныхъ альпійскихъ луговъ. Полакомившись медомъ, закусивъ и напившись чаю, мы осмотрѣли производство дегтя и скипидара. Нѣсколько карачаевцевъ занимались трудной работой расливанія большою пилою сосновыхъ пней; размельченные въ

щепки, они кладутся въ печь, наглухо закрываемую; печь снизу подогрѣвается; пары, проходящіе изъ печи по трубамъ въ чанъ съ водою, охлаждаются и, въ видѣ дегтя и воды, стекаютъ по желобу въ бочки; то же продѣлывается и для добыванія скипидара, только сосновые пни замѣняются уже березовою корою.

Впервые у насъ оказался больной—Бажановъ (IV кл.): онъ чувствовалъ сильную головную боль и жаръ: на сцену немедленно же явилась походная аптечка: приемъ фенаcetина и холодные компрессы облегчили головную боль; чай съ виномъ, а затѣмъ бурка вызвали обильную испарину, и къ вечеру больной совершенно выздоровѣлъ; причиною заболѣванія было, очевидно, холодное утро, проведенное нами на Джематѣ, несмотря на то, что всѣ, по отданному съ вечера приказанію, были въ зимнихъ блузахъ, пальто и буркахъ. Сложивъ вещи въ пустой комнатѣ дома г. Кондратьева, заказавъ нѣсколько пудовъ хлѣба, который мы должны были взять на обратномъ пути, мы, въ сопровожденіи хозяина, вышли на прежнюю дорогу къ водопаду. По приглашенію пристава, мы зашли на сосѣдную дачу, гдѣ г-жа Потапова, супруга инспектора баталпашинскаго училища, угостила насъ айраномъ, вкуснымъ кислымъ напиткомъ изъ коровьяго молока, похожимъ на кефиръ. Освѣжившись еще разъ, мы продолжали путь. Молочно-бѣлыя, пушистыя облака высоко плыли по воздушной синевѣ. Вѣтра не было. Сосны стояли неподвижно; длинныя мохнатыя лапы пихтъ тянулись другъ къ другу черезъ узкую дорогу, то подымавшуюся вверхъ, то спускавшуюся къ рѣчкѣ, шумѣвшей за деревьями. Мы встрѣтили пожарище. Длинные черныя стволы сосенъ лежали среди молодыхъ побѣговъ, словно обгорѣлыя трупы великановъ, и протягивали въ сторону зеленѣющихъ собратьевъ, стѣною стоявшихъ вдали, свои черныя, какъ смола, руки. Мы то скрывались въ чащѣ, то выходили на полянку. Кое-гдѣ видны были свѣже-срубленныя сосны для сплава по Тебердѣ. Въ сторонѣ отъ до-

роги, въ чашѣ мелькнулъ „базъ“, загородка для скота, куда карачаевцы загоняютъ иногда телятъ; повѣяло запахомъ скота и навоза. Всѣ бодро шагали впередъ. Чувствовалось, что мы въ сердцѣ горной пустыни, что жилища людей остались уже далеко позади, и мы должны надѣяться на себя; чувствовалось, какъ васъ обнимаетъ природа: что-то счастливое, чарующее вливалось въ душу, васъ неудержимо влекла къ себѣ мощь природы; грудь глубоко дышала, словно хотѣла, чтобы до тайниковъ ея достигъ этотъ смолистый воздухъ.

Впереди мелькнуло нѣсколько коровъ. У кого-то явилась мысль пошутить и погнать ихъ дальше: коровы, небольшія, поджарыя, съ короткими острыми рогами, сначала бѣжали впереди, но затѣмъ ловко взобрались на крутизну, нависшую на дорогу; неугомонные мальчижи согнали ихъ оттуда и до тѣхъ поръ регулировали ихъ движенія, пока животныя не подчинились человѣку и не побѣжали по дорогѣ.

— Каково-то ихъ доить будемъ? спрашивали любители молока.

— Ни за что не удастся это безъ телятъ, да и опасно: рога острые.

Въ лѣсу встрѣтили чернобородыхъ карачаевцевъ, пасшихъ стадо.

— Айранъ варь? спрашиваемъ.

— Варъ, варъ, отвѣчаютъ, и приносятъ въ небольшомъ козьемъ мѣхѣ айранъ; развязавъ одну изъ ножекъ, лѣсной человѣкъ наполнилъ кружку напиткомъ, похожимъ на сметану. Айранъ оказался старымъ и очень кислымъ: мы его не купили. Жара усиливалась. Усталость давала себя знать. Приближался обѣденный часъ. Далеко въ лѣсу слышался шумъ водопада. То была рѣчка Гидже-Муруджа. Остановившись на переброшенномъ черезъ нее мосту, мы не могли слышать разговора сосѣда: такъ былъ силенъ ревъ потока. Выбравъ лужайку, осѣненную гигантскими пихтами, мы разо-

стлали цыновки, на которыхъ съ радостнымъ рычаніемъ разлеглись путешественники, но сейчасъ же вскочили и съ громкими криками нагнулись на рдѣвшую среди зелени землянику: чайныя кружки быстро наполнились; многіе, насытившись, набрали еще на десертъ, принесли намъ; кое-кто вскрикивалъ, когда за ногу (многіе сняли обувь) кусали большіе черныя муравьи; земляники было такъ много, что не нужно было переходить съ мѣста на мѣсто: стоило прилечь, и класть въ ротъ. Пригнанныя нами коровы остановились близъ лагеря и принялись пастись. Мальчики разбрелись по лѣсу, вверхъ и внизъ по ручью; фотографы отправились снимать виды. Обѣдъ, состоявшій изъ щей съ бараниной, рагу съ картофелемъ, десерта, монпансье и земляники, кружки чая, былъ конченъ къ 4 часамъ. Понѣжившись еще около часу среди этой чудной природы, мы двинулись дальше по сосновой и пихтовой аллеѣ. Кто пѣлъ, кто подбиралъ землянику; Сопотовъ, по обыкновенію, читалъ лекцію по геологіи. Солнце рано скрылось за высокія горы сузившагося ущелья. Лѣсъ погружался въ тѣнь. Пора была подумать о мѣстѣ ночлега. По словамъ нашего проводника, симпатичнаго молодого карачаевца, все время ѣхавшаго на бѣлой лошади, недалеко должна была быть такъ называемая «Круглая поляна». Справившись съ картою, мы увидѣли, что это урочище находится недалеко отъ слиянія Теберды съ Куначкиромъ, вверхъ по которому мы должны были подыматься до конечнаго пункта нашего путешествія по Малому Карачаю, Клухорскаго перевала (9600 ф.), находящагося въ 20-ти верстахъ отъ устья этой рѣчки.

Дневной жаръ смѣнился пріятной свѣжестью. Дышалось легко, хотѣлось пѣть. Кто-то догадался, затунулъ, остальные подхватили, и стройные звуки покатались впередъ, понеслись за рѣку, подымались вверхъ къ скаламъ, призывали отставшихъ; даже нашъ поваръ Федотъ не выдержалъ и присоединилъ свой теноръ къ хору. Чувствовалось полное сближеніе,

родственность: каждый понималъ, какъ жутко было бы идти одному, и невольно съ благодарностью, съ чувствомъ искренняго довѣрія взглядывалъ на группу въ 35 человекъ. Внезапно мы вышли на большую поляну: высокіе старые буки,

Въ лѣсу близъ р. Куначкира. сосны, березы, пихты окаймляли ее со всѣхъ сторонъ: поляна, дѣйствительно, оправдывала названіе «Круглой». Посреди нея росло нѣсколько деревьевъ. Слева высилась гигантская стѣна скалистаго отрога. Приказавъ разбивать палатку, я счелъ нужнымъ извѣстить о нашемъ приходѣ четвероногихъ обитателей этихъ сумрачныхъ дебрей, среди которыхъ мы должны были провести ночь, и позволилъ, подъ своимъ наблюдениемъ, выстрѣлить вверхъ, въ скалу, нѣсколько разъ изъ берданокъ и магазинокъ; выстрѣлъ за выстрѣломъ гремѣлъ и умиралъ вдали въ ущельяхъ, во мглѣ.

— Кто хочет костеръ разводить—за дровами!

Человѣкъ пятнадцать сейчасъ отправились въ лѣсъ за валежникомъ, и скоро посреди поляны воздвигся костеръ, годный для сожженія дровяго русса съ его ладей. Въ темнотѣ бѣлѣла большая палатка, около обоза готовился чай.

— Зажигать костеръ! крикнулъ Покатиловъ. Тотчасъ же огромное пламя длинными языками взвилось до половины бука, стояшаго близъ костра; тысячи золотыхъ пчелъ летѣли въ темнѣющую высоту неба; огонь трещалъ и шумѣлъ, ярко освѣщенныя фигуры юношей, словно въ каннибальскомъ танцѣ, окружали костеръ. У другого бука С. И. Борчевскій собралъ свой хоръ.

Засвистали козаченьки въ походъ съ полуночи,—

Заплакала Марусенька свои ясны очи!...

поилась малороссійская пѣсня, ее смѣнила другая, третья. Пѣли около часу. Затѣмъ костеръ погасъ, пѣсни смолкли, лагерь заснулъ, лѣсная тишина вступила въ свои права, только шаги часовыхъ шуршали въ травѣ; рѣдкія звѣзды мигали въ черныхъ прогалинахъ между тучъ.

Настало утро, сѣрое, мокрое, но теплое. Роса крупными каплями покрывала листья. Тихо стояли колоссальныя, съ глубокими трещинами, сѣдые скалы, тихъ былъ вѣковой лѣсъ; изрѣдка между деревьями мелькала красноносая альпійская галка да высоко надъ ущельемъ плавно пролеталъ орелъ, ища себѣ завтрака. Густыя облака дыма веслись прямо вверхъ.

— Сегодняшній день будетъ хорошъ, замѣтилъ кто-то: дымъ идетъ прямо—хорошая погода.

— Не хвались еще заранѣ:

Вонъ на югъ-то, въ туманѣ,

Что-то видно, братъ,—пародировалъ другой изъ лермонтовскаго „Спора“.

Въ самомъ дѣлѣ, на югъ изъ ущелій лѣзли массаами облака, закрывая льды и утесы горъ. Неурокоаемые плащи

и буря пришлось положить поверхъ возовъ, чтобы имѣть ихъ подъ рукою. Передъ выступленіемъ устроили стрѣльбу въ цѣль: огромное бѣлесоватое безъ коры дерево служило мишенью. Студентъ Сопотовъ тщательно отмѣчалъ каждый удачный выстрѣлъ; наконецъ, былъ сдѣланъ дружный залпъ изъ шести ружей. Пороховой дымъ медленно таялъ въ воздухѣ; изъ ущелій донеслись слабые отвѣтные залпы. Корнетъ залпѣлъ: телѣги, перекачиваясь, выѣхали на ровную дорогу, и мы опять вступили въ лѣсъ, который съ каждою минутою дѣлался вся гуще и диче. Мы покинули теперь долину Теберды и взяли влѣво, въ узкое ущелье Куначбира, падавшего съ высоты 9500 футовъ; рокоть, шипъ и гулъ рѣчки теперь на три дня долженъ былъ быть нашимъ спутникомъ. Дорога то спускалась къ самой водѣ, то подымалась на огромную высоту. Впереди насъ ожидалъ небольшой, но трудный перевалъ.

По ту сторону потока подымался дѣвственный вѣковѣчный казенный хвойный лѣсъ. Только нога рѣдкаго въ этихъ мѣстахъ охотника бродила по этимъ дебрямъ.

— Тамъ много есть думбай, ¹⁾ сообщилъ намъ нашъ проводникъ, указывая на лѣсистыя пространства. Однако, говорятъ, что зубръ перекочевалъ отсюда и начинаетъ водиться только съ верховьевъ р. Марухи и далѣе на западъ, до истоковъ р. Бѣлой. Кавказскій зубръ — большое животное, напоминающее бизона; у самцовъ густая грива, которая въ періодъ линянія — конецъ мая и начало юня — почти отсутствуетъ; живутъ кавказскіе зубры обыкновенно небольшими группами, головъ 6—8; старые быки держатся, впрочемъ, чаще штуки по 2 вмѣстѣ или же поодиночкѣ. Питаются зубры травой, корою осины, вербы, ольхи, пихты; кромѣ того, они поѣдаютъ въ большомъ количествѣ листья папоротниковъ, которые не ѣсть ни одно изъ водящихся здѣсь животныхъ; поэтому,

¹⁾ Зубръ.

встрѣтивъ въ лѣсу объѣденные палоротники, охотникъ можетъ смѣло сказать, что въ немъ водятся зубры; зубры любятъ соленую воду и къ соленымъ источникамъ издалека прокладываютъ свои тропы. Зубрята рождаются въ концѣ мая. Живутъ зубры преимущественно въ лѣсахъ, но часто выходятъ на ихъ опушки и поляны; отдыхать они любятъ подъ густыми, тѣнистыми елями, а также на разрыхленной и непокрытой травой землѣ у корней вывороченныхъ бурей деревьевъ. ¹⁾ Въ проходимой нами мѣстности, по рассказамъ карачаевцевъ, водится множество сервъ и туровъ; послѣдніе ростомъ съ молодого быка, отличаются огромными рогами, два экземпляра которыхъ мы затѣмъ приобрѣли въ Большомъ Карачаѣ; эти роги служатъ животнымъ въ качествѣ пружинъ: при прыжкѣ съ большой высоты туры, говорятъ, стараются упасть на рога, которые смягчаютъ силу удара; туры бродятъ стадами, штукъ по 40, подъ предводительствомъ старого быка, по неприступнымъ скаламъ и съ изумительной быстротою скрываются изъ глазъ неосторожнаго охотника.

Сталъ накрапывать дождь, когда мы подошли къ Буначкирскому перевалу: намъ предстояло подняться на высоту 600 футовъ. Дорога, удовлетворительная до этого мѣста, здѣсь доставила намъ нѣсколько неприятныхъ минутъ. Представьте себѣ почти отвѣсную гору, на которую въ нѣсколько зигзаговъ взбирается узкая дорожка: разѣхаться никакъ нельзя; но съ этимъ мириться, пожалуй, можно; но что было для насъ неудобно — это невозможность свободно проѣхать на поворотѣ: приходилось всему нашему народу хвататься за заднія колеса, за задки нашихъ тяжелыхъ телѣгъ и, при дружныхъ крикахъ, напрягая всѣ силы, заносить эти задки въ сторону; тогда только телѣга могла двигаться къ слѣдующему повороту, гдѣ продѣлывалась та же исторія. Подняв-

¹⁾ Н. Динникъ. Нѣсколько словъ о Кавказскомъ зубрѣ. Журналъ „Естествознаніе и географія“, 1899, № 2.

шись на высоту, мы думали, что избавились отъ докучнаго рева потока, мѣшавшаго говорить; но скоро пришлось разочароваться: впереди снова послышался приближавшійся шумъ Куначкира: онъ, вмѣстѣ съ нами, поднялся на высоту; съ громомъ и шипомъ лизалъ онъ бѣлыми языками гладкія черныя скалы глубокой расщелины, прорѣзанной несущейся вѣками водою. Пушистые ковры яркозеленаго мха стлались по его берегамъ и исчезали въ темнотѣ пихтоваго лѣса; иногда лучъ, пробившійся сквозь вѣтви, зажигалъ здѣсь и тамъ изумрудный пламень на этомъ мхѣ, обращалъ въ кучу алмазовъ кипящій водяной бугоръ, скользилъ по отвѣсной стѣнѣ карниза, по которому медленно двигалась наша процессія. Облака низко опустились, или, вѣрнѣе, мы поднялись къ нимъ; видно было, какъ облачко въ одномъ мѣстѣ, гдѣ температура была выше, таяло, въ другомъ, похолоднѣе, мало-по-малу уплотнялось, дѣлалось сѣровато-бѣлымъ и уже въ видѣ тучи плыло, цѣпляясь за зубчатыя вершины пихтъ и елей; здѣсь была колыбель облаковъ и потоковъ. Дождь усилился, но дорога, осѣненная пихтами, была суха. Надвинувъ на глаза капюшоны плащей, блестящихъ отъ дождя, юноши молча шагали, слушая справа неумолчный шумъ воды, а слѣва—таинственную лѣсную тишь. Я послалъ нашего проводника купить гдѣ-нибудь на «кошѣ» барана. Онъ весело улыбнулся, съ видимымъ удовольствіемъ взмахнулъ плетью, и исчезъ за поворотомъ: ему, очевидно, наскучило ѣхать шагомъ вслѣдъ за нами. Сдѣлавъ десятиминутную остановку, мы закусили хлѣбомъ съ сыромъ и двинулись дальше. Дождь пересталъ.

Вышли на большую поляну; здѣсь увидѣли гигантскій монолитъ съ большою природною пещерою, свалившійся, можетъ-быть, во время вздрагиванія Кавказа при изверженіяхъ Эльбруса. Далѣе, въ лѣсу, мы отыскивали слѣды древняго поселенія: курганы, насыпи. Вдругъ въ лѣсу залаяла собака, къ ней присоединился, словно серебряный колокольчикъ, лай

ценка; мы подошли къ карачаевскому «кошу», лѣтовью. Тамъ что-то варили: или айранъ, или сыръ. Мы увидѣли нѣсколько длинныхъ закопченныхъ сараевъ, безъ оконъ, съ земляной крышей, сложенныхъ изъ длинныхъ пихтовыхъ бревенъ. Въ этихъ лачугахъ карачаевецъ проводитъ съ семьей мѣсяца 4—5 въ году. Иногда онъ бываетъ вынужденъ переходить со своимъ скотомъ съ одного мѣста на другое; тогда все имущество тянется на первобытной арбѣ, которая, скрипя, подымается Богъ знаетъ на какія высоты. По приѣздѣ на мѣсто, горецъ вбиваетъ въ землю три палки и накидываетъ бурку съ сѣверной стороны,—это будетъ жилище; затѣмъ вбивается 4 кола и кладется деревянная жердь—„четынь“; тутъ же раскладывается кошее имущество: кадки для сыра и масла, „чилигъ“—подойникъ, „чолпу“—сосуды, куда разливается молоко; „бышлахъ-тапха“—сосудъ для сыра; „кыбытъ“—возы мѣшки, куда вливается „айранъ“, „капиръ“, „чикиръ“; „хазанъ“—котелокъ; „тегине“—корыто для собакъ, которыхъ очень много въ каждомъ кошѣ.

На изгороди висить вяленое мясо, которое подносится вамъ на подносѣ—«амля»; айранъ льютъ изъ «аяка». Такова обстановка коша.

Приближалось обѣденное время, а мы шли, несмотря на то, что дождь не переставалъ, и дорога размокла; однако, итти было удобно, благодаръ твердому грунту; мѣстами мы перепрыгивали черезъ прозрачные, какъ слеза, ручьи, пересѣкавшіе дорогу и падавшіе съ нашего карниза внизъ, чтобы затѣмъ соединиться съ кипящимъ Буначкиромъ.

— Господа! смотрите, какая длинная полоса снѣгу протянулась съ верху до низу горы! крикнулъ Морозовъ. Подойдя ближе, мы увидѣли, что это ледниковый ручей, каскадами срывающійся со скалы на скалу; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вода, вслѣдствіе силы паденія, фонтанами била вверхъ, превращаясь въ пыль; видно было, какъ отъ ручья отдѣля-

ся туманъ. Пора была обѣденная, но мѣста были очень неудобныя, дорога узка. Пришлось остановиться посреди нея. Около стволовъ сосенъ было сухо, и многіе, прикрывшись плащами, заснули подъ ихъ сѣнью. Подъ большимъ кустомъ по ту сторону дороги затрепалъ огонь, и Федотъ, стоя у огромнаго камня, служившаго ему кухоннымъ столомъ, чистилъ и крошилъ картофель и зелень для щей, мылъ рисъ для плова, въ то время какъ Корнѣй съ карачаевцемъ и осетиномъ потрошили барана; здѣсь же сидѣлъ въ буржѣ и папахѣ стройный красивый брюнеть лѣтъ 30, хозяинъ и пастухъ сотни черныхъ овецъ, бродившихъ по мокрой лужайкѣ; покуривая махорку изъ маленькой трубки, онъ спокойно слѣдилъ за манипуляціями нашихъ поваровъ. У него-то мы и купили барана. Карачаевскія овцы давно уже славятся вкусовыми качествами своего мяса; руно же ихъ въ почетѣ у всѣхъ горцевъ; средняго роста, на короткихъ ножкахъ, длиннотѣлыя, настоящія карачаевскія овцы отличаются бѣлымъ, длиннымъ, глянцевитымъ руномъ; у барановъ виситъ изъ-за щекъ, почти до самыхъ колѣнъ, густая шерсть, что придаетъ имъ очень красивый видъ; на хвостахъ они иногда нагуливаютъ до 23 фунтовъ сала. Овцы хорошо переносятъ мѣстную зиму, вполне приспособились къ этимъ каменистымъ склонамъ; однако, въ концѣ зимы, особенно затянувшейся, путешественникъ можетъ видѣть грустную картину, какъ истощавшій скотъ пробиваетъ копытами слежавшійся по склонамъ снѣгъ и добываетъ прошлогоднюю траву; овцы же не въ силахъ дѣлать то же, и гибнутъ тогда сотнями.

Ландшафтъ затянуло бѣлесоватой завѣсой тумана и облаковъ; послѣднія саженьхъ въ двадцати ползали надъ головой по синимъ скаламъ. Всѣ притихли. Иногда слышался храпъ. Дождь навелъ на всѣхъ уныніе. Для подкрѣпленія падающихъ всѣмъ было дано послѣ обѣда по стаканчику вина.

Передъ самымъ выступленіемъ случилось маленькое происшествіе: уже давно слышались вдали какіе-то пѣвучіе звуки на разные лады: словно кто-то плакалъ, нылъ и стоналъ; вдругъ изъ-за поворота выѣхала семейка, возвращавшаяся изъ коша: двѣ арбы и нѣсколько ословъ, навьюченныхъ козими мѣхами съ айраномъ; на арбахъ вздрагивали огромные воловьи бурдюки, наполненные молокомъ. Скрипъ прекратился: опытный глазъ отца семейства издали замѣтилъ, что разѣхаться невозможно, свернуть съ дороги тоже нельзя, — *rather familias* явился на рекогносцировку. Сказавши привѣтствіе по-русски, онъ просилъ черезъ переводчика отодвинуть наши телѣги къ стѣнѣ; получивъ согласіе, онъ съ двумя помощниками ловко осадилъ ихъ, открывъ, такимъ образомъ, проходъ, едва позволявшій провезти арбы. Пискъ и вой снова начался. Рядомъ съ первою арбою, бросая на насъ косые взгляды, шла смуглая дѣвушка съ благообразнымъ лицомъ; изъ-подъ высоко приподнятой грязной пестрой юбки виднѣлись широкія шальвары, на головѣ былъ черный платокъ; далѣе на ослахъ ѣхало четверо малышей; съ страхомъ поглядывали на насъ ихъ черные, какъ у джейрановъ, глазки. Мнѣ вспомнилась, въ силу закона контраста, Швейцарія, ея живописные жители, отели, шоссе, желѣзныя дороги, а передъ глазами былъ дѣвственно-дикій великолѣпный Карачай, какая-то военная трона, дикари-номады, туманы, синія скалы и безконечные пихтовые лѣса!... И то прогрессъ! думалось мнѣ: лѣтъ пять назадъ сюда заѣзжалъ, по великой нуждѣ, какой-нибудь топографъ, верхомъ, а теперь цѣлая „армія“ въ 36 человекъ, съ обозомъ, свободно идетъ. Недолго осталось безмолвствовать этой величественной пустынѣ: пробѣгутъ рельсы, промчится со свистомъ паровозъ: уйдутъ въ дальнія дебри зубры и медвѣди, разбѣгутся серны и туры, пробѣжитъ стремглавъ вслѣдъ за испуганнымъ стадомъ овецъ лѣсной житель — карачаевецъ.

До «конторки» такъ называлось жилище дорожнаго мастера близъ Клухорскаго перевала, оставалось 12 верстъ. Дождь не переставая моросилъ: дорога сдѣлалась грязной, нога уже перестала разбирать, гдѣ сухо, гдѣ мокро. На четвертой верстѣ мы встрѣтили маленькій перевалъ черезъ отрогъ. Буначкиръ отошелъ куда-то вправо. Облака сѣли такъ низко, что мы съ трудомъ различали бѣлыя полосы потоковъ, свергающихся съ крутыхъ склоновъ. Вдали залаяли собаки: «вѣрно, кошъ», подумалъ каждый. Спустившись, мы увидѣли себя на перекресткѣ трехъ ущелій. Впереди виднѣлись бѣло-голубые снѣга низко спустившагося въ долину ледника (см. заглавную виньетку).

— Вонъ, господа, ледникъ, уже близко! Я вижу волнистыя полосы на поверхности! сказалъ С. И., смотря въ бинокль.

Мы должны были оставить шоссированную тропу, такъ какъ она давно уже была размыта каскадомъ, падающимъ съ большой высоты и образующимъ небольшое унылое озерцо съ зеленымъ дномъ «Туманлы-гель» (Туманное озеро): «если на немъ есть туманъ—погода будетъ хорошая», пояснилъ намъ проводникъ. Въ данный моментъ «тумана» не было. Звуки трубы, быть-можетъ, впервые послѣ византійской «трубы», въ VI—VII вѣкѣ, прокатились по ущельямъ: карачаевскія собаки въ испугѣ отбѣжали на далекое разстояніе и оттуда продолжали яростно лаять. Мы подождали отставшихъ съ обозомъ и стали взбираться на гору. Отсюда начинался непосредственно подъемъ на Главный хребетъ. Лошади устали, и вozy медленно подвигались вверхъ по наклонной плоскости: на дорогѣ не было и признаковъ щелбня: все дѣло ограничивалось тѣмъ, что рабочій набрасывалъ на колеи свѣжей земли. Буначкиръ, зигзагами разбѣжавшійся по зеленой мокрой долинѣ, уходилъ все ниже и ниже отъ насъ. Вонъ кошъ: подъ нами, посреди долины, мерцали костры; насъ, очевидно,

замѣтили: мальчики съ крикомъ мчатся по зеленому лугу къ подошвѣ горы, по которой мы поднимаемся; все пестрое народонаселеніе коша смотрѣло на небывалыхъ гостей въ мѣстахъ, гдѣ сами карачаевцы - то бываютъ гостями въ теченіе 4 мѣсяцевъ: по словамъ ветеринарнаго врача, слѣдующаго за перегономъ скота изъ Закавказья, въ среднихъ числахъ октября долина эта уже завалена снѣгомъ, и всякое сообщеніе прекращается.

Мокрая земля большими кусками прилипала къ обуви и тяготила ноги, утомленные большимъ дневнымъ переходомъ. Было 7 часовъ. Вечернія тѣни и туманъ придавали предметамъ неясность, граничащую съ фантастичностью. Видъ близкаго снѣга, свѣжій вѣтерокъ, душій изъ бѣлаго ущелья, необычная обстановка путешествія, молодые лица, высокие ели, картинно рисовавшіяся зубчатыми силуэтами на бѣлосоватомъ фонѣ тумана и любовно протягивавшія надъ дорогой, навстрѣчу намъ свои мохнатыя вѣтви—все напоминало зиму, святки: казалось, сейчасъ сверкнетъ изъ-за пелены тумана рождественская первая звѣздочка!... вонъ тамъ въ лѣсу насъ ждетъ кутья и блестящая елка....

Часть путешественниковъ ушла впередъ: «конторка» была въ полуверстѣ, и всѣ спѣшили поскорѣе достигнуть жилища. Лошади тяжело дышали и часто останавливались. Мы уже верстѣ пять подымались. Дождь припустилъ, и гимназисты тотчасъ преобразились въ капуциновъ: у иного торчалъ сзади уродливый горбъ, благодаря ружью, тщательно оберегаемому отъ дождя; иной подбиралъ отяжелѣвшую отъ дождя бурку и шелъ согнувшись. Брезенты на телѣгахъ набухли, но дождя не пропускали. Наконецъ, изъ-за сосновыхъ стволовъ мелькнуло деревянное строеніе, красная крыша, голубой дымокъ.

— Конторка!... наконецъ!... отовсюду слышались радостные возгласы. Чайку бы поскорѣй! отдохнуть!

Телѣги быстро поднялись по зигзагу до «конторки». Здѣсь мы встрѣтили впервые весьма нелюбезный пріемъ, заставившій насъ невольно вспомнить англійскіе *gesthus* въ дебряхъ Индіи и Цейлона. Почти на вершинахъ снѣговыхъ горъ русскіе гимназисты должны были бы ночевать подъ дождемъ, въ палаткѣ, между тѣмъ какъ рядомъ съ ними стояла пустая запертая казарма для рабочихъ: ни рекомендательныя предписанія атамана области, ни атамана отдѣла не могли удовлетворить толстаго «конторщика», не хотѣвшаго насъ впускать, пока, наконецъ, рѣзко сказанное слово не заставило его отпереть ворота. Всѣ тридцать два человѣка сбились въ одной комнатѣ и разлеглись на циновкахъ; одинъ Сопотовъ, босой, сновалъ взадъ и впередъ, приспособляясь къ ночлегу. Корнѣй съ Федотомъ пріютились въ лагучжкѣ у гигантскихъ елей и готовили намъ чай, который за тѣмъ подавали черезъ окно. Сиротливо стояли на дворѣ наши телѣги, тщательно прикрытыя брезентами. Уже давно наступила ночь, но ни одной звѣздочки не видѣлось за этимъ надвигающимся на васъ со всѣхъ сторонъ туманомъ; только внизу, по ту сторону ущелья, гдѣ шумѣлъ неизмѣнный Буначкирь, бѣлѣло нѣсколько полосокъ снѣга; чувствовалось, что здѣсь, гдѣ-то вблизи, за этимъ досаднымъ туманомъ, лежатъ снѣговыя ледяныя массы, сообщавшія о своемъ присутствіи тонкими влажными струями холода. Мы заснули подъ трескотню дождя по желѣзной крышѣ.

Передъ разсвѣтомъ я вышелъ изъ казармы. Небо очистилось и сіяло звѣздами. Открылись огромные, остроконечныя, зубчатые массивы спящихъ кавказскихъ великановъ; бѣлыми полянами лежали снѣга, синѣли спустившіеся уже въ долины ледники. Хотѣлось свѣта, солнечныхъ лучей, чтобы согрѣть, освѣтить, разбудить это горное царство, спящее вѣковѣчнымъ сномъ... Въ казармѣ было тепло. Мальчики спали, иногда кто-нибудь бормоталъ во снѣ, иной неистово принимался чесать бока. «Кусаются!» подумалъ я.

IV.

Клухорскій переваль (Кюль-хара, по-карачаевски).

Общій видъ перевала. Подъемъ. Ледники. Озеро на вершинѣ Кавказскаго хребта. „Канонада“. Венеціанская и грузинская карты. Состояніе перевальной „тропы“. Возвращеніе на дачу г. Кондратьева. Дневка. Трудность предстоящаго путешествія въ Большой Карачай. Англійскій путешественникъ.

На утро армія проснулась свѣжей, веселой. «А, солнце!» слышались радостные возгласы. Слышу: Каѣрамаленко передаетъ впечатлѣнія минувшей ночи: «только что я начну засыпать, какъ черная кавалерія начнетъ дѣлать маневры на моей спинѣ: я и проснусь. Часовъ въ 11 только уснулъ». Миллеръ, оживленно жестикулируя, рассказывалъ, какъ кто-то съ лежанки, на которой помѣстилось четверо, уронилъ прямо ему на лицо краюшку хлѣба и какъ онъ, разразившись упреками по адресу снявшаго мертвымъ сномъ нарушителя его покоя, машинально сталъ грызть эту самую краюшку. Сопотовъ сжегъ на кострѣ свои сапоги: скоро высушить захотѣлъ; когда его объ этомъ спрашивали, онъ усмѣхался тонкими губами, моталъ головой и, заикаясь, говорилъ: у меня другіе есть!

Черезъ часъ мы должны были начать свой подъемъ на высшую точку перевала. Къ великому сожалѣнію Рохлина, Морозова и Шиллинга, я ихъ не рѣшился взять съ собою: они были моложе всѣхъ, устали за вчерашній день, а сегодняшній головоломный пятнадцативерстный подъемъ и такой-же спускъ могъ ихъ сдѣлать непригодными для завтрашняго обратнаго путешествія.

Запасшись Alpen-stock'ами, не разъ оказавшими намъ серьезные услуги, а на этотъ разъ бывшими крайне необходимыми, захвативъ бутербродовъ, непромокаемые плащи и лошадь, на которую навьючили фотографическіе аппараты, мы тронулись въ путь. Едва мы вышли изъ лѣска, въ которомъ пряталась «конторка», какъ нашимъ взорамъ представало два хребта, которые образовывали горный уголъ, по дну котораго, прыгая съ плиты на плиту, мѣстами обрываясь на нѣскольکو саженой, бѣжалъ все тотъ же Буначкирь. Правый хребетъ, Главный кавказскій, являлъ собою цѣпь самыхъ прихотливыхъ пиковъ, черныхъ, сѣрыхъ, тонувшихъ въ облакахъ, прорывавшихъ ихъ мѣстами,—и тогда казалось, что плыветъ въ воздухѣ остроконечный обломокъ скалы; въ расщелинахъ бѣлѣли снѣга, ниже синѣли ледники. Лѣвый же, тоже скалистый, но болѣе визкій былъ точно изрѣзанъ длинными штрихами съ версту; штрихи эти зигзагами подымались къ вершинѣ и, наконецъ, исчезали за горою: это была тропа на перевалѣ. Намъ предстояло около двѣнадцати верстъ карабкаться на эту гору, по узкому карнизу: пройдемъ съ версту—поворотъ, и двигаемся обратно саженой на 15 выше прежняго, и такъ разъ десять. Всѣ сердились: до «конторки» по прямой линіи версты четыре, а по тропѣ 15. Но все наше негодование исчезало безслѣдно всякій разъ, какъ мы останавливались перевести духъ и бросали взглядъ на бездны, разверзавшіяся подъ нашими ногами, на смѣлые, высоко взметанные пики. Поднявшись на высоту 9500 футовъ, мы долго созерцали рѣдкое, никогда невиданное нами зрѣлище: гигантскія пирамиды, обелиски громоздились одинъ на другой, вонъ высочайшая скала, словно титанъ, добравшійся до Зевса, высоко взметнулъ головою и такъ застылъ навѣки, пораженный перуномъ громовержца. Тонкими полосками лежалъ снѣгъ, внизу его было больше; еще ниже изъ-за колоссальнаго массива выплывало ледниковое море: зеленый ледъ, кое-

гдѣ прикрытый яркимъ снѣгомъ, былъ усыянъ трещинками; на поверхности ледника было мало моренъ (камней, упавшихъ на ледникъ и образующихъ правильныя гряды по бокамъ и посрединѣ); кое-гдѣ торчали скалы; слѣва изъ ущелья огромныя ледяныя массы грозили обрушиться на нижнія снѣговыя скопленія, образовавшіяся отъ многочисленныхъ обваловъ. Всѣ эти огромныя залежи льду и снѣга ослѣпительно блестяли на солнцѣ, синѣли и голубѣли въ тѣни. До ледника по прямой линіи было версты четыре; изъ снѣговой пещеры вытекалъ ручей, который стремглавъ неся и впадалъ въ Буначкирь. Иногда по неприступнымъ скаламъ, глубокимъ расщелинамъ скользили тѣни облаковъ, спѣшившихъ послѣ полудня перебраться съ одной вершины на другую. У нашихъ ногъ, въ глубинѣ долины стало что-то бѣлѣть, еще и еще; скоро десятки облаковъ поплыли по долинѣ и заслонили ледникъ отъ нашихъ глазъ и стали подыматься выше, добираясь уже до насъ. Мы спѣшили, мы почти бѣжали отъ тумана. Вотъ уже близко конецъ подъему. «Сюда! сюда! озеро здѣсь!» слышались громкіе крики впереди. Пройдя еще одинъ зигзагъ, пробравшись по снѣгу, завалившему тропу, мы увидѣли амфитеатръ высокихъ скалъ, огромный ледникъ, прикрытый снѣгомъ, сверху еще одинъ ледникъ, а внизу, у нашихъ ногъ, лежало круглое большое озеро; карачаевцы его называютъ Буначкирскимъ, русскіе—Тебердинскимъ, по ошибкѣ принимая Буначкирь за Теберду. Странное впечатлѣніе производилъ этотъ безлюдный, безмолвный пейзажъ, достойный кисти Дорэ, въ качествѣ сюжета для какой-нибудь главы изъ Дантова «Ада»: груды скалъ, кое-гдѣ яркозеленая трава, снѣгъ, ледъ, скалы, таинственно-неподвижное, синезеленое глубокое озеро, множество плавающихъ льдинъ на немъ, длинныя полосы водопадовъ, стекающихъ въ это «мертвое озеро», и эти назойливыя облака, отовсюду лѣзшія на васъ. Мы поспѣшили разогнать жуткое ощущеніе тѣмъ, что открыли по ска-

ламъ «ковонаду», не боясь потревожить горнаго духа. Рокоть выстрѣловъ нарушилъ покой нѣсколькихъ десятковъ красноносыхъ альпійскихъ галокъ. Избытокъ воды озера находитъ себѣ выходъ черезъ небольшой каналъ: это и есть начало Буначкира, а по другимъ, Теберды, между тѣмъ какъ древнѣе это считали началомъ самой Кубани. Теперь только, глядя на плавающія льдины (температура воды была 3° С.), я понималъ, почему на старинной венеціанской картѣ (1367 года), Франциска Пицигани, Кубань изображена вытекающей изъ озера, у сѣяннаго точками: послѣднія должны были означать льдины, а Буначкиръ съ Тебердою—верховья Кубани; кромѣ того, на картѣ царевича Вахушта Кубань течетъ по теперешней Тебердинской долинѣ. Все это случилось потому, что торговый путь шелъ черезъ Клухорскій перевалъ, и купцы были больше знакомы съ Тебердой, чѣмъ съ дѣйствительными верховьями Кубани.

Отсажютовавъ Кавказскому хребту, юноши принялись скатывать внизъ огромные камни, въ изобиліи усѣивавшіе крутые склоны: сдвинувъ съ мѣста камень, всѣ съ жадностью слѣдили за его увеличивающеюся скоростью, за козлиными прыжками, за тѣмъ, какъ онъ, коснувшись поверхности озера, разбрасывалъ широкія струи воды на нѣсколько сажений.

В. М. Сысоевъ хотѣлъ было добраться до математически высшей точки перевала, но принужденъ былъ вернуться, встрѣтивъ стѣну снѣговыхъ залежей, подъ которыя уходила трона.

Какое же значеніе можетъ имѣть эта тропа? думалось мнѣ. Торговое? Но теперь 6 іюля, разгаръ лѣта, а снѣгъ не очищенъ, и скоть въ Закавказьѣ прогоняютъ прямо черезъ ледникъ, какъ объ этомъ мнѣ сообщалъ ветеринарный врачъ на дачѣ г. Ковдратьева: скоть, при этомъ, часто обрывается и падаетъ въ расщелины; съ октября же мѣсяца перевалы закрываются. Стратегическое? военное? Но и это невозможно при такихъ завалахъ. Инспектирующему дорогу приходится

сначала проѣхать изъ Сухума до Клухорскаго перевала, затѣмъ объѣхать вокругъ Кавказа и уже изъ Баталпашинска подъѣхать къ тому же Клухорскому перевалу. Да иначе и нельзя. Путешественникъ остается въ недоумѣніи передъ названіемъ «перевальная дорога»: переваль-то загроможденъ сѣтями—и дороги нѣтъ. Строить дорогу для того, чтобы путешественникъ могъ доѣхать до высшей точки перевала, и повернуть назадъ?!... Чудесно!

Сдѣлавъ нѣсколько фотографическихъ снимковъ, хорошо отдохнувъ, мы двинулись обратно, и къ 6 часамъ были въ „контортѣ“. Пообѣдавъ, всѣ предались *fat niente*. На другой день рано выступили въ походъ. Назадъ было итти очень удобно—„подъ горку“, и мы въ тотъ же день были уже на дачѣ г. Кондратьева; въ пути мы встрѣтили послѣдній дождь, но зато «основательный», съ молніей и громомъ. Здѣсь я рѣшилъ устроить дневку. Больше сутокъ было посвящено отдыху, починокъ платья, стирка бѣлья въ Тебердѣ, сну, прогулкамъ въ Кузовлевскомъ паркѣ, записыванію въ дневникъ событий и впечатлѣній: А. Д. Кондратьевъ любезно отдалъ въ полное наше распоряженіе флигель о трехъ комнатахъ съ мебелировкой, снабжалъ столовою зеленью, такъ что мы быстро забыли невзгоды, испытанныя за послѣднія два дня. Утромъ я отправилъ Корня съ обѣими телегами въ аулъ Учькуланъ, находившійся за двумя хребтами, которые мы намѣревались перевалить, чтобы посѣтить Большой Карачай. Съ собою мы оставили самыя необходимыя вещи, которыя должны были помѣститься на 8 вьючныхъ лошадяхъ, заказанныхъ въ Тебердинскомъ аулѣ. Предстоящій переходъ черезъ два перевала меня сильно беспокоилъ: намъ предстояло итти иногда безъ дороги, по тропинкамъ, проложеннымъ карачаевскимъ скотомъ, побывать въ такихъ мѣстахъ, куда, кромѣ карачаевца да, быть-можетъ, топографа, никто не заглядывалъ; одинъ изъ хребтовъ былъ выше 9000 футовъ. Однако, намъ пред-

стоялъ еще болѣе трудный путь изъ Большого Карачая черезъ рядъ хребтовъ Вечесынъ и Бермамытъ перевалить въ Бисловодскъ: поэтому, переходъ въ Большой Карачай могъ быть для этого хорошей подготовкой: съ другой стороны, думалось, что тамъ, гдѣ проѣхалъ карачаевецъ, почему не могъ бы пройти крѣпкій русскій юноша.

Опасно? Но почему же не испытать опасности? Русскіе дѣти и юноши слишкомъ мало подвергаются «опасностямъ», чтобы можно было отъ нихъ требовать находчивости, неустрашимости и настойчивости. Не то у англичанъ. Примѣръ былъ у насъ на лицо. Спустившись однажды въ Сентинскомъ монастырѣ съ горы, гдѣ въ храмѣ я срисовывалъ фрески, я увидѣлъ четырехъ верховыхъ лошадей и двухъ путешественниковъ съ двумя же проводниками, отдыхавшихъ недалеко отъ лагеря подъ деревомъ.

— А. Н., англичанинъ пріѣхалъ съ русскимъ судейскимъ чиновникомъ, сейчасъ же сообщили мнѣ.

Обѣдъ уже былъ готовъ, и я пригласилъ „дорожныхъ людей“ къ столу. Одинъ изъ нихъ былъ, дѣйствительно, 19-лѣтній англичанинъ, плохо говорившій по-русски, сынъ издателя провинціальной газеты, воспитанникъ знаменитой Итонской школы. Онъ только годъ тому назадъ кончилъ курсъ среднего образованія и теперь готовится въ Оксфордъ.

— А затѣмъ хочу пойти по дипломатіи, прибавилъ онъ.

Глядя на эту невысокую фигуру, на молодое простоватое безусое лицо, я не могъ повѣрить, чтобы этотъ юный сынъ Альбіона, никѣмъ не гонимый, рѣшился проѣхать въ Москву, чтобы затѣмъ, прокативъ въ вагонѣ до Бисловодска, вмѣстѣ со случайнымъ московскимъ знакомцемъ нанять тамъ за полтора ста рублей проводниковъ, и безъ карты, верхомъ, рискнуть перевалить черезъ ледники Глухорскаго перевала, спуститься въ Сухумъ, на пароходѣ проѣхать въ Севастополь и вернуться обратно въ Москву. Однако, истина была

на лицо. Худенькій англійскій гимназистъ и дѣбри кавказскихъ горъ! Что общаго?

— Изучаете Кавказъ въ качествѣ арены будущей вашей дипломатической дѣятельности? не удержался я, чтобы не кольнуть будущаго дипломата.

Юноша усмѣхнулся, набивая изъ гуттаперчеваго кисета свою коротенькую трубочку-носогрѣйку.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ: я случайно сюда заѣхалъ, хотя очень доволенъ, что повидаль эту дикую страну, этихъ карачаевцевъ.

— А не боитесь вы ѣхать? обратился я къ его не мѣнѣ молодому спутнику, помощнику секретаря московскаго суда.

— У насъ револьверы есть.

— А изъ Москвы же вы куда?

— Домой.

— А онъ?

— Онъ въ Лондонъ.

Такъ просто и такъ умно; отправить юношу-сына въ незнакомую страну, предоставить его собственной инициативѣ, подвергнуть, быть-можетъ, ряду опасностей, и получить назадъ готовымъ гражданиномъ всесвѣтной владычицы.

Угостили мы этихъ симпатичныхъ путешественниковъ на славу и разстались довольные другъ другомъ.

У.

Изъ Малаго въ Большой Карачай (Перевалы Эпчикъ и Эль-Эпчикъ).

Поѣздка къ подножію Эльбруса. Посѣщеніе рудниковъ общества
„Эльбрусъ“.

На слѣдующій день, 9 іюля, распрощавшись съ А. Д. Кондратьевымъ, въ сопровожденіи 8 вьючныхъ лошадей и столькихъ же погонщиковъ, мы двинулись къ устью Джемаата. Сначала все шло хорошо. Вотъ и старый знакомый Джемаатъ, вверхъ по ущелью котораго мы должны направить свой путь; вотъ остатки лермонтовскаго аула, гробницы джигитовъ, вотъ слѣды окоповъ нашихъ палатокъ, холодный пепель костра.

— Прощай, Тебердинская долина! никогда, быть-можетъ, тебя не увидимъ! сказалъ кто-то. Всѣ оглянулись. Долина пряталась уже за выступъ горы. Однако, скоро новые ландшафты, одинъ красивѣе другого, заставили забыть ея прелесть.

Всѣ стремились впередъ: верстахъ въ 10 былъ желѣзисто-углекислый источникъ, „нарзанъ“. Солнце жгло, а подъемы и спуски слѣдовали одинъ за другимъ. Шли гуськомъ по тропинкѣ, иногда исчезавшей въ высокой душистой травѣ, иногда прятавшейся въ тѣни сосенъ, дикихъ вишенъ, березы... Жара дѣлалась съ часу на часъ чувствительнѣе, многіе устали. Наконецъ, мы увидѣли мостику черезъ ручей, за нимъ лужайку, на которой уже были наши вьючныя лошади. «Нарзанъ!» радостно ухмыляясь, привѣтствовалъ насъ

помощникъ аульнаго старшины. За деревьями блестяль несшійся подь сильный уклонъ Джемаатъ. Гигантскій стволь, принесенный могучимъ потокомъ, соединяль оба его берега. Многіе подолгу сидѣли на этомъ бревнѣ, глядя на эту словно газированную воду. На другой сторонѣ, подь купой деревьевъ, изъ-подъ мшистаго камня билъ холодный желѣзисто-кислый источникъ, обильно насыщенный углекислымъ газомъ; вкусомъ овъ близко напоминаль кислородскій нарзанъ, отличающаюся большею примѣсью желѣза, что было хорошо замѣтно по ржаво-красной грязи, окружавшей его. Мы тотчасъ же принялись за «каптированіе» источника, очистили его отъ листьевъ, обложили камнями, прорыли каналъ для стока воды и, вдоволь напившись нарзану, сѣли обѣдать. Солнце было высоко, и намъ предстояло перевалить высокій, болѣе 9000 футовъ, хребетъ Эпчигъ. Покинувъ долину Джемаата, мы сначала безъ дороги принялись карабкаться вверхъ по ущелью притока этой рѣки. Вскорѣ мы очутились выше пояса деревьевъ. Глазамъ нашимъ открылись безлѣсныя горныя вершины, тамъ и сямъ бродили стада; кое-гдѣ были длинныя рубленныя сараи, съ земляными крышами, на которыхъ росла трава: то были коши. Кто-то вздумалъ выстрѣлить: гдѣ-то высоко-высоко залаяли собаки, изъ ближайшаго коша выбѣжали женщины и дѣти; когда же Миллеръ затрубилъ—онѣ попрятались.

Мы подымались все выше и выше. Начинало смеркаться. Облако за облакомъ зарождалось въ долинѣ и ползло вверхъ за нами. Мы торопились, но подъемъ надорвалъ наши силы, и мы принуждены были присѣсть на пригоркѣ недалеко отъ пестраго стада коровъ; всѣ съ ожесточеніемъ принялись ѣсть сыръ и галеты. Вдругъ на насъ налетѣло большое облако, и мы очутились въ густомъ туманѣ. Четырехъ чловѣкъ не было: они отстали. Вотъ тутъ-то труба Миллера сослужила намъ вѣрную службу. Каждая полминуты рѣзкие

звуки прорѣзывали сплошную пелену тумана. Наконецъ, внизу послышались голоса, и отставшіе присоединились къ намъ. Началось опять движеніе вверхъ. Вотъ уже приближаются полосы снѣга, вотъ мы уже выше ихъ, а конечной точки перевала все нѣтъ.

— Вонъ тамъ! показалъ старшина на сѣдловину въ облакахъ: тамъ переваль. Ежеминутно насъ догоняло огромное облако, иногда даже перегоняло, и мы шли въ густомъ туманѣ; но едва оно подходило саженой на 40 къ вершинѣ перевала, какъ имъ словно овладѣвалъ страхъ: оно быстро отступало назадъ, затѣмъ снова начиналось то же наступленіе: очевидно, здѣсь боролись два воздушныя теченія. Достигнувъ вершины перевала, всѣ радостно вздохнули. Стемнѣло. Гдѣ-то далеко внизу мерцалъ одинокій огонекъ: то былъ лежавшій въ 6 верстахъ аулъ Доуть. Въ темнотѣ идти было трудно и опасно, и мы, спустившись нѣсколько шаговъ внизъ, рѣшили переночевать на перевалѣ. О чаѣ нечего было и думать: вокругъ не было ни вѣточки. Разостлавъ брезенты, всѣ вповалку легли и быстро заснули. Ночь была очень холодная: въ 6 часовъ утра было 6, 3° С. Я проснулся въ три съ половиной часа. Выглянувши изъ-подъ бурки, я вскопчилъ отъ удивленія на ноги. Небо, земля, путешественники еще спали, но на розово-желтоватомъ фонѣ востока синими силуэтами тихо стояли кавказскіе великаны, словно приготовившіеся слушать царя европейскихъ горъ, гигантскою тѣнью подымавшагося высоко къ небу.

— Вставайте! Эльбрусъ виденъ! закричалъ я. Родіоновъ! аппаратъ скорѣе!

Заспавныя лица приподнимались, въ недоумѣніи оглядывались, и затѣмъ ихъ глаза не отрывались отъ рѣдкаго зрѣлища. Нигдѣ я не ощущалъ такой необъятности пространства, такой мощи природы, какъ здѣсь. Не съ Бермамыта, не у подножья горы, мы уразумѣли во всей полнотѣ вели-

чіе этой двуглавой громады скаль, льда и снѣга, но съ высоты девяти тысячъ футовъ Эпчикскаго перевала.

Быстро собрались мы и къ 8 часамъ были уже въ небольшомъ аулѣ Доутѣ, расположенномъ на рѣчкѣ того же имени. Здѣсь мы вдоволь напились айрану, чаю, пообедали, посѣтили домъ богатаго карачаевца, послушали, какъ съ минарета на перебой кричали на весь аулъ два муллы, и отправились дальше. Переправившись по живому мостику черезъ Доутѣ, мы тотчасъ стали взбираться на крутой Эльпчикскій перевалъ. Болѣзненное состояніе заставило меня сѣсть на лошадь, и я не почувствовалъ всей тяжести этого подъема. На перевалѣ мы были уже въ 6 часовъ вечера. Великолѣпный видъ насъ ожидалъ тамъ: у насъ, какъ на картѣ, былъ весь Большой Карачай: вонъ Хурзукская долина съ ауломъ того же имени, растянувшимся на три версты; вонъ Учъгуланская долина; вонъ двѣ серебристыя ленточки соединяются около аула Учъгулана и даютъ небольшую рѣчку, носящую уже имя Кубани; вонъ уходящія въ синее небо серебряныя вершины Эльбруса со свитою облаковъ, золотыхъ, фіолетовыхъ, оранжево-розовыхъ, дымчато-голубыхъ. Спускъ былъ длиннѣе подъема. Уже стемнѣло, когда прибыли въ большой аулъ Учъгуланъ. Мы расположились въ большой съ колоннами залѣ горскаго суда. Наши телѣги уже прибыли, и мы ни въ чемъ не терпѣли недостатка. Здѣсь была назначена дневка, посвященная отдыху, ѣдѣ и купанью. Такъ какъ Учъгуланъ рѣчка довольно быстрая, то желающихъ купаться я привязывалъ къ крѣпкой веревкѣ и, держа ее за конецъ, разрѣшалъ итти въ воду. Толпа карачаевцевъ, всюду слѣдовавшая за нами, съ удивленіемъ смотрѣла на это зрѣлище. Вечеромъ былъ данъ въ залѣ суда концертъ на двухъ скрипкахъ, рисоло, барабанѣ, корнетѣ, тростниковой дудкѣ и.... двухъ гребешкахъ. Концертъ для карачаевскаго уха оказался превосходнымъ, что ясно было видно по сіяющимъ лицамъ

и довольнымъ улыбкамъ многочисленныхъ слушателей, которыхъ вскорѣ безъ излишнихъ церемоній выпроводили, ибо передъ сномъ требовалось очистить залу отъ всевозможныхъ запаховъ, принесенныхъ горцами, у которыхъ чистоплотность не въ числѣ добродѣтелей.

а слѣдующее утро было приведено около 60 лошадей. Мои спутники достаточно походили пѣшкомъ:

хотѣлось теперь доставить имъ возможность прокатиться верхомъ. Восторгамъ не было границъ, когда привели лошадей, весьма смирныхъ и маленькихъ; каждый старался отыскать себѣ побольше да посильнѣе. Полчаса продолжалась пригонка подпругъ, стремянъ. Только двое не выдержали экзамена въ верховой ѣздѣ; имѣя въ виду сегодняшній 65-верстный перегонъ къ Эльбрусу и обратно, я ихъ отослалъ къ обозу, который во время нашего отсутствія долженъ былъ переѣхать въ столицу Большого Карачая, аулъ Картджуртъ. Быстро про-

ѣхали мы старинный аулъ Хурзукъ, имѣющій за собою, по крайней мѣрѣ, четыре столѣтія, взяли влѣво мимо древней башни Маміа, построенной на головоломной высотѣ, Садырла, проѣхали мимо знаменитаго Боташева камня, близъ котораго Боташъ, нѣкогда открывшій эту мѣстность, посадилъ сѣмена ячменя, и вткнулись въ ущелье рѣчки Уллу-Хурзукъ.

Проѣхавъ версть 20 по узкой тропинкѣ, тянувшейся вдоль рѣчки, вытекающей непосредственно изъ-подъ ледниковъ Эльбруса, мы остановились около коша, въ двухъ верстахъ отъ подошвы «сѣдовласаго Шата». Здѣсь мы купили 4 барановъ, ибо нужно было угостить сопровождавшихъ насъ многочисленныхъ карачаевцевъ; заказавши обѣдъ à la Сага-тешаі и поручивши надзоръ за его приготовленіемъ помощнику старшины, мы предприняли поѣздку къ самому подъему къ ледникамъ. ѣхали мы до тѣхъ поръ, пока не наткнулись на глубокое, промытое водою ложе, за которымъ начинался одинъ изъ склоновъ Менги-тау (карачаевское названіе Эльбруса). Сопровождавшій насъ учькуланскій учитель попытался подняться выше, но вскорѣ принужденъ былъ вернуться. Долго сидѣли мы у одного изъ многочисленныхъ ключей нарзана, разсѣянныхъ по эльбрускимъ ущельямъ, пили вкусную воду и слѣдили за пузырьками газа, подымавшимся со дна.

На Эльбрусъ же какъ-то мало обращалось вниманія: величественная, издали, гора обращалась въ неуклюжую кучу снѣга, льда и скалъ, вблизи. Вдали показался всадникъ. „Обѣдъ готовъ!“ закричалъ онъ, подѣхавъ ближе. Немедленно весь „кавалерійскій отрядъ“ былъ на лошадяхъ и крупной рысью направился къ становищу. Здѣсь насъ на полномъ ходу сфотографировалъ С. И. Видно было, что пиршество предполагалось на славу: дымъ подымался въ трехъ мѣстахъ. Изъ-подъ ногъ лошадей суетливо убѣгали въ норы неуклюжіе суслики, которыхъ здѣсь было неисчислимое ко-

личество; но стоило только всаднику проѣхать мимо, какъ хитрое животное выскакивало изъ норки, становилось на заднія лапки и свистало вслѣдъ. Тотчасъ послѣ нашего пріѣзда къ кошу, намъ подали большое корыто сомнительной чистоты, наполненное кусками мяса, разложенными въ известномъ порядкѣ: голова, курдюкъ, ребра, ноги. Самою почетною частью былъ курдюкъ; старшина предложилъ его мнѣ, но я уклонился отъ этой „чести,“ и тотчасъ же сталъ очевидцемъ, какъ огромные куски жира исчезали одинъ за другимъ во рту старшины; затѣмъ намъ подали маленькія деревянныя чашки, наполненныя айраномъ съ толченымъ лукомъ; мясо макали въ этотъ соусъ и отправляли въ ротъ. Если прибавить къ нашему аппетиту своеобразный пейзажъ съ Эльбрусомъ посрединѣ, 25-верстный перегонъ и желаніе попробовать карачаевскій обѣдъ, то наше кушанье показалось многимъ очень вкуснымъ. Въ 8 часовъ вечера мы были въ Хурзукѣ, гдѣ сдѣлали визитъ сопровождавшему насъ услужливому старшинѣ Байрамукову. Въ 9 часовъ, оставивъ влѣво огни Учъкулана, мы вѣзжали въ Картджуртъ. Насъ ждали. Окна школы были ярко освѣщены. На дворѣ пылалъ костеръ, на которомъ Корнѣй съ Федотомъ готовили намъ ужинъ. Школьный учитель суетился и хлопоталъ, желая доставить путешественникамъ всяческія удобства.

На слѣдующій день, послѣ ранняго обѣда, мы отправились осматривать Худесскіе серебро-свинцовыя рудники, принадлежавшіе акціонерному обществу „Эльбрусъ“, въ несчастію, за недостаткомъ средствъ года два какъ прекратившему свою дѣятельность. Урочище, гдѣ находятся серебро-свинцовыя «выработки», называется Тохтаулъ-Чолганъ и лежитъ въ 8 верстахъ отъ Картджурта, внизъ по Кубани. Грустные чувства и мысли возбуждаютъ эти шахты и штольни, построенныя по всѣмъ правиламъ инженернаго искусства, плотно не оконченной надземной желѣзной дороги, электро-

литическій заводъ, гдѣ цинкъ долженъ былъ осаждаться на пластинкахъ, черезъ которыя пропускался токъ. Былъ здѣсь и телефонъ, проведенный за десять верстъ до индышскаго рудообогатительнаго завода, гдѣ руда, добытая на Тохтаулъ-Чолганѣ, перерабатывалась и упаковывалась; этотъ заводъ могъ перерабатывать до 4000 пудовъ въ сутки; на рудникѣ и заводѣ населеніе доходило до 2000 человекъ; для шахтеровъ, кузнецовъ и слесарей былъ введенъ 8-ми часовой рабочей день; для выплавки металловъ производились серіозныя подготовленія по добычѣ каменнаго угля, огнеупорной и простой глины и выдѣлкѣ кирпичей, по заготовкѣ строительнаго камня, извести, лѣса; на рудникахъ была лучшая на Сѣверномъ Кавказѣ лабораторія, прекрасный минералогическій кабинетъ, множество капитальныхъ построекъ; общество начало прокладывать прекрасную дорогу на Кисловодскъ; работало уже изъ двѣнадцати обрабатываемыхъ жилъ болѣе 500 куб. сажени сырой руды,—и дѣло лопнуло, акціи пали: акціонеры, затративъ на оборудованіе дѣла около 400,000, вмѣсто 1,040,000 р., хотѣли получать барыши 100 на 100. Между тѣмъ, по заявленію и начальника Кавказскаго горнаго управленія и профессора Мушкетова, карачаевское свинцовое мѣсторожденіе принадлежитъ къ самымъ богатымъ въ мірѣ: до сего времени самымъ богатымъ считалось Брукенгильское (въ Австраліи), содержащее 260 пудовъ чистаго свинца въ 1 кубической сажени жильной массы,—въ нашемъ же рудникѣ на 1 куб. сажень приходится 281 пудъ чистаго свинца; серебра же 0,16%. Пока найдено 58 жилъ. У меня есть кусокъ свинца изъ худесскихъ штоленъ, подаренный мнѣ еще въ 1896 г. С. Н. Степановымъ, извѣстнымъ электрикомъ, директоромъ Худесскихъ рудниковъ: толщина жилы, по этому куску, равна 1 вершку, 1 линіи, въ минералогическомъ же кабинетѣ рудника намъ приходилось видѣть монолиты въ 6—7 вершковъ толщины. Подойдя къ рудникамъ,

мы долго стучали въ ворота, чтобы намъ отперли. Наконецъ, пришла какая-то баба и впустила насъ. Вездѣ слѣды запы-
стѣнія, сорная трава. Залаяла одинокая собака, изъ одного
изъ безчисленныхъ флигелей вышелъ старикъ-сторожъ.

Отъ него мы узнали, что сторожей здѣсь только 4; жа-
лованья они не получаютъ, а присылаютъ имъ по 2 пуда
ржаной муки ежемѣсячно.

— Сколько же тебѣ общество должно? спросилъ я у дру-
гого старика, пока его товарищъ старческою рысцой побѣ-
жалъ ставить самоваръ.

— «Да 400 рублей должно», конфузливо отвѣчалъ по-
луодичавшій въ этихъ дебряхъ старикъ и усмѣхнулся по-
томъ: «ждемъ все—не уходимъ, чайкомъ да хлѣбцемъ про-
бавляемся; форельки наловимъ, накопимъ—тѣмъ и живемъ».

Пока мы угощались чаемъ, копченой форелью и только-
что сорванной, будто припудренной малиной, одинъ изъ сто-
рожей открылъ ставни минералогическаго кабинета, гдѣ все-
общее вниманіе привлекли огромные куски серебро-свинцо-
выхъ самородковъ, образцы цинковой руды, рѣдкій кристалли-
ческій свинецъ, мѣдный колчеданъ, мѣдная синь и зелень, охра,
известковый шпатель, сѣрный колчеданъ; тутъ же были вѣсы для
опредѣленія удѣльнаго вѣса руды, печка для плавки, разные кол-
бы и реторты, на стѣнѣ висѣла карта Худесскихъ рудныхъ
мѣсторожденій. Затѣмъ, сторожъ, бывший раньше надсмотрщи-
комъ въ штольняхъ, зажегъ особую масляную лампочку и по-
велъ насъ осматривать «выработки»; штольня (горизонталь-
ная галлерей) была высока, такъ что итти можно было по-
чти не сгибаясь; надъ головою у васъ блестяла широкою, въ
вершокъ, полоскою серебро-свинцовая жила; въ штольнѣ было
тихо, сухо и холодно; путешественники дошли до шахты, вер-
тикальной галлерей, и вернулись назадъ. На рудничной ули-
цѣ въ большихъ деревянныхъ ящикахъ была насыпана мелкая
«порода» съ свинцовыми и мѣдными вкрапленіями; каждый

взялъ оттуда себѣ что-нибудь на память. Давши „на чай“ (водка негдѣ тутъ кушить) бѣднякамъ-старикамъ, мы покинули печальный рудникъ. Въ 7 часовъ мы были уже дома.

VI.

Въ аулѣ Картджуртѣ.

Народныя забавы. Сакли. Арабская школа. Характеръ народа: его бытъ, преданія. Былина объ нартѣ Сосружѣ и эмегенѣ Пятиголовомъ.

Весь слѣдующій день мы посвятили разпросамъ о житьѣ-бытьѣ карачаевцевъ, смотрѣли устроенные для насъ распорядительнымъ Боташевымъ пляски, хороводы, скачку, «умыканіе» невѣсть. Въ танцахъ приняли участіе мѣстные аристократки, княжны Крымшамхаловы, въ шелковыхъ, вышитыхъ серебряными узорами костюмахъ, отличающихся необычайной величины и формы рукавами; движенія не отличались разнообразіемъ; все дѣло заключалось въ «променажѣ» и въ «артикулахъ» ступни. Музыку составляли три пары палокъ, которыми въ тактъ ударяли другъ о друга, и полога желѣзнаго, похожаго на ружейный стволъ цилиндра, въ который особеннымъ образомъ дулъ пожилой карачаевецъ. Всеобщее вниманіе привлекла скачка, заключавшаяся въ слѣдующемъ: посреди живой улицы, образовавшейся изъ раздвинувшейся толпы, рыли небольшую ямку, куда вляли данный мною полтинникъ, завернутый въ бумагу, и засыпали землей. Нѣскольکو молодыхъ карачаевцевъ на полномъ скаку опрокидывались съ лошади, держась ногами за стремяна и одной рукой за гриву, между тѣмъ какъ другой старались схватить деньги. Особенною ловкостью отличился одинъ широкоплечій джигитъ русскаго типа, выхватившій изъ ямки три полтинника. Танцорамъ было поднесено угощеніе въ видѣ нѣсколькихъ фун-

товъ простыхъ ярмарочныхъ конфетъ. Вечеромъ Боташевъ пригласилъ меня съ товарищами на «курманлыкъ», гдѣ фигурировалъ неизмѣнный «карачаевскій барашекъ» во всѣхъ видахъ и нѣчто въ родѣ молочнаго супа. Особенное вниманіе мы обратили на картджуртскія сакли: всѣ онѣ построены

срубамъ изъ бревенъ до 12 вершковъ въ діаметрѣ; крыши двускатныя, съ легкимъ наклономъ, покрыты толстымъ слоемъ земли, дающимъ обильную растительность: если смотрѣть на Картджуртъ съ сосѣдней вершины, аулъ представится въ видѣ зеленого луга, пересѣченнаго черными и сѣрыми полосами—дворами и переулками; улицъ нѣтъ, ибо дома строились не по опредѣленному плану, но сообразно съ условіями рельефа мѣстности. Внутренность дома дѣлится на мужскую и женскую половины. Чтобы проникнуть въ первую, путешественникъ долженъ согнуться насколько возможно, и толь-

но тогда онъ перешагнеть полъаршинный порогъ узкой овальной двери и увидить себя въ кунацкой. Закопченный потолокъ подпертъ столбами; прохладно и темно: свѣтъ проникаетъ черезъ широкій раструбъ очага, спускающійся довольно низко; оттуда торчитъ крюкъ на желѣзной цѣпи, на которомъ виситъ черный котель; вверху, у потолка, пробиты узкія щели, заслоняемыя зимою дощечками; широкія нары, идущія вдоль стѣнъ, покрыты коврами. Я вошелъ въ одинъ изъ такихъ домовъ близъ мечети: это оказалась арабская школа. Въ маленькой комнатѣ, увѣшанной коврами, среди которыхъ висѣла также бѣлая воловья кожа, на которой учитель, быстроглазый брюнетъ, творитъ свой намазъ, толпилось десятка два дѣтей и подростковъ. Я взялъ у одного изъ нихъ книжку; это былъ рукописный арабскій букварь съ маленькими фразами для упражненій (аптъек). «Послѣ этой книги мы читаемъ кур'анъ», объяснялъ учитель: „потомъ идетъ теджюль—церковные стихи; далѣе, катехизисъ, и наконецъ, терсиф—толкованіе на кур'анъ“. Дѣти занимаются отъ 8 до 12 часовъ утра.

— А хорошо они учатся? не шалютъ? спросилъ я.

Учитель, вмѣсто отвѣта, съ улыбкою показалъ на короткую толстую палочку, бывшую въ его рукахъ, уже залакировавшуюся отъ употребленія. Я просилъ его продолжать урокъ. Ученики упражнялись въ хоровомъ чтеніи церковныхъ стиховъ. Мнѣ хотѣлось удостовѣриться, сознательно ли они читаютъ: я просилъ перевести одно-другое слово,—въ большинствѣ случаевъ ученики не умѣли этого сдѣлать: арабскіе стихи заучивались, очевидно, наизусть механически.

Карачаевцы большіе любители ничегонедѣланія: по цѣлымъ часамъ они простаиваютъ на перекресткахъ, дѣлясь новостями; останавливаютъ прохожихъ, втягиваютъ ихъ въ разговоръ; если же карачаевецъ встрѣтитъ гдѣ-нибудь на дорогѣ чиновника, въ сопровожденіи всадника, онъ немед-

ленно присоединяется и не отстанет до тѣхъ поръ, пока не узнаетъ кто, куда, зачѣмъ ѣдетъ, хотя бы ему пришлось вернуться на мѣсто отправленія; все узнанное передается каждому встрѣчному земляку: неудивительно, поэтому, что каждая малѣйшая новость облетаетъ весь Карачай. Въ этомъ отношеніи они похожи на цезаревскихъ галловъ.

По адату, карачаевцы не могутъ заниматься торговлею; это обстоятельство также увеличиваетъ ихъ досугъ. Всѣ лавки принадлежать горскимъ евреямъ изъ Джегутинскаго поселка. Торговля производится мѣновымъ способомъ: на яйца, масло, сыръ, шерсть, овецъ; лошадь рѣдко идетъ въ обмѣнъ на товаръ: стыдно. Мужчины рѣдко заходятъ въ лавки: это дѣло женщинъ. Последнія работаютъ гораздо больше сильнаго пола: придуть шерсть, валяютъ бурки, шьютъ черкески, папахи, вышиваютъ, но ковровъ дѣлать не умѣютъ: ихъ привозятъ изъ Имеретіи. Положеніе женщины вообще довольно свободное, самостоятельное, чтò обусловливается, конечно, характеромъ народа, его исторіей, мирнымъ его трудомъ. Карачаевцы не отличаются ни смѣлостью ни бойкостью: „Мы до того робки, что не въ силахъ даже согнать осетина, если онъ поселится на нашей землѣ“, говорилъ мнѣ одинъ карачаевскій дворянинъ: „напримѣръ, около Хумаринскаго укр. еще ген. Петрусевичемъ отведено намъ 50 десятинъ, но ими завладѣли осетины, живущіе въ Георгіевскомъ поселкѣ, и мы никакъ не могли выжить ихъ оттуда: боимся. Мы боимся мстить даже за убійство нашихъ, а ихъ много — много убито тайно“... Любопытно, въ свою очередь, отношеніе къ нимъ осетинъ. „Глуше и вороватѣ карачаевцевъ нѣтъ народа на Кавказѣ“, говорили мнѣ георгіевскіе осетины: „кабардинцы хорошій народъ, храбрый, а карачаевцы трусливые воры“. Вообще, карачаевцы не въ почетѣ у горскихъ племенъ. Мягкость ихъ характера, воспоминаніе о многочисленныхъ лишеніяхъ, перенесенныхъ во время продолжительныхъ странствованій, созна-

не своей малочисленности, изолированное положение среди чуждых по языку горцевъ,—все это способствовало тому, что Карачай оказалъ самое слабое сопротивление русскимъ. А въ 1853 году, когда знаменитый Магометъ Эминъ съ 10-тысячнымъ войскомъ, состоявшимъ изъ абадзеховъ, темиргоевцевъ, бесленеевцевъ и другихъ мелкихъ адигейскихъ племень, задумалъ вторгнуться въ Карачай, чтобы, взволновавши его, броситься на какой-либо изъ русскихъ отрядовъ,—карачаевцы не только отказались принять участіе въ планахъ Эмина, но и рѣшились оказать ему сопротивление, пославъ просить помощи у русскихъ.

Экономическое благосостояніе Карачая клонится къ упадку, и одна изъ главныхъ причинъ—малоземелье. Въ Карачай нѣтъ ни пяди общественной земли—все родовая. Нѣкоторые роды до такой степени разрослись, что стало недоставать земли даже подъ постройку дома: такихъ семей въ Картджуртѣ около 40, а въ Учъкуланѣ около 50: у нихъ нѣтъ жилищъ, потому что не на чемъ ихъ строить.

Карачаевцы, народъ тюркскаго происхожденія, все родное, даже типъ, потеряли, но сохранили языкъ; онъ близко подходитъ къ нарѣчію ногайскому, казанскому. Даже по отношенію къ своей поэзіи они не всегда самостоятельны; многія изъ ихъ былинь схожи съ былинами горскихъ татаръ, на эпосъ которыхъ отразилось вліяніе осетинскихъ сказаній. Впечатлѣніе, получаемое при чтеніи карачаевскихъ сказаній, однородно съ тѣмъ, какое производитъ на насъ чтеніе многочисленныхъ переходящихъ рассказовъ, издревле тянувшихся изъ Азіи черезъ Кавказъ въ Европу: тотъ же дуализмъ, та же борьба добраго и злого начала, свѣта съ тьмою, наземныхъ богатырей съ подземными, «нартовъ» съ «эмегенами». Въ качествѣ образца карачаевскаго эпоса могутъ служить сказанія, записанныя мною еще въ 1896 г. въ Картджуртѣ и напечатанныя въ XXV вып. «Сборника».

УП.

Отъ Картджурта до Кисловодска.

Плоскогоріе Бичесынъ. Озеро Хорла-кѣль. Ночевка подъ Бермамытомъ. Ночное приключеніе. Прибытіе въ Кисловодскъ и осмотръ „группы“. Возвращеніе домой.

Нѣкоторыя затрудненія представила намъ необходимость найти около 60 лошадей для насъ, для вещей и для погонщиковъ. Благодаря содѣйствію Боташева, мы ихъ имѣли къ сроку. Распростившись съ В. М. Сысоевымъ, оставшимся въ Картджуртѣ для производства раскопокъ, мы покинули Картджуртъ и сейчасъ же вступили въ ущелье, держа путь на сѣверо-востокъ. Колесной дороги не было: была тропинка, по которой можно было пройти или проѣхать верхомъ, мѣстами приходилось слѣзать съ лошадей и пѣшкомъ взбираться на крутизну. Мои спутники прошли уже хорошую школу для того, чтобы затрудняться при спускахъ или подъемахъ, а ихъ было не мало. Въ часъ мы переправились въ бродъ черезъ пѣнистый Худесь и поднялись по крутой тропинкѣ на вершинну хребта. Передъ нами открылось море горъ: ряды хребтовъ, ущелій, плоскогорія, сливавшіяся въ золотистой дали съ горизонтомъ, сейчасъ же показали намъ, что передъ нами знаменитое плоскогоріе Бичесынъ, пріютъ многочисленныхъ кошей. Къ двумъ часамъ мы прибыли къ живописному горному озеру Хорла-кѣль, расположенному въ сосновомъ лѣсу. Карачаевское преданіе говоритъ, что на днѣ этого озера въ серебряномъ дворцѣ живетъ горный духъ, что онъ иногда вы-

гоняетъ на окрестные зеленые луга своихъ среброрунныхъ овецъ; кто хоть одну ноймасть, будетъ навѣкъ счастливъ. Полчаса мы провели на берегу озера, напились сытнаго и вкуснаго айрану, привезеннаго съ сосѣдняго коша, и двинулись далѣе, продолжая подыматься все выше и выше. Дорога была хорошая, все по вершинамъ хребтовъ. Скоро облака стали окутывать насъ со всѣхъ сторонъ, и мы принуждены были ѣхать гуськомъ, пославъ впередъ проводниковъ. Глухо раздавался среди горной пустыни топотъ 60 лошадей. Иногда слѣва, словно привидѣніе, простирающее свои руки, медленно проплывалъ мимо насъ силуэтъ развѣистой сосны и тотчасъ же исчезалъ въ молочнаго цвѣта туманъ. Было 6 часовъ, когда я рѣшилъ, въ виду густоты тумана, остановиться на ночлегъ; къ тому же до Бермамытской скалы оставалось верстъ 18, а внизу, по словамъ проводниковъ, былъ кошъ. Едва мы спустились нѣсколько и вышли изъ сферы облаковъ, ведя лошадей за поводья, какъ нашимъ глазамъ открылся неказистый горный закоулокъ; кое-гдѣ по склонамъ ютились коши, чернѣли стада овецъ. Мы стали на ночевку на открытомъ мѣстѣ.

Тотчасъ же всѣ лошади были развьючены, и вещи снесены въ одно мѣсто; мы расположились вокругъ нихъ на буркахъ и брезентахъ. Было куплено два барана, ведро айрану, нѣсколько охапокъ дровъ. Корнѣй принялся за стрянку; то же отдѣльно продѣлывали наши карачаевцы, которымъ былъ подаренъ одинъ баранъ. Благодаря туману, стемнѣло очень быстро. Карачаевцы, усѣвшись вокругъ котла, въ которомъ варился цѣлый баранъ, запѣли; вѣрнѣе, пѣлъ одинъ, остальные подхватывали напѣвъ и тянули его въ унисонъ; что-то печальное, унылое, гармонирующее съ нашимъ угрюмымъ уголкемъ, слышалось въ этихъ тагучихъ звукахъ. Печальна и однообразна восточная пѣсня; это пѣсня рабовъ, а не людей свободныхъ... Карачаевцы насъ скоро усыпили своимъ пѣ-

ніемъ. Часовые заняли свои мѣста: здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, нужна была охрана. Часа въ 2 ночи слышу за оврагомъ чьи-то визгливые вопли... Наши карачаевцы тоже проснулись—слушаютъ. „Волкъ барана тащить! стрѣлай скорѣй!“ загалдѣли они по-своему. Часовой выстрѣлилъ вверхъ, и все затихло. Несмотря на изобиліе собакъ, волковъ тоже немалое количество въ окрестныхъ лѣсахъ, и бѣднымъ овечкамъ часто приходится попадать имъ на зубокъ.

Проснулись мы въ 4 часа, а въ 5 были уже въ дорогѣ и къ 12 сдѣлали привалъ на знаменитой Бермамытской скалѣ, куда часто ѣздятъ коляски и кавалькады изъ Кисловодска, до котораго отсюда считается 40 верстъ. Отдохнувъ на Бермамытѣ (а не на Бермамутѣ, какъ его называютъ въ Кисловодскѣ), пострѣлявъ здѣсь орловъ, гнѣздившихся по скаламъ: патроновъ жалѣть уже не было нужды,—мы въ 7 часовъ вечера были у въѣзда въ Кисловодскъ, усталые, грязные. Выстроившись по 4 въ рядъ, мы чинно въѣхали въ мѣстечко. Остановились мы, благодаря любезному разрѣшенію директора народныхъ училищъ Терской области, полученному нами еще въ Екатеринодарѣ, въ двухклассномъ училищѣ, близъ церкви, и тотчасъ принялись за мытье и чистку. Часа черезъ полтора, одѣтые въ чистое бѣлье и запасную пару платья, береженную для этого „торжественнаго случая“, мы отправились въ знаменитый липовый паркъ. Электрическій свѣтъ, фонтаны, музыка, цвѣтники, пестрая, нарядная толпа чарующимъ образомъ дѣйствовали на моихъ спутниковъ, только-что покинувшихъ жизнь полудивилизованнаго человѣка, какую мы вели въ теченіе мѣсяца... Веселымъ, свѣтлымъ огнемъ горѣли глаза у всѣхъ моихъ спутниковъ: чувствовалось, какое сильное доказательство своего могущества дала имъ цивилизація, образованность. Многіе это сейчасъ же и выразили вслухъ. Напившись нарзану, мы направились къ казенной гостиницѣ въ паркѣ и заказали

ужинъ, „настоящій“, приготовленный руками настоящаго повара въ бѣломъ фартукѣ и колпакѣ, поданный вѣжливыми лакеями, ужинъ на бѣлоснѣжной скатерти, блестящей хрустальемъ и серебромъ и, о роскошь!—на тарелкахъ.

На слѣдующій день, оставивъ въ Кисловодскѣ, подъ приглядомъ Корнѣя, всѣ вещи, мы побывали въ Пятигорскѣ, осмотрѣли его достопримѣчательности: галереи, гротъ Лермонтова, провалъ, бульвары, статую Лермонтова, смотрящаго на Эльбрусъ, туда, откуда мы вчера прибыли. Для многихъ, думается, стала понятна теперь любовь къ Кавказу Пушкина, Лермонтова, Л. Толстого.

„Какъ сладкую пѣсню отчизны моей,

Люблю я Кавказъ!“ кто-то тихо сказалъ, глядя на бронзовое лицо поэта, обращенное къ кавказскимъ великанамъ. Поздно вечеромъ вернулись мы обратно, успѣвъ захватить еще въ Желѣзноводскѣ и объѣхать его аллеи.

Утромъ, сидя въ удобномъ вагонѣ, мы быстро выкатились на великую російскую равнину. И замелькали мимо хутора, станицы, ряды стоговъ по степи, станціи, тополи, казаки и казачки, безконечныя вереницы вагоновъ...

Утромъ мы были въ Екатеринодарѣ.

13-го апрѣля 1899 года.

Г. Екатеринодаръ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

1) Метеорологическіе наблюденія и журналъ экскурсіи, составл. преподавателемъ физики С. И. Борчевскимъ и учениками Екатеринодарской гимназіи.

2) Описаніе минералогической коллекціи, собранной въ бассейнѣ верхняго теченія Кубани, во время экскурсіи, составл. С. И. Борчевскимъ.

3) Описаніе минеральныхъ источниковъ, встрѣченныхъ экскурсантами, составл. С. И. Борчевскимъ.

4) Жуки и бабочки, собранные Вл. Телъгою, ученикомъ VII кл., во время экскурсіи.

5) Растенія, собранныя въ Карачаѣ Роландомъ Шиллингомъ, ученикомъ V кл.

6) Фрески Сентинскаго храма.

1. Метеорологическія наблюденія и метеорологическій журналъ.

(Состав. преп. физики, С. И. Борчевскимъ, и учениками Екатеринбургской гимназіи).

Метеорологическій журналъ, предлагаемый ниже, касается климата Большого и Малаго Карачая, т. е. долинъ р. Кубани, въ верхнемъ теченіи, и притока ея, Теберды.

Онъ составленъ на основаніи наблюденій метеорологическихъ элементовъ и разспросовъ у жителей во время ученической экскурсіи въ Карачай лѣтомъ 1898 года. Эти наблюденія производились мною совмѣстно съ учениками Екатеринбургской гимназіи, главнымъ образомъ, Михайловымъ и Игнатьевымъ, согласно программѣ, составленной особой комиссіей по порученію Императорскаго общества естествоиспытателей при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ; что касается разспросовъ у жителей, то они производились учениками на основаніи вопросника, составленнаго мною, и отмѣчались ими въ записныхъ книжкахъ.

Для наблюденія температуры были выписаны гимназіей отъ фирмы О. Рихтера три дорожныхъ провѣренныхъ термометра, каждый цѣною въ 5 рублей. Атмосферное давленіе опредѣлялось по дорожному анероиду Гольдшмидта, выписанному отъ той же фирмы за 100 рублей.

Въ нашемъ журналѣ показанія анероида приведены къ показаніямъ ртутнаго барометра по формуламъ и таблицамъ, приложеннымъ къ анероиду; по нимъ же были опредѣлены и барометрическія высоты различныхъ мѣстностей, при чемъ за начало была принята высота надъ уровнемъ моря станціи

Невинномысской Ростово-Владикавказской желѣзной дороги, равная 154 сажениамъ.

Само собою разумѣется, что высоты различныхъ мѣстъ, данныя въ журналѣ, имѣють только приблизительное значеніе, такъ какъ состояніе атмосферы въ отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстахъ одновременно можетъ быть весьма различно, а потому числовыя данныя высотъ даны мною въ круглыхъ цифрахъ.

Метеорологическія наблюденія имѣють серіозное научное значеніе только въ томъ случаѣ, если производятся на одномъ и томъ же мѣстѣ въ теченіе долгаго времени, а потому на основаніи одного нашего журнала, въ виду кратковременности наблюденій, трудно сдѣлать какіе-нибудь положительные выводы; но, принявъ во вниманіе скудость нашихъ свѣдѣній о климатѣ юго-восточной части Кубанской области, мѣстности интересной во многихъ отношеніяхъ, думаемъ, что и предлагаемыя ниже наблюденія могутъ имѣть нѣкоторое значеніе.

Въ особенности слѣдуетъ обратить вниманіе на изученіе въ климатическомъ отношеніи такъ называемаго Малаго Карачая, т. е. долины Теберды, лѣваго притока Кубани.

Изученіе климата, и, вообще, природы этой мѣстности интересно не только въ научномъ отношеніи, но можетъ имѣть общегосударственное значеніе, такъ какъ долина рѣки Теберды представляетъ чрезвычайно благопріятныя условія для устройства санаторій и климатическихъ лѣчебныхъ станцій. Всѣ необходимыя условія для этого налицо: въ высшей степени живописная мѣстность, разрѣженный чистый горный воздухъ, сосновый лѣсъ, масса ручьевъ, присутствіе минеральныхъ источниковъ, наконецъ, отсутствіе жары лѣтомъ и слабые морозы зимою.

Несомнѣнно, что съ проведеніемъ желѣзной дороги жизнь выпитъ здѣсь ключомъ, такъ какъ край богатъ естественными произведеніями; въ настоящее же время здѣсь жизнь

довольно скучна. Дорога длиною около 80 верстъ, между Невинномысской и Хумарой, служить большимъ препятствіемъ къ тому, чтобы Теберду посѣщали люди больные и жаждущіе отдыха; впрочемъ, и теперь многіе, страдающіе грудными болѣзнями, проводятъ лѣто на Тебердѣ, такъ какъ природа долины этой рѣки такова, что одна она можетъ излѣчить отъ многихъ болѣзней. Долина рѣки Теберды производитъ чарующее впечатлѣніе своей красотой и особой мягкостью тоновъ; коверъ роскошныхъ травъ, темнозеленыя горы, покрытыя роскошной растительностью и поднимающіяся по объѣмъ сторонамъ красавицы Теберды, прозрачный горный воздухъ вызываютъ жизнерадостное настроеніе, которое охватываетъ путешественника, какъ только онъ вступаетъ въ эту долину.

Въ особенности, пригодна для дачъ и климатическихъ станцій средняя часть долины и мѣсто близъ дачи Кузовлева: здѣсь сосновый лѣсъ, здѣсь впадаетъ въ Теберду невыразимой красоты притокъ ея Джемагатъ, вблизи находится мѣстность Гуначъ-киръ, одно изъ красивѣйшихъ мѣстъ Россіи; въ виду дачи находятся и снѣговыя вершины Кавказа; недалеко и до Клухорскаго перевала; въ 10 верстахъ отъ дачи Кузовлева находится углекислый желѣзистый источникъ и т. д.

Всѣ эти условія дѣлаютъ эту долину однимъ изъ пріятнѣйшихъ мѣстъ Кавказа.

Долина р. Теберды, имѣя въ длину около 90 верстъ, расположена надъ уровнемъ моря, какъ видно изъ журнала, довольно высоко: она постепенно поднимается отъ 2600 футовъ (Хумара) до 6400 (конторка подъ Клухорскимъ переваломъ). Она на всемъ своемъ протяженіи замкнута съ обѣихъ сторонъ высокими горами, покрытыми густыми лиственными лѣсами, а начиная отъ аула Теберды и хвойными; около дачи Кузовлева начинается чудный пихтовый лѣсъ. Высокіе хребты, защищающіе эту долину отъ охлаждающаго

дѣйствія Эльбруса и ослабляющіе силу сѣверо-восточнаго вѣтра, а также обиліе влаги обуславливаютъ здѣсь довольно ровный климатъ. Какъ видно изъ показаній старожиловъ (см. далѣе), *здесь лѣтомъ не жарко, а зимою морозы бываютъ самые слабые*. Все это интересно проверить точными многолѣтними наблюденіями.

Во время нашего пребыванія въ этой долинѣ наивысшая температура, которая замѣчена нами, была, несмотря на іюль мѣсяцъ, 27° С, а наименьшая—на разсвѣтъ 4 іюля 6° С. Вѣтровъ сильныхъ не было. Дождемъ смачивало насъ нѣсколько разъ; въ Большомъ же Карачаѣ, т. е. въ долинѣ Кубани, при насъ не было ни одного дождя. Отсутствие лѣсовъ около Учкюлана и близость Эльбруса служатъ причиною того обстоятельства, что климатъ въ Большомъ Карачаѣ суровѣе и суше. По словамъ старожиловъ, зимою здѣсь бываютъ сильные морозы и вьюги,—хотя лѣтомъ здѣсь также не жарко, благодаря высокому положенію мѣстности надъ уровнемъ моря и сосѣдству Эльбруса.

Метеорологическія наблюденія и свѣдѣнія, собранныя путемъ разспросовъ во время экскурсіи въ Карачай.

1. Отъ станціи Невинномысской Ростово-Владикавказской желѣзной дороги до станицы Усть-Джегутинской, находящейся южнѣе Баталпашинска, мѣстность однообразная, имѣющая склонъ къ сѣверу и сѣверо-востоку, а потому совершенно открытая для вѣтровъ N и NE, которые здѣсь причиняютъ много вреда хлѣбамъ.

За станціей Усть-Джегутинской мѣстность болѣе гористая. Отроги Кавказскихъ горъ придвинулись къ самой Кубани и образовали рядъ живописно-разбросанныхъ скалъ, уступовъ и овраговъ. Въ особенности красива дорога у горы

„Учькульви“ и дальше: народъ мѣста эти отиѣтилъ названіями „мышинная тропа“, „гора Шелудивка“, „мѣстность Еманка“ и пр.

Съ одной стороны дороги поднимаются высокія скалы, а съ другой—открывается широкій горизонтъ и красивый видъ на Кубань. Передъ горой Шелудивкой, верстахъ въ четырехъ отъ станицы Красногорской, находится минеральный источникъ. Съ западной стороны его поднимаются надъ Кубанью почти отвѣсныя скалы, состоящія изъ известковистыхъ песчаниковъ желтоватаго и коричнево-краснаго цвѣта, съ восточной стороны—болѣе пологія горы.

Температура воды въ источникъ 12° С. Въ водѣ замѣтно присутствіе сѣрнистаго желѣза и углекислоты, поднимающейся со дна въ видѣ пузырьковъ. Вода пріятна на вкусъ. Бругомъ источника и на днѣ его черная грязь (сѣрнистое желѣзо). Наполняется онъ водою быстро. Послѣ намъ сообщили, что нѣсколько выше, подъ ручей, есть еще два источника — посиляѣе.

Въ этихъ мѣстахъ, т. е. въ мѣстности отъ Баталпашинска къ Хумарѣ, дожди перепадаютъ часто. Во время нашего путешествія, за горой Учькулькой насъ захватилъ такой ливень, что не оставилъ на насъ и сухой нитки, а дорогу испортилъ такъ, что пришлось брести по водѣ нѣсколько верстъ. Правда, лѣто 1898 года было вообще очень дождливо.

2. Хумара. Высота 2600 фут.

Бывшее Хумаринское укрѣпленіе, а теперь станъ приставы, расположенъ на правомъ берегу Кубани, въ горной долинѣ, съ двухъ сторонъ которой поднимаются довольно высокія горные хребты. Здѣсь единственный удобный входъ въ Барачай. Начиная отъ Хумары, горы покрыты сплошными лиственными лѣсами.

Климатъ мягкій. Весна начинается поздно, а въ особенности въ 1898 году. Первая трава показывается обыкновенно въ срединѣ апрѣля; покосъ ея начинается во второй поло-

винъ іюля. Атмосферныхъ осадковъ выпадаетъ наиболѣе всего весною: начиная со второй половины мая и до конца іюня дожди идутъ почти ежедневно. Лѣтомъ здѣсь очень хорошо: жары особенной не бываетъ. Во время нашего пребыванія 28 іюня температура воздуха въ 1 часъ была 24°,4 С. Хумара можетъ быть чуднымъ дачнымъ мѣстомъ. Осень начинается поздно, и она непродолжительна. Зима начинается очень рано: въ концѣ сентября или въ октябрѣ выпадаетъ первый снѣгъ. Морозы зимою бываютъ самые слабые; мятелей, и вьюгъ совсѣмъ не замѣчали.

Вѣтры преимущественно дуютъ N и NW. Воздухъ всегда чистъ и прозраченъ.

3. Ауль Сенты и женскій монастырь того же имени. (Высота аула 3290 и монастыря 3480).

Ауль, населенный карачаевцами, расположенъ на правомъ низкомъ берегу р. Теберды, а на лѣвомъ, высоко поднимающемся надъ рѣкой, находится жепскій монастырь. Отъ Хумары до него верстъ 20. Атмосферныхъ осадковъ замѣчается больше всего весною: дожди частые и всегда при вѣтрѣ NW. Зимане холодная, но снѣжная; снѣгъ зимою выпадаетъ хотя и часто, но долго не держится.

Около 8 часовъ утра 3 іюля температура Теберды была 8°,2 С. Быстрота теченія ея здѣсь около 5 арш. въ секунду. Наибольшая температура воздуха, замѣченная нами, была 23°,8, а наименьшая 10°,7° (въ монастырѣ).

4. Кузовлева дача. Высота 4200 фут.

Кузовлева дача расположена на правомъ берегу р. Теберды надъ красивымъ озеромъ; вблизи находятся другія дачи: горнаго инженера Кондратьева, Крымъ-Шамхалова и др. Мѣстность представляетъ долину р. Теберды, замкнутую съ двухъ сторонъ высокими хребтами, которые тянутся параллельно р. Тебердѣ.

Весна здѣсь начинается въ мартѣ—апрѣлѣ мѣсяцахъ; очень теплая. Лѣто здѣсь прекрасное время года: никогда не

бываетъ жарко. Во время нашего пребыванія здѣсь 4 іюля въ 1 часть дня и 8-го температура воздуха была 27°,8 и 23°,4. Рѣзкихъ колебаній температуры здѣсь не замѣчалось.

Зимы здѣсь хотя и снѣжныя, но теплыя, такъ какъ *морозовъ здѣсь почти не бываетъ*. Снѣгъ выпадаетъ очень рано, приблизительно въ сентябрѣ мѣсяцѣ, а въ 1895 году первый снѣгъ выпалъ 29-го августа и покрылъ почву на 1½ аршина.

Температура р. Теберды 9-го іюля 1898 года около 7 часовъ утра была 6°,6 С. Теберда не замерзаетъ.

5. Подъ Клухорскимъ переваломъ. Конторга— 6400 фут.

Въ тридцати верстахъ отъ дачи Бузовлева подъ самымъ Клухорскимъ переваломъ расположено зданіе Министерства Путей сообщенія, извѣстное подъ именемъ „Конторки“. Она расположена надъ Тебердой, берущей начало изъ Тебердинскаго озера, находящагося, считая по прямому пути, верстахъ въ трехъ отъ Конторки. Мѣсто это расположено уже довольно высоко, а именно приблизительно 6400 футовъ.

Весна начинается съ 15-го мая, осень съ 1-го сентября, а въ октябрѣ уже „форменная“ зима. Снѣгъ выпадаетъ въ первыхъ числахъ сентября и держится до самаго мая мѣсяца, а на горахъ, поднимающихся надъ Конторкою, снѣгъ не сходитъ цѣлое лѣто. Зима снѣжная, но теплая. Очень часто бываютъ туманы, преимущественно мокрые. 6-го іюля, когда мы поднимались отъ Конторки въ Тебердинскому озеру, туманъ нѣсколько разъ окутывалъ насъ такъ, что впереди ничего не было видно. Температура воздуха въ 12 часовъ была 22°, а въ туманѣ въ 2 часа 12°.

6. Тебердинское озеро. Высота 8300 фут.

Тебердинское озеро расположено на высотѣ 8300 футовъ надъ уровнемъ моря. Оно имѣетъ почти круглую форму; изъ него вытекаетъ р. Теберда. Берега озера круты; оно нахо-

дится какъ бы въ ямѣ. Температура воздуха надъ самымъ озеромъ была $8^{\circ},2$. Температура воды въ $2\frac{1}{2}$ часа дня возлѣ берега была $+3^{\circ}$ С. Температура „Туманнаго озера“, находящагося въ долинѣ Теберды, въ 5—6 верстахъ (ниже) отъ Конторки была въ 7 часовъ утра $17^{\circ},5$.

7. Минеральный источникъ.

9-го іюля по пути изъ Малаго Карачая въ Большой мы посѣтили минеральный источникъ, находящійся верстахъ въ десяти отъ дачи Бузовлева на лѣвомъ берегу Джемагата, притока рѣки Теберды.

Отъ дачи Бузовлева идетъ къ нему тропа правымъ берегомъ Джемагата. Путь былъ утомителенъ: приходилось подниматься вверхъ; но мы прошли его незамѣтно. Постоянная смѣна ландшафтовъ, одинъ лучше другого, полный прелести рокоть Джемагата, представлявшего непрерывную цѣпь каскадовъ, стрекотанье цикадъ и аромать душистыхъ и красивоцвѣтущихъ травъ, заставляли забывать всѣ трудности пути. Минеральный источникъ находится на землѣ аула Теберды.

Его можно было узнать по оранжевой грязи и жидкости такого же цвѣта, которую онъ оставляетъ на травѣ, стекая въ Джемагаты.

Саженьяхъ въ десяти отъ берега изъ-подъ камня бьетъ источникъ, чистый какъ слеза и покрытый пузырьками углекислоты.

Карачаевцы называютъ его Гаралыколь, что значитъ „Ущелье кислой воды“. Температура воды была $5^{\circ},6$ С. Расположенъ онъ въ ущельѣ, имѣющемъ направление N—S.

Несмотря на извѣстность свою среди карачаевцевъ за свои цѣлебныя свойства, источникъ содержится небрежно, или лучше сказать никакъ не содержится. Посѣщаютъ его только пастухи, да дикія козы приходятъ въ жаркое время и осенью пить воду, какъ бы чуя цѣлебныя свойства ея.

Мы очень много выпили этой воды и не чувствовали никакой тяжести; она вкусомъ напоминаетъ Нарзанъ въ Кисловодскѣ.

По словамъ карачаевцевъ, вблизи находятся еще два кислыхъ источника. Крѣпкая „кислая вода“ находится подъ ледникомъ у перевала Джелгъ-аушъ, въ верховьяхъ Джемагата.

8. Ауль Доуть.

Рядъ хребтовъ отдѣляетъ Малый Карачай отъ Большого.

Между хребтами Ипчикъ и Доуть, въ котловинѣ находится ауль Доуть, на берегу рѣки того же имени.

Весна начинается съ 15-го апрѣля; въ это время больше всего выпадаетъ атмосферныхъ осадковъ. Лѣто не жаркое. 10-го іюля въ одинъ часъ дня было 22° С. Градь бываетъ рѣдко и очень мелкій. Переходъ отъ лѣта къ зимѣ очень быстрый, такъ какъ осень здѣсь непродолжительна. Осенью дождей не бываетъ. Снѣгъ выпадаетъ въ концѣ сентября. Сильныхъ морозовъ не бываетъ. Вѣтеръ дуетъ, по большей части, съ южной стороны.

Температура воды въ р. Доуть въ 6¹/₂ час. утра 9° С.

9. Ауль Учъ-куланъ и Картъ-Джуртъ.

Мѣстность представляетъ долину р. Кубани; съ двухъ сторонъ поднимаются высокія горы, характерная особенность которыхъ—отсутствіе лѣсовъ; благодаря этому обстоятельству, а также близости Эльбруса климатъ здѣсь холоднѣе и суше, чѣмъ въ Маломъ Карачаѣ, т. е. долинѣ р. Теберды.

Весна здѣсь начинается въ началѣ мая; въ это время бываетъ здѣсь больше всего дождей. Зима начинается сравнительно рано; первый снѣгъ выпадаетъ въ началѣ октября. Морозы случаются большіе; бываютъ сильные мятели. Кубань замерзаетъ. Вѣтры преимущественно дуютъ N и S. Температура р. Кубани около Картъ-Джурта 14-го іюля была 12° С.

Быстрота ея теченія около 5 арш. въ секунду.

Метеорологическій журналъ.

Мѣсто.	Число.		Ч а с ъ.	Термометръ по С.	Анероидъ, приведенный въ ртутному барометру.	Вѣтеръ.		Облачность.			Высота мѣста.	Особыя замѣчанія.
	По старому стилю.	По новому стилю.				Направленіе.	С и л а.	Видъ облаковъ.	Количество.	Направленіе.		
Отъ Невинномысской стан. Рост.-Владикавк. желѣз. дор. до Бѣломечетской станицы.	Июн. 22	Июль 4	7	—	790	—	—	—	—	—	1078ф.	Станція Невинномысская желѣзной дороги и станція расположены на берегу Кубани, въ мѣстности безлѣсной и холмистой. Въ 9 ч. вечера мы проходили черезъ высокую гору (20 вер. отъ Невинномысской).
			1	30,3	727,3	NE	4	Cu	3	NW		
			9	22	708,5	NE	3	Cu	3	—		
	23	5	7	21,4	726,9	SE	3	C	5	SW	Часовъ въ 6 вечера пошелъ небольшой дождь. Ночью—сильный дождь и гроза.	
			1	27	724,1	SE	3	Cu	7	SE		
			3	20	725,4	SE	1	N	10	—		
Отъ станцы Бѣломечетской до Баталпашинска.	24	6	7	17	724,7	S	2	Cu S	9	S	1310 Бѣломечетская.	Въ 7 час. веч. проливной дождь (подъ Баталпашинскомъ).
			1	25,8	715,8	S	1	Cu	9	S		
			9	19,2	716	SE	2	Cu S	9	S		
Баталпашинскъ.	25	7	7	—	715	—	0	Cu S	9	—	1650 Баталпашинскъ.	Подъ Баталпашинскомъ хлѣба страдаютъ отъ вѣтровъ (N и NE) и захвата (помхи). Въ 10 час. вечера грозовая туча облегла все небо.
			1	26,1	—	—	0	Cu S	7	—		
			9	19	713,5	—	0	Cu S	3	S		

Мѣсто.	Число.			Термометръ по С.	Анероидъ, приве- денный къ ртут- ному барометру.	Вѣтръ.	Облачность.				Высота мѣста.	Особыя замѣчанія.
	По старому стилю.	По новому стилю.	Ч а с ъ.				Направленіе.	С и л а.	Видъ обла- ковъ.	Количество.		
Отъ Батал- пашинска до Хумары.	26	8	7	22,3	713,2	NW	5	<i>Cu</i>	6	<i>S</i>		Отъ ст. Невинно- мисской до ст. Усть- Джегутинской мѣст- ность ровная За стан. Усть - Джегу- тинской дорога жи- вописная; особенно красивыя мѣста близъ горы Учькуль- ки (Мышиная тропа). Въ 6 час. вечера проливной дождь не- портилъ дорогу.
			1	25	704,7	<i>N</i>	3	<i>Cu S</i>	7	<i>N</i>		
			9	16,5	700,3	—	0	<i>C</i>	1	—		
	27	9	7	17,7	699,1	NW	2	<i>O</i>	0	<i>O</i>		Ночевали у мине- рального источника въ 4-хъ верстахъ пе- редъ ст. Красногор- ской. Поздно вечеромъ пришли въ Хумару.
			1	29	688,7	<i>SE</i>	3	<i>C</i>	2	—		
			9	18	688	—	—	—	—	—		
Хумарин- ское укрѣ- пленіе.	28	10	7	16,3	688	<i>SW</i>	1	<i>O</i>	0	<i>O</i>	2600	Хумаринское ук- рѣпленіе располо- жено на правомъ бе- регу Кубани. На гѣ- вомъ поднимается гора Шоана, на ко- торой находится древній храмъ. На- чинаются сплошныя лѣса.
			1	24,4	686,9	<i>SW</i>	3	<i>Cu S</i>	3	<i>SW</i>		
			9	24	—	—	—	—	8	—		
Отъ Хумары до Сентин- скаго мона- стыря.	29	11	7	20,1	693	—	—	<i>CCu</i>	9	<i>W</i>	3290 Ауль Сентн.	Пройдя версты двѣ отъ Хумары, мы вошли въ долину р. Тебер- ды, притока Кубани. Вечеромъ пришли въ Сентинскій жен- скій монастырь.
			1	24,6	680,8	<i>NE</i>	2	<i>Cu</i>	5	<i>SE</i>		
			9	23	671	<i>NE</i>	1	<i>Cu</i>	5	—		

Мѣсто.	Число.		Термометръ по С.	Анероидъ, приве- денный къ ртут- ному барометру.	Вѣтеръ.		Облачность.			Высота мѣста.	Особыя замѣчанія.	
	По старому стилю.	По новому стилю.			Ч а с ь.	Направленіе.	С и л а.	Видъ обла- ковъ.	Количество.			Направленіе.
Сенты, мо- настырь.	30	12	7 19,3	686,5	—	—	<i>C</i>	<i>Cu</i>	2	<i>NE</i>	3480 Мона- стырь Сенты.	Сентинскій жен- скій монастырь рас- положенъ на склонахъ возвышеннаго лѣва- го берега р. Теберды, у подножія вы- сокой горы, на вершинѣ которой находится древній храмъ
			1 23	667,9	<i>N</i>	3	<i>Cu</i>	<i>S</i>	7	<i>SE</i>		
			9 19,3	—	<i>NE</i>	3	<i>Cu</i>	<i>S</i>	10	<i>S</i>		
1-го Юля	13	7 16,4	668,1	<i>NE</i>	2	$\frac{C}{Cu}$	5	<i>N</i>	Утромъ небольшой туманъ.			
		1 25	668,2	<i>N</i>	3	<i>Cu</i>	6	<i>N</i>				
		9 16,1	667,2	<i>SE</i>	1	<i>C</i>	3	<i>NE</i>				
	2	14 7 17,3	667	<i>SE</i>	2	<i>Cu</i>	3	<i>NW</i>	Въ 6 часовъ веч. поднялся сильный вѣтеръ и пошелъ дождь. Въ 7 часовъ веч. радуга.			
		1 21,8	665,3	<i>N</i>	4	<i>C</i>	<i>Cu</i>	4		<i>N</i>		
		9 14,8	667,8	<i>N</i>	4	<i>C</i>	2	—				
Отъ Сентин- скаго мона- стыря до дачи Кузов- лева.	3	15 7 16,2	678,4	<i>SW</i>	2	—	—	—	Очень красивая до- рога. Вечеромъ дошли до Джемагата, притока рѣки Теберды, на берегу которой п зачевали.			
		1 21,4	665	<i>NE</i>	3	<i>C</i>	<i>Cu</i>	2		<i>NE</i>		
		9 16	650,2	—	—	<i>Cu</i>	<i>S</i>	3		<i>E</i>		
Отъ дачи Кузовлева до Клухор- скаго пере- вала.	4	16 7 14	649,3	<i>S</i>	—	<i>O</i>	0	<i>O</i>	4200 Дача Клухор- скаго пере- вала.	Утро было очень холодное (7 град. С.). Путь лежалъ че- резъ пихтовый лѣсъ; впередѣ снѣговья вершины главнаго хребта.		
		1 27,8	643	<i>N</i>	2	<i>C</i>	2	<i>NNE</i>				
		9 14,2	642,1	—	—	—	—	—				

Мѣсто.	Число.		Термометръ по С.	Анероидъ, приве- денный къ ртут- ному барометру.	Вѣтеръ.		Облачность.			Высота мѣста.	Особыя замѣчанія.
	По старому стилю.	По новому стилю.			Ч а с ъ.	Направленіе.	С и л а.	Видъ обла- ковъ.	Количество.		
	5	17	7 12,6 1 17 9 15	641,5 617,6 599,5	0 — —	0 — —	Си N N	2 10 10	NNE E SE		Мѣстность Кунач- кирь (верхнее тече- ніе р. Теберды).
Конторка.	6	18	7 3,6 1 15,8 9 14	599,1 533,2 600,1	0 0 0	0 0 0	N N N	10 10 10	N NE —	6400 Контор- ка. 3300 Тебер- дынское озеро.	Въ 1 часть дня на берегу Тебердын- скаго озера.
Отъ Клухор- скаго пере- вала до да- чи Кузов- лева.	7	19	7 13,2 1 16,4 9 12	610,5 644,2 654	0 0 —	0 0 0	N N C	10 10 3	SE SE SE		Почти весь день шелъ дождь.
Отъ дачи Кузовлева до Учъку- лана.	8	20	7 12,4 1 23,4 9 14	— 652 650,1	— N —	— 3 —	— Си —	— 2 —	— S —		
	9	21	7 13,4 1 23 9 —	651,4 615,3 —	0 NE —	0 2 —	C C Си —	1 2 —	NNW N —	5760 Минер- альный источ- никъ. 8900	Въ 4 часа подъ ис- точникомъ кислой воды. Повдно вечеромъ дошли до перевала Ипчикъ, гдѣ и запо- чевали.
	10	22	7 13 1 22 9 14	611,3 611,5 650,9	0 S —	0 3 —	O Си —	0 2 —	O N S	6000 Ауль Доутъ 8160 Пере- валъ Доутъ.	Ауль-Доутъ.

Мѣсто.	Число.		Ч а с ъ.	Термометръ по С.	Анероидъ, приве- денный къ ртут- ному барометру.	Вѣтеръ.		Облачность.			Высота мѣста.	Особыя замѣчанія.
	По старому стилю.	По новому стилю.				Направленіе.	С и л а.	Видъ обла- ковъ.	Колличество.	Направленіе.		
Учькуланъ.	11	23	7	—	650,1	—	3	<i>Си</i>	2	—	4900 Учьку- ланъ (школа).	
			1	25	648,5	<i>S</i>	4	<i>Си S</i>	4	<i>S</i>		
			9	16,6	650,4	<i>S</i>	6	<i>N</i>	10	—		
Отъ Учьку- лана до Эль- бруса ноть Эльбруса до Картъ- Джурта.	12	24	7	16,2	650,2	—	—	<i>Си С</i>	3	<i>NW</i>		У подножія Эль- бруса.
			1	23	664,8	<i>S</i>	2	<i>Си С</i>	3	<i>NW</i>		
			9	16	655,8	—	1	—	—	—		
Ауль Картъ Джурта.	13	25	7	18,4	657	—	—	<i>C</i>	5	<i>NNW</i>	4060 Ауль Картъ- Джурта.	
			1	27	—	<i>S</i>	3	<i>C Си</i>	8	<i>NW</i>		
			9	16	656,8	—	—	<i>C</i>	7	$\frac{NNW}{S}$		
	14	26	7	18	657,2	—	—	<i>C Си</i>	6	<i>N</i>		
			1	26	662,4	<i>N</i>	3	<i>Си S</i>	7	<i>NNE</i>		
			9	20,6	657,5	—	2	<i>N</i>	8	<i>NNW</i>		
Отъ Картъ- Джурта до Кисловод- ска.	15	27	7	20	657,7	<i>S</i>	2	<i>C Си</i>	7	<i>NE</i>	7560 Пере- валъ Хурла.	Перевалъ Хурла и озеро Хурла-кель. Бечесмнъ.
			1	21	580,8	—	—	—	—	—		
			9	16	602,6	<i>E</i>	2	<i>Си S</i>	10	—		
	16	28	7	13,6	579,7	<i>E</i>	4	<i>N</i>	9	<i>NW</i>		Бечесмнъ и Берма- мтъ. Кисловодскъ.
			1	19,4	—	<i>NE</i>	3	<i>C Си</i>	8	<i>NW</i>		
			9	21	—	—	—	<i>C</i>	10	—		

2. Описание минералогической коллекции, собранной въ верховьях Кубани во время экскурсіи.

(Составл. С. И. Борчевскимъ).

1. *Глинистый мергель* сланцеватаго сложенія. Взять возлѣ станицы Бѣломечетской. Мѣстность около этой станицы сложена изъ глинистыхъ мергелей сланцеватаго и частью листоватаго сложенія (см. Барботъ-де-Марви).

2. *Грубый известнякъ*. Берегъ Кубани близъ Баталпашинска.

Недалеко отъ Баталпашинска породы переходятъ постепенно въ плотные известковистые мергели и глинистые известняки.

3. *Глинистый сланецъ*. Образецъ взять за Баталпашинскомъ.

Около Баталпашинска находится соленый источникъ, а также два озера, изъ которыхъ добывается глауберова соль.

4. *Известковый шпатъ*.

У горы Учъкульки, за ст. Усть-Джегутинской.

5. *Бусокъ кварца*. Берегъ Кубани близъ ст. Усть-Джегутинской.

За станицей Усть-Джегутинской находятся выходы мѣловой и частью юрской системы.

Вблизи станицы Усть-Джегутинской попадаются хорошій строительный известнякъ, гипсъ, алебастръ. Въ горѣ Учъкулькѣ находятъ горный хрусталь.

6. *Каменный уголь*, разновидность Бохгадь. Хумаринская копь Утякова.

7. *2 куска окаменелаго дерева*. Тамъ же.

Отъ Устья р. Теберды и приблизительно до ст. Красногорской мѣстность сложена, главнымъ образомъ, изъ угленосныхъ песчаниковъ и сѣрыхъ сланцеватыхъ мергелей юрской системы. Уголь залегаетъ тонкими пластами отъ 1 до 12 вершковъ толщины. На этомъ пространствѣ находится нѣсколько копей; нѣкоторыя существуютъ уже болѣе двадцати лѣтъ.

8. *Известковый мергель*. Хумара—Сенты.

9. *Слюдяный сланецъ съ зернами молочнаго кварца*. Берегъ Теберды близъ аула Сенты.

10. *Бурая сланцеватая глина*. Близъ аула Теберды.

11. *Гранитъ сѣрый*. Гуначь-кирь. (Теберда).

12. *Горьлый гранитъ*. Тамъ же.

13. *Сіенитъ*. Тамъ же.

Военно-сухумская дорога, ведущая по берегу верхняго теченія Теберды (мѣстность Гувачь-кирь) въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прорублена въ гранитныхъ скалахъ, гдѣ и были взяты образцы гранитовъ.

14. *Кусокъ кварца*; въ немъ вкрашенія чернаго турмалина или шерла.

15. *Мраморъ*. 4 куска разныхъ цвѣтовъ.

Отъ впаденія Джемагата тянется кряжъ на Доуть, длиною около 20 верстъ. Въ этомъ хребтѣ въ долині р. Теберды, не доѣзжая съ версту до Джемагата, праваго притока Теберды, добываютъ мраморъ и алебастръ. Мѣстность носитъ названіе у карачаевцевъ Кара-су; тамъ бьетъ родникъ чудной воды, которая посредствомъ водопровода проведена до аула Теберды для орошенія полей. Вышеупомянутый кряжъ другимъ концомъ упирается въ долину р. Доуть. По словамъ карачаевцевъ, весь почти хребетъ состоитъ изъ мрамора; у самаго

аула Доуть добывается мраморъ сѣрый, бѣлый съ различными прожилками: зелеными, розовыми и пр. Правда, мраморъ крупнозернистый, невысокаго качества, но можно надѣяться, что если взорвать наружные слои, то могутъ попасться и залежи болѣе цѣннаго мрамора.

16. *Алебастръ*, 2 куска.

Въ этомъ же хребтѣ близъ аула Доуть.

17. *Молочный кварцъ*. Близъ аула Доуть.

18. *Красный желѣзнякъ*. Ауль Картъ-Джуртъ.

19. *Бѣлая глина* Ауль Учькулань.

20. *Гранитъ темносѣрый*. Ауль Учькулань.

21. *Хлоритовый сланецъ*. Берегъ Кубани близъ Худесскаго рудника.

22. *Слюдяной сланецъ*. Тамъ же.

Въ мѣстности, расположенной по верхнему теченію Кубани, развиты кристаллическіе сланцы; встрѣчается фельзитъ-порфиръ. При впаденіи р. Худеса въ Кубань находятся свинцово-серебряные рудники, гдѣ и были взяты образцы свинцово-серебряной и цинковой рудъ.

23. *Серебро-свинцовая руда*. 2 куска. Худесскій рудникъ.

24. *Серебро-свинцовая руда* съ вкрапленіями мѣдной. Худесь.

25. *Серебро-свинцовая руда* въ фельзитъ-порфирѣ. Худесь.

26. *Цинковая руда*. Худесь.

29. *Порфиръ*. Верхнее теченіе Кубани.

30. *Трахитъ*. Въ 2 верстахъ отъ подножія Эльбруса. Ущелье Битюкъ-тюбе-су.

31. *Обсидіанъ*. Тамъ же.

32. *Яшма* 2 куска. Близъ Худеса.

Примѣчаніе: Коллекція находится при обществѣ любителей изученія Кубанской области.

3. Описаніе минеральныхъ источниковъ, встрѣченныхъ экскурсантами.

(Составл. С. И. Борчевскимъ).

1. *Соленый источникъ*. Близъ Баталпашивска.

2. *Желѣзисто-углекислый*. Не доходя 4-хъ верстъ до ст. Красногорской, саженьяхъ въ 5—6 отъ дороги. Температура 12° С. Вокругъ источника и на днѣ его черная грязь (сѣрнистое желѣзо); пузырьки углекислоты поднимаются отъ времени до времени. Источникъ наполняется быстро. Тамъ же невдалекѣ, по словамъ старожилонъ, есть еще два такихъ же источника посильнѣе.

3. *Соленый источникъ*. На берегу р. Теберды между долиною Джингерикъ и Сенты, недалеко отъ сторожки.

4. *Желѣзный источникъ*. На лѣвомъ берегу р. Джемата, прит. р. Теберды, съ большимъ содержаніемъ углекислоты. Источникъ находится въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ берега Джемата, и вода его стекаетъ въ эту рѣчку, оставляя послѣ себя слѣдъ изъ оранжевой грязи (окись желѣза). Температура 5°,6 С. Говорили, что вблизи есть еще два источника.

5. По разсказамъ карачаевцевъ, источникъ „*кислая вода*“ есть у перевала Джелкъ-аушъ (подъ ледникомъ) въ верховьяхъ Джемата.

6. *Желѣзисто-углекислый*. Два источника въ 3-хъ верстахъ отъ аула Доуть и 50 саженьяхъ отъ берега р. Доуть.

7. Въ мѣстности „Джазлы“ былъ говорить *кислый* источникъ, но заваленъ.

8. 5 источниковъ желѣзисто-углекислыхъ и др. встрѣчается по дорогѣ къ Эльбрусу въ ущельѣ *Витюкъ-тюбе-су*. Минеральные источники встрѣчаются и по Уллу-каму.

4. Жуки и бабочки, собранныя Владимиромъ Телѣгой,

воспитанникомъ 7-го класса Екатериновдарской гимназін, во время ученической экскурсіи въ Карачай, лѣтомъ 1898 года.

Ж У К И.

№№	Названіе.	Мѣсто находенія.	Время находенія.	Погода.
1	<i>Cicindella hybrida.</i>	Кувовлева дача.	На 7 іюля 1898 г.	Пасмурно.
2	<i>Cicindella hybrida.</i>	Близъ Сентинскаго женскаго монастыря. На пескѣ.	29 іюня 11 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
3	<i>Carabus hortensis.</i>	Близъ Сентинскаго женскаго монастыря. Подъ камнями, у подошвы горы; на южномъ склонѣ.	29 іюня 11 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
4	<i>Calosoma sycophanta.</i>	Близъ Сентинскаго женскаго монастыря. У подошвы горы, на южномъ склонѣ.	29 іюня 11 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
5	<i>Silpha atrata.</i>	На берегу рѣки Джамгата. На трутѣ змѣи.	9 іюля 5 ч. веч. 1898 г.	Солнечно.
6	<i>Necrophorus germanus.</i> (3 экз.)	На берегу рѣки Джамгата. На трутѣ змѣи.	9 іюля 5 ч. веч. 1898 г.	Солнечно.
7	<i>Шефферовъ сизифъ.</i> (2 экз.)	Въ 19 в. отъ ст. Невинномысской. Поля въ по дорогѣ.	23 іюня 11 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
8	<i>Melolontha fullo.</i>	Сентинскій женск. монастырь. Пойманъ близъ палатен.	29 іюня 7 ч. веч. 1898 г.	Вѣтерокъ маленький.
9	<i>Rhisotrogus solstitialis.</i> (2 экз.)	Сентинскій женск. монастырь. Пойманъ близъ палатен.	29 іюня 7 ч. веч. 1898 г.	Маленькій и теплый вѣтерокъ.
10	<i>Geotrope stercorarius.</i>	Въ 19 в. отъ ст. Невинномысской. Поля въ по дорогѣ.	23 іюня 11 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
11	<i>Cetonia aurata.</i> (2 экз.)	Въ 19 в. отъ ст. Невинномысской. На цвѣтахъ <i>Carduus.</i>	23 іюня 12 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
12	<i>Cetonia aurata.</i>	Близъ Баталпапінска. На цвѣтахъ <i>Carduus.</i>	24 іюня 12 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
13	<i>Blaps Mortisaga.</i>	Урочище Учъкулька. Подъ камнями.	27 іюня 9 ч. утра 1898 г.	Пасмурно.
14	<i>Gina populi.</i> (2 экз.)	Сентинскій женск. монастырь.	2 іюля 5 ч. веч. 1898 г.	Солнечно и вѣтеръ.

№	Название.	Мѣсто нахождения.	Время нахождения.	Погода.
15	<i>Syromastes marginatus</i> (2 экз.)	Кузовлева дача. На травѣ.	На 7 іюня 1898 г.	Пасмурно.
16	<i>Pocilonota rutilans.</i>	Кондратьева дача. На лету.	На 4 іюля 3 ч. вѣч. 1898 г.	Солнечно.
17	<i>Athous hirtus.</i> (2 экз.)	Въ 20 в. отъ Клухорскаго перевала. На двѣтахъ.	На 5 іюля 1898 г.	Солнечно.
18	<i>Lampyrus splendidulla</i> (2 экз.)	Сентинскій женск. монастырь.	На 30 іюня 3 ч. дня 1898 г.	Солнечно и вѣтеръ.
19	<i>Telephorus fuscus.</i> (2 экз.)	Близъ Баталпашинска. На двѣтахъ <i>Carduus.</i>	На 24 іюня 12 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
20	<i>Telephorus obscurus.</i>	Георгиевскій Осетинскій поселокъ. Близъ р. Хумары.	На 28 іюня 4 ч. вѣч. 1898 г.	Пасмурно и вѣтеръ.
21	<i>Telephorus obscurus.</i>	Близъ Баталпашинска.	На 24 іюня 12 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
22	<i>Clytus arquatus.</i> (2 экз.)	Близъ Баталпашинска.	На 24 іюня 12 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
23	<i>Toxotus meridianus.</i>	Кузовлева дача.	На 8 іюня 12 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
24	<i>Toxotus meridianus.</i>	На берегу р. Джамата.	На 10 іюля 5 ч. вѣч. 1898 г.	Солнечно.
25	<i>Aelia acuminata.</i> (2 экз.)	Кузовлева дача.	На 7 іюля 1898 г.	Пасмурно.
26	<i>Eurygaster maurus.</i>	} Кузовлева дача.	На 7 іюля 1898 г.	Пасмурно.
27	<i>Pentatoma rufipes.</i>			
28	(2 экз.)			
29	<i>Acenthosoma dentatum.</i>	Сентинскій женск. монастырь.	На 30 іюня 3 ч. дня 1898 г.	Солнечно и вѣтеръ.
30	<i>Verlusia rhombica.</i>	Сентинскій женск. монастырь.	На 30 іюня 3 ч. дня 1898 г.	Солнечно и вѣтеръ.
31	<i>Berutus tipularius.</i> (2 экз.)	Сентинскій женск. монастырь.	На 30 іюня 3 ч. дня 1898 г.	Солнечно и вѣтеръ.
32	<i>Trichius fasciatus.</i> (3 экз.)	Сентинскій женск. монастырь.	На 2 іюня 11 ч. дня 1898 г.	Солнечно и вѣтеръ.
33	<i>Lixus paraplecticus.</i> (2 экз.)	Георгиевск. Осетинск. пос. Близъ р. Хумары.	На 28 іюня 4 ч. вѣч. 1898 г.	Пасмурно и вѣтеръ.
34	<i>Helodes phellandrii.</i> (2 экз.)	} Близъ Баталпашинска. На двѣтахъ <i>Carduus.</i>	На 24 іюня 12 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
35	<i>Anthonomus pyri.</i> (2 экз.)			
36	<i>Cerambyx cerdo.</i> (2 экз.)	} На берегу р. Кубани. Близъ ст. Невинномысской.	На 22 іюня 5 ч. вѣч. 1898 г.	Солнечно.
37	<i>Dorcadion fuliginator.</i> (2 экз.)			
38	<i>Lethrus cephalotes.</i>	} Сентинскій женскій монастырь.	На 30 іюня 3 ч. дня 1898 г.	Солнечно и вѣтеръ.
39	<i>Anisoplia fructicula.</i> (2 экз.)			
40	<i>Phyllopertha horticola.</i> (3 экз.)	Близъ Баталпашинска.	На 24 іюня 12 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
41	<i>Silpha obscura.</i> (2 экз.)	Мѣстечко Учъкулька.	На 27 іюня 5 ч. вѣч. 1898 г.	Пасмурно.
42	<i>Zabrus gibbus.</i> (2 экз.)	Въ 19 в. отъ ст. Невинномысской.	На 23 іюня 12 ч. дня 1898 г.	Облачно.

Б А В О Ч К И.

№№	Названіе.	Мѣсто находенія.	Время находенія.	Погода.
1	<i>Melitea Cinzia.</i>	Близъ Баталпашинска. На двѣтахъ <i>Carduus.</i>	24 іюня 12 ч. дня	Солнечно.
2	<i>Lycaena Semiargus.</i> (2 экз.)	За Сентинскимъ монастыремъ.	3 іюля 11 ч. дня	Солнечно.
3	<i>Lycaena Coelestina.</i> (2 экз.)	За Сентинскимъ монастыремъ.	3 іюля 11 ч. дня	Солнечно.
4	<i>Hesperia Lineola.</i>	Близъ Сентинскаго монастыря.	29 іюня 11 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
5	<i>Syrichthus Carthami.</i> (2 экз.)	Кузовлева дача.	7 іюля.	Пасмурно.
6	<i>Cyclopides Morpheus.</i>	Сентинскій монастырь.	1 іюля 10 ч. утра.	Солнечно и вѣтеръ.
7	<i>Lycaena Arion.</i>			
8	<i>Erebia Ligea.</i>			
9	<i>Polyommatus Dispar.</i>			
10	<i>Melitea Didyma.</i> (2 экз.)			
11	<i>Lycaena Hylas</i>	На берегу рѣки Джематъ.	9 іюля 5 ч. веч.	Солнечно.
12	<i>Lycaena Icarus.</i> (2 экз.)			
13	<i>Argynnis Dia.</i>			
14	<i>Pieris Daphidice.</i>	Въ 19 в. отъ ст. Винномысской.	23 іюня 11 ч. дня	Солнечно.
15	<i>Hesperia Comma.</i> (2 экз.)			
16	<i>Colias Hyale.</i> (2 экз.)			
17	<i>Colias Edusa.</i>			
18	<i>Colias Hyale.</i>			
19	<i>Colias Chrysathemae.</i>	Кузовлева дача.	8 іюля 2 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
20	<i>Papilio Machaon.</i>			
21	<i>Polyommatus Thersamon.</i>			
22	<i>Erebia Ligea</i>			
23	<i>Spilothyrus Alcaeae.</i>			
24	<i>Melitea Ncera.</i>	Близъ Сентинскаго монастыря.	29 іюня 11 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
25	<i>Melitea Didyma.</i>			
26	<i>Melitea Cinzia.</i>			
27	<i>Melitea Phoebe.</i>			
28	<i>Lycaena Coelestina.</i>			
29	<i>Satyrus Dryas.</i>	Въ 19 в. отъ ст. Винномысской.	23 іюня 11 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
30	<i>Rhodocera Rhamni.</i> (2 экз.)			
31	<i>Argynnis Pandora.</i>			
32	<i>Argynnis Daphne.</i>			
33	<i>Melitea Ncera.</i> (2 экз.)			
34	<i>Melitea Phoebe.</i>	Картъ-джуртъ.	15 іюня 4 ч. веч. 1898 г.	Солнечно.
35	<i>Melitea Arduinna.</i> (2 экз.)			
36	<i>Melitea Aphirape.</i>			

№№	Название	Место нахождения.	Время нахождения.	Погода.
37	<i>Colias Palacno.</i>	Близъ Баталпашин-ска.	24 юня 11 ч. дня	Солнечно.
38	<i>Colias Erate.</i>			
39	<i>Colias Myrmidone.</i>			
40	<i>Fidonia Clathrata.</i>			
41	<i>Colias Edusa.</i>			
42	<i>Colias Myrmidone.</i>	Баталпашинскъ.	24 юня 12 ч. дня	Солнечно.
43	<i>Colias Phicomone.</i>			
44	<i>Hesperia Sylvanus.</i>	Кувовлева дача.	8 юля 2 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
45	<i>Satyrus Dryas.</i> (2 экз.)			
46	<i>Acontia Lucida.</i>			
47	<i>Leucoma Salicis.</i> (2 экз.)	Картъ-джуртъ.	15 юля 3 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
48	<i>Lithosia Lurideola.</i>			
49	<i>Emydia Striata.</i>			
50	<i>Geometra Vernaria.</i>			
51	<i>Plusia Gamma.</i>	Учкюлька (урочище).	27 юня 9 ч. утра	Солнечно.
52	<i>Tapinostola Musculosa.</i>			
53	<i>Bombyx Neustria.</i> (2 экз.)			
54	<i>Cleogene Niveata.</i>	Георгиевскій Осетинскій поселокъ.	27 юня 10 ч. утра	Солнечно.
55	<i>Ortholitha Limitata.</i> (2 экз.)			
56	<i>Mamestra Oleracea.</i>			
57	<i>Acronycta Auricoma.</i>			
58	<i>Agrotis Saucia.</i>	Георгиевскій Осетинскій поселокъ.	27 юня 4 ч. веч.	Пасмурно.
59	<i>Curculia Verbasci.</i>			
60	<i>Agrotis Upsilon.</i>	Сентинскій монастырь.	30 юня 10 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
61	<i>Agrotis Lycarum.</i>			
62	<i>Agrotis Obelisca.</i>			
63	<i>Saturnia Carpini.</i>			
64	<i>Cerura Erminea.</i>	Близъ Сентинскаго монастыря.	29 юня 11 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
65	<i>Catocola Sponsa.</i>			
66	<i>Plusia Triplasia.</i>			
67	<i>Brephos Puella.</i>			
68	<i>Lasiocampa Quercifolia.</i> (4 экз.)	За Сентинскимъ монастыремъ.	3 юля 11 ч. дня	Солнечно.
69	<i>Papilio Podalirius.</i>			
70	<i>Papilio Podalirius.</i>	Кондратьева дача.	4 юля 9 ч. утра	Солнечно.
71	<i>Vanessa Cardui.</i>			
72	<i>Smcrinthus Populi.</i>			
73	<i>Ocneria Dispar.</i>	За дачей Кондратьева.	4 юля 4 ч. веч.	Солнечно.
74	<i>Acronycta Cuspis.</i>			
75	<i>Lycæna Bellargus.</i> (2 экз.)			
76	<i>Zygaena Confuens.</i> (2 экз.)			

№№	Названіе	Мѣсто находенія.	Время пахожденія.	Погода.
77	<i>Zugaena Lonicerae.</i>	} На берегу Джема- гата.	9 іюля 9 ч. утра	Солнечно.
78	<i>Lycaena Astrarche.</i>			
79	<i>Satyrnia Pavonia.</i>	Екатеринодаръ.	5 мая 9 ч. утра	Солнечно.
80	<i>Aporia Crataegi.</i> (2 экз.)	} Мѣстечко Учъкулька.	27 іюня 5 ч. веч.	Пасмурно.
81	<i>Pieris Brassicae.</i> (2 экз.)			
82	<i>Boarmia Secundaria.</i>			
83	<i>Agrotis Lucaruna.</i> (2 экз.)	Сентинскій мона- стырь.	29 іюня 7 ч. веч.	Слабый и тепл. вѣтеръ
84	<i>Pieris Rapae.</i> (2 экз.)	} Кузовлева дача.	8 іюля 12 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
85	<i>Melitea Didyma.</i> (3 экз.)			
86	<i>Argynnis Latonia.</i>	} Близъ Баталпашин- ска.	24 іюня 12 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
87	<i>Epinepscle Ianira.</i>			
88	<i>Erebia Aethiops.</i>			
89	<i>Melitea Auricha.</i>			
90	<i>Lycaena Argyrotozus.</i> (2 экз.)			
91	<i>Ino Pruni.</i>	} Георгіевскій Осетин- скій поселокъ.	28 іюня 4 ч. веч.	Пасмурно.
92	<i>Ino Tenuicornis.</i>			
93	<i>Syntomis Phegea.</i>			
94	<i>Zygaena Ptilosellae.</i>			
95	<i>Zygaena Achilleae.</i>			
96	<i>Zygaena Trifolii.</i> (2 экз.)	} Близъ Сентинскаго монастыря.	29 іюня 11 ч. дня	Солнечно.
97	<i>Zygaena Lonicerae.</i> (2 экз.)			
98	<i>Zygaena Ephialtes.</i> (3 экз.)			
99	<i>Zygaena Dorycnii.</i> (2 экз.)	Урочище Учъкулька.	27 іюня 9 ч. утра	Солнечно.

5. Растенія, собранныя Роландомъ Шиллингомъ,

воспитаникомъ 5-го класса Екатеринодарской гимназій, во время ученической экскурсіи въ Карачай, гдѣ томъ 1898 года.

- № 1. *Gallium verum.* (Найдено близъ Баталпашинска).
- № 2. *Statice tatarica.* (Близъ Баталпашинска).
- № 3. *Anthemis tinctoria.* (Близъ Баталпашинска).
- № 4. Изъ семейства Umbelliferae. (Найдено близъ аула Сенты).
- № 5. *Linaria genistaefolia.* (Найдено на Даутскомъ перевалѣ).
- № 6. *Orobanchae.* (Близъ Хумаръ).
- № 7. *Salvia partensis.* (Въ Хумарѣ).
- № 8. *Alchemilla vulgaris.* (Близъ Клухорскаго перевала).

- № 9. *Hypericum perforatum*. (Близъ Баталпашинска).
- № 10. Изъ сем. *Orchideae*. (Близъ Клухорскаго перевала).
- № 11. *Trifolium arvense*. (Близъ Баталпашинска).
- № 12. *Inula Britannica*. (Близъ Баталпашинска).
- № 13. *Polygonium Hydro Piper* (Близъ Картъ-Джурта).
- № 14. *Dianthus*. (Въ Хумарѣ).
- № 15. *Melilotus*. (На Даутскомъ перевалѣ).
- № 16. *Malva thurigiaca*. (Близъ Баталпашинска).
- № 17. *Althea ficifolia*. (Близъ Баталпашинска).
- № 18. *Rosa rubiginosa*. (На Учъкуланскомъ перевалѣ).
- № 19. Изъ сем. *Compositae*. (На Даутскомъ перевалѣ).
- № 20. *Achilea Millefolium*. (Близъ Баталпашинска).
- № 21. *Agrostemma githago*. (Въ Хумарѣ).
- № 22. *Sedum acre*. (При слияніи Учъкулана и Хурзука въ Кубань).
- № 23. *Gypsophylla paniculata*. (Близъ Баталпашинска).
- № 24. *Malva borealis*. (На Эльбрусѣ).
- № 25. *Dianthus*. (Близъ Теберды).
- № 26. *Chondrilla juncea*. (Въ Хумарѣ).
- № 27. Изъ сем. *Labiatae*. (Въ Хумарѣ).
- № 28. *Lathyrus*. (Въ Хумарѣ).
- № 29. Изъ сем. *Cruciferae*. (У подошвы Эльбруса).
- № 30. *Lamium*. (У подошвы Эльбруса).
- № 31. *Datura Stramonium*. (Близъ Баталпашинска).
- № 32. *Stipa Lessingiana*. (Близъ Хумары).
- № 33. Изъ сем. *Cruciferae*. (Близъ Хумары).
- № 34. *Anthericum ramosum*. (Близъ Хумары).
- № 35. *Lactuca muralis*. (Близъ Баталпашинска).
- № 36. *Cichorium Inthybus*. (Близъ Баталпашинска).
- № 37. *Digitalis*. (Близъ Клухорскаго перевала).
- № 38. *Onobrychis sativa*. (Близъ аула Сенты).
- № 39. *Medicago*. (Близъ Красногорска).
- № 40. Изъ сем. *Orchideae*. (Близъ Теберды).
- № 41. *Polygonium*. (Близъ Сенты).
- № 42. Изъ сем. *Cruciferae*. (Въ Хумарѣ).

13 апрѣля 1899 года

г. Екатеринодаръ.

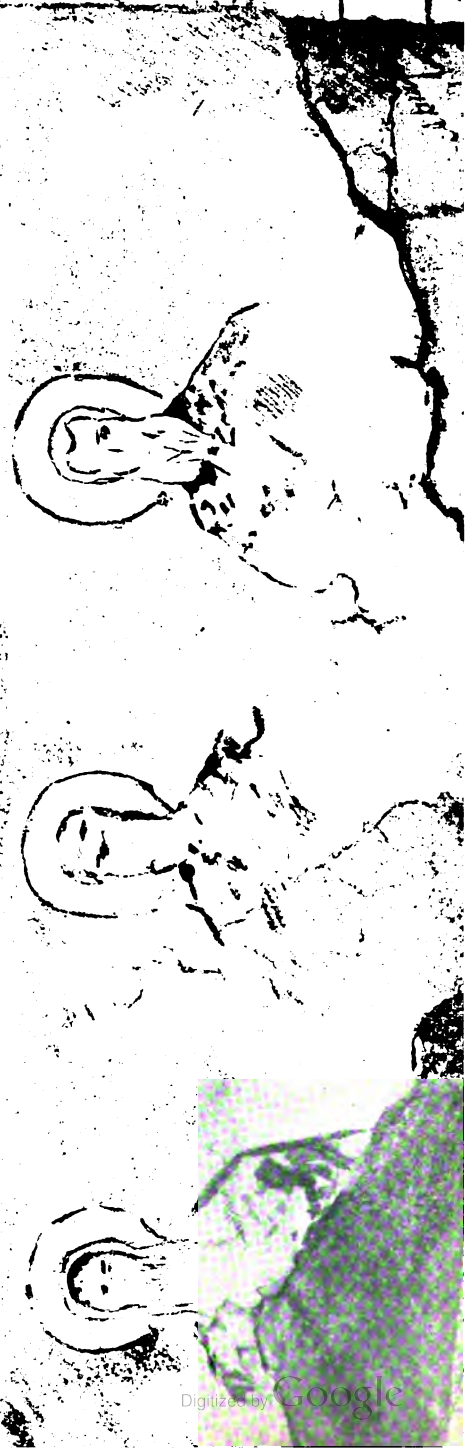
А. Н. Дьячковъ-Тарасовъ,

Учитель Екатеринодарской мужской
гимназiи.

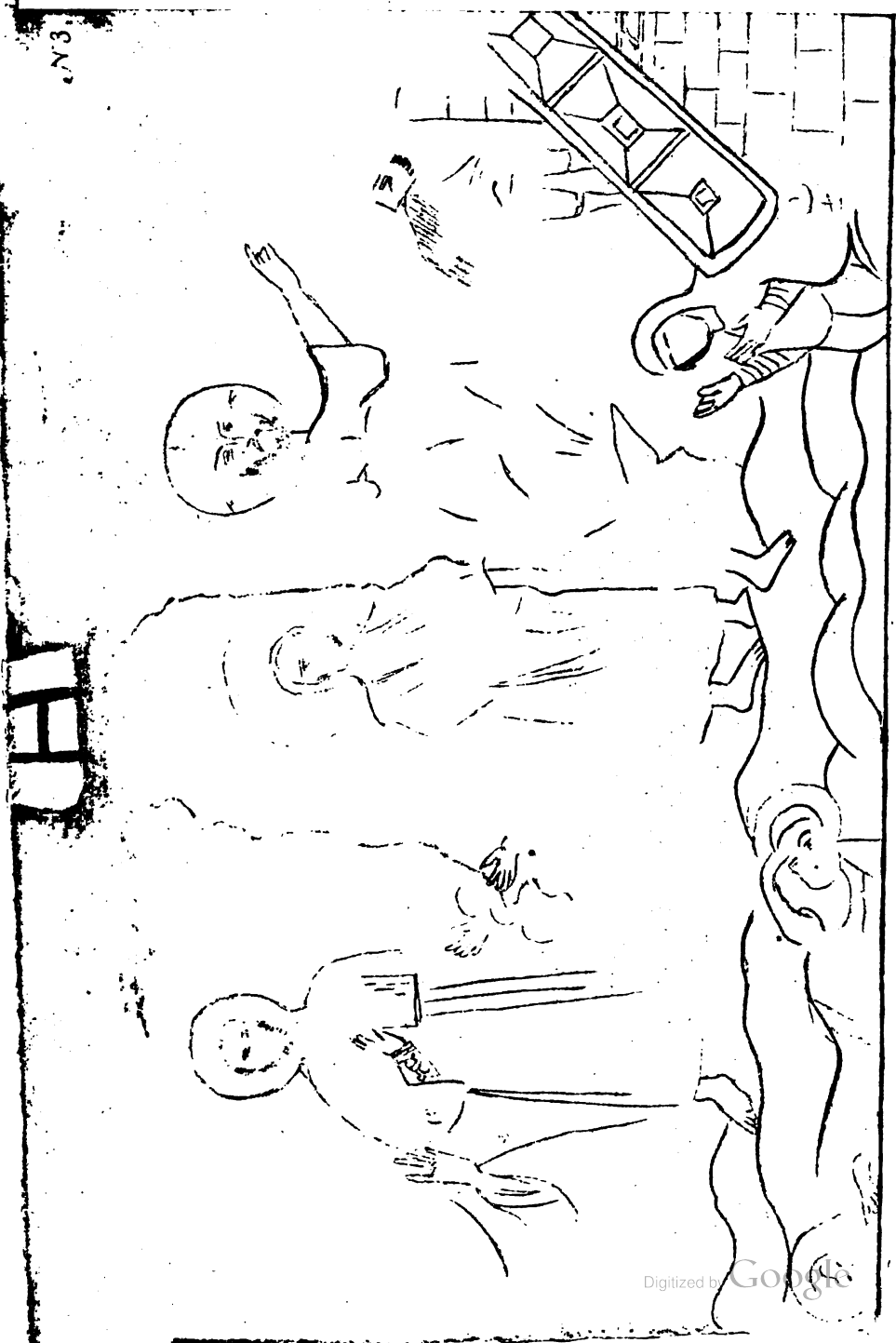

№ 1.—Южная стѣна при входѣ изъ притвора въ храмъ.

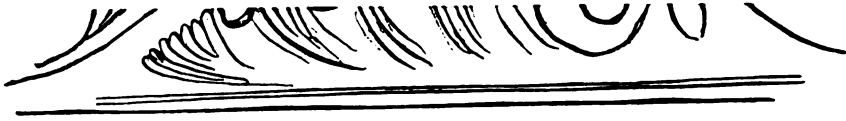
28

№ 3.

№ 3.—Южная стѣна (верхній ярусъ).

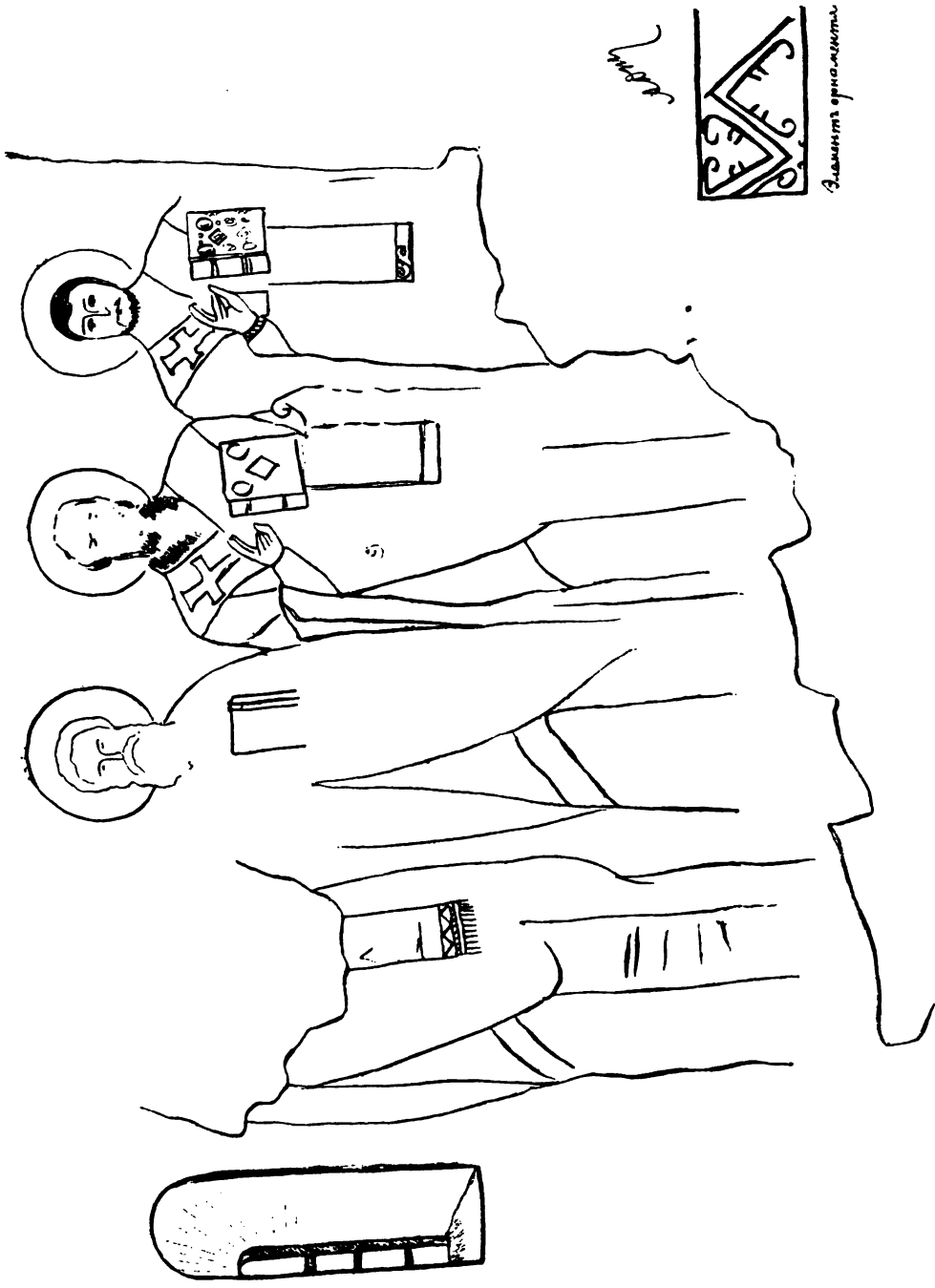
№ 17.—Орнаментъ, служащій гранью между верхнимъ и нижнимъ ярусами.

№ 4.—Изображеніе у южныхъ дверей (нижній ярусъ).

№ 5—6. Алтарь.—Правая сторона (нижний ярусъ).

№ 7.—Алтарь. Правая сторона.

№ 8.—Алтарь. Запрестольный образъ.

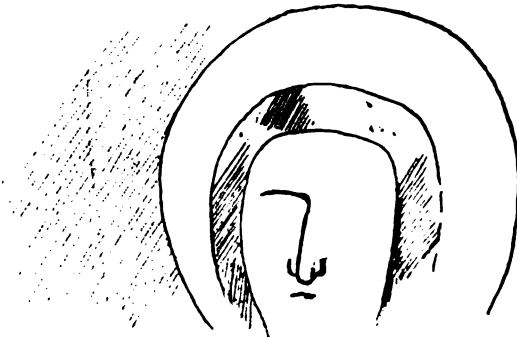
№ 10.—Алтарь. Съверная стѣна.

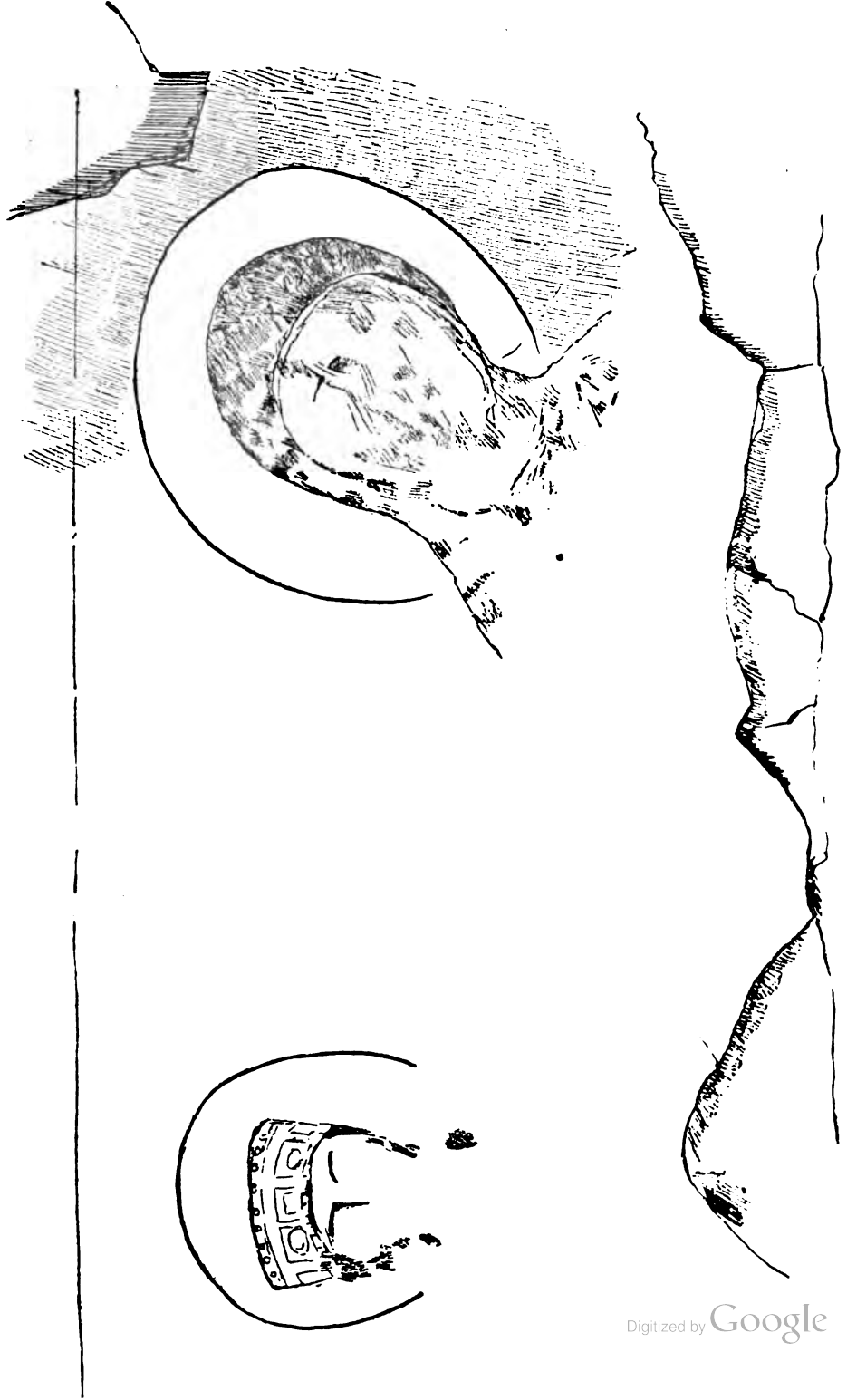
№ 11.—Алтарь. Съверная стѣна.

№ 9 —Алтарь. Съверная стѣна.

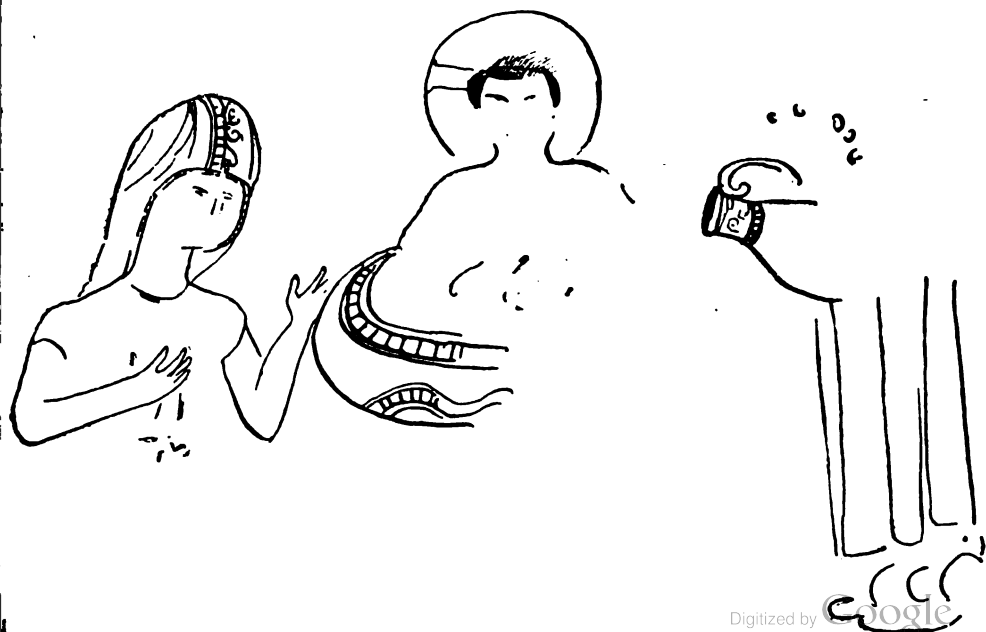
№ 12 — Алтарь. Дѣля западная сторона

№ 15.—Съверная стѣна при входѣ изъ притвора въ храмъ (нижній ярусъ).

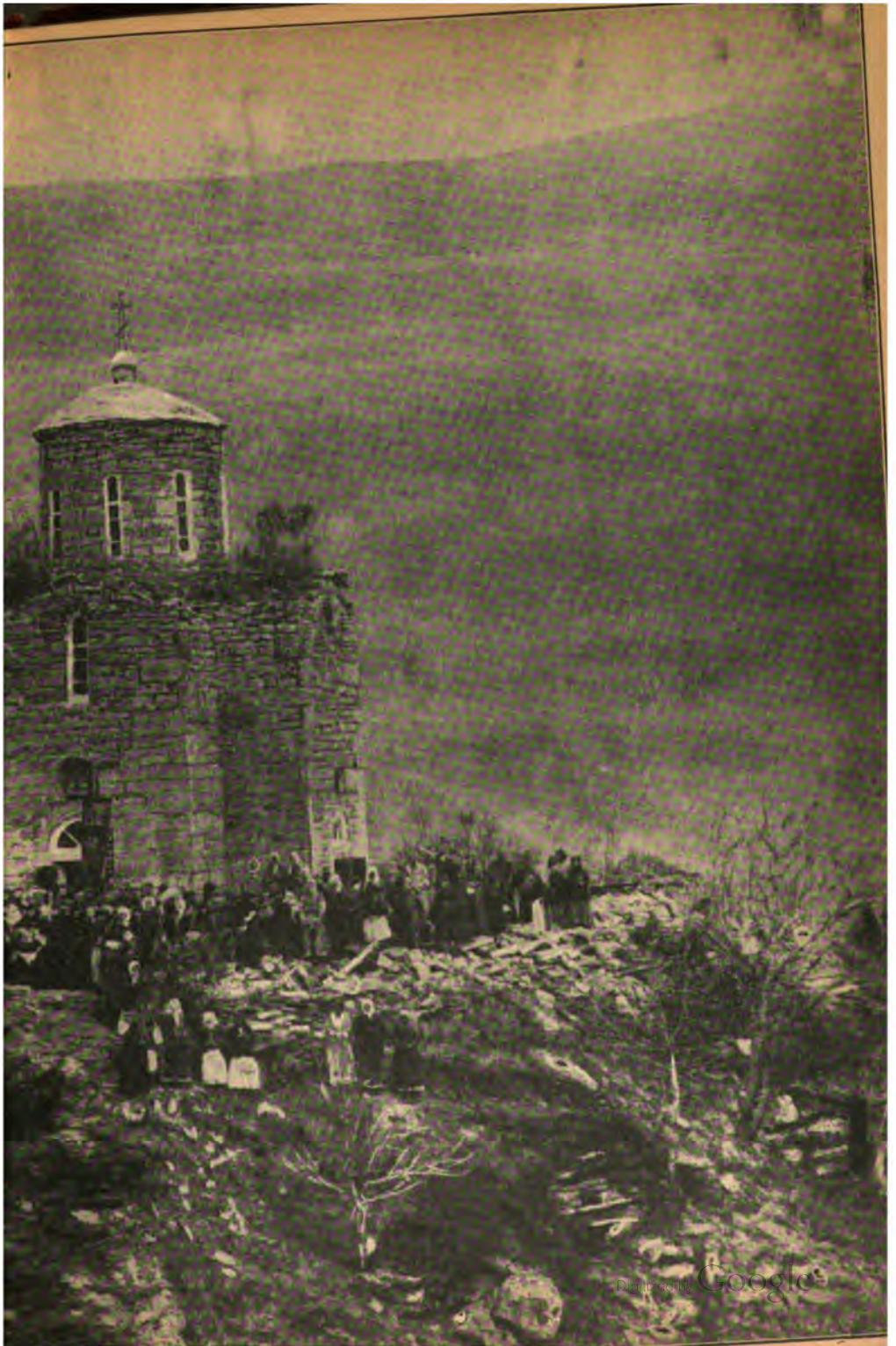

№ 16.—Западная стѣна надъ западною дверью.

№ 12.—Алтарь. Крайняя сѣверная сторона.

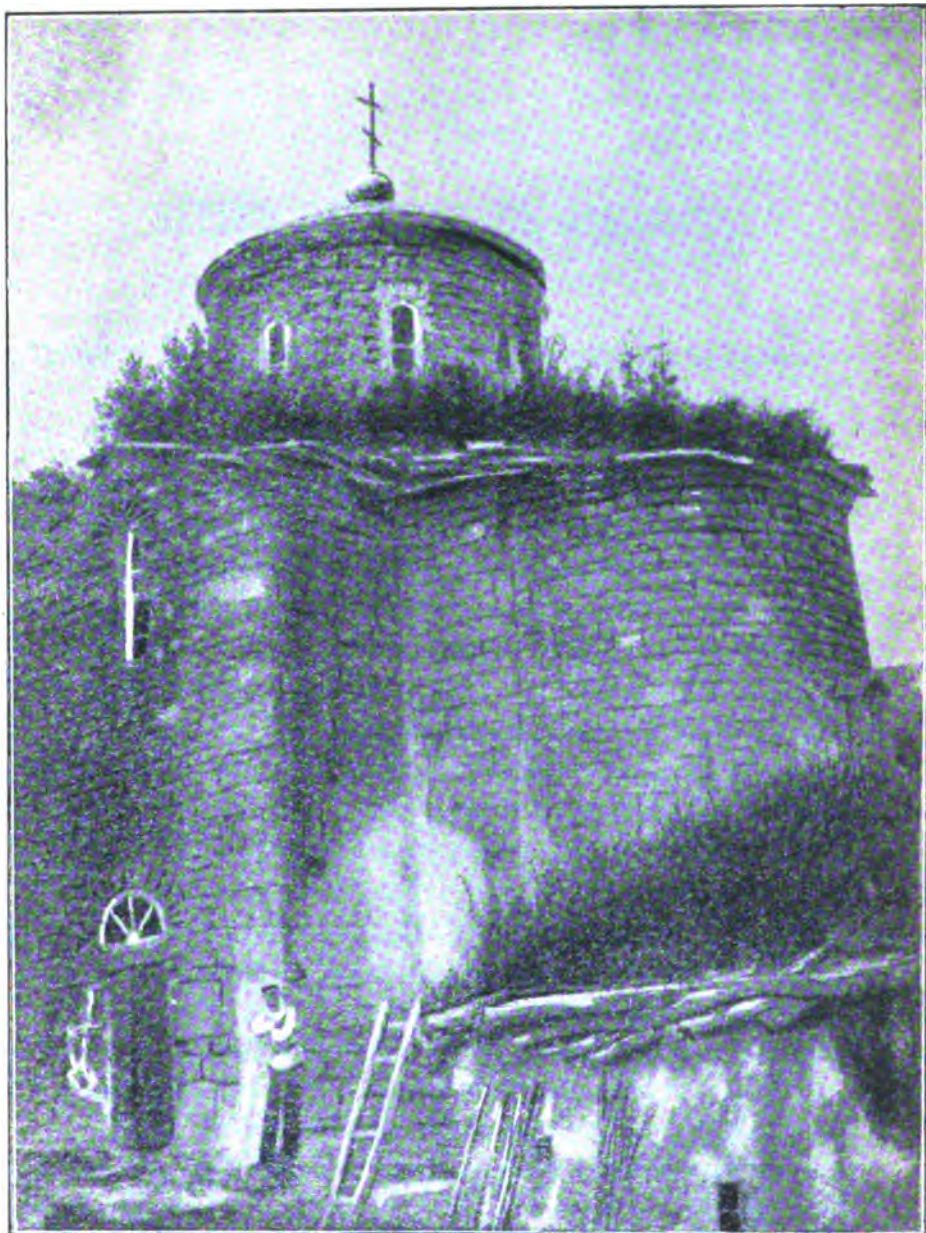

№ 20.—Сентинскій храмъ.
Видъ съ западной стороны.

№ 21.—Сентинекій храмъ.
Видъ съ юговосточной стороны.

ЧЕРЕЗЪ СВАНЕТІЮ КЪ ЗЛЬБРУСУ.

I.

Трудности пути въ Сванетію. Раздѣленіе Сванетіи. Приготовленія къ путешествію.

Тамъ, гдѣ Главный Кавказскій хребетъ достигаетъ наибольшей высоты и его ослѣпительно блистающія вершины гордо высятся надъ облаками, гдѣ сползаютъ огромные ледники, превращающіеся ниже въ могучія рѣки Ингуръ и Цхенисцхали, въ глубокихъ ущельяхъ, окруженная со всѣхъ сторонъ дикими неприступными горами, затерялась цѣлая страна, населенная особымъ племенемъ, оригинальная во всѣхъ отношеніяхъ,—страна мало извѣстная, въ продолженіе девяти мѣсяцевъ въ году оторванная отъ всего остального міра непроходимыми свѣгами. Страна эта называется Сванетію.

Немногіе туристы отваживались проникнуть въ этотъ мало доступный дикій уголокъ, и по ихъ отрывочнымъ рассказамъ можно составить себѣ слабое представленіе о своеобразныхъ красотахъ тамошней природы, передъ которыми меркнуть всѣ другія привилегированныя мѣста Кавказа, столь прославленные безчисленнымъ множествомъ туристовъ, не рѣшающихся свернуть въ сторону отъ почтового тракта.

Еще болѣе неизвѣстной представляется внутренняя жизнь обитателей этой горной мѣстности, рѣзко отличающихся отъ сосѣднихъ племенъ какъ по языку, такъ и по своимъ нравамъ и обычаямъ, и вообще стоящихъ особнякомъ среди прочихъ горцевъ Кавказа.

Въ виду этого я предлагаю читателямъ свои замѣтки, въ которыхъ я излагаю все, что мнѣ удалось отмѣтить во время недолгаго, но весьма труднаго путешествія по этой странѣ.

Но прежде чѣмъ приступить къ его описанію, я долженъ сказать нѣсколько словъ о самой Сванетіи.

Какъ я уже упомянулъ, этимъ именемъ называется страна, непосредственно примыкающая къ Главному Кавказскому хребту въ томъ мѣстѣ, гдѣ изъ его ледниковъ берутъ начало двѣ большія рѣки Закавказья—Ингуръ и Цхенисцхали.

Всѣ селенія Сванетіи располагаются по верхнему теченію двухъ этихъ рѣкъ.

Высокимъ Сванетскимъ хребтомъ, достигающимъ болѣе 12.000 ф. высоты и служащимъ водораздѣломъ между двумя вышеупомянутыми рѣками, страна эта дѣлится на двѣ части: 1) Сѣверную, которая, въ свою очередь, дѣлится небольшимъ контрфорсомъ Главнаго хребта на восточную и западную, и 2) южную или Дадіановскую Сванетію. Всѣ эти части имѣютъ между собою немного общаго, что объясняется отчасти географическими, отчасти историческими условіями. Дѣло въ томъ, что южная или Дадіановская Сванетія, расположенная по верхнему теченію рѣки Цхенисцхали, имѣетъ безпрепятственное сообщеніе съ долиной Ріона, издавна служившей наиболѣе культурнымъ мѣстомъ Закавказья. Управляемая своими князьями изъ фамиліи Дадіани, она раньше другихъ отдалась подъ покровительство Россіи и съ того времени сдѣлалась болѣе доступной.

Что же касается другой части Сванетіи, отдѣленной отъ остальнаго міра двумя высокими хребтами Кавказскихъ горъ, то она представляетъ изъ себя страну, въ которую можно проникнуть только въ теченіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ. Въ остальное время она является уголкомъ, совершенно недоступнымъ.

Большая половина ея, лежащая въ самомъ верхнемъ теченіи Ингура, составляетъ такъ называемую Вольную Сванетію, а небольшая часть, лежащая ниже по теченію рѣки, называется Дадишкеліановскою Сванетіей, по имени князей Дадишкеліани, издавна управлявшихъ ею.

Въ августѣ этого года мнѣ удалось посѣтить эту страну въ обществѣ четырехъ товарищей. Мы ограничили нашу компанію этимъ числомъ участниковъ въ виду того, что большее количество ихъ могло бы создать много затрудненій при путешествіи въ горахъ.

Рѣшено было отправиться по ущелью Ріона на сѣверъ и верстахъ въ 60 отъ Кутаиса перейти черезъ водораздѣлъ между Ріономъ и рѣкою Цхенись-цхали, продолжая путь по послѣдней вплоть до Сванетскаго хребта; далѣе пройти всю Сванетію, пересѣчь Главный Кавказскій хребетъ по одному изъ опаснѣйшихъ переваловъ, пробраться къ ледникамъ Эльбруса и возвратиться назадъ другою дорогою по ущелью р. Ингура.

Приготовленія къ путешествію были сложны. Надо было сдѣлать подходящіе костюмы и главное—обувь, годную для ходьбы въ горахъ. Кроме того, надо было запастись кош-ками, необходимой вещью при путешествіи по ледникамъ, спальными войлочными мѣшками, удобными сумками для помѣщенія своихъ вещей, которыя въ случаѣ надобности можно было бы нести на себѣ, бензинками и другими приспособленіями для варки пицци въ мѣстахъ безлѣсныхъ и множествомъ другихъ вещей. Не были забыты сухари и всевозможные консервы, которые были бы достаточно питательны и занимали бы мало мѣста.

Каждый избралъ себѣ какую-нибудь спеціальность. Одинъ заботился о собираніи растений, другой взялъ на себя трудъ вести метеорологическія наблюденія, я захватилъ фотографическій аппаратъ и винтовку; почти всѣ мы имѣли

при себѣ револьверы, такъ какъ раньше бывали въ горахъ и знали, что много случайностей ожидаетъ насъ впереди. Надо было быть готовыми ко всему.

II.

Выступление въ путь. Ріонское ущелье. Р. Ладжанура. Мѣстечко Цагеры. Ущелье р. Цхенпсѣ - цхали. Истребленіе лѣсовъ. Развалины моста. Дадіановская Сванетія и первое сванетское селеніе. Охотники за турами.

Наконецъ 5-го августа, утромъ, мы двинулись въ путь въ небольшой крытой линейкѣ; верстѣ на 60 дорога допускаетъ такой способъ передвиженія, а далѣе надо уже пробираться верхомъ.

Путь нашъ лежалъ по узкому ущелью Ріона. Послѣднее лишь изрѣдка расширяется, образуя долины, сплошь покрытыя посѣвами кукурузы, которые лѣплятся и по ея краямъ и на крутыхъ склонахъ, поднимающихся мѣстами подъ угломъ около 50°, такъ что при уборкѣ приходится обращаться къ помощи веревокъ. Только страшное малоземелье заставляетъ жителей обрабатывать эти участки.

Скоро мы добрались до того мѣста, гдѣ Ріонъ прорѣзываетъ Накеральскій хребетъ, и передъ нами обрисовалась вершина горы Хвамли. Достигая 8000 фут. высоты, она представляетъ изъ себя острый гребень, почти доверху заросшій хвойными лѣсами, и только самая вершина ея поднимается отвѣсными стѣнами. Гора эта, господствуя надъ окружающими высотами, видна далеко, почти отъ самаго моря. Когда тучи покрываютъ ея вершину, жители говорятъ, что будетъ непогода. Съ этой горою связанъ извѣстный мифъ о Проміеѣѣ, который будто бы былъ прикованъ къ ея вершинѣ.

Геологически она составляетъ продолженіе той складки, которая называется Накеральскимъ хребтомъ, — складки, состо-

ящей изъ такъ называемыхъ капротиновыхъ известняковъ, составляющихъ очень интересную породу известняковъ съ прослойками розоваго кварца. Изъ растеній, типичныхъ для этого хребта, нельзя не отмѣтить недавно открытый вымирающій видъ крушины, растущій только въ этихъ мѣстахъ.

Недалеко отъ м. Цагеры, послѣдняго почтоваго тракта, дорога сворачиваетъ отъ Ріона въ ущелье одного изъ его притоковъ, р. Ладжануры. Горная эга рѣчка бьется въ крутыхъ отвѣсныхъ скалахъ, достигающихъ 3—4 тысячъ футовъ высоты; падая безчисленными каскадами, блестятъ она въ глубинѣ узкаго ущелья. На протяженіи двухъ часовъ пути дорожка вьется по карнизу гигантскихъ скалъ, нависшихъ нось бурливою рѣчкой. Еще 3 часа пробираемся мы по внезапно расширившейся долинѣ, переходимъ небольшой перевалъ около 2000 ф. надъ уровнемъ моря, составляющій водораздѣлъ между р. Ладжанурой и р. Цхенись-цхали, и спускаемся къ м. Цагеры.

Цагеры расположены на лѣвомъ берегу Цхенись-цхали и съ перевала весьма красивы. Цагеры это своего рода столица. Здѣсь живетъ уѣздный начальникъ Лечгумскаго уѣзда, приставъ Сванетіи и другія административныя лица.

Съ ихъ помощью намъ удалось быстро найти верховыхъ лошадей. Понадобилось всего 7 лошадей, пять изъ нихъ для насъ и два—подъ вьюки. До этого мѣста мы могли доставать вездѣ съѣстные припасы, такъ что наши запасы были нетронуты и вмѣстѣ съ остальными вещами составляли два порядочныхъ вьюка. Покинувъ м. Цагеры, мы тотчасъ попали въ невѣроятно узкое ущелье р. Цхенись-цхали.

Дорожка вырублена въ совершенно отвѣсной скалѣ, и ширина ея не превышаетъ 2½ арш. Шелъ дождь, густой туманъ закрывалъ ущелье сверху, сильный сѣверный вѣтеръ такъ и билъ въ лицо на поворотахъ тропинки. Мѣстами дорожка прямо становилась опасной. Но вскорѣ погода прояс-

нилась, надъ нами заблестало солнце и яркими лучами освѣтило прекрасную картину.

Ущелье немного раздвинулось. По правой и лѣвой сторонѣ тянулись высокіе хребты горъ, одѣтые внизу густыми зарослями лавровишни и орѣшника, выше постепенно смѣняющимися темнѣющей хвоей гигантскихъ пихтъ и елей; еще выше разстилались мягкіе альпійскіе луга, кое-гдѣ перерываемыя высокими скалами, по зубцамъ которыхъ бродили одинокія облачка; глубоко внизу многоводная Цхенись-цхали катила свои бурныя волны, и далеко передъ нами, на темносинемъ небѣ, играли въ лучахъ яркаго солнца высочайшія снѣжныя вершины Сванетскихъ альпъ.

Въ 10 верстахъ отъ Цагеръ находится контора одного мѣстнаго лѣсопромышленника. Въ этихъ дикихъ мѣстахъ пока онъ одинъ занимается сплавкой лѣса. Срубленные деревья спускаются со склоновъ въ Цхенись-цхали и, тамъ прыгая по каменистому руслу, съ необыкновенной быстротой сплавляются внизъ. Ни о какихъ плоткахъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Дай Богъ, чтобы отдѣльнымъ деревьямъ удалось благополучно проскользнуть между камнями. Часто огромные стволы разбиваются въ щепки... Но запасъ великъ—и новые гиганты подають подъ ударами дровосѣка. Внизу, гдѣ теченіе уже ровво и спокойно, ихъ ловятъ на лодкахъ. Само собою разумѣется, что въ этихъ первобытныхъ лѣсахъ не стѣсняются вырубкой лучшаго матеріала, безъ всякой системы, съ единственнымъ расчетомъ, что „на нашъ вѣкъ хватить“; жаль смотрѣть на эти богатства, расточаемыя столь нерасчетливо; кажется, что пройдетъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, и жалкіе оголенные склоны не напомнятъ путнику о былой мощи и красотѣ этихъ мѣсть.

День близился къ концу. Мы уже подъѣзжали къ сел. Лентехи, какъ вдругъ ѣхавшій впереди остановился передъ какимъ-то страннымъ сооруженіемъ, переброшеннымъ черезъ рѣку. По-

томъ оказалось, что мостъ этотъ едва былъ выстроенъ, какъ разбушевавшаяся послѣ дождей рѣка перевернула его на бокъ, и съ тѣхъ поръ онъ такъ и остался. Годы идутъ, а онъ себѣ стоитъ да стоитъ. Образовалась тропинка на одномъ его краѣ, по которой и ѣздить верхомъ; онъ даже еще прочень достаточно, но видъ у него ужасный, и ѣзда по нему производить на непривычнаго человѣка неприятое впечатлѣніе.

Благополучно переправившись, мы прибыли въ Лентехи, первое селеніе Сванетіи. Здѣсь намъ пришлось пробыть почти весь слѣдующій день, пока не удалось достать лошадей. Мы не жалѣли объ этомъ. Изъ селенія открывается прекрасный видъ на ущелье р. Халадуры и замыкающія его на сѣверѣ снѣжныя вершины Сванетскаго хребта.

Прямо передъ нами вырисовывался бѣлый пикъ горы Лакуры, около которой проходитъ Лапарскій перевалъ, гдѣ отваживаются проходить только охотники за турами. Въ этихъ дикихъ мѣстахъ водится много этихъ животныхъ; но охота за ними трудна. Обыкновенно охотникъ заравѣ отправляется въ тѣ мѣста, которыя посѣщаются звѣремъ. Вооруженный винтовкой, съ небольшой сумкой за плечами, онъ идетъ иногда десятки верстъ по едва замѣтнымъ тропинкамъ, надъ пропастями, черезъ ледники, къ голымъ каменистымъ вершинамъ, гдѣ залегаютъ днемъ туры и серны.

Долго и внимательно осматриваетъ охотникъ окрестныя скалы; трудно отличить близко подходящее къ нимъ по окраскѣ животное. Но вотъ зоркій глазъ ована различаетъ желанныя фигуры, и съ этого момента начинается охота. Иной разъ надо потратить 2—3 часа, чтобы пройти окольнымъ путемъ, пробираясь по каменистымъ осыпямъ и снѣгамъ, обходя трещины или скалы, по влажной альпійской травѣ къ замѣченнымъ животнымъ. Горе неопытному охотнику, который, разгорячившись, невѣрно поставитъ ногу—онъ можетъ слетѣть въ пропасть или погибнуть въ трещинахъ ледниковъ,

стѣны которыхъ такъ гладки, что оттуда нѣтъ возврата. А то налетятъ и сгустятся туманы, поднимется снѣжная мятель, и несчастный замерзнетъ засыпанный лавинами, если не успѣетъ во время найти надежное прикрытіе.

Нужны крѣпкія ноги горца, его зоркіе глаза и врожденная способность быстро ориентироваться въ горахъ, чтобы возвратиться черезъ нѣсколько дней въ свою семью, съ туромъ за плечами.

Въ сел. Лентехи мы встрѣтили одного охотника. Много туровъ и сернь пало отъ его мѣткихъ выстрѣловъ. Много разъ жизнь его подвергалась опасностямъ въ его родныхъ горахъ. Онъ разсказалъ намъ, что туры въ большинствѣ случаевъ держатся стадами отъ 5—20 головъ. Тамъ, гдѣ они водятся постоянно, встрѣчаются и горныя индѣйки. Эти крупныя птицы, просто несчастье для охотника: лишь только завидятъ онѣ человѣка, какъ начинаютъ громко, пронзительно кричать, и крикъ этотъ гулко отдается въ горахъ. Туры и серны знаютъ этотъ крикъ и быстро скрываются въ неприступныя скалы. Тогда остается повѣсить ружье за плечи и снова итти на поиски. Часто охотники выбираютъ себѣ укромное мѣстечко въ скалахъ около альпійскихъ пастбищъ, куда спускаются звѣри утромъ и вечеромъ, и здѣсь подгарауливаютъ ихъ.

Вообще охота эта связана съ большими лишеніями и опасностями, но для свановъ она—желанное наслажденіе, выше котораго ничего нѣтъ въ его суровой жизни...

III.

Отъѣздъ изъ Лентеховъ. Сел. Челуры. Кретины. Искусственныя террасы. Подъемъ на Латпарскій перевалъ. Лѣсная растительность. Видъ съ перевала. Ночлеги на перевалѣ.

Мы выѣхали изъ села Лентехи лишь передъ вечеромъ, по направленію къ востоку, по живописному ущелью Цхенись-

цхали. Вскорѣ взошла луна и освѣтила фантастическимъ свѣтомъ окрестныя горы. Рѣка билась въ глубинѣ, мѣстами какъ бы проваливаясь въ пропасти, мѣстами вдругъ вырываясь на свѣтъ и просторъ и разсыпаясь миллиардами брызгъ, странно озаренныхъ сильнымъ свѣтомъ ночного свѣтила. Никогда не видалъ я такого блеска луны! Да и нѣтъ его въ долинахъ, потому что только на этихъ высотахъ такъ кристаллически чистъ воздухъ. По обѣимъ сторонамъ долины попало намъ нѣсколько селеній. Ихъ домики, сложенные изъ свѣтлаго известняка, съ крышами изъ блестящаго сланца, издали, при лунномъ освѣщеніи, казались ярко бѣлыми кубиками, лѣнящимися на склонахъ горъ.

Мы ѣхали медленнымъ шагомъ, неволью поддавшись очарованію чудной ночи... Тихо, тихо было вокругъ; казалось, самый воздухъ спалъ, а кругомъ стояли на стражѣ молчаливые каменные великаны. Вдругъ нашего слуха коснулся мелодичный звонъ; онъ то приближался къ намъ, то затихалъ, мѣрно раздаваясь въ ночной тишинѣ, и гулкое эхо придавало ему какую-то особенную прелесть... На вопросъ нашъ, что это значитъ, проводникъ объяснилъ, что этимъ звономъ отгоняютъ медвѣдей, которыхъ очень много въ этихъ мѣстахъ. Оказалось, что около одного горнаго ручья пристроена чугунная доска, по которой бьетъ молотокъ, приводимый въ движеніе силою воды. Остроумно, но едва ли дѣйствительно, такъ какъ этотъ ровный звонъ, раздаваясь день и ночь много лѣтъ, должно быть уже хорошо извѣстенъ медвѣдямъ и мало ихъ беспокоитъ.

Около 11 часовъ вечера мы прибыли въ с. Челуры, состоящее, какъ и всѣ селенія нижней Сванетіи, всего изъ 4—5 домовъ. Они располагаются очень близко другъ къ другу. Каждый домикъ имѣетъ два этажа, изъ которыхъ нижній для скота, а верхній служитъ помѣщеніемъ для людей. Въ него ведетъ прислоненная къ стѣнѣ лѣстница, по

которой вы взбираетесь на небольшой балкончикъ, откуда черезъ низкую дверь входите въ единственную комнату. Дома не имѣютъ трубъ, и дымъ отъ костра выходитъ сквозь щели между каменными плитами, изъ которыхъ сложена крыша. Незатѣйливые внутри, домики эти снаружи имѣютъ довольно приличный видъ. Жители—сваны, типичные горцы, говорятъ на особомъ языкѣ, непонятномъ для грузина. Въ одномъ мѣстѣ мы просили позволенія осмотрѣть внутренность дома, но получили отказъ подъ предлогомъ, что въ домѣ есть оспенные больные. Лучъ свѣта еще не проникъ въ это темное царство, и о предохранительной прививкѣ оспы нѣтъ и рѣчи.

Продолжая нашъ путь на слѣдующій день, мы встрѣтили кретина съ огромнымъ двустороннимъ зобомъ. Это былъ человекъ лѣтъ 50, средняго роста, здороваго тѣлосложенія, но со всѣми признаками упомянутой болѣзни. Онъ глухо улыбался; движенія его были конвульсивны и неправильны. Зобъ и сопровождающій его кретинизмъ бичъ этихъ мѣстъ. Наука безсильна объяснить эту особенность горныхъ мѣстностей. Впрочемъ, были попытки. Высказывалось мнѣнiе, что губительно дѣйствуетъ недостатокъ іодистыхъ солей въ водѣ горныхъ рѣкъ, недалеко отъ ихъ истоковъ. Говорились также, что причину развитія кретинизма можно считать мало провѣтриваемый воздухъ запертыхъ ущелій. Последнее мнѣнiе имѣетъ, повидимому, больше основаній. Во всякомъ случаѣ вопросъ остается открытымъ. Намъ передавали, что дальше мы встрѣтимъ больше зобатыхъ; но въ общемъ оказалось, что мы встрѣчали ихъ болѣе или менѣе равномерно по всей Сванетіи, и только въ самомъ западномъ углу Дадишкеліановской Сванетіи по р. Ингуру эта болѣзнь болѣе распространена.

Мѣстами узкое ущелье, по которому лежалъ нашъ путь, расширяется въ небольшую долину, около версты шириною. Въ такихъ долинахъ расположены селенія, къ которымъ не-

посредственно примыкають пашни. Мы были весьма удивлены, замѣтивъ, что обѣ стороны долины въ такихъ мѣстахъ спускаются очень правильными террасами, и обрывъ каждой такой террасы старательно выложенъ камнями. Изумленіе наше достигло крайнихъ предѣловъ, когда мы узнали, что всѣ эти террасы искусственны. Наносится почва, и склоны, прежде негодные ни къ какой культурѣ, обращаются въ отличныя поля, на которыхъ сѣютъ кукурузу, просо, пшеницу, а повыше на склонахъ—ячмень и рожь.

Переночевавъ въ с. Челурахъ, мы рано утромъ выступили въ путь, на этотъ разъ безъ всякихъ остановокъ, такъ какъ лошадей мы наняли въ Лентехахъ до послѣдняго сванетскаго селенія Пэри. Около 8 ч. утра мы уже начали подъемъ на Латпарскій перевалъ, который пересѣкаетъ Сванетскій хребетъ на высотѣ почти 9,000 футовъ.

Сванетскій хребетъ тянется отъ запада къ востоку, параллельно Главному, достигая высоты около 13,000 ф. надъ ур. моря.

Средняя часть его изобилуетъ глетчерами, которые стекаютъ какъ съ южныхъ его склоновъ, такъ и съ сѣверныхъ. Далѣе къ востоку хребетъ, понижаясь, постепенно поворачивается къ сѣверу и отдѣльными развѣтвленіями подходит къ главной цѣпи Кавказскихъ горъ.

Черезъ Сванетскій хребетъ существуютъ два перевала: Латпарскій, черезъ самую средину хребта, и Латпарскій, находящійся далѣе къ востоку около вершины того же имени.

Первый проходить по весьма большой высотѣ, среди самыхъ дикихъ мѣстъ, черезъ снѣга и ледники и весьма опасенъ.

Латпарскій перевалъ въ лѣтнее время одинъ изъ самыхъ легкихъ переваловъ вообще. Высота его около 9,000 футовъ, и дорожка удобна для верховой ѣзды, почему мы и рѣшили избрать этотъ путь.

Тропинка съ самаго начала подъема идетъ по великолѣпному дѣвственному лѣсу, но чѣмъ выше поднимались мы, тѣмъ болѣе измѣнялась окружающая насъ мѣстность. Высокіе буковые лѣса смѣнились березовыми рощами, состоящими изъ мощныхъ деревьевъ. Иногда насъ окружала чисто сѣверная природа, живо напомнившая мнѣ мою родину—далекую Сибирь. Такъ же рассыпались мелкіе березовые колки (рощи), такъ же попадались среди нихъ небольшія поляны, покрытыя черникой и другими ягодами, такъ же бѣдно и грустно было все вокругъ. Но вотъ кончились и березовые лѣски, и потянулись однообразные альпійскіе луга съ кое-гдѣ тарчащими голыми скалами. Около трехъ часовъ ѣхали мы по этимъ лугамъ, пока наконецъ не достигли верхней точки перевала. Взойдя на вершину, я былъ такъ пораженъ открывшимся передо мною видомъ, что долгое время стоялъ неподвижно, не будучи въ силахъ справиться съ овладѣвшимъ мною волненіемъ.

Вся высочайшая часть Главнаго Кавказскаго хребта отъ Эльбруса почти до Казбека была передъ нами какъ на ладони. Сіяя дивными оттѣнками въ яркихъ лучахъ полуденнаго солнца, величественно вырисовывались мощные пики ледяныхъ великановъ. Бѣлыя, ослѣпительно блестящія вершины, выдѣляясь на фонѣ темно-голубого неба, были такъ явжны и прекрасны, что нельзя было оторвать глазъ отъ этого чуднаго зрѣлища. Кое-гдѣ бродили одинокія облачка, придавая еще больше прелести этой картинѣ. Могучія ледяныя рѣки спускались тамъ и сямъ, и ихъ свѣжныя поля блистали оттѣненныя окрестными черными скалами, подобно огромнымъ аренамъ. Острые конусы Тетнульда и Гестолы господствовали надъ всѣми; высочайшая ровная гряда Шхары тянулась къ востоку отъ нихъ, между тѣмъ какъ безчисленные свѣжныя зубцы въ самомъ фантастическомъ безпорядкѣ рассыпались къ западу, гдѣ за ними видѣлся раздвоенный

конусъ неприступной горы Ушбы. Гордо высилась она въ голубомъ небѣ перерѣзанная на половинѣ длиннымъ узкимъ облакомъ; мрачно глядѣли внизъ черныя почти отвѣсныя стѣны въ массы льдовъ, опоясывающихъ ее съ востока, гдѣ огромный ледникъ спускался съ сосѣднихъ высотъ.

Странное и глубокое впечатлѣніе производила эта картина: такъ и вѣяло отъ нея мощью; казалось, будто какія-то космическія силы произвели этотъ хаосъ, и въ этомъ дикомъ безпорядкѣ все вдругъ заснуло мертвымъ сномъ и съ тѣхъ поръ стоитъ неподвижно и молча, смотря на землю съ своей заоблачной высоты. Проходятъ вѣка, мѣняются поколѣнія людей, а ледяныя громады попрежнему холодно и спокойно смотрять внизъ, чуждыя всему, какъ-то странно не гармонирующія съ роскошной зеленью долинъ.

Видъ былъ такъ привлекателенъ, что мы рѣшили остаться на вершинѣ весь день и переночевать, чтобы утромъ, когда послѣднія облачка покидаютъ горы и спускаются въ долины, еще разъ вдоволь налюбоваться.

Для привала расположились мы на открытой полянѣ, и такъ какъ топлива не было, то зажгли бензинки и сварили чай; закусивъ, отправились бродить и собирать растенія въ разныя стороны.

Къ закату небо окончательно прояснилось, и вершины горъ окрасились чуднымъ розовымъ свѣтомъ, между тѣмъ какъ ущелья наполнились темно-фіолетовой дымкой. Еще нѣсколько косыхъ лучей ударило въ бѣлый конусъ Тетнульда; вспыхнулъ онъ на мгновеніе, и черезъ минуту фіолетовыя тѣни быстро пробрались къ его снѣжнымъ полямъ. Прошло полчаса. Картина измѣнилась. Взошла луна и озарила окрестности своимъ сильнымъ матовымъ блескомъ. Какъ привидѣнія выступили на темномъ фонѣ неба залитыя луннымъ свѣтомъ снѣжныя вершины.

Поднявшійся было вѣтеръ стихъ, и ни одинъ звукъ не нарушалъ торжественной тишины ночи.

Мы расположились поближе другъ къ другу, залѣзли въ свои войлочные мѣшки и прикрылись бургами. Было холодно. Я долго не могъ заснуть, все ждалъ какихъ-нибудь звуковъ, нѣсколько разъ высовывалъ голову изъ-подъ бурки, чтобъ еще разъ взглянуть на горы, а онѣ стояли попрежнему холодныя и молчаливыя...

Около 12 часовъ ночи вдругъ набѣжалъ туманъ; тонкимъ слоемъ покрылъ онъ перевалъ; казалось, что мы плывемъ по волнующемуся морю; онъ то яснялъ, то снова сгущался и блестялъ при свѣтѣ луны; горы причудливо появлялись то своей нижней, то верхней частью, но черезъ минуту пропадали изъ вида. Въ 2 часа туманъ уже исчезъ быстро и незамѣтно, какъ и появился...

Я проснулся рано отъ холода. Несмотря на мѣшокъ и бурку, спина была какъ деревянная, и надо было согрѣть ее быстрыми движеніями, чтобы придать ей обычную гибкость.

Пока мои товарищи готовились къ чаенітю, я взялъ ружье и отправился на высокій кряжъ, поднимающійся къ востоку отъ перевала по крайней мѣрѣ еще на 1500 ф.

Подъемъ былъ бы утомителенъ, если бы не чудный видъ, все время находящійся передъ глазами и заставляющій забыть объ усталости. Солнце взошло, и снова, какъ вчера, но только въ обратномъ порядкѣ, вспыхивали вершины горъ. Ни одного облачка не было на горизонтѣ. Я забрался на самую вершину и оказался на такомъ остромъ гребнѣ, почти отвѣсно спускающемся на другую сторону, что больше нельзя было сдѣлать ни шагу. Выглянувъ осторожно изъ-за гребня, я замѣтилъ на небольшой вершинкѣ, покрытой альпійской травой, въ веротѣ отъ меня, небольшое стадо сернъ. Нѣсколько штукъ ихъ, очевидно, замѣтили меня, такъ какъ совершенно неподвижно стояли на вершинѣ. Ихъ можно было принять за группу, высѣченную изъ камня. Я тотчасъ же снова скрылся за гребнемъ и сталъ обдумывать планъ охоты. Времени въ

моемъ распоряженіи было немного, а обходъ къ сернамъ былъ далекъ и труденъ.

Я все же пустился въ путь. Мысль подстрѣлить серну очень ужъ была соблазнительна. Потративъ добрый часъ, я убѣдился, что не только не найду сернъ, которыхъ уже нигдѣ не было видно, но даже самую вершину, на которой онѣ стояли, съ другихъ сторонъ уже не могъ отличить: такъ была она похожа на рядомъ стоящія. Я отправился къ бивуаку. Нѣсколько горныхъ индѣекъ съ крикомъ слетѣли недалеко отъ меня съ каменистой осыпи, но преслѣдовать ихъ у меня уже не было времени. Насколько могъ, быстро спустился я къ мѣсту ночлега.

IV.

Спускъ съ перевала. Вольная Сванетія. Верховья Ингура. С. Ипаръ. Своеобразный видъ сванскихъ селеній—крѣпостей. Характерное расположенія сванскихъ селеній. Внутренность сванскаго дома. Домашній бытъ свана. Музыкальные инструменты. Праздникъ Акъ-Біери. Башни при домѣ. Сохранившіяся прежнія бытовныя формы.

Напившись горячаго чая, мы стали собираться въ путь. Спускъ не такъ удобенъ, какъ подъемъ. Мѣстами тропинка круто спускается по каменистому ложу высохшаго ручья. Воображаю, каково здѣсь во время дождя!...

Мы спустились въ Вольную Сванетію недалеко отъ самаго восточнаго селенія ея Ишкуль, расположеннаго у подножія огромнаго ледника, изъ котораго беретъ начало Ингуръ. Мощная уже у самаго истока рѣка, съ невѣроятной быстротой клубясь и пѣнясь, прыгаетъ по каменистому руслу въ берегахъ, густо покрытыхъ хвойными лѣсами. Мы направились на западъ, внизъ по теченію рѣки и къ вечеру достигли большаго селенія Ипаръ.

Видъ деревень Вольной Сванетіи настолько оригиналенъ, что на немъ стоитъ остановиться подробнѣе. Обыкновенно де-

деревня состоитъ изъ 8—10 домовъ, сложенныхъ изъ шифернаго сланца, изъ котораго состоятъ окрестныя горы. Дома эти имѣютъ форму параллелоипеда, и на одной половинѣ верхней поверхности каждаго изъ нихъ поднимается высокая четырехсторонняя башня, съ узкими бойницами. Вся деревня обведена каменной стѣной и имѣетъ 1—2 узкихъ входа. Такимъ образомъ всякое селеніе и въ немъ каждый домъ въ отдѣльности представляетъ изъ себя крѣпость, которую совершенно невозможно разрушить средствами, находящимся въ распоряженіи горцевъ. Можно подуматъ, что здѣсь обитаетъ разбойничье племя, собирающее дань съ окрестныхъ народовъ. Между тѣмъ дѣло обстоитъ совершенно не такъ. Сваны издавна извѣстны, какъ осѣдлые жители этихъ мѣстъ, мирно занимавшіеся и прежде скотоводствомъ и хлѣбопашествомъ и постоянно терпѣвшіе отъ нападеній сосѣднихъ горцевъ, приходившихъ грабить ихъ преимущественно съ сѣверной стороны Главнаго хребта. Всѣ эти крѣпости съ высокими стѣнами, грозныя башни съ узкими бойницами созданы лишь съ оборонительными цѣлями. Маленькое племя жило въ нихъ въ вѣчномъ страхѣ за свое существованіе.

Разбитое на отдѣльные роды, первоначально имѣвшіе каждый свою особую деревеньку-крѣпость, оно жило въ восьми такихъ селеніяхъ, расположенныхъ въ ущельѣ р. Ингура. Съ теченіемъ времени эти отдѣльные роды выдѣлялись изъ себя группы, которыя селились тутъ же рядомъ, и такимъ образомъ создавалось характерное расположеніе деревушекъ небольшими кучками. На всемъ пространствѣ Вольной Сванетіи, около 800 кв. верстъ, всего 8 такихъ группъ, изъ которыхъ каждая состоитъ отъ 2—10 отдѣльныхъ маленькихъ хуторковъ.

Въ другихъ мѣстахъ ущелье сжимается, и на его обрывистыхъ склонахъ невозможны поселенія. Впрочемъ нѣсколько домиковъ виднѣются на зубцахъ окрестныхъ горъ, гдѣ случайно нашлась вода. Вотъ и вся Вольная Сванетія.

Утромъ намъ удалось посѣтить внутренность сванскаго дома; но для этого понадобился старшина. Онъ долго случался у крѣпкихъ дверей одного дома, прежде чѣмъ ему отозвались. Начались переговоры, по окончаніи которыхъ зазвучалъ желѣзный засовъ, и мы вступили въ темный, узкій каменный проходъ, откуда боковая дверь вела въ единственную, правда, очень большую комнату. Хозяинъ, старикъ лѣтъ 60, съ огромнымъ двустороннимъ зобомъ, сопровождалъ насъ. Комната имѣетъ въ высшей степени оригинальный видъ. Посрединѣ, на земляномъ полу, мѣсто для костра, надъ которымъ на стойкахъ укрѣплена каменная доска для печенія хлѣба. Надъ ней къ потолочной балкѣ прикрѣплена цѣпь съ крючкомъ для жаренія или, лучше сказать, провяливанія мяса. При этомъ, конечно, каменная доска убирается. Вокругъ костра стоятъ деревянные кресла съ отогнутыми назадъ спинками, очень удобныя. У кресель есть ручки, и замѣтны слѣды бывшей на нихъ рѣзьбы. Но что особенно интересно, такъ это помѣщеніе для скота, который зимою живетъ тутъ же. Вдоль двухъ смѣжныхъ стѣнъ идетъ высокая перегородка, за которой помѣщается скотъ. Въ перегородкѣ дыры, черезъ которыя животныя просовываютъ головы, чтобы ѣсть кормъ, помѣщаемый въ ясляхъ, уже въ самой комнатѣ. Ясли устроены на такой высотѣ, чтобы скотъ могъ ѣсть стоя; затѣмъ, когда ложится, онъ уже совершенно отгороженъ отъ жилого помѣщенія. Такимъ образомъ, кормъ и жилище остаются чистыми.

Потолковъ не существуетъ, а его замѣняетъ довольно плоская односкатная крыша безъ трубы, почему вся верхняя часть комнаты густо покрыта черной копотью, отъ сырости превратившеюся въ твердую массу, напоминающую каменный уголь и плотнымъ слоемъ одѣвающую всѣ предметы, развѣшенные по стѣнамъ. Да и немного этихъ предметовъ. Это различнаго рода крючки и цѣпи для провяливанія мяса,

рѣшетка, грубо сдѣланныя котлы и кастрюли, да нѣсколько старинныхъ ружей, наслѣдіе отцовъ, которыя имѣеть каждый сванъ. Ружья эти кремневыя съ длиннѣйшимъ стволомъ, достигающимъ 5 четвертей, и они приспособлены для стрѣльбы порохомъ, изготовляемымъ самими горцами.

Небольшія бойницы, въ которыя едва можно всунуть дуло этихъ кремневокъ, освѣщаютъ внутренность сванскаго дома. Свѣтъ направленъ такъ, что собственно довольно свѣтло только на полу. Выше мракъ сгущается такъ сильно, что непривычный глазъ съ трудомъ можетъ разобрать очертанія предметовъ.

Длинный рядъ роговъ туровъ и сернъ, подвѣшенныхъ на одной изъ потолочныхъ балокъ, — трофей охоты, тщательно берегаемые и, повидимому, не имѣющіе никакого практическаго примѣненія, довершаютъ обстановку жилой комнаты свановъ.

Странное впечатлѣніе производитъ эта комната, со своей воинственной и суровой обстановкой; кресла, въ порядкѣ разставленныя вокругъ очага, заставляютъ живо перенестись назадъ въ прошлое, когда, окруженная врагами, каждая семья собиралась подъ защиту этихъ крѣпкихъ стѣнъ вокругъ очага и составляла военный совѣтъ. Другія мысли какъ-то не идутъ къ этой обстановкѣ: все здѣсь серьезно и мрачно.

На самомъ дѣлѣ, военные подвиги теперь существуютъ только въ разказахъ стариковъ. Мирные жители сѣютъ ячмень, пшеницу, рожь и едва успѣваютъ собрать урожай въ короткое лѣто. Мужчины и женщины вмѣстѣ работаютъ на поляхъ и быстро оканчиваютъ полевыя работы. Въ концѣ августа все уже убрано, и наступаетъ для мужчинъ періодъ совершеннаго покоя, между тѣмъ какъ женщины, помимо хозяйства и заботы о дѣтяхъ, занимаются пряжей; изъ овечьей шерсти онѣ приготавливаютъ сукна, очень похожія на имеретинскія. Ни одна живая душа не нарушитъ въ теченіе

8 мѣсяцевъ ихъ саомытнѣи жизни. И вотъ въ часы досуга мрачныя жилища оживляются пѣніемъ, танцами и игрою на оригинальныхъ музыкальныхъ инструментахъ.

Такихъ инструментовъ у нихъ два: „чангъ“ и „чунырь“. Первый представляетъ два параллелоипеда, соединенныхъ концами подъ острымъ угломъ; одинъ изъ этихъ параллелоипедовъ полый и служитъ резонаторомъ. На образуемомъ ими треугольникѣ натянуты 6 струнъ. Инструментъ издаетъ довольно мелодичные звуки, напоминающіе гитару. „Чунырь“ устроенъ иначе. Это—скринка, но коробка ея лишена дна, и дему составляетъ пузырь. Три струны, сдѣланныя изъ волоса и промазанныя смолою хвойнаго дерева, строятся такъ, что средняя оказывается третьей относительно двухъ остальныхъ, дающихъ одинъ тонъ. Играютъ волосянымъ смычкомъ, сдѣланнымъ наподобіе того, какъ мальчишки дѣлаютъ луки. «Чангъ» употребляется для акомпанимента къ пѣнію; на «чунырь» играютъ танцы. Танецъ свановъ называется «шумпаръ». Въ немъ участвуютъ одна женщина и двое мужчинъ. Танца я не видалъ, но музыку слышалъ. Мотивы довольно грустные, и однообразные. Между тѣмъ на «чангъ» наигрываютъ славные мотивы и ловко акомпанируютъ *).

Въ февралѣ въ Сванетіи праздникъ, называемый Агъ-Біери. Чтѣ это за праздникъ, въ воспоминаніе какихъ событій онъ установленъ, добиться я не могъ. Говорятъ, онъ предками установленъ, по почему и какъ, никто не знаетъ. Онъ продолжается 5 дней, съ 10 до 15 числа **).

*) Въ статьѣ А. И. Стоянова „Путешествіе по Сванетіи“ (Записки Кавказск. Отд. Имп. Русс. Геогр. Общ. кн. X. Тиф. 1876 г.) первый инструментъ называется „ченги“ (родъ арфы со струнами изъ конскаго волоса), а второй—„чанури“ (родъ скрипки съ натянутою кожей вмѣсто деки и съ открытымъ позади барабаномъ; смычокъ въ видѣ лука; струны изъ конскаго волоса).

***) По А. И. Стоянову, этотъ праздникъ совпадаетъ съ пятидневнымъ празднованіемъ пятницы (Хоча Вебиш) предъ масляницей (личетурал, ликвреш).

Въ это время всѣ работы отложены, и мужчины усиленно предаются питью арака, отвратительной буэинной водки, которую они очень любятъ. Пѣніе и танцы продолжаются днемъ и ночью, и непрестанно звучать «чунырь» и «чангъ».

Продолжая осмотръ дома, мы попросили показать намъ и башню. Пришлось вернуться назадъ въ темный каменный коридоръ, и оттуда противоположная дверь ведетъ уже въ башню. Башня очень высока, изъ 5 этажей и совсѣмъ не имѣетъ оконъ. Приходится лѣзть въ темнотѣ по бревнамъ съ вырубленными на нихъ ступеньками, которыя гнутся подъ ногами. Держишься за стѣну и за эти стволы деревъ и лѣзешь, поручивъ себя Провидѣнію. Каждый этажъ образуетъ комнату около 25 кв. аршинъ и аршинъ 5 высоты. Наконецъ взлѣзаешь на четвертый этажъ, и сверху показывается свѣтъ. Ни въ одномъ изъ этажей нѣтъ ничего. Спрашивали, не служатъ ли эти башни для какихъ-нибудь хозяйственныхъ цѣлей; оказывается—нѣтъ. Просто остатокъ прежняго.

Нѣкоторымъ башнямъ уже подъ 100 лѣтъ, а онѣ еще и не думаютъ разрушаться, такъ это все прочно сдѣлано. Стѣны въ аршинъ толщиною. Лѣземъ увѣривше на 5-й этажъ—это уже просто площадка на вершинѣ башни, обведенная стѣной, въ которой всюду косыя отверстія для ружей и большія дыры для сбрасыванія камней на непріятеля. Башня въ общемъ до 30 аршинъ высотой, и съ нея открывается чудесный видъ на окрестныя горы. Конечно, такая крѣпость была въ свое время совершенно неприступна, и благодаря этимъ башнямъ, на ряду съ неприступностью сванетскихъ горъ вообще, сваны сохранили самостоятельность до тѣхъ поръ, пока это было возможно.

Старикъ хозяинъ и теперь говоритъ, что, отдавшись подъ покровительство Россіи, они въ сущности сохранили все свое. На самомъ дѣлѣ оно такъ и есть. Законные сельскіе старшины, утверждаемые русскими властями, не имѣютъ во

внутренней жизни свановъ никакого значенія, и обыкновенно всѣ дѣла рѣшаются, какъ и прежде, выборными народомъ лицами. То же вполне относится и къ христіанству, существующему въ этой странѣ чисто номинально. Введенное уже въ весьма отдаленное время, оно не могло пустить сколько-нибудь прочныхъ корней уже по одному тому, что присланные священники были грузины и церковнымъ языкомъ былъ грузинскій языкъ, совершенно непонятный для свановъ. И теперь церкви почти не посѣщаются сванами, а христіанство ограничивается исполненіемъ нѣкоторыхъ обрядовъ. Кромѣ этихъ внѣшнихъ причинъ, существуютъ, конечно, и другія. Переданныя предками языческія представленія до сихъ поръ сильны въ душѣ свана, и пройдетъ еще немало времени прежде, чѣмъ они уступятъ мѣсто новымъ понятіямъ.

Долго еще цивилизація не перешагнетъ суровыхъ хребтовъ окрестныхъ горъ, и долго еще не отворятся передъ ней желѣзные засовы сванскихъ домовъ-замковъ.

У.

С. Бечо. Недоступность горы Ушбы. Трудность перевала къ Эльбрусу. Рѣшеніе идти черезъ перевалъ Озенти. С. Мазерь. Дѣвушка-идіотка. Фамилія князей Отаровыхъ. Минеральный источникъ. Привалъ.

Мы поблагодарили хозяина и повинули его жилище, а черезъ нѣсколько минутъ уже продолжали нашъ путь. Надо было перейти небольшой перевалъ, чтобы перебраться къ правому притоку Ингура, р. Мулхрѣ, *) бѣгущей почти параллельно главной рѣкѣ, гдѣ и лежитъ дорожка на западъ.

Непосредственно къ селеніямъ, по которымъ мы проходили, прилегаютъ обработанныя поля. Было 10 августа, и вездѣ шла усиленная уборка хлѣбовъ. Сжатый хлѣбъ, съ необыкновеннымъ количествомъ сорныхъ травъ, ставятъ въ

*) Въ вышеупомянутомъ сочиненіи А. И. Стоянова эта рѣка называется Мульхре-чала.

небольшія скирды, которыя потомъ отвозятъ въ селенія. Я былъ удивленъ, увидавъ сани, запряженныя волами, медленно двигающіяся по крутому скату. Оказывается, другихъ экипажей и нѣтъ. Крутые склоны и небольшія равнины пространства заставляютъ свановъ употреблять сани и лѣтомъ, такъ какъ колеса пришлось бы все время тормозить. Это практикуется и въ другихъ мѣстахъ горнаго Кавказа. Мы воспользовались случаемъ и собрали коллекцію мѣстныхъ хлѣбныхъ растений.

Черезъ два дня по вступленіи въ Вольную Сванетію мы достигли с. Бечо, составляющаго ея западную границу. Дальше уже начинается Дадишкеліановская Сванетія, составлявшая прежде самостоятельное княжество.

Селеніе Бечо расположено у самой подошвы горы Ушбы. Поднимаясь до высоты 15,445 ф. надъ уровнемъ моря, гора эта представляетъ изъ себя острый, узкій, раздвоенный пикъ, на который еще не вступала человѣческая нога.

Англичане-туристы почти ежегодно являются сюда со спеціальною цѣлью взобраться на вершину Ушбы, но пока попытки ихъ остались безъ успѣха. Однажды одинъ изъ такихъ искателей сильныхъ ощущеній рѣшилъ достигнуть цѣли и, покинутый на половинѣ дороги проводниками, продолжалъ путь одинъ.

Скоро онъ оказался на узкомъ карнизѣ на страшной высотѣ, и впереди скала закрывала ему путь. Цѣлыхъ три дня, безъ пищи, провелъ онъ на этихъ голыхъ скалахъ, прежде чѣмъ ему удалось спуститься обратно. Блѣдный почти безъ чувствъ, весь исцарапанный, вернулся онъ въ селеніе, такъ и не достигнувъ вершины.

Быть-можетъ, старый приставъ, живущій въ Бечо, который разсказалъ намъ эту исторію, преувеличилъ что-нибудь въ своемъ разсказѣ, но я склоненъ думать, что вершина

Ушбы можетъ быть достигнута лишь по воздуху, такъ какъ стѣны ея отвѣсны со всѣхъ сторонъ.

Въ селеніи Бечо мы остановились на день. Возникли разногласія по поводу дальнѣйшаго маршрута. Отсюда къ Эльбрусу можно попасть двумя путями: отправиться прямо на сѣверъ и пересѣчь Главный хребетъ по опаснѣйшему перевалу Озенги или пройти по Ингуру къ западу черезъ всю Дадишгеліановскую Сванетію до впаденія притока Накры, подняться на сѣверъ и перейти черезъ перевалъ Донгузъ-орунъ, считающійся менѣе опаснымъ и настолько удобнымъ, что по нему можно провести лошадей. Первый маршрутъ былъ гораздо короче и такимъ образомъ сокращалъ время, но зато опасность перевала нѣсколько устрашала насъ. Крімъ того, надо прибавить, что рѣшительно никто не могъ намъ сказать ничего опредѣленнаго относительно состоянія ледниковъ на этомъ пути и даже о самомъ перевалѣ. Одни говорили, что можно проѣхать верхомъ, другіе—что пробраться туда опасно даже для пѣшехода. Въ словахъ свановъ сквозилъ страхъ, когда они рассказывали намъ о трудностяхъ дальнѣйшаго путешествія.

Сваны боятся ледниковъ. Я говорю это, основываясь главнымъ образомъ на единогласномъ отзывѣ путешественниковъ и лишь отчасти на основаніи собственныхъ наблюденій. Трудно доступныя вершины и многочисленныя ледники, лежащіе въ сторонѣ отъ переваловъ, никогда не посѣщаются нѣмъ изъ нихъ, за исключеніемъ охотниковъ. Плохо одѣтые, они не могутъ вынести холодовъ, заблудившись въ горахъ, и многіе гибнутъ, когда судьба заброситъ ихъ туда.

Никакое искусство не спасетъ отъ частыхъ паденій въ трещины, такъ какъ ихъ приспособленія для ходьбы по льду весьма примитивны, и нога часто скользитъ.

Почти каждый годъ нѣсколько человѣкъ становятся жертвами непогоды въ горахъ.

Позднѣе, при перѣходѣ черезъ Озенги, мы имѣли случай убѣдиться въ справедливости мнѣнія о томъ, что сваны боятся ледниковъ; странно было смотрѣть, какъ бѣжали они съ высотъ, чтобы возможно скорѣе миновать опасныя мѣста и какъ медленно ползли на крутыхъ ледяныхъ спускахъ, гдѣ мы шли въ нашихъ кошбахъ совершенно свободно. На первый взглядъ эта боязнь снѣжныхъ высотъ представляется просто удивительною среди этихъ людей, казалась, самой природою приспособленныхъ къ жизни въ горахъ.

И на самомъ дѣлѣ, они приспособлены къ этой жизни; но какъ только дѣло коснется ледниковъ, то они обыкновенно теряются, и это понятно, такъ какъ они не знаютъ такихъ необходимыхъ приѣмовъ какъ употребленіе веревки и кошекъ. Дѣло просто въ недостаткѣ культурности, изобрѣтательности.

Послѣ нѣсколькихъ колебаній, наиболѣе энергичнымъ удалось все же склонить остальныхъ въ пользу избранія пути черезъ Озенги. На всякій случай рѣшено было не брать съ собою лошадей, а нанять носильщиковъ. Съ этимъ провозились долго, но мы не жалѣли потраченного времени. Помимо того, что надо было возобновить запасы провизіи, мы еще встрѣтили здѣсь нѣсколько интеллигентныхъ людей. Бечо—это административный центръ Сванетіи. Здѣсь всегда живетъ приставъ съ небольшою командою и докторъ, пріѣзжающій каждое лѣто. Какъ разъ въ то время, когда мы были тамъ, пріѣхалъ и уѣздный начальникъ Лечгумскаго уѣзда, съ цѣлью произвести наборъ рекрутовъ. Кромѣ этихъ лицъ, былъ еще мировой посредникъ и съ нимъ нѣсколько человекъ, занятыхъ въ настоящее время размежеваніемъ земель, съ цѣлью возвращенія князьямъ Дадишкеліани когда-то конфискованныхъ у нихъ помѣстій. Мы пріѣхали какъ разъ въ жаркое время дѣятельности этой комиссіи, поставленной въ трудное положеніе. Послѣ лишенія князей Дадишкеліани ихъ земель, послѣднія поступили въ распоряженіе крестьянъ, и вотъ уже

около 30 лѣтъ они пользовались доставшимися имъ такимъ образомъ пастбищами и лѣсными угодьями. Теперь, когда Высочайше повѣлено возвратить внязьямъ Дадишкеліани земли, крестьяне оказались въ плохомъ положеніи. Правда, ихъ надѣляютъ при этомъ подымно 4-мя десятинами пахатной земли, но крестьяне соглашаются на это крайне неохотно. Отсюда проистекають нѣсколько обостренныя отношенія между крестьянами и членами комиссіи, такъ что положеніе послѣднихъ не изъ пріятныхъ.

Послѣ продолжительнаго путешествія по лѣснымъ дѣбрямъ, пріятно встрѣтить нежданно-негаданно тамъ, гдѣ менѣе всего этого можно было ожидать, группу людей, съ которыми можно обмѣняться мыслями. Мы уже настолько успѣли отвыкнуть отъ культурныхъ привычекъ, что чай, сервированный вполне исправно, показался намъ чѣмъ-то необычнымъ. Еще бы, когда къ чаю былъ поданъ прекрасный хлѣбъ и самое свѣжее масло! Мы уже давно питались черствыми сухарями, отчасти рассыпающимися въ мелкую муку; послѣднюю мы ѣли, поджаривая съ саломъ, котораго былъ большой запасъ.

Повѣвъ, отдохнувъ и досыта заговорившись, мы на другой день около 11 часовъ утра двинулись въ путь. На этотъ разъ нашъ караванъ состоялъ изъ насъ и 10 насильщиковъ, тащившихъ на спинахъ наши вещи. Въ этотъ день намъ надо было пройти всего около 15 верстъ, чтобы ночевать у самаго начала подъема на перевалъ. Часа въ три пополудни мы достигли селенія Мазерьъ. Бечо и Мазерь уже непохожи на селенія Вольной Сванетіи. Хотя здѣсь и встрѣчаются мѣстами дома съ башнями, но они уже попадаются рѣдно—не болѣе одного такого дома на селеніе; послѣднія не огорожены стѣнами и уже не имѣютъ фizioноміи крѣпостей. По своему внутреннему устройству дома мало отличаются отъ таковыхъ въ Вольной Сванетіи.

Въ с. Мазерь мы встрѣтили дѣвушку-кретинку. Улыбаясь и растерянно оглядываясь по сторонамъ, она собирала солому на току. На видъ ей можно было дать лѣтъ 20. Совершенно разорванная рубаха грубаго холста едва прикрывала ее хорошо развитое, полное тѣло; сложена она была очень хорошо, и только одинъ физическій недостатокъ— зобъ сразу заставлялъ понять, въ чемъ дѣло. Мы спросили, почему ей не сдѣлаютъ одежды. Оказалось, что населеніе относится къ идіотамъ совершенно безразлично и оставляетъ ихъ на произволъ судьбы. Станный и жестокий обычай, наблюдающійся и у насъ, на сѣверѣ Россіи. Несмотря на идіотамъ, дѣвушка работала, какъ слѣдуетъ: движенія ея были неправильны и какъ бы конвульсивны, но все же вели къ цѣли. Наблюдая за нею, мы, повидимому, оставались ею совершенно незамѣченными, хотя насъ ничто не закрывало отъ ея взора. Она произносила безсвязныя слова и продолжала работать, изрѣдка останавливаясь и оглядываясь.

Вниманіе наше было отвлечено санями, которыя медленно тащила пара быковъ. Высокая женщина, вся въ черномъ, шла за ними. Поровнявшись съ нами, она не произнесла обычнаго привѣтствія, и строгія черты ея лица приняли надменное выраженіе. Вся фигура ея обличала не простое происхожденіе. Потомъ мы узнали, что это была княгиня Отарова, фамилія которой имѣла нѣкогда болѣе правъ на княжескій престолъ, чѣмъ прочіе Дадишкеліани. Поэтому поводу намъ впоследствии рассказали слѣдующую романтическую исторію.

Еще во времена Императора Николая I-го старшимъ въ родѣ князей Дадишкеліани былъ Отаръ. Однажды Государь вызвалъ его въ Петербургъ по какимъ-то дѣламъ. Отаръ собрался въ путь, но, переваливъ Главный хребетъ, замѣнился въ одномъ изъ татарскихъ селеній. Здѣсь онъ встрѣтилъ дѣвушку, плѣнившую его сердце, и, чтобы жениться

на ней, долженъ былъ принять магометанство. Онъ такъ и сдѣлалъ и уже не поѣхалъ въ столицу, но возвратился домой съ молодою женой. Узнавъ объ этомъ, Государь очень разсердился, лишилъ его княжескаго достоинства и запретилъ жить въ Сванетіи, приказавъ впредь называться Отаровымъ.

Гордый князь не хотѣлъ покинуть родину, но поселился въ с. Мазеръ, откуда, несмотря на многочисленныя попытки, его изгнать не могли. Отара уже давно нѣтъ, но жена его жива; ее-то мы и видѣли. У нея теперь многочисленныя внуки, но никто изъ нихъ не называетъ себя Отаровымъ и всегда рекомендуются они князьями Дадишкеліани. Они живутъ бѣдно, и ничто не напоминаетъ былого могущества. *Sic transit gloria mundi!* *)

Недалекъ отъ селенія находится минеральный источникъ. Очень холодная вода постоянно кипитъ отъ выдѣляющихся пузырьковъ угольной кислоты. Слышенъ вкусъ желѣза, и вокругъ все болотце покрыто ржавой окисью этого металла. На вкусъ вода кисловата и необыкновенно пріятна, такъ какъ газирована нисколько не меньше, чѣмъ продажная сельтерская вода. Жители вырыли надъ родникомъ бочку безъ дна, такъ что образовался чистый глубокій бассейнъ.

VI.

Трудность подъема на перевалъ Овенги. Глетчеръ Муркумъеръ. Высшая точка перевала чрезъ Главный хребтъ. Предосторожности при спускѣ. Паденіе въ трещину. Приваль у конца морены.

Было уже поздно, когда мы добрались до лѣса, находящагося недалеко отъ начала подъема, и расположились на

*) А. И. Стояновъ въ своей книгѣ упоминаетъ объ Отарѣ Дадишкеліани, женившемся на баксанкѣ, дочери Мусы Урусбіева, и принявшемъ исламъ. Изъ двухъ его сыновей, одинъ—Бекаръ-бей былъ магометанинъ, а другой—Леванъ—христианинъ. Объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ женитьбу Отара, ничего тамъ не говорится. Впрочемъ, А. И. Стояновъ не посѣщалъ Мазыра, резиденцію Бечойскихъ Дадишкеліановъ, здѣсь названныхъ Отаровымъ.

привалъ. Запылали два большихъ костра, и мы съ носильщиками образовали двѣ очень эффектныхъ группы. Была чудная тихая ночь; вѣтки окружающихъ деревьевъ красиво освѣщались заревомъ костра, а высоко надъ нами горѣли мириады звѣздъ...

Солнце еще не поднялось надъ горизонтомъ, а мы уже торопились окончить завтракъ и увязать вещи.

Переваль Озенги, который намъ надо было перейти, достигаетъ 12,000 ф. высоты. Склоны его очень круты, а вершина покрыта большими ледниками, образующими ледопады. Какъ всегда, переходъ по ледникамъ представляетъ большую опасность, такъ какъ все зависитъ отъ погоды, быстро и неожиданно мѣняющейся на этихъ высотахъ. Вслѣдствіе страшно крутыхъ ледниковъ, покрытыхъ цѣлою сѣтью трещинъ, переходъ черезъ Озенги представляетъ исключительную опасность. Не далѣе какъ въ прошломъ году 10 человекъ, переходя черезъ переваль, были засыпаны обваломъ, происшедшимъ изъ одного ледопада. Только четырехъ изъ нихъ удалось спасти; остальные погибли въ глетчерѣ.

Надо сознаться, что если бы погода не была такъ прекрасна, подобные рассказы произвели бы на насъ свое впечатлѣніе; теперь же они только подзадоривали насъ, и опасность усиливала интересъ. Мы начали подъемъ около 6 часовъ утра по узкой тропинкѣ, выходящей по почти отвѣснымъ скаламъ глубокаго ущелья р. Бвиши. На высотѣ 7,000 ф. кончается древесная растительность, и ущелье немного раздвигается. Здѣсь мы нашли хижину, въ которой жилъ осетинъ, пася свой скотъ на сосѣднихъ вершинахъ, покрытыхъ альпійскими травами. У него оказался айранъ—напитокъ нѣсколько отличный отъ кефира, но обладающій такимъ же вкусомъ и освѣжающимъ дѣйствіемъ, и мы съ удовольствіемъ утолили жажду.

Было уже около 12 часовъ, и мы сдѣлали небольшой

привалъ. Въ это время наши носильщики изготовили себѣ хлѣбъ и тоже позавтракали. Они дѣлають очень остроумно, беря съ собою мѣшочекъ поджаренной пшеничной муки. Эту муку они тутъ же на камнѣ замѣсили въ тѣсто, прибавивъ къ нему мелко крошеного сыра. Остается раздѣлить тѣсто на небольшія шаровидныя порціи, и хлѣбъ готовъ. Такъ они и ѣдятъ его въ сыромъ водѣ. Я попробовалъ. Хлѣбъ оказался весьма удовлетворительнымъ и ужъ, конечно, гораздо вкуснѣ нашей грязной сухой пыли.

Позавтракавъ, мы спѣшимъ дальше. Подъемъ становится все круче и круче. Видно издали, какъ тропинка вьется по невѣроятной крутизнѣ. Неужели это наша дорога?! Оказывается, да. Отдыхая черезъ каждые 10 медленныхъ шаговъ, мы тихо подвигаемся впередъ. Уже два часа, а намъ остается еще около 3,000 ф. подъема.

Давно уже мы миновали лѣса, и они видѣлись далеко внизу, красивыми фестонами заходя наверхъ по ущельямъ. Впереди все чаще попадались оголенные осыни, а выше мрачно высматривали сѣрые льды. Наконецъ, мы добрались до громаднаго ледника; изъ-подъ его льдовъ вытекала рѣчка, по ущелью которой мы двигались. Начало глетчера терялось слѣва, и намъ была видна только широкая нижняя часть его, вся покрытая сѣрыми обломками моренныхъ отложений, да небольшой кусокъ огромнаго ледопада, образуемаго его серединой. Черезъ полчаса намъ уже открылся полный видъ на этотъ эффектный глетчеръ. Беря начало изъ большого фирноваго поля, глетчеръ Муркумьеръ стекаетъ внизъ по очень отлогой плоскости, но уже на срединѣ своего протяженія огромныя скалы суживаютъ его ложе и въ то же время образуютъ крутой сватъ, по которому, раздробившись въ безчисленное количество остроконечныхъ обломковъ и изборожденный глубочайшими трещинами, сжатый глетчеръ снова опускается на пологую котловину. То и дѣло раздаютъ-

ся удары, напоминающіе пушечные выстрѣлы—это льды, сжатые въ узкомъ проходѣ, доходя до обрыва, образуютъ новыя трещины, низвергающіяся внизъ подъ страшнымъ давленіемъ новыхъ массъ.

Мы лѣземъ вверхъ, и наша группа представляетъ почти вертикальную ленту. Мѣстами тропинки нѣтъ и слѣда, и приходится зорко слѣдить за шагами проводниковъ. Время идетъ, а мы все еще не можемъ добраться до вершины. Наконецъ, тропинка совершенно исчезаетъ на каменистой осыпи, и дальше ея уже нѣтъ. Здѣсь всякій избираетъ себѣ особую дорогу. Подъемъ такъ крутъ, что приходится больше стоять, чѣмъ идти. Я думаю, что склонъ не менѣе 50°. Солнце было уже низко надъ горизонтомъ, когда мы добрались до гребня. Наконецъ-то! Однако торжество было преждевременное! Широкая снѣжная поляна, со слабымъ подъемомъ, открывалась передъ нами. Пройдя по ней съ полверсты, мы взобрались, наконецъ, на перевальный пунктъ, обозначенный бывшими здѣсь топографами небольшою пирамидкою, сложенною изъ камней. Но и тутъ насъ ждало разочарованіе! Большой ледникъ, стекающій съ востока на западъ, пересѣкалъ намъ дорогу *), а за нимъ видѣлся высокій контрфорсъ Главнаго хребта, который надо было перейти. Переправившись черезъ ледникъ, мы стали взбираться на упомянутый кряжъ по невѣроятной крутизнѣ, образованной каменистою осыпью. Такъ какъ мы были утомлены предыдущимъ подъемомъ, то намъ казался этотъ кряжъ безконечнымъ. Онъ дѣйствительно на приблизительно 800 футовъ выше перевальной точки, лежащей на оси Главнаго хребта. Еще нѣсколько усилий, и подъемъ остался позади. Мы вздохнули свободнѣе и едва не сообразились отдохнуть, но проводники энергически запротесто-

*) Далѣе онъ круто поворачиваетъ на югъ и впадаетъ въ двойной ледникъ, описанный ниже.

вали. Надо было, во что бы то ни стало, торопиться. Опасность была еще впереди, а между тѣмъ насъ могла застигнуть ночь. Мы сѣли на камни и стали надѣвать кошки.

Два большихъ ледника стелили съ двухъ сторонъ съ востока и запада и составляли послѣ сліянiя огромное море льда у самыхъ нашихъ ногъ, далѣе къ югу вытягивающееся длинной лентой сложнаго глетчера. Правый очень крутой глетчеръ образовывалъ выше насъ ледопадъ, состоящій изъ хаоса ледяныхъ обломковъ, и грозно смотрѣли они съ высоты, готовые, казалось, ежеминутно обрушиться и похоронить подъ массой снѣга и льда все, что находится подъ ними.

Въ полуверстѣ ниже находится другой такой же ледопадъ, и хорошо были видны сверху его зiяющія трещины. Между двумя этими ледопадами покрытый снѣгомъ глетчеръ образуетъ на поворотѣ такой крутой косогоръ, что странно было подумать, что по нему придется спускаться.

Наклонъ доходить до 60° , и по этому-то косогору надо было перейти глетчеръ поперекъ между двумя ледопадами. Это считается самымъ опаснымъ мѣстомъ перевала. И дѣйствительно, легко поскользнуться, и черезъ нѣсколько секундъ попадешь на гладкую поверхность льда и тогда уже навѣрное окажешься въ трещинахъ нижняго ледопада. Но главная опасность грозитъ сверху. Здѣсь-то именно и были засыпаны обваломъ нѣсколько человекъ, о чемъ я говорилъ выше.

Великолѣпно блестяли наверху острия голубыя скалы льда, озаренныя косыми лучами заходящаго солнца; мрачно насупились по сторонамъ черныя каменные гиганты, оставляя эффектный контрастъ съ блестящими льдами; ниже—ровная снѣжная пелена, слегка розовая подъ лучами заката, съ тонкими трещинами, кое-гдѣ пробѣгающими змѣйками, широкой лентой тянулась внизъ между двухъ громадныхъ моревъ; еще ниже—мрачно зiяли широкія трещины, точно зеленые глаза чудовища, и страшно было глядѣть въ ихъ бездонную глубину.

Тихо было вокругъ. Замолкли заснувшіе ручейки, оживлявшіе днемъ гладкую поверхность льда; ни одно живое существо не нарушало этой тишины, и только отъ времени до времени изъ самой глубины льдовъ раздавались глухіе раскаты, и эхо гулко вторило имъ, какъ бы будя это царство холоднаго покоя.

Связавшись покрѣпче веревкой, мы послѣдовали за нашими проводниками. Они спускались такъ медленно, дѣлая для каждаго шага большое углубленіе въ снѣгу и почти прыльнувъ къ крутому склону всѣмъ тѣломъ, что потребовалось полчаса, чтобы пройти разстояніе, не превышающее 100 шаговъ. Все обошлось благополучно, только одинъ изъ насъ уронилъ свою палку, и та, быстро скользя сначала по плотному снѣгу, а потомъ по гладкому льду, чуть не исчезла въ широкихъ трещинахъ, но ее задержало какое-то незамѣтное препятствіе, и такъ и осталась она, какъ дань леднику, такъ какъ достать ее никто бы не отважился, да это и не было такъ важно.

Спустившись на болѣе плоскую часть ледника, мы быстро отправились дальше, ощупывая предательскій снѣгъ своими длинными палками и старательно перепрыгивая черезъ тонкія трещины, доходящія мѣстами до 2-хъ футовъ ширины. Не обошлось безъ приключенія. Въ одномъ мѣстѣ, несмотря на то что здѣсь только-что прошли проводники, передній изъ насъ вдругъ провалился по грудь. Опасности не было никакой, такъ какъ онъ былъ крѣпко привязанъ къ намъ веревкой, и мы тотчасъ же натянули ее; но надо было видѣть, какъ онъ барахтался, ища опоры и поблѣднѣвъ отъ испуга, чтобы понять всю серьезность испытываемыхъ имъ ощущеній. Въ самомъ дѣлѣ, все зависѣло только отъ крѣпости веревки, ибо въ противномъ случаѣ не знаю, удалось ли бы намъ извлечь его оттуда во-время. Трещина могла быть очень глу-

бока, и притомъ могла быть засыпанной массою прикрывающаго ее свѣга.

Солнце уже закатилось, когда мы выбрались наконецъ, изъ цѣлой сѣти трещинъ, встрѣтившихся намъ у самаго края глетчера, и взобрались на морену, въ 10 сажень высоты, которая тянулась внизъ до самаго конца этого широкаго тройнаго ледника, медленно и спокойно стекающаго на сѣверь.

Мы быстро, насколько позволяла наша усталость и камни, въ безпорядкѣ наваленные другъ на друга, шли по самой верхушкѣ морены. Надо было, во что бы то ни стало, до наступленія темноты достигнуть еще хотя бы пояса низкорослага рододендрона, чтобы развести огонь и просушить промокшую обувь. Между тѣмъ быстро темнѣло. Черезъ часъ пути мы различили впереди какъ бы покрытый лѣсомъ склонъ и прибавили шагу. Но насъ ожидала еще одна неприятность. Внезапно, выбравшись изъ-за груды камней, мы услышали глухой шумъ. Оказалось, что это рѣчка. Она стекала съ ледниковъ, находящихся вправо отъ насъ, и пересѣкала намъ путь, впадая въ ту рѣчку, которую питалъ перейденный нами глетчеръ. Въ темнотѣ мы уже не разбирали отдѣльныхъ камней, а просто влѣзли въ воду, стараясь выбрать мѣсто, гдѣ она не такъ сильно шумѣла. Оказалось, что рѣчонка разбита на три рукава!... Основательно промокнувъ, мы быстро шли впередъ, всматриваясь въ темноту и стараясь не потерять изъ вида проводниковъ, и вотъ, наконецъ, добрались до цѣли... Трудно выразить словами наше разочарованіе, когда вмѣсто лѣса оказался просто крутой склонъ, поросшій мелкимъ рододендрономъ... Но мы такъ устали и были такъ голодны, что молча бросили наши пожитки на траву. Казалось, если бы въ полуверстѣ насъ ожидала роскошная квартира—мы не сдѣлали бы ни шагу далѣе!... Черезъ полчаса мы уже грѣлись надъ костромъ, приготовляя чай и скудный ужинъ, да кое-какъ

просушивая промокшую при переправѣ одежду, а еще черезъ часть, завернувшись въ свои мѣшки и бурки, всѣ уже спали крѣпкимъ сномъ усталыхъ людей.

VII.

Ветеринарный постъ у края лѣса. Спускъ по ущелью р. Тегенекъ. Баксанское ущелье. Быстрый переходъ отъ южной природы къ сѣверной. Сторожка на краю ледника Азау. Ледяные ворота. Стадо туровъ. Ночлеги.

Утромъ оказалось, что мы всего съ полверсты не дошли до лѣса, а у самаго его края находилась хижина ветеринарныхъ стражниковъ, которые живутъ здѣсь, наблюдая, чтобы черезъ перевалъ не прогнали скотъ изъ Закавказья, гдѣ уже нѣсколько лѣтъ свирѣпствуетъ чума. Развѣ безумецъ рискнетъ погнать скотъ черезъ Озенги! Впрочемъ, говорятъ, что случается на веревкахъ спускать животныхъ по страшной кручѣ глетчера. Какъ бы то ни было, но мы могли воспользоваться хижиной для ночлега и вмѣсто этого провели ночь, дрожа отъ холода.

При свѣтѣ занимающагося дня мы увидѣли, что находимся у самого конца огромнаго ледника, по моренѣ котораго шли вчера. Изъ-подъ его льдовъ вытекаетъ небольшая рѣчка Тегенекъ, впадающая въ Баксанъ. Съ запада, подъ угломъ къ этому глетчеру, сползаетъ другой широкій и короткій глетчеръ, и около его конца мы замѣтили великолѣпную снѣжную арку, перекидывающуюся надъ рѣчонкой. Покоясь на двухъ ледяныхъ скалахъ, арка имѣетъ видъ совершенно правильной дуги, достигая 10 сажень длины и около 5 сажень высоты.

Мы прошли бесполезную для насъ теперь хижину и быстро стали спускаться по ущелью рѣки Тегенекъ. Красивыми каскадами быстро падаетъ она среди хвойныхъ лѣсовъ и нагроможденныхъ обвалами скалъ къ ущелью Баксана, куда мы спустились къ полудню.

Такимъ образомъ мы благополучно совершили переходъ черезъ Главный хребетъ. Никто изъ насъ не чувствовалъ на большой высотѣ никакихъ признаковъ горной болѣзни, за исключеніемъ легкой головной боли у одного изъ товарищей, кстати сказать, часто испытывающаго ее и въ обычныхъ условіяхъ жизни.

Переходъ занялъ въ общей сложности 17 часовъ, при чемъ на подъемъ по южному склону перевала приходится 10 часовъ и 7 часовъ—на спускъ. Безъ сомнѣнія, мы поступили очень разумно, взявъ носильщиковъ, а не лошадей, такъ какъ провести лошадей здѣсь прямо такъ невозможно иначе, какъ спуская ихъ на веревкахъ по леднику и рискуя погубить ихъ на каждомъ шагу въ другихъ мѣстахъ. Это при благоприятной погодѣ. Что же было бы, если бы насъ застигла непогода среди глетчеровъ? Можно навѣрное сказать, что тогда, если бы люди и спаслись, лошади неминуемо должны были бы погибнуть.

Какъ я уже сказалъ, мы спустились къ ущелью Баксана, бѣгущаго въ этомъ мѣстѣ не широкой, но многоводной рѣкой, на высотѣ 5,800 фут. надъ уров. моря. Въ этомъ мѣстѣ теченіе рѣки очень быстро, и все время слышенъ грохотъ крупныхъ камней, катящихся по ея дну. Берега сплошь заросли высокими сосновыми лѣсами, впервые всрѣтившимися намъ за все время нашего путешествія. Сразу чувствуется уже, что мы попали въ сѣверную природу. Переходъ отъ южной стороны къ сѣверной насколько быстръ и рѣзокъ, что поражаетъ путешественника.

Всѣ долины Закавказья отличаются одной чертой, въ высшей степени характерной для нихъ—это отсутствіемъ жизни.

Повсюду великолѣпные лѣса, сверху до низу завитые лианами; темнозеленныя лавровишни густо покрываютъ склоны горъ, высокіе буки тамъ и сямъ возвышаются изъ ихъ

чащи, сѣрѣя своими гладкими, прямыми стволами; кое-гдѣ попадаются заросли дикаго орѣшника; корявые дубы съ жесткими листьями, всѣ обвитые плющемъ, а ввизу падубъ, остролисть и д. вѣчно-зеленыя растенія. Но подѣ этими мрачными сводами зелени совсѣмъ нѣтъ травы, а на лѣсныхъ прогалинахъ видна сухая, растреснувшаяся отъ палящихъ лучей солнца, земля, съ кое-гдѣ торчащими жалкими колючками. Тишина царить въ этихъ лѣсахъ, и рѣдкая птица нарушаетъ молчаніе природы; вѣдь это только станція во время перелетовъ, которую птицы спѣшатъ миновать возможно скорѣе. Даже насѣкомыхъ почти нѣтъ.

Но какъ только перейдете Главный хребетъ и спуститесь въ лѣса сѣвернаго склона, васъ тотчасъ поражаетъ обиліе птицъ. Всюду слышатся ихъ голоса отъ тонкаго дисканта пѣночки до глубокаго баса лѣснаго ворона; всюду порхаютъ онѣ, преслѣдуя мириады насѣкомыхъ, или кружащихся въ воздухѣ, или привлеченныхъ ароматомъ цвѣтовъ, разсыпанныхъ по лѣснымъ лужайкамъ. Разнообразнѣйшіе грибы высовываютъ свои цвѣтныя головки изъ-подъ опавшей листьы деревьевъ, и цѣлый коверъ брусники, черники и другихъ ягодъ устилаетъ путь.

Кругомъ шумъ—все живетъ и пестрѣетъ красками. Природа празднуетъ свой кратковременный, но зато веселый праздникъ...

Въ такую обстановку попали мы, спустившись къ Баксану. Первымъ дѣломъ было полакомиться ягодами и поживиться грибами. Въ короткое время мы набрали большое количество грибовъ. Здѣсь растутъ бѣлые грибы, сыроѣжки, масленики и множество другихъ видовъ.

Росположившись на привалѣ подѣ тѣнью громадныхъ сосенъ, мы приготовили себѣ изъ грибовъ великолѣпный завтракъ.

Невдалекѣ отъ насъ находился поселокъ Кашкаровка,

состоящей изъ нѣсколькихъ бревенчатыхъ домиковъ, населенный горными татарами, которые образуютъ нѣсколько такихъ поселеній по верхнему теченію Баксана. Ниже Кашкаровка находятся поселки Байдаево и Итколъ. Къ сожалѣнію, на 5-ти верстной картѣ ни одна изъ этихъ трехъ деревень не указана.

Около того мѣста, гдѣ мы остановились, въ Баксанъ впадаетъ съ лѣвой стороны р. Терсколка, вытекающая изъ глетчера того же имени. Лучше сказать, Баксанъ составляется здѣсь изъ двухъ рѣчекъ—Терсколки и Азау; послѣдняя считается главной и даже на картѣ почему-то называется Баксаномъ. По ущелью Терсколки намъ былъ великолѣпно виденъ спускающійся со снѣжныхъ полей Эльбруса глетчеръ, неровный и весь изборозженный многочисленными ледопадами и широкими трещинами.

Говорятъ, что по Терсколу можно взобраться на Эльбрусъ, но онъ имѣетъ въ нижней своей части такой страшный видъ, что, признаться, я сомнѣваюсь, чтобы это была удобная дорога *).

*) По словамъ В. Тепцова („По истокамъ Кубани и Терека“ въ Сбор мат. вып. XVI, стр. 41), по леднику Терсъ-колъ (Кривое ущелье) обмыкновенно поднимаются на Эльбрусъ. По Диннику („Горы Терской области, 32), ледникъ Терсъ-колъ (Терсъ-колъ-чиранъ) начинается отъ большого снѣжнаго поля ю.-в. склона Эльбруса и очень близко подходит къ долинѣ Баксана. Поверхность его очень крута и пересѣкается такимъ множествомъ трещинъ, что ходить по ней едва ли можно. Размѣры ледника небольшіе: по срединѣ ширина приблизительно съ версту. Длину г. Динникъ, со словъ Измаила Урусбиева, опредѣлялъ „немногимъ больше ширины“. Михайловскій („Горныя группы и ледники центр. Кавк.“) даетъ длину 5 километровъ, а конецъ ледника на 2625 м. (8608 фут.). Если посмотрѣть на этотъ ледникъ снизу, то онъ имѣетъ видъ прямоугольнаго трехугольника съ притупленными углами. Значительно ниже его находятся морены, доказывающія, что въ прежнія времена и этотъ ледникъ былъ значительно больше. (В. М. Смосовъ, Эльбрусъ, Екат. 1899 г.).

Ред.

Отдохнувъ на бивакѣ, мы направились на западъ вверхъ по теченію рѣки Азау и часа черезъ два легкаго и въ высшей степени пріятнаго перехода по очень постепенному подъему, среди великолѣпныхъ сосновыхъ лѣсовъ, прибыли къ ветеринарной караулкѣ, построенной у самаго края ледника Азау. Постъ этотъ охраняетъ перевалъ Хотю-тау *), который ведетъ черезъ ледники Азау и Торгулъ къ Карачаю, по ту сторону Эльбруса.

Въ виду того что мы хотѣли сдѣлать восхожденіе на вершину Эльбруса, мы рѣшили остановиться въ сторожкѣ дня на три. Поэтому мы тотчасъ же заявили о своемъ намѣреніи двумъ стражникамъ, и они съ большой любезностью уступили намъ свое помѣщеніе.

Маленькій домикъ заключаетъ всего лишь одну комнату около 25 кв. аршинъ, всю заставленную расположенными около стѣнъ тахтами и имуществомъ обитателей, а на единственномъ свободномъ мѣстѣ посрединѣ стоитъ столъ. Несмотря на размѣры помѣщенія мы были имъ очень довольны, тѣмъ болѣе что погода начала хмуриться, и къ вечеру надо было ожидать дождя. Уже съ утра одинокія облака, одно за другимъ, стали появляться съ юго-запада, и мы тревожно поглядывали на нихъ. Въ горахъ быстро мѣняется погода. Въ самый ясный день иной разъ вдругъ откуда-то набѣгутъ тучи, подуетъ вѣтеръ, густо покроются туманомъ свѣжныя вершины, и иногда пойдетъ такой ливень, что удивляешься, откуда это все набралось. Но пройдетъ еще часъ, и снова солнце ярко заблеститъ на небѣ, озаряя послѣдніе облачка, быстро убѣгающія за горизонтъ.

Однако на этотъ разъ были признаки, предвѣщавшіе основательную перемену погоды, и мы опасались, что не

*) Подъемъ на перевалъ Хотю-тау существуетъ отдѣльно отъ подъема по Улгу-зе на перевалѣ Чиперъ-азау (В. М. Сысоевъ, Эльбрусъ, Екатеринбургъ 1899 г.).

удастся совершить интересное восхождение. Какъ бы то ни было, позавтракавъ, мы тотчасъ отправились въ небольшую экскурсію для осмотра ледника Азау. Намъ пришлось для этого пройти по старымъ мореннымъ отложениямъ, состоящимъ почти нацѣло изъ трахитовыхъ и базальтовыхъ лавъ, образующихъ огромныя насыпи, мѣстами поднимающіяся до восьми и болѣе сажень высоты. Пробираясь по камнямъ, въ безпорядкѣ наваленнымъ повсюду, я вдругъ, совершенно неожиданно для себя, вспугнулъ маленькую выпь (*Botaurus minutus*), которая, неуклюже вытянувъ ноги, снова опустилась невдалекѣ. Я былъ изумленъ. Что дѣлаетъ выпь въ этихъ каменистыхъ мѣстахъ? Было 14-е августа—время для обратнаго перелета на югъ еще слишкомъ раннее. Птица эта держится въ южной Россіи до конца сентября. Спустия немного, такъ же неожиданно изъ-подъ самыхъ ногъ вырвался козодой и тотчасъ сѣлъ между камнями, смотря на меня своими широко открытыми черными глазами.

Пересѣвши нѣсколько моренныхъ холмовъ, мы подошли съ правой стороны къ концу глетчера, оканчивающагося крутымъ ледянымъ обрывомъ, изъ-подъ котораго съ резомъ выбѣгаетъ рѣка Азау, образуя низкіе широкіе ледяные ворота. Черезъ ихъ отверстіе, а также въ глубокія вертикальныя трещины ледяного обрыва видна темная глубь глетчера. Соблазнительно было попытаться пройти по рѣкѣ въ эту подледниковую галерею, но, признаться, никто изъ насъ не рѣшился на это. Бурная рѣчка могла бы свалить съ ногъ смѣльчака и разбить объ острые камни. Насколько помнится, ботаникъ Бушъ, послѣдуя ледника, лежащія къ западу отъ Эльбруса, однажды рискнулъ пролѣзнуть со своимъ товарищемъ въ одну изъ такихъ галлерей, но оба едва не поплавились жизнью, благодаря случившемуся обвалу части ледяного свода.

Осмотрѣвъ выходъ рѣки Азау, мы снова перешли къ лѣвому краю глетчера и стали подниматься по высокой моренѣ, успѣвшей покрыться скудной растительностью. Собирая растенія, мы медленно подвигались впередъ. Между тѣмъ тучи спустились надъ нами, подулъ холодный рѣзкій вѣтеръ, и пошелъ сильный дождь, иногда переходившій въ крупу.

Въ нижней своей части глетчеръ имѣетъ небольшой уклонъ, и его ровная сѣрая поверхность лишь кое-гдѣ прорѣзана небольшими трещинами. На протяженіи около двухъ верстъ онъ имѣетъ направленіе съ сѣверо-запада на юго-востокъ и съ обѣихъ сторонъ сжатъ высокими хребтами, но выше круто поворачиваетъ къ сѣверу, спускаясь со снѣжныхъ полей Эльбруса. Все протяженіе его равно 6 верстамъ. Нижнимъ своимъ концомъ глетчеръ почти достигаетъ границы хвойнаго лѣса, около 7000 ф. надъ уровнемъ моря.

Съ высокой морены открывался превосходный видъ на Азау и другой широкій глетчеръ Торгулъ, стекающій съ запада по широкой котловинѣ и почти доходящій своею нижнею частью до Азау въ томъ мѣстѣ, гдѣ послѣдній круто измѣняетъ свое направленіе къ востоку. Однако Торгулъ не доходитъ до Азау, отдѣляясь отъ послѣдняго высокою, нѣсколько отстоящей отъ конца льда, конечною мореною, указывающею на постепенное отступаніе Торгула.

Черезъ этотъ послѣдній глетчеръ проходитъ вышеупомянутый перевалъ въ Карачай.

Мы поднялись по леднику на 2000 ф. Продолжать путь дальше по моренѣ оказалось невозможнымъ, и надо было спуститься на ледъ, такъ какъ морену размыла небольшая бурная рѣчка. Она спадала съ сѣверной стороны и, образуя прелестные голубые ворота, исчезла подъ льдомъ Азау. Не было никакой возможности пробраться по скаламъ съ боковъ ледника. Скалы торчали отвѣсными стѣнами, и на самой вершинѣ хребта видны были голубые, остроконечные ледяные обломки,

въ безпорядкѣ поваленные одинъ на другой и принадлежащія, очевидно, глетчеру, спускающемуся по сѣверной сторонѣ этого ледораздѣла. *)

*) Прекрасное описаніе ледника Азау и дороги черезъ него даетъ Тепцовъ въ вышеупомянутой статьѣ, а такъ какъ нашему автору не удалось вполне пройти этого ледника, то мы для полноты картины приводимъ это описаніе.

„Жители Баксана имѣютъ постоянныя сношенія съ карачаевцами, живущими по истокамъ Кубани и избираютъ для этихъ сношеній болѣе удобный, хотя и болѣе далекій путь, по Кыртыку, черезъ глетчеръ же Азау ходятъ очень многіе смѣльчаки и преимущественно воры со скотомъ. Недоступность пути, дремучіе лѣса въ истокахъ Кубани и Баксана даютъ ворами съ краденнымъ скотомъ надежное убѣжище отъ карауловъ, которые горцы содержатъ на свой счетъ у всѣхъ горныхъ проходовъ въ Сванетію и Рачу. Горцы не помнятъ, проходилъ ли кто-либо изъ путешественниковъ черезъ Азау, такъ какъ и за большую плату рѣдкій изъ карачаевцевъ рѣшится проводить путешественника по этимъ дебрямъ и скаламъ. Только безвѣщныя и безучастныя къ своей жизни сваны пойдутъ съ путешественникомъ хоть въ самый адъ (это несогласно съ тѣмъ, что говоритъ нашъ авторъ о сванахъ Ред.). Мы рѣшились пройти въ Карачай переваломъ Чиперъ черезъ Азау. Проводники предупреджали насъ объ опасности пути и совѣтовали итти по Кыртыку, но мы встрѣтили подъ Азау осла съ вьюкомъ и погонщика-карачаевца, который, подтверждая трудность пути, сказалъ, что если мы обладаемъ хотя небольшою опытностью въ лазаніи по скаламъ, то побѣдимъ и этотъ перевалъ. Въ помощь нашимъ сванамъ мы взяли одного изъ карачаевскихъ караульщиковъ“.

„Перевалъ черезъ Азау сдѣланъ былъ нами при ясномъ безоблачномъ небѣ. Едва замѣтная тропа вначалѣ колеситъ по лѣвой, сѣверной, моренѣ и скоро терлется въ ней. Множество остроугольныхъ камней во многихъ мѣстахъ дѣлаютъ путь положительно невозможнымъ, что заставляетъ путника сойти на ледникъ и отыскивать путь среди зіющихъ трещинъ. Поверхность глетчера въ устьѣ производитъ впечатлѣніе застывшихъ морскихъ волнъ. Болѣе часу мы карабкались по моренѣ, а затѣмъ вступили на отлогую и почти ровную поверхность глетчера. Глетчеръ какъ-то вдругъ расширился и образовалъ обширное зеленовато-сѣрое поле, окаймленное со всѣхъ сторонъ скалами и бѣлоснѣжными вершинами. На скалахъ нависли меньшіе глетчеры, а за ними снѣговыя поля, среди которыхъ кое-гдѣ торчатъ исполинскими зубцами одинокіе гранитные утесы. На поверхности ледника намъ попадались скелеты лошадей, воловъ, овецъ, перепелокъ, замерзшіе мотыльки и мухи, чаще же всего—скелеты погибшихъ туровъ и большое число турьихъ роговъ, достигающихъ иногда въ длину до 2 арш. Путь по леднику вначалѣ былъ легокъ, подъемъ незначи-

Въ то время какъ мы собирались продолжать путь по леднику, туманъ густо покрылъ горы и полилъ такой дождь, что о дальнейшей прогулкѣ не могло быть и рѣчи. Мы быстро стали спускаться къ хижинѣ, такъ и не увидавъ красивой вершины Эльбруса.

Дождь пересталъ, когда мы подходили къ караулкѣ. Въ это время одинъ изъ проводниковъ сообщилъ мнѣ, что онъ замѣтилъ на ближайшемъ хребтѣ туровъ. Тотчасъ я взялъ

теленъ; шероховатая поверхность льда не позволяла ногамъ скользить; встрѣчались трещины, но ихъ или обходили, если онѣ были широки, или перепрыгивали, если онѣ были узки. По поверхности ледника журчатъ ручейки, которые большею частію исчезаютъ или въ бездонныхъ трещинахъ или въ воронкообразныхъ колодцахъ. Немногіе изъ ручьевъ достигаютъ конца глетчера, гдѣ они каскадами падаютъ съ ледяной скалы въ вырвавшуюся изъ-подъ льда рѣку. Черезъ трещины до слуха путника долетаетъ отдаленный гулъ и ревъ подледной рѣки, увидѣть которую намъ не удалось даже черезъ самыя широкія трещины. Иногда слышались глухіе выстрѣлы въ ледникъ—это трещалъ ледъ, образуя новыя щели“.

„Большинство трещинъ имѣютъ поперечное направленіе, что обусловливается, по всей вѣроятности, поступательнымъ движеніемъ глетчера по неровной, волнистой поверхности его ложа. Долевныя трещины на Авау очень рѣдки и обыкновенно узки—не болѣе 1', аршина, тогда какъ поперечныя достигаютъ 1½,-саженной ширины. Двѣ отвѣсныя зеленатыя стѣны льда уходятъ въ незамѣримую глубину, изъ которой доносится злобщій ревъ подледной рѣки и водопадовъ. Въ стѣнахъ встрѣчаются отверстія—естественныя ледяныя штольни, по которымъ течетъ вода до трещины, гдѣ она образуетъ красивые водопады. Брызги отъ этихъ водопадовъ разсыпаются въ искрающуюся водяную пыль, которая облакомъ стоитъ въ трещинѣ и скрываетъ отъ взоровъ наблюдателя дно пропасти. Много прогоняемого скота гибнетъ въ такихъ трещинахъ. Встрѣчаются трещины, суживающіяся на глубинѣ нѣсколькихъ саженей до полуаршина. Упавшій въ такія трещины скотъ извлекается слѣдующимъ способомъ: смѣльчакъ-горецъ обвязывается веревкой; товарищи спускаютъ его въ трещину; тамъ онъ рубитъ на куски застрявшее животное, привязываетъ части его къ другой веревкѣ; товарищи, вытащивъ все мясо, вытаскиваютъ и его на свѣтъ Божій“.

„Особенное вниманіе наше привлекли колодцы. Они образуются въ широкихъ, котлообразныхъ углубленіяхъ; вода, падая въ нихъ, размываетъ ихъ все глубже и глубже; такимъ образомъ получается во льду глубокая яма, и колодезь готовъ. Наибольшій изъ колодцевъ, ви-

винтовку, и мы отправились. Пришлось лѣзть по крутому склону, поросшему альпійской растительностью, по крайней мѣрѣ на 2000 футовъ. Трава была мокрая, и мнѣ было чрезвычайно тяжело итти. Тутъ я вполне оцѣнилъ горную обувь свановъ. Это обыкновенные чусты, сдѣланные изъ одного цѣльнаго куска кожи, при чемъ подошва вырѣзана такъ искусно, что представляетъ цѣлую сѣть тонкихъ ремешковъ, имѣющихъ въ общемъ поперечное направленіе. Благодаря этому, нога не скользитъ ни по камнямъ ни по травѣ; въ то же время это очень легкая обувь. Сваны не носятъ чулокъ, но кладутъ въ эти свои чусты пучки одного вида альпійской травы съ очень тонкими длинными листьями, по видимому, изъ семейства осоки. Она отлично предохраняетъ ногу отъ холода и сырости.

Мы уже забрались на три четверти склона, и я имѣлъ случай полюбоваться великолѣпной картиной, внезапно раз-

дѣнныхъ нами на Азау, представлялъ собою воронкообразное углубленіе, верхній діаметръ котораго равнялся 2¼ арш. Въ воронку эту съ разныхъ сторонъ вливалось пять ручьевъ. Вода, по видимому, не вмѣщалась въ воронку и вертелась въ одну сторону на глубинѣ 2 арш. Надъ воронкой поднимался столбъ водяной пыли, а въ столбѣ была видна радуга“.

„При стараніи итти какъ можно быстрѣе, ледникъ Азау пройденъ былъ нами въ 5¼ часовъ; отбросивъ 1¼ часа на остановки для отдохновъ и положивъ наименьшую скорость—2 версты въ часъ, можно заключить, что длина глетчера (включая сюда и снѣговья поля его) не менѣе 6 верстъ; наибольшая же ширяна около 4-хъ верстъ“.

„Вліяніе разрѣженнаго воздуха сказалось не только на насъ, но и на нашихъ проводникахъ сванахъ, ко всему, казалось бы, привыкшихъ. Дыханіе у всѣхъ было частое, порывистое, несмотря на получасовой отдыхъ; пульсъ былъ отъ 90 до 100 ударовъ въ минуту; кровь прилиwała къ головамъ и клонило ко сну; ощущеніе тошноты чувствовали всѣ. О большой разрѣженности воздуха можно было судить еще и потому, что разговаривавшіе проводники наши уже на разстояніи какиихъ-нибудь 40—50 саж. не слышали другъ друга. Звуки въ разрѣженномъ воздухѣ глухи, а выстрѣлъ не производитъ обычнаго гула. „Гайда—пошелъ, баринъ! Не хорощъ! Голова пропалъ!“ такъ поднимали обыкновенно насъ сваны“.

вернувшейся предо мною. Густой туманъ поднялся изъ долины и скрылъ отъ глазъ рѣку и лѣсъ. Заходящее солнце на мгновеніе выглянуло изъ-за тучъ и освѣтило розовымъ свѣтомъ волнующееся у нашихъ ногъ море тумана. Въ это время проводникъ сталъ убѣждать меня возвратиться назадъ, а ему отдать винтовку и отпустить на охоту. Въ виду того что туманъ продолжалъ надвигаться снизу, а вдали слышались глухіе раскаты грома, я счелъ за благо разумное послѣдовать его совѣту, пока еще не было поздно. Быстро, ежеминутно скользя и падая, сталъ я спускаться и черезъ нѣсколько минутъ попалъ въ холодную сырость тумана. Въ 20 шагахъ ничего не было видно, но я хорошо замѣтилъ мѣстность и не опасался заблудиться. Однако минутъ черезъ 20 я наткнулся на какую-то скалу, которую никакъ не могъ припомнить. Осторожно обогнувъ ее, я благополучно спустился, наконецъ, и пошелъ по ровной мѣстности по направленію къ нашей стоянкѣ, расположенной какъ разъ у начала высокаго сосноваго лѣса. Шелъ я такимъ образомъ около получаса. Начинало темнѣть, пошелъ дождь, и молнія нѣсколько разъ ослѣпительно засверкала. Однако ни сторожки ни лѣсу не было видно. Наконецъ, показались сосны совсѣмъ близко отъ меня, но сторожки попрежнему не было, хотя я навѣрное зналъ, что она должна быть именно здѣсь. Оказалось, что я попалъ какъ-то не съ той стороны и, послѣ продолжительнаго шатанія по опушкѣ, наткнулся наконецъ на хижину. Была пора. Лишь только я переступилъ порогъ, дождь хлынулъ какъ изъ ведра, и разбушевалась сильная гроза. Поминутно блистала молнія, освѣщая молочную завѣсу тумана, и раскаты грома, отдаваясь въ горахъ, достигали чудовищной силы...

Черезъ часъ, когда гроза уже утихла, возвратился мой охотникъ. Онъ достигъ вершины, три раза неудачно стрѣлялъ по турамъ и измокъ при возвращеніи отъ головы до

ногъ. Онъ разсказалъ, что до верху туманъ не дошелъ, и тамъ не было даже дождя, такъ что я пожалѣлъ, что вернулся преждевременно.

УІІІ.

Нѣкоторыя свѣдѣнія объ Эльбрусь. Рѣшеніе отправиться въ обратный путь. Подъемъ на перевалъ Донгузь-орунт. Морена и ледникъ. Вершина перевала. Спускъ на южную сторону. Ночлеги въ пещерахъ. Ушелье р. Накры. Поляна на водораздѣлѣ между Накрой и Ингуромъ. Ночлеги въ с. Таврарѣ.

Закусивъ, мы расположились на ночлеги, но долго еще, прежде чѣмъ заснуть, проговорили со стражниками. Они сообщили намъ, что къ нимъ частенько пріѣзжаютъ съ цѣлью восхожденія на Эльбрусь. Однако немногіе изъ посѣтителей побывали на грозной вершинѣ Минги-тау. Недостатокъ силъ или неблагоприятная погода часто заставляютъ путешественниковъ отказаться отъ удовольствія побывать на высшей точкѣ, господствующей надъ Европой *).

Эльбрусь или Минги-тау, какъ называютъ его мѣстные горные татары**), представляетъ огромную двуглавую вершину, изъ которыхъ большая—западная достигаетъ 18,470 ф. высоты надъ уровнемъ моря, при чемъ меньшая—восточная на 100 приблизительно футовъ ниже первой.

*) Одни считаютъ границей между Европой и Азіей Кавказскій хребетъ, а другіе (Реклю, т. VI, стр. 48)—впадину, которая теперь заполнена отчасти рядомъ горько-соленыхъ озеръ, отчасти лѣвно текущими водами Кумы и Восточнаго и Западнаго Маньча (Л. Я. Адостоловъ, Географическій очеркъ Кубанской области, въ Сб. мат., в. XXIII).

**) „Минги-тау“ по-татарски означаетъ „Тысячная гора“; другое татарское названіе, известное также у грузинъ и свановъ—„Яль-бузь“ (Ледяная грива); изъ послѣдняго, вѣроятно, образовалось названіе „Эльбрусь“, подъ которымъ эта гора известна и русскимъ, если не считать народнаго „Шатъ-гора“. У южныхъ черкесовъ (кабардинцевъ) она называется „Уаѣна-махо“ (уаѣна гора, махо день, т. е. ясная какъ день), у сѣверныхъ (кяховъ или чаховъ)—Куѣна-мафе (куѣна гора, мафе=махо), но также—Борей (устарѣвшее названіе).

Ред.

Объ вершины Эльбруса округлы и своими мягкими, правильными линиями резко отличаются от причудливых контуровъ окрестныхъ горъ.

Лучше всего Эльбрусъ виденъ со степей Сѣвернаго Кавказа, такъ какъ тамъ ничто его не закрываетъ. Мы видѣли его съ перевала Озенги, по далеко не такимъ величественнымъ, такъ какъ были видны только два конуса до сѣдловины; нижнюю его часть закрывали сосѣднія горы, такъ что впечатлѣнія большой высоты не получалось. Напротивъ, казалось, что онъ ниже нѣкоторыхъ другихъ вершинъ.

Поверхность свѣговъ на широкомъ конусѣ Эльбруса достигаетъ огромной величины 200 кв. верстъ, и многочисленные ледники (около 70) сползаютъ по его склонамъ.*) Самый большой изъ нихъ Ирикъ, около 8 верстъ, стекаетъ на востокъ; слѣдующій по величинѣ Азау, который намъ удалось посѣтить, тянется на протяженіи около 6 верстъ съ южной стороны Эльбруса.

Такъ какъ стражники ручались, что погода долго не поправится настолько, чтобы можно было совершить восхождение на вершину Эльбруса, а также и потому, что мы не располагали большимъ количествомъ времени, рѣшено было на слѣдующій же день отправиться въ обратный путь.

Мы проектировали раньше снова перейти Главный хребтъ черезъ перевалъ Донгузъ-орунъ, спуститься по ущелью рѣки Накры до Ингура и возвратиться въ Закавказье по ущелью послѣдняго. Однако въ дурную погоду путь черезъ Донгузъ-орунъ былъ опасенъ, и проводники не рѣшались пойти черезъ перевалъ.

Приходилось измѣнить маршрутъ, и мы рѣшили направиться внизъ по Баксану, черезъ селеніе Урусбиево, по направленію къ Пятигорску, куда и должны были прибыть

*) Всѣхъ ледниковъ 1-го разряда не менѣе 15, а 2-го не менѣе 62 (Сисоевъ—Эльбрусъ). Ред.

черезъ два дня. Путь этотъ не представляетъ никакихъ затрудненій, и отъ селенія Урусбиево можетъ быть совершенно въ экипажѣ. По этой дорогѣ обыкновенно слѣдуютъ всѣ, имѣющіе цѣлью восхожденіе на Эльбрусъ.

На слѣдующій день мы снова пробирались внизъ по теченію Азау. Шелъ дождь, и вершины горъ были покрыты густыми облаками. Недалеко отъ поселка Кашваровки, о которомъ упоминалось выше, тропинка раздѣляется. Одна направляется по берегу рѣвки, а другая, круто поворачивая на югъ, ведетъ на переваль Донгузь-орунь.*) Дойдя до этого узлового пункта, мы остановились. Какъ разъ надъ переваломъ показалось солнце, и соблазнительно было ряснуть возвратиться по давно облюбованному маршруту. Мы всѣ желали этого. Тогда мы еще разъ предложили нашимъ проводникамъ этотъ путь. Тутъ произошла интересная сцена. Съ минуты они молчали; потомъ перекинулись нѣсколькими словами на своемъ языкѣ и вдругъ всѣ, словно по командѣ, прекрестились размашистымъ крестомъ и молча зашагали впередъ по направленію къ перевалу. Мы съ радостью послѣдовали за ними. Скоро мы уже прошли лѣса, около самой границы которыхъ, на высотѣ 6,800 ф. надъ у. м., расположены еще одинъ ветеринарный постъ, и выбрались на склоны, покрытые альпійской растительностью. Подъемъ очень отлогъ, но въ то же время и очень длиненъ около 10 верстъ. Мѣстами приходится проходить по осыпямъ, состоящимъ изъ крупныхъ камней, и это самая неудобная часть дороги. Огромные камни навалены въ самомъ отчаянномъ безпорядкѣ, и приходится не итти, а прыгать. Лошадямъ, должно быть, въ этихъ мѣстахъ плохо приходится.

*) Донгузь-орунь означаетъ по-татарски „Свиной базъ“, такъ какъ здѣсь карачаевцы до принятія магометанства пасли своихъ свиней (Тепцовъ, въ вышеуп. сочиненіи).
Ред.

Почти на половинѣ подъема, на высотѣ 8,100 ф., находится небольшое озеро Донгузь-орунъ-гэль, величиною не болѣе половины квадратной версты; оно не отличается красотою. Можетъ-быть, въ хорошую погоду вода въ немъ болѣе прозрачна, но теперь она была совершенно мутна, и съ юга въ озеро впадалъ желтый ручей, образуя небольшую дельту *).

Озеро находится въ небольшой котловинѣ, на верхнемъ краѣ которой стоятъ остатки когда-то построенной здѣсь хижины. Намъ рассказали, что она была разрушена сванами, застигнутыми непогодю въ этихъ мѣстахъ. Они взяли изъ нея всѣ деревянныя части и сожгли ихъ, такъ какъ иначе погибли бы отъ холода.

На высотѣ 8,400 ф. надъ у. м. находится нижній конецъ ледника; далѣе до самой вершины перевала путь идти по его снѣжной поверхности. Но предварительно пришлось перейти по разбросаннымъ всюду камнямъ конечной морены, черезъ небольшіе озерка съ ледяными берегами, образованные таяніемъ льда. Въ нижней своей части глетчеръ имѣетъ направленіе съ юго-востока на сѣверо-западъ, но на срединѣ протяженія круто загибается и въ верхней части стекаетъ съ юга къ сѣверу. На мѣстѣ изгиба огромныя поперечныя трещины преграждаютъ путь, но ихъ можно обойти, держась лѣвой стоіоны ледника. Шелъ дождь, и идти было тяжело и неприятно. Холодъ и вода постепенно проникли подъ одежду, а глубокій снѣгъ затруднялъ ходьбу. Часа полтора забирались мы все вверхъ и наконецъ очутились передъ скалистымъ обнаженнымъ отъ снѣга гребнемъ. Подъемъ на послѣдній, всего не болѣе 5 сажень, показался намъ не изъ приятныхъ, однако черезъ нѣсколько минутъ всѣ собрались на вершинѣ перевала.

*) По словамъ Тепцова, вода въ озерѣ въ обыкновенное время чистая, какъ хрусталь, и отлиываетъ цвѣтомъ неба.

Отсюда въ хорошую погоду, какъ говорятъ, открывается чудный видъ на Эльбрусъ и сосѣднія вершины. Въ сожалѣнію, намъ не удалось многого увидѣть, такъ какъ густой туманъ, въ видѣ тяжелыхъ облаковъ, поднимался снизу вверхъ и, переваливъ Главный хребетъ, закрывалъ всѣ вершины, бѣлыми космами спускаясь по долинамъ рѣкъ далеко внизъ. Отогрѣвшись немного усиленной порціей коньяку, мы поспѣшили внизъ и тотчасъ потеряли другъ друга въ густомъ туманѣ. Въ пяти шагахъ трудно было разсмотрѣть фигуру человѣка, и мы, переключаясь и держась возможно ближе, съ трудомъ поспѣшали за проводниками. На южной сторонѣ перевала со-всѣмъ нѣтъ ледниковъ, и идти приходится по крутой каменистой осыпи. Въ трехъ мѣстахъ мы попали на небольшія снѣжныя поляны, по которымъ очень удобно спускаться въ кошкахъ. Въ общемъ, спускъ не труднъ и при хорошей погодѣ, вѣроятно, представляетъ большое удовольствіе, такъ какъ кругомъ возвышаются высокія вершины, и многочисленные глетчеры сползаютъ отовсюду, давая начало безчисленному количеству рѣчонокъ, впадающихъ въ Накру. Спускъ постепенно становится болѣе пологимъ, и черезъ часъ пути мы уже вышли изъ области тумана въ теплую атмосферу ущелья р. Накры. Вечерѣло, и пора было подумать о ночлегѣ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ Накру слѣва впадаетъ бурная рѣчка Уцхда, двѣ огромныя скалы, склонившись другъ къ другу своими вершинами, образуютъ пещеру, въ которой мы расположились на отдыхъ. Остатокъ костра свидѣтельствовалъ, что эта пещера служить обычнымъ мѣстомъ отдохновенія путниковъ, переходящихъ черезъ Донгузъ-орунъ.

Зажгли мы костры, высушили платье и обувь, закусили и заснули крѣпкимъ сномъ, и хорошо спалось подъ этими нависшими скалами, въ душистой атмосферѣ альпійскихъ луговъ...

Ущелье рѣки Накры идетъ прямо на югъ. Подобно другимъ горнымъ рѣкамъ, протекающимъ среди лѣсовъ, она поражаетъ своей дикою красотой.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вся рѣка загромождена огромными деревьями, вырванными ею въ своемъ стремительномъ паденіи. Кругомъ видны высокія горы, и стекающія съ нихъ рѣчки то и дѣло преграждаютъ намъ путь. Въ одномъ мѣстѣ невозможно было перейти одну изъ такихъ рѣчекъ, и пришлось переѣхать верхомъ на проводникахъ. Просто удивляешься силѣ ихъ ногъ.

Цѣлый день мы шли по берегу Накры. мѣстами забираясь высоко въ обходъ скалъ, отвѣсно падающихъ въ рѣку, мѣстами слѣдуя по ровной дорожкѣ среди великолѣпныхъ лѣсовъ.

Къ вечеру мы уже были недалеко отъ селеній Дадишкеліановской Сванетіи и перебирались черезъ небольшой переваль, служащій водораздѣломъ между рѣкою Накрой и Ингуромъ.

Красивую картину представляетъ на этомъ перевалѣ поляна около 6 квадратныхъ верстъ, сплошь покрытая разсыпанными по ней березовыми рощами и зарослями лѣсного орѣшника. Послѣ мрачныхъ лѣсовъ, дикихъ скалъ и льдовъ, пріятно отдыхаетъ взоръ путешественника на мягкой зелени этого мирнаго ландшафта.

Небольшой спускъ, и мы въ селеніи Таврарѣ, гдѣ послѣ долгихъ переговоровъ наконецъ устроились въ домѣ писаря и съ его помощью добыли различныхъ съѣстныхъ припасовъ.

IX.

Дадишмелиановская Сванетія. Сел. Лахамуръ на р. Ингуръ. Мѣстность Чубихеви. Народъ еврейскаго типа. Обрядъ оплакиванія. Трудности пути по Ингурскому ущелью. Аракъ изъ бузины. Въѣздъ въ Мингрелію. Растительность по нижнему Ингуру. М. Джвары. Начало мингрельской равнины. Сплавъ лѣса по Ингуру. Возвращеніе на Зугдиды во-своихъ.

На другой день я предпринялъ небольшую прогулку по окрестнымъ деревнямъ съ фотографической цѣлью.

Мнѣ хотѣлось разыскать мѣстныхъ кретиновъ. Оказалось, что ихъ здѣсь въ настоящее время не имѣется, а есть только больныя зобомъ 3 женщины въ одномъ селеніи и 3 въ другомъ; ни одного больного мужчины. Это обстоятельство заинтересовало меня. Быть-можетъ, отчасти можно объяснить его тѣмъ, что мужчины этой части Сванетіи чаще уходятъ на зиму на заработки по ущелью Ингура въ долину Ріона и, такимъ образомъ, проводятъ полгода, а то и болѣе внѣ своихъ замкнутыхъ долинъ.

Въ другихъ, менѣе доступныхъ частяхъ этой горной страны, мы встрѣчали одинаково часто больныхъ зобомъ какъ мужчинъ, такъ и женщинъ.

Въ селеніи Целлеры, состоящемъ всего изъ 4-хъ домовъ, я зашелъ въ одинъ изъ нихъ. Обстановка единственной комнаты такая же, какъ и въ Вольной Сванетіи. Предложили кресло около очага, и когда я усѣлся, то появился молодой сынъ хозяина съ небольшимъ кувшиномъ арака. Отъ угощенія я отказался, такъ какъ отвратительный запахъ бузины былъ положительно невыносимъ. Въ числѣ ружей, развѣшенныхъ по стѣнамъ, я замѣтилъ русскую военную берданку, винтовку Пибоди и нѣсколько заграничныхъ штуцеровъ. Откуда достаютъ сваны такое оружіе?

Я сдѣлалъ нѣсколько снимковъ и вернулся въ Тавраръ.

На другой день мы спустились въ селеніе Лахамуръ*), расположенное на самомъ берегу Ингура.

Мѣстность, по которой намъ пришлось проходить, извѣстна подѣ общимъ именемъ Чубихеви. Въ составъ ея входитъ около 10 селеній, а по пространству она занимаетъ почти половину всей Дадишкеліановской Сванетіи. Жители ея несванскаго происхожденія и, по общему мнѣнію, евреи**). Какъ они попали туда, доподлинно неизвѣстно, но, судя по сохранившемуся типу и нѣкоторымъ чертамъ характера, это предположеніе имѣетъ за собою всѣ основанія. По религіи и образу жизни они настоящіе сваны, но послѣдніе издавна относятся къ нимъ враждебно. Такъ, на примѣръ браки между сванами и жителями Чубихеви не заключаются, и даже ѣсть изъ одной посуды сванъ считаетъ неудобнымъ. Несмотря на непосредственное сосѣдство въ теченіе многихъ лѣтъ, до сихъ поръ отношенія между этими племенами въ высшей степени недоброжелательныя. Характеры ихъ различны: житель Вольной Сванетіи суровъ, гордъ и честенъ; чубихевецъ мелоченъ, любопытенъ и плутовать. Во время остановки въ сел. Таврарѣ толпа любопытныхъ все время вертѣлась въ занятой нами комнатѣ. Дѣти, женщины и мужчины одинаково нахально лѣзли смотрѣть на нежданныхъ гостей, и намъ удалось изгнать ихъ изъ комнаты, лишь начавъ раздѣваться и потушивъ огонь. Нужно было видѣть безконечныя препирательства нашихъ носильщиковъ, взятыхъ въ Таврарѣ, изъ-за каждаго фунта груза—препирательства, доходившія до брани. И это

*) По „Своду статистическихъ данныхъ о населеніи Закавказскаго края“ (Тифлисъ 1893 г.) это селеніе также называется Лахомули; А. И. Стояновъ въ соч. „Путешествіе въ Сванетію“ его называетъ Лахамулъдъ или Лакмулъдъ.

***) А. И. Стояновъ (Ibid.) сомнѣвается въ томъ, чтобы лахамулъдцы были евреями, хотя признаетъ за ними многія ихъ качества: смѣтливость и промышленный духъ. Но Г. И. Радде („Путешествіе въ Мингрельскихъ альпахъ“ въ VII к. Записокъ Кавк. Отд. Имп. Русс. Геогр. Общ. 1866 г.) склоненъ въ нихъ видѣть бывшихъ евреевъ. *Ред.*

происходило каждый день и заставляло насъ терять даромъ много времени. Они вѣчно отставали во время пути, чтобы выиграть лишній день, такъ какъ получали поденную плату, и иногда указывали, какъ мы потомъ узнали, болѣе длинную и трудную дорогу.

Не таковы жители Вольной Сванетіи. Часто мы проводили въ ихъ селеніяхъ нѣсколько часовъ, но никто не являлся безъ приглашенія, и я уже говорилъ выше, какъ трудно было намъ проникнуть въ ихъ жилища. Они относились къ намъ какъ къ людямъ, чуждымъ имъ, съ которыми у нихъ нѣтъ ничего общаго. Но разъ судьба сталкивала насъ ближе, нельзя было имъ отказать въ нѣкоторыхъ достоинствахъ.

Между нашими носильщиками и проводниками, взятыми въ с. Бечо, мы ни разу не замѣтили никакихъ недоразумѣній. Что же касается ихъ отношеній къ намъ, то они были положительно безупречны, и мы съ сожалѣніемъ разстались съ ними, когда они пожелали возвратиться домой, дойдя съ нами до условленнаго пункта.

Селеніе Лахамуръ состоитъ приблизительно изъ 20 домовъ и составляетъ центръ всего этого угла Сванетіи. Площадка въ срединѣ селенія, на которой раскинулся великолѣпный орѣхъ, была полна народа. Подъ деревомъ, на большой каменной скамьѣ сидѣлъ князь Дадишкелани, полковникъ русской арміи, и бесѣдовалъ съ народомъ. Рядомъ съ нимъ стояли двѣ дѣвушки и угощали его виномъ и фруктами. Каждый подходящій крестьянинъ цѣловалъ князя въ плечо, по обычаю предковъ. Съ тѣхъ поръ какъ князь Дадишкелани лишенъ княжества, народъ все же еще чтитъ въ нихъ князей, и во внутреннихъ дѣлахъ воля послѣднихъ имѣетъ большое значеніе.

Князь сообщилъ намъ нѣсколько свѣдѣній о житьѣ-бытьѣ свановъ и рекомендовалъ посмотрѣть на обрядъ оплакиванія,

который происходил невдалекѣ, въ одномъ изъ домовъ. Мы вошли въ большую комнату, слабо освѣщенную нѣсколькими бойницами, да десяткомъ восковыхъ свѣчей, кое-гдѣ прилѣпленныхъ къ потолочнымъ балкамъ.

Вокругъ стѣнъ стояло человѣкъ 150 мужчинъ, оставляя только небольшой промежутокъ въ переднемъ углу, гдѣ видѣлся гробъ. Ближе къ серединѣ комнаты такой же кругъ изъ женщинъ, которыя ходили одна за другой, громко причитая и колотя себя въ грудь. Вой стоялъ оглушительный. Старыя мегеры, съ распущенными волосами и красными отъ слезъ глазами, были до нельзя отвратительны. Около получаса продолжался этотъ своеобразный концертъ; затѣмъ женщины поочередно стали подходить къ мѣсту, гдѣ лежалъ покойникъ, и разсаживались на лавкахъ около длиннаго стола, гдѣ почти рядомъ съ гробомъ видѣлись бутылки арака.

Тогда на освободившуюся площадку посрединѣ комнаты по одному или по два стали выходить близкіе родственники умершаго. Плача, колотя себя въ грудь и дотрогиваясь до ушей, произносили они передъ гробомъ цѣлыя рѣчи. И каждый разъ какъ замолкалъ звукъ ихъ воплей, всѣ мужчины, стоящіе вокругъ стѣнъ, подымали руки вверхъ, и стоголосый крикъ «міа вай!» *) потрясалъ мрачныя своды комнаты. При этомъ всѣ падали на колѣни и, прикладывая руки къ ушамъ, что, очевидно, служить выраженіемъ глубокой печали, громовымъ хоромъ, словно по командѣ, возглашали «вай»!.

Дико раздавался раздирающій душу крикъ въ сумрагѣ закоптѣлаго сванскаго жилища; свѣчи нугливо колыхали своими тусклыми языками, и пручудливыя тѣни слонялись по чернымъ стѣнамъ, дрожа отъ этихъ нечеловѣческихъ воплей....

Оплакиваніе продолжается нѣсколько дней и сопровождается непрерывнымъ питьемъ арака. Намъ удалось отка-

*) Горе мнѣ!

заться отъ предложеннаго угощенія, и къ полудню мы уже вступили въ ущелье Ингура, дикое и величественное. Съ этого момента въ теченіе трехъ дней мы уже не видѣли ничего, кромѣ крутыхъ, поросшихъ лѣсомъ, скалъ, достигающихъ страшной высоты, да клочка голубого неба между ними, на которомъ не болѣе пяти часовъ въ день сіяло солнце. По глубинѣ и мрачности, по тѣмъ затрудненіямъ, съ которыми связано путешествіе, въ Закавказь нѣтъ другого ущелья, подобнаго описываемому. Не даромъ говорятъ, измѣняя извѣстную поговорку, что «кто не ходилъ въ Сваненію по Ингуру—не молился Богу». Дѣйствительно, часто едва замѣтная тропинка совсѣмъ теряется на крутыхъ осыпяхъ, или приходится переходить съ одной скалы на другую по двумъ бревнышкамъ на высотѣ тысячи футовъ надъ бушующей рѣкой; или, еще лучше, въ одномъ мѣстѣ пришлось перебираться на рукахъ, хватаясь за корни деревъ, пронизывающихъ скалы, и вися въ нѣсколькихъ саженьяхъ надъ поверхностью воды. Все это еще ничего въ хорошую погоду, но достаточно небольшого дождя, чтобы дальнѣйшее движеніе было пріостановлено. Особенно опасно на осыпяхъ, гдѣ одинъ только невѣрный шагъ можетъ повлечь паденіе иногда съ самой головокружительной высоты *).

*) Приводимъ для сравненія два мѣста изъ „Путешествія по Сванетіи“ А. И. Стоянова, относящіяся къ этому трудному пути:

„Хребетъ Бах или Бакхылд подходитъ къ самому Ингуру и падаетъ внизъ обрывистыми отвѣсными скалами, покрытыми наверху рѣдкими рядами деревъ. Девять разъ должны были мы взбираться на скалы и потомъ спускаться внизъ, пока не прошли этого опаснаго мѣста. Тропа, пробитая въ скалѣ, иногда фута въ два ширины, такъ-что только цѣпкій катеръ можетъ по ней пробраться. Подъезмы такъ круты, что, кажется, будто того и смотри, перевернешься вмѣстѣ съ катеромъ назадъ. Подымаешься какъ-бы по каменнымъ полуразрушеннымъ ступенямъ, между которыми разстояніе иногда фута въ три, въ четыре. Спускъ еще хуже. Съ одной стороны тропы голая скала, за которую и зацѣпиться нельзя; съ другой—страшный обрывъ до самаго кипящаго внизу Ингура. Здѣсь нужно расчитывать каждый шагъ—иначе и костей потомъ не соберутъ.

Ущелье Ингура очень красиво, но въ виду продолжительности пути подь конецъ прямо давить своего замкнутостью: хочется скорѣе выйти изъ этой щели и вздохнуть свободнѣе на просторѣ долинъ.

Все время спуски и подъемы, такъ какъ приходится обходить прибрежныя скалы. Дремушіе лѣса глубоко молчаливы, и въ продолженіе трехъ дней пути мы не видали въ нихъ ни одного живого существа, если не считать нѣсколькихъ

Капризный мой катеръ, ревѣвшій и прыгавшій прежде, здѣсь обнаружилъ философскую осмотрительность и хладнокровіе: онъ съ необыкновеннымъ искусствомъ пробирался по тропикѣ, влезая на уступы какъ дикая кошка. Только въ такихъ случаяхъ можно оцѣнить выносливость и цѣпкость этого превосходнаго животнаго. Съ какимъ-то страстнымъ наслажденіемъ заглядываешься въ глубокую пропасть до тѣхъ поръ, пока не закружится голова и самъ не закачнешься на сдѣлѣ: перенесешь взоръ вверхъ на отвѣсныя скалы, наверху которыхъ торчатъ чуть держащіяся глыбы громадныхъ камней; кажется, вотъ сію минуту упадутъ вамъ на голову непрошенныя гости. Это тѣмъ болѣе казалось вѣроятнымъ, что очень часто намъ приходилось пробираться черезъ каменные завалы совершенно свѣжіе, упавшіе, вѣроятно дня два или три тому назадъ. Въ нѣкоторыхъ, самыхъ опасныхъ, мѣстахъ я слазилъ съ катера: вниманіе и осторожность на каждомъ шагѣ такъ замучили меня, что у меня застывали ноги. Я взбирался по камнямъ, нѣтъ опоромъ сванетскую палку, а все-таки скользилъ по катящемуся изъ-подъ ногъ сланцу, и нѣсколько разъ чуть не сорвался внизъ“...

„Мы еще прошли черезъ нѣсколько каменныхъ заваловъ и наконецъ очутились, какъ казалось, передъ непреодолимымъ препятствіемъ. Съ вершинъ лѣваго берега, отвѣсно подымавшихся надъ нами, упала маменисто-песчаная осыпь и сажень на тридцать совсѣмъ засыпала узкую тропинку. Эта осыпь совершенно гладко спускалась внизъ къ самому Ингуру на нѣсколько сотъ футовъ. Здѣсь остановились въ раздумьѣ самые смѣлые изъ нашего каравана. Амансъ и лахамулецъ внезапно бросились впередъ и наконечниками своихъ палокъ въ нѣсколько минутъ пробили тропу въ одинъ футъ—не болѣе—ширины. Намъ привязано было какъ можно поснѣннѣе пробѣгать эту импровизированную дорожку. Я самъ хорошо не помню, какъ прошелъ тридцать сажень. Сверху сыпались градомъ камни и ползла земля, внизу Ингуръ съ сильными ревомъ перекатывался черезъ громадные камни. Насрединѣ дорожки, не смотря на то что палка служила мнѣ точкою опоры, я поскользнулся—и въ головѣ моей быстро промелькнула мысль, что уже все кончено—не помню, какъ я сумѣлъ удержаться. Мы очутились на деревянныхъ подставкахъ, приставленныхъ у края самой

хищниковъ, высоко парившихъ въ воздухѣ. Между тѣмъ говорятъ, здѣсь попадаются звѣри. Туры и сѣрны водятся въ окрестныхъ горахъ; шакалы, медвѣди, рыси и даже барсы таятся въ лѣсахъ.

Ингуръ, самая быстрая изъ большихъ рѣкъ Кавказа, на всемъ протяженіи отъ Сванетіи до выхода изъ ущелья имѣетъ мало пороговъ, что, по всей вѣроятности, объясняется ея многоводіемъ. Мутно-сѣрыя воды ея мчатся къ югу съ глухимъ ревомъ, вата по дну огромные валуны. Рѣка эта, кое-гдѣ сжатая прибрежными скалами, висящими по сторонамъ, подобно колоссальнымъ готическимъ сооружениямъ, и почти лишенная солнечнаго свѣта, шумитъ во влажномъ прохладномъ сумракѣ.

Черезъ Ингуръ отъ с. Лахамура до Джваровъ, мипгрельскаго мѣстечка, на протяженіи около 80 верстъ, существуетъ всего три моста, изъ которыхъ одинъ полуразрушенъ, а по двумъ остальнымъ лишь по одному человѣку можно пройти безъ всякаго опасенія. Сваны ходятъ безразлично по обѣимъ сторонамъ рѣки, но для европейца, чтобы избѣжать особенно трудныхъ мѣстъ, необходимо пользоваться этими мостами и притомъ каждый годъ различнымъ образомъ, смотря по состоянію тропинокъ, въ виду чего я и считаю излишнимъ подробно останавливаться на обозначеніи нашего пути.

На пятиверстной картѣ на протяженіи около 50 верстъ отъ послѣдняго селенія Сванетіи не указано ни одного поселенія. Между тѣмъ это повѣрно. На этомъ пространствѣ на-

рѣки, около совершенно отвѣсной скалы, и вздохнули свободнѣе. Къ немалому нашему смущенію оказалось, что младшій мой товарищъ, Зурго, и наши катеры еще по той сторонѣ осыпи. Опять начали продвигать тропинку, уже засыпанную землею,—и черезъ нѣсколько минутъ всѣ мы были въ безопасности. Волненіе было очень сильное—и многіе изъ насъ набожно перекрестились, какъ бы избавясь отъ смертной опасности“.

Повидимому, съ 1875 г.—за четверть вѣка трудности пути по ущелью р. Ингура мало измѣнились къ лучшему. . Ped.

ходится 5 или 6 сванетских отселковъ, состоящихъ обыкновенно изъ 2—3 домиковъ. Въ самомъ сѣверномъ изъ нихъ, Гвендиши, мы встрѣтили первые посѣвы кукурузы. Въ этихъ отселкахъ можно достать куръ, яйца, молоко и медъ. Послѣдній находится въ каждомъ домѣ, такъ какъ жители сплошь занимаются пчеловодствомъ, правда, пользуясь самыми примитивными приемами. Обитатели этихъ отселковъ почти всё выселились изъ Лахамура и сосѣднихъ селеній Дадишкеліановской Сванетіи и говорятъ на сванскомъ языкѣ.

На пути встрѣчается большое количество мелкихъ рѣчонокъ, впадающихъ въ Ингуръ, но черезъ большинство изъ нихъ перекинута стволы деревъ, и переправы нигдѣ не представляютъ затрудненій, конечно, въ сухую погоду. Каждая изъ этихъ рѣчушекъ, во время непогоды, дѣлается совершенно непроходимой.

Всѣ они падаютъ каскадами съ крутыхъ склоновъ, мѣстами образуя значительные водопады. На ночлегъ мы всегда останавливались на берегу такихъ рѣчонокъ, но одинъ разъ насъ постигла неудача; вода оказалась нестерпимо зловонной. Изслѣдуя причины, мы наткнулись повыше на большой перегонный кубъ. Котель, доверху наполненный ягодами бузины, былъ приспособленъ надъ огнемъ, и изъ холодильника медленно вытекала вонючая жидкость. Это и былъ аракъ, столь любимый сванами. Отбросы выкидывались въ рѣчку, почему вода ниже этого мѣста не годилась для питья. Такіе кубы попадались намъ нѣсколько разъ въ ущельѣ Ингура. Травянистый видъ бузины (*Sambucus ebulus*) покрывалъ мѣстами сплошь огромное пространство, точно ее здѣсь сѣяли. Впрочемъ, такъ же обильны были заросли ежевики, спѣлыми гроздьями которой мы усиленно лакомимся. Остается непонятнымъ, почему жители не гонять водки изъ плодовъ этого послѣдняго растенія и предпочитаютъ вонючую бузину.

Изъ другихъ ягодъ малина и кавказская черника всюду растутъ въ большомъ количествѣ. Здѣсь же намъ попалось одно растеніе, которое сваны называли «матата». По ихъ словамъ, оно очень ядовито, и человекъ, пососавшій сокъ его корня, теряетъ сознаніе, сохраняя однако, подобно лунатикамъ, способность двигаться. Собранные нами экземпляры были, къ сожалѣнію, потеряны. Однако по всѣмъ признакамъ можно думать, что это белладонна (*Atropa Belladonna*).

Верстахъ въ 20 выше м. Джвары сванскія отселки смѣняются мингрельскими деревнями, и ущелье пріобрѣтаетъ другой характеръ. Уже не такъ дики и высоки окрестные хребты и не покрыты дѣвственными лѣсами. Молоденькій лѣсокъ изъ коряваго дубняка покрываетъ склоны; внизу зеленѣютъ посѣвы кукурузы, и въ садахъ среди вѣтокъ деревьевъ всюду видѣются грозди винограда сорта «Изабелла», пользующагося большимъ распространеніемъ въ Мингрелии. Обыкновенно его пускаютъ на деревья, и лоза совершенно запутываетъ деревья, достигая иногда толщины около 3 вершковъ. Мѣстами попадаются заросли самшита или кавказской пальмы. Эти рощи имѣютъ восхитительный видъ. Темная мелкая зелень самшита чудно отѣняетъ его бѣлые стволы, достигающіе до 3 сажень высоты. Намъ попадались ни, діаметромъ до 6 вершковъ. Этотъ цѣнный матеріалъ, идущій въ большое количество за границу на всевозможныя подѣлки, жители истребляютъ здѣсь самымъ безбожнымъ образомъ на дрова, соблазняясь большимъ количествомъ тепла, которое получается при топкѣ этимъ плотнымъ деревомъ.

На 17-й день нашего путешествія, забравшись на небольшой хребтикъ, мы были поражены открывшимся передъ нами видомъ.

Горы круто обрывались, и сколько главъ могъ хватить, передъ нами разстилалась къ югу безконечная равнина, на которой, разбившись на десятки рукавовъ, медленно проте-

какъ усмиренный Ингуръ. Слева на большомъ плоскогорьѣ среди садовъ виднѣлась церковь и. Джвары.

Черезъ часъ мы были уже въ канцеляріи, гдѣ и расположились на цѣлый день, чтобы основательно отдохнуть, такъ какъ путешествіе пѣшкомъ здѣсь оканчивалось и далѣе намъ предстояло уже ѣхать верхомъ по прекрасному мингрельскому шоссе. Я долженъ сказать нѣсколько словъ о канцеляріяхъ. Это учрежденіе устроено повсемѣстно въ кавказскихъ горахъ. Каждое общество должно имѣть канцелярію. Последняя всегда помѣщается въ особомъ домикѣ, выстроенномъ по типу мѣстныхъ построекъ, и состоитъ изъ двухъ комнатъ, изъ которыхъ въ одной занимается писарь, а другая служитъ для пріема пріѣзжающихъ лицъ. Для людей, незнакомыхъ съ мѣстными обычаями и языкомъ, это учрежденіе — сущее благодѣяніе, такъ какъ двери его всегда открыты, и кто-нибудь изъ должностныхъ лицъ деревни обыкновенно хоть немного говоритъ по-русски. Такихъ должностныхъ лицъ нѣсколько: старшина, его помощникъ, «добросовѣстный», писарь. «Добросовѣстный» — это народный судья, обыкновенно улаживающій разныя мелкія недоразумѣнія. Существованіе канцеляріи въ особенности въ такихъ углахъ, каковымъ является Вольная Сванетія, много облегчаетъ путешествіе.

По прибытіи въ какое-нибудь селеніе, нашею первою заботою было отыскать канцелярію, гдѣ мы и располагались обыкновенно на ночлегъ, и съ помощью старшины намъ повсюду удавалось добывать кое-какіе съѣстные припасы.

Въ такой канцеляріи м. Джвары мы и устроили дневку. Мѣстный лѣсничій, оказавшійся знакомымъ нѣкоторыхъ изъ насъ, узнавъ о нашемъ пріѣздѣ, явился къ намъ. Онъ не мало удивился, что намъ удалось совершить трудный путь по Ингуру, и рассказалъ о нѣсколькихъ неудачныхъ попыткахъ въ этомъ направленіи, предпринимавшихся любителями

природы. Въ настоящее время лѣсничій былъ занятъ сплавкой лѣса по Ингуру, и въ этомъ году былъ первый опытъ. По его словамъ, дѣло очень выгодно, но на первыхъ порахъ сопряжено съ громадными затрудненіями.

Расположеніе мѣстечка весьма благопріятно для ловли сплаваемого лѣса, потому что, какъ я уже упоминалъ, Ингуръ разливается здѣсь на множество узкихъ рукавовъ, образуя обширныя мели, гдѣ и задерживаются плывущіе стволы деревъ. Вечеромъ лѣсничій предложилъ намъ осмотрѣть сплавленный лѣсъ, и мы отправилсь. На огромномъ пространствѣ, по отмелямъ, разбросано безчисленное количество стволовъ. Лѣсничій очень хвалилъ матеріалъ, но мы замѣтили, что положительно весь лѣсъ косослоенъ, и потому мало пригоденъ какъ строевой. Это странное свойство часто присуще горному лѣсу и, повидимому, находится въ связи съ орографическими условіями мѣстности. Вопросъ этотъ еще недостаточно изученъ.

На слѣдующее утро мы взяли верховыхъ лошадей и къ полудню прибыли въ уѣздный городокъ Зугдиды, откуда дилижансъ въ тотъ же вечеръ доставилъ насъ на одну изъ станцій Закавказской желѣзной дороги.

Ал. Долгушинъ.

Квирилы,

въ сентябрѣ м. 1900 г.

ОТДѢЛЪ II.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Второй отдѣлъ настоящаго выпуска составилъ исключительно изъ образцовъ армянской народной словесности. Нѣкоторыя изъ статей, вошедшихъ въ составъ его, не отличаются новизною своего содержанія, и среди матеріаловъ, раньше напечатанныхъ въ нашемъ „Сборникѣ“, имѣютъ для себя параллели, частію среди произведеній армянской же словесности, частію—другихъ народовъ Кавказа. Редакція наша полезнымъ напечатать предлагаемые варианты въ виду цѣнныхъ для этнографа подробностей и отступленій, которыми изобилуютъ они. Но большая часть изъ печатаемыхъ статей впервые появляется на страницахъ „Сборника“.

Такова, напр., легенда: „Не осуждай другого“, которою начинается отдѣлъ; она представляетъ совершенно оригинальный рассказъ, возникшій на библейской почвѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ отличающійся совершенно мѣстнымъ колоритомъ: старикъ, изнемогшій отъ перетаскиванія по горамъ каменной соли для продажи и жестоко порицающій Адама, виновника всѣхъ человѣческихъ страданій, за его непослушаніе завіту Божію, самъ троекратно, въ теченіе короткаго времени, нарушаетъ легкую заповѣдь Божію и троекратно лишается райскаго блаженства.

Точно также впервые печатаются на страницахъ „Сборника“ и преданіе о насыпи, называемой „Нары-кѣпакъ“, (стр. 5—7) и „Легенды о Соломонѣ Мудромъ“ (стр. 7—10), кромѣ второй изъ нихъ, которая представляетъ вариантъ къ айсорской однопородной легендѣ, напечатанной въ XVIII вып. „Сборника“

(о. III, стр. 68—70): въ послѣдней Соломонъ предполагаетъ устроить для своего сына колыбель изъ птичьихъ костей и перьевъ. Интересно, что въ печатаемыхъ легендахъ библейскій мудрецъ совсѣмъ не обнаруживаетъ мудрости: въ первой изъ легендъ его поучаетъ отшельникъ, къ которому онъ приходитъ, и символическія дѣйствія послѣдняго, непонятныя для самого Соломона, объясняетъ ему его придворный; во второй легендѣ мудрѣ Соломона оговаривается сова, удостоиваемая за это отъ него награды, въ видѣ поденнаго пайка (3 воробья въ день); въ третьей же легендѣ превосходить царя Соломона своею предусмотрительностью его сынъ. Въ этомъ отношеніи предлагаемыя легенды имѣютъ сходство съ напечатанною въ XIII вып. „Сборника“: „О Соломонѣ Мудромъ“ (б. 2, стр. 158). Въ ней остроуміе Соломона оговаривается такое ничтожное созданіе, какъ муравей, явившійся къ нему на поклонъ. Любопытно также, что и по этой легендѣ птицы, вмѣстѣ съ другими животными, представляются подданными библейскаго царя и приносятъ ему дары при восшествіи его на престолъ (ср. также въ XVIII вып. 5-ую еврейскую легенду, которая начинается словами: „Царю Соломону повиновались всѣ земныя существа“, и 6-ю, гдѣ повторяется почти дословно та же фраза; стр. 149 и 150). Въ другихъ легендахъ о Мудромъ Соломонѣ, напечатанныхъ раньше въ „Сборникѣ“, звучитъ, обвиненно, иной мотивъ, и премудрый царь является во всеоружіи своей мудрости (см. XVIII в., о. 3, стр. 139—150; XIX в., отд. 2, стр. 148; XIII в., о. 2, стр. 330—333 или IX в., о. 2, стр. 171—174).

Легенды объ Александрѣ Македонскомъ (стр. 10) не имѣютъ параллелей въ раньше напечатанныхъ выпускахъ „Сборника“. Другія легенды, относящіяся къ этому герою древности, помѣщенные на страницахъ „Сборника“ (см., напр., X в., отд. 3, стр. 37—44), ничего общаго съ ними не имѣютъ. Вторую изъ печатаемыхъ легендъ, по ея темѣ, любопытно сопоста-

вить съ однимъ изъ эпизодовъ айсорской легенды: „О царѣ Соломонѣ“ (вып. XVIII, о. 3, стр. 69): въ нашей легендѣ эгоизмъ заставляетъ мать Александра попирать ногами трупъ нѣжно любимаго сына, въ айсорской же легендѣ женщина, изъ-за желанія выйти замужъ, въ угоду жениху, вынапываетъ изъ могилы трупъ нѣжно любимаго покойнаго мужа и отрубаетъ ему голову.

Преданіе: „Дивана-Балуль“ (11—17), надо полагать, составляетъ лишь часть цѣлаго цикла сказаній о Балулѣ. Такъ, въ XVIII в. „Сборника“ (о. 3, стр. 106—110) помѣщена айсорская сказка „Сартинъ и Балуль“: характерныя черты Балула здѣсь тѣ же, что и въ печатаемомъ преданіи,— онъ также является „очень умнымъ и добрымъ человекомъ“, „никому не отказываетъ въ совѣтахъ“ и „всякаго направляетъ къ добру“; какъ и Дивана-Балуль, онъ прибѣгаетъ къ страннымъ и загадочнымъ дѣйствіямъ. Что касается отдѣльныхъ эпизодовъ айсорской сказки, то они совсѣмъ другіе. Въ печатаемомъ преданіи не трудно замѣтить и нѣкоторыя стороннія наслоенія, примѣшавшіяся въ основному рассказу. Таково, напр., послѣднее приключеніе Дивана-Балула: рѣшеніе вопроса о томъ, сколько звѣздъ на небѣ; оно принадлежитъ къ числу анекдотовъ про мудлу Насръ-Эддина (см. вып. XIX, о. 2, стр. 146), только является здѣсь со своеобразною христіанскою окраскою.

Подобно этому, сильнымъ отбѣивомъ церковно-христіанскаго вліянія отличаются и слѣдующія за тѣмъ преданія: „Смерть“ и „Благочестивая Лусинъ“ (18—22). Второе изъ нихъ представляетъ переработку въ христіанскомъ духѣ извѣстнаго сказочнаго мотива о „Косоручкѣ“ и въ этомъ отношеніи имѣетъ кое-что общее съ помѣщаемою далѣе сказкою: „Бѣдная Марія“ (108—115); въ параллель къ нимъ изъ прежде напечатанныхъ въ „Сборникѣ“ матеріаловъ можно указать: „Гулчи-ханумъ“ (XIII в., о. 2, стр. 318—322), „Оби-

женному людьми Богъ помогаетъ“ (XIX в., о. 2, стр. 194—199) и „Жидъ и его дочь“ (XXVI в., о. 2, стр. 50—56), особенно первую изъ нихъ. Что касается русовыхъ сказокъ этого типа, то онѣ указаны были въ моемъ предисловіи къ XIII выпуску „Сборника“ (стр. XXXVI). Сказка „Бѣдная Марія“ интересна, между прочимъ, и въ томъ отношеніи, что удерживаетъ ту изъ подробностей „Косоручки“, которой послѣдняя обязана своимъ наименованіемъ въ русскомъ эпосѣ, — отрубаніе у несчастной дѣвицы ея рукъ, — подробность, которой не встрѣчается въ однородныхъ кавказскихъ сказкахъ.

Оригинальный мотивъ встрѣчаемъ въ двухъ номѣнаемыхъ далѣе легендахъ: „Чистая вѣра спасаетъ отъ огня“ и „Какъ головешка зазелѣтла“ (22—24): мораль первой изъ нихъ та, что „ради Бога“ можно совершить и не позволительный поступокъ; изъ второй же легенды можно вывести мысль, что преступленіе (убійство), совершенное съ цѣлью воспрепятствовать оскверненію храма, даже примиряетъ съ Богомъ тажкаго грѣшника, и, хотя рассказчикъ легенды въ заключительномъ замѣчаніи своемъ объясняетъ примиреніе грѣшника съ Богомъ исключительно силою покаянія и горячей молитвы грѣшника, вышесказанный выводъ логически вытекаетъ изъ хода разсказа. Что касается эпическихъ подробностей этихъ двухъ статей, то нельзя не замѣтить въ нихъ библейскаго вліянія, и невольно вспоминается вавилонская огненная печь и жеаль Аарона „прозавѣшій“. Подобное же чудо: развѣтаніе лова въ огнѣ, хотя при другихъ обстоятельствахъ, упоминается въ имеретинской сказкѣ-легендѣ: „Старикъ нищій и три брата“ (XIII в., о. 2, стр. 26). Вариантъ къ первой изъ печатаемыхъ легендъ былъ помѣщенъ въ XXIV вып., подъ заглавіемъ: „Жена священника и нищій“ (о. 2, стр. 122): героиней разсказа здѣсь является попадьа, и сила вѣры ея оказывается, по легендѣ, настолько велика, что тондиръ (печь), въ который она бросается, не-

только не сожигаетъ ея, но наполняется водою, а попадаъ превращается въ рыбу.

Легенды: „Богачъ и бѣднякъ“ (25—29) и „Преданіе о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ“ (29—32) однородны по своей общей мысли: странствуя по землѣ, Богъ испытуетъ добродѣтель людей и добродѣтельныхъ награждаетъ земными благами, а злыхъ наказываетъ; но подходить къ своей общей мысли онѣ совершенно различно. Первая изъ этихъ легендъ очень напоминаетъ русскую легенду, напечатанную въ XIII выпускѣ „Сборника“ (о. 2, стр. 291): „Іисусъ Христосъ съ апостоломъ Павломъ въ гостяхъ у мужика“, а также, отчасти, и извѣстный классическій мотивъ о Филемонѣ и Бавкидѣ. Но вторая половина печатаемой легенды даетъ и противоположный типъ и бичуетъ сарказмомъ жадность и эгоизмъ скупого богача. Вторая легенда представляетъ армянскій вариантъ къ рачинской легендѣ: „Старикъ-нищій и три брата“, напечатанной въ XIII выпускѣ „Сборника“. Армянская версія даетъ много новыхъ подробностей. Редакція „Сборника“ располагаетъ и еще однимъ вариантомъ этой легенды, также армянскимъ, записаннымъ въ Бакинской губерніи *Н. Калашевымъ* со словъ своего отца: онѣ почти тождественъ съ печатаемою и только разнится кое-какими частностями. Такъ, въ послѣдней версіи, Христосъ не сразу узнаетъ и удовлетворяетъ желанія братьевъ, а во время путешествія съ ними: сперва, при переходѣ чрезъ рѣку, берега которой усѣяны были камнями, удовлетворяетъ желаніе перваго и создаетъ изъ камней стадо: потомъ, во время отдыха въ лѣсу, для втораго превращаетъ лѣсъ въ садъ, и, наконецъ, Самъ предлагаетъ третьему пожелать что-нибудь. Исторія отнятія у жениха невесты его обогащается еще одною интересною подробностью: странникъ (т. е. Христосъ) приказываетъ взять двухъ кобылицъ, одну изъ нихъ съ жеребенкомъ, и, задержавъ жеребенка, развести кобылицъ въ

разныя стороны, потомъ освободить задержаннаго жеребенка, и жеребенокъ находитъ самъ свою мать; подобно этому, онъ предлагаетъ, чтобы оба претендента на невѣсту разошлись въ разныя стороны, а невѣсту, посадивъ на лошадь, пустить вслѣдъ за ними и признать ее принадлежащей тому, за тѣмъ она направится, какъ жеребенокъ за матерью. Немного иначе рассказывается исторія посѣщенія Христомъ младшаго изъ братьевъ: когда Христосъ застаётъ его за работою въ полѣ, то крестьянинъ бросаетъ работу и оставляетъ быковъ въ полѣ, воткнувъ передъ ними свою палку, которою погонялъ ихъ, и отводитъ странника въ свой домъ, а потомъ возвращается на пашню, чтобы окончить работу, но находитъ, что пашня уже вспахана чудеснымъ образомъ, а изъ палки, которую онъ воткнулъ въ землю, выросло цѣлое дерево. Странникъ въ версіи, записанной г. Калашевымъ, называется не Христомъ, а Гавріиломъ архангеломъ.

Преданіе объ албанскомъ царѣ Вачаганѣ (33—45) выдается своею искусственною и книжною редакціею, хотя, по словамъ собирателя, записано „со словъ“ одной рассказчицы. Оно проводитъ тенденцію, что, не только простому человѣку, но и царю, необходимо учиться ремеслу: царь Вачаганъ, герой преданія, спасся отъ смерти лишь благодаря умѣнью искусно ткать зарбабъ. Этотъ сказочный сюжетъ не новъ: въ XXIV выпускѣ „Сборника“ была напечатана однородная по содержанію армянская сказочка: „Знаніе мастерства лучше царства“ (стр. 107, о. 2), а въ XXVII выпускѣ—кабардинскій вариантъ ея (о. IV, стр. 1—8), подъ заглавіемъ: „Съ ремесломъ не пропадешь“. Въ послѣдней героиней сказки является Шахъ-Аббасъ, персидскій царь. Печатаемое преданіе, сравнительно съ этими двумя сказками, даетъ много новыхъ подробностей, въ числѣ которыхъ отмѣтимъ, что, вмѣсто трактира, какъ въ кабардинскомъ вариантѣ, или дома богатаго поселянина, куда попадаетъ въ неволю во время

своихъ путешествій герой первой сказки, въ нашемъ вариантѣ дѣйствіе переносится въ монастырь, и монахи являются въ неподходящей для нихъ роли душегубовъ и людоедовъ. Такое странное отношеніе къ монастырю и монахамъ совсѣмъ не гармонируетъ съ благочестіемъ армянскаго народа и, можетъ быть, объясняется перенесеніемъ на монаховъ той ненависти и презрѣнія, какія питають магометане къ дервишамъ: въ восточныхъ ссвязкахъ дервиши выставляются людьми, занимающимися темными профессіями: колдовствомъ, захарствомъ, промышляють обманомъ, знаютъ съ духами и т. п. Редакція „Сборника“ располагаетъ статью смотрителя Арцеваникского училища, *Е. Меликъ-Шахназарова*, въ которой рассказывается преданіе объ обществѣ дервишей, занимавшихся похищеніемъ людей и умерщвленіемъ ихъ, для полученія изъ труповъ ихъ яда.

Статья: „Въ пещерѣ“ (45—57), записанная смотрителемъ Иманшалинского училища, *з. Шамновымъ* „со словъ старожилловъ“, также отличается искусственностью композиціи. Редакція помѣщаетъ ее ради оригинальности ея сюжета, который носитъ слѣды отдаленныхъ воспоминаній о вулканическихъ переворотахъ, пережитыхъ Кавказомъ. На фонѣ фантастическаго рассказа объ ужасахъ землетрясенія и изверженія вулкана развивается здѣсь библейская идея, что Богъ милуетъ за добрыя дѣла. Какъ эпическій аксессуаръ, землетрясенія упоминаются и въ другихъ кавказскихъ сказкахъ (см., напр., XV вып. „Сборника“, о. 2, стр. 15 и 162).

Сказка: „Геджа-Чраги“ (58—67) рисуетъ продѣлки пройдохи Али-Кули (онъ-же Геджа-Чраги), безжалостно мстящаго своему обидчику визирю за недоплаченный „кранъ“ (около 28½ коп.). Местъ и ловкія, вороватыя продѣлки составляютъ содержаніе многихъ изъ кавказскихъ сказокъ, уже напечатанныхъ въ „Сборникѣ“. Таковы, напримѣръ: „Тамбій“ (II вып., отд. 2, стр. 129), „Хархали“ (XIII вып., отд. 2, стр. 305),

„Петръ и Петрушка“ (XVI в., о. 1, стр. 358 и д.), „Демида“ (XXVI в., о. 2, стр. 231 и д.). Но всё онѣ имѣють совершенно другое содержаніе и сходны лишь въ указанномъ выше смыслѣ. Болѣе близкое сходство съ печатаемою сказкою имѣеть лишь сказочка: „Хвостъ телка“, напечатанная въ XXIV вып. „Сборника“ (стр. 243 и сл., о. 2), но и послѣдняя въ подробностяхъ много отличается отъ нашей, конецъ же ея совсѣмъ иной: мальчикъ, герой названной сказочки, въ заключеніе женится на дочери того купца, котораго онъ раньше преслѣдовалъ, и, такимъ образомъ, примиряется съ нимъ; тогда какъ въ нашей сказкѣ дѣло оканчивается гибелью преслѣдуемаго визира, а Геджа-Чраги новыми продѣлками заставляеть шаха выдать за него свою дочь.

Ближе къ перечисленнымъ сказкамъ о хитрыхъ продѣлкахъ стоитъ помѣщаемая далѣе сказка: „Началь-Назаръ“ (73—80): герой ея мститъ своимъ односельцамъ за то, что они не отплатили ему приглашеніями за обѣдъ, который онъ устроилъ для нихъ. Одна изъ подробностей этой сказки, обогащеніе съ помощью кожи быка, сближаетъ ее со сказкою изъ сборника Шлейхера, приводимую Аванасьевымъ въ примѣчаніи къ сказкѣ „Шуть“ (№ 223), хотя эта подробность переработана въ нашей сказкѣ совершенно своеобразно. Заключительные рассказы послѣдней (выборъ въ старшины, доставаніе скота изъ рѣки) также напоминаютъ вышесказанную литовскую сказку, хотя онѣ есть и въ кавказскихъ сказкахъ: „Тамбій“ и „Хархали“ (ср. также замѣтки о сказкахъ этого рода въ предисловіи къ XIII выпуску „Сборника“, стр. XXXII—XXXIII).

Сказка: „Дѣти купца Арутюна“ (67—73) есть вариантъ русской сказки, напечатанной въ сборникѣ Аванасьева подъ названіемъ: „Оклеветанная купеческая дочь“ (№ 194); одними изъ своихъ подробностей она ближе стоитъ къ ея первой редакціи, а другими—во второй. Такъ, напр., въ печатаемой

сказка́ рассказывается, что въ дочь купца влюбляется сынъ царя, какъ во второй редакціи Аванасьева (въ первой влюбляется самъ царь); для выясненія клеветы сынъ купца ѣдетъ на родину, къ сестрѣ, — также согласно со второй редакціей; всѣ же прочія подробности ближе къ первой редакціи. Печатаемый кавказскій вариантъ вноситъ и кое-что новое: такъ, мысль о торговомъ путешествіи, несогласная съ необыкновенною любовью брата къ сестрѣ, приписывается въ нашей сказкѣ не ему, а его друзьямъ, имѣющимъ нѣлю раавлечь товарища, убитаго потерей отца; рассказывается о пожарѣ на фабрикѣ, благодаря которому царевичъ увидаль портретъ сестры Арама; о томъ, какъ Арамъ потерялъ вѣру въ добродѣтель сестры и выразилъ ей свое презрѣніе, и др. эпизоды. Другой кавказскій вариантъ этой сказки, также армянскій, подъ заглавіемъ: „Вѣрная супруга“ былъ напечатанъ въ XXIV выпускѣ „Сборника“ (о. 2, стр. 190 и сл.). Онъ значительно отличается и по своему тону и по своимъ подробностямъ какъ отъ предлагаемой въ настоящемъ выпускѣ, такъ и отъ параллельныхъ русскихъ сказокъ. Такъ, вмѣсто сестры и брата въ ней выводятся мужъ и вѣрная жена, которая подвергается обвиненію въ невѣрности, и завязка сказки, поэтому, совсѣмъ иная. Здѣсь рассказывается о женитьбѣ купца на царевнѣ. Изъ подробностей совершенно своеобразныхъ можно указать сонъ царевны, построеніе купцомъ бани для царевны, хитрость клеветника съ нѣлюю получения основаній для обвиненія, клеймленіе ложнаго обвинителя и др.

Сказка: „О двухъ братьяхъ“ (80—89) тождественна по своему содержанію съ русскою, помѣщенной въ сборникѣ Аванасьева подъ заглавіемъ: „Чудная курица“ (№ 116), но въ подробностяхъ пересказа этого сказочнаго сюжета значительно уклоняется какъ отъ основного текста ея въ сборникѣ Аванасьева, такъ и отъ тѣхъ параллелей къ нему, ко-

торны указаны имъ, и концомъ своимъ захватываетъ другой сказочный мотивъ, составляющій содержание русскихъ сказокъ, озаглавленныхъ у Афанасьева названіемъ: „Рога“ (№ 118). Изъ кавказскихъ сказокъ этою своею подробностью наша сказка напоминаетъ напечатанную въ XIX выпускѣ „Сборника“ грузинскую сказку: „О царевнѣ и вѣѣ“ (отд. 2, стр. 116 и д.). Превращеніе человѣка въ осла посредствомъ удара плетью, составляющее одну изъ выдающихся подробностей этой сказки, встрѣчается также въ кабардинской сказкѣ „О Хагорѣ“ (вып. XII, стр. 78—80); подобныя же превращенія находимъ и въ сказкѣ „Гюль и Синейвизъ“: здѣсь жена героя, Гюль, ударомъ плети превращаетъ своего мужа въ осла, а мужъ, потомъ, ударомъ платка, смоченнаго „зельемъ“, превращаетъ жену свою въ собаку (вып. IX, о. 2, стр. 101 и 102). Диковинныя вещи, приобретаемыя отъ девоу однимъ изъ героевъ сказки, часто встрѣчаются и въ другихъ кавказскихъ сказкахъ. Такъ, напр., въ сказкѣ: „Богатырь Ибрагимъ“ (вып. XXVI, о. 2, стр. 108) упоминаются коверъ-самолетъ, шапка-невидимка и, кромѣ того, палка и скатерть *прожорливая*; эти предметы герой сказки получаетъ отъ „царя бѣсовъ“. Въ сказкѣ „Гюль и Синейвизъ“ герой ея Али, какъ и въ нашей сказкѣ, встрѣчаетъ трехъ дивовъ, занятыхъ раздѣломъ между собою трехъ диковинокъ: ковра-самолѣта, скатерти-самобранной и шапки-невидимки, и овладѣваетъ этими вещами съ помощью такой же хитрости, которая указывается въ нашей сказкѣ (см. IX вып., отд. 2, стр. 98—99). Съ тѣмъ же эпизодомъ встрѣчаемся и въ сказкѣ: „О прекрасной царевнѣ“ (вып. VI, о. 2, стр. 125—140), въ сказкѣ: „Овчи-Пиримъ“ (вып. XXIV, о. 2, стр. 179) и въ „Сказкѣ о двѣдушкѣ-красавицѣ“ (тамъ же, стр. 268).

Сказка: „Злой царь“ (89—101) представляетъ новый вариантъ въ подобной же сказкѣ, напечатанной въ XIX выпускѣ „Сборника“ подъ заглавіемъ: „Царскій сынъ и лягу-

шка" (о. 2, стр. 155—159). Въ предисловіи къ послѣднему выпуску мною указаны другія параллели къ ней (стр. XV). Печатаемая сказка, точно также, какъ и указанная выше, параллель къ ней, послѣ всѣхъ другихъ порученій, которыя даетъ герою сказки злой царь, чтобы погубить его, говорить о путешествіи перваго „на небеса, гдѣ живутъ души умершихъ“, и заканчивается гибелью завистливаго отца его (въ нашей обращеніемъ его въ камень), при произнесеніи фразы, сказанной на томъ свѣтѣ матерью. Этою своею подробностью данная сказка напоминаетъ помѣщаемую ниже, подъ заглавіемъ: „Нулениый сомъ“ (стр. 115—124); только въ послѣдней злой и завистливый царь погибаетъ въ огнѣ, задумавши, въ подражаніе герою сказки, самъ совершить путешествіе на *томъ* свѣтѣ. Но начало печатаемой сказки, а равно и весь планъ ея не имѣютъ ничего общаго съ герду. Фабула ея основана на вѣрованіи въ вѣщіе сны, настолько твердо, что герой разсказа покупаетъ для себя исполненіе загадочнаго сна, увидѣннаго другимъ человекомъ, цѣною всего своего состоянія. Разсказомъ о путешествіи съ цѣлью найти исполненіе сна, а также объ обстоятельствахъ женитьбы своего героя и нѣкоторыми другими подробностями она напоминаетъ напечатанную въ XXVI выпускѣ сказку: „Пастухъ Ибрагимъ“ (о. 2, стр. 71—81); но въ развитіи подробностей разсказа сравниваемая сказка идетъ самостоятельно. Конецъ ихъ также совершенно различный.

Сказка: „Качаль-Ахметъ“ (125—132) имѣетъ въ своей основѣ весьма часто встрѣчаемую въ сказкахъ идею, что нигуда, повидимому, не годный человекъ, обнаруживаетъ нерѣдко необыкновенные таланты: гуляка и рабѣйникъ Ахметъ, котораго прогнала отъ себя даже мать, оказывается полезнымъ для царя человекомъ и, добывая царевичу его возлюбленную, тѣмъ спасаетъ его отъ болѣзни, причиненной любовью къ ней.

Сказка: „Лисица и пастухъ“ (101—108) имѣть много общаго съ напечатанными раньше сказками: „Лѣсной человѣкъ и котъ“ (русская, въ XXVI в., о. 2, стр. 200—205), „Лиса и мельникъ“ (имеретинская, въ XIX в., о. 2, стр. 71—74) и „Лисица“ (армянская, XIII в., о. 2, стр. 130—140): въ ней также, какъ и въ перечисленныхъ сказкахъ, лиса является въ роли благодѣтельницы героя сказки; но въ развитіи своей темы печатаемый вариантъ совершенно самостоятеленъ; эпическій характеръ лисы (хитрость и лукавство) въ нашей сказкѣ выдержанъ лучше, нежели въ напечатанныхъ раньше, и благодѣтельницею она является лишь въ силу необходимости. Ближе, чѣмъ къ кавкаскимъ однороднымъ сказкамъ, она стоитъ къ русской: „Козьма Скоробогатый“ (Аф. № 99-й), но и съ нею не во всемъ сходится. Заключеніемъ своимъ, в именно: рассказомъ о неблагодарности пастуха къ своей благодѣтельницѣ, эта сказка сближается съ другою, помѣщаемою далѣе: „Крестьянинъ и змѣя“ (стр. 132—137), которая специально разрабатываетъ эту тему: здѣсь и четверногія и растенія, окружающія человѣка, даже, наконецъ, родникъ, утверждаютъ единогласно, что человѣкъ есть самое неблагодарное существо во вселенной. Эпизодъ съ лисой, которымъ оканчивается наша сказка имѣть большое сходство съ концомъ русской сказки: „Старая хлѣбъ-соль забывается“ (Аф. № 8-й).

Специально продѣлкамъ лисицы посвящается слѣдующая за тѣмъ сказка: „Лиса“ (137—144). По нѣкоторымъ продѣлкамъ лисы эта сказка напоминаетъ русскія сказки о лисѣ, но сходство здѣсь лишь отдаленное; въ этомъ легко убѣдиться, если взять хоть самую ходячую изъ подробностей, напр., примораживаніе хвоста волка. Конецъ сказки представляетъ отклоненіе отъ главной темы: хитрая лиса оказывается одуроченною вороной. Такою же непоследовательностью въ изображеніи *хитрой* лисы отличаются и русскія

сказки (сравн., напр., конецъ сказки „Лиса-исповѣдница“, гдѣ пѣтухъ перехитрилъ и издѣвается надъ лисой; Ае. № 4, вар. b). Одинъ изъ эпизодовъ печатаемой сказки, а именно: исторія того, какъ лиса погубила волка, а сама воспользовалась приманкою изъ капкана, составляетъ тему самостоятельной сказки, напечатанной въ XV в. „Сборника“ (о. 2, стр. 189 и д.); исторія же того, какъ лису одурачила ворона, имѣетъ сходство съ однимъ изъ юмористическихъ рассказовъ, помѣщаемыхъ далѣе въ настоящемъ выпускѣ, подъ заглавіемъ: „Лиса и куропатка“ (стр. 162), хотя имѣетъ тамъ совершенно своеобразную окраску и подчиняется извѣстной тенденціи.

Сказка: „Умный и дуракъ“ (145—150) однородна съ русскою: „Дуракъ и береза“ (Ае. № 225), но сходство и здѣсь касается лишь основной мысли и плана: въ подробностяхъ же печатаемая сказка совершенно оригинальна и отличается мѣстнымъ колоритомъ.

Сказка: „Рамазанъ“ (151—156) имѣетъ въ „Сборникѣ“ нѣсколько параллелей для себя. Таковы: въ VII вып. (о. 2, стр. 53—61) русская сказка: „Гдѣ есть дураки“, въ XIX в. (о. 2, стр. 30—35) имеретинская: „Кто глупѣе“. Сходство съ ними, впрочемъ, ограничивается только главною мыслью и тономъ, все же остальное, кромѣ приключенія посла съ того свѣта, совсѣмъ иное. Тоже самое нужно сказать и про отношеніе печатаемой сказки въ великорусскому пересказу ея, напечатанному въ сборникѣ Аванасьева, подъ заглавіемъ: „Вороватой мужикъ“ (№ 220).

Рядъ юмористическихъ мелкихъ рассказовъ, помѣщаемыхъ далѣе (157—167), начинается рассказомъ про глупость трехъ муллъ (№ 1) и жадность ихъ (№ 2),—тема инородческаго относительно армянъ происхожденія; это этнографическое позаимствованіе темы легко объясняется близкимъ соседствомъ на Кавказѣ армянскаго и татарскаго населенія,

благодаря чему многое изъ татарскихъ нравовъ и даже татарскій языкъ, а съ нимъ и устная словесность татаръ, стали до нѣкоторой степени достояніемъ армянскаго населенія; напомнимъ здѣсь характерное замѣчаніе *Бунятова* къ одной изъ сказокъ, доставленныхъ имъ въ редакцію „Сборника“ (XXIV вып., о. 2, стр. 139, подстр. примѣч.): „армянскіе сказочники рассказывали, и теперь многіе рассказываютъ, свои сказки по-татарски“. Напомнимъ здѣсь также нѣкоторыя изъ замѣчаній, сдѣланныхъ мною въ предисловіи къ XIII выпуску „Сборника“, по поводу сказокъ, рассказываемыхъ ашигами среди армянъ на *татарскомъ* языкѣ (стр. XXIV). Основанія для отрицательнаго, насмѣшливаго взгляда на муллу можно найти въ IX выпускѣ „Сборника“, въ прекрасной статьѣ *А. Захарова*: „Народное обученіе у закавказскихъ татаръ“ (о. 2, стр. 7—51).

Точно такое же позаимствованіе изъ татарской словесности представляетъ и 10-й изъ печатаемыхъ рассказовъ: „Одинъ лучше другого“ (166 стр.). Въ числѣ анекдотовъ про муллу Насръ-Эддина, которые были доставлены въ редакцію *М. Г. Эфендиевымъ*, и часть которыхъ была напечатана въ XXVI выпускѣ „Сборника“, находился и этотъ рассказъ. Здѣсь мудла Насръ-Эддинъ является примирителемъ дерущихся и дѣлаетъ все то, что въ печатаемой сказкѣ „хаджи“.

Директоръ Тифлисской

3-й женской гимназій *А. Боголюбскій*.

Тифлисъ.

1900 года, 24 ноября.

УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДМЕТОВЪ

(МОТИВОВЪ), ЗАКЛЮЧАЮЩИХСЯ ВЪ СКАЗКАХЪ,
ПРЕДАНІЯХЪ И ЛЕГЕНДАХЪ 2-ГО ОТДѢЛА.

Ангелъ въ образѣ погонщика верблюдовъ (11), останавливаетъ Александра Македонскаго (10), отнимающій у людей душу, лишенъ сердца (19), м-вѣстники воли Божіей (2).

Болтэнь отъ любви (87; 120; 126).

Визирь—взяточникъ (58; 148), и—совѣтники царя. *Видніе* Дивана-Балула (11). *Виспица* для казни преступника (65). *Возсозаніе* быка изъ его костей (82). *Волшебные* предметы: Голова птицы, дающая человѣку умъ (87). Кисть винограда, второю можно накормить всѣхъ гостей и войско царя (94). Коверъ-самолетъ (84; 87; 98). Обувь изъ заячьей травы, для хожденія по морю (86). Рѣка съ желтою, красною и черною полосами воды (97). Сабля, превращающая, при ударѣ ею, во что угодно (84; 87). Сердце птицы, дающее богатство (82). Скатерть-самобранья (84; 85). Феска-невидимка (84; 85). Эвлицагикъ, трава, возвращающая людямъ нормальный видъ (86). Яблоки, переварачивающія человѣка вверхъ ногами (86). *Ворона*, какъ весьма хитрая птица (143—144), обманута лисой (139). *Встрѣчи* знаменательныя—съ женщиной, которую сосутъ два щенка (96): . . . съ голой женщиной (96); . . . съ мужчиной, который желая увезти камень, заставляетъ припряженныхъ къ нему воловъ тянуть въ разныя стороны (4); . . . съ почтеннымъ старикомъ, пьющимъ кровь (90); . . . со старикомъ, который, не имѣя силъ поднять тяжесть, все увеличиваетъ ее (3); . . . съ тощимъ быкомъ среди луга (96); . . . съ тучнымъ быкомъ среди безплодной пустыни (96);

.... съ человѣкомъ, лежащимъ поперекъ воды (96); съ юношей, рубящимъ безъ разбора деревья (3). *Вѣра* спасаетъ отъ огня (22). *Вязаніе* носковъ, какъ средство для заработка (125).

Гіенна, опустошающая городъ (104). *Глупость*, какъ источникъ несчастія (151; 156), муллы (157—160). *Голова* птицы, дающая умъ (87). *Голуби*, вразумляющіе героя (86),, указывающій путь (114). *Голодъ* побуждаетъ материнскую любовь (10). *Гостепріимство* (25). *Грѣшникъ-душегубъ* получаетъ прощеніе (22).

Девы или *дѣвы* (84; 92), *овъ* царь (91). *Докторъ*, знающій „силу“ яйца и чудной птицы (81), *мнимый* (61 и 62). *Домъ* настоящей—могила (15). *Дураку* счастье (146—147). *Дѣвочки*, три сестры, являющіяся къ бассейну купаться (122). *Дѣлежъ* между братьями (145), между дѣвами (84).

Жертва клеветы, добродѣтельная дѣвушка посямляетъ клеветника (72); добродѣтельная царица, торжествуетъ надъ врагами 20; 21).

Зѣмокъ изъ птичьихъ перьевъ (8 и 9). *Заячья* трава (86). *Зима*, неблагодарная (132). *Знаніе* женихомъ ремесла, какъ условіе для согласія невѣсты на бракъ (40).

Игра въ карты съ царевной (83). *Испитаніе* посредствомъ молчанія (2).

Камень, къ которому припряжено 12 буйволовъ (4),, на который сѣдлись сваты, явившіеся къ царской дочери (106), *камни* драгоценные, отправляемые въ подарокъ (119). *Кизяки*, какъ мнимое средство для наживы (74; 76). *Кисти* рукъ, отрѣзанныя у дѣвушки (110). *Кисть* винограда, которой насыщаются всѣ гости и армія царя (94). *Кладъ*, достаемый дураку (147). *Кобылица* морская, разношерстная (120). *Коверъ* самолетъ (84), ... , на которомъ усаживаются гости и армія царя (98), ... , съ хитрымъ узоромъ (43). *Ковры* искусно сотканные—хорошая рекомендація для дѣвицы (39). *Кожаный* деньгъ (77). *Кольцо* завѣтное (67; 70). *Костеръ* для самосожженія (123; 124). *Красота* соблазняетъ царя (91; 120). *Кудесникъ*, объясняющій сокровенное (88). *Куропатка*, одурочившая лису (162).

Лекострѣ женщины (108). **Лисица**—благодѣтельница (101—108; 125), . . . вымогаетъ угрозами отъ новобрачной украшенія (139—140), . . . обманываетъ волка, заставляя, въ одномъ случаѣ, приморозить хвостъ, въ другомъ—попасться въ капканъ (140—142), . . . ворону и пастуха (137—138), . . . голубя, выманивая у него дѣтенышей (142), . . . одурочена вороной, дважды (143—144), . . . одурочена куропаткой (162).

Мать, соглашающаяся изъ-за выгоды на убіеніе дѣтей (82). **Мачеха**, губящая падчерицу изъ зависти (109). **Машина** для казни преступниковъ (59). **Местъ** лисицъ за испорченное поле (102), . . . за недоплаченный кранъ (58 и д), . . . за неотплаченный обѣдъ (74 и д.), . . . за разграбленіе имущества (76). **Министръ** злой, клеветникъ (69—72). **Могила**—истинный, настоящій домъ человѣка (15), . . . царская занимаетъ столько же мѣста, какъ могила простолюдина (15). **Монастырь**, служащій ловушкою для поступающихъ въ нею (41). **Мулла**—жертва своего легковѣрія (158), . . . жертва своей глупости (158—159), . . . отличается прозорливостью (160).

Назирѣ—совѣтники царя (65). **Наказаніе** посредствомъ привязыванія къ конскому хвосту (115). **Неблагодарность** змѣи (132). **Неприкосновенность** чужой собственности (56).

Обманъ въ видахъ мести (59; 61; 63; 76; 80), . . . для наживы (155—156) . . . для освобожденія (130—131), . . . для своего спасенія (78; 79; 149; 154), . . . при дѣлежѣ имущества (145), . . . съ цѣлью овладѣть диковинными предметами (84). **Оборотни**: красавица въ видѣ джейрана (126); садовникъ въ видѣ медвѣдя (31); царевна въ видѣ бѣлой ослицы (87). **Обручъ**, какъ средство обмануть дивовъ (84). **Обувь** изъ заячьей травы (86). **Одеждою** (качествомъ) обусловливается приемъ (12). **Осленокъ**, завидующій откармливаемымъ свиньямъ (163). **Ослиный** вкусъ (163). **Отшельникъ**, поучающій Соломона Мудраго (17). **Охота** даетъ случай найти красавицу-невѣсту (110; 125) . . . укрѣпляющее тѣло занятіе (33). **Ошибка** дѣвицы, совершающей побѣгъ отъ родителей (117).

Падчерица, преслѣдуемая мачехой (109). **Пастухъ**, одуроченный

плѣшивцемъ (79), . . . , покупающій цѣною всего стада загадочный сонъ (116) . . . и въ роли палачей (109). *Переводъ* Азраиломъ (66), . . . докторомъ (61), . . . двѣухой (59), . . . купцомъ (127), . . . мельникомъ (155), . . . сыномъ повара (63). *Пери*—невѣдомые люди (90; 92). *Перстень* царскій, служащій въ качествѣ приза (112—113). *Письмо* подложное (113). *Плшивый*—хитрецъ (74 и д.). *Портретъ* (68; 69). *Порученіе* на тотъ свѣтъ (153—154). *Порученія* опасныя: добыть молоко разношерстной морской кобылицы (120), . . . райское яблоко (122); сходить на тотъ свѣтъ (123). *Почитаніе* родителей, какъ добродѣтель (49). *Превращеніе* избы въ красивый домъ (27), . . . камней въ скотину (30), . . . скотины и пастуха въ камни (31). . . . поля въ садъ (30), . . . сада въ лѣсъ и садовника въ медвѣдя (31), . . . воды и бревно избы въ золото (32), . . . злого царя въ камень (98; 101), . . . царевны въ бѣлую ослицу (87). *Прожорливость* муллы (160). *Птица*, несущая необыкновенныя яйца (80; 81), . . . и благодѣтельныя (86). *Путешествіе* для изученія царства (4), . . . на небеса, гдѣ живутъ души умершихъ (123), . . . на тотъ свѣтъ (94).

Разбой, какъ промысль (125). *Разоблаченіе* клеветы посредствомъ лжи (72). *Рай* (2; 3). *Раскаяніе*, какъ путь къ спасенію (54). *Родникъ*—мѣсто отдыха (34). *Рѣшеніе* трудныхъ вопросовъ (16; 17).

Сабля, превращающая ударяемаго ею, во что угодно (84). *Сердце* птицы, приносящее богатство проглотившему его (82). *Символическіе* подарки (129; 130), . . . я дѣйствія (7; 8; 125; 126). *Скатерть* самобранка (84). *Скотъ*, добытый со дна рѣки (80). *Сова*, оказывающаяся мудрѣ Соломона (8). *Сонъ* вѣщій (115; 124). *Судьба*, отъ которой не уйдешь (118). *Старикъ*, изнемогающій подъ тяжестью ноши (грѣхи) (3). *Старуха*—вѣдьма (125). *Стрѣльба* изъ лука, для выбора невѣсты (89). *Сынъ* Мудраго Соломона, оказывающійся мудрѣ его (9).

Убийство изъ-за пустяковъ (147), . . . изъ мести (64), . . . чтобы недопустить до оскверненія трупа (22). *Усыпительный* порошокъ (63).

Феска, дѣлающая надѣвшаго ее невидимымъ (84).

Царская дочь, коварная, обыгрывающая героя сказки въ карты и опаивающая виномъ (83; 86). **Царь**, влюбляющійся въ свою невѣстку (91).

Человѣкъ—неблагодарнѣйшее существо въ мірѣ (132—136).

Зеленцанскъ—трава, противоядіе противъ чудесныхъ яблоковъ (86).

Эдемъ (2; 3). **Эхо** вводитъ дурака въ заблужденіе (146).

Юноша, безъ разбору срубающій деревья (смерть) (3).

Яблоки. переворачивающія человѣка вверхъ ногами (86), . . . о райское (122). **Яйцо** необыкновенное, имѣющее „силу“ (80).

УКАЗАТЕЛЬ

СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ ВЪ СКАЗКАХЪ, ПРЕДА-
НІЯХЪ И ЛЕГЕНДАХЪ 2-ГО ОТДѢЛА.

- Аббасъ*, герой анекдота (166—7). *Авакъ* царь, герой преданія (19—21). *Авамакъ*, гер. *) анекд. (165). *Аваранъ-Эйлаш*, сказочный герой (127 и д.). *Авелъ* (36). *Авраамъ* (36). *Адамъ*—прародитель (1; 37). *Азраилъ*, ангелъ смерти (66). *Албанія*, область (33). *Александръ* Македонскій (10). *Али-Кули*, ск. гер. (58—67). *Анаида*, героиня пред. (35—45). *Анкарь*, царь (22). *Араксъ*, рѣка (79; 80). *Арамъ*, гер. ск. (67—73). *Аранъ*, гер. пред. (35, 39). *Арменія*, обл. (19). *Арпачай*, рѣка (2). *Арутюнь*, купецъ, гер. ск. (67; 70—73). *Астмикъ*, героиня ск. (67). *Ахметъ*, качаль, таджиръ, гер. ск. (125 и д.).
- Баидадъ*, городъ (13). *Балуль* (Дивана), гер. легенды (11—17). *Бардай*, селеніе (33).
- Вачатанъ*, царскій сынъ, гер. пред. (33—45). *Ваче*, царь, гер. пред. (33; 38; 39). *Вашпажъ*, гер. пред. (33—43).
- Гавриилъ*, архангелъ (18). *Гамаякъ*, гер. пред. (21). *Гасанъ*, ск. гер. (160). *Гаишъ*, возвышенность (2). *Геджа-Чрани*, гер. ск. (58—67).
- Давидъ*, царь (36). *Джебраилъскій уѣздъ* (5). *Емисветополь*, городъ (33).
- Ирза*, гер. анекдота (166—167). *Исаъ* (36).
- Іаковъ* (36). *Іисусъ Христосъ* (21; 29—32). *Іоаннъ* Креститель (21). *Карабулахъ*, селеніе (5). *Кѣндалакъ-чай*, рѣка (5 и 7). *Култи*, сел. (1).

*) Сокращенія: гер.—герой или героиня; ск. и сказ.—сказочный и сказки; пред.—преданіе; обл.—область; сел.—селеніе.

- Луэникъ*, благочестивая, гер. пред. (19—22).
Марія, бѣдная (108 и д.). *Мекка*, городъ (137). *Мелконъ*, гер. пред. (23). *Месропъ* (33, 37). *Мильская степь* (5). *Моисей* (36).
Назаръ (качалъ), гер. ск. (73 и д.).
Пари-ханумъ, героиня ск. (65; 67).
Серопъ, гер. анекдота (164). *Соломонъ-Мудрый* (7—9). *Стамбуль*, гор (12).
Теймуръ-шахъ, ск. гер. (118). *Тертерь*, рѣка (33; 37).
Финикия, страна (20). *Франкстунское царство*, скав. страна (108).
Чинмачинское царство, сказочная страна (104).
Шахъ-Аббасъ, персидскій государь (58; 61—66). *Шуша*, городъ (33). *Шушинскій уѣздъ* (5).
Эшъ, гер. анекдота (165).

А. Б.

АРМЯНСКАЯ НАРОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ ЗАКАВКАЗЬѢ.

1. Легенды и преданія.

1. Не осуждай другого.

Въ одной изъ бѣднѣйшихъ странъ вселенной жилъ-былъ бѣдный горемыка. Онъ съ самаго рожденія не зналъ, что такое покой и блага жизни. Съ самаго ранняго дѣтства вмѣстѣ съ отцомъ своимъ этотъ человѣкъ ходилъ на промыселъ въ Кульны: отсюда они брали на плечи по большому куску соли и носили на продажу въ сосѣдніе города и селенія. Влача такую жалкую жизнь, нашъ бѣднякъ ничему не научился и случайно только отъ отца приобрѣлъ кое-какія познанія; такъ, узнавъ, между прочимъ, что люди когда-то блаженствовали въ раю, но за грѣхи Богъ прогнѣвался на прародителя всѣхъ людей, Адама, и выгналъ его изъ рая. Поэтому бѣднякъ нашъ не могъ терпѣть даже имени Адама и не упускалъ случая, чтобы выругать того, по чьей винѣ люди, и въ числѣ ихъ онъ-самъ, обречены на тяжкія муки.

Въ одинъ изъ непогожихъ осеннихъ дней, когда у нашего бѣдняка уже вся голова и борода были покрыты сѣдиной, и о бодрости и выносливости молодыхъ лѣтъ не было и помину, онъ, по обыкновенію, съ огромнымъ кускомъ соли

подымался на Гашъ *). Вдругъ колючки вонзились въ голыя ноги бѣдняка: отъ боли онъ пошатнулся, соль упала съ его плечъ, ударилась о камень и раздробилась на мелкіе куски. Тутъ старикъ захохалъ о потерѣ и принялся бранить праотца Адама такими словами, какихъ свѣтъ до того времени не слыхивалъ. Богу непріятно стало кощунство старика, и Онъ послалъ за нимъ херувима и серафима. Ангелы явились къ нему и сказали:

— „Старикъ! сегодня Богъ возмутился твоею бранью и хочетъ видѣть тебя, чтобы знать, что ты за человекъ такой, что не можешь простить вины Адама. Мы явились, чтобы взять тебя къ Нему“.

Старикъ оглянуться не успѣлъ, какъ ангелы доставили его къ престолу Божию. Богъ сказалъ бѣдняку:

— „Земнородный! ты такъ недоволенъ Адамомъ за нарушеніе имъ моего завета... Но, если бы Я послалъ тебя въ адъ, на его мѣсто, сможешь ли ты выполнить данную тебѣ заповѣдь?“

— „О, если бы я удостоился рай, то не только дьяволъ въ образѣ змѣи не обманулъ бы меня, но даже все сатанинское царство не въ состояніи было бы соблазнить меня!“ съ увѣренностью воскликнулъ бѣднякъ.

— „Въ такомъ случаѣ“, сказала тогда Богъ, „Я посылаю тебя въ рай, только съ уговоромъ: если семь дней и семь ночей ты проведешь тамъ въ молчаніи, то за твой подвигъ Я приму въ рай и другихъ людей, а если произнесешь

*) Такъ называется крутая возвышенность, расположенная верстахъ въ десяти отъ горнаго армянскаго селенія Бакранъ (Карсской обл.), при сліянніи рѣки Аракса и Арпачая. Она поднимается надъ окружающею мѣстностью почти на верету и услана множествомъ разнобъ величія каменныхъ осколковъ; растутъ здѣсь только колючки; крутизна подъема такова, что на протяженіи 2—2½ верствъ даже и верхомъ ѣхать нельзя. Слово „гашъ“, какъ нарицательное (татарское), обозначаетъ сѣдельную луку.

хоть одно слово, то очутишься снова на томъ же мѣстѣ, откуда взяли тебя“.

Старичокъ съ радостью согласился на такое, по видимому, легкое условіе и былъ немедленно взятъ въ эдемпъ. Привыкнуши къ ходьбѣ, онъ сталъ прогуливаться по раю и, спустя нѣкоторое время, встрѣтилъ дряхлаго, какъ и самъ былъ раньше, старика, который старался поднять вязанку дровъ, но никакъ не могъ осилить этого дѣла и, къ удивленію нашего бѣдняка, вмѣсто того, чтобы убавить дровъ въ вязанкѣ, все прибавлялъ и прибавлялъ новыхъ. Тутъ нашъ, помолодѣвшій въ раю, старикъ не вытерпѣлъ и сказалъ:

— „Какой же ты глупецъ!...“

Но не успѣлъ онъ докончить начатой фразы, какъ эдемпъ исчезъ, и онъ самъ очутился на Гашѣ.

Прошло немного времени, и предъ старикомъ явился ангелъ господень и сказалъ:

— „Зачѣмъ ты нарушилъ данный тебѣ завѣтъ?! Зачѣмъ ты захотѣлъ опять терпѣть эти страданія?!“

Старикъ сваливалъ вину на того неблагоразумнаго старца, который не могъ въ раю поднять свою вязанку, и сталъ умолять ангела, чтобы онъ выхлопоталъ ему позволеніе вернуться въ рай. Ангелъ внялъ его мольбѣ: строго приказалъ старику свято исполнять данную ему заповѣдь относительно молчанія и отвелъ его вторично въ рай. Снова очутился старикъ въ раю и испытывалъ райское блаженство. Только не долго и на этотъ разъ пришлось ему оставаться въ эдемпѣ. На этотъ разъ, прохаживаясь по раю, старикъ увидѣлъ юношу, который, оставляя на корнѣ сухія деревья, въ то же время безжалостно рубилъ плодовые зеленющія деревья. Не вытерпѣлъ и на этотъ разъ старикъ и началъ было говорить юношѣ:

— „Какъ тебѣ не жалъ зеленыхъ деревьевъ?!...“

Но и во второй разъ, не докончивъ фразы, старикъ нашъ очутился на Гашѣ.

Прошло нѣкоторое время, и предъ нашимъ старикомъ опять явился тотъ же ангель и упрекнулъ его за непослушаніе. Старикъ, какъ и въ первый разъ, сваливалъ съ себя вину на другого: винилъ въ своемъ несчастіи дровосѣка и сталъ умолять, чтобы ангель снова водворилъ его въ рай. Ангель предупредилъ его, что если онъ еще разъ согрѣшитъ, то болѣе уже не увидитъ рая, и въ третій разъ исполнилъ его просьбу.

На этотъ разъ, прохаживаясь въ раю, старикъ увидѣлъ, что къ громадному камню съ разныхъ сторонъ припряжено двѣнадцать буйволовъ, и среднихъ лѣтъ мужчина ихъ усердно подгоняетъ и понукаетъ, но буйволы, конечно, сколько ни тянутъ, не могутъ стронуть камня съ мѣста. Старикъ, глядя на усердіе этого челоуѣка и напрасныя усилія послушныхъ животныхъ, опять не утерпѣлъ и началъ-было говорить:

— „У насъ не такъ...“

Но не успѣлъ онъ докончить и первой фразы, какъ вдругъ очутился на Гашѣ, и предъ нимъ предсталъ ангель и сказалъ:

— „Ты упрекалъ Адама за однократное преступленіе, самъ же три раза согрѣшилъ!...“

Разстаываясь со старикомъ, ангель объяснилъ ему, что напрасно онъ осуждалъ другихъ, не понимая того, что они дѣлали. Старикъ, не могшій поднять вязанки дровъ и все-таки прибавлявшій новыхъ дровъ въ свою вязанку есть образъ людей, которые изнемогаютъ подъ бременемъ своихъ грѣховъ и, между тѣмъ, къ старымъ грѣхамъ прибавляютъ все новые. Юноша, безъ разбору рубящій деревья, есть ангель смерти, который уноситъ души умершихъ, не взирая на ихъ лѣта, а слѣдуя повелѣніямъ Всевышняго. Камень же, къ которому съ разныхъ сторонъ припряжено двѣнадцать буйво-

ловъ, означаетъ церковь: камень—основаніе христіанской церкви, Спаситель, а двѣнадцать буйволовъ—двѣнадцать „хачапаштовъ“, которые вмѣсто того, чтобы соединиться во едино и вмѣстѣ прославлять всемогущество Пресвятой Троицы, теряютъ свои силы въ бесполезныхъ спорахъ о томъ, чья вѣра лучше. Если бы люди, вмѣсто несогласій и споровъ, подобно Еноху и пр. Іліи, молились Богу, то имъ былъ бы прощень прародительскій грѣхъ, и они удостоились бы, подобно Еноху и пр. Іліи, вѣчной жизни.

Окончивши свое наставленіе, ангель скрылся, оставивъ бѣднаго старика на Гашѣ съ разбитымъ кускомъ соли.

Записалъ со словъ жителя сел. Баяндуръ, Саака Диланова, смотритель Баяндурскаго училища Г. Бумятовъ.

2. Кары-кѣпакъ.

Подъ словомъ „Кары-Кѣпакъ“ жители Шуминскаго и Джебраильскаго уѣздовъ подразумѣваютъ большую земляную насыпь, находящуюся въ Джебраильскомъ уѣздѣ, на двѣ версты къ сѣверу отъ молуканскаго села Карабулагъ, на правомъ берегу рѣчки Кендаланъ-чая, гдѣ прорѣзывается рѣку Агдамско-Джебраильское шоссе. На привыкшій глазъ мѣстныхъ обывателей эта огромная земляная насыпь никакого впечатлѣнія не производитъ, но проѣзжихъ этотъ искусственный холмъ своимъ величавымъ видомъ поражаетъ и вводитъ въ то историческое прошлое, съ которымъ умъ человѣка соединяетъ воспоминаніе о созиданіи крѣпостей, башенъ, земляныхъ насыпей и т. п.; онъ стоитъ стражемъ среди равнины, близъ Мильской степи и будто ждетъ своего возобновленія, чтобы принять вновь на себя великолѣпный царскій шатеръ

азиатских повелителей-шаховъ, какъ это было, по мѣстному преданію, въ отдаленныя времена. Холмъ сей имѣеть видъ усѣченного конуса; сѣверный склонъ имѣеть высоту отъ 70 до 75 саженой, южный немного меньше; какъ верхняя площадка холма, такъ и склоны его обработаны подъ пашни мѣстными жителями. Площадка имѣеть овальную форму; большая ось овала—20 саж., а малая—15. Окружность основанія около $\frac{2}{3}$ версты. Вокругъ холма кольцеобразно виднѣются остатки стѣнъ. Вѣковые дожди успѣли еще размыть склоновъ холма. Земля, какъ на самой площадкѣ, такъ и по склонамъ и у подошвы имѣеть пестро-сѣрый цвѣтъ и богата костями, углями и кусками разбитыхъ глиняныхъ сосудовъ малаго и большого размѣра, какъ стариннаго, такъ и повднѣйшаго производства.

Происхожденіе этой большой земляной насыпи мѣстные старожилы объясняютъ двояко.

Одни говорятъ, что этотъ холмъ воздвигнуть надъ одной старухой, по приказанію царя Надыръ-шаха, шедшаго съ несмѣтнымъ числомъ войска на медкихъ карабахскихъ владѣтелей-меликовъ и на Грузію, откуда могъ бы забрать въ плѣнъ большое число красавиць-грузинокъ для своего гарема. На томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь описанный холмъ, шахъ на своемъ пути повстрѣчалъ одну старуху, половшую сорныя травы на своихъ посѣвахъ; онъ поздоровался съ ней и прибавилъ: „Ну, что, старуха, помощь нужна при ѣдѣ или при работѣ?“ Получивъ отвѣтъ отъ старухи, что помощь нужна при ѣдѣ, шахъ приказалъ войскамъ немедленно зарыть ее живую, какъ главнаго врага хлѣба и предвѣстницу зла: каждый воинъ долженъ былъ бросать на нее по горсти земли и такимъ образомъ скоро образовался холмъ; шахъ его назвалъ „Кары-кецакъ“, что значитъ: „старуха-цѣсь“.

Другіе говорятъ, что образованіе этой земляной насы-

ни относится къ древнимъ временамъ: нѣкогда шель царь по этой странѣ съ большимъ войскомъ; онъ имѣлъ при себѣ любимаго пса, спаскаго когда-то жизнь своего хозяина-царя въ одномъ сраженіи; и вотъ здѣсь, при переправѣ черезъ рѣку Кендаланъ-чай, пёсъ занемогъ и недохъ; царь-хозяинъ, вѣрнее любимицѣй своего пса, велѣлъ волнамъ бросать каждому по горсти земли на него; такъ образовался холмъ, и царь назвалъ его: „Кара-Сынакъ“, что значитъ „чёрный пёсъ“.

Можно ли вѣрить тому или другому преданію мѣстныхъ старожилонъ или нѣтъ, трудно сказать: нѣтъ никакихъ основаній для того или другого заключенія. Но несомнѣнно, что холмъ устроенъ человѣческими руками и по всей вѣроятности служилъ нѣкогда пограничною вѣнечкою, какъ объ этомъ можно судить по остаткамъ стѣнъ вокругъ холма.

Смотритель Тутскаго земскаго училища *М. Полюсовъ*.

3. Легенды о Соломонѣ Мудромъ.

I.

Въ царствованіе Соломона, недалеко отъ Иерусалима, жилъ въ пещерѣ отшельникъ, къ которому со всѣхъ сторонъ стекался народъ за совѣтами. Разъ Соломонъ рѣшилъ тоже пойти къ нему за совѣтомъ и взялъ съ собою своего любимаго придворнаго. Отшельникъ по вдохновенію Божію узналъ, что Соломонъ идетъ къ нему, и приготовился къ его встрѣчѣ слѣдующимъ образомъ: подмелъ келью и собралъ соръ на серединѣ комнаты; самъ же раздѣлся до гола, набросилъ на плечи платокъ и сталъ на порогѣ дверей, закрывъ себѣ ротъ правою рукою. Когда Соломонъ съ придворнымъ подошли къ кельѣ отшельника и увидѣли вышеописанную картину, то послѣдній сказалъ:

— „Государь, довольно, пойдемъ домой!“

— „Что ты! мы пришли за совѣтомъ; развѣ не стыдно съ полъ-дороги вернуться?“ отвѣтилъ Соломонъ.

— „Совѣтъ уже данъ. Вернемся домой, и я тебѣ разъясню“.

По возвращеніи домой, придворный объяснилъ приемъ отшельника такъ: „Соръ, собранный на серединѣ комнаты, означаетъ наше земное богатство. Стоя на порогѣ дверей, отшельникъ этимъ показывалъ, что мы въ этомъ мірѣ временныя жильцы, а потому одною ногою стоимъ здѣсь, а другою на томъ свѣтѣ; платокъ, переброшенный черезъ плечо, означаетъ, что изъ богатства этого міра намъ нуженъ только кусокъ матеріи, величиною съ платокъ, для савана; закрывая же рукою ротъ, отшельникъ давалъ намъ знать, что опаснѣйшій врагъ человѣка—его языкъ, а потому его слѣдуетъ держать взаперти, чтобы не разболтался“.

Соломонъ остался доволенъ объясненіями придворнаго и щедро наградилъ его.

II.

Одна изъ женъ Соломона пристала къ нему съ просьбою построить ей замокъ изъ птичьихъ перьевъ. Соломонъ потребовалъ къ себѣ всѣхъ существовавшихъ на свѣтѣ птицъ и сталъ съ нихъ выщипывать перья.

По приказанію Соломона всѣ птицы прилетѣли къ нему, но не прилетѣла только сова. Соломонъ потребовалъ, однако, и сову къ себѣ и спросилъ о причинѣ ея ослушанія. Сова отвѣтила:

— „Мудрый царь! по капризу своей жены ты отнимаешь у насъ наше единственное украшеніе и защиту отъ непогоды. Я для тебя не пожалѣю не только своихъ перьевъ, но даже и головы своей, если это понадобится. Но какъ можно изъ перьевъ построить замокъ? Первый легкій вѣте-

рокъ разсѣтъ наши перья во всѣ стороны, и твои труды пропадутъ даромъ. Пожалѣй же насъ!”

Послѣ словъ совы Соломонъ оставилъ свое намѣреніе строить замокъ изъ птичьихъ перьевъ, а въ благодарность за добрый совѣтъ приказалъ, чтобы ежедневно къ каждой совѣ прилетало по три воробья, въ пищу ей.

Есть повѣрье, что и по настоящее время исполняется это приказаніе Соломона.

III.

У одного крестьянина было полтора сомара (около 30 пуд.) пшеницы. Онъ обратился къ Соломону за совѣтомъ: посѣять ли всю пшеницу или только часть ея. Соломонъ, зная, что въ наступающемъ году будетъ хорошій урожай, посоветовалъ посѣять всю пшеницу. Но противъ этого возсталъ сынъ Соломона, который совѣтовалъ посѣять 1 сомаръ, а остальнымъ прокормиться до жатвы. Крестьянинъ послѣдовалъ совѣту Соломона и посѣялъ всю пшеницу. Наступила весна, а потомъ и лѣто; ожидался прекрасный урожай, но бѣдному крестьянину до сбора хлѣба нечѣмъ было прокормиться, и онъ настолько голодалъ, что, однажды, когда онъ пошелъ осмотрѣть свои поля, отъ голоду упалъ и умеръ: коршуны выклевали ему глаза, трупъ же его сталъ гнить и распространять зловоніе.

Узнавъ о смерти крестьянина, сынъ Соломона предложилъ своему отцу поѣхать на поле кататься. Когда они приблизились къ трупу, то Соломонъ сказалъ:

— „Что за страшная вонь!”

— „Отецъ!” сказалъ сынъ: „эта вонь исходитъ изъ твоего рта“.

Соломонъ сильно прогнѣвался на сына, но когда замѣтилъ трупъ знакомаго крестьянина, тотчасъ же догадался, почему сынъ такъ жестоко оскорбилъ его, и почувствовалъ себя виноватымъ, а сыну простилъ его оскорбленіе.

4. Легенды объ Александрѣ Македонскомъ.

I.

Александръ Македонскій тотчасъ послѣ своего рожденія побѣжалъ кругомъ комнаты, но когда добѣжалъ до четвертаго угла, то ангелъ ударомъ повалилъ его и этимъ далъ знать, что Александръ завладѣетъ только тремя частями свѣта.

II.

По смерти Александра Македонскаго, мать горевала по немъ и не позволяла хоронить его трупъ. Придворные, видя, что словами нельзя убѣдить ее въ необходимости похоронить покойника, предложили ей, чтобы она оставалась съ трупомъ сына въ одной комнатѣ безъ пищи. На это мать Александра согласилась. Тогда придворные заперли мать Александра вмѣстѣ съ трупомъ ея сына въ одну комнату, и къ потолку ея подвѣсили хлѣбъ. Мать Александра въ первые три дня все время оплакивала смерть своего великаго сына, но на четвертый день сильно проголодалась и, замѣтивъ висѣвшій хлѣбъ, хотѣла достать его. Но такъ какъ хлѣбъ висѣлъ высоко, то она стала на трупъ сына и такъ достала хлѣбъ. Это было замѣчено караулившими ее придворными, и они сказали ей:

— „Ты не давала хоронить сына, считая это оскорбительнымъ для него, а между тѣмъ сама пошраешь ногами его трупъ, чтобы достать себѣ хлѣба!...“

Мать убѣдилась въ правотѣ придворныхъ и, наконецъ, разрѣшила похоронить сына.

Записано со словъ жителя селенія Банндур, Мадата Мадатова.

5. Дивана*)-Балуль.

Въ древности жилъ благочестивый царь Балуль. Онъ любилъ нищихъ и щедро раздавалъ имъ милостыню. Ежедневно, утромъ и вечеромъ, удаливъ всѣхъ изъ своей комнаты, онъ садился въ золотое кресло и молился Богу. Однажды, во время утренней молитвы, Балуль увидѣлъ въ окно, что какой-то погонщикъ верблюдовъ ходитъ по крышѣ его дворца. Царь оставилъ молитву, вышелъ на крышу и сказалъ незнакомцу.

— „Кто тебѣ позволилъ ходить по крышѣ моего дворца?..“

— „Я погонщикъ верблюдовъ“, отвѣтилъ незнакомецъ, „у меня пропали верблюды, и я ищу ихъ здѣсь“.

— „Какъ же ты ищешь верблюдовъ на крышѣ?!“ удивился царь.

— „А какъ же ты ищешь Бога, сидя на золотомъ креслѣ, лежа на пуховикахъ и живя въ роскошныхъ палатахъ?!“ возразилъ на это погонщикъ верблюдовъ. „Если хочешь спастись, оставь свой тронъ и на сырой землѣ молись Богу; тогда твоя молитва будетъ услышана Имъ“.

Послѣ этихъ словъ незнакомецъ скрылся, и Балуль догадался, что это былъ ангелъ въ образѣ человѣка. Тогда онъ припалъ лицомъ къ землѣ и сталъ молиться Богу. Послѣ молитвы онъ собралъ всѣхъ своихъ сановниковъ и объявилъ имъ, что не хочетъ болѣе царствовать, а на свое мѣсто назначаетъ своего брата. Послѣ этого Балуль сталъ прикидываться юродивымъ, ходилъ въ рубищѣ и училъ народъ нравственности. Народъ прозвалъ его тогда „Дивана-Балудомъ“.

Разъ въ оборванной одеждѣ Дивана-Балуль зашелъ въ домъ, гдѣ происходилъ свадебный пиръ: всѣ стали его ру-

*) „Дивана“ знач. юродивый.

гать и вытолкали къ нищимъ. Тогда Балулъ, вернувшись домой, переодѣлся въ шелковыя одежды, надѣлъ золотыя и серебряныя украшенія и снова пошелъ на свадебный пиръ. На этотъ разъ отнеслись къ нему иначе.

— „Сторонитесь, дайте мѣсто барину!...“ говорили другъ другу гости, и Балулъ, подвигаясь все впередъ, очутился на первомъ мѣстѣ. Подали, наконецъ, ужинъ. Тогда Дивана-Балулъ, желая вразумить присутствующихъ, вмѣсто того, чтобы самому ѣсть, поднесъ полу своей одежды къ пищѣ и громко сказалъ:

— „Бшь, дорогая одежда! вѣдь для тебя принесли это кушанье...“.

Тутъ присутствовавшіе догадались, что имѣютъ дѣло съ Дивана-Балуломъ.

О всѣхъ такихъ происшествіяхъ доносили брату Балула и совѣтовали ему какъ-нибудь удалить своего брата изъ царства, такъ какъ онъ и своимъ нищенскимъ одѣяніемъ и своими выходками роняетъ честь царя. Понимая, что силою нельзя было бы удалить брата изъ царства, царь посоветовался съ своимъ любимымъ сановникомъ, который пользовался его полнымъ довѣріемъ, и вдвоемъ они рѣшили отравить Балула. Съ этою цѣлью испекли слобный хлѣбъ съ отравою и послали въ подарокъ Дивана-Балулу. Но послѣдній не съѣлъ этого хлѣба, а подарилъ его своему племяннику, царскому сыну, а племянникъ подѣлился этимъ лакомымъ кускомъ со своимъ пріятелемъ, сыномъ вышеупомянутаго царскаго совѣтника. Оба мальчика, съѣвъ отравленный хлѣбъ, умерли, подтвердивъ, такимъ образомъ, одно изъ любимыхъ изрѣченій Балула: „Что захочешь сдѣлать другимъ, то самое съ тобою случится“.

Послѣ этого случая Дивана-Балулъ задумалъ странствовать и жилъ нѣкоторое время въ Стамбулѣ. Хотя Балулъ прикидывался дурачкомъ, и всѣ называли его юро-

дивымъ (дивана), но люди проникательные видѣли, что на самомъ дѣлѣ Балулъ мудрый человѣкъ, и потому часто обращались къ нему за совѣтами. Такъ, однажды какой-то состоятельный купецъ, встрѣтившись съ Балулломъ, спросилъ его:

— „Что мнѣ дѣлать, дананда-Балулъ (мудрый Балулъ), чтобы разбогатѣть?“

— „Теперь осень“, отвѣтилъ Балулъ, „хлѣбъ продается дешево: купи теперь пшеницы и ячменя, а весною продай!“

Купецъ послѣдовалъ совѣту Балула и весною, дѣйствительно, нажилъ хорошія деньги.

Убѣдившись, такимъ образомъ, въ мудрости Балула, купецъ въ слѣдующую осень опять обратился къ нему за совѣтомъ и спросилъ его:

— „Дивана-Балулъ, что мнѣ купить и продать, чтобы выгоду получить?“

— „Купи теперь луку и чесноку, а весною продай!“ отвѣтилъ Балулъ.

Недогадливый купецъ такъ и сдѣлалъ. Но на этотъ разъ онъ не могъ продать своего товара: лукъ и чеснокъ проросъ у него и сгнилъ, а полиція на его же счетъ выбросила его въ море. Послѣ этого купецъ пошелъ къ Балуду и сталъ упрекать его:

— „Дананда-Балулъ, въ первый разъ ты далъ мнѣ добрый совѣтъ, но на лукъ и чеснокъ, по твоей винѣ, понесъ я большой убытокъ...“

— „Не удивляйся тому, что случилось“, отвѣтилъ Балулъ, „твой языкъ погубилъ тебя: ты въ первый разъ называлъ меня умнымъ и совѣтъ получилъ умный, а когда называлъ юродивымъ, то и совѣтъ получилъ, соотвѣтствующій названію...“

Изъ Стамбула Дивана-Балулъ отправился въ Багдадъ. Городъ этотъ очень понравился ему, и онъ рѣшился посе-

лится здѣсь навсегда. Какъ и вездѣ, онъ и въ Багдадѣ прикидывался нищимъ и юродивымъ и училъ народъ нравственности. Мальчики толпами бѣгали за нимъ, бросали въ него камни, били его; но онъ не обращалъ вниманія на все это и продолжалъ свое дѣло, призывая народъ къ покаянiю; онъ говорилъ на площадяхъ къ собравшемуся народу:

— „Люди, не будьте безпечны, какъ дѣти! Грязь вашихъ грѣховъ омойте добрыми дѣлами, бѣднымъ и убогимъ помогайте, готовьте себѣ мѣсто въ томъ мiрѣ, гдѣ жизнь вѣчная, и не промѣняйте ея на временное!“

Иногда Дивана-Балуль разбѣзжалъ по улицамъ Багдада верхомъ на палкѣ, и, глядя на это, люди удивлялись, тѣмъ болѣе, что во время бесѣды изъ устъ его слышали мудрыя рѣчи.

Дивана-Балуль снискивалъ себѣ пропитанiе не милостынею, какъ другiе нищiе, а работалъ: таскалъ воду, рубилъ дрова; на заработанныя деньги не только самъ питался, но помогалъ и другимъ нищимъ, говоря:

— „Бѣдность, постъ и молитва—товарищи другъ другу. Полюби эти три добродѣтели, чтобы избавиться отъ большихъ страданiй! О тѣлѣ не заботься много! здѣсь наши дни сочтены...“.

Скоро Балудла всѣ узнали и, зная о его честности, давали ему разныя порученiя. Такъ, однажды какой-то багдадскiй житель поручилъ Балуду отнести къ нему въ домъ купленное имъ мясо. Балудъ взялъ мясо и отнесъ на кладбище. Когда посланный вернулся домой и узналъ, что мясо не было принесено, то пошелъ обратно на базаръ, отыскалъ Дивана-Балуду и спросилъ:

— „Гдѣ же мясо, которое я вручилъ тебѣ?“

— „Въ твой домъ отнесъ“, отвѣтилъ Балудъ.

— „Такъ иди; покажи, гдѣ мой домъ!“ предложилъ тотъ, полагая, что Балудъ ошибся.

Дивана-Балуль привелъ этого человѣка на кладбище и сказалъ:

— „Вотъ твой настоящій домъ! домъ, въ которомъ ты живешь теперь, не постоянный, и рано или поздно ты придешь сюда. Обрати вниманіе на гробовщика: онъ никогда не остается безъ работы, а между тѣмъ и міръ не пустѣетъ, потому что одинъ приходитъ, а другой уходитъ. Такъ и мы съ тобой со временемъ удалимся въ свое постоянное жилище, а на наше мѣсто другіе придутъ“.

Удивился господинъ и подумалъ: „Мы его за дурака принимали, а онъ въ учителя намъ годится!“

Дивана-Балуль имѣлъ обыкновеніе проводить большую часть времени на кладбищѣ, нерѣдко даже ночевалъ тамъ. Однажды Балуль шелъ съ кладбища и повстрѣчался съ багдадскимъ царемъ. Послѣдній спросилъ его, что онъ дѣлаетъ на кладбищѣ.

— „Учусь у покойниковъ“, отвѣтилъ Балуль.

— „Но какъ же это можно учиться у мертвецовъ? снова спросилъ царь.

— „Я вижу“, отвѣтилъ Балуль, „что человѣкъ, сколько ни старается накопить себѣ богатства, умирая, не можетъ взять его съ собою, поэтому я думаю, что человѣкъ долженъ въ этой жизни стараться о томъ, чтобы въ *той* жизни не пришлось стыдиться: кто *здесь* даетъ, тотъ *тамъ* получить; кто *здесь* обижаетъ, тотъ *тамъ* расплачивается за обиды, но не деньгами, ибо ихъ *тамъ* не принимаютъ, а страданіями.

Другой разъ багдадскій царь встрѣтилъ Дивана-Балула на кладбищѣ и опять спросилъ, что онъ тамъ дѣлаетъ.

— „Измѣряю свою могилу и царскую могилу“, отвѣтилъ Балуль, „и прихожу къ выводу, что твоя могила будетъ нисколько не больше моей; и земли въ ней не будетъ больше, чѣмъ въ моей! О человѣкъ, работай для души, а не для тѣ-

ла! Удались съ дороги грѣшниковъ, чтобы не страдать потомъ, стремись совершать добрыя дѣла!“

Багдадскій царь понялъ, что Дивана-Балуль подъ маскою юродиваго скрываетъ мудрость, и что многому отъ него можно научиться, тѣмъ болѣе, что онъ откровенно говорить правду въ лицо. Онъ приказалъ приютить Балуду во дворцѣ, часто приглашалъ его къ себѣ и бесѣдовалъ о разныхъ предметахъ, и Балулъ всегда имѣлъ доступъ въ комнаты государя. Однажды, когда царя не было въ тронномъ залѣ, Балулъ зашелъ туда и усѣлся на его престолѣ. Царскимъ слугамъ это не понравилось, и они поколотили проказника. Балулъ поднялъ крикъ, и на крикъ прибѣжалъ и самъ царь. Онъ разсердился на своихъ слугъ, а Балуду спросилъ, почему его побили. Тотъ объяснилъ, за что, и прибавилъ:

— „Если за минутное сидѣнье на твоёмъ престолѣ, такъ мнѣ досталось, то что же будетъ съ тобою на томъ свѣтѣ?!.. Вѣдь ты уже много лѣтъ возсѣдаешь на тронѣ!..“

Однажды царь спросилъ Дивана-Балула:

— „Что дѣлаетъ сегодня Богъ?“

— „Это трудный вопросъ,—сразу не могу отвѣтить, завтра скажу“, отвѣтилъ Балулъ.

На слѣдующій день Балулъ прибѣжалъ во дворецъ на черномъ ослѣ. Царь, при встрѣчѣ съ нимъ, повторилъ свой вопросъ. Балулъ попросилъ его удалить слугъ и объявилъ, что наединѣ отвѣтитъ на его вопросъ.

— „Царь, сядь на моего осла, чтобы онъ не убѣжалъ, а я сяду на твой тронъ и объясню, что дѣлаетъ Богъ въ этотъ часъ.“

Заинтересованный отвѣтомъ, царь охотно сѣлъ на осла, а Дивана-Балуль усѣлся на царскій тронъ и спокойно смотрѣлъ на царя. Наконецъ царь спросилъ:

— „Что же ты не говоришь, что дѣлаетъ Богъ въ настоящее время?“

— „А развѣ самъ ты не видишь, что сдѣлалъ Богъ въ этотъ часъ?!“ сказалъ Балулъ. „Тебя, царя, онъ на осла посадилъ, а меня, Дивана-Балула, удостоилъ сидѣть на тронѣ...“

Царь отъ стыда и удивленія не зналъ, что сказать; отъ смущенія даже и съ осла не слѣзвалъ. Тутъ Балулъ прибавилъ:

— „Ты хочешь знать непостижимое: человекъ не знаетъ, что съ нимъ-самимъ случится черезъ часъ,—какъ же, послѣ того, онъ можетъ знать, что дѣлаетъ Богъ?!..“

Удивляясь мудрости мнимаго дурака, царь отпустилъ его, запретивъ рассказывать о случившемся. На слѣдующій день, однако, царь предложилъ новый вопросъ Балулу:

— „Не можешь ли ты объяснить, сколько звѣздъ на небѣ?“

— „Могу“, отвѣтилъ Балулъ, „ихъ столько же, сколько волосковъ на моемъ ослѣ; если хочешь знать число, то сосчитай...“.

Царь сталъ-было считать, но не успѣлъ сосчитать волосковъ на ухахъ осла, какъ сбился со счета. Тутъ Балулъ сказалъ ему:

— „Если ты не въ состояніи сосчитать волосъ даже на ухахъ осла, то какъ же съ меня требуешь, чтобы я зналъ число звѣздъ на небѣ?!..“.

Сконфуженный царь больше уже не задавалъ Балулу вопросовъ, а Дивана-Балулъ до самой смерти своей не переставалъ учить народъ, а по смерти былъ принятъ въ царство небесное.

Записалъ со словъ жителя сел. Тазакандъ, Карсской области, Нерсеса Адоева, смотритель и законоучитель Баяндурскаго училища священникъ Г. Бунятовъ.

6. С м е р т ь.

(Преданіе).

Когда для человѣка наступаетъ время умирать, Богъ посылаетъ архангела Гавріила, отнять душу его. Сперва архангелъ мечомъ ослѣпляетъ человѣка, и послѣдній перестаетъ различать окружающія его лица; затѣмъ онъ отнимаетъ языкъ, и человѣкъ лишается возможности говорить; потомъ онъ ударяетъ мечомъ по ногамъ, и ноги начинаютъ слабѣть и холодѣть; послѣ всего ангелъ изо рта достаетъ душу человѣка, и послѣдній лишается сознанія. Архангелъ Гавріиль, имѣя въ одной рукѣ мечъ, а въ другой душу умершаго, поднимается на небо, къ Богу. Если душа безгрѣшна, Богъ благословляетъ ее и отводитъ ей свѣтлую комнату, а если она грѣшная, то прогоняетъ ее и приказываетъ отвести ей темную комнату, гдѣ и останется она до пришествія Христа.

Объ архангелѣ Гавріилѣ рассказываютъ слѣдующее. Разъ Богъ послалъ его отнять душу одной женщины. Когда явился архангелъ, женщина кормила своихъ трехъ малютокъ, и жалъ стало архангелу отнять у троихъ маленькихъ дѣтей мать ихъ. Не рѣшившись исполнить повелѣніе Господа Бога своего и надѣясь упросить Его отмѣнить приговоръ свой, онъ оставилъ женщину въ покоѣ. Когда архангелъ явился къ Богу, то сталъ просить за женщину. Богъ ничего не отвѣтилъ ему и повелѣлъ немедленно отправиться и достать съ глубины океана одинъ маленькій камешекъ. Архангелъ досталъ камешекъ и явился съ нимъ къ Богу. Богъ взявъ камень, разломилъ его и, къ изумленію архангела, показалъ ему червяка, ѣвшаго зеленую траву внутри камешка.

— „Гавріиль, любимецъ мой!“ сказалъ тогда Богъ, „каждому я назначилъ свою долю, и дѣти той матери, которая

должна умереть, будутъ со временемъ великими людьми, и будутъ подчиняться имъ тысячи другихъ людей... Иди же и исполни мое повелѣніе относительно матери!"

Только-что Гавріилъ хотѣлъ послѣ этого спуститься на землю, какъ Богъ потребовалъ его назадъ, досталъ у него сердце, бросилъ на дно океана и сказалъ:

— „Отнынѣ пусть въ тебѣ не будетъ больше жалости! Иди, исполни мое приказаніе!“

Архангелъ Гавріилъ явился въ домъ, гдѣ была та женщина, которую пожалѣлъ онъ раньше, и отнял ее душу, оставивши въ слезахъ ее малолѣтнихъ сиротъ.

7. Благочестивая Лусинь *).

(Преданіе).

Въ одномъ изъ городовъ Арменіи еще до рожденія Христа Спасителя жилъ царь Авакъ. Онъ былъ женатъ на прекрасной Лусинь, о красотѣ которой шла слава по всей Арменіи.

Разъ персидскій царь съ многочисленною арміею напалъ на пограничные города Арменіи и угрожалъ самой столицѣ. Авакъ, узнавши объ этомъ, собралъ свое храброе войско и выступилъ въ походъ, а женѣ своей поручилъ управлять государствомъ съ помощью его любимца, министра Гамаяна.

Тяжело было смотрѣть на молодую царицу, когда она разставалась съ мужемъ: она упала въ обморокъ и едва пришла въ себя.

Царь Авакъ долго воевалъ съ персидскимъ царемъ и, въ разлукѣ съ семьею, постоянно вспоминалъ о женѣ своей и о сынѣ. Между тѣмъ Гамаякъ, прельщенный красотой

*) „Лусинь“ значитъ звѣздочка.

Лусникъ, старался въ отсутствіе царя соблазнить ее. Но всѣ старанія его были напрасны. Раздосадованный упорствомъ и желая отомстить Лусникъ, а также и схоронить концы своего преступнаго искательства, Гамаякъ сдѣлалъ ложный доносъ царю, что его жена измѣнила ему. Царь разгнѣвался на жену и, въ пылу гнѣва, написалъ своему любимцу приказъ заключить измѣнницу въ тюрьму и тамъ казнить ее.

Гамаякъ, получивъ повелѣніе царя, сейчасъ же заключилъ Лусникъ съ ребенкомъ въ тюрьму и черезъ три дня назначилъ казнь. Народъ пришелъ въ негодованіе, зная о невинности своей царицы, и требовалъ ея освобожденія. Но хитрый Гамаякъ тайкомъ отъ народа отправилъ трехъ вѣшноровъ съ Лусникъ въ дѣсъ и приказалъ имъ убить ее тамъ, а самъ распустилъ слухъ, что Лусникъ бѣжала изъ тюрьмы съ какимъ-то персіяниномъ.

Воины взяли Лусникъ съ ребенкомъ въ дѣсъ, но не убили ихъ, а оставили на одной скалѣ; сами же, покинувъ свое государство, удалились въ Финикію.

Между тѣмъ война кончилась. Персидскій царь былъ побѣжденъ, и царь Авакъ съ побѣдоноснымъ войскомъ возвратился домой. Онъ былъ скученъ и горевалъ по женѣ. Да и народъ не радушно встрѣтилъ его; многіе изъ его подданныхъ даже переселились въ сосѣднія государства, будучи недовольны поступками Авака и его любимца.

Гамаякъ, замѣчая грусть царя, предлагалъ ему выбрать себѣ невѣсту, но Авакъ не хотѣлъ этого и почему-то въ глубинѣ души сомнѣвался въ смерти своей жены.

Такъ прошло одиннадцать лѣтъ: Лусникъ съ сыномъ жила въ пещерѣ, питалась травами, усердно молилась своимъ богамъ и надѣялась, что настанетъ время, когда она опять увидитъ своего нѣжно-любимаго мужа. Разъ она ходила по дѣсу и замѣтила старца, который стоялъ подъ деревомъ и, поднявши руки, что-то шепталъ. Лусникъ подошла къ стар-

цу и спросила, кто онъ такой. Старецъ оказался Іоанномъ Крестителемъ, который молился единому Богу и ожидалъ пришествія І. Христа. Долго бесѣдовала Лусникъ съ Іоанномъ и съ того дня оставила идолопоклонство и стала молиться единому Богу и тому же научила своего сына.

Однажды, когда молилась Лусникъ, предсталъ предъ нею въ сіяніи ангель и возвѣстилъ ей, что Богъ услышалъ ея молитву, и что она скоро вернется подъ кровъ своего мужа. Слова ангела сбылись. Однажды царь Авакъ, проѣзжая тѣмъ лѣсомъ, гдѣ жила Лусникъ, встрѣтилъ своего сына, Мелкона. Конечно онъ не могъ знать его, но былъ пораженъ красотою и разумною рѣчью мальчика. Узнавши изъ словъ его, что у него есть мать, царь пожелалъ увидѣть ее. Каково же было его изумленіе, когда въ ней онъ узналъ свою жену, а въ мальчикѣ своего сына!.. Царь упалъ предъ нею на колѣна, просилъ простить его, вернуться къ нему во дворецъ.

— „Нѣтъ, мой милый Авакъ“, отвѣтила она, „ты идолопоклонникъ, а я молюсь единому Богу!.. Если бы ты увѣровалъ въ Него и въ Его сына, І. Христа, который скоро явится здѣсь, только тогда бы я послѣдовала за тобою“.

— „Я готовъ вѣровать въ твоего Бога и клянусь тебѣ, что готовъ для тебя бросить свое государство и предаться съ тобою тихой семейной жизни!“ воскликнулъ въ слезахъ царь Авакъ.

Лусникъ, взявъ своего сына, пѣшкомъ отправилась съ царемъ во дворецъ. Ликованію народа по поводу возвращенія царицы не было конца. Гамаякъ, по требованію народа, былъ казненъ, хотя это было противъ желанія царицы.

Спустя четыре года, Авакъ дѣйствительно отказался отъ престола и передалъ его своему мудрому сыну, а самъ, съ женою, отправился путешествовать, и оба скончались въ одинъ день въ одномъ изъ еврейскихъ городовъ отъ моровой язвы, отъ которой многіе тогда погибали.

Сынъ, узнавши о смерти родителей, отправился туда, гдѣ они умерли, привезъ тѣла ихъ и похоронилъ въ своемъ дворцѣ. Самъ онъ скоро сдѣлался христіаниномъ. Это былъ тотъ самый Апкаръ, которому, когда онъ болѣлъ, І. Христосъ прислалъ изображеніе Своего лица на пелотенцѣ.

Записалъ и сообщилъ смотритель Кагызманскаго городского училища *І. Неврузовъ*.

8. Чистая вѣтра спасаетъ отъ огня.

(Легенда).

Какая-то женщина, сидя передъ печкой, пекла хлѣбъ. Въ это время пришелъ къ ней, весь оборванный, нищій и, взглянувъ на нее удивительной красотой, хотѣлъ поцѣловать ее. Конечно она не допустила этого. Нищій тогда сталъ упрашивать ее и сказалъ:

— „Если Бога любишь, то не откажи мнѣ!..“

При этихъ словахъ женщина согласилась. Мужъ ея, оказавшійся поблизости, увидѣлъ это, страшно былъ въбѣшенъ и наговорилъ ей разныхъ упрековъ и угрозъ. Бѣдная жена, оправдывая себя, сказала, что позволила поцѣловать себя „ради Бога“.

— „Какъ такъ ради Бога?!“ воскликнулъ мужъ, „если ты такъ религіозна, такъ бросься въ горячую печь во имя Бога!..“

Жена безъ колебанія сейчасъ же бросилась въ огонь, и вдругъ вся печь покрылась зеленью и цвѣтами.

9. Какъ головешка зазеленѣла.

(Легенда).

Былъ одинъ великій грѣшникъ-дунегубъ, который убилъ тридцать человекъ безъ одного. Однажды, во время говѣнія, передъ св. Пасхою, по христіанскому обычаю, онъ пошелъ къ духовному пастырю исповѣдываться. Когда онъ окончилъ

свою исповѣдь, у пастыря волосы стали дыбомъ отъ ужаса, и онъ сказалъ:

— „Ты погибшій человѣкъ! За столько убійствъ нѣтъ прощенья!“

Но исповѣдывавшійся сталъ умолять его:

— „Святой отецъ, прости меня на этотъ разъ! Вѣдь ты близокъ къ Богу: если ты мнѣ откажешь, то къ кому же мнѣ идти?! Назначай мнѣ самое трудное покаянiе,—я исполню его и обѣщаю до самой смерти моей не убивать больше ни одного человѣка“.

Пастырь, выслушавъ его мольбу, поставилъ въ алтарѣ за иконостасомъ сухую головешку и велѣлъ разбойнику, чтобы онъ передъ этой головешкой молился Богу до тѣхъ поръ, пока она не покроется зеленью. И кающійся грѣшникъ, повинуясь пастырю, сталъ на молитву.

Въ тотъ день, передъ вечеромъ, умерла одна женщина. На ночь трупъ ея принесли въ церковь. Родственники ея зажгли лампадки надъ покойницей и вернулись домой. На другой день они собирались схоронить ее. Но на утро, предъ разсвѣтомъ, грѣшникъ, остававшійся въ церкви, услышалъ сильный стукъ въ дверь; онъ вышелъ на амвонъ и увидѣлъ, что одинъ человѣкъ, отворивъ дверь, зашелъ въ церковь и намѣревался обезчестить трупъ женщины. Какшійся спросилъ пришедшаго, кто онъ такой и по какому праву такъ поступаетъ. Пришедшій, въ отвѣтъ, рассказавъ, будто мертвая женщина была въ него влюблена и много разъ звала его къ себѣ, намѣревался что-то сообщить ему; человѣкъ этотъ все собирався къ ней, но имъ всё не удавалось свидѣться, и вотъ теперь онъ пришелъ къ ней, хоть къ мертвой. Грѣшникъ сказалъ ему на это:

— „Я вижу, что ты глупый человѣкъ: пока она была жива, ты могъ говорить съ ней, а теперь нечего тревожить мертвеца! оставь ее въ покоѣ и уходи!“

Но пришедшій не хотѣлъ его слушать. Между ними завязался горячій споръ, и, затѣмъ, дѣло дошло до драки; грѣшникъ разгорячился и, забывъ слова духовнаго отца и свое обѣщаніе, схватилъ древко хоругви церковной и съ такою силою ударилъ своего противника по головѣ, что убилъ его. Это было тридцатое убійство, совершенное имъ.

Положивъ убитаго рядомъ съ трупомъ женщины, разбойникъ пошелъ опять молиться. На другой день пастырь и народъ собрались на похороны и къ удивленію своему увидѣли, вмѣсто одного, двухъ мертвецовъ. Произвели слѣдствіе, и, когда послѣ долгаго розыска, не находили виновнаго, пастырь сказалъ грѣшнику:

— „Это твое дѣло! Здѣсь никого не было, кромѣ тебя... По твоей вчерашней исповѣди, руки твои привыкли къ убійствамъ!..“.

Грѣшникъ смиренно отвѣтилъ:

— „Святой отецъ, ты правъ: это совершилъ, дѣйствительно, я; но я имѣлъ право убить его.“

И онъ разсказалъ все, что прошлою ночью произошло въ храмѣ. Тогда пастырь воскликнулъ:

— „О, ты совершенно негодный человекъ! вмѣсто покаянія, ты запятналъ свою совѣсть еще новымъ убійствомъ! Зачѣмъ же ты забылъ мои наставленія?!“

Послѣ того пастырь разсказалъ всѣмъ присутствовавшимъ объ исповѣди и пошелъ въ алтарь, чтобы показать народу головешку, и вдругъ, къ своему изумленію, увидѣлъ, что такая головешка зазеленѣла и даже зацвѣла.

Такъ сильны были покаяніе и горячая молитва раскаявшагося грѣшника!

Записалъ и сообщилъ учитель Елисаветпольскаго ремесл. училища *П. Тоніевъ*.

10. Богачъ и Бѣднякъ.

Въ прежнія времена, когда Богъ жилъ на землѣ между людьми, Онъ однажды отправился путешествовать, чтобы узнать, кто какъ живетъ. Въ одно утро Онъ рано началъ свое путешествіе, шелъ до наступленія ночи и увидѣлъ, наконецъ, два дома, расположенные по обѣ стороны дороги другъ противъ друга: одинъ изъ нихъ былъ красивый и большой, а другой представлялъ убогую лачужку. Красивый домъ принадлежалъ одному богатому человѣку, а изба бѣдняку. Богъ подумалъ и говоритъ: „Не тяжело будетъ богатому, если останусь у него ночевать.“

Сказавши это, Онъ постучалъ въ дверь. Богатый, услышавъ стукъ, открылъ окно и спросилъ:

— „Что нужно?“

— „Позволь мнѣ ночевать у тебя!“ сказалъ странникъ.

Богатый, увидѣвъ на улицѣ бѣднаго человѣка, сказалъ:

— „Я не могу тебя принять; мои комнаты наполнены пшеницей; да если стану принимать всѣхъ бѣдныхъ, которыхъ нынѣ очень много, то и мнѣ самому придется тогда ходить по міру“.

Богачъ захлопнулъ окно. Богъ подошелъ къ избѣ бѣднаго крестьянина и началъ стучать. Бѣдный, услышавъ стукъ, тотчасъ открылъ дверь и сказалъ:

— „Добро пожаловать ко мнѣ! уже наступила ночь, больше нельзя продолжать путь“.

Богъ вошелъ въ избу бѣднака. Крестьянинъ говоритъ гостю:

— „Извини насъ, любезный гость: мы бѣдны и не можемъ предложить хорошаго угощенія, попотчуетъ тебя тѣмъ, что найдется“.

Потомъ позвалъ жену и приказалъ ей принести воды, чтобы умыть руки, ноги и лицо гостю. Жена исполнила при-

казаніе своего мужа. Потомъ она приготовила ужинъ, который состоялъ изъ нѣсколькихъ яицъ и кислаго козьего молока. У бѣдняка была единственная коза, молокомъ которой и кормилось семейство. Когда столъ былъ накрытъ, сѣли ужинать. Богъ съ ними ѣлъ, пилъ съ большою радостью, несмотря на то, что ужинъ былъ простой. Послѣ ужина, когда настало время спать, жена тайкомъ пододвинула своего мужа и сказала:

— „Мой милый! для нашего гостя мы не имѣемъ постели. Но онъ, должно быть, сильно усталъ; уступимъ ему нашу постель, а мы можемъ доспать и на соломѣ, покрывшись нашей одеждою“.

— „Хорошо“, отвѣчалъ мужъ, „я скажу ему“.

Бѣднякъ подошелъ къ гостю и сказалъ:

— „У насъ лишней постели нѣтъ, спи, пожалуйста, на нашей“.

Богъ не хотѣлъ, чтобы старикъ и его жена спали на соломѣ и отказывался. Но такъ какъ они долго умоляли Его, Онъ наконецъ согласился.

На другое утро козлева рано встали и приготовили завтракъ для своего гостя, а послѣ завтрака гость всталъ и хотѣлъ продолжать свой путь. Собираясь уходить, Онъ сказалъ:

— „Такъ какъ вы добры и честны, то просите у меня для себя три вещи: что бы вы ни захотѣли, будетъ исполнено“.

Крестьянинъ обрадовался и сказалъ:

— „Я желаю небеснаго блаженства, а также здоровья, кусочъ хлѣба въ земной жизни и быть въ раю послѣ смерти“.

— „Такъ какъ вы состарѣлись и нуждаетесь въ покоѣ, то не хотите ли также имѣть хорошей домъ?“ спросилъ ихъ странникъ.

— „Если у насъ будетъ и домъ, то мы будемъ вполне счастливы“, отвѣчали хозяева.

Богъ исполнилъ ихъ желаніе: мужъ и жена открыли глаза и вдругъ увидѣли, что сидятъ въ хорошемъ домѣ. Они хотѣли поблагодарить Бога, но Онъ исчезъ, и Его не могли найти.

Солнце уже поднялось довольно высоко, когда богатый проснулся; онъ отворилъ окно и видитъ, что тамъ, гдѣ находилась изба бѣдная, стоитъ новый, красивый домъ. Онъ былъ изумленъ и, когда пришелъ въ себя, позвалъ жену и сказалъ:

— „Иди, посмотри, что случилось у ницата нашего со-сѣда: вчера у нихъ стояла изба, а сегодня, на мѣсто ея, новый домъ. Разузнай, въ чемъ дѣло?“

Жена побѣжала къ сосѣду и спросила его о новомъ ихъ домѣ. Крестьянинъ рассказалъ все, какъ было. Жена богача, возвратившись къ мужу, передала ему слова крестьянина. Мужъ сказалъ на это:

— „Ахъ, если бы я аваль все это раньше!.. Вѣдь этотъ странникъ прежде пришелъ ко мнѣ, а я его не принялъ...“

— „Садись на лошадь“, сказала жена „и поворѣе по-ѣжай, за нимъ; какъ его догонишь, пригласи его къ намъ: можетъ быть тогда и твои желанія онъ исполнитъ“.

Богатый сейчасъ же осѣдлалъ свою лошадь и отправил-ся за Богомъ, догналъ его, слѣзъ съ лошади, три раза по-клонился и сказалъ:

— „Прошу извиненія за то, что я вчера не принялъ Тебя: я пошелъ искать ключъ нашего дома, чтобы вынуть Тебя, но когда вернулся, увидѣлъ, что Тебя уже нѣтъ. На обратномъ пути прошу ночевать у насъ“.

— „Хорошо“, сказалъ Всемилостивый, „въ слѣдующій разъ такъ и сдѣлаю“.

Богатый тогда сказалъ:

— „Я имѣю три желанія, какъ мой сосѣдъ“.

— „Проси, чего хочешь!“ отвѣчалъ ему странникъ: „Повѣжай домой, и твои три желанія исполнятся“.

Богатый съ большою радостью сѣлъ на лошадь и отправился домой. Но на дорогѣ лошадь его остановилась, поднялась на дыбы и не хотѣла идти впередъ. Богатый сильно разсердился, билъ ее плетью и всердцахъ сказалъ:

— „Чтобъ ты издохла!“

Лошадь сейчасъ же упала на землю и издохла. Такъ и исполнилось первое желаніе богача. Онъ взялъ сѣдло на спину и отправился домой пѣшкомъ.

Дорога была песчаная, а день былъ очень жаркій. Онъ съ большимъ трудомъ шелъ впередъ. Тутъ вспомнилъ онъ, что у него остается еще два желанія, и далъ себѣ слово, что онъ будетъ просить только о хорошихъ вещахъ. Въ это время вдругъ онъ вспомнилъ свою жену и подумалъ: „Я иду по такому знойному песку и на спинѣ несую тяжелую ношу, а жена теперъ сидитъ въ комнатѣ и веселится!“ Тутъ богатый мысленно позавидовалъ женѣ и сказалъ:

— „Чтобъ ей съ этого сѣдла не встать!“

Едва онъ произнесъ эти слова, какъ вдругъ улетѣло его сѣдло. Такимъ образомъ его второе желаніе также исполнилось. Онъ скорѣе прибѣжалъ домой, чтобы придумать третье желаніе, но, когда отворилъ дверь комнаты, увидѣлъ, что жена сидитъ въ сѣдлѣ и плачетъ. Она хотѣла встать, но не могла. Мужъ сказалъ:

— „Сиди смирно, зато я достану для тебя всевозможныхъ сокровищъ“.

— „Какая польза въ богатствѣ, когда я не могу двигаться?! Ты долженъ освободить меня!..“ воскликнула она.

Мужъ колебался: не зналъ, что дѣлать,—пожелать ли ей освобожденія или нѣтъ; но, слыша стоны и плачъ своей горячо любимой жены, онъ рѣшилъ, что лучшаго желанія

не можетъ быть, и пожелала ея освобожденія. Жена освобо-
дилась, поднялась съ мѣста и сказала:

— „Ты негодный человѣкъ!“ Она замѣтила колебаніе
мужа и перестала любить его.

Такъ былъ наказанъ богатый негостепріимный человѣкъ:
онъ лишился лошади, любви своей жены и мирной семейной
жизни, а сосѣдъ его, послѣ посѣщенія его дома Богомъ, жилъ
долго и счастливо.

Записалъ ученикъ Камарлинскаго училища *Аршакъ*
Теръ-Хачатуровъ.

11. Преданіе о Господѣ нашемъ Иисусѣ Христѣ.

Однажды Иисусъ Христосъ, проходя по полю, увидѣлъ
трехъ человѣкъ, разговаривавшихъ между собою. Одинъ изъ
нихъ сказалъ:

— „Ахъ, какъ хорошо было-бы, если бы всѣ эти камни
обратились въ барановъ, овецъ, козъ и въ другую скотину;
я сталъ бы пасти ихъ! Какъ бы я жилъ счастливо, и какъ
я не щадилъ бы своего добра ни для кого!“

— „А я желалъ бы“, сказалъ другой: „чтобы это поле обра-
тилось въ прекрасный виноградный садъ и принадлежало мнѣ.
Я жилъ бы тамъ и не жалѣлъ бы ни для кого своего добра!“

— „Я“, сказалъ третій, „желалъ бы имѣть прекрасную,
добрую жену, съ которой жилъ бы, дѣтей наживалъ и Бога
хвалилъ!“

Услышавъ этотъ разговоръ, Иисусъ подошелъ къ нимъ и
спрашиваетъ:

— „О чемъ вы такъ горячо разговариваете, добрые
люди?“

И каждый изъ нихъ началъ говорить о своемъ желаніи.
Выслушавъ всѣхъ, Иисусъ сказалъ первому, желавшему стада:

— „Подыми этотъ посохъ и паси стадо свое!“

И, дѣйствительно, предъ человѣкомъ на землѣ очутился наступшій посохъ; и не успѣлъ онъ поднять этотъ посохъ, какъ всѣ камни обратились въ барановъ, овецъ, козъ и другую домашнюю скотину и своими голосами начали оглашать воздухъ.

— „Вотъ твой желанный садъ, войди въ него и владѣй имъ!“ сказалъ Иисусъ второму, желавшему сада, указывая рукой на поле, обратившееся при этомъ въ огромный садъ, съ прекраснымъ домомъ внутри.

— „Вотъ ѣдетъ твоя невѣста: иди, возьми ея лошадь за узду и введи невѣсту въ домъ свой!“

И правда, толпа провожала невѣсту съ шумомъ и барабаномъ. Человѣкъ пошелъ, схватилъ лошадь за узду и хотѣлъ вести невѣсту въ свой домъ, но толпа сопротивлялась ему, говоря, что невѣста не ему принадлежитъ. Иисусъ въ другомъ образѣ подошелъ къ нимъ и говоритъ:

— „О чемъ вы спорите, добрые люди?“

Тутъ толпа начала жаловаться ему на неизвѣстнаго ей человѣка.

— „Зачѣмъ же такъ спорить изъ-за пустяковъ!“ говоритъ Спаситель: „Пускай женихъ и этотъ человѣкъ идутъ по разнымъ направленіямъ, и за кѣмъ изъ нихъ послѣдуетъ лошадь съ невѣстою, тому и будетъ принадлежать невѣста!“

Совѣтъ этотъ всѣмъ понравился. Лошадь пошла за незнакомцемъ.

— „Видно Богу такъ угодно!“ говорили люди и весело проводили невѣсту въ домъ незнакомца.

Прошло послѣ этого нѣсколько лѣтъ, и Иисусу стало хотѣлось узнать, какъ эти люди исполняютъ свое обѣщаніе. Пришелъ Онъ сперва къ пастуху и попросилъ у него молока. Пастухъ вынулъ посуду, подоилъ козу и далъ Иисусу козьяго молока.

— „Дай мнѣ овечьяго молока!“ сказалъ ему Іисусъ.

— „Это и есть овечье молоко!“ сказалъ пастухъ, обвинявая Іисуса.

— „Нѣтъ, это не овечье, а козье молоко; дай мнѣ овечьяго!“

— „Другого молока у меня нѣтъ!“ отвѣтилъ сурово пастухъ.

— „Въ такомъ случаѣ да обратишься ты со своимъ стадомъ въ камни!“ изрекъ Спаситель.

Едва произнесъ Онъ послѣднее слово, какъ пастухъ и стадо его окаменѣли на мѣстѣ. Каменный пастухъ стоялъ, облокотясь на каменный посохъ и держа въ рукахъ каменную же посуду.

Затѣмъ пошелъ Іисусъ къ садовнику, сталъ у дверей въ образѣ нищаго и началъ просить милостыни. Садовникъ приказалъ прогнать нищаго, а нищій все-таки продолжалъ стоять у дверей и просилъ хоть кисть винограда, который огромный садъ былъ положъ. Разсерженный хозяинъ взылъ тогда на половину объѣденную кисть и бросилъ ее нищему.

— „Да обратится садъ этотъ въ лѣсъ, а ты въ медвѣдя!“ произнесъ Іисусъ.

И тотчасъ же исполнилось Его повелѣніе. Съ тѣхъ поръ и стали водиться на землѣ медвѣди.

Оттуда отправился Іисусъ къ третьему человѣку, желавшему имѣть кроткую жену. Человѣкъ этотъ работалъ въ полѣ, когда Спаситель подошелъ къ нему и сказалъ:

— „Добрый крестьянинъ, не примешь ли ты гостя?“

— „Божьяго гостя кто не приметъ?“ сказалъ радушно крестьянинъ: „Ступай въ домъ мой! Вонъ тамъ онъ въ селѣ, и жена моя угоститъ тебя, а потомъ и я приду домой“.

Пошелъ Іисусъ въ домъ крестьянина и, не желая поставить его жену въ неловкое положеніе *), скрылся въ хлѣ-

*) У армянъ женщины скрываются отъ постороннихъ мужчинъ.

вѣ. Вечеромъ пришелъ крестьянинъ домой и спрашиваетъ жену, гдѣ гость. Жена отвѣчаетъ, что никакого гостя не видѣла. Мужъ началъ порицать ее за то, что она прогоняетъ принятыхъ имъ гостей. Потомъ онъ пошелъ, взявъ быка, повелъ его въ хлѣвъ и неожиданно встрѣтилъ тамъ гостя.

— „Зачѣмъ же ты не пожаловалъ ко мнѣ въ домъ? Пойдемъ, пойдемъ поскорѣй!“ сказалъ обрадованный крестьянинъ, взявъ гостя за руку и ведя къ себѣ въ домъ.

Немедленно онъ зарѣзалъ для гостя единственнаго быка своего и приготовилъ разныя кушанья; затѣмъ онъ послалъ старшаго сына за виномъ. Чтобы испытать вѣру крестьянина, Іисусъ сдѣлалъ такъ, что сынъ его споткнулся и упалъ въ кувшинъ вина. Ждетъ крестьянинъ сына, ждетъ и, не дождавшись, посылаетъ за нимъ жену, жена возвращается со слезами и рассказываетъ о смерти сына.

— „Не плачь“, говоритъ мужъ: „Богъ далъ, Богъ и взялъ, не на кого жаловаться!“

Іисусъ всталъ, подошелъ къ мертвому мальчику, дотронулся до него и говоритъ ему:

— „Проснись, мальчикъ!“

Мальчикъ тотчасъ же ожилъ. Послѣ того, когда начали вѣсть быка, по призыванію Христа, были собраны всѣ кости его, и изъ нихъ Іисусъ создалъ опять быка, а вода, которою мыли ноги и руки Христа, обратилась вся въ золото. На другой день проснулись крестьянинъ и жена его и видятъ, что гостя нѣтъ, а всѣ бревна ихъ дома обратились въ золото и серебро и горятъ, какъ жарь. Такъ благословилъ Христосъ домъ честнаго и добродушнаго хозяина.

Записалъ въ г. Баку со словъ Ануши Бабалянъ воспитанникъ Закавк. учит. семинаріи А. Бабалянъ.

12. Преданіе объ албанскомъ царѣ Вачаганѣ.

Въ былыя времена столичнымъ городомъ Албаніи былъ Партавъ; нынѣ онъ разрушенъ, и на мѣстѣ его—селеніе Бардай *). Городъ этотъ находился между нынѣшними Елисаветополемъ и Шушою, на рѣкѣ Тертеръ.

Царемъ этой страны нѣкогда былъ Ваче, имѣвшій единственнаго сына Вачагана. Вачагану только-что исполнилось двадцать лѣтъ. Онъ былъ высокъ и строенъ, но нѣсколько слабъ и худошавъ. Задумчивое лицо его было такъ привлекательно и мило, что ни одинъ красавецъ не могъ съ нимъ сравниться. Будучи воспитанъ въ религіозномъ духѣ, подъ руководствомъ учениковъ Месропа, онъ думалъ послѣдовать примѣру своихъ учителей: удалиться въ монастырь и посвящать себя проповѣди и воспитанію молодежи. Однако родители Вачагана не могли на это дать своего согласія: онъ былъ единственнымъ наслѣдникомъ престола Албаніи. Для развлечения своего и для укрѣпленія тѣла Вачаганъ ежедневно ходилъ на охоту со своимъ вѣрнымъ слугою Вашнакомъ. Охота нерѣдко продолжалась по нѣскольку дней. По вечерамъ, приютившись гдѣ-либо въ крестьянской избушкѣ, подъ видомъ любознательнаго странника, Вачаганъ знакомился съ бытомъ крестьянъ и узнавалъ ихъ нужды; онъ слѣдилъ за дѣйствіями судей, удалялъ взяточниковъ съ занимаемыхъ ими постовъ и т. п. Проводя время на охотѣ и переѣзжая изъ одного мѣста въ другое, Вачаганъ почувствовалъ благотворное вліяніе природы на его здоровье: онъ окрѣпъ и тѣломъ и духомъ. Угрюмость, задумчивость и мечтательность уступили мѣсто веселому настроенію духа и живости.

Близко познакомившись съ нуждами народа, онъ узналъ,

*) Оно находится на рѣкѣ Тертеръ, недалеко отъ впаденія ея въ Куру; имѣетъ татарское населеніе, не многимъ болѣе 300 человекъ.

какую пользу можетъ принести царь своей странѣ, и постепенно покидалъ мысль объ отшельничествѣ, для котораго раньше готовъ былъ бросить свое наслѣдство, если бы это не было противно волѣ его отца. Юношеское сердце Вачагана уже готово было вспыхнуть яркимъ пламенемъ любви и только ожидало благоприятнаго случая, который и не замедлилъ представиться.

Однажды, во время охоты, Вачаганъ съ Вашнакомъ, утомленные зноемъ и усталые, забрели въ одну деревню и расположились около родника отдохнуть. У родника толпились деревенскія дѣвушки, пришедшія съ кувшинами за водой. Вачаганъ попросилъ у нихъ напитокъ. Одна изъ дѣвушекъ уже собралась поднести кувшинъ съ холодною водою, какъ другая выхватила его у нея, вылила всю воду, сама снова наполнила кувшинъ и опять вылила. У Вачагана отъ жажды во рту пересохло, онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда, наконецъ, ему удастся утолить жажду. Но незнакомка объ этомъ, по видимому, мало заботилась; казалось, она даже подтрунивала надъ нимъ: набирала и опять выливала воду, и это повторяла нѣсколько разъ.

Наконецъ она подала кувшинъ Вачагану.

Вачаганъ съ жадностью утолилъ мучительную жажду, передалъ кувшинъ своему спутнику, а самъ заговорилъ съ дѣвицей: онъ спрашивалъ ее, почему она заставила его такъ долго ждать, — не думала ли она посмѣяться надъ нимъ или досадить ему.

Дѣвица отвѣчала:

— „Неприлично смѣяться надъ незнакомымъ молодымъ человекомъ, досаждать же кому бы то ни было неумѣстно, въ особенности, когда просить воды; настоящая причина моего поступка, который вамъ показался такимъ страннымъ, совсемъ другая: видно было, что вы сильно устали и вспотѣли, а напитокъ въ это время холодной воды очень опасно, и я

не спѣшила подать вамъ кувшинъ, желая дать вамъ возможность хоть немножко отдохнуть“.

Вачаганъ былъ удивленъ разсудительнымъ отвѣтомъ дѣвицы, а еще больше ея красотой. Ея большіе черные глаза, полные огня, мило выглядывали изъ-подъ густыхъ рѣсницъ. Длинная коса, ниспадавшая съ обнаженной головы, широкій лобъ, носъ и губы, достойныя кисти художника, были ея природнымъ украшеніемъ. Одѣта она была просто: красная шелковая рубашка прикрывала ея стройное тѣло до босыхъ ногъ, бѣлыхъ, какъ снѣгъ, и вышитый камзолъ, застегнутый на всѣ пуговицы, обхватывалъ ея талію. Такова была наружность Анаиды. Черты лица и особенно таинственный взоръ ея очей окончательно плѣнили сердце Вачагана.

— „Какъ твое имя?“ спросилъ Вачаганъ.

— „Анаида“, отвѣтила та.

— „А кто твой отецъ?“

— „Мой отецъ сельскій пастухъ, зовутъ его Аранъ. А для чего тебѣ мое имя или имя моего отца?“ въ свою очередь спросила она.

— „Такъ себѣ, вѣдь, не грѣхъ же спросить?“ отвѣтилъ онъ.

— „Въ такомъ случаѣ, желала бы и я знать, кто ты?“

— „Правду тебѣ сказать или солгать?“

— „Какъ свойственно твоей натурѣ“, сказала дѣвушка.

— „Мнѣ свойственно говорить правду, но я теперь не могу сказать тебѣ ничего и даю слово, что черезъ нѣсколько дней ты узнаешь все“.

— „Хорошо“,—сказала Анаида, „позволь мнѣ кувшинъ мой,—я достану воды, если еще хотите пить.“

Царевичъ поблагодарилъ за любезность, Анаида же взяла кувшинъ и ушла.

Когда наши охотники возвращались домой, Вачаганъ спросилъ Вашнака:

— „Приходилось ли тебѣ видѣть такую красавицу въ нашей странѣ?“

— „Я, право, не замѣтилъ въ ней особой красоты“, отвѣтилъ Вашнакъ, „слышалъ только, что она дочь пастуха.“

— „У тебя чуткій слухъ; но ты не можешь похвалиться острымъ зрѣніемъ. Однако и твой слухъ вводитъ тебя въ заблужденіе.“

— „Но вѣдь дѣвица сама сказала, что ея отецъ пастухъ!“ возразилъ Вашнакъ.

— „Такъ что же изъ этого? Мнѣ кажется, что это обстоятельство ни на волосъ не уменьшаетъ ея достоинствъ, а, напротивъ, еще больше возвышаетъ ее въ моихъ глазахъ.“

— „Въ такомъ случаѣ, по вступленіи на престолъ, учреди особый почетный пастушескій знакъ и имъ награждай своихъ князей и сановниковъ.“

— „Другъ мой, пастушескій знакъ до того высокъ, что никто его не достоинъ, за исключеніемъ царей и пастырей духовныхъ. Неужели ты не знаешь, что скипетръ въ рукахъ царя и посохъ у патриарха—пастырскіе знаки?“

— „Пастырскіе, но не пастушескіе.“

— „Это все равно. Самъ посуди, какое громадное сходство между царемъ и пастухомъ: пастухъ зорко слѣдитъ за беззащитными животными въ своемъ стадѣ; царь одинаково распространяетъ свою милость надъ каждымъ подданнымъ, кто бы онъ ни былъ. Вѣдь Авраамъ, Мойсей и Давидъ были пастухами. Тебѣ должно быть извѣстно, что Богъ больше любилъ Іакова—тоже пастуха, чѣмъ Исава—такого же охотника, какъ мы съ тобой. Словомъ, всѣ пастухи, начиная съ Авеля, были люди праведные. Этотъ несчастный сельскій пастухъ, на котораго ты смотришь съ такимъ презрѣніемъ, и у котораго такая умная и красивая дочка, не долженъ составлять исключенія“.

— „Мнѣ ли вступать съ тобою въ пренія?!“ Отвѣтилъ на

эту рѣчь Вашнакъ, „ты обладаешь мощною рѣчью Месропа, ты можешь засыпать меня краснорѣчіемъ. Пусть будетъ по твоему,—пусть пастушеская дочка—красавица! Но будь она дочерью земледѣльца, ты, навѣрное, забылъ бы о Каинѣ и сталъ бы утверждать, что всѣ земледѣльцы, начиная съ Адама, были праведными людьми!“

— „Оставимъ шутки,“ замѣтилъ на это Вачаганъ „скажи по совѣсти, кто изъ двухъ красивѣе: Анайда или дочь нашего полководца, Варсеника?“

— „По моему ихъ невозможно сравнивать: Варсеника слыветъ красавицей среди княженъ; Анайда же красавица только среди крестьянокъ“.

— „А кто по твоему умнѣе?“

— „Я не взвѣшивалъ ихъ ума, но Варсеника прекрасно знаетъ, что вода изъ нашей рѣчки Тертеръ никому еще не вредила; потому, полагаю, она не стала бы, подобно Анайдѣ такъ долго мучить тебя, если бы ты вздумалъ просить у нея воды.“

— „Ты меня не любишь, Вашнакъ!“ воскликнулъ царевичъ.

— „Я все понимаю, дорогой мой царевичъ. У меня зрѣніе столь же остро, сколь чутокъ слухъ: влюбленный взоръ очаровательной Анаиды, какъ стрѣла, пронзилъ твое сердце и мнѣ страшно представить, что рана можетъ сдѣлаться неизлѣчимой“.

Вачаганъ болѣе не возражалъ. Они молча проѣхали остальную часть пути.

По возвращеніи домой царевичъ послѣ этого опять сталъ худѣть, сдѣлался задумчивъ и угрюмъ. Любовь овладѣла имъ всецѣло. Родители Вачагана сильно беспокоились и стали разспрашивать царевича, чѣмъ онъ болѣнъ, но не могли ничего добиться отъ него. Со всего государства съѣзжались врачи, осматривали Вачагана, дѣлали всевозможныя предположенія, и ни одинъ изъ нихъ не могъ помочь царевичу.

Наконецъ, вѣрный слуга вспомнилъ о послѣдней охотѣ и встрѣчѣ царевича съ Анаидою. Онъ догадался, что царевичъ влюбленъ въ нее и потому такъ страдаетъ. Рѣшивъ, что царевичъ болѣе ничѣмъ другимъ, какъ этимъ, вѣрный слуга пошелъ къ царю и рассказалъ ему о встрѣчѣ царевича съ Анаидою.

Царь повѣрилъ слугѣ и, чтобы отвлечь вниманіе сына, предложилъ ему жениться на какой-либо царевнѣ. Но царевичъ отказался отъ предложенія отца и сказалъ, что онъ не можетъ жениться, такъ какъ всѣ царевны ненавистны ему. Конечно, отецъ не повѣрилъ его словамъ и предлагалъ ему то одну, то другую. Царевичъ, повидимому, совѣтъ его не слушалъ и отъ всѣхъ отказывался. Отецъ, въ свою очередь, не отступалъ отъ Вачагана, и послѣдній рѣшился тогда признаться, что влюбленъ въ прекрасную дѣвицу Анаиду и потому не намѣренъ жениться на какой-либо царевнѣ. Ваче началъ упрекать Вачагана за такое своеволие и прибавилъ:

— „Если ужъ ты хочешь жениться, то выбирай себѣ невѣсту не изъ пастушекъ, а изъ равныхъ себѣ дѣвицъ. Въ противномъ случаѣ я не позволю тебѣ жениться.“

Такой отвѣтъ отца не только не ослабилъ, а, напротивъ, еще больше усилилъ любовь Вачагана къ Анаидѣ, и онъ рѣшился или умереть, или жениться на своей возлюбленной.

Съ того дня Вачаганъ совершенно отказался отъ пищи и, мечтая о своей прекрасной Анаидѣ, не чувствовалъ голода. Въ такомъ положеніи Вачаганъ провелъ нѣсколько дней и до того ослабѣлъ, что не могъ встать съ кровати. Отецъ видѣлъ всѣ страданія своего сына, и его родительское сердце не могло остаться равнодушнымъ. Послѣ долгихъ колебаній, онъ рѣшилъ лучше женить сына на простой дѣвицѣ, чѣмъ лишиться единственнаго возлюбленнаго наслѣдника своего престола. Высказавъ свое согласіе сыну, Ваче отправился съ

вѣрнымъ слугою Вашнакомъ и придворными къ пастуху просить руки его дочери.

Такой оборотъ дѣла благотворно повліялъ на здоровье царевича, и онъ скоро совершенно выздоровѣлъ.

Когда царь съ придворными подѣхалъ къ избушкѣ Арана и остановился, изъ нея вышелъ пастухъ и попросилъ гостей отдохнуть на балконѣ. Пастухъ поспѣшно вынесъ коверъ и постлалъ его на полъ, чтобы на немъ расположились гости. Взглянувъ на коверъ, Ваче удивился и не могъ понять, откуда взялся у бѣднаго пастуха такой дорогой коверъ, какого нельзя было найти во всемъ государствѣ. Ваче интересно было узнать, гдѣ пастухъ досталъ этотъ коверъ, и онъ спросилъ объ этомъ хозяина. Пастухъ смиренно отвѣчалъ, что это самый плохой коверъ изъ тѣхъ, которые соткала его дочь, и что у него есть нѣсколько ковровъ, которые гораздо лучше этого. Въ доказательство своихъ словъ, пастухъ велѣлъ своей дочкѣ вынести нѣсколько ковровъ лучшей работы.

Когда царь и придворные разсмотрѣли ковры и увидѣли красоту и миловидность Анаиды, они невольно сознались, что выборъ царевича, дѣйствительно, былъ хорошъ, и царь тутъ же объявилъ пастуху, что они пріѣхали сватать его дочь за царевича Вачагана.

— „Если Анаида согласится вступить въ бракъ съ царевичемъ, то я буду очень радъ“, отвѣчалъ пастухъ, „а не будетъ согласія съ ея стороны, то принуждать не стану“.

Послѣ этого онъ позвалъ Анаиду и передалъ ей предположеніе царя.

— „Знаетъ ли мой женихъ какое-нибудь ремесло?“ спросила Анаида.

— „Онъ мой наслѣдникъ“, отвѣчалъ на это царь, „я скоро умру, и онъ займетъ мое мѣсто и будетъ управлять народомъ... Царю не надо знать никакого ремесла; ему и безъ того будетъ хорошо“.

Но Анаида стояла на своемъ и рѣшительно объявила, что не пойдетъ за царевича, пока онъ не выучится какому-либо ремеслу. Послѣ того Анаида поклонилась царю и ушла въ избушку. Царь и придворные удивились такому отвѣту и не знали, что дѣлать. Наконецъ они вернулись домой и рассказали обо всемъ царевичу.

Какъ только Вачаганъ узналъ отвѣтъ Анаиды, сейчасъ же, не задумавшись, поѣхалъ учиться ткать зарбабъ*). Цѣлый годъ съ усердіемъ учился Вачаганъ и сдѣлался искуснымъ мастеромъ. По окончаніи ученія, онъ соткалъ прекрасную скатерть и послалъ ее въ подарокъ Анаидѣ, въ доказательство того, что онъ умѣетъ ткать зарбабъ.

Увидѣвъ работу Вачагана, Анаида съ радостью сказала:

— „Вотъ теперь я могу спокойно выйти за Вачагана, и увѣрена, что въ нашей жизни не будетъ такого препятствія, которое мы не могли бы преодолѣть терпѣніемъ и трудомъ! Одинъ Богъ знаетъ, что насъ ждетъ впереди“.

Скоро царевичъ устроилъ свадьбу. Она продолжалась цѣлый мѣсяцъ. Молодые супруги стали жить въ любви и спокойствіи.

Ваче скоро скончался и уступилъ свое мѣсто Вачагану, у котораго тогда было уже два сына.

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ мирной супружеской жизни, когда ихъ дѣти подросли и уже учились, Анаида сказала однажды своему мужу:

— „Какой ты царь, когда ни разу не объѣхалъ и не осмотрѣлъ своего государства! Ты не знаешь, гдѣ народу живетъ хорошо и гдѣ плохо, гдѣ и чѣмъ больше занимается твой народъ; не знаешь расположенія городовъ, ихъ состоянія и т. п. Тебѣ не мѣшало бы отправиться попутешествовать и осмотрѣть свое государство“.

*) Шелковая матерія, вышитая золотомъ.

— „Ты правду говоришь“, отвѣтилъ Вачаганъ, „я уже объ этомъ думалъ и завтра же отправлюсь ровно на восемь мѣсяцевъ“.

На другой день Вачаганъ распрощался съ женой и дѣтьми и отправился въ путь-дорогу.

Проѣхавши нѣсколько городовъ, Вачаганъ встрѣтилъ монастырь. О немъ рассказывали, что всѣ иноки, поступившіе въ этотъ монастырь, пропадали безъ вѣсти. Вачаганъ захотѣлъ узнать, куда дѣваются эти иноки, и потому поступилъ на время инокомъ въ этотъ монастырь. Двѣ недѣли провелъ Вачаганъ въ монастырѣ и ничего дурного не видѣлъ. Онъ совершенно не могъ понять, куда дѣвались въ этомъ монастырѣ иноки. Но, наконецъ, загадка для него разрѣшилась сама собою.

Однажды къ Вачагану подошелъ игуменъ монастыря, похвалилъ его за строгое исполненіе церковныхъ обрядовъ и нашель, что Вачагана надо перевести за усердіе въ другой, болѣе уединенный монастырь.

Въ этотъ же день Вачаганъ съ нѣсколькими иноками былъ отправленъ въ другой монастырь, находившійся въ глухомъ лѣсу, недалеко отъ перваго. Этотъ монастырь представлялъ совершенную противоположность первому. вмѣсто приличной ограды, здѣсь были стѣны, какъ въ тюрьмѣ; вмѣсто церкви и келій, здѣсь было какое-то подземелье, въ которое проходилъ свѣтъ черезъ маленькое отверстіе. вмѣсто иконъ и крестовъ, украшающихъ церкви, здѣсь валялись окровавленные человѣческія головы, руки и ноги. При видѣ этого ужаснаго зрѣлища, у Вачагана волосы стали дыбомъ, и онъ упалъ безъ чувствъ на землю.

Долго лежалъ Вачаганъ въ такомъ состояніи, и никто не подумалъ оказать ему помощь; наконецъ онъ очнулся. Въ его головѣ возникало множество предположеній о томъ, какъ освободиться изъ этого ужаснаго подземелья, только ни на

какомъ онъ не могъ остановиться. Онъ видѣлъ, какъ предъ его глазами каждый день зарѣзывали по нѣскольку человѣкъ, не обращая вниманія на ихъ мольбы, стоны и проклятья. Вачаганъ злился на самого себя и на этихъ безжалостныхъ злодѣевъ: они безъ малѣйшаго сожалѣнія рѣзали заключенныхъ по очереди и мясо отправляли въ гостинницу, гдѣ изъ него готовили разные кушанья; между тѣмъ Вачаганъ не только не могъ оказать помощи несчастнымъ, но даже ничего не могъ сдѣлать и для самого себя.

Восемь мѣсяцевъ давно уже прошло, и царица начала беспокоиться о супругѣ. Такъ какъ она не получала отъ Вачагана извѣстій, то послала вѣрнаго слугу, Вашнака, отыскать царя. Ему удалось узнать, что Вачаганъ отправился въ монастырь, и что потомъ прекратились все слухи о немъ; поэтому Вашнакъ самъ поѣхалъ въ монастырь и тоже поступилъ въ иноки. Его постигла та же участь, и онъ также попалъ въ подземелье. Здѣсь онъ сразу нашелъ глазами того, кого искалъ. Царь же не узналъ своего вѣрнаго слугу.

Когда, въ одну изъ тяжелыхъ минутъ, царь сидѣлъ задумавшись, къ нему подошелъ вѣрный слуга и началъ вызывать его на разговоръ.

— „Какъ тяжело и грустно смотрѣть на эту картину!“ сказалъ онъ. „Я вспомнилъ одинъ случай, надъ которымъ прежде смѣялся, а теперь вполне его цѣню и одобряю“.

Тутъ онъ разсказалъ царю о томъ, какъ Анаида заставила царевича изучить хоть одно ремесло прежде, чѣмъ согласилась выйти замужъ.

— „Вотъ, если бы этому человѣку пришлось попасть въ такое положеніе, какъ мы, то ему не пришлось бы такъ слушать. Онъ попросилъ бы у этихъ жадныхъ людей работы, и они, изъ корыстныхъ видовъ, непременно исполнили бы его просьбу. За работой время проходитъ незамѣтно, и съ ея помощью можно было бы, пожалуй, и выбраться отсюда“.

— „Случай, который ты рассказал, был со мною, и я тотъ самый царь Вачаганъ, а Анаида моя жена“.

— „Я давно узналъ тебя, но ты не узналъ своего вѣрнаго слугу. Я нарочно началъ рассказывать тебѣ твою исторію, предполагая, что ты узнаешь меня, но ты все-таки не узналъ меня, а я вѣдь пришелъ отыскать тебя“....

Царь обрадовался такой неожиданной встрѣчѣ, обнялъ Вашнака, поцѣловалъ его и поблагодарилъ за вѣрность. Вашнакъ продолжалъ:

— „Я придумалъ хитрость, посредствомъ которой намъ, можетъ быть, удастся выбраться изъ этого ужаснаго подземелья. Попроси у хозяина шелку и золота и сотки ему для продажи скатерть. На той скатерти ты можешь выткать хитрымъ узоромъ извѣстіе о своемъ положеніи, такъ, что хозяинъ ничего не разберетъ. Если та скатерть попадетъ въ руки царицы, то она, рассматривая узоръ, замѣтитъ буквы и, прочитавъ, узнаетъ о твоёмъ положеніи. Тогда она пошлетъ сюда войско и выручитъ насъ изъ бѣды.“

Царь рѣшилъ сдѣлать по совѣту вѣрнаго слуги и на другой же день предложилъ хозяину свои услуги:

— „До меня еще не скоро дойдетъ очередь“, сказалъ онъ „а я безъ дѣла не могу сидѣть. Дай мнѣ шелку и золота: я искусный ткачъ и сотку тебѣ скатерть, которую ты можешь продать за хорошую цѣну.“

Хозяинъ былъ человѣкъ жадный и потому съ удовольствіемъ принялъ предложеніе Вачагана. Скатерть скоро была готова, и Вачаганъ, передавая ее хозяину, посоветовалъ продать самой царицѣ, потому что она знаетъ цѣну такихъ издѣлій и, конечно, дастъ за нее больше денегъ, чѣмъ кто-либо другой.

Хозяинъ сейчасъ же отправилъ скатерть царицѣ. Анаида увидѣла хорошую работу, купила ее и внесла въ комнату. Когда скатерть лежала на столѣ, Анаида же пошла въ

другую комнату за деньгами, дѣти начали разсматривать скатерть. Старшій сынъ Вачагана замѣтилъ на ней нѣчто вродѣ буквъ. Всмотрѣвшись хорошенько, онъ убѣдился, что рисунокъ скатерти состоялъ изъ переплетенныхъ между собою буквъ. Онъ позвалъ мать и указалъ ей на свое открытіе. Анаида начала разбирать буквы и, къ своему удивленію, узнала, что это письмо отъ ея мужа, и въ немъ послѣдній просить избавить его отъ неминуемой смерти.

Прочитавъ письмо, царица разгнѣвалась на злодѣевъ и, схвативъ мечъ, одного продавца убила, а другого велѣла связать и посадить въ тюрьму. Потомъ она собрала войско и отправилась освобождать мужа, заставивъ оставшагося въ живыхъ продавца показывать дорогу. Царица переодѣлась въ одежду мужа и ѣхала съ войскомъ верхомъ. Такъ какъ войско шло тихо, то царица оставила его и ускакала впередъ.

Подѣхавъ къ монастырю, царица слѣзла съ коня, выхватила изъ ноженъ мечъ и начала рубить всѣхъ встрѣчавшихся монаховъ. Послѣдніе увидѣли, что дѣло плохо, и, взявъ кресты, начали осѣнять царицу крестнымъ знаменіемъ и читать молитвы отъ нападенія нечистаго духа. Лицемѣріе монаховъ еще больше возбѣсило гнѣвную царицу, и она безъ пощады перерѣзала всѣхъ монаховъ и оставила только одного, которому и приказала показать мѣсто, гдѣ находился царь и другіе несчастные заключенные у нихъ люди. Пришедши къ подземелью, Анаида убила и проводника и начала рубить мечомъ двери, за которыми находились несчастные мученики. Она прорубила уже пять дверей и никого не встрѣтила. Силы измѣняли ей: она боялась упасть въ обморокъ и умереть, не достигнувъ своей цѣли. Собравшись съ послѣдними силами, стала она рубить шестую дверь, но, прорубивъ небольшое отверстіе, упала отъ изнеможенія на полъ и лишилась чувствъ.

Однако труды царицы не пропали даромъ. За шестую

дверью сидѣли заключенные. Они въ недоумѣніи стали выглядывать въ прорубленное отверстіе. Царь тоже выглянулъ и увидѣлъ на полу лежащаго безъ признаковъ жизни вооруженнаго человѣка. Онъ сейчасъ же догадался, что это пришелъ за нимъ освободитель, и посовѣтовалъ своимъ товарищамъ доломать общими силами дверь и привести въ чувство своего избавителя. Заключенные съ радостью приняли предложеніе, и дверь въ одну минуту очутилась подъ ихъ ногами.

Приводя въ чувство своего избавителя, Вачаганъ узналъ въ немъ свою жену. Анаида скоро очнулась, и радости обоихъ не было конца. Всѣ обреченные на смерть, товарищи Вачагана по заключенію, со слезами на глазахъ благодарили царя съ царицею за свое избавленіе.

Въ то время къ подземелью подошло войско и, узнавъ, что всѣ уже освобождены царицею, съ радостными кликами встрѣтило вышедшихъ изъ подземелья царя съ царицею.

Вачаганъ съ Анаидою долго еще послѣ этого царствовали.

Записалъ со словъ Маріи Ханаговой въ урочищѣ
Дешлагаръ, Дагестанской области, воспитанникъ
Закавк. учит. семинаріи *И. Момтевъ.*

13. Въ пещерѣ.

Когда то по одной гористой тропинкѣ шли трое путниковъ. День былъ ясный, на небѣ не видно было облаковъ. Они шли уже двое сутокъ, и съ ними никакого приключенія не случалось. Но вотъ на третій день погода измѣнилась: вдали разыгралась гроза и шла къ нимъ; молнія чаще и чаще сверкала въ черной тучѣ; поднялась буря, отъ которой гнулись къ землѣ растенія; черезъ нѣсколько минутъ, точно небо разорвалось, полилъ страшный ливень и промочилъ нашихъ путниковъ до костей.

Къ счастью въ сторонѣ отъ тропинки они замѣтили пещеру, которая служила пастухамъ въ качествѣ овчарни: сюда они и вошли. Въ этой пещерѣ лежалъ подъ ногами толстымъ слоемъ овецѣй пометъ; они сгребли его въ кучу, достали огниво, кремень и трутъ, развели огонь и присѣли вокругъ него, чтобы просушиться. Обсушивши нѣсколько свое платье, они достали изъ сумокъ съѣстное и принялись закусывать, дожидаясь прекращенія дождя, дабы продолжать путь.

Казалось, что дождь переставалъ; но вдругъ раздался подземный гулъ и послѣдовалъ ударъ, отъ котораго содрогнулась земля: то было землетрясеніе; потерявъ равновѣсіе, камни срывались съ окружающихъ высотъ и съ грохотомъ низвергались въ долину, и вотъ одна громадная каменная глыба, сорвавшаяся съ вершины горы, съ грохотомъ и шумомъ подкатилась ко входу въ пещеру и остановилась здѣсь, плотно закрывъ его.

Злосчастные путники остолбенѣли отъ ужаса, понявъ свое положеніе и предчувствуя неизбежную гибель. Невольныя слезы полились изъ глазъ у нихъ при такомъ безвыходномъ положеніи: помочь себѣ они не могли... Безмолвно бросали они другъ на друга взгляды отчаянія. Такъ прошло нѣсколько минутъ, казавшихся имъ вѣчностью. Молчаніе было прервано однимъ изъ товарищей, человѣкомъ бывалымъ, убѣленнымъ уже сѣдинами; онъ сказалъ своимъ спутникамъ:

— „Друзья! видно, мы согрѣшили передъ Богомъ, что Онъ такъ караетъ насъ! Мы недавно случайно сошлись на пути, и прошлая жизнь каждого изъ насъ неизвѣстна другому; быть можетъ въ ней скрыто нѣчто весьма противное заповѣдямъ Божиимъ, за что всевѣдущій Богъ и ниспослалъ намъ такое наказаніе и судилъ погибнуть такою лютою смертью! Братья, давайте по очереди откровенно расскажемъ свое прошлое: если въ немъ у кого-нибудь изъ насъ

найдется что-либо противное Господу Богу, то всё вмѣстѣ постараясь вымолить у Него прощенье. Я полагаю, любезные товарищи, что если наши мольбы будутъ чистосердечны и съ вѣрой, то мы опять увидимъ свѣтлый Божій день и темную ночь... Кромѣ того, пусть это будетъ для насъ предсмертною исповѣдью, послѣ покаянія не страшно будетъ и умереть хотя бы и въ этомъ каменномъ гробу, вдали отъ дорогихъ намъ сердецъ“.

Всѣ согласились на это предложеніе. По жребію, первымъ пришлось рассказывать младшему изъ нихъ по лѣтамъ, который началъ такъ:

— „Мнѣ теперь сорокъ лѣтъ. До пятнадцати лѣтъ я жилъ на попеченіи отца, какъ говорится, прииѣваючи, не зналъ ни горя, ни заботъ. Съ этого же возраста я сталъ мало по малу помогать отцу въ работахъ. Отецъ мой былъ человѣкъ небогатый, а семья у него была большая: самъ-отецъ, мать, четыре сестры да я, всего семь душъ. На шестнадцатомъ году старшая сестра вышла замужъ за одного добраго и неглупаго молодого человѣка; ватѣмъ, черезъ два года— вторая, а черезъ годъ послѣ второй и третья; младшая же сестра простудилась, слегла въ постель и, такъ, видно, угодно было Господу, скончалась. Мы всё оплакивали ея смерть. Но всякое горе забывается: сначала сестры и отецъ перестали плакать о ней, хотя мать еще продолжала вспоминать ее, и мы часто заставляли ее въ слезахъ... Но, наконецъ, и она перестала плакать о ней. Мнѣ тогда было лѣтъ двадцать. Отецъ съ матерью рѣшили женить меня, а я, конечно, не противился ихъ желанію. Они выбрали для меня невѣсту—молоденькую и красивую, дочь нашего сосѣда, которую я безпредѣльно полюбилъ за ея доброту и кротость. Сыграли нашу свадьбу; попиrowали, какъ слѣдуетъ. Черезъ три года Господь осчастливилъ насъ близнецами: дѣвочкой и мальчикомъ. Съ этого времени наша жизнь потекла въ пол-

ной радости и благополучіи: всего было вдоволь; отецъ и я нашими заработками обезпечивали семью; мать и жена хозяйничали дома, а дѣти всѣхъ насъ забавляли своими невинными играми и болтовней.

Но прошло нѣсколько лѣтъ, и насъ постигло непоправимое горе. Это было зимою. Разъ отецъ, возвращаясь домой изъ сосѣдняго городка, куда онъ ходилъ на заработки, былъ застигнутъ снѣжною бурей, сбился съ дороги, выбился изъ силъ и не вдалекѣ отъ нашей деревни завязъ въ сугробѣ, гдѣ его и занесло снѣгомъ. Къ счастью, въ тотъ день нѣкоторые изъ нашихъ сосѣдей возвращались домой изъ лѣсу, куда ѣздили за дровами. Они при себѣ имѣли дворняжку, которая почуяла въ снѣгу близъ дороги человѣка и начала разгребать лапами снѣгъ. Мужики же, заподозривъ присутствіе человѣка, принялись раскапывать снѣгъ и скоро нашли подъ нимъ моего отца, окоченѣлаго отъ холода, и на своихъ санкахъ привезли домой. Дома, послѣ многихъ хлопотъ и усилій, мы привели его въ чувство,—отецъ ожилъ; но вполнѣ оправиться онъ не могъ уже: онъ сталъ говорить дурно, съ замканиемъ, и, въ добавокъ, правая нога его, которая раньше страдала ревматизмомъ, совершенно онѣмѣла отъ озноба, и бѣдный отецъ не только сдѣлался жертвой постояннаго мученія, но сталъ совершенно неспособнымъ къ работѣ и при ходбѣ опирался на палку.

Съ этого времени наше житье-бытье постепенно стало ухудшаться: мать ухаживала за больнымъ отцомъ, жена одна едва управлялась съ хозяйствомъ, а я теперь долженъ былъ зарабатывать и на долю отца; между тѣмъ семья увеличилась еще однимъ членомъ,—дочерью, которая родилась у насъ. Черезъ нѣсколько времени я обнищаль. Но роптать на жизнь нельзя было: родители могли бы оскорбиться напоминаніемъ о нашемъ жалкомъ положеніи. Мы, съ женой, старались усладить, чѣмъ могли ихъ жизнь. Ежедневно, по воз-

вращеніи съ работы, жена подносила приготовленную пищу цѣбликомъ родителямъ, а родители, въ свою очередь, были внимательны къ намъ и безъ меня никогда не сажались за ужинъ. По окончаніи ужина родители всѣхъ насъ благословляли передъ отходомъ ко сну, мы же, въ знакъ признательности, цѣловали ихъ похудѣвшія руки.

Видно, Господу угодно было наше попеченіе о родителяхъ: ежегодно Онъ благословлялъ мое поле, и оно давало мнѣ столько хлѣба, сколько нужно было для удовлетворенія моихъ нуждъ. Такъ я содержалъ своихъ родителей до смерти ихъ, исполняя заповѣдь Господа, гласящую: „Чти отца и мать твою, да блаженъ будешь на землѣ и на небѣ“.

Вотъ, господа, я открылъ вамъ все мое прошлое... Судите сами, есть ли въ немъ что-нибудь противное заповѣдямъ Божиимъ!..“

Послѣ этихъ словъ на нѣкоторое время воцарилось глубокое молчаніе; затѣмъ всѣ-трое бросились на колѣни и, слутники рассказчика, простирая руки кверху, со слезами на глазахъ, воскликнули:

— „Боже! не губи насъ грѣшныхъ, ибо среди насъ нашелся человекъ, честно исполнившій свои обязанности, по отношенію къ своимъ родителямъ“...

Не успѣли они окончить своей молитвы, какъ подземный ударъ повторился, и каменная глыба, закрывавшая входъ въ пещеру, поколебалась и нѣсколько наклонилась въ сторону, образовавъ небольшое отверстіе.

Заключенные сразу не могли замѣтить этой перемѣны, такъ какъ были сильно напуганы. Но когда они пришли въ себя и замѣтили отверстіе у входа, то бросились къ нему, восклицая: „Мы спасены!“

Но, увы, это была только щель, показавшаяся имъ большимъ отверстіемъ, а на самомъ дѣлѣ черезъ нее они могли только обзрѣвать долину, заливаемую водой и постепенно

превращавшуюся въ большой потокъ, уносившій съ собой все, что лежало ему на пути. Видно было, что дождь и гроза не перестали: небо бороздили молніи, освѣщая на мгновеніе котловину. Разочарованные, они долго, быть можетъ, простояли бы такъ, если бы не заговорилъ старшій изъ нихъ и не напомнилъ, что теперь очередь второго рассказать свое прошедшее. Второй путникъ рассказалъ слѣдующее.

— „Я былъ единственнымъ сыномъ богатыхъ родителей. Мы жили въ деревнѣ. На семнадцатомъ году, лишившись отца, я сталъ вести разгульную жизнь; молодые кутилы, среди которыхъ проводилъ я время, поощряли, ради моей щедрости, мои дурные поступки, называя ихъ удалствомъ. На всѣ просьбы доброй матери оставить такую порочную жизнь я отвѣчалъ отказомъ, который терзалъ душу несчастной.

Такъ въ нѣсколько лѣтъ я успѣлъ промотать отцовское добро, добытое имъ честнымъ трудомъ. Къ довершенію всего я влюбился въ одну молоденькую дѣвушку, которая имѣла несчастье взаимно полюбить меня. Ея отецъ былъ человѣкъ добрый и неглупый. Когда я послалъ сватовъ къ нему, то онъ не только не принялъ моего предложенія, но даже, пробравъ свою дочь за легкомысліе, сталъ увѣщевать ее никогда не выходить замужъ за такого развратнаго юношу, безпощадно и безъ смысла проматывающаго отцовское имущество.

Узнавъ объ этомъ, я сталъ показывать видъ, что оставилъ свой дурной образъ жизни; на самомъ же дѣлѣ не оставлялъ его, и только сталъ ходить къ своимъ товарищамъ-кутиламъ по вечерамъ и всѣ ночи проводилъ съ ними въ попойкахъ и азартныхъ играхъ; случалось, при этомъ, что въ нетрезвомъ состояніи я производилъ разные скандалы и даже драки, получалъ и самъ иной разъ побои. Иногда, послѣ шумныхъ вечеровъ, въ позднюю ночь, едва

держась на ногахъ, приходилъ я къ бѣдной и вѣчно плачущей моей матери, и она постоянно умоляла и заклинала меня оставить такую позорную жизнь. И хотя, бывало, я давалъ ей обѣщаніе прекратить подобный образъ жизни, но все-же на слѣдующій день, не обращая вниманія на данное мною обѣщаніе, повторялъ тоже самое.

Лишь черезъ нѣсколько лѣтъ, когда у меня все наслѣдство было проучено, и когда товарищи прогнали меня отъ себя, потому что я не могъ больше кормить и поить ихъ, я, наконецъ, какъ-будто очнулся, созналъ свою неправимую ошибку. На свои прежніе поступки я тогда сталъ смотрѣть съ отвращеніемъ. Обдумавъ свое положеніе, я рѣшилъ приняться за какое-нибудь ремесло. Но за что приняться, когда я не зналъ ни одного ремесла? Размышляя о своемъ положеніи, самъ того не замѣчая, забрелъ я однажды за околицу нашей деревни и очутился въ полѣ; присѣвъ отъ усталости на камень, я, не помню, какъ, задремалъ. И вотъ чудится мнѣ во снѣ, что я нахожусь въ кругу своихъ развратныхъ товарищей, которые выказываютъ мнѣ всевозможный почетъ и ласки, и я горжусь этимъ и наслаждаюсь. Среди всего этого вдругъ я вижу приближающагося старика, опирающагося на трость и презрительно взирающаго на меня. Я узналъ его: это былъ мой отецъ. Мнѣ хотѣлось броситься и обнять его, какъ это я дѣлалъ при его жизни; но онъ грозно устремилъ взглядъ на меня и произнесъ:

— „Ахъ, ты, недостойный сынъ! почему безжалостно промоталъ ты мое добро, добытое мною честнымъ и тяжелымъ трудомъ? Почему ты ослушался матери, не стыдился честныхъ и благородныхъ людей? Неужели не боялся ты моего проклятія и Божьяго гнѣва? Неужели въ тебѣ не осталось хоть капли совѣсти, или ты весь испорченъ и можешь быть только подлымъ наслѣдникомъ честнаго и трудолюбиваго отца? Тебѣ только одинъ исходъ: оставь раз-

вратныхъ твоихъ товарищей, ищи себѣ честной работы вдали, у чужихъ, и будь малымъ доволенъ. Вотъ чѣмъ ты можешь искупить свою вину! Но если не исполнишь этого моего послѣдняго требованія, то вымолю на тебя Божій гнѣвъ, и проклятiе мое будетъ надъ тобою во всю твою жизнь!“

Исчезъ отецъ. Я проснулся. Мною овладѣло уныніе; я не въ состоянiи былъ владѣть собою. Видѣнный сонъ не покидалъ меня; все слышались мнѣ слова: „Недостойный сынъ! вымолю на тебя Божій гнѣвъ, и проклятiе мое будетъ надъ тобою во всю твою жизнь“.

Послѣ долгихъ колебаній, я рѣшился послѣдовать указанію отца: раскаялся во всемъ прошломъ, далъ себѣ слово довольствоваться малымъ, честно и усердно исполнять взятая на себя обязанности и искать себѣ работы вдали. Принявъ это намѣреніе, я всталъ и твердыми шагами, съ облегченнымъ сердцемъ, вернулся къ матери: я бросился къ ея ногамъ, прося прощенія за свои поступки и благословенія на далекій путь. Мать была поражена,—никогда съ самой смерти мужа, не видѣла она меня въ такомъ настроеніи; она зарыдала и отъ радости о моемъ раскаянiи, и отъ мысли о разлукѣ со мною; она колебалась отпустить меня; но, наконецъ, согласилась и, съ материнскими наставленіями, благословила меня на путь.

Я исполнилъ свое намѣреніе. Это было весною. Въ одну лунную ночь, когда на небѣ горѣли безчисленныя звѣзды, когда въ деревнѣ царствовала мертвая тишина, я поцѣловалъ мать и со слезами на глазахъ покинулъ свой домъ. Путь мой лежалъ въ одинъ городъ, находящійся въ десятидневномъ разстоянiи отъ мой родины. Я выбралъ этотъ городъ мѣстомъ для моей трудовой жизни потому, что тамъ никто не зналъ моего прошлаго, и я, по этому, легче могъ бы найти работу.

Въ городѣ сразу мнѣ не удалось найти мѣста для службы, а потому я принужденъ былъ работать поденно у раз-

ныхъ лицъ, дабы снискивать себѣ пропитаніе. Но черезъ недѣлю, когда я стоялъ на площади, ожидая, чтобы кто-нибудь нанялъ меня, ко мнѣ приблизился какой-то сѣдовласый старикъ; онъ ласково спросилъ:

— „Сынъ мой, не пожелаешь ли наняться въ прислуги ко мнѣ? ты будешь исполнять только одну домашнюю работу и, живя въ моей семьѣ, научишься многому хорошему, что впоследствии пригодится тебѣ въ твоей жизни“.

Я заявилъ согласіе и пошелъ за нимъ. Когда дошли до дома этого старика, онъ назначилъ мнѣ жалованье, которое было гораздо больше того, что получалъ я отъ поденной работы; хозяинъ мой обещалъ даже и прибавить къ моему жалованью, если я добросовѣстно и прилежно исполню свои обязанности.

Съ этого времени я шесть лѣтъ прослужилъ въ этой прекрасной семьѣ, которая научила меня кротости, скромности, бережливости и любви къ ближнимъ. Оставляя это семейство, я получилъ шестилѣтнее мое содержаніе, и для меня въ деревенскомъ быту сумма эта была очень немаловажна: я былъ уже не гуляка, какъ прежде, а честный труженикъ; я торопился къ дорогой, нѣжно любящей меня матери, которая, казалось мнѣ, за время моей отлучки, терпѣла большія лишенія; она все чаще и чаще просила меня ускорить возвращеніе. Мнѣ казалось, что мое возвращеніе и скромная бережливая жизнь съ матерью утѣшили бы бѣдную старушку. Мать встрѣтила меня съ распротертыми объятіями, прижала меня къ своей груди, плакала, цѣловала и не могла выразить всей полноты своей радости. Мы не могли насмотрѣться другъ на друга. Казалось, мать забыла мое прошлое и была счастлива.

Поселившись съ матерью, я немедленно принялся за отцовское дѣло, за земледѣліе; земля давала мнѣ хорошіе урожаи; понемногу я поправлялъ разоренное мною хозяйство

и былъ доволенъ своею судьбою, а черезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлался даже однимъ изъ состоятельныхъ жителей нашей деревни.

Лѣтъ черезъ пять по возвращеніи моемъ къ матери наступилъ въ нашемъ краѣ голодный годъ, а у меня было хлѣба вдоволь. Многіе изъ моихъ сосѣдей обнищали, въ томъ числѣ и отецъ нѣкогда любимой мною дѣвушки, отказавшій мнѣ въ ея рукѣ. Они всѣ приходили ко мнѣ просить хлѣба. Забывъ нанесенную мнѣ обиду и отцу моей невѣсты, и всѣмъ другимъ я оказалъ посильную помощь: я роздалъ весь свой хлѣбъ нуждающимся, исполняя повелѣніе Господа „давать просящимъ“.

Вотъ, друзья, все мое прошлое. Успѣлъ ли я искупить свою вину своимъ раскаяніемъ, о томъ вѣдаетъ Богъ“.

Слушатели произнесли:

— „Милосердый Богъ безъ сомнѣнія проститъ тебѣ твои прежніе грѣхи, ибо Онъ прощаетъ кающихся“.

Въ это время наши заключенные вдругъ почувствовали новый толчокъ и отъ него попадали на землю. Когда они опомнились, то замѣтили, что каменная глыба отодвинута всторону еще болѣе; но вылѣзть имъ черезъ нее было положительно невозможно,—отверстіе было слишкомъ узко для этого.

— „Братья!“ произнесъ тогда пожилой ихъ товарищъ, утирая слезы, „теперь моя очередь рассказать свое прошлое. Вы видите, что я въ преклонныхъ лѣтахъ; мнѣ слишкомъ совѣстно преувеличивать или искажать то, что случилось со мной въ жизни, да и немного въ моей жизни было замѣчательнаго.“

Лѣтъ тридцать тому назадъ я былъ содержателемъ одного постоялаго двора въ сосѣднемъ городкѣ, куда по вечерамъ, конечно, за особую плату, являлся рабочій людъ на ночлегъ; ночлежники отдавали мнѣ на храненіе все зарабо-

танное, а въ день ухода переданное мнѣ на храненіе сполна получали обратно.

Разъ одинъ изъ рабочихъ, идя на работу, передалъ мнѣ, по примѣру другихъ, на храненіе двугривенный. Къ вечеру въ тотъ день этотъ работникъ не явился ночевать. Ждалъ его на послѣдующіе дни, но его нѣтъ, какъ нѣтъ. Прошелъ уже цѣлый мѣсяцъ, и я рѣшилъ его двугривенный пустить въ оборотъ и то, что съ его помощью наживу въ теченіе десяти лѣтъ, возвратитъ хояину, если онъ въ этотъ срокъ появится, а въ противномъ случаѣ нажитое добро присвоить себѣ.

Я пошелъ на базаръ посмотрѣть продаваемые тамъ предметы: мнѣ хотѣлось найти между ними такой, который могъ бы принести пользу и стоилъ бы не дороже двугривеннаго. Я не нашелъ ничего другого, кромѣ куръ, и купилъ одну изъ нихъ за 20 коп., принесъ ее домой и выпустилъ во дворъ, гдѣ она могла найти достаточно корму. Купленная курица ежедневно несла по одному яйцу, и къ концу третьей недѣли у меня было отъ нея 20 яицъ; потомъ курица высидѣла эти яйца и вывела десять паръ здоровыхъ цыплятъ. Цыплята выходились, и мѣсяца черезъ три я продалъ всѣхъ моихъ молодыхъ куръ съ насѣдкой, а на вырученныя деньги купилъ новыя вещи, которыя продалъ съ барышомъ. Такъ, посредствомъ покупки и продажи постепенно изъ двугривеннаго въ теченіе девяти лѣтъ образовалась у меня порядочная сумма. Оставался одинъ только годъ, чтобы можно было мнѣ воспользоваться этими деньгами.

Но, вотъ, однажды я увидѣлъ согбеннаго старика, онъ просилъ милостыню; въ немъ я узналъ того работника, который далъ мнѣ на храненіе двугривенный. Только нѣкоторое сомнѣніе возбуждалъ во мнѣ горбъ: у того не было горба, а у этого былъ... Чтобы удостовѣриться въ его личности, я призвалъ его къ себѣ и изъ его словъ убѣ-

дился, что это, дѣйствительно, тотъ рабочій; но житейскія невзгоды его такъ изуродовали и состарили раньше времени.

Вѣрный своему рѣшенію, я рассказывалъ ему подробно, какъ поступилъ съ его двугривеннымъ, и во что онъ обратился, а затѣмъ просилъ его получить и распоряжаться нажитымъ мною для него капиталомъ. Онъ молча и недовѣрчиво смотрѣлъ на меня, принимая мои слова за шутку, но убѣдившись, что я говорю серьезно, онъ заплакалъ отъ радости и будто сразу помолодѣлъ: горбъ исчезъ, онъ выпрямился и со слезами на глазахъ хотѣлъ было кинуться въ мои ноги, изъявляя свою признательность. Я не допустилъ его до этого и остановилъ словами:

— „Любезный! все, что я передаю тебѣ, твоя собственность; Богу угодно было доставить тебѣ счастье чрезъ меня; я доволенъ тѣмъ, что мнѣ удалось сдѣлать доброе дѣло одному изъ несчастныхъ и вывести его изъ жалкаго положенія“.

Едва рассказчикъ окончилъ свое послѣднее слово, какъ пещера снова заколебалась; послышалось глухое влопотаніе; что-то недалеко отъ пещеры забурлило и зашумѣло, будто громадные обломки камней съ грохотомъ и шумомъ низвергались въ бездну. Шумъ все усиливался и вдругъ каменная глыба, которая закрывала входъ въ пещеру, скатилась внизъ, въ долину, опустошая на своемъ пути все, что могло ей попасться.

Путники были, такимъ образомъ, спасены.

Но когда они выбѣжали наружу, то замѣтили, что вершина сосѣдней горы, продолженіе которой составляло ихъ убѣжище, покрыта была густыми облаками пара, поднимавшагося къ небу, и вдругъ потокъ расплавленной лавы поползъ въ долину огненною змѣею, а въ воздухъ разлился запахъ сѣры.

Наши заключенные, частію отъ страха, частію отъ ра-

дости, безъ оглядки бѣжали подальше отъ изверженія. Опомнившись отъ всего перенесеннаго въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, они бросились на колѣни благодарить Господа за свое чудесное освобожденіе.

Записаль со словъ старожиловъ во время первой всеобщей переписи смотритель Иманпалинскаго училища, Эриванской губерніи и уѣзда, *К. Шаиновъ*.

II. Сказки.

1. Геджа-Чраги *).

Въ одномъ городѣ жила старуха со своимъ сыномъ, по имени Али-Кули. Единственное ихъ богатство составляли два гуся, но и тѣхъ они принуждены были продать, когда имъ нечего было ѣсть. Сынъ взялъ ихъ на базаръ для продажи. Къ его несчастью покупателемъ его гусей явился одинъ изъ везирей Шахъ-Аббаса. Онъ пообѣщалъ за обоихъ гусей два крана **), да и то одинъ заплатилъ, а другого не отдалъ. Али-Кули былъ очень раздосадованъ. Онъ пришелъ домой и рассказалъ матери о безсовѣстномъ поступкѣ везира и поклялся именемъ Великаго Пророка отомстить ему за это. Али-Кули сказалъ матери:

— „Не буду я сыномъ своего отца, если, вмѣсто одного крана, не вытащу изъ его носа нѣсколько тысячъ крановъ!“

Спустя нѣсколько дней послѣ продажи гусей, разъ вечеромъ Али-Кули заходитъ на кухню везира и говоритъ его главному повару, что везиръ собирается отправиться куда-то и требуетъ ужина. Поваръ даже и не спросилъ, кто онъ такой, такъ какъ въ домѣ везира каждый день нанималась новая прислуга; онъ приготовилъ на скорую руку ужинъ, положилъ на золотое блюдо и отдалъ ему.

Али-Кули этого только и желалъ: онъ взялъ блюдо, отнесъ его прямо къ себѣ домой и рассказалъ матери, какою

*) Татарское слово, означаетъ: „ночная свѣча“.

**) Кранъ—персидская монета въ 28 $\frac{1}{2}$ коп.

хитростью добылъ его. На другой день онъ далъ матери украденное блюдо и говорить, чтобы она сходила на базаръ и продала его, а на вырученныя деньги купила хорошее женское платье. Мать послушалась. Когда платье было готово, Али-Кули наряжается въ него и говорить матери:

— „Поведи меня на базаръ и, если кто тебя спросить обо мнѣ, скажи, что это твоя дочь, которую ты, по бѣдности, принуждена продать. Чтò ни давали бы за меня другіе, ты не соглашайся продать, а везиру, который купилъ нашихъ гусей, отдай хоть за половину цѣны.“

Къ ихъ счастью на дорогѣ встрѣтился съ ними тотъ самый везиръ и спросилъ старуху:

— „Чья это дѣвушка, и куда ведешь ее?“

Старуха отвѣтила, какъ научилъ ее Али-Кули.

Везиръ предложилъ тогда за дѣвушку пятьсотъ крановъ, и старуха согласилась.

Радости везира не было конца. Придя домой, онъ сейчас же показалъ новой женѣ свое богатство и комнаты. Али-Кули же въ умѣ составлялъ планы, какимъ образомъ принести вредъ безстыдному везиру. Везиръ показалъ всѣ комнаты, кромѣ одной. Но мнимая жена такъ настоятельно просила, чтобы везиръ показалъ ей и эту комнату, что везиръ принужденъ былъ уступить ей просьбѣ. Въ комнатѣ она увидѣла одну машину и спросила, что это за машина и для чего употребляется. Везиръ объяснилъ ей, что машина служить для казни преступниковъ: ихъ сажаютъ на верхнюю площадку ея и подвигиваютъ до тѣхъ поръ, пока площадка не коснется потолка и не раздавить подъ нимъ преступника.

— „Въ такомъ случаѣ“, сказала ему дѣвушка, „я поднимусь, а ты прижми меня къ потолку, чтобы я могла испытать, что чувствуетъ преступникъ, когда его казнятъ, съ помощью этой машины; но когда я скажу, что больно, ты отвянти машину.“

Желаніе ея было исполнено, и везирь бережно поднялъ мнимую дѣвушку къ потолку.

— „Теперь очередь за тобою“, сказала она, спустившись съ машины.

Желая угодить молодой женѣ, везирь съ радостью согласился. Али-Кули сначала слегка прижалъ его къ потолку и спросилъ, довольно ли; ничего не подозрѣвавшій везирь просилъ чтобы его посильнѣе подвинтить. Но скоро боль заставила везирия просить о томъ, чтобы винтъ былъ ослабленъ. Но Али-Кули, напротивъ, сталъ еще больше прижимать его къ потолку. Напрасно обманутый везирь умолялъ о пощадѣ. Али-Кули сказалъ ему:

— „Пеняй на себя! До этого довела тебя твоя жадность. Я вовсе не дѣвушка, а тотъ самый, которому ты отказалъ въ уплатѣ одного крана при покупкѣ гусей. Меня называютъ „Геджа-Чраги“, хотя я ношу имя и Али-Кули. Ну что? теперь тоже уклоняешься отъ уплаты крана?“

— „Ради Аллаха, пожалѣй меня, отпусти!“ взмолился везирь. „Я готовъ съ радостью исполнить всякое твое желаніе, только не мучь меня“.

Геджа-Чраги оставилъ везирия въ полумертвомъ состояніи, а самъ, запасшись достаточнымъ количествомъ золота, ушелъ, ни кѣмъ не замѣченный

Ждали несчастнаго везирия на обѣдъ и не дождались: ждали на ужинъ,—тоже самое; и на другой день его все нѣтъ, какъ нѣтъ. Прислуга думаетъ, что онъ со своей невѣстой у себя въ комнатѣ, и никто не осмѣливается войти къ нему. Наконецъ, одинъ изъ нихъ, который былъ смѣлѣе другихъ, рѣшился войти въ комнату своего повелителя, и, къ изумленію, никого тамъ не нашель. Объ этомъ онъ далъ знать всѣмъ своимъ товарищамъ. Они принялись искать и нашли бѣднаго везирия еле дышащимъ между машиной и потолкомъ. Они не знали причины несчастья, постигшаго везирия, и сей-

часъ же дали знать о случившемся Шахъ-Аббасу, который не замедлил отправить къ больному своего главного доктора.

Доктору не легко было вылѣчить больного. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ прежде, чѣмъ больной могъ сидѣть. Шахъ-Аббасъ много думалъ о бѣдномъ везирѣ. Онъ часто посѣщалъ его домъ и освѣдомлялся о его здоровьѣ.

Разъ, когда Шахъ-Аббасъ, сидя у себя въ комнатѣ, думалъ объ участи своего любимаго везира, ему докладываютъ, что кто-то желаетъ видѣть его, и въ комнату шаха заходитъ Геджа-Чраги и говорить:

— „Вотъ ужъ сколько мѣсяцевъ, какъ твой везиръ страдаетъ и твой главный докторъ не можетъ вылѣчить бѣднаго. Если позволишь, я, съ помощью Аллаха и Великаго Пророка, вылѣчу его“.

Геджа-Чраги говорилъ очень убѣдительно, и Шахъ-Аббасъ повѣрилъ его словамъ, позволилъ ему лѣчить больного и обѣщался исполнить всѣ его требованія.

По требованію новаго доктора безъ его разрѣшенія къ больному не долженъ былъ заходить никто, даже самъ Шахъ-Аббасъ; зато пригласили три хора азіатскихъ музыкантовъ, и докторъ разставилъ ихъ у дверей той комнаты, въ которой лежалъ больной, и приказалъ играть до тѣхъ поръ, пока онъ не прикажетъ имъ перестать.

Разставивъ музыкантовъ такимъ образомъ, Геджа-Чраги зашелъ къ больному. Онъ приступилъ къ лѣченію: порѣзалъ у бѣднаго всѣ тѣ мѣста, которыя раньше имъ самимъ были повреждены и посыпалъ раны солью и перцемъ. Послѣ этого съ помощью шила онъ зашилъ раны и въ продолженіе этой мучительной операціи повторялъ слова:

— „Ну, что? возвратишь ты принадлежащій мнѣ кранъ, который отказался дать при покупкѣ гусей? Я Геджа-Чраги!“...

Оставивъ больного въ такомъ ужасномъ состояніи мнимый докторъ вышелъ изъ комнаты и скрылся.

Узнавъ объ этомъ, Шахъ-Аббасъ сейчасъ же догадался, что докторъ этотъ былъ тотъ самый человѣкъ, который раньше измучилъ везира. На слѣдующій день онъ позвалъ къ себѣ своего главнаго доктора и сказалъ:

— „Я знаю, что одинъ и тотъ же человѣкъ вотъ ужъ два раза безчеловѣчно мучать моего вѣрнаго везира, и я увѣренъ, что этотъ злодѣй не оставитъ его въ покоѣ, пока не убьетъ совершенно. Я тебѣ дамъ изъ моихъ людей сорокъ конныхъ воиновъ, и подъ ихъ охраною ты отвезешь везира въ такое мѣсто, чтобы, кромѣ тебя и этихъ всадниковъ, никто не зналъ вашего мѣста нахождения. До совершеннаго выздоровленія больного, безъ твоего позволенія не смѣетъ прѣхать въ городъ ни одинъ изъ этихъ всадниковъ. А кто ослушается тебя, тому голову долой. Кромѣ этого, я назначу еще одного старика, обязанность котораго будетъ въ томъ, чтобы ежедневно брать для васъ изъ города провизію.“

Приказаніе Шахъ-Аббаса было исполнено въ точности. Изъ горожанъ никто не зналъ, гдѣ больной везиръ. Нашъ Геджа-Чраги, какъ ни старался узнать мѣсто жительства больного везира, никакъ не могъ. Проходили между тѣмъ дни. Послѣ долгихъ и тщательныхъ поисковъ, Геджа-Чраги порѣшилъ: „Дай-ко я пойду и нѣсколько дней сряду буду сидѣть у городскихъ воротъ: можетъ отъ прохожихъ что-нибудь и узнаю про везира“.

Такъ онъ и дѣлаетъ. Разъ, когда онъ сидѣлъ у городскихъ воротъ, видитъ онъ, что изъ города выходитъ одинъ старикъ съ двумя навьюченными ослами. Геджа-Чраги спросилъ старика, куда онъ ведетъ этихъ навьюченныхъ ословъ. Старикъ сперва не хотѣлъ открыть ему тайны. Но послѣ настоятельныхъ просьбъ Геджа-Чраги, онъ рассказывалъ ему все въ подробностяхъ. Геджа-Чраги былъ внѣ себя

отъ радости. Онъ предложилъ старику продать ему своихъ ословъ и обязался въ свое время доставлять на нихъ провизию. Старикъ согласился, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ назвалъ себя его сыномъ. Геджа-Чраги этого только и нужно было. Онъ запасся усыпительнымъ порошкомъ и пустился въ путь къ везиру. Докторъ и всадники, при видѣ его, осыпали его вопросами, кто онъ такой и зачѣмъ пришелъ. Геджа-Чраги назвалъ себя сыномъ того старика, который до сего времени такъ усердно доставлялъ провизию.

— „Къ моему несчастью“, сказалъ онъ, „отецъ мой сегодня заболѣлъ и потому не могъ самъ привезти вамъ провизию.“

— „Хорошо“, сказали они, „но посмотримъ, можешь ли ты такъ вѣрно служить намъ, какъ твой отецъ.“

— „Даже лучше его“, сказалъ Геджа-Чраги, „такъ какъ онъ старъ, а я еще молодъ“.

Геджа-Чраги принялся готовить для нихъ обѣдъ. На обѣдѣ выбрали его тамадой, потому что хотѣли испытать такой ли онъ краснойбай, какъ его отецъ. Наполнивъ стаканы шербетомъ и подсыпавъ въ нихъ усыпительнаго порошка, кромѣ своего стакана, конечно, нашъ тамада поднялъ стаканъ и предложилъ тостъ за здоровье больного везира.

— „Всякому изъ насъ извѣстно положеніе нашего дорогаго и уважаемаго везира,“ сказалъ онъ, „выпьемъ за его здоровье и попросимъ у всемогущаго Аллаха и Великаго Пророка для него скорого выздоровленія и долгоденствія. Попросимъ Аллаха, чтобы въ нашемъ дорогомъ отечествѣ было много такихъ вліятельныхъ лицъ, дѣла которыхъ принесли бы пользу нашему любезному отечеству“.

И Геджа-Чраги разомъ осушилъ свой стаканъ. Всѣ послѣдовали его примѣру. За вторымъ тостомъ нашимъ господамъ уже не легко было сидѣть на мѣстѣ, а въ половинѣ обѣда, отъ дѣйствія усыпительнаго порошка, всѣ ввали въ

глубокой сонъ. Геджа-Чраги этого и желалъ. Онъ взялъ острый ножъ и порѣзалъ всѣмъ губы и носы.

Послѣ этого онъ вошелъ въ палатку везира. При видѣ его, везиръ былъ пораженъ, какъ громомъ. Онъ не ожидалъ такого скорого появленія своего преслѣдователя. Бѣднякъ пытался звать на помощь своихъ вѣрныхъ тѣлохранителей, но напрасно.

Геджа-Чраги обратился къ нему со словами:

— „Ну что? кажется, пора возвратить мой крань!“

Бѣдный везиръ просилъ, обѣщался дать ему половину своего богатства, лишь бы оставилъ ему жизнь. Но нашъ герой остался неумолимъ. Онъ приступилъ къ мученію несчастнаго везира. Бѣдный не могъ перенести его безчеловѣчныхъ мученій и простился съ жизнью, а Геджа-Чраги, какъ ни въ чемъ не бывало, возвратился въ городъ и распространилъ слухъ, будто какой-то царь собирается войною на Шахъ-Аббаса, что воины его весьма безобразны: губы у нихъ очень красны, и они сами все время смѣются. Объ этомъ узналъ и Шахъ-Аббасъ. Онъ издалъ приказъ держать войска наготовѣ, и при появленіи непріятеля двинуться противъ него. Для этого за городскими воротами были разставлены караульные, которые при появленіи непріятеля должны были поднять тревогу. И, дѣйствительно, караульные, спустя нѣкоторое время, видятъ: ѣдутъ какіе-то всадники съ красными губами, которые какъ будто только что растерзали зубами трепещущее тѣло несчастной жертвы и смѣются. Начальство выслало противъ нихъ цѣлый полкъ, который и перебилъ всѣхъ невинныхъ всадниковъ до единого.

Полкъ думалъ, что это передовой отрядъ непріятеля, и потому ожидалъ появленія главнаго войска. Между тѣмъ напались между горожанами любопытные, пожелавшіе ближе посмотрѣть на новый народъ. При видѣ труповъ, они сейчасъ

же узнали своихъ горожанъ. Объ этомъ передали Шахъ-Аббасу. Онъ послалъ нарочныхъ къ больному везиру освѣдниться о его положеніи. Они скоро возвратились и донесли шаху, что и везиръ и докторъ убиты, а всадники перебиты его полкомъ. Шахъ догадался, что былъ обманутъ, и что это все совершенно Геджа-Чраги. Отъ негодованія онъ не зналъ, на что рѣшиться, и потому созвалъ всѣхъ своихъ назирей и везирей и объявилъ имъ, что они должны или указать средство, съ помощью котораго могли бы найти виновника столькихъ преступленій, или должны лишиться жизни. Одинъ изъ везирей, который былъ умнѣе всѣхъ, сказалъ:

— „Найти Геджа-Чраги очень трудно. Но я укажу на способъ,—авось удастся намъ поймать его. Отправь ты свою дочь, Пари-Ханумъ, на островъ и объяви, что тотъ, кто вплавь доберется до ней, будетъ ея женихомъ. На это никто не отважится, кромѣ Геджа-Чраги, для котораго нѣтъ ничего невозможнаго.“

Шахъ такъ и сдѣлалъ. Объ этомъ узналъ Геджа-Чраги. Ему сильно захотѣлось сдѣлаться мужемъ такой красавицы, какою была Пари-Ханумъ, и зятемъ шаха такого огромнаго государства. Пустился онъ вплавь и благополучно достигъ до острова. Онъ съ гордостью вошелъ въ палатку Пари-Ханумъ и объявилъ себя ея женихомъ, такъ какъ благополучно переплылъ такое большое пространство воды.

Пари-Ханумъ согласилась быть его женою и спросила о его имени. Онъ назвалъ свое имя. Сейчасъ же Пари-Ханумъ приказала своимъ людямъ связать ему руки, ноги и взять подъ строгимъ надзоромъ къ шаху. Шахъ приказалъ бросить его въ яму, пока приготовить висѣлицу, а чрезъ три дня повѣсить всенародно. Въ ямѣ были также два брата, которыхъ чрезъ мѣсяцъ тоже должны были повѣсить. Каждую ночь этимъ двумъ братьямъ приносили ужинъ. Геджа-Чраги, какъ только братьямъ принесли ужинъ, сталъ просить

принесшихъ, чтобы подняли его изъ ямы, и обѣщался на слѣдующій день освободить своихъ товарищей отъ казни.

Подняли его. Геджа-Чраги надѣлъ на себя овечью шкуру и привязалъ къ ней бубенчики. На голову надѣлъ шапку тоже изъ овечьей шкуры, съ рогами и бородою, и въ полночь забрался въ спальню Шахъ-Аббаса. Шахъ-Аббасъ въ это время предавался блаженному покою. Вдругъ надъ головою шаха Геджа-Чраги такъ потрясъ всѣмъ тѣломъ, что бубенчики загремѣли, и шахъ сильно испугался. Это повторилось нѣсколько разъ. Наконецъ Геджа-Чраги сказалъ:

— „Я Авраиль (ангелъ смерти), пришелъ взять твою душу, если ты завтра не освободишь бѣднаго Геджа-Чраги изъ ямы и не выдашь за него свою дочь. Какой ты шахъ послѣ этого, если не хочешь исполнять свое слово?!...“

Шахъ-Аббасъ согласился на все, лишь бы Авраиль оставилъ ему жизнь. Но Геджа-Чраги не довольствовался простымъ обѣщаніемъ. Онъ потребовалъ отъ шаха письменнаго обязательства, которое и было дано ему. Геджа-Чраги взялъ эту бумагу, пошелъ и опустился въ яму, въ которую былъ посаженъ. Шахъ утромъ позвалъ къ себѣ всѣхъ своихъ назирей и везирей и подробно рассказалъ имъ о случившемся. Тѣ и вѣрить не хотѣли. Но шахъ сказалъ имъ:

— „Идите къ Геджа-Чраги; я обѣщался ангелу письменно выдать свою дочь за Геджа-Чраги, и эта записка подписана мною собственноручно; если эта бумага у него, такъ, значить, нужно исполнить желаніе Авраила, а если не окажется, отсѣчь этому разбойнику голову“.

Идутъ къ ямѣ и спрашиваютъ Геджа-Чраги о его здоровьѣ, и какъ онъ провелъ эту ночь. Геджа-Чраги отвѣчаетъ:

— „Ночью ко мнѣ приходилъ какой-то человѣкъ въ овечьей шкурѣ съ бубенчиками и передалъ мнѣ одну записку.“

Подняли его изъ ямы. Дѣйствительно, въ запискѣ, которую показалъ Геджа-Чраги, Шахъ-Аббасъ обѣщается осво-

бодить его изъ ямы и выдать за него свою дочь, Пари-Ханумъ; записка подписана шахомъ. Нечего было дѣлать: шахъ выдалъ за него свою дочь и сдѣлалъ его однимъ изъ своихъ приближенныхъ. А два брата, съ которыми сидѣлъ въ ямѣ Геджа-Чраги, по просьбѣ его, были освобождены отъ наказанія навсегда.

2. Дѣти купца Арутюна.

Въ одномъ городѣ жилъ богатый купецъ, по имени Арутюнъ. Богатству его и счету не было, а семья была маленькая: онъ имѣлъ сына, по имени Арама, и дочь,—Астгикъ. Выпалъ такой день, такой часъ и такая минута, что купецъ тяжело захворалъ. Предчувствуя близость смерти, Арутюнъ позвалъ своихъ дѣтей, благословилъ ихъ, далъ имъ наставленія, а въ залогъ вѣчной памяти сыну далъ кольцо, стоимость котораго равнялась почти половинѣ остального его богатства, а дочери такое же кольцо и пару перчатокъ. Черезъ нѣсколько времени умеръ Арутюнъ. Долгое время дѣти носили трауръ по отцѣ. Сверстники Арама, чтобы развеселить своего товарища, взяли его однажды въ гостинницу, и подъ вліяніемъ выпитаго въ большомъ количествѣ гнѣистаго вина друзья не замѣтили, какъ прошло время. За обѣдомъ одинъ изъ пирующихъ предложилъ своимъ товарищамъ для общей пользы оставить на нѣсколько времени родной городъ и поѣхать куда-нибудь, чтобы вести торговлю. Всѣ дали обѣщаніе сдѣлать это и подтвердили его честнымъ словомъ.

Нужно замѣтить, что братъ и сестра питали другъ къ другу такую безпредѣльную любовь, что не разлучались даже на самое непродолжительное время. Бѣдный Арамъ, вспомнивъ свою сестру и то, что ему скоро придется оставить ее, вслѣдствіе даннаго товарищамъ обѣщанія, лишился чувствъ. Товарищи привели его въ чув-

ство и, узнавъ о причинѣ постигшаго несчастья, сообщая рѣшили поручить искусному художнику изобразить брата и сестру во весь ростъ такъ естественно и живо, чтобы при одномъ взглядѣ на портретъ могли бы они находить утѣшеніе. Такъ и сдѣлали. Настала минута разлуки. Обнявши другъ друга, долго брать съ сестрой не могли разстаться: все хотѣлось имъ еще и еще говорить, чтобы высказать тѣ нѣжныя чувства, которыя питали они другъ къ другу, и которыя вспыхнули съ новою силою въ ожиданіи долговременной разлуки. На прощаньи сестра взяла портретъ брата, а брать взялъ съ собою портретъ сестры, съ твердою рѣшимостью всегда хранить его при себѣ, какъ зѣницу ока.

Наконецъ, вспомнивъ обѣщаніе, данное товарищамъ, брать прервалъ эту сцену: грустнымъ взоромъ окинувъ послѣдній разъ сестру, Арамъ направилъ свои шаги къ экипажу. А бѣдная Астгикъ отъ слезъ и рыданій не только не видѣла удаляющагося отъ нея брата, но не слышала и стука колесъ отъѣзжающаго экипажа.

Остановившись въ столицѣ одного государства, товарищи Арама нашли себѣ каждый подходящее занятіе. Арамъ же, какъ богатый человѣкъ, купилъ себѣ одну фабрику шерстяныхъ издѣлій.

Дѣла его пошли хорошо, и въ теченіе короткаго времени онъ сталъ извѣстенъ всему городу и, мало этого, приобрѣлъ также и расположеніе самого царя, а наследникъ престола души въ немъ не чаялъ. И Арамъ съ своей стороны полюбилъ наследника и готовъ былъ положить свою голову за него. По ходатайству наследника, Араму отвели покои во дворцѣ, и онъ съ того времени жилъ тамъ. Но такая близость царя и наследника съ Арамомъ не нравилась царскимъ сановникамъ, равнымъ образомъ, не нравилось и то, что всѣ фабрики и заводы столицы мало по малу перешли въ руки Арама. По этому царедворцы старались погубить его и

искали для того удобнаго времени. Разъ, когда Арамъ пилъ утренній чай въ своей комнатѣ и, по обыкновенію, любовался портретомъ своей незабвенной сестры, въ это время ему даютъ знать, что на главной фабрикѣ случилось несчастіе. Оставивъ на столѣ полувыпитый стаканъ и портретъ сестры, онъ уходитъ. Когда миновала бѣда на фабрикѣ, Арамъ вспомнилъ про портретъ сестры и, къ великому своему сожалѣнію, не нашелъ его у себя, а потому быстрыми шагами пошелъ домой, чтобы поискать его тамъ. Но каково было его удивленіе и огорченіе, когда и тамъ не нашелъ онъ дорогого портрета! Нужно прибавить, что во время его отсутствія въ его комнату заходилъ наслѣдникъ и увидалъ на столѣ этотъ портретъ. При этомъ онъ подумалъ, что это, должно быть, изображеніе или сестры Арама, или его жены: „если это его жена, то пусть будетъ моею сестрой“, сказалъ онъ себѣ, „а если это сестра,—то моею невѣстой“. Спрятавъ портретъ, онъ вышелъ изъ комнаты. О своей потерѣ Арамъ сообщилъ царевичу. Царевичъ, вручивъ ему портретъ и узнавъ, кто это такая, назвалъ того, кто будетъ имѣть такую красавицу своею женою, счастливейшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ. Тогда Арамъ обѣщался выдать свою сестру за него замужъ, если онъ желаетъ того.

Царевичъ отъ радости забылъ даже приличіе: онъ выхватилъ изъ рукъ Арама портретъ и побѣжалъ къ отцу показать изображеніе своей невѣсты. Отецъ былъ очарованъ красотой ея и изъявилъ свое согласіе на бракъ сына съ ней. Къ несчастью, тамъ находился одинъ изъ министровъ царя, бывшій злѣйшимъ врагомъ Арама и готовый даже пролить его кровь. Онъ обратился къ царю со словами:

— „Повелитель мой, наслѣднику, какъ вашему сыну, не подобаетъ имѣть такую жену! Подъ этою красотой скрывается змѣиная душа. Она порочная женщина. Я знаю, гдѣ и какъ она живетъ“.

И онъ назвалъ тотъ городъ, въ которомъ жила Астгигъ. При этомъ онъ описалъ бѣдную дѣвushку самыми мрачными красками. Министръ говорилъ съ такимъ убѣжденіемъ, что царь, не знавшій ея, ничего не могъ сказать въ защиту ея. Зато Арамъ пришелъ въ негодованіе отъ этихъ обвиненій. Не желая тратить словъ для опроверженія клеветы, онъ только показалъ царю кольцо, подаренное ему отцомъ на память, и сказалъ:

— „Царь, я считаю лишнимъ доказывать словами невинность сестры, а только попрошу тебя объ одномъ: такое же кольцо есть у сестры моей; если сестра моя такъ безнравственна, и такъ легко добиться ея взаимности, то пусть этотъ министръ въ теченіе сорока дней добудетъ отъ нея и доставитъ намъ ея кольцо. Если принесетъ его, то повѣсь меня, а въ противномъ случаѣ пусть онъ пойдетъ на висѣлицу“.

Царь согласился на это испытаніе. Министръ, запасшись достаточнымъ количествомъ золота, отправился и черезъ четыре дня достигъ назначеннаго города. Здѣсь онъ хитро принялся за дѣло: ему самому никогда не удалось бы достать кольцо, но къ этому дѣлу онъ привлекъ одну старуху. Она согласилась достать кольцо, если за это онъ удовлетворитъ ея желанію. Министръ обѣщалъ ей исполнить всѣ ея требованія, лишь бы она достала кольцо Астгигъ. Старуха же подкупила разными обѣщаніями служанку, которая жила у Астгигъ. Разъ, когда Астгигъ умывалась и сняла кольцо, служанка такъ заняла разговоромъ бѣдную дѣвushку, что она совсѣмъ забыла о своемъ кольцѣ. Воспользовавшись этимъ, служанка взяла кольцо и спрятала, а потомъ передала подкупленной министромъ старухѣ. Между тѣмъ Астгигъ вспомнила про кольцо и стала искать его и, конечно, нигдѣ не нашла его. Горе ея не знало границъ: она пришла въ такое отчаяніе, что даже намѣревалась лишитъ себя жизни.

Но прошло нѣсколько дней, и Астгикъ мало по малу перестала горевать о кольцѣ и даже забыла о немъ.

Министръ между тѣмъ, получивъ кольцо, въ назначенный срокъ явился къ царю со своею добычей. Царь, увидѣвъ кольцо, былъ чрезвычайно огорченъ: ему жаль было лишить жизни бѣднаго Арама. Между тѣмъ доставленное министромъ кольцо, дѣйствительно, было похоже на кольцо Арама, и Арамъ совсѣмъ смутился, увидѣвъ его: онъ не вѣрилъ своимъ глазамъ и не могъ допустить мысли, чтобы это было подлинное кольцо его сестры. Но, удостоверившись въ истинѣ, онъ попросилъ, чтобы ему дали нѣсколько дней сроку, для свиданія съ сестрою. Министръ согласился на эту отсрочку. Передъ отъѣздомъ Арамъ заказалъ золотую висѣлицу, такъ какъ простая висѣлица, ему, какъ первому богачу въ городѣ, была непристойна.

Приѣхавъ въ родной городъ, онъ спѣшитъ увидѣть сестру. Астгикъ узнала о приѣздѣ брата, вышла изъ своей комнаты и, какъ сумашедшая, готова была броситься къ своему брату, со слезами радости на глазахъ. Но братъ холодно оттолкнулъ ее и даже плюнулъ ей въ лицо и съ тѣмъ ушелъ отъ нея. Сестра остановилась, какъ окаменѣлая. Она сначала не могла дать себѣ отчета въ случившемся, но потомъ догадалась, что непременно съ братомъ случилось какое-нибудь несчастіе, и что во всемъ этомъ есть какое-то недоразумѣніе. Потому она поспѣшила выручить брата изъ бѣды. Она приѣхала вслѣдъ за нимъ въ тотъ городъ, въ которомъ онъ жилъ. На ночь она остановилась въ домѣ одной вдовы, старухи. На вопросъ Астгикъ, что новаго у нихъ въ городѣ, старуха говорить:

— „Уже недѣля какъ нашъ городъ въ великомъ горѣ. По требованію *такого-то* министра завтра должны повѣсить молодого господина, по имени Арама. Его такъ обожалъ нашъ наслѣдникъ! И царь, и царевичъ, и всѣ приближенные

царя упрасиваютъ этого неумолимаго министра о пощадѣ. Если лишится жизни Арамъ, то, можетъ быть, наслѣдникъ престола не переживетъ его“.

Тутъ старуха разсказала подробно своей гостьѣ исторію того, какъ поссорились между собою Арамъ и министръ.

Утромъ Астгикъ, переѣхавъ дорожное платье, направилась къ тому мѣсту, гдѣ была устроена висѣлица. У висѣлицы она увидѣла молодого господина: это былъ наслѣдникъ; онъ намѣренъ былъ лишить себя жизни послѣ того, какъ повѣсятъ его друга Арама. Но она не увидѣла здѣсь брата. Она отправилась искать его въ царскій дворець. Въ царской пріемной царь и его придворные еще разъ просили безжалостнаго министра о пощадѣ Араму. Арамъ, замѣтивъ сестру, невольно подумалъ, что она дастъ лучшей оборотъ дѣлу, но скрылъ свою внутреннюю радость.

Астгикъ между тѣмъ вѣжливо поклонилась всѣмъ и просила выслушать ее. Въ комнатѣ воцарилась тишина, и она сказала слѣдующее:

— „Господа! дней шесть тому назадъ у меня былъ въ гостяхъ вотъ этотъ господинъ“, тутъ она указала на министра, который доставилъ кольцо, „онъ провелъ нѣсколько ночей у меня, а наканунѣ отъѣзда укралъ безчестнымъ образомъ мою перчатку, забывъ долгъ гостепрѣимства; эта перчатка была дана мнѣ моимъ отцомъ на память. Вотъ чѣмъ отплатилъ мнѣ этотъ господинъ, вмѣсто благодарности! Прошу тебя, господинъ министръ, сжалясь надъ бѣдной дѣвушкой, возврати ей украденную перчатку, которая для нея дороже жизни!“

Всѣ въ удивленіи смотрятъ на министра. Министръ покраснѣлъ и въ негодованіи воскликнулъ:

— „Это ложь! Я въ первый разъ вижу ея лицо и не знаю, кто она такая и откуда“.

— „Онъ правду сказалъ!“ воскликнула дѣвушка, „и я

обвинила его въ кражѣ только для того, чтобы этотъ безчестный человекъ, который хотѣлъ погубить моего невиннаго брата, всенародно сознался, что не знаетъ меня!..."

— „Какъ же ты“, обратилась она къ министру, „осмѣлился обезчестить мое имя и, еще важнѣе того, обмануть повелителя своего?!

Тутъ она рассказала, какъ было украдено у нея кольцо. Царь въ негодованіи немедленно приказалъ гнусаго министра предать мучительной казни.

При видѣ Астгикъ, царевичъ еще больше воспылалъ любовью къ ней: первый разъ въ жизни онъ видѣлъ такую чудную красавицу. Царевичъ кончилъ тѣмъ, что тутъ же, въ присутствіи отца и всѣхъ другихъ лицъ, сдѣлалъ ей предложеніе. Она отвѣтила, что ея судьбой долженъ распорядиться братъ ея; Арамъ же не замедлил изъявить свое согласіе. Послѣ этого сыграли свадьбу, и молодые стали жить въ счастіи и довольствѣ.

Записалъ въ сел. Арцеваникъ, Зангезурскаго уѣзда, Елисаветпольской губерніи, учитель Х. *Арутиновъ*.

3. Качаль *) Назаръ.

Въ одномъ селѣ жила женщина съ сыномъ своимъ качаль-Назаромъ. Они были бѣдны, и всё богатство ихъ составляли одинъ быкъ и нѣсколько ословъ. Однажды качаль-Назаръ съ согласія матери, зарѣзавъ единственнаго своего быка, пригласилъ къ себѣ въ гости не только родныхъ и знакомыхъ, но и всѣхъ, кто на улицѣ попался ему на глаза. Пришли гости: наѣлись, напились и, поблагодаривъ хозяевъ, разошлись по домамъ своимъ. Проходитъ послѣ этого день, недѣля, а мать съ Назаромъ тщетно ожидаютъ со стороны

*) Качаль—плѣшивый.

своихъ гостей такого же приглашенія. Проходить, наконецъ, и мѣсяць, но никто не приглашаетъ ихъ на обѣдъ.

— „Постой же, матушка! наши гости еще не знаютъ меня... Ты увидишь, какую штуку сыграю я съ ними!“ сказалъ разсерженный Назаръ.

Быль воскресный день. Качаль вышелъ на площадь селенія, гдѣ собрались поселяне, и сказалъ своимъ односельцамъ:

— „Зарѣзавъ своего быка, я понесъ двойной убытокъ: во первыхъ, никто изъ васъ не вернулъ мнѣ обѣда, а, во вторыхъ, за не имѣніемъ быка, я не могъ запастись на зиму топливомъ. Поэтому я прошу, чтобы каждый изъ васъ, не стѣсняясь, возилъ ко мнѣ во дворъ навозъ, кто сколько можетъ!..“

Сжалились надъ Назаромъ односельцы: на слѣдующій день наполнили весь дворъ его навозомъ.

Во вторникъ герой нашего разсказа, не теряя времени, поднялся съ постели очень рано, намочилъ навозъ и принялся вмѣстѣ съ матерью готовить изъ него кизяки. Когда кизяки были готовы, качаль - Назаръ собралъ ихъ въ мѣшки, навьючилъ на ословъ и пустился въ путь, попрощавшись съ матерью.

Шель онъ долго, гналъ ословъ всё впередъ; наконецъ ему по дорогѣ пришлось остановиться въ одномъ постояломъ дворѣ. Не развьючивая еще ословъ, онъ сказалъ хозяину постоялаго двора:

— „Хозяинъ, у меня товаръ самый дорогой; я его никому не могу довѣрить, и потому прошу отвести мнѣ безопасную комнату“.

Удивленный хозяинъ тотчасъ же исполнилъ просьбу гостя. Развьючили ословъ, и дорогой товаръ, какъ самъ качаль назвалъ его, помѣстили въ удобную комнату. Послѣ этого нашъ хитрецъ началъ ходить по двору взадъ и впередъ, высмотрѣлъ всё, а затѣмъ сдѣлалъ распоряженіе объ ужинѣ. Онъ

приказалъ зарѣзать барашка, приготовить хорошій пловъ и подать къ ужину напитки. Всѣ постояльцы удивляются и, считая его богачомъ, завидуютъ ему.

На томъ же постояломъ дворѣ за часъ до прїѣзда Назара остановился богатый персидскій купецъ, торговавшій коврами, шалами и другими шелковыми товарами. Купецъ хотѣлъ поговорить съ плѣшивцемъ, но не осмѣливался подойти къ нему. Подали Назару умыться, послѣ чего онъ зашелъ въ свою комнату, которая освѣщалась сальной свѣчей. Богатый купецъ зашелъ, наконецъ, къ плѣшивцу, познакомился съ нимъ и спросилъ у него, кто онъ такой, откуда ѣдетъ, чѣмъ занимается и какъ его звать.

Качаль спокойно отвѣтилъ на эти вопросы и предложилъ ему посидѣть. Купецъ не согласился, а попросилъ его къ себѣ въ комнату. Качаль сначала въ полъ-голоса отказался, но потомъ заперъ свою комнату большимъ замкомъ и зашелъ къ купцу. Замѣтивъ въ комнатѣ купца товаръ, качаль просилъ позволенія посмотреть его.

— „Богъ послалъ мнѣ счастье... Не зѣвай, качаль!“ сказалъ про себя Назаръ и приказалъ подать ужинъ въ комнату купца. Начали ужинать. Нашъ герой наливаетъ винный стаканъ водки и подаетъ мусульманину. Этотъ наотрѣвъ отказывается пить ее, но нашему хитрецу не много труда стоило убѣдить купца въ томъ, что спиртные напитки приносятъ большую пользу: взялъ персіянинъ стаканъ съ водкой и осушилъ его до капли. Хозяинъ двора съ людьми своими давно уже спать, а качаль все подпиваетъ своего собесѣдника. Наконецъ послѣдній опьянѣлъ такъ сильно, что заснулъ тутъ же, „у скатерти.“ Качаль достиг своей цѣли; онъ тихо вышелъ на дворъ, гдѣ царилъ ночная тишина, зашелъ въ конюшню и вывелъ пять лучшихъ коней, навьючилъ на нихъ товаръ персіянина и, не рассчитавшись съ хозяиномъ постоялаго двора, пустился въ обратный путь, къ себѣ до-

мой. Спѣшить онъ, смотреть на небо и просить помощи у Творца, какъ всякій въ трудную минуту жизни... Онъ бѣжалъ къ себѣ домой по такимъ глухимъ, безлюднымъ дорогамъ, что ему едва черезъ мѣсяць удалось добраться до дома.

Односельцы, узнавъ о прїѣздѣ его, приходили къ нему съ поздравленіями, называли его, теперь уже не качаль-Назаромъ, какъ было, а—Назаръ-ага *). Каждый изъ сельчанъ спрашивалъ его, какъ онъ приобрѣлъ такое богатство, откуда и когда.

— „Очень просто“, говорилъ Назаръ, „кто изъ васъ пожелаетъ разбогатѣть, какъ я, пусть онъ возьметъ навозу и сдѣлаетъ изъ него кизяковъ и везетъ на продажу: они продаются въ другихъ городахъ нарасхватъ, для приготовленія лѣкарства“.

Крестьяне повѣрили этому и принялись за приготовленіе кизяковъ такъ усердно, что цѣна на навозъ поднялась не только въ томъ селеніи, гдѣ жилъ качаль, но даже и въ другихъ селахъ и дѣвевняхъ. Свои кизяки поселяне навьючили —кто на лошадей, кто на быковъ, а нѣкоторые на ословъ и повезли продавать по городамъ и селамъ, указаннымъ качаль-Назаромъ. И вотъ куда они ни являлись съ такимъ товаромъ, вездѣ надъ ними смѣялись и гнали, такъ что они принуждены были вернуться съ пустыми руками по домамъ.

На слѣдующій день одураченные односельцы Назара, собравшись вмѣстѣ, напали на него и избили до полусмерти, а имущество его растащили по домамъ.

Иабитый хитрецъ пролежалъ больнымъ цѣлый мѣсяць. Поправившись, наконецъ, кое-какъ и вставъ съ постели, онъ сказалъ: „Я не сынъ одного отца и одной матери и не качаль-Назаръ, если съ вами не расправлюсь за то, что вы сдѣлали: мое богатство, разграбленное вами, не даромъ достанется вамъ! только подождите до поры, до времени!“

Взялъ онъ шкуру быка и разрѣзалъ ее на виду у своихъ сельчанъ на множество кружочковъ, въ величину монеть: гривенника, пятиалтыннаго, двугривеннаго и четвертака; наполнилъ этими кружками кожи свою сумку, положилъ ее на единственную свою лошадь, потомъ, поцѣловавъ руку своей матери, опять выѣхалъ искать наживы. Ёхалъ дни, недѣли, но разбогатѣть все не представлялось случая. „Что же дѣлать?“ подумалъ про себя качаль, „вернуться мнѣ безъ наживы домой? Но что скажутъ мои враги, односельцы? Нѣтъ, я этого перенести не могу! Лучше еще поброшу по свѣту,— быть можетъ, гдѣ-нибудь и найду себѣ удачу“.

Надежда не обманула качала: въ одномъ городѣ онъ познакомился съ нѣкоторымъ богачомъ-милліонеромъ, который проживалъ одиноко въ собственномъ домѣ, находившемся на краю этого города. Качаль своими умными рѣчами обратилъ на себя вниманіе милліонера, и послѣдній принялъ его въ свой домъ. Чтобы убѣдиться въ честности своего гостя, богачъ неоднократно подбрасывалъ то деньги, то ключи отъ сундука, то драгоценные камни. Но нашего хитреца поймать на этомъ нельзя было: подброшенные вещи качаль подымалъ и отдавалъ богачу, говоря, гдѣ онъ нашелъ ихъ. Этими поступками онъ совершенно расположилъ къ себѣ богача, и послѣдній ключи отъ сундука, большею частью, оставлялъ у Назара. Однажды богачу пришлось выѣхать въ другой городъ, чтобы получить отъ своего должника деньги. Увѣжая, онъ оставилъ плѣшивца съ своимъ домѣ полнымъ хоянномъ. Очень обрадовался качаль этому: давно онъ дожидался такого случая. Какъ только стемнѣло, онъ взялъ ключъ отъ большого сундука, открылъ его, забралъ всѣ драгоценныя вещи, деньги, какія только нашелъ въ немъ, потомъ сѣлъ на одну изъ лошадей богача и поѣхалъ къ себѣ домой.

Качаль нашелъ дома свою мать совершенно постарѣв-

шею. Опять со стороны односельцевъ пошли поздравленія и добрыя пожеланія, съ тѣмъ, чтобы ага-Назаръ не отказался имъ разсказать о томъ, какъ онъ вторично разбогатѣлъ.

— „При васъ я изъ кожи приготовилъ деньги и уѣхалъ на заработки?“ говорилъ любопытнымъ Назаръ, „вотъ, какъ вы сами видите, вернулся не бѣднымъ; я думаю, кто изъ васъ захочетъ быть богатымъ, какъ и я, долженъ ѣхать далеко, чуть ли не на самый край свѣта; тогда онъ можетъ разбогатѣть, смѣло могу сказать, не меньше меня!“ отвѣчалъ качалъ на вопросы своихъ земляковъ.

Опять повѣрили качалу. Начались угощенія. Приглашаютъ Назара всюду. Каждый изъ крестьянъ рѣжетъ быка, корову, барана: мясо идетъ на приготовленіе обѣда, а изъ высушенной кожи готовятъ кожанныя монеты и выѣзжаютъ на чужбину, искать себѣ счастья.

Но, конечно, и попытки разбогатѣть съ помощью кожаныхъ денегъ оканчиваются полною неудачею: земляки качала не только ничего не приобрѣли, но даже отовсюду были выгнаны, какъ сумасшедшіе. Вынужденные неудачами возвратиться къ себѣ домой, они рѣшились требовать отъ виновника, качала, понесенныхъ ими убытковъ. Назаръ сильно разсердился на нихъ и приказалъ выгнать ихъ изъ своего дома. Односельцы тогда окончательно озлобились противъ качала и рѣшили убить его, какъ только наступитъ ночь.

Хитрецъ Назаръ отъ своихъ доброжелателей узналъ о намѣреніи своихъ враговъ и потому, когда наступилъ вечеръ, ушелъ изъ дому. Шелъ онъ недолго и встрѣтился съ однимъ пастухомъ, который пасъ большое стадо рогатаго скота и лошадей. Подходя къ нему, Назаръ началъ плакать, какъ ребенокъ. Пастухъ спросилъ его о причинѣ его горя. И тутъ хитрецъ сказалъ ему слѣдующее:

— „Какъ мнѣ несчастному не горевать, не плакать?! наше общество выбираетъ меня въ старшины. Развѣ я годенъ

для этого высокаго званія? Вотъ если бы тебя, какъ высокаго, статнаго, и, какъ видно, очень умнаго, котораго всякій могъ бы бояться, выбрали въ старшины, тогда было бы другое дѣло! Ты созданъ для этого! Если только желаешь быть повелителемъ нашего огромнаго общества, то одѣнься въ мое платье и ступай въ мой домъ, я увѣренъ, что мои односельцы непременно тебя выберутъ“.

Согласился преглупный пастухъ и, поручивъ свое стадо качалу, одѣлся въ его платье и отправился прямо къ нему домой. Мать Назара, увидѣвъ пастуха, сейчасъ догадалась, въ чемъ дѣло, и поторопилась принять его какъ можно лучше: подала хорошій ужинъ съ напитками; пастухъ съ аппетитомъ поужиналъ и легъ спать съ полною надеждою, что будетъ обществомъ избранъ въ старшины.

Въ полночь враги Назара ворвались въ домъ его и, не узнавъ, кто лежитъ, убили пастуха. Мать подняла плачъ и рыданія. Убійцы, боясь, какъ бы на ея вопли не собрались всѣ сосѣди, унесли мертваго пастуха и бросили въ рѣку Араксъ, а сами скрылись по своимъ домамъ. Настало утро. Мать все плачетъ о смерти сына. Слухъ о смерти плѣшивца распространился повсюду; почти всякій изъ сельчанъ радовался этому случаю и проклиналъ покойника. Между тѣмъ солнце поднялось довольно высоко, и за селеніемъ видна стала огромная туча пыли, приближавшаяся все ближе и ближе къ селенію: всѣ смотрѣли на это явленіе съ недоумѣніемъ и ожидали послѣдствій. Наконецъ они увидѣли качаль-Назара, гнавшаго огромное стадо быковъ, коровъ, буйволовъ, вмѣстѣ съ отборными породистыми лошадьми. Удивились убійцы, переглянулись и не вѣрятъ глазамъ своимъ. Качаль съ радостнымъ лицомъ встрѣчается съ односельцами, здороваётся съ ними и приказываетъ подпаскамъ гнать стадо къ нему домой.

Наконецъ односельцы не вытерпѣли и обратились къ

Назару съ распросами о томъ, какъ онъ, будучи мертвымъ, досталъ такое огромное стадо.

— „Мало ли въ Араксѣ скота?“ отвѣтилъ Назаръ, „стоитъ только поглубже окунуться въ воду, тогда животныя прикасаются къ ногамъ, и можно на выборъ таскать ихъ изъ воды, сколько душѣ угодно“.

Опять повѣрили хитрецу: бѣгутъ къ рѣкѣ и старъ и младъ, и мужчины и женщины доставать изъ Аракса скоть. Только, кто ни бросался въ стремительныя волны этой рѣки, тотъ навсегда разставался съ жизнью. Такая участь постигла множество односельцевъ Назара, а остальныхъ, оставшихся въ живыхъ, онъ принудилъ уважать себя. И вотъ, такимъ образомъ, хитрый качаль-Назаръ, нажилъ огромное состояніе, женился на одной красавицѣ, сталъ жить и поживать, да добра наживать.

Не даромъ говорить армянская пословица: Избави Богъ насъ отъ плѣшиваго, слѣплого и хромого.

Записалъ въ Джаграхъ, Нахичеванскаго уѣзда, Эриванской губерніи, смотритель Эриванскаго городского училища *Ст. Сумбатамянъ*.

4. Сказка о двухъ братьяхъ.

Жилъ бѣдный мужикъ съ женой; у нихъ было два сына. Мужикъ занимался хозяйствомъ, а дѣти его пасли стадо барановъ. Разъ мужикъ отправился въ лѣсъ за дровами и нечаянно наткнулся на птичье гнѣздо, въ которомъ лежало два яйца. Мужикъ взялъ одно изъ нихъ, осмотрѣлъ его и положилъ въ карманъ, подумавъ про себя: „Навѣрно, это яйцо имѣетъ какую-нибудь силу, потому что оно по виду не обыкновенное.“ Другое же яйцо онъ оставилъ птицѣ; затѣмъ нарубилъ дровъ, положилъ ихъ на возъ и возвратился домой.

На слѣдующій день, утромъ, мужикъ взялъ яйцо и пришелъ въ городъ на рынокъ. Здѣсь онъ встрѣтилъ человека съ очками,—это былъ городской докторъ. Онъ увидѣлъ яйцо въ рукахъ мужика и спросилъ, гдѣ онъ досталъ его. Мужикъ разказалъ и прибавилъ, что другое яйцо онъ оставилъ птицѣ. Докторъ купилъ у мужика яйцо и попросилъ принести и другое, но мужикъ отказался, говоря, что ему жаль той птицы. Тогда докторъ попросилъ мужика познакомить его со своимъ семействомъ. Мужикъ согласился и пригласилъ доктора къ себѣ на обѣдъ. Докторъ пришелъ и познакомился съ женой и сыновьями мужика. И вотъ однажды, когда мужика не было дома, а дѣти пасли стадо, докторъ явился въ домъ мужика и сказалъ его женѣ:

— „Я долго просилъ твоего мужа достать мнѣ яйцо одной замѣчательной птицы, но онъ все отказывается; теперь я вижу, что мнѣ нужна сама птица; я знаю, что онъ любитъ и уважаетъ тебя,—попроси мужа, чтобы онъ поймалъ ту птицу и принесъ тебѣ; ты же возьми птицу, ея голову и сердце отдѣли, зажарь ихъ отдѣльно, положи въ пловъ и потомъ сохрани для меня. Знай, что болѣе всего мнѣ нужны голова и сердце птицы; поэтому постарайся, чтобы они были въ цѣлости; я за это вознагражу тебя“.

Жена согласилась исполнить просьбу доктора и попросила мужа принести эту птицу; мужикъ принесъ, а она сдѣлала такъ, какъ ей было сказано, и, спрятавъ пловъ съ птицей въ шкапъ, ушла къ сосѣдямъ. Въ это время пришли домой ея сыновья, стали искать чего-нибудь поѣсть и нашли пловъ съ жареной птицей, но рѣшили такъ: старшему съѣсть голову, младшему—сердце птицы, а тѣло птицы оставить родителямъ. Какъ задумали, такъ и сдѣлали, и потомъ ушли обратно къ стаду. Пришла ихъ мать и очень удивилась, не найдя на блюдѣ ни головы, ни сердца птицы. Сосѣди сказали хозяйкѣ, что въ ея отсутствіе приходили сыновья,—они, можетъ-

быть, и съѣли. Пришелъ докторъ, узналъ объ этомъ и сказалъ женѣ мужика:

— „Вы живете бѣдно, а ваши дѣти мало помогаютъ вамъ; я дамъ вамъ много денегъ, если только позволите зарѣзать вашихъ дѣтей и вынуть изъ ихъ внутренностей птичью голову и сердце“.

Жестокая мать согласилась. Узнала объ этомъ одна старуха, призвала къ себѣ пастуховъ и сказала, какая имъ угрожаетъ опасность дома; при этомъ дала имъ по одному хлѣбу и отправила въ путь. Долго шли оба брата и, наконецъ, пришли къ такому мѣсту, гдѣ дорога расходилась. Здѣсь стояла скала съ надписью: „Правая дорога ведетъ къ добру, лѣвая — къ худу“. Братья рѣшили, — одному пойти по одной, другому — по другой дорогѣ. Младшій пошелъ по лѣвой, старшій — по правой дорогѣ.

Долго шелъ младшій братъ по своей дорогѣ, наконецъ усталъ и легъ спать, подложивъ подъ голову камень. Черезъ нѣкоторое время всталъ и нашелъ подъ головою кошелекъ съ золотомъ и серебромъ. Онъ пошелъ далѣе и опять заснулъ, и опять нашелъ кошелекъ съ золотомъ и серебромъ. Такъ случалось съ нимъ каждый разъ послѣ сна. Вечеромъ слѣдующаго дня онъ пришелъ въ какой-то городъ и, увидѣвъ старуху, спросилъ её, не приметъ ли она гостя.

— „Отчего жъ“, отвѣтила старуха: „Богъ велитъ давать пріютъ всѣмъ, не имѣющимъ крова. Пойдемъ!“

Такимъ образомъ, младшій сынъ мужика сталъ жить у старухи. Однажды онъ сидѣлъ дома и вспомнилъ о своемъ братѣ. Вдругъ промелькнула предъ нимъ какая-то фигура. Онъ удивился и спросилъ старуху, которая въ это время пряла шерсть, что это такое. Старуха объяснила ему, что противъ ея дома находится царскій дворецъ, а на балконѣ ходитъ царская дочь, такая красавица, что свѣтъ отъ нея лучеобразно расходится во всѣ стороны. Гость нашъ попро-

силъ старуху непременно познакомить его съ царевной. На другое утро старуха взяла съ собою юношу, пришла во дворецъ и здѣсь представила юношу царевнѣ. Послѣдняя съ радостью приняла чужестранца и, послѣ долгихъ распросовъ, предложила ему играть въ карты. Начали они играть, и все выигрывала царевна; удивляясь неистощимому богатству иностранца, который всякій разъ платилъ большія деньги, царевна однажды обратилась къ отцу съ такими словами:

— „Отецъ, вотъ уже нѣсколько дней этотъ чужестранецъ играетъ со мной и всё проигрываетъ; если бы я столько проиграла, то, навѣрно, мы потеряли бы всю нашу казну. Откуда у него столько денегъ?“

Царь не могъ ничего отвѣтить и рѣшилъ призвать кудесника. Кудесникъ пришелъ и объяснилъ такъ:

— „Этотъ юноша когда-то проглотилъ сердце необыкновенной птицы; въ этомъ сердцѣ и заключается неистощимая сила его богатства; эту силу можно отнять у него; для этого нужно напоить его виномъ: его вырветъ, и онъ выброситъ цѣльное птичье сердце. Кто вымоетъ и проглотитъ это сердце, къ тому и перейдетъ эта сила“.

Послѣ того, какъ кудесникъ ушелъ, царевна рѣшила испробовать указанное средство. На другой день она пригласила юношу на обѣдъ и, напоивъ его виномъ, предложила отдохнуть послѣ обѣда въ отдѣльной комнатѣ. Во время рвоты онъ выбросилъ сердце птицы въ тарелку, поставленную у кровати, а затѣмъ заснулъ. Пришла царевна, взяла птичье сердце, вымыла его въ водѣ и въ видѣ лѣкарства приняла внутрь. Къ вечеру гость ея проснулся, умылся и сѣлъ съ царевной играть въ карты. Играли они долго, наконецъ, юноша проигралъ все, возвратился домой и легъ спать, но, когда всталъ, къ его удивленію, подъ головою у него кошелекъ съ деньгами не оказался. Тогда онъ съ разбитымъ сердцемъ простился со старухой и отправился въ путь искать счастья въ

другой странѣ. За городомъ онъ нашелъ желѣзный обручъ и, взявши его, продолжалъ итти. Приблизился онъ, наконецъ, къ морю. Издали юноша замѣтилъ, что на берегу моря спорять три „дива“ *). Сначала юноша испугался, но потомъ рѣшился подойти къ дивамъ. Послѣдніе, увидѣвъ юношу, сказали: „Вотъ Богомъ созданный и любимый человѣкъ: обратимся къ нему, онъ разрѣшитъ нашъ споръ“. Юноша спросилъ, о чемъ они спорили; дивы сказали, что ихъ родители оставили имъ въ наслѣдство четыре предмета: саблю, коверъ, феску и скатерть, и они желаютъ ихъ раздѣлить между собою, но какъ они ни дѣлаютъ, все одинъ предметъ—лишній. „Поэтому“, прибавили дивы, „если ты въ состояніи, то раздѣли это наслѣдство между нами такъ, чтобы никто изъ насъ не былъ обиженъ“.

Юноша потребовалъ принести эти предметы. Дивы принесли. Потомъ юноша спросилъ, какую силу имѣетъ каждый изъ этихъ предметовъ. Дивы объяснили, что сабля имѣетъ ту силу, что, при нанесеніи ею удара по какому-либо предмету, послѣдній дѣлается тѣмъ, чѣмъ угодно ударяющему; при этомъ нужно только сказать вслухъ, что желательно. Коверъ имѣетъ свойство перенести въ одну минуту, куда угодно, нужно только сѣсть на него и сказать, куда хочешь быть доставленнымъ. Феска даже среди бѣлаго дня дѣлаетъ невидимымъ того, кто её надѣнетъ. Наконецъ, скатерть, можетъ дать всё съѣстное, стоитъ только потребовать. Узнавъ значеніе каждаго предмета, юноша опредѣлилъ каждому диву по одному предмету, относительно же четвертаго сказалъ:

— „Вотъ я покачу этотъ обручъ, и кто изъ васъ скорѣе поймаетъ его и принесетъ мнѣ, тотъ и получитъ четвертый предметъ“.

Юноша покатилъ обручъ, дивы бросились за нимъ. Въ

*) Дивами называются баснословные великаны, которые, по понятію народа, цѣликомъ глотаютъ даже людей.

это время юноша надѣлъ феску и сдѣлался невидимымъ; затѣмъ, онъ сѣлъ на коверъ, захватилъ съ собою остальные вещи и приказалъ коври:

— „Быть мнѣ на кровлѣ дворца того царя, съ дочерью котораго я игралъ въ карты“.

Дивы возвратились и, разумеется, не нашли ни юноши, ни наслѣдства, а юноша въ это время уже былъ на крышѣ царскаго дворца. Здѣсь онъ потребовалъ отъ скатерти самый роскошный обѣдъ; затѣмъ, ударилъ саблей по землѣ и потребовалъ музыкантовъ; послѣдніе немедленно явились, и начался веселый пиръ. Услыхала царевна на крышѣ музыку и послала служанку унать, кто это безъ ея позволенія залѣзъ на крышу царской палаты. Пришла служанка: слышитъ шумъ и музыку, а людей не замѣчаетъ. Это была сила фески: она сдѣлала невидимыми не только хозяина-юношу, но и его музыкантовъ. Долго стояла служанка. Наконецъ, приподнялся юноша съ своего мѣста, подошелъ къ служанкѣ и ущипнулъ ей руку. Служанка почувствовала это, но не увидѣла юноши. Она возвратилась къ царевнѣ и рассказала, что на крышѣ нѣтъ никого. Царевна послала другую служанку, и эта послѣдняя возвратилась съ тѣмъ же отвѣтомъ. Тогда царевна рѣшилась сама пойти и посмотрѣть, что тамъ такое. Пришла: слышитъ музыку, а не видитъ пирующихъ. Въ это время юноша подошелъ къ царевнѣ, ущипнулъ ей руку и снялъ феску. Царевна увидѣла юношу; она пригласила его въ царскія палаты, приготовила обѣдъ, и они сѣли обѣдать. Во время обѣда царевна объявила юношѣ, что она согласна выйти за него замужъ, если только онъ скажетъ, какую силу имѣютъ феска, коверъ, сабля и скатерть. Юноша рассказалъ ей обо всемъ. Послѣ обѣда царевна предложила юношѣ пойти на прогулку. Они сѣли на коверъ и поѣхали къ морю. На берегу моря юноша легъ спать, царевна же не спала и гуляла поблизости. Когда юноша былъ въ глубокомъ снѣ, царевна подошла къ спя-

щему и столкнула его въ море, сама же съѣла на коверъ и унеслась во дворецъ вмѣстѣ съ захваченными вещами.

Несчастный юноша долго бился въ морѣ, наконецъ вышелъ на берегъ. Здѣсь онъ высушилъ одежду и пустился въ дорогу. Пришелъ онъ къ одной яблонѣ. „А попробую яблокъ“, сказалъ себѣ юноша и быстро полѣвъ на дерево. Съѣлъ одно яблоко, хотѣлъ-было съѣсть и другое, но, къ несчастью, съ нимъ случилось необычайное происшествіе: отъ яблока онъ сталъ вверхъ ногами. Между тѣмъ прилетѣли къ этому мѣсту три голубя. Они увидѣли юношу и рѣшились помочь ему. Одинъ изъ нихъ сказалъ, что если юноша поѣстъ цвѣтовъ „эвлицагика“ *), то онъ поправится; другой сказалъ, что если юноша сплететъ изъ „заячьей травы“ обувь и надѣнетъ её, то смѣло перейдетъ море; третій голубь сказалъ, что юноша можетъ изъ яблоневой коры сплести корзину и наполнить её яблоками, и это поможетъ ему достигнуть цѣли. Выслушавъ все это на яблони, юноша съ большимъ трудомъ слѣвъ съ дерева. Къ счастью, все, что нужно было ему, нашлось поблизости. Онъ сдѣлалъ такъ, какъ ему совѣтовали голуби: съѣлъ немного цвѣтовъ эвлицагика и выздоровѣлъ; изъ коры яблони сплелъ корзину и наполнилъ её яблоками; изъ „заячьей травы“ приготовилъ обувь, надѣлъ её и перешелъ море.

Затѣмъ, онъ отправился въ столицу, пришелъ къ царскому дворцу и громкимъ голосомъ призывалъ желающихъ купить за небольшую цѣну хорошія яблоки. Вышла служанка царевны и удивилась при видѣ такихъ дешевыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ крупныхъ, сочныхъ, румяныхъ яблокъ. Пошла и сказала объ этомъ царевнѣ; послѣдняя приказала служанкѣ купить всю корзину. Служанка купила и принесла корзину во дворецъ, а мнимый торговецъ удалился. Въ этотъ день у царевны были гости. Послѣ обѣда предложили гостямъ эти не-

*) Эвлицагикъ—растеніе, стебель котораго идетъ на вѣники.

обыкновенныя яблоки. Гости попробовали ихъ, попробовала и царевна, и съ ними случилось то же, что и съ юношей на яблони. Царь догадался, что это отъ яблокъ, но уже было поздно: продавецъ скрылся.

Черезъ нѣсколько дней мститель пришелъ во дворецъ и объявилъ царю, что онъ исцѣлитъ всѣхъ, если только царь исполнить его желаніе. Царь обѣщался исполнить, и юноша исцѣлилъ всѣхъ, кромѣ царевны, которая въ это время была въ отдѣльной комнатѣ. Юноша вошелъ въ эту комнату и потребовалъ вина. Принесли вина. Онъ далъ ей выпить столько, что она опьянѣла. Ее вырвало и сердце птицы было выброшено. Юноша взялъ птичье сердце, вымылъ въ водѣ и проглотилъ. Затѣмъ онъ сказалъ царевнѣ, что это только начало ея исцѣленью, и что онъ не исцѣлитъ ея окончательно до тѣхъ поръ, пока она не возвратитъ ему похищенныхъ у него вещей. Царевна не соглашалась-было, но её сталъ уговаривать самъ царь, и она согласилась. Царь открылъ сундукъ, досталъ коверъ, саблю, скатерть и феску и возвратилъ юношѣ. Юноша тогда разостлалъ у дверей комнаты коверъ, положилъ свои вещи на него и позвалъ къ себѣ царевну. Она съ трудомъ дотащилась до него. Жестокой мститель и теперь не думалъ исцѣлить царевну. Онъ надѣлъ феску и сдѣлался невидимъ, затѣмъ взялъ саблю и ударилъ ею царевну со словами:

— „О сабля, нечего мнѣ болѣе желать: сдѣлай изъ нея бѣлую ослицу!“.

Потомъ онъ обратился къ коврѣ:

— „Дорогой коверъ,—къ брату, котораго давно я не видалъ!“.

Старшій братъ послѣ того, какъ выбралъ „добрую“ дорогу, долго шелъ по ней. Благодаря своему уму, который явился подъ влияніемъ головы птицы, онъ все богатѣлъ; наконецъ, пришелъ онъ въ незнакомую ему страну. Здѣсь жители выбрали его въ цари. Въ эту-то страну и пріѣхалъ мень-

шой братъ. Послѣ долгой разлуки братья встрѣтились и крѣпко обнялись. Они начали рассказывать, что съ ними случилось во время разлуки, когда одинъ пошелъ по одной, а другой—по другой дорогѣ.

— „Давно нѣтъ вѣсти отъ отца“, сказалъ наконецъ, меньшій: „какъ-то поживетъ онъ? здоровъ-ли?“

— „Нѣтъ, дорогой, я вчера получилъ отъ него письмо“, отвѣтилъ старшій: „онъ пишетъ, что сильно боленъ, и если сегодня вечеромъ мы не успѣемъ явиться къ нему, то завтра утромъ, быть-можетъ, найдемъ его уже мертвымъ. Какъ тутъ поступить? Онъ такъ далеко отъ насъ живетъ, между тѣмъ я увѣренъ, что если бы мы были тамъ, то онъ не умеръ бы“.

Меньшій братъ успокоилъ его, говоря, что они въ одинъ мигъ могутъ быть у отца. Съли братья на коверъ и очутились у отца, а онъ былъ почти при смерти. Братья помолились, и отецъ началъ возвращаться къ жизни и, наконецъ, совершенно выздоровѣлъ. По выздоровленіи отца сыновья взяли его во дворецъ старшаго брата, а мать оставили жить попрежнему, въ наказаніе за то, что она согласилась погубить жизнь своихъ сыновей изъ-за денегъ.

Отецъ весело проводилъ послѣдніе дни своей жизни у сыновей. Разъ они сидѣли и о чемъ-то разговаривали. Вдругъ кто-то позвонилъ у подъѣзда. Вышелъ старшій братъ и увидѣлъ бѣлую ослицу. Онъ пришелъ и рассказалъ брату. Братъ на это сказалъ:

— „Это не ослица, а другое существо, и она хочетъ видѣть меня!..“

Тутъ онъ взялъ саблю, пришелъ къ дверямъ, ударилъ саблей ослицу по спинѣ со словами:

— „Явись красна дѣвица!..“

И тотчасъ передъ нимъ явилась царевна. Вскорѣ меньшій братъ обвѣнчался съ ней. Свадьба тянулась семь дней

и семь ночей. На свадьбу пригласили и отца царевны, но онъ по болѣзни не пріѣхалъ и самъ пригласилъ ихъ къ себѣ. Скоро онъ умеръ, и зять унаслѣдовалъ его царство и сталъ управлять имъ и счастливо жить да поживать со своей женой.

Записана въ г. Елисаветполѣ со словъ жителя этого города І. Саркисяна воспитанникомъ Закавказ. учит. семинаріи *Б. Шайнянцемъ*.

5. Злой царь *).

Въ одной изъ богатѣйшихъ странъ вселенной жилъ былъ государь. У этого царя было три сына. А въ самомъ царствѣ былъ обычай: подростшій юноша выходилъ за городъ на высокой холмъ, откуда весь городъ виднѣлся какъ на ладони, и изъ лука стрѣлялъ въ городъ; въ чей домъ попадала стрѣла, оттуда онъ и бралъ себѣ невѣсту; если не было въ томъ домѣ взрослыхъ дѣвицъ, обществомъ назначали срокъ, чтобы подрасла въ томъ домѣ дѣвица, а если въ немъ не было дѣвицъ вовсе и нельзя было въ будущемъ ожидать, то выстрѣлившій изъ лука обрекалъ себя на безбрачіе. По установленному обычаю, государь женилъ сперва своихъ двухъ старшихъ сыновей, и очередь дошла до младшаго сына. Тотъ, по обычаю, вышелъ за городъ, выстрѣлилъ и пошелъ искать свою стрѣлу, но его стрѣлы не оказалось въ городѣ. Онъ пустился въ поиски за стрѣлою дальше, цѣлый день шелъ по направленію стрѣлы и, наконецъ, дошелъ до громадной скалы, вонзившись въ которую торчала его стрѣла. Здѣсь глубоко вздохнулъ юноша и съ горестью сказалъ: „о всемогущій Создатель! неужели мнѣ доли нѣтъ же-

*) Какъ эта сказка, такъ и слѣдующая, „Лисица и пастухъ“, записаны со словъ жителя сел. Баяндуръ, Егора Асланова, 65-ти-лѣтняго старика.

ниться!?” Онъ уже протянулъ руку, чтобы взять стрѣлу и вернуться въ родительскій домъ; но не успѣлъ еще снять стрѣлы, какъ предъ его глазами раздвинулась скала, и ему предстала новая дорога, по которой и пустился нашъ юноша. Шель онъ ровно три дня и три ночи и, наконецъ, увидѣлъ жилой домъ, куда и вошелъ отдохнуть. Здѣсь онъ нашелъ за столомъ старуху съ тремя сыновьями и тремя дочерьми, обѣдающихъ. Хозяева, при видѣ „земнороднаго“, съ радостью встрѣтили его, и старуха, посадивъ его по правую руку отъ себя, стала спрашивать:

— „Ну, что зять, почему такъ сильно опоздалъ?“ и стала подбивать, чѣмъ Богъ послалъ. Юноша удивлялся рѣчамъ невѣдомыхъ ему людей и съ нетерпѣнiемъ ждалъ, чѣмъ кончится все. На слѣдующее утро, послѣ завтрака, старуха обратилась къ царевичу со словами:

— „Богу угодно было послать тебя намъ въ зятя, и мы не можемъ итти противъ Его воли: наша младшая дочь — твоя суженая“.

Родственники семь дней и семь ночей праздновали свадьбу и потомъ отпустили новобрачныхъ.

Въ разстоянiи часа пути отъ родного города царевичъ замѣтилъ, что весь городъ увѣшанъ черными флагами, и народъ ходитъ въ траурѣ; это сильно заинтересовало и встревожило его, и онъ спросилъ перваго встрѣчнаго о причинѣ происшедшей въ городѣ перемѣны; тотъ ему отвѣтилъ, что жена государя недавно скончалась, и потому народъ ходитъ въ траурѣ. Эта вѣсть сильно опечалила царевича, такъ какъ умершая была его мать, и о причинѣ своей скорби онъ передалъ женѣ.

Царевичъ, вернувшись домой, счелъ неумѣстнымъ во дни скорби отца явиться къ нему съ молодою женою своею, помѣстивъ ее въ своихъ комнатахъ, а самъ отправился къ отцу, чтобы утѣшать его. Государь обрадовался возвращенiю сына и, опасаясь, чтобы его сынъ не былъ обманутъ, вечеромъ

зашелъ посмотрѣть свою третью невѣстку. При видѣ молодой невѣстки глаза государя „въ затылокъ ушли“, и онъ съ разинутымъ ртомъ долго любовался ею. И было, чему удивляться и чѣмъ увлечься: жена третьяго принца красотою превосходила всѣхъ женщинъ царства, и отъ сіянiя лица ея меркли луна и звѣзды. Государь плѣнился ея красотою и ушелъ отъ нея съ мыслью самому жениться на ней. Ночью онъ призвалъ къ себѣ самаго довѣреннаго изъ министровъ и, заведши рѣчь о своей покойной супругѣ, сказалъ:

— „Третій сынъ мой сегодня привезъ одну дѣвицу; сегодня же вынесли тѣло моей супруги!... Не случайно это совпаденіе: значитъ, судьба послала мнѣ ее взамѣнъ моей покойницы!.. Какъ ты думаешь объ этомъ?“

Льстивый везирь, догадавшись, что дѣвица пригланулась его повелителю, покривилъ душой и одобрилъ его мысль. Тогда государь сталъ совѣтоваться съ везиремъ, какъ бы устроить вѣрную гибель его младшему сыну; везирь на то отвѣтилъ, что стоитъ послать его къ царю девоу, который живетъ въ ихъ царствѣ, и потребовать съ него семилѣтнюю дань, и девъ его съѣсть. Царь соглашается на предложеніе везира, призываетъ къ себѣ сына и говоритъ ему:

— „Сынъ мой! мать твоя скончалась, и намъ нужно неоднократно устроить народу и войску обѣды, чтобы молились о душѣ покойницы, а между тѣмъ у насъ казна истощена долгими войнами. Съѣзди къ царю девоу и привези отъ него не уплаченную имъ семилѣтнюю дань“.

Сынъ, не подозрѣвая ничего дурного въ порученіи отца, приказываетъ осѣдлатъ коня, а самъ заходитъ къ женѣ. Она въ это время сидѣла въ комнатѣ и плакала. Царевичъ, тронутый слезами жены, утѣшаетъ ее и спрашиваетъ о причинѣ ея горя. Она отвѣчаетъ ему:

— „Ты оставляешь меня одинокою здѣсь, а самъ, съ улыбкою на губахъ, ѣдешь къ царю девоу, а того не зна-

ешь, что тебя тамъ убьютъ, и на мнѣ отецъ твой силою женится!”

Принцъ удивился рѣчамъ жены и спросилъ, какъ она узнала, что отецъ посылаетъ его къ царю девоу, чтобы его тамъ убили, и что отецъ возьметъ ее въ жены. Та, въ отвѣтъ, объявила ему, что она—„пери“, и знаетъ то, что происходитъ въ сердцахъ людей за тридевять земель.

Царевичъ повѣрилъ словамъ жены и, испугавшись не на шутку, сталъ совѣтоваться съ нею, какъ бы избѣжать бѣды. Пери послала жениха въ домъ своихъ родителей попросить у ея старшаго брата коня и оружіе. Принцъ исполнилъ ея требованіе и досталъ коня ея старшаго брата, со сбруею. Тогда пери говорилъ своему мужу:

— „Какъ ты подъѣдешь къ горѣ, гдѣ живетъ царь девоу, слѣзь съ лошади, крѣпче подтяни подпруги и поѣзжай къ подошвѣ горы; тамъ сторожатъ три дева. Пришпорь коня, достань пашку и бросься на караульных: одного караульнаго конь копытами задавить, другому ты сруби голову, а третьяго пошли къ ихъ царю съ требованіемъ дани. Царь девоу не унижитъ себя до того, чтобы платить дань земнородному, а соберетъ войско и пойдетъ на тебя войною. При видѣ войска, три раза крѣпко пришпорь коня и ворвись въ непріятельскіе ряды: ты руби справа, а конь слѣва топтать будетъ; ты влѣво рубить станешь, а конь справа будетъ губить враговъ; наконецъ доберешься до царя; онъ съ испугу не подыметъ на тебя оружія, а будетъ умолять, чтобы ты не пачкалъ твоихъ рукъ въ его поганой крови, и согласится дать тебѣ требуемую дань; ты пощади его, и онъ дастъ тебѣ обѣщанное, а ты привези дань въ городъ; коня тогдапусти, онъ пойдетъ домой, а самъ прямо иди къ государю, дай ему привезенное золото и скажи:

— „Вотъ тебѣ деньги! сунь себѣ ихъ въ глаза!“.

Царевичъ ѣдетъ за данью и счастливо возвращается въ

городъ въ то время, когда его отецъ съ двѣнадцатью назирь-везирами рѣшалъ важные государственные вопросы: онъ безъ спроса заходитъ въ совѣщательную залу, кладетъ передъ отцомъ мѣшокъ съ золотомъ и говоритъ во всеуслышаніе:

— „Вотъ тебѣ золото! бери и сунь себѣ его въ глаза!“.

Сенаторы удивляются дерзкой выходкѣ молодого принца и расходятся раньше обыкновеннаго.

Царь опять призываетъ своего любимаго везира и проситъ у него совѣта, какъ бы погубить сына. Везиръ отвѣчаетъ:

— „Государь, потребуй отъ него такого персидскаго ковра, на которомъ помѣстилось бы все твое войско и призванные на поминки гости, и чтобы еще часть осталась не занятой“.

Государь призываетъ къ себѣ сына и говоритъ ему:

— „Вотъ ты доставилъ мнѣ возможность щегольнуть предъ всѣмъ свѣтомъ своимъ богатствомъ; но мнѣ еще не достаётъ ковра, на которомъ усьлись бы все мое войско и всѣ гости, приглашенные на поминки, такъ, чтобы еще часть ковра осталась не занятою. Добыть этотъ коверъ возлагаю на тебя. Не являйся ты мнѣ и на глаза, пока не найдешь желаннаго ковра!“.

Принцъ, надѣясь на свою жену, низко поклонился, давая знать о своемъ согласіи, и ушелъ къ женѣ. Жена посылаетъ мужа къ своей матери попросить у нея самый маленькій изъ ихъ ковровъ. Царевичъ приноситъ коверъ такой, что на немъ едва двое могутъ присѣсть. Тогда жена говоритъ мужу, чтобы онъ одѣлся въ ея одежду, а сама она, переодѣвшись въ одежду мужа, идетъ къ свекру; мужъ и жена походили другъ на друга, какъ двѣ половинки одного и того же яблока, такъ что отличить было трудно.

Жена принца пошла къ свекру и говоритъ:

— „Отецъ, коверъ я привезъ! гдѣ прикажешь постлать его?“.

Удивленный царь указываетъ на свой самый большой цвѣточный садъ. Пери беретъ коверчикъ и растягиваетъ его: и онъ покрываетъ весь дворъ и часть его все-же-таки остается не развернутой; сѣли на немъ всѣ воины и гости и не заняли и половины его.

Побѣжденный царь опять призываетъ того же везира на совѣщаніе. На этотъ разъ везиръ совѣтуетъ потребовать отъ царевича, чтобы онъ добылъ такую кисть винограда, которой наѣлись бы всѣ воины и званые гости, и четверть которой все же таки осталась бы цѣлою. И это предложеніе государь приказываетъ исполнить сыну, и онъ, благодаря женѣ, исполняетъ въ точности. Государь опять призываетъ везира на совѣщаніе, но на этотъ разъ везиръ говорить:

— „Государь! жена твоего сына—пери, и она постигаетъ всѣ тайны человѣческаго сердца, и все, невозможное для насъ, исполняется по одному мановенію ея руки; потому для принца нѣтъ ничего невозможнаго, и, если ты безвозвратно рѣшилъ овладѣть его женой, то тебѣ приходится за что-нибудь разгнѣваться на него и убить его“.

Царь отпускаетъ везира и, послѣ долгаго раздумья, призываетъ молодого принца и говоритъ ему:

— „Сынъ! какъ тебѣ извѣстно, я почтилъ память твоей матери девятьсотъ-девяносто-девятью поминальными обѣдами и еще хочу дать въ послѣдній разъ такой обѣдъ, чтобы о немъ говорили во всѣхъ концахъ вселенной, пока существуетъ мѣръ; только у меня казна давнымъ давно истощилась, и привезенную тобою отъ царя девовъ семилѣтнюю дань я уже израсходовалъ; надежда моя на зарытый покойницею кладъ, мѣсто котораго я позабылъ. Сходи къ матери и отъ нея узнай, гдѣ зарыты день-

ги, и не смѣй явиться ко мнѣ на глаза, пока не исполнишь моего требованія!“.

Сынъ въ отчаяніи отъ послѣдняго приказанія отца. Чуть не въ слезахъ идетъ онъ къ женѣ рассказать свое горе. Жена утѣшаетъ его и совѣтуетъ просить у царя сорокодневнаго отпуска, для исполненія его воли. Сынъ идетъ къ государю и говоритъ ему:

— „Царь, для исполненія твоего требованія мнѣ нужно сорокъ дней, и если послѣ назначеннаго срока не вернусь, то ноги моей жены сунь себѣ въ глаза“.

Послѣ назначенія срока, царевичъ, по совѣту жены, идетъ къ своимъ шурьямъ, съ просьбою доставить его на небеса, гдѣ живутъ души умершихъ. Младшій и второй на отрѣзъ отказываются; царевичъ на колѣнахъ умоляетъ старшаго не отказать. Этотъ, отличаясь большимъ добродушіемъ, сердится на своихъ двухъ младшихъ братьевъ за ихъ нелюбезность къ зятю и проситъ его, чтобы онъ на его же лошади немедленно поскакалъ въ городъ купить семь цѣльныхъ кусковъ бязи, пудъ ваты и длинный кусокъ веревки. По полученіи необходимыхъ предметовъ, старшій шуринъ привязываетъ зятю, когда они доѣдутъ до солнечнаго царства, чтобы на крики: „Ловите, рѣжьте земнороднаго“ онъ не издавалъ никакого звука, а то оба они погибнутъ безвозвратно. Царевичъ отвѣчаетъ, что онъ не только на угрозы не откликнется, но если бы и рѣзать стали его на мельчайшіе куски, то и тогда ничего не сказалъ бы. Пери, крѣпко привязавши зятя къ спинѣ, съ быстротою вихря мчится на небеса. Въ солнечномъ царствѣ за ними пускаются въ погоню, поднимается крикъ, шумъ, духота отъ невыносимаго жару; но все оканчивается благополучно. Миновавъ всѣ опасности, пери спускаетъ зятя съ плечъ на зеленомъ лугу и говоритъ:

— „Дальше я не въ правѣ ходить, и потому далѣе ты

одинъ долженъ идти, и вотъ что я могу тебѣ сказать: на дорогѣ ты встрѣтишь человѣка, лежащаго поперегъ воды, — ты пройдешь черезъ его спину и остановишься на берегу рѣки, въ которой полосами течетъ вода трехъ цвѣтовъ: чернаго, краснаго и желтаго, — тамъ ты увидишь свою мать“.

Принцъ пускается въ путь и на дорогѣ прежде всего видитъ женщину, къ груди которой прицѣпились два щенка и мучать ее. Онъ поздоровался съ нею и предложилъ ей свои услуги, чтобы оторвать щенятъ, но она кратко отвѣчаетъ:

— „Сыночекъ, опоздаешь! иди за своимъ дѣломъ, а на обратномъ пути узнаешь обо всемъ“.

Царевичъ идетъ далѣе и видитъ голую дрожащую отъ холода женщину, а кругомъ нея разбросаны десятками шелковыя и другія дорогія одѣянія и разныя украшенія. Поздоровался съ нею принцъ и посоветовалъ ей укрыться лежащими около нея платьями; но эта женщина отвѣтила такъ же, какъ предшествовавшая. Царевичъ подвигается далѣе и видитъ старика съ почтенной сѣдиной въ бородѣ: онъ стоитъ надъ котломъ крови, черпаетъ разливной ложкою кровь и пьетъ, а между тѣмъ кругомъ него въ громадныхъ котлахъ варится мясо. Принцъ, удивленный поступкомъ старика, поздоровавшись, спрашиваетъ о причинѣ такого поступка. Но старикъ, подобно своимъ предшественницамъ, не отвѣчаетъ на его вопросъ и советуетъ сперва исполнить свое дѣло, и говоритъ, что на обратномъ пути онъ получитъ отвѣтъ. Далѣе царевичъ видитъ тощаго быка среди цвѣстистыхъ луговъ, удивляется его худобѣ и хочетъ сорвать для него травы, но быкъ также советуетъ ему исполнить сперва свое дѣло. Подвигаясь еще далѣе, царевичъ видитъ на каменистой скалѣ удивительно тучнаго быка, который жуетъ, тогда какъ кругомъ него на десятки верстъ не растетъ ни одной травки. Царевичъ, поздоровавшись съ быкомъ, спраши-

ваеть о причинѣ его тучности и о худобѣ прежде-видѣннаго быка на цвѣтистомъ дугу, но и этотъ, подобно предшественникамъ, совѣтуетъ ему сперва исполнить свое дѣло, а потомъ интересоваться другими. Наконецъ, царевичъ видитъ человѣка, лежащаго на животѣ поперегъ воды: въ бокахъ у него кишѣли черви, и вода смывала ихъ, а они опять появлялись. Принцъ, повдоровавшись съ человѣкомъ, служащимъ мостомъ черезъ рѣку, спрашиваетъ о причинѣ его страданій, но и тотъ совѣтуетъ ему сперва идти, исполнить свой долгъ, и общаетъ, что на обратномъ пути онъ обо всемъ узнаетъ.

Юноша, слушаясь добраго совѣта, переходитъ по его спинѣ и идетъ далѣе. Предъ нимъ открывается необозримое поле, покрытое зеленымъ бархатомъ разныхъ травъ и цвѣтовъ, и по срединѣ поля журчитъ рѣка съ черною, красною и желтою полосами воды. Царевичъ предъ заповѣдной рѣкой останавливается, а съ другой стороны рѣки прибѣгаетъ къ нему навстрѣчу мать и восклицаетъ:

— „Какое счастье для матери видѣть свое родимое дитя во плоти тамъ, куда не въ состояніи попасть даже и души многихъ усопшихъ! Сынъ мой, переходи рѣку, и мы здѣсь будемъ блаженствовать вмѣстѣ!“

Сынъ на это отвѣчаетъ, что у него единственное сердечное желаніе, безъ исполненія котораго все райское блаженство будетъ для него горче всѣхъ мученій имъ видѣнныхъ. Онъ объясняетъ матери, въ чемъ заключается цѣль его прибытія, узнаетъ отъ нея, гдѣ находится мѣсто зарытыхъ денегъ, и хочетъ вернуться назадъ; но мать останавливаетъ его и говоритъ:

— „Сыночекъ, такъ нельзя вернуться къ посланному тебя хищнику: онъ потребуетъ отъ тебя доказательства, что ты, дѣйствительно, былъ въ затробномъ царствѣ, и можетъ убить тебя. Возьми, вотъ, кольцо, которымъ запечатали крышку сундука, зарытаго съ золотомъ и которое схоронили со мною; ты

дашь это кольцо отцу, онъ, совершенно побѣжденный тобою, постыдится своихъ назирь-везирей, сойдетъ съ своего трона обниметь тебя и спросить, поручала ли я сказать ему что-нибудь; но ты не вѣрь его ласкамъ и скажи, что мать поручила сказать тебѣ: „Въ камень превратись, въ камень превратись, въ камень превратись!“ Онъ превратится въ черный камень, а ты ногою потихоньку вытолкни его изъ царскихъ палатъ на улицу, а самъ вернись къ назирь-везирамъ, надѣнь на голову царскую корону и сядь на царскій престолъ. Окружающіе же, удивленные случившимся, не осмѣлятся не поинноваться тебѣ“.

Царевичъ, снабженный материнскими наставленіями, пустился въ обратный путь. Дошедши до человѣка, лежавшаго поперегъ рѣки, онъ попросилъ послѣдняго исполнить обѣщаніе. Страждущій предложилъ собесѣднику сперва переправиться черезъ него, а потомъ сказалъ:

— „Я при жизни былъ вначалѣ горемычнымъ бѣднякомъ; одинъ добрый человѣкъ подарилъ мнѣ десять рублей, и я пустился тогда въ торговлю и, обладая хитрымъ умомъ, скоро эту сумму утроилъ: двадцать рублей я далъ подь проценты, а на остальные деньги опять сталъ заниматься торговлей; но скоро я понялъ, что заниматься ростовщицествомъ гораздо прибыльнѣе, чѣмъ торговать,—я окончательно бросилъ торговлю и сталъ давать деньги на проценты. Не прошло и десяти лѣтъ,—моему богатству не было и счету; но вмѣстѣ съ богатствомъ на моей головѣ увеличивалось и число сѣдыхъ волосъ, а физическая бодрость оставляла меня. И вотъ я почувствовалъ, что лежу поперегъ рѣки, и по мнѣ проходятъ, какъ по мосту, а черви, уничтожая мое тѣло, страшно беспокоятъ меня. Эти черви—процентныя деньги, которыя безощадно получены мною отъ нуждающихся вдовъ и сиротъ, и, насколько тягостно было имъ платить проценты, столь же тяжкія мученія теперь я терплю отъ этихъ червей.“

Вода, омывающая меня отъ червей, это мой честный трудъ, которымъ я занимался раньше: не будь тѣхъ трудовъ, эти черви превратились бы въ страшнѣйшихъ змѣй, скорпионовъ и еще болѣе отвратительныхъ гадовъ. Вотъ, царевичъ, мой совѣтъ тебѣ: если хочешь, чтобы не терзали тебя муки, подобно мнѣ, то не бери даже отъ врага своего процентовъ!“.

Простившись съ ростовщикомъ, принцъ подошелъ къ тучному быку и попросилъ его рассказать ему о своей земной жизни. Тучный быкъ объяснилъ принцу, что, хотя онъ и видитъ его въ образѣ скотины, на самомъ дѣлѣ онъ человѣкъ и во время земной жизни былъ добродѣтеленъ, и потому Богъ его помѣстилъ на такомъ возвышенномъ мѣстѣ, откуда видны всѣ концы рая, и въ день три раза, утромъ, въ полдень и вечеромъ, ниспосылаетъ ему манну, отъ которой онъ и тучнѣетъ.

Подвигаясь далѣе, царевичъ пришелъ къ тощему быку. Оказалось, и этотъ быкъ также былъ человѣкомъ и славился, какъ богатырь, но свою физическую силу употреблялъ на присвоеніе чужой собственности и въ своихъ злодѣйствахъ доходилъ до ужасающихъ размѣровъ. Послѣ смерти, въ загробной жизни, онъ чувствуетъ себя окруженнымъ всеми благами, но всѣ эти блага для него совершенно бесполезны.

Отсюда царевичъ отправился къ старику съ почтенной бородою и спросилъ, за что онъ терпитъ наказаніе. Старикъ объяснилъ, что въ мірѣ живыхъ слылъ онъ за честнаго человѣка, и потому односельцы назначили его слѣдить за жертвенными животными, и каждый день подъ его наблюденіемъ готовилось кушанье и раздавалось нищимъ и нуждающимся; къ несчастью, онъ усвоилъ обычай сперва самъ наѣдаться и угощать почетныхъ жителей села, а потомъ уже остатки давать нищимъ. Въ одинъ день является къ нему больная, нищая женщина и притомъ беременная и умоляетъ дать ей кусочекъ мяса. Хотя мясо давно было готово, но такъ какъ

онъ самъ еще не пообѣдалъ, то онъ отказалъ просительницѣ. Та съ отчаяніемъ вышла изъ ограды благотворительнаго дома, но у воротъ силы покинули ее, и она упала безъ чувствъ, ушиблась и родила мертваго ребенка. Та кровь, что онъ пьетъ теперь, это кровь ребенка, убитаго его беззаконіемъ, а за то, что при жизни онъ не раздавалъ нищимъ предназначенной имъ пищи, такъ что несчастные должны были съ голоднымъ желудкомъ смотрѣть на полные мясомъ котлы,—за это теперь ему приходится то же самое дѣлать въ нескончаемые вѣки. Старецъ свое объясненіе окончилъ словами:

— „Царевичъ, мои страданія пусть будутъ тебѣ урокомъ, и если не желаешь моей участи, твори милостыню неимущимъ; давай тамъ, гдѣ не надѣешься назадъ получить!“...

Принцъ отсюда направился къ женщинѣ, стоявшей нагою на морозѣ, и отъ нея узналъ, что она была женою богача, была окружена роскошью, но отличалась удивительнымъ безсердечіемъ: никакими слезами и мольбами не могли выманить отъ нея кусочка даже негодной для нея трапицы. Такъ, однажды пришла къ ней полуодѣтая родильница съ голымъ ребенкомъ, но она даже и не взглянула на нее. И вотъ теперь терпитъ за свое безсердечіе.

Наконецъ, принцъ дошелъ до женщины, на груди которой висѣли щенята. Тутъ царевичъ узналъ, что стоящая предъ нимъ женщина, овдовѣвъ, имѣла семеро дѣтей и, не имѣя возможности кормить ихъ, обратилась за помощью къ восприемнику ихъ, который былъ холостъ. Восприемникъ согласился помогать, а, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, даже перешелъ жить ко вдовѣ и прижилъ съ нею двухъ дѣтей; отъ сраму, чтобы скрыть отъ сосѣдей этихъ дѣтей, она живыми зарыла ихъ въ землю. Въ загробной жизни эти малютки, подъ видомъ щенятъ, прилипли къ ея груди, мучать и срамать ее предъ прохожими.

Отсюда царевич направился къ шурина и, съ помощью его, опять вернулся на грѣшную землю и на лошади благодѣтеля ровно на сороковой день явился къ отцу въ то время, когда онъ съ двѣнадцатю везирами рѣшалъ государственныя дѣла. Царь удивился возвращенію сына, покраснѣлъ, побагровѣлъ, но дѣлать было нечего: онъ сухо принялъ сына и, узнавши мѣсто зарытаго золота и получивъ женино кольцо въ доказательство его пребыванія въ царствѣ тѣней, постыдился сенаторовъ, слѣзъ съ трона, обнялъ его и сказалъ:

— „Ну что, сынокъ, мать твоя не имѣетъ ли ко мнѣ какихъ-нибудь порученій?“

— „Какъ же!“ отвѣтилъ царевичъ съ грустью: „она приказала мнѣ сказать тебѣ: Въ камень превратись, въ камень превратись, въ камень превратись!“

Едва сказалъ онъ эти слова, какъ царь, дѣйствительно, превратился въ камень, и царевичъ ногою отволокъ его на улицу, а самъ вернулся въ совѣщательную комнату, надѣлъ на себя корону и сталъ продолжать начатое отцомъ совѣщаніе. Назиры-везиры, своими глазами видѣвшіе все происшедшее, не осмѣлились прекословить молодому царю. Народъ послѣдовалъ примѣру назирь-везирей, и младшій царевичъ сталъ править государствомъ на благо народа.

6. Лисица и пастухъ.

Жилъ былъ юноша со своей матерью. Другихъ родныхъ у него не было. Неудачи постоянно преслѣдовали его: что онъ ни затѣетъ, все ему не въ прокъ: пойдетъ ли торговать, — вмѣсто прибыли, получаетъ убытокъ; посѣетъ ли поле, — отъ засухи его поле портится; займется ли скотоводствомъ, — на скотъ падежъ идетъ, и несчастному приходится сегодня вытаскивать вонъ изъ хлѣва вчера еще здоровую скотину. Обни-

щаль совѣтъ отъ такихъ неудачъ бѣдный юноша и, не имѣя средствъ къ существованію, нанялся въ своемъ селѣ въ пастухи. Жители на сходкѣ рѣшили за тотъ годъ оплатить труды своего пастуха тѣмъ, что посѣяли и предоставили въ его пользу поле проса: сколько бы тамъ проса ни родилось, это ужъ доля пастуха. Прошло мѣсяца два со времени посѣва; поля покрылись бархатной зеленью. Пастухъ и говорить своей матери:

— „Ну, мать, вотъ я нанялся въ пастухи и съ раннего утра до позднего вечера скотомъ занятъ; мнѣ некогда сходить посмотрѣть, что намъ на счастье на нашемъ полѣ Богъ послалъ. Потрудишься хоть ты какъ-нибудь до поля добраться и посмотри, опять злая судьба глумится надъ нами, или въ этомъ году и унасъ урожаемъ хорошъ“.

Мать на слѣдующее утро, проводивши сына за околицу, заперла дверь хижины и съ помощью палки еле доплелась до своей нивы. Только не на радость пришла бѣдная старуха въ поле! Сжалось отъ боли сердце ея при видѣ новаго несчастья: какая-то лисица завелась на ихъ участкѣ и, барахтаясь по зеленому полю, вытоптала его такъ, что смятые стебли проса крѣпко прилегли къ землѣ. Цѣлый день старуха оплакивала свое горе, а вечеромъ рассказала сыну о новой бѣдѣ.

Вскипѣло сердце молодого человѣка, и онъ рѣшился жестоко отомстить лисицѣ. На утро, вмѣсто себя, пасти скотъ послалъ старуху мать, а самъ, вооружившись пастушьей дубинкой, отправился на свой участокъ съ намѣреніемъ поймать лисицу. Еще не доходя до поля, пастухъ замѣтилъ, какъ рѣввится лисица и портить его поле. Прошло нѣкоторое время, и лисица, набѣгавшись, отъ усталости повалилась на траву и стала отдыхать. Пастухъ тогда подерался къ лисицѣ, схватилъ ее за хвостъ, поднялъ на воздухъ и началъ во всю мочь колотить ее дубинкой. Заорала лисица, подня-

ла вивгъ, вой; но, видя, что этимъ не уймешь разъяреннаго пастуха, стала умолять его о пощадѣ и спросила, что хочетъ онъ сдѣлать съ нею. Пастухъ отвѣтилъ, что онъ хочетъ убить ее, а шкуру ея промѣнять на двѣ—три пары лаптей. При мысли о смерти, сильнѣе забилося сердце лисицы и съ небывалой силой въ ней вспыхнула любовь къ жизни: стала лисица умолять пастуха, чтобы пощадилъ ее, и общала ему все, чего только онъ пожелаетъ,—общала ему хоть цѣлое царство, лишь бы далъ ей жизнь и свободу. Но не скоро унялся мстительный пастухъ; только тогда, когда онъ достаточно сорвалъ зло, и руки его порядкомъ устали, онъ сдѣлался болѣе миролюбивъ, и въ головѣ у него мелькнула мысль, что если убьетъ лисицу и ея шкуру предастъ копейкѣ за шестьдесятъ, то этимъ горю мало поможетъ, и черезъ два дня останется опять безъ копейки, тѣмъ же голышомъ, какъ раньше; не лучше ли попытаться счастья и отпустить лисицу? Подумавъ это парень и выпустилъ хвостъ изъ рукъ. Еле поднялась полуживая лисица, поблагодарила пастуха и попросила его завтра пасти скотъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ пасъ въ послѣдній разъ, общая явиться на холмъ, недалеко находившійся оттуда. Пастухъ исполнилъ указаніе лисицы, и на слѣдующій день сталъ ждать ея на назначенномъ мѣстѣ. Когда солнце склонилось къ западу, пастухъ увидѣлъ спускающуюся съ холма лисицу; въ зубахъ она держала бѣлый узелокъ. Обрадовался пастухъ, мгновенно очутился около лисицы и взялъ у нея узелокъ. Лисица предложила ему развязать узелокъ. И пастухъ, къ своему удивленію, увидѣлъ въ немъ два царскихъ одѣянія: одно мужское, а другое женское. Лисица приказываетъ пастуху надѣть мужской костюмъ и спрашиваетъ:

— „Ну что, этотъ костюмъ не лучше-ли и дороже, чѣмъ твое поле проса“?

Пастухъ въ отвѣтъ превозноситъ костюмъ. Тогда лисица продолжаетъ:

— „А если бы вчера ты убилъ меня, то много ли выгоды было тебѣ? А вотъ теперь я дарю тебѣ и матери твоей эти царскія одѣянія. Бери ихъ, неси домой, а утормъ съ матерью будь здѣсь, чтобы я тебя, согласно моему обѣщанію, сдѣлала царемъ. Вечеромъ же, когда скотину вернешь домой, объяви своимъ односельцамъ, что ты для нихъ болѣе не намѣренъ быть пастухомъ, что завтра утормъ съ матерью идешь на отхожія промыслы; если же спросятъ о причинѣ, то отвѣтъ имъ, что они дали тебѣ поле проса, а то поле лисица затоптала; и тебѣ съ матерью нечѣмъ жить“.

Съ полуночи еще пастухъ съ матерью стали ждать лисицу на назначенномъ мѣстѣ. Явилась она и приказала имъ слѣдовать за нею. Семь дней и семь ночей вела она ихъ по пустыннымъ полямъ, и, наконецъ, путники достигли одного фонтана съ мраморнымъ бассейномъ. Здѣсь лисица остановилась, указала путникамъ обѣщанное царство и приказала имъ сѣсть около воды и до ея возвращенія ни на шагъ не отлучаться оттуда, а сама побѣжала въ городъ. Въ этомъ столичномъ городѣ, оказалось, завелся мартагель (гиенна) и опустошалъ городъ: нѣкоторые изъ жителей отъ страху разбѣжались по лѣсамъ и горамъ; другихъ, въ томъ числѣ и государя, съѣлъ мартагель. Лисица побѣжала по закоулкамъ города, отыскала рыскавшую тамъ голодную гиенну и, придавъ удивленное выраженіе своей мордѣ, обратилась къ ней съ вопросомъ:

— „Развѣ тебѣ не страшно? неужели ты не боишься, что до сихъ поръ не спряталась куда-нибудь?“.

Удивленная этими словами гиенна спрашиваетъ, въ чемъ дѣло, и лисица объявляетъ, что чинмачинскій царь съ несмѣтными полчищами идетъ на него войною, и что войско уже за чертою города. Хитрая лисица достигла своей цѣли: мартагель до того струсилъ, что уже

не въ состоянїи былъ разсуждать и просилъ лисицу помочь ему укрыться отъ страшнаго врага. Лисица указываетъ ему на ближній стогъ сѣна и совѣтуетъ спрятаться внутри его, а сама обѣщается остаться тамъ и попросить воиновъ, когда они явятся, чтобы не трогали этого стога, такъ какъ онъ принадлежитъ горемычному бѣдняку. Мартагелъ соглашается. Вытаскиваютъ они изъ стога охапокъ восемь сѣна, и гїенна дѣветъ въ приготовленное мѣсто, а лисица закладываетъ его вынутымъ сѣномъ. Проходитъ нѣкоторое время, лисица начинаетъ бѣгать вокругъ стога и приговаривать умоляющимъ голосомъ: „Ради Бога не трогайте этого стога!“ А сама между тѣмъ поджигаетъ стогъ со всѣхъ сторонъ. Скоро отъ дыму и жару невыносимо становится гїеннѣ, и она, не имѣя силы переносить страданій, издаетъ слабый стонъ. Хитрая лисица, услыжавъ стонъ мартагела, тихо, словно стараясь скрыть отъ другихъ свои слава, проситъ мартагела еще минуточку потерпѣть. А между тѣмъ пламя со всѣхъ сторонъ охватило сѣно, и глухой мартагелъ сдѣлался жертвою пламени. Тогда лисица, пошла за своимъ пастухомъ, привела его съ матерью, показала имъ весь городъ съ его достопримѣчательностями и завела въ царскій дворецъ. Скоро жители узнали о гибели мартагела и стали собираться въ свои дома и, считая молодого пастуха освободителемъ ихъ родины, единогласно признали его царемъ надъ ихъ землею.

Спустя нѣкоторое время старуха скончалась, и ее, какъ парицу, удостоили торжественныхъ похоронъ. По смерти матери царь сталъ сильно грустить. Лисица земѣтила это и, угадавъ причину, приступила къ нему съ такими рѣчами:

— „Ну, вотъ ты, слава Богу, теперь возмужалъ, достигъ царства и богатства, не пора-ли подумать тебѣ и о женитьбѣ?“

— „Радъ бы жениться“, отвѣтилъ на это царь, „да гдѣ же мнѣ достать подходящую невѣсту?“.

Лисица взялась высватать за него дочь чинмачинскаго царя и немедленно отправилась въ путь, чтобы исполнить новое обѣщаніе. Долго-ли проходила она или мало, Богъ вѣдаетъ, только дошла она до столицы чинмачинскаго государства, отыскала царскій дворецъ и сѣла на камень, лежавшій противъ государя; на этотъ камень могли садиться только послы другихъ государствъ, пришедшіе просить руки его дочери для своихъ государей. Такая выходка лисицы замѣчена была царемъ, и онъ приказалъ своему „лалѣ“ (камердинеру) прогнать съ священнаго камня животное. Выходитъ лала и съ крикомъ брасаетъ камнями въ лисицу, чтобы она убѣжала. Лисица укоряетъ лалу за его грубое обращеніе съ нею и объясняетъ ему, что она пришла посломъ отъ своего брата, государя *того-то* царства, просить руки ихъ царевны для него; она требуетъ, чтобы лала доложилъ своему государю, что она желаетъ получить аудіенцію у него. Удивленный лала возвращается къ государю и рассказываетъ о случившемся. Государь также удивляется и приказываетъ ввести лисицу къ нему. Лисица говоритъ государю то же самое, что сказала его камердинеру. Государь отвѣчаетъ лисѣ:

— „Какъ можно человѣка выдать замужъ за животное?!“.

На это лисица отвѣчаетъ, что ея братъ вовсе не звѣрь, а такой же человѣкъ, какъ государь и его дочь, и для того, чтобы онъ могъ убѣдиться въ справедливости ея словъ, просить государя командировать двухъ лицъ, съ порученіемъ на мѣстѣ провѣрить ихъ. Государь соглашается на умное предложеніе лисицы и отправляетъ съ нею двухъ министровъ, пользовавшихся его довѣріемъ. Лисица повела ихъ въ царство своего нареченнаго брата, показала всѣ достопримѣчательности столицы, потомъ повела въ царскій дворецъ, чтобы представить государю. На слѣдующее утро, когда

послы должны были пуститься въ обратный путь, лисица вынесла имъ въ подарокъ по цѣльному куску сукна и по сто рублей и просить ихъ, чтобы они, вернувшись домой, по правдѣ обо всемъ передали своему повелителю.

Послы съ лисицей возвращаются къ своему государю и объявляютъ ему, что она правду говорила о своемъ братѣ, и что богаче его во всей вселенной не отыскать государя, и посовѣтовали выдать царевну за брата лисицы. Государь послушался и выдалъ свою дочку за брата лисицы и вмѣстѣ съ нею отправилъ, чтобы обвѣнчали въ царствѣ жениха. Лисица привезла невѣсту съ богатымъ приданнымъ къ жениху; семь дней и семь ночей пировали на свадьбѣ. Счастливо стали жить новобрачные, а лиса смотрѣла на нихъ и радовалась.

Въ одинъ изъ дней лисица думаетъ: „Вотъ я нареченнаго брата моего изъ пастуховъ сдѣлала царемъ, доставила ему богатую жену-красавицу... Дай-ко посмотрю, какъ отнесется ко мнѣ человѣчій сынъ!“. Съ этою цѣлью на слѣдующій день лисица не явилась къ государю. Утромъ, долго не видя лисицы, государь послалъ своего лагу узнать о причинѣ. Лага, при входѣ въ комнату лисицы, увидѣлъ ее распростертою среди комнаты, съ вытянутыми ногами. Сообразивъ, что лиса издохла, лага вернулся и рассказалъ государю о случившемся. Государю страннымъ показалось, что вчера еще здоровая лисица ночью уже издохла, и потому онъ пошелъ посмотрѣть на нее. Увидѣвъ, что на полу трупъ лисицы, государь съ отвращеніемъ отвернувшись отъ него и приказалъ выбросить его, пока не провонялъ. Услышавъ это, лисица вскочила на ноги и крикнула:

— „Пастухъ изъ пастуховъ! какъ тебѣ не стыдно такъ относиться къ своему благодѣтелю! Такіе неблагодарные, какъ ты, не достойны никакой милости, и я ошиблась въ тебѣ. Но обожди, —такъ я не оставлю этого!“.

Лисица побѣжала въ свѣтлицу государыни, рассказала ей о происхожденіи ея мужа и посоветовала бросить его и вернуться въ родительскій домъ. Государыня, какъ и всѣ женщины, безъ разсужденія собралась и выѣхала въ путь, къ своимъ родителямъ. Спихватился тогда государь и обращается къ лисицѣ съ мольбою, чтобы она не сердилась. Добрая лисица помирилась съ нимъ и обѣщала вернуть государыню. Лисица пускается за нею, догоняетъ ее, укоряетъ въ легкомысленности и говоритъ, что хотѣла только, испытать ее. Государыня тогда возвращается къ мужу.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого происшествія, лисица, дѣйствительно, издыхаетъ. Государь, изъ боязни, чтобы не повторилась прежняя исторія, беретъ ея охладѣвшій трупъ въ объятія, прижимаетъ къ себѣ, тербитъ за хвостъ, трогаетъ морду и со слезами приговариваетъ разные комплименты лисѣ. Но убѣдившись, что лисица, дѣйствительно, околѣла, царь приказываетъ бросить ее въ какую нибудь яму, на съѣденіе звѣрямъ.

7. Бѣдная Марія.

Долгое время франкстунскій царь былъ бездѣтенъ, но въ послѣдствіи Богъ выслушалъ его мольбамъ и даровалъ дочку; только государыня отъ тяжелыхъ родовъ два года не вставала съ постели, и, наконецъ, преждевременная смерть положила конецъ ея мукамъ. Государь, очень рано овдовѣвши и имѣя единственную малолѣтнюю дочку, счелъ за лучшее вступить во второй бракъ и женился на красавицѣ, которая во всей вселенной не имѣла соперницы.

Проходитъ лѣтъ двѣнадцать счастливой супружеской жизни. Между тѣмъ царевна подрастаетъ и вслѣхъ съ ума сводитъ своею какъ душевною, такъ и тѣлесною красотою. Придворныя служанки государыни, прежде не находив-

шія словъ, чтобы достоточно восхвалить прелести своей повелительницы, теперь стали сравнивать мать и падчерицу и, конечно, отъ ихъ взоровъ не скрылось превосходство распускающагося бутона предъ увядающимъ цвѣткомъ.

Мысли окружающихъ государыню не остались тайной для нея. Отличаясь подозрительнымъ характеромъ, она любила подслушивать чужіе разговоры, и вотъ въ одинъ день пришлось ей подслушать, какъ двое служанокъ ея, въ опочивальнѣ ея, поправляя пуховики, восхваляли молодую царевну. Это крайне опечалило государыню, но она затаила въ сердцѣ свое горе и стала еще зорче слѣдить за другими придворными, чтобы унать и объ ихъ мнѣніи на этотъ счетъ.

Трудно было царицѣ, избалованной судьбою, мириться съ необходимостью жить подъ одною кровлею съ своею счастливою соперницей. Она рѣшилась какъ можно скорѣй погубить свою падчерицу. Съ этого времени потерялось веселье государыни. Движимая черными мыслями, государыня искала одиночества и наединѣ обдумывала способы для вѣрной гибели невинной царевны. И горе тому, кто въ такія минуты нечаянно являлся въ убѣжище государыни: на виновнаго лились потоки брани и упрековъ.

Невыносимо стало государю жить подъ одною кровлею со сварливою супругой, и онъ рѣшилъ нѣкоторое время провести въ путешествіяхъ по государству. Это и нужно было злой мачехѣ. Спустя недѣли двѣ послѣ выѣзда государя, она призываетъ къ себѣ двухъ преданнѣйшихъ ей министровъ и приказываетъ имъ отвезти ненавистную Марію за черту государства и тамъ убить. Министры берутъ дѣвицу къ себѣ на домъ, но боятся запятнать свою совѣсть пролитіемъ невинной крови и совершеніе этого гнуснаго дѣла возлагаютъ на своихъ пастуховъ. Пастухи вмѣстѣ съ своею жертвой удаляются на границу ихъ царства и для совершенія убійства углубляются въ не-

далеко отстоявшій оттуда дремучій лѣсъ, чтобы кто-нибудь не видалъ преступленія.

Въ лѣсу, узнавши, что ее хотятъ зарѣзать, царевна стала умолять пастуховъ, чтобы они ее не убивали, а оставили на произволъ судьбы. Пастухи на это отвѣчаютъ, что, въ доказательство исполненія возложеннаго на нихъ порученія, имъ приказано представить какую-нибудь изъ частей ея тѣла. Тогда Марія говоритъ:

— „Зачѣмъ вамъ отвѣчать предъ Богомъ за мою жизнь?! лучше отрубите мнѣ руки и возьмите съ собою, а я вѣдь безъ рукъ не могу доставать себѣ пищу и или отъ голоду умру здѣсь, или хищные звѣри меня растерзаютъ“.

Пастухи согласились на предложеніе царевны: отрѣзали ей кисти рукъ и съ ними возвратились къ своимъ повелителямъ.

Оказалось, что недалеко отъ мѣста описаннаго происшествія жилъ одинъ ханъ, а у него—единственный сынъ. Этотъ юноша составлялъ утѣшеніе и счастье своихъ родителей. Его воинскими доблестями, красотою и умомъ восхищались всѣ сосѣдніе государи и одинъ передъ другимъ сватали за него своихъ дочерей. Но ни одна изъ сосѣдокъ не могла заронить искру любви въ сердце молодого человѣка: на неоднократныя предложенія отца жениться онъ каждый разъ подъ разными предлогами просилъ отложить бракъ до другого времени.

Спустя три дня послѣ описаннаго происшествія, молодой ханъ съ своими придворными выѣхалъ на охоту; но въ этотъ день во всемъ лѣсу не было дичи, и охотники незамѣтно для самихъ себя углубились въ чащу лѣса, и тутъ только ханъ замѣтилъ одного зайца и пустился въ погоню за нимъ. Гонясь за дичью, ханъ услышалъ въ чащѣ лѣса человѣческій стоиъ и направилъ лошадь свою въ ту сторону. Скоро онъ увидѣлъ дѣвицу неописуемой красоты, съ отру-

бленными руками; лицо ея выражало тихую грусть, и эта грусть придавала ей еще большую прелесть; она тихо стонала отъ боли.

Молодой ханъ долго любовался несчастной красавицей и невольно воскликнулъ:

— „Чи безжалостныя руки поднялись на такое злодѣяніе?“

Тѣмъ временемъ придворные успѣли догнать молодого принца. Онъ приказалъ имъ бережно свезти дѣвушку въ родительскій домъ, а самъ съади ѣхалъ за ними.

Отецъ, до вечера не дождавшись сына, сталъ беспокоиться и отъ нетерпѣнія вышелъ къ воротамъ. Пріѣздъ придворныхъ безъ сына съ изувѣченной дѣвицей еще болѣе усилилъ его беспокойство, и онъ спрашивалъ пріѣзжихъ о случившемся. Къ этому времени подоспѣлъ и сынъ, сдѣлавъ отцу низкій поклонъ и рассказалъ, какъ онъ погнался за зайцемъ и нашелъ дѣвицу, и слова свои закончилъ тѣмъ, что назвалъ эту дѣвицу—своею „рузг'ой“ (доля), и объявилъ, что онъ долженъ жениться на ней. Отцу непріятны стали рѣчи сына, и онъ на отрѣзъ отказалъ ему въ его просьбѣ.

Придворные стали уговаривать молодого князя, чтобы онъ оставилъ мысль о женитьбѣ на неизвѣстной дѣвушкѣ, такъ какъ, быть можетъ, она происходитъ не отъ благородныхъ родителей. Сынъ настаивалъ на своемъ и мѣсяца черезъ три достигъ своего; отецъ призналъ найденную дѣвицу невѣстой своего сына и, какъ слѣдуетъ приготовившись къ свадьбѣ, семь дней и семь ночей угощалъ своихъ подданныхъ, и въ его резиденціи въ эти дни вино лилось рѣкой, а отъ музыки и пѣсенъ нельзя было заниматься торговлей.

Прошло года полтора, и царь вернулся изъ своего путешествія. Жена донесла ему, что послѣ выѣзда его, Марія въ одно утро вышла на прогулку, и съ тѣхъ поръ ни слуху, ни духу о ней, и всѣ поиски за нею остаются напрасными.

Сильно опечалило государя извѣстіе объ исчезновеніи его единственной дочери, и онъ рѣшилъ какъ-нибудь отыскать ее. Онъ послалъ по всѣмъ селеніямъ своего царства гонцовъ спрашивать жителей, не водворилась ли у нихъ на житье неизвѣстная дѣвица, и, если окажется таковая, взять её къ государю.

Богъ вѣдаетъ, какъ долго ходили царевы гонцы, только обошли они всѣ деревни, горы и долины государства, но вернулись ни съ чѣмъ. Убѣдившись, что не въ его земляхъ скрывается дочь, государь рѣшился прибѣгнуть къ послѣднему и сильному средству; послалъ гонцовъ во всѣ царства міра и объявилъ, что франкстунскій царь состарѣлся и, такъ какъ не имѣетъ наслѣдника, ни мужскаго, ни женскаго пола, то обѣщаетъ отдать царство тому, кто на лошади, съ одного разгона, перескочитъ девяносто-шесть ступеней лѣстницы, ведущей во дворецъ, со стола схватитъ царскій перстень и вернется назадъ.

Одному изъ гонцовъ посчастливилось прибыть во владѣнія нашего хана, и молодому принцу, сыну его, захотѣлось показать свѣту свою удачу; онъ, съ благословенія своихъ родителей, поѣхалъ попытать счастья.

Въ назначенный день предъ царскимъ дворцомъ собрано было несмѣтное полчище изъ храбрѣйшихъ юношей всѣхъ государствъ, которые желали попытать своей удачи; каждый изъ нихъ вполнѣ полагался на свои силы и ловкость и заранѣе считалъ себя будущимъ владыкою Франкстунна; но вотъ царь съ царицей въ золотыхъ колесницахъ, сопровождаемые разодѣтыми богатырями на чудныхъ коняхъ, поѣхали въ церковь, а оттуда на мѣсто, назначенное для состязаній. Не успѣли открыться желѣзные ворота крѣпости, какъ глаза юношей ослѣпили вызолоченныя ступени лѣстницы, а наверху ярче солнца горѣлъ царскій перстень.

По знаку царя началось состязаніе. Но, увы, нелегко

было совершить назначенный подвигъ: всѣ съ половины дороги катились вмѣстѣ со своими лошадьми мертвыми! Такъ въ этотъ день погибло девятьсотъ-девяносто-девять лихихъ наѣздниковъ, а остальные отказались отъ состязанія и присоединились къ зрителямъ. Въ это время одинъ изъ наѣздниковъ со всего разгона вскочилъ на лѣстницу, достигъ возвышеннаго мѣста, схватилъ кольцо и живо вернулся назадъ, слѣвъ съ лошади и поднесъ кольцо государю. Народъ удивился удали молодого героя, и вездѣ говорили о немъ и не только ему самому, но даже и предкамъ его, которыхъ никто на самомъ дѣлѣ не зналъ, приписывали небывалые подвиги.

Между тѣмъ въ то время, когда молодой князь пріѣхалъ сюда, его жена въ отсутствіе его разрѣшилась двумя близнецами-мальчиками, и объ этомъ увѣдомили счастливаго отца, а тотъ передалъ вновь-познакомившимся съ нимъ хозяевамъ, у которыхъ остановился онъ; при этомъ онъ рассказалъ имъ и печальную исторію жены. Едва услышала государыня о безрукой княжнѣ, сейчасъ же смекнула, кто она такая, и въ своемъ умѣ составила новый планъ, чтобы погубить ее: она приказала призвать къ себѣ будущаго наследника престола, нашла его до потери сознанія, достала изъ кармана его печать и съ гонцомъ послала письмо отъ имени князя къ его отцу; въ этомъ письмѣ князь увѣдомлялъ отца о своей побѣдѣ и о томъ, что онъ узналъ здѣсь, будто его жена—дочь презрѣннѣйшей публичной женщины, а потому просилъ отца до его возвращенія уничтожить какъ ее самоѣ, такъ и ея дѣтей. Старикъ пришелъ въ ужасъ отъ письма сына и съ горя три дня не выходилъ изъ комнаты, на четвертый день съ письмомъ въ рукахъ онъ отправился къ невѣсткѣ и прочиталъ ей, что пишетъ сынъ. Опечалилась несчастная родильница, заплакала она горькими слезами и стала просить свекра не убивать ее съ дѣтьми, а обратно удалить туда, гдѣ ее нашли. Старикъ послушался невѣстки. Несчастливая женщина съ

двумя грудными дѣтьми, безъ рукъ, очутилась среди лѣса; не желая умереть отъ голоду, она пошла отыскивать какое-нибудь жилище, гдѣ могла бы найти себѣ кровь и пищу. Къ вечеру она дошла до убогой хаты, гдѣ жилъ одинъ отшельникъ. Аскетъ, увидѣвши женщину съ грудными дѣтьми, оставилъ ей свое жилище, а самъ удалился еще дальше въ лѣсъ. Бѣдная Марія, нашедши пріютъ, кое-какъ уложила спать голодныхъ дѣтей, а сама склонилась надъ ними и всю ночь молилась и рыдала. Къ разсвѣту напалъ на нее сонъ, и она увидѣла Божию мать, которая, прикоснувшись къ ней, исцѣлила ея руки. Проснувшись на утро, Марія, къ своему великому удивленію, увидѣла, что руки ея цѣлы, и только на томъ мѣстѣ, гдѣ перерубили ей руки, остался слѣдъ въ видѣ красной линіи. Съ этого дня Марія стала находить въ лѣсу себѣ пищу и кормить своихъ дѣтей.

Между тѣмъ франкстунскій царь, согласно обѣщанію своему, сдѣлалъ нашего князя своимъ наследникомъ и отпустилъ его на короткій срокъ за семействомъ. Каково же было удивленіе князя, когда онъ не нашелъ дома любимой супруги, а отецъ объявилъ ему о полученіи отъ него письма и о своихъ распоряженіяхъ! Сынъ не слѣзъ съ коня и со своими спутниками немедленно направился въ лѣсъ искать жену и дѣтей.

Въ чащѣ лѣса онъ замѣтилъ надъ своею головою тихо-порхающаго голубя и поѣхалъ по его указанію. Къ разсвѣту голубь остановился надъ крышею убогой хижины, гдѣ жила изгнанная княжна. Князь и его свита вошли внутрь дома. Тамъ они нашли княгиню съ исцѣленными руками и дѣтей и, благословляя Провидѣніе, повезли ее домой.

На слѣдующее утро княжна рассказала мужу о своемъ царскомъ происхожденіи и о злой мачехѣ, которая была виновницей ея несчастій. Тутъ молодому князю объяснилось

все: онъ понялъ секретъ полученія его отцомъ письма. Тогда молодой князь съ женою вернулся къ своему тестю и разсказалъ ему о страданіяхъ его дочери и о милости Божіей къ ней.

Государь возненавидѣлъ тогда свою злую жену и приказалъ привязать ее за косу къ хвосту коня, семь лѣтъ не видѣвшаго дневного свѣта, и пустить его на волю, а на радости, по случаю возвращенія потерянной дочери, задалъ пиръ-горой; царство свое онъ уступилъ зятю и въ благодарность Богу за его милость построилъ великолѣпный храмъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Марія получила исцѣленіе.

Записалъ смотритель Баяндурскаго двухкласснаго земскаго училища *Гр. Буяатовъ*.

8. Купленный сонъ *).

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ одинъ бѣднякъ. Онъ ежедневно рубилъ въ ближнемъ лѣсу хворостъ, носилъ его въ городъ для продажи и на вырученныя деньги кормилъ свою семью, и всегда былъ доволенъ своей судьбой. Послѣ многихъ лѣтъ такой жизни, какъ-то въ одну ночь ему приснилось, что на его головѣ—солнце, на ногахъ—луна, а на груди—двѣ звѣзды. Онъ моментально проснулся и потомъ долго не могъ заснуть, все думалъ и не могъ себѣ объяснить, что означаетъ этотъ сонъ.

Сначала онъ боялся чего-то, но потомъ постепенно ободрился, въ ожиданіи чего-то счастливаго, радостнаго. Съ разсвѣтомъ онъ поднялся на ноги, разсказалъ объ этомъ женѣ, добавивъ: возьми хоть твой кушакъ (у нихъ и лишней

*) Записанъ 15 января 1896 г. въ м. Геокчай со словъ жителя сел. Сагянъ, Шемахинскаго уѣзда, Саркиса Осипова Калашева.

веревки не было), пойдѣмъ вмѣстѣ, 2—3 дня помоги мнѣ на-
таскать побольше хвороста,—продадимъ его на базарѣ и на
вырученныя деньги купимъ съѣстныхъ припасовъ, и тогда я
спокойно отправлюсь искать исполненія своего сна. Жена
послушалась: въ теченіе недѣли они вдвоемъ достави-
ли изъ лѣсу и продали на базарѣ столько хворосту, что мо-
гли купить муки, кутумъ *) и другихъ съѣстныхъ припасовъ
на двѣ недѣли. Оставивъ все это дома, бѣднякъ простился
съ женою и дѣтьми и пустился въ путь, самъ не зная куда.

Долго ли шелъ онъ или коротко, насъ тамъ не было, и
потому не можемъ опредѣлить этого; наконецъ встрѣтилъ онъ
пастуха, пасшаго большое стадо овецъ. Послѣ обычнаго при-
вѣтствія, пастухъ сказалъ ему:

— „Готовъ тебѣ, незнакомый братъ, помочь, въ чемъ
только могу; если у тебя есть аппетитъ, то скажи откровен-
но, и я надою тебѣ овечьяго или козьяго молока,—кушай и
затѣмъ продолжай свой путь“.

Бѣднякъ былъ очень голоденъ и потому съ особеннымъ
удовольствіемъ принялъ это предложеніе. Пастухъ накрошилъ
цѣлый лотокъ хлѣба, выдоилъ козу и предложилъ гостю
покушать хлѣба съ молокомъ. Онъ съ аппетитомъ съѣлъ все,
поблагодарилъ пастуха и хотѣлъ пуститься въ путь. Тогда
пастухъ спросилъ его, кто онъ, куда и зачѣмъ идетъ.
Бѣднякъ рассказалъ ему свой сонъ и сказалъ, что идетъ
разыскивать исполненія его. Услыхавъ это, пастухъ просилъ
уступить ему право на этотъ сонъ. Бѣднякъ не согласился.
Пастухъ предложилъ за него сперва десять овецъ, потомъ
постепенно прибавлялъ по нѣскольку десятковъ овецъ и,
наконецъ, давалъ все стадо,—всѣхъ 1000 овецъ и козъ,
ишака, собакъ, таганъ и саджъ *), взялъ право его на сонъ

*) Кутумъ—сушеная рыба, жерехъ.

*) Жегъзная сковорода, на которой кочевники пекутъ хлѣбъ.

и пустился въ путь, куда глаза глядятъ. А бѣднякъ, сдѣлавшись хозяиномъ цѣлаго стада и будучи весьма доволенъ своей судьбой, поблагодарилъ Создателя за посланное счастье и богатство, пригналъ стадо къ себѣ и сталъ жить въ свое удовольствіе.

Пастухъ, приобрѣтши право на сонъ, пошелъ, самъ не зная куда. Долго ли шелъ или коротко, наконецъ, однажды вечеромъ, въ сумерки, дошелъ до какого-то города, окруженнаго стѣною. Крѣпость эта имѣла единственные ворота, которые оказались на запорѣ. Пастухъ долго вертѣлся вокругъ стѣны ея и не зналъ, что дѣлать и какъ войти туда; наконецъ подумалъ про себя: „вѣдь я всегда жилъ на открытомъ воздухѣ, такъ и эту ночь проведу внѣ городскихъ стѣнъ, у воротъ, а завтра посмотримъ, что пошлетъ Богъ“. Какъ подумалъ, такъ и сдѣлалъ: легъ отдохнуть на зеленой травѣ. Много ли спалъ или мало, вдругъ среди ночи проснулся отъ топота лошадиныхъ копытъ и видитъ, что пріѣхалъ и около воротъ, не подалеку отъ него, остановился какой-то молодой красавчикъ, который велъ за собою и другую осѣдланную лошадь; онъ слѣзъ съ коня, лошадей пустилъ пастись, а самъ легъ и задремалъ на травѣ. Лошади разошлись въ разныя стороны, удаляясь постепенно все дальше и дальше. Видя это, пастухъ подумалъ про себя: „лошади уйдутъ, а хозяинъ утромъ можетъ потребовать ихъ отъ меня, такъ какъ здѣсь, кромѣ насъ двоихъ, никого нѣтъ“. Поэтому онъ поймалъ ихъ и пасъ около себя. Вскорѣ послѣ этого, когда молодой челоувѣкъ все еще сладко продолжалъ спать, на городской стѣнѣ показалась какая-то молоденькая женщина; она обратилась къ пастуху и сказала:

— „Возьми эту переметную суму и привяжи на крупъ лошади“.

Пастухъ исполнилъ это. Потомъ она сказала:

— „Подойди ближе къ стѣнѣ и помоги мнѣ слѣзть внизъ“.

Пастухъ исполнилъ и это. Когда она, съ помощью пастуха, слѣзла, сейчасъ же сѣла на лошадь и велѣла пастуху немедленно сѣсть на другую лошадь и скакать за нею, сколько есть мочи. Всю ночь безостановочно ѣхали они молча; на зарѣ она обращается къ пастуху:

— „Двоюродный братъ, однако намъ такъ ловко удался побѣгъ; вся опасность минула, и теперь уже можемъ ѣхать не торопясь“.

Пастухъ отвѣтилъ:

— „Барышня, двоюродный братъ твой остался тамъ спать, а я простой пастухъ; извини, что я не догадался вовремя о томъ, что ты принимала меня за другого“.

А та отвѣчаетъ ему:

— „Когда ты оказался мужественнѣе моего двоюроднаго брата, такъ пусть онъ и отдыхаетъ себѣ, сколько ему угодно, а ты будь моимъ супругомъ, если желаешь. Отъ предопредѣленнаго никто не можетъ уйти“.

Оказалось, что она была дочь тамошняго царя и, противъ желанія отца, хотѣла выйти за своего двоюроднаго брата, который, предварительно сговорившись съ нею, явился за ней, но проспалъ, такъ что царица досталась пастуху.

Много ли ѣхали царица и пастухъ или мало, наконецъ очутились въ другомъ царствѣ, въ столицѣ его. До сихъ поръ пастухъ ѣхалъ въ своихъ лохмотьяхъ, но здѣсь царица потребовала маклера, которому приказала доставить для Теймуръ-шаха (такъ она стала называть пастуха), такой костюмъ, который годился бы для шахъ-заде *). Маклеръ доставилъ желанный костюмъ; онъ пришелся въ пору и былъ по вкусу царицы; она уплатила маклеру стоимость, а пастуху пожелала носить его на здоровье; при этомъ сказала ему:

— „Отнынѣ ты будешь называться Теймуръ-шахомъ, и

*) Шахъ-заде—сынъ шаха, наследникъ.

такъ, забудь свое пастушество и веди себя, какъ подобаетъ шаху и шахъ-заде“.

На другой день царица положила на поднось кучу драгоценныхъ камней и поручила Теймуръ-шаху отнести къ мѣстному царю въ подарокъ, прибавивъ, что, когда царь приметъ подношеніе и предложитъ садиться, онъ долженъ постараться сѣсть съ правой стороны его и отнюдь не сидѣть съ лѣвой, чтобы могли видѣть, что Теймуръ-шахъ на самомъ дѣлѣ есть царевичъ, царской крови. Царь съ особеннымъ удовольствіемъ принялъ подарки и самого Теймуръ-шаха, и предложилъ ему садиться. Теймуръ-шахъ усѣлся съ правой стороны царя, какъ научила царица. Когда же царь спросилъ, кто онъ, откуда и какимъ образомъ очутился въ его владѣніяхъ, Теймуръ-шахъ отвѣтилъ:

— „Я сынъ *такого-то* царя. Будучи недоволенъ отцомъ, я ушелъ отъ него и явился къ тебѣ въ полной увѣренности, что ты меня примешь и позволишь жить гдѣ-нибудь въ твоёмъ царствѣ. Такъ будь милосердъ, приюти меня въ твоёмъ обширномъ государствѣ и укажи мнѣ мѣсто, чтобы я могъ построить себѣ домъ“.

Царь съ великимъ удовольствіемъ отвелъ ему наилучшій участокъ земли въ своей столицѣ, и Теймуръ-шахъ немедленно приступилъ къ постройкѣ. На этомъ участкѣ въ самое короткое время онъ возвелъ такое зданіе, какого не было ни у кого изъ царей сего міра: всякій, проходившій мимо него, и старъ, и младъ, и богачъ, и бѣднякъ не могли не остановиться передъ нимъ и цѣлыми часами любовались его красотою.

Со дня знакомства съ Теймуръ-шахомъ царь часто, почти ежедневно, приглашалъ его въ себѣ въ гости, и однажды во время угощенія объявилъ ему:

— „Какъ видишь, у меня нѣтъ сына, который могъ бы

послѣ моей смерти цаствовать; такъ будь ты моимъ сыномъ, а я буду твоимъ отцомъ“.

Это предложеніе царя Теймуръ-шахъ принялъ съ благодарностью. Однажды жена сказала Теймуръ-шаху:

— „Ты почти каждый день бываешь у царя,—хоть разъ и ты пригласи его къ себѣ: пусть онъ увидитъ твой домъ, обстановку, житье-бытье и узнаетъ, что и ты умѣешь угощать и жить по-царски. Пригласи, но только забудь свое пастушество,—на нѣсколько шаговъ иди впереди гостя и предупреди меня, а не то царь увидитъ меня, соблазнится моею красотою и, желая завладѣть мною, заставитъ убить тебя“.

Теймуръ-шахъ обѣщалъ, но не исполнилъ этого: онъ пригласилъ царя и всѣхъ его сановниковъ. Они всѣ вмѣстѣ отправились къ нему; увлекшись бесѣдой, Теймуръ-шахъ забылъ предупредить жену о приходѣ дорогого гостя. При появленіи гостей жена Теймуръ-шаха гуляла на балконѣ. Какъ только царь увидѣлъ ее, соблазнился ея красотою и съ того момента все время сталъ думать о томъ, какъ завладѣть ею. Подали обѣдъ, всѣ везири и Теймуръ-шахъ ѣли, пили, веселились; только царь не ѣлъ, не пилъ, не входилъ въ бесѣду съ ними, все думая о томъ, какъ завладѣть женою Теймуръ-шаха. Послѣ обѣда гости разошлись веселые, всѣмъ довольные, только царь ушелъ не солоно хлебавши. Придя домой онъ заболѣлъ очень сильно, созвалъ везирей и сталъ совѣтоваться, какъ погубить Теймуръ-шаха, чтобы завладѣть его женою. Судили-рядили и наконецъ рѣшили послать его въ такое мѣсто, откуда бы онъ не могъ вернуться. Царь потребовалъ Теймуръ-шаха и сказалъ ему:

— „Въ такомъ-то морѣ есть разношерстная кобылица; ступай, надой и доставь мнѣ молока отъ нея, чтобы я напился и выздоровѣлъ“.

Жена Теймуръ-шаха предчувствовала, зачѣмъ царь зоветъ мужа, и какія послѣдствія ожидаютъ его; поэтому,

посылая его къ царю, сказала, чтобы онъ, какое порученіе ни давалъ бы ему царь, просить сорокъ дней сроку. Теймуръ-шахъ такъ и сдѣлалъ: когда царь объявилъ ему свое желаніе, онъ попросилъ сорокъ дней сроку; царь согласился, подумавъ про себя, что и въ восемьдесятъ дней онъ не можетъ достать молока морской кобылицы.

Теймуръ-шахъ вернулся домой. Тридцать-девять дней съ женою ѣли, пили, веселились, а на тридцать-девятый день вечеромъ жена говоритъ ему:

— „Ступай, вырой на берегу моря двѣ ямы, одну изъ нихъ наполни виномъ, а въ другой спрячься самъ, но такъ, чтобы кобылица, когда явится туда, ни конемъ образомъ не могла видѣть тебя, а не то, затопчетъ и убьетъ тебя. Когда исполнишь это, держи наготовѣ узду и слѣди: прилетитъ туда кобылица, напьется вина, опьянѣетъ, повалится, и, когда начнетъ отрезвляться и приходитъ въ себя, немедленно надѣнь ей на голову узду, садись и гони домой“.

Теймуръ-шахъ немедленно отправился къ морю, вырылъ ямы, одну наполнилъ виномъ, а въ другой спрятался самъ и ждетъ кобылицу. Вотъ прилетаетъ кобылица: увидѣвъ вино, напилась до того, что повалилась, какъ мертвая. Теймуръ-шахъ тогда надѣлъ ей на голову узду и ждетъ отрезвленія. Какъ только кобылица начала отрезвляться, онъ сѣлъ на нее и поскакалъ къ себѣ домой. Въ ту же ночь къ разсвѣту онъ прибылъ домой, привязалъ кобылицу и самъ заснулъ. На сороковой день утромъ подоилъ кобылицу и молоко взялъ къ царю и отдалъ, говоря:

— „Вотъ вамъ молоко ранношерстной морской кобылицы, которую я пригналъ къ себѣ домой“.

Царь изумился, для виду поблагодарилъ Теймуръ-шаха и отпустилъ его, а потомъ позвалъ къ себѣ везирей и сказалъ имъ:

— „Я послалъ Теймуръ-шаха въ такое мѣсто, откуда

онъ не долженъ былъ вернуться, но онъ благополучно исполнилъ мое порученіе. Какъ же теперь погубить его*?

Безири судили-рядили и наконецъ рѣшили послать его за райскимъ яблокомъ. Совѣтъ ихъ понравился царю, — онъ притворился опять больнымъ, позвалъ къ себѣ Теймуръ-шаха и сказалъ ему:

— „Я опять захворалъ, ты долженъ достать мнѣ райское яблоко, — я съѣмъ его и выздоровѣю“.

Теймуръ-шахъ обѣщалъ исполнить желаніе царя и только попросилъ сорокъ дней сроку. Вернувшись домой, цѣлыхъ тридцать-семь дней ѣлъ, пилъ и веселился съ женою, а на тридцать-восьмой день утромъ жена говоритъ Теймуръ-шаху:

— „Сядишь на разношерстную морскую кобылицу, — она знаетъ, куда повести тебя; гдѣ она остановится, слѣзешь съ нея, привяжешь гдѣ нибудь и самъ спрячешься; послѣ обѣда туда придутъ купаться въ трехъ отдѣльныхъ бассейнахъ три сестры, дѣвицы; когда онѣ раздѣнутся и войдутъ въ бассейнъ, подкрадись и унеси одежду одной изъ нихъ. Когда это исполнишь, хозяйка одежды, оставаясь нагой, не уйдетъ и станетъ просить у тебя одежду; ты не давай ей одежды, пока она не согласится выйти за тебя замужъ; тогда ты одѣнь её и привези сюда“.

Теймуръ-шахъ распростился съ женою, сѣлъ на кобылицу и поѣхалъ. Тамъ, гдѣ остановилась кобылица, слѣзъ съ нея, привязалъ её, спрятался и сталъ караулить прихода трехъ сестеръ. Послѣ обѣда онѣ явились, вошли въ бассейновъ раздѣлись, одежду оставили тутъ, а сами начали купаться. Теймуръ-шахъ подкрался и утащилъ одежду младшей сестры, такъ, что никто изъ нихъ не могъ замѣтить его. Выкупавшись, сестры вышли одѣться: двое одѣлись, а третья, младшая сестра, не нашла своей одежды и, оставшись одна, опять вошла въ бассейнъ. Тогда показался Теймуръ-шахъ съ одеждою въ рукахъ: сколько ни просила она, онъ

не давалъ ей одежды и отдалъ лишь тогда, когда она обѣщала быть его женою и исполнить все, что только онъ потребуеть. Когда она одѣлась, взяла переметную сумку, скрылась изъ виду и скоро вернулась съ полной сумкой райскихъ яблокъ. Теймуръ-шахъ обрадовался этому; сумку онъ привязалъ къ сѣдлу, посадилъ дѣвицу на крупъ лошади, за собою, и ускакалъ домой. Первая жена съ радостью приняла ихъ и хорошо угостила вторую жену. На другой день утромъ Теймуръ-шахъ отнесъ къ царю цѣлый поднось райскихъ яблокъ. На вопросъ царя, откуда онъ досталъ ихъ, Теймуръ-шахъ отвѣтилъ, что онъ досталъ не только эти яблоки, но еще и новую красавицу, дочь римскаго царя. Царь, услышавъ это, для виду похвалилъ его мужество и поблагодарилъ его, но въ душѣ сильно разгнѣвался, что не могъ погубить его, и снова созвалъ везирей на совѣтъ о томъ, какимъ бы образомъ погубить его. Везири судили-рядили и наконецъ рѣшили такъ: царь столько болѣетъ потому, что не знаетъ какъ на томъ свѣтѣ живется его родителямъ; пусть Теймуръ-шахъ сходитъ навѣдаться и сообщить царю, какъ живется тамъ его родителямъ. Царь одобрилъ этотъ совѣтъ везирей и позвалъ Теймуръ-шаха къ себѣ. Вторая жена его, дочь римскаго царя, предугадавъ, зачѣмъ зоветъ мужа царь, провожая его къ царю, поручила просить сорокъ дней сроку. Теймуръ-шахъ явился къ царю; тотъ объявилъ ему о своемъ желаніи и, по просьбѣ Теймуръ-шаха, далъ сорокъ дней срока. Все это время Теймуръ-шахъ съ женами ѣли, пили, веселились, а на сороковой день утромъ, вторая жена говоритъ мужу:

— „Ступай къ царю и попроси сдѣлать костеръ изъ двадцати аровъ дровъ, вылить на нихъ бочку нефти, зажечь и, когда будетъ сильное пламя, бросить тебя въ огонь. Тогда я съ своими сестрами вынесемъ тебя изъ огня и, когда весь костеръ сгоритъ, золу похоронимъ, а ты придеши къ царю

и скажешь, что родители его живутъ тамъ очень хорошо, скучаютъ о немъ и просятъ его посѣтить ихъ“.

Требованіе Теймуръ-шаха, по приказанію царя, было исполнено. Какъ только сгорѣлъ весь костеръ, волю похоронили, а потомъ, спустя нѣкоторое время, явился Теймуръ-шахъ и передалъ царю, что на томъ свѣтѣ родителямъ его живется очень хорошо, только они тужатъ о немъ и просятъ повидаться съ ними. Царь обрадовался, приказалъ сдѣлать костеръ, въ которомъ было бы дровъ и нефти въ пять разъ больше прежняго, и, когда костеръ хорошенько воспламенился, по приказанію царя, сбросили въ него сперва его самого, а потомъ всѣхъ его везирей, составлявшихъ его свиту. Такимъ образомъ и царь и его сановники сразу погибли въ огнѣ, и Теймуръ-шахъ, какъ наследникъ престола, сдѣлался царемъ, и былъ государемъ очень милосерднымъ и справедливымъ, такъ что всѣ подданные, видя его хорошее управленіе государствомъ, всегда возносили молитвы о долгоденствіи его. Такъ счастливо Теймуръ-шахъ прожилъ долгое время. Отъ каждой жены онъ имѣлъ по одному сыну. Однажды отчего-то онъ захворалъ, и у постели его собралось все его семейство: старшая жена его сидѣла у изголовья, а младшая— у ногъ, сыновья же играли на груди его. Тогда онъ вспомнилъ сонъ, пріобрѣтенный имъ у бѣдняка за стадо овецъ, и неожиданно разсмѣялся. Видя это, старшая жена спросила, какія пріятныя воспоминанія вызвали его улыбку,— ужъ не вспомнилъ ли онъ свое пастушество. Тогда Теймуръ-шахъ сказалъ, что онъ видитъ, наконецъ, исполненіе сна, который продалъ ему бѣднякъ за стадо овецъ.

Отъ Бога упало три райскихъ яблока: одно рассказчику, другое слушающимъ, а третье проходящему по улицѣ.

9. Качаль-Ахметъ. *)

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жила была старая вѣдьма. Она въ одной рукѣ держала „иманъ“ (вѣру, честь) свой, въ другой — „туманы“ (деньги). У нея былъ единственный сынъ, по имени Качаль-Ахметъ, который ничѣмъ не занимался, такъ что матери приходилось кормить его. Для этого мать цѣлые сутки, и днемъ и ночью, занята была вязаніемъ носковъ. Каждый день она давала сыну относить на базаръ для продажи по парѣ носковъ. Качаль-Ахметъ продавалъ носки, покупалъ для матери немного хлѣба, но такъ мало, что почти всегда она оставалась голодной, а остальную, большую, часть выручаемыхъ денегъ присваивалъ и моталъ съ товарищами, подобными себѣ. Мать, видя, что, оставаясь голодной, она все болѣе и болѣе изнуряется, и что отъ сына ей никакого прока нѣтъ, говорить сыну: „Коли не хочешь работать и кормить меня, давай подѣлимся“. Весь домашній скарбъ раздѣлили они пополамъ. Ахметъ долю свою вынесъ на базаръ и продалъ за семьдесятъ копеекъ. Послѣ этого онъ собралъ сорокъ подобныхъ себѣ дармоѣдовъ; они вооружились камышевыми ружьями, достали лошадей, удалились изъ города недалеко отъ проѣзжей дороги построили домики и жили тутъ, занимаясь разбоемъ: они грабили всякаго проходящаго и проѣзжающаго по той дорогѣ.

У мѣстнаго царя былъ единственный сынъ, который былъ лихимъ охотникомъ и ежедневно ѣздилъ на охоту. Однажды, послѣ долгой охоты, онъ остановился у родника, выпилъ холодной воды и легъ отдохнуть, а лошадь пустил пастись около себя. Во время его сладкаго сна кто-то окропилъ его лицо водой; царевичъ проснулся, оглянулся кругомъ и

*) Записана въ январѣ 1896 г. въ м. Геокчаѣ со словъ Саркиса Осянова Калашева, жителя сел. Сагіанъ, Шемахинскаго уѣзда.

видить, что на высокомъ тополѣ сидитъ одна красавица. Пока царевичъ опомнился, красавица ушла и скрылась изъ виду. На слѣдующій день царевичъ опять, по обыкновенію, отправился на охоту; послѣ охоты остановился у того же источника, легъ отдохнуть, съ надеждою еще разъ увидѣть ту красавицу. Усталость взяла свое: царевичъ заснулъ крѣпкимъ сномъ. Въ это время пришла красавица и, заставъ царевича спящимъ, хлеснула его плетью, отъ чего онъ раскрылъ глаза: тогда она показала ему кусокъ фарфоровой чашки и скрылась изъ виду. Царевичъ поднялся на ноги, посмотрѣлъ по сторонамъ, но никого не могъ увидѣть. Въ раздумѣ онъ вернулся къ себѣ домой. На третій день царевичъ опять пришелъ туда, расположился у родника, ждалъ, ждалъ, утомился и заснулъ. Пришла красавица, заставъ его спящимъ, обрызгала его водою и, когда тотъ открылъ глаза, показала ему кольцо и убѣжала. Царевичъ сталъ гнаться за нею: она—впередъ, онъ—за нею; долго ли гнался царевичъ за красавицей или мало, наконецъ она превратилась въ джейрана и скрылась изъ виду. Царевичу ничего не оставалось, какъ только вернуться домой.

Онъ прибылъ домой и сталъ хворать. День ото дня положеніе его ухудшалось; болѣзнь его тянулась очень долго, и всѣ усилія врачей оказались безуспѣшными. Царь, когда убѣдился, что его врачи не въ состояніи помочь сыну, одного изъ своихъ везирей отправилъ въ сосѣднія государства разыскать наилучшаго врача. Дорогой на везиря напали разбойники, подъ начальствомъ Ахмета, и ограбили его дочиста; узнавъ, кто онъ, куда и за чѣмъ отправляется, атаманъ шайки вызвался вылечить царевича, только требовалъ, чтобы царь въ теченіе сорока дней кормилъ его шайку и на сороковой день обѣщалъ вылечить царевича. Везирь вернулся къ царю, доложилъ обо всемъ ему, и царь исполнилъ желаніе мнимаго врача: тридцать девять дней разбойники

на счетъ царя ѣли, пили, веселились, а на сороковой день пригласили и царевича. Въ этотъ день угощеніе было еще пышнѣе. Качаль-Ахметъ заранѣе поручилъ сподвижникамъ своимъ, чтобы во время веселья они начали плакать, и чтобы, на вопросъ его, каждый изъ нихъ разсказалъ про свое горе; напримѣръ, одинъ сказалъ бы, что вспомнилъ родителей, другой—невѣсту, третій—любовницу, четвертый—родину и т. д. Порученіе атамана было исполнено; во время общаго веселья всѣ стали плакать и на вопросъ Ахмета, каждый разсказалъ, о чемъ горюетъ. Очередь дошла до царевича, но онъ на всѣ настоянія атамана шайки отвѣчалъ, что у него никакого горя нѣтъ, кромѣ его болѣзни. Видя упорство царевича, атаманъ приказалъ своей шайкѣ разрушить домъ, чтобы оставить подъ его развалинами царевича. Послѣдній видя, что дѣло его плохо, разсказалъ, какъ онъ влюбился въ незнакомую красавицу, подробно описавъ свои встрѣчи съ нею. Ахмету этого только и нужно было; онъ зналъ, что красавица та была дочь „Аваранъ-Эйлага“. Онъ взялъ царевича и съ нѣкоторыми своими сподвижниками явился къ царю и объявилъ, что царевичъ будетъ здоровъ, если государь исполнить его требованія. Тогда, по просьбѣ Качаль-Ахмета, царь отпустилъ сорокъ муловъ, сорокъ порожнихъ и 40 полныхъ золотомъ сундуковъ. Ахметъ распустилъ свою шайку, взялъ изъ нея 5—6 болѣе отважныхъ молодцовъ, и съ царевичемъ и съ караваномъ пустился въ путь по направленію къ „Аваранъ-Эйлаги“.

Долго ли пришлось ѣхать имъ, или коротко, это одному Богу извѣстно; наконецъ караванъ прибылъ въ тотъ городъ. Здѣсь Ахметъ нанялъ цѣлый каравансарай и сталъ называться Ахметъ-таджиромъ (купецъ). Онъ въ каравансарай размѣстилъ полные и порожніе сундуки и объявилъ, что сегодня—завтра получить товаръ и отероетъ большую

торговлю, а пока онъ, царевичъ и его спутники, принятые здѣсь за его приказчиковъ, ѣли, пили и веселились. Черезъ нѣсколько дней, оставивъ здѣсь всѣхъ товарищей и царевича, Ахметъ вышелъ прогуляться по городу и собрать нужныя ему свѣдѣнія. Во время прогулки онъ встрѣтилъ одну старуху, познакомился съ нею и просилъ ее къ себѣ; но та сперва отказывалась, а потомъ, когда онъ сунулъ ей въ руку нѣсколько золотыхъ монетъ, пошла къ нему въ каравансарай. Ахметъ-таджиръ просилъ старуху быть ему вмѣсто матери, заказалъ ей приличную одежду и всячески ухаживалъ за ней; потомъ онъ приготовилъ цѣлый подносъ дорогихъ подарковъ для дочери „Аваранъ-Эйлагъ“ и, передавая старухѣ, просилъ отнести къ ней въ подарокъ отъ имени того молодого человѣка, которому она при *такомъ-то* родникѣ брызнула въ лицо водою, и отъ него же просить, чтобы она вышла за него. Дочь „Аваранъ-Эйлагъ“ говорила, что ничего такого и никогда не было, что это вымыселъ, и потому приказала своимъ служанкамъ бить старуху и выгнать изъ дому. Служанки исполнили приказаніе барыни, и старухѣ пришлось получить немало колотушекъ. Она вышла на улицу и съ досады пошла бранить Ахметъ-таджира. Последній опять соблазнилъ старуху золотомъ и еще съ большимъ количествомъ богатыхъ подарковъ послалъ къ дочери „Аваранъ-Эйлагъ“, сказать, что эти подарки прислалъ тотъ, котораго она *тамъ-то* хлеснула кнутомъ и отъ котораго, показавъ кусокъ фарфоровой чашки, убѣжала. Старуха принесла къ ней подарки и съ поклономъ передала ей все, что поручилъ Ахметъ-таджиръ. Дочь „Аваранъ-Эйлагъ“, говоря, что ничего подобнаго не происходило, приказала бить старуху еще ярѣче. Старуха, браня Ахметъ-таджира, какъ виновника своихъ бѣдствій, направилась къ нему. Ахметъ-таджиръ опять соблазнилъ старуху еще большимъ количествомъ золотыхъ монетъ и съ еще большимъ количе-

ствомъ драгоцѣнныхъ подарковъ послалъ въ третій разъ къ дочери „Аваранъ-Эйлагъ“, и самъ также послѣдовалъ за нею. Старуха пришла къ ней и, поднося подарки, сказала:

— „Это тотъ прислалъ, которому ты показала свой перстень въ *такомъ-то* мѣстѣ, и во время преслѣдованія котораго ты превратилась въ джейрана“.

Дочь „Аваранъ-Эйлагъ“ сказала, что старуха вретъ, что ничего подобнаго нимогда не было, приказала избить её и выбросить черезъ стѣну на улицу. Приказаніе ея было исполнено. Поджидавшій её на улицѣ Ахметъ-таджиръ подхватилъ её, положилъ въ экипажъ и привезъ къ себѣ въ каравансарай. Въ эту ночь Ахметъ-таджиръ послалъ къ дочери „Аваранъ-Эйлагъ“, царевича, сказавъ ему:

— „Въ девять часовъ вечера она придетъ отъ родителей къ себѣ на квартиру,—подкупи служанокъ ея, войди въ квартиру ея и можешь побесѣдовать съ нею“.

Въ сумеркахъ царевичъ направился къ дому дочери „Аваранъ-Эйлагъ“; пришелъ онъ въ то время, когда она отсутствовала и была у родителей; онъ подкупилъ служанокъ, вошелъ въ ея комнату, ждалъ долго и, недождавшись ея прихода, задремалъ и уснулъ. Когда пришла хозяйка и застала его спящимъ, положила ему въ карманы по нѣскольку штукъ орѣховъ, а сама пошла спать. Такъ царевичъ проспалъ до утра и, не зная, что она ночью приходила домой, какъ-только проснулся, немедленно побѣжалъ къ себѣ домой и сообщилъ Ахметъ-таджиру, что ждалъ понапрасну, что дочь „Аваранъ-Эйлагъ“ не приходила къ себѣ домой. Когда же по требованію Ахметъ-таджира царевичъ осмотрѣлъ карманы, то нашелъ въ нихъ по нѣскольку штукъ орѣховъ. Присутствіе въ карманахъ царевича орѣховъ Ахметъ-таджиръ объяснилъ такъ:

— „Вѣроятно, когда она пришла, ты спалъ; поэтому она положила тебѣ въ карманы орѣховъ, давая этимъ понять,

что тебѣ еще время играть въ орѣхи, какъ мальчишкѣ, а не жениться“.

На вторую ночь царевичъ опять пошелъ къ ней, но, не дождавшись ея прихода, заснулъ; она пришла, положила ему въ карманы „альчики“ (косточки), давая этимъ ему знать, что ему время не жениться, а играть въ альчики, и пошла къ себѣ спать. Царевичъ проспалъ, ничего не зная; въ утро проснулся и, не солоно хлебавши, вернулся въ себѣ домой.

На третью ночь Ахметъ-таджиръ опять послалъ царевича къ дочери „Аваранъ-Эйлагъ“ и, чтобы онъ не заснулъ, отдалъ ему десять золотыхъ монетъ, говоря:

— „Когда захочешь спать, начинай считать ихъ, — этимъ разгонится твой сонъ, и тебѣ удастся просидѣть до ея прихода; а при встрѣчѣ съ нею, попроси у нея шубу, которую прислалъ ей женихъ, и которая стоила ему семилѣтнихъ доходовъ всего государства, и пока не получишь шубы, не молви ни слова; когда же получишь и поговоришь съ нею, то шубу принеси съ собою домой“.

Царевичъ пришелъ на квартиру дочери „Аваранъ-Эйлагъ“. Ея дома не было. Онъ сталъ ожидать, а когда ему захотѣлось спать, вспомнилъ наставленіе Ахметъ-таджира и началъ считать золотыя монеты; считаетъ, считаетъ, и одной монеты все не хватаетъ. Ахметъ-таджиръ, при выдачѣ царевичу золотыхъ монетъ, одну монету стацилъ не замѣтно для царевича. Такъ онъ считалъ монеты, пока не пришла царевна. Увидѣвъ его, она стала спрашивать его, а тотъ не говорить ни слова. Наконецъ, царевичъ отвѣтилъ, что станеть говорить съ нею тогда, когда она дастъ ему шубу, присланную ея женихомъ. Долго она вѣпилась; наконецъ дала ему просимую шубу. Послѣ того сладко бесѣдовали они до самаго разсвѣту, когда онъ, наконецъ, прѣстился съ нею и пошелъ къ себѣ въ каравансарай, унося съ собою и полученную

шубу. По приходѣ царевича въ каравансарай, Ахметъ-таджиръ съ приказчиками своими немедленно разломалъ всѣ морозніе сундуки, разбросалъ ихъ по разнымъ улицамъ города, а шубу, принесенную царевичемъ, повѣсилъ надъ дверями каравансарая, и распустилъ слухъ, что ночью ограбили его, и что грабители, замѣтивъ пробужденіе его отъ сна, оставили шубу и сами скрылись. Всѣ знали, что шуба та принадлежитъ дочери „Аваранъ-Эйлагі“. Слухъ этотъ разнесся по городу и дошелъ до самого „Аваранъ-Эйлагі“. Онъ разгнѣвался, потребовалъ къ себѣ палачей, которымъ и приказалъ убить свою дочь. Тѣмъ временемъ Ахметъ-таджиръ на дорогѣ, по которой должны были везти её для исполненія надъ ней казни, вырылъ могилу и, сидя въ ней, читалъ коранъ. Когда палачи привезли дочь „Аваранъ-Эйлагі“ къ могилѣ, Ахметъ-таджиръ обратился къ нимъ съ просьбою, напрасно не проливать ея невинной крови, что противно ученію корана, и лучше опустить её живую въ эту могилу на голодную смерть, на базарѣ же купить козла и, зарѣзавъ его, запачкать кровью оружіе и одежду, чтобы обмануть „Аваранъ-Эйлагі“. Говоря это, онъ далъ каждому изъ палачей по горсти золотыхъ монетъ. Подушенные палачи опустили въ могилу дочь „Аваранъ-Эйлагі“, зарѣзали козла и вернулись домой.

Тотчасъ же Ахметъ-таджиръ посадилъ царевича и дочь „Аваранъ-Эйлагі“ въ заранѣе приготовленный экипажъ, навьючилъ на своихъ муловъ заранѣе же приготовленное все имущество свое и, ни мало не медля, пустился въ путь, по направленію къ своей родинѣ, говоря, что болѣе онъ не можетъ жить въ городѣ „Аваранъ-Эйлагі“, тѣмъ болѣе, что здѣсь грабежомъ занимается даже дочь самого царя.

Долго ли ѣхали или коротко, наконецъ они прибыли въ столицу царевича. Прибывъ сюда, Ахметъ явился къ царю и съ низкими поклономъ сказалъ:

— „Вотъ твой сынъ и его возлюбленная, изъ за которой онъ такъ долго хворалъ“.

Царь очень обрадовался возвращенію сына, поблагодарилъ Качаль-Ахмета и его товарищей, простилъ ихъ за прежніе грабежи и щедро вознаградилъ ихъ; затѣмъ онъ сыгралъ свадьбу на весь міръ; весь народъ въ теченіе двухъ недѣль ѣлъ, пилъ и веселился у царя.

Съ неба упало три яблока: одно рассказчику, другое— слушателямъ, а третье — Господу Богу нашему.

10. Крестьянинъ и змѣя.

Крестьянинъ въ полѣ зимою поднялъ околоченную змѣю, принесъ домой, сѣлъ къ очагу погрѣться, а змѣю положилъ возлѣ себя. Пока онъ грѣлся, змѣя также отогрѣлась и, какъ только очнулась, кинулась на шею своего спасителя и хотѣла укусить его. Тогда крестьянинъ обратился къ змѣѣ съ такимъ упрекомъ:

— „Я тебя отогрѣлъ и тѣмъ избавилъ отъ гибели, и неужели только для того, чтобы ты ужалила меня!“.

— „Богъ одарилъ насъ только способностью укушенія“, отвѣтила змѣя, „и мы въ особенности должны жалить людей, потому что такого неблагодарнаго созданія; какъ человѣкъ, другого нѣтъ на свѣтѣ. Да, наконецъ, кто же платитъ за добро добромъ?!..“

Крестьянинъ сталъ просить змѣю:

— „Послушайся меня, не жаль и не суди меня твоимъ судомъ: найдемъ лучше трехъ постороннихъ судей, и пусть они рассудятъ насъ“.

Змѣя согласилась и они пошли. Первымъ встрѣтили пасшагося на лугу стараго, хромого, исхудалаго коня, кото-

рый едва таскалъ ноги, и спросили его, чѣмъ слѣдуетъ платить за добро человѣку.

— „Изъ всѣхъ созданій на свѣтѣ самое неблагодарное—человѣкъ, потому что за добро онъ платитъ зломъ“, сказалъ конь. „Вотъ я вамъ примѣръ: когда я былъ молодъ и силенъ, то и работалъ на человѣка безустали и днемъ и ночью,—возилъ его на себѣ. Сколько разъ я спасалъ его жизнь на войнѣ или при нападеніи разбойниковъ и дѣлалъ для него все, что ему хотѣлось! И вотъ теперь, когда я состарѣлся и сдѣлался неспособенъ къ труду, хозяинъ лишилъ меня своего вниманія: не кормитъ попрежнему, пускаетъ на произволь судьбы и даже хочетъ зарѣзать, чтобы содрать съ меня кожу для продажи“.

— „Слышишь?“ ядовито спросила змѣя.

— „Слышу“, печально отвѣтилъ крестьянинъ.

Выслушавъ этотъ приговоръ, пошли они дальше и встрѣтили стараго буйвола.

— „Чѣмъ слѣдуетъ платить за добро человѣку?“ спросили они

Буйволъ отвѣтилъ такъ:

— „Въ жизни я не видалъ другого такого неблагодарнаго созданія, какъ человѣкъ. Пока я былъ молодъ и силенъ, онъ запрягалъ меня въ телѣгу, въ соху, борону; я молотилъ ему; возилъ на мельницу зерно и дрова изъ лѣсу; словомъ, онъ всячески извлекалъ пользу изъ моей работы. А теперь, когда я ужъ состарѣлся и сдѣлался неспособнымъ къ труду, онъ отказывается кормить меня, бросилъ безъ всякаго пристрастія и хочетъ, наконецъ, зарѣзать, чтобы мясо мое употребить въ пищу, а кожу—на обувь и другія принадлежности домашняго обихода. Слѣдовательно, суда по поступкамъ самихъ людей, за добро слѣдуетъ платить человѣку зломъ“.

— „Слышишь?“ опять спросила змѣя.

— „Слышу“, сказалъ человѣкъ.

Дѣло его принимало худой оборотъ,—оставалось услышать приговоръ только одного судьи. Пошли они дальше и встрѣтили родникъ.

— „Чѣмъ слѣдуетъ платить за добро чѣловѣку?“ спросили они родникъ.

Выслушавъ ихъ споръ, родникъ отвѣтилъ такъ:

— „Самое благодарное созданіе въ мірѣ это—человѣкъ: во время лѣтнаго зноя онъ утоляетъ свою жажду мною; во время засухи сады, огороды и др. посѣвы поливаетъ мною; омовеніе, очищеніе своего тѣла и разные принадлежности домашнихъ производятъ мною, и несмотря на все это, напившись и утоливъ жажду, челоуѣкъ платитъ въ меня! Люди достойны всякаго наказанія за неблагодарность“.

— „Слышишь?“ сказала змѣя.

— „Слышу“, отвѣтилъ крестьянинъ.

Когда всѣ трое судей рѣшили дѣло въ пользу змѣи, послѣдняя съ ироніею и торжествомъ сказала крестьянину:

— „Если хочешь, можешь пригласить еще столько же судей, сколько спросили, и всѣ они, я увѣрена, рѣшатъ въ мою пользу“.

Какъ утопающій хватается и за соломенку, челоуѣкъ схватился за это предложеніе:

— „Если согласна на это, я буду весьма благодаренъ“, сказала крестьянинъ.

Обратились они въ выросшему у родника большому, тѣнистому дереву.

— „Чѣмъ слѣдуетъ платить за добро челоуѣку“.

— „Челоуѣкъ достоинъ наибольшей кары; не довольно ему того, что во время дневной жары, путешествуя, онъ самъ останавливается подъ моими вѣтвями, спитъ укрытый моею тѣнью, я даю прохладу подъ ней и его коню, и все-таки, уѣзжая изъ подъ моей тѣни, онъ безжалостно отрываетъ вѣтку, чтобы погонять свою лошадь“.

— „Слышишь?“ спросила змѣя.

— „Слышу“, отвѣтилъ крестьянинъ.

Совсѣмъ ужъ плохо было его дѣло: онъ хотѣлъ было примириться съ приговоромъ этихъ судей, но, къ его счастью, вдали увидѣлъ лисицу и сказалъ змѣѣ:

— „Сдѣлай мнѣ еще одно одолженіе: пойдемъ къ той лисицѣ, послушаемъ ея приговора“.

Змѣя согласилась, Они цѣнили. Крестьянинъ подавленный мыслью о смерти, шатался, какъ ивовый листъ, и едва добредъ до лисицы. Стоя цовади змѣи, онъ поднялъ руку къ своему горлу и сжалъ его рукою, давая этимъ знакомъ лисицѣ понять, что онъ въ опасности и просить выручить его изъ бѣды.

— „Чѣмъ слѣдуетъ платить за добро человеку?“ спросили они у лисы.

Видя въ такомъ критическомъ положеніи находится человекъ, лиса сказала надъ нимъ и постаралась выручить его изъ бѣды. Съ этою цѣлью она прибѣгла къ слѣдующей хитрости: она стала спрашивать змѣю объ ея жизни и привычкахъ и, когда змѣя сказала, что живетъ въ норахъ и указала подобную нору, лисица выразила сомнѣніе, что она можетъ помѣщаться въ подобной норѣ:

— „Сестричка ты моя, змѣя, не могу понять, какъ ты помѣстишься въ этой дырѣ! Покажи, пожалуйста, какъ ты это дѣлаешь“.

Змѣя влѣзла въ дыру и оттуда высунула вверхъ голову. Тогда лиса сказала:

— „Вотъ видишь, я права была: твоя голова тамъ не помѣщается“.

Змѣя скрыла въ норѣ и голову, а лиса кивнула крестьянину на змѣю, давая понять, что нужно поскорѣе забить дыру. Крестьянинъ закрылъ отверстие ея большимъ камнемъ и тѣмъ избавился отъ неминуемой смерти.

Избавившись отъ неблагодарной змѣи, крестьянинъ хотѣлъ отблагодарить лису и потому пригласилъ ее къ себѣ. Лиса долго отказывалась, говоря:

— „Лучше, добрый человѣкъ, оставь меня въ покоѣ; ничего твоего мнѣ не нужно; люди никогда не помнятъ благодарній и, вмѣсто благодарности, ты причинишь мнѣ горе; отправляйся къ себѣ домой, а я пойду къ себѣ“.

Тогда спасенный ею человѣкъ сталъ просить лису, если ужъ она не хочетъ идти къ нему въ домъ, то хоть дошла бы до его села и подождала у околицы, чтобы онъ могъ принести ей хоть одну жирную курицу.

Соблазнилась лиса,—пошла. Дошли они до селенія. Лиса стала ждать у околицы, а крестьянинъ пошелъ домой за курицей. У него былъ шалушь-синоуъ. Узнавъ, для чего отецъ принялся гонять куръ, тайкомъ отъ отца взялъ подъ полу своего архалука борзую собаку и вышелъ за селеніе. Лиса, издали увидавъ шедшаго къ ней мальчика, думала, что онъ подъ полой несетъ ей для нея обѣщанную крестьяниномъ курицу, обрадовалась и говорить про себя, что этотъ крестьянинъ оказался благороднымъ, хозяиномъ своего слова. Только съ приближеніемъ мальчика лису стали беспокоить сомнѣнія: ей казалось, что у мальчика подъ архалукомъ не курица, а что-то другое, больше курицы; поэтому изъ предосторожности лиса стала убѣгать. Мальчикъ, замѣтивъ это, тотчасъ же пустилъ за нею въ погоню свою борзую собаку, которая скоро догнала ее, поймала и стала безъ церемоніи рвать ей мѣхъ и ломать кости. Въ это время приближалъ крестьянинъ съ обѣщанною курицей въ рукахъ и говорить:

— „Лисичка-сестричка, получай, а тебѣ принесъ курицу“.

Но было уже поздно, лиса была при послѣднемъ издыханіи. Отецъ сталъ бранить сына за то, что онъ осмѣлился

обидѣть его спасительницу, но лисѣ отъ этого было не лучше. Испуская послѣдній вздохъ, лиса превозмогла:

— „Пока лиса докажетъ, что она права, то съ нею сдеруть шкуру“.

11. Лиса.

Проходя дорогой, лиса увидѣла: стоявшаго неподолѣку пѣтуха и думаетъ про себя: „Хорошая закусна... Но какъ полакомиться имъ? Если подойду къ нему,—убѣжить, и я лишусь его; лучше прибѣгну къ хитрости“.

Вотъ, она опустивъ голову и показывая, будто погружена въ думу, продолжаетъ свой путь. Пѣтухъ, увидѣвъ ее, спрашиваетъ:

— „Куда идешь, такъ нахмурившись, лисичка-сестричка?“

— „На богомолье въ Мекку“, скромно отвѣчаетъ лиса.

— „Не возьмешь-ли и меня, сестричка?“ стала упрашивать ее пѣтухъ.

— „Изволь, братъ! мнѣ одной скучно, если и ты пойдешь, такъ вдвоемъ веселѣе будетъ“.

Вотъ пѣтухъ и лисица идутъ по дорогѣ; оладко бесѣдуютъ между собою, и, немного отойдя оттуда, встрѣчаютъ ворону. Увидѣвъ, какъ сладко бесѣдуютъ между собою путники, ворона спрашиваетъ ихъ:

— „Куда вы идете, братецъ Петя и лисичка-сестричка?“

— „Въ Мекку“, отвѣчаютъ они.

— „Не возьмете ли и меня?“ спрашиваетъ ворона.

— „Изволь!“ соглашаются они, „пусть будетъ насъ трое,—будетъ еще веселѣе“.

Къ лисицѣ и пѣтуху присоединилась и ворона, и они продолжали свой путь. Пѣтухъ и ворона весело болтали и были довольны своимъ положеніемъ; только одна лиса не

знала покою: она все думала о томъ, какъ бы воспользоваться ей обоими своими попутчиками. Заразъ обонкъ изловить и ѣсть недѣля было; если бы она взялась за одного изъ нихъ, то другой могъ бы воспользоваться случаемъ и улетѣть. Вотъ она придумала хитрость. Когда подошли они къ норѣ лисей, она обратилась къ своимъ спутникамъ съ такой рѣчью:

— „Мы уже побратались“, говорила она, „но если встрѣтятся съ нами охотникъ съ соколами и ястребами, то поймаетъ васъ, а я тогда уйду; если же охотникъ будетъ съ собаками, то вы избавитесь отъ него, а я буду его жертвою; давайте-ка лучше пойдемъ подземной дорогой, тогда для всѣхъ насъ одинаково безопасно будетъ“.

Пѣтухъ и ворона согласились на ея предложеніе и лиса, указавъ свою нору, предложила товарищамъ войти туда; а сама осталась у входа. Пѣтухъ скоро застралъ и, не найдя далѣе дороги, спрашиваетъ лису:

— „Гдѣ же, сестричѣ, дорога?“

— „Ничего“, отвѣчаетъ лиса, „это такое мѣсто, гдѣ всякій, прежде, чѣмъ отправиться далѣе, долженъ исповѣдываться въ своихъ грѣхахъ. Иди ко мнѣ! я буду за архимандрита, а ты сознайся въ своихъ грѣхахъ!“

— „Но я никогда не грѣшилъ“, возражаетъ пѣтухъ.

— „А если я докажу твои грѣхи, тогда въ правѣ-ли буду, если съѣмъ тебя?“ говоритъ ему лиса.

Пѣтухъ согласился. Лиса начала свою обвинительную рѣчь такъ:

— „Въ полночь, далеко до разсвѣта, ты встаешь и поешь во все горло и тѣмъ будишь бѣдныхъ людей; послѣдніе такъ рано встаютъ по твоей милости и отправляются въ дорогу прежде, нежели солнце обогрѣетъ землю; зимою, во время стужи, такимъ образомъ, замерзаютъ и погибаютъ по твоей винѣ цѣлыя караваны. Развѣ это не грѣхъ твой?“

Вѣдь когда будетъ разсвѣтать, всякій узнаетъ, что наступило утро; зачѣмъ же ты вводишь людей въ заблужденіе?!”

Сказавъ это, лиса принялась ѣсть нѣтуха. Покончивъ съ нимъ, она позвала на судъ и ворону. Последняя думала про себя: „я небажюсь отъ ея наказанія, такъ какъ никакого грѣха не имѣю: ложусь спать рано вечеромъ, а просыпаюсь поздно утромъ, когда солнце всходитъ“, и на вопросъ лисы отвѣтила ворона, что никакого грѣха за собою не чувствуетъ.

— „А если я докажу твои грѣхи, тогда въ правѣ-ли буду съѣсть тебя?“ говоритъ лиса.

Ворона согласилась, и лиса начала свою обвинительную рѣчь:

— „Рабочій волъ бѣднаго крестьянина получаетъ отъ давленія тяжести рану на хребтѣ; крестьянинъ на двѣ-три недѣли пускаетъ его въ поле пастись на свободѣ, чтобы отдохнулъ онъ, и зажили его раны, но ты, видя рану, садишься на спину бѣднаго вола и безжалостно начинаешь клевать ее до того, что она увеличивается и, волъ околѣваетъ отъ нея. Такъ ты убиваешь бѣдное животное, а крестьянина лишаешь возможности обрабатывать поле и кормить свою семью“.

Сказавъ это, она съѣла и ворону и, вполне довольная охотою этого дня, вышла на дорогу. Пройдя немного, вдругъ она замѣтила множество всадниковъ, вознихъ новобрачную въ домъ жениха ея. Такъ какъ нельзя было укрыться, то пришлось ей опять пуститься на хитрости. Она растянулась, притворилась мертвой и лежитъ на дорогѣ. Подъѣхали всадники къ лисичкѣ, а она не ворохнется, лежитъ себѣ, какъ мертвая, и говорятъ они:

— „Какъ счастлива наша новобрачная!—вотъ и мѣхъ для нея судьба послала...“

Подняли лису и, такъ какъ никто не хотѣлъ взять ее,

отговариваясь тѣмъ, что должны „джигитовать“, то привязали ее къ сѣдлу новобрачной, сзади ея. Проѣхавъ немного, лиса замѣтила, что конвой новобрачной занять джигитовой, перегрызла веревку, которою была привязана, поднялась подъ чадрой на спину новобрачной и шепнула ей:

— „Отдай мнѣ золото, что на твоей груди, а не то всѣмъ открою твой грѣхъ!“

Изъ боязни, что лиса осрамить ее, бѣдная исполнила ея желаніе. Лиса, получивъ золото, опять притворилась мертвой. Спустя немного, она замѣтила у новобрачной золотой поясъ и опять шепчетъ ей на ухо:

— „Отдай мнѣ твой поясъ, а не то, открою всѣмъ твой грѣхъ!“

Бѣдная исполнила и это требованіе лисы. Лиса, получивъ и поясъ, опять притворилась мертвой и затѣмъ, проѣхавъ немного, замѣтила, что всадники, джигиты, отѣхали значительно дальше, спрыгнула съ коня и давай бѣжать, сколько было мочи. Отъ звона золотыхъ монетъ на лисѣ всадники оглянулись назадъ, освѣдомились у новобрачной о томъ, что случилось съ нею, и пустились за лисой въ догонку. Но было уже поздно: сколько ни гнали своихъ коней, все безуспѣшно.

Бѣжала, бѣжала лиса и встрѣтила волка. Послѣдній, видя на ней украшенія, спрашиваетъ:

— „Откуда ты это достала, лисичка-сестричка, — не скажешь ли мнѣ?“

— „Отчего нѣтъ?!“ отвѣчаетъ она, „я пошла къ озеру, тамъ ночью опустила хвостъ въ воду и къ утру достала изъ воды все это“.

По просьбѣ волка, лиса повела его на озеро и, указывая на прорубь, говоритъ:

— „Ты, куманекъ, опусти хвостъ сюда: золото само на

хвостъ нацѣпится. Да смотри, сиди подольше, а то не наловишь“.

Дѣло было зимою. Вода стала замерзать, а хвостъ обмерзать въ ней. Ужъ волкъ сидѣлъ, сидѣлъ,—цѣлую ночь просидѣлъ; хвостъ его и приморозило; волкъ попробовалъ было приподняться, но не тутъ-то было. А лиса говорить ему:

— „Еще рано! Ты больше и сильнѣе меня, видно, для тебя идутъ большія украшенія. Чѣмъ больше просидишь, тѣмъ больше и золота достанешь“.

Такъ продержала она волка до утра, а утромъ побѣжала къ ближайшей деревнѣ, показала жителямъ и, когда ее замѣтили, повернула назадъ и стала бѣжать по направленію къ озеру; жители съ собаками стали преслѣдовать ее; на озерѣ преслѣдователи, увидѣвъ волка, позабыли про лису, напали на него и давай колотить, чѣмъ попало: дубинами, вилами, топорами. Бѣдный волкъ прыгаль, прыгаль, изо всей силы рвался; наконецъ оторвалъ себѣ хвостъ и пустился безъ оглядки бѣжать.

Между тѣмъ, за это время лиса далеко убѣжала и нашла кусокъ мяса, хотѣла было съѣсть его, но попала въ капканъ: рванулась лиса туда, сюда, но безуспѣшно. Дѣлать было нечего, прибѣгла къ хитрости и притворилась мертвой. Пришелъ хозяинъ капкана; увидѣвъ лису съ золотыми украшениями, обрадовался, вынулъ изъ капкана, снялъ золотыя украшения, а ее бросилъ подальше, чтобы потомъ содрать мѣхъ на воротникъ женѣ, а самъ принялся заряжать капканъ. Пользуясь этимъ моментомъ, лиса и убѣжала отъ бѣды. Встрѣтилась она потомъ съ знакомымъ ей волкомъ, который злился на нее за ея обманъ, и, чтобы отдѣлаться отъ него, опять пустилась на хитрости и говоритъ:

— „По своей жадности, ты набралъ столько золота, что не могъ и вытащить изъ озера, а потому лишился и хвоста. Не будь этого, ты не перенесъ бы столько мученій.

Конечно, отчасти и я виновата была, не остановила тебя, но не потому, чтобы я зла тебѣ хотѣла. Вотъ и теперь мнѣ хотѣлось бы для тебя добро сдѣлать. Здѣсь неподалѣку лежить кусокъ жирнаго мяса; я „оруджъ“,—пока не покажется луна, мнѣ ѣсть нельзя; ступай съѣшь его, авось когда-нибудь попадетсѣ тебѣ буйволъ или волъ, тогда и ты подѣлишься со мной своею добычей“.

Продолжая разговоръ объ этомъ, она довела волка до капкана. Волкъ, увидѣвъ мясо, соблазнился и, ничего не подозревая, съ алчностью бросился на него и попалъ въ капканъ, а мясо выбросилось вонъ изъ капкана. Волкъ въ капканѣ рветсѣ въ одну сторону, а лиса, слѣдившая за его дѣйствіями, печально говорить ему:

— „Туда и я тянула“.

Потомъ волкъ тянетъ въ другую сторону, а она ему:

— „И сюда я тянула, да ничего не могла сдѣлать“.

Когда же лиса убѣдилась, что волку ужъ не вырваться изъ капкана, принялась ѣсть мясо, отброшенное капканомъ всторону, а волкъ ей и говорить:

— „Не забывай, кума, что ты „оруджъ“, вѣдь тебѣ нельзя ѣсть“.

А лиса, подсмѣиваясь надъ волкомъ, отвѣчаетъ:

— „Звѣзды ужъ показались! теперь можно ѣсть“.

Сожравши мясо, лиса пожелала волку всего лучшаго и сама убѣжала дальше. Пришелъ хозяинъ западни, увидѣлъ волка и убилъ его.

Бѣжить лиса дальше и видить на высокомъ деревѣ голубя съ дѣтенышами и говорить:

— „Какъ ты осмѣлился безъ моего разрѣшенія поселиться здѣсь!? Развѣ не знаешь, что дерево это принадлежитъ мнѣ? За пользованіе имъ давай твоимъ дѣтенышей, а не то срублю дерево, оно упадетъ, тогда и ты и твои дѣти погибнете подъ нимъ“.

Бѣдный голубь не зналъ, что дѣлать,—далъ одного, а потомъ и другого дѣтеныша; лиса съѣла и ушла дальше, поискать, не попадется ли что-нибудь другое. Сидитъ голубь и горюетъ о своихъ дѣтенышахъ. Прилетѣла къ нему ворона и, увидѣвъ траурное одѣяніе его, спросила о причинѣ горя и, узнавъ, въ чемъ дѣло, сказала:

— „Напрасно ты отдалъ ей своихъ дѣтей: откуда же у лисы взялся топоръ или нила? Она ничего не можетъ тебѣ сдѣлать, а потому не обращай на нее никакого вниманія!“

Этотъ разговоръ подслушала лиса и думаетъ про-себя: „ну и расправилась бы я съ тобою, ворона, если бы ты попалась мнѣ въ лапы!“ Какъ только ворона улетѣла, лиса стала хвостомъ бить о дерево и требуетъ, чтобы голубь отдалъ и остального дѣтеныша. Но напрасно: голубь, наученный вороною, ничего не далъ. Когда лиса убѣдилась, что ничего не добьется, пошла дальше и видитъ на вершинѣ скалы ворону. Желая отомстить ей, она притворилась мертвой; ворона, завидѣвъ мертвую лису, подлетѣла къ ней и стала выклеивать ей глазъ, а лиса цапъ ее и говорить:

— „Вотъ теперь ты увидишь, какъ я расправлюсь съ тобою!—я сразу не съѣмъ тебя, а сперва помучаю хорошенько, и потомъ съѣмъ!“

Ворона, видя, что дѣло плохо, что приходится гибнуть, пустилась на хитрости и говорить:

— „Лисичка-сестричка, пожалуйста не мучь меня, кончай со мною поскорѣе и пожалуйста не бросай меня со скалы внизъ, а то поломаешь мнѣ всѣ крылья, а внизу потомъ съѣдятъ меня черви...“.

А лиса говоритъ:

— „Ну, нѣтъ, я должна бросить тебя!“

Ворона опять проситъ не бросать ее со скалы внизъ, на съѣденіе червямъ, а лиса твердитъ свое:

— „Я разъ сказала, что тебя не съѣмъ, а сперва замучаю, такъ и сдѣлаю“.

Сказавъ это, она бросила ворону со скалы, а та, расправивъ крылья, улетѣла прочь. Хитрой лисѣ обидно было, что она обманута вороной, поэтому она искала случая, отомстить ей. Завидѣвъ однажды ту же ворону воагѣ озера, лиса растапулась на берегу и притворилась мертвой. Ворона, замѣтивъ лежащую лису, подумала: „Не та ли это самая, которую я обманула“ и хотѣла уйти дальше, но потомъ соблазнилась: повернула къ ней, присмотрѣлась и видитъ, что лиса совѣмъ не шевелится, не дышетъ, и принялась вдевать ей глазъ, а лиса ворону сейчасъ же схватила и говорить:

— „Ну, теперь ужъ тебѣ не вырваться изъ моихъ острыхъ зубовъ! И я съ тобою сразу не покончу, а сперва проучу,—чтобы ты знала, какъ обманывать другихъ, да притомъ сильнѣйшихъ себя“.

А ворона опять умоляетъ ее:

— „Ради Бога, кончай со мной поскорѣе и избавь меня отъ мученій! Миѣ пріятнѣе, если ты сама съѣшь меня, чѣмъ какъ если ты будешь мучить меня и бросишь меня, напр., въ озеро, гдѣ заѣдать меня шявки, всю мою кровь по каплѣ высосутъ...“.

— „Ну нѣтъ!“ говоритъ лиса, „я тебя не съѣмъ, не сдѣлаю этой чести, а вотъ именно брошу тебя на съѣденіе шявкамъ,—пусть онѣ тебя проучать хорошенъко!“

Сказавъ это, лиса бросила ворону въ озеро, а ворона расправила крылья и улетѣла, издѣваясь надъ лукавой лисицей. А пока стояла лиса и смотрѣла на ворону, подоспѣли охотники и подстрѣлили одураченную лису.

12. Умный и дуракъ.

Въ одномъ городѣ жили-были два брата: старшій изъ нихъ былъ работящъ и уменъ, а младшій—лѣнивъ и туповатъ. У нихъ скотины было не мало. Вотъ однажды старшій братъ говоритъ младшему:

— „Веди рогатую скотину къ роднику на водопой, а же тѣмъ временѣмъ почицу хлѣвъ и принесу саману“.

— „Ты вѣчно заставляешь, меня кормить, поить ихъ!“ возразилъ младшій братъ ему. „Я тебѣ не рабъ! я больше не желаю съ тобою жить... Выдѣли мнѣ мою долю!“

— „Хорошо!“ прервалъ его старшій братъ, „если хочешь раздѣлиться, то веди ихъ на водопой, а я принесу въ хлѣвъ корму и почицу. Та скотина, которая войдетъ въ хлѣвъ, пусть будетъ моя, а что останется на дворѣ—твоя. Согласенъ?“

— „Согласенъ“, отвѣтилъ дуракъ, „давно бы слѣдовало поступить такъ и избавиться отъ тебя!“ и весело повелъ скотину на водопой.

Дѣло это было во время поста „арачавораць“ (предварительный), у простонародья называемаго постомъ св. Сергiя *), когда бываетъ самая сильная зимняя стужа и бури; поэтому скотина, какъ только напилась воды, поспѣшила домой, укрыться въ тепломъ хлѣвѣ. Придя во дворъ и чуя въ хлѣвѣ кормъ, вся скотина бѣгомъ пустилась туда, на дворѣ остался одинъ паршивый бычокъ, который чесался у столба. Дуракъ немедленно подошелъ къ нему, снялъ съ себя кушакъ, привязалъ его за рога и повелъ за собою на продажу. Старшій братъ сказалъ ему:

— „Продай его мнѣ“.

*) По народному вѣрованiю, въ праздники и постъ св. Сергiя всегда бываютъ бури, которыя очень опасны для всѣхъ не почитающихъ его.

— „Я тебѣ не продамъ“, возразилъ дуракъ, „у тебя совѣсти нѣтъ, ты дешево дашь“, и повелъ бычка вонъ со двора. Долго ли шель дуракъ, или коротко, это Богу извѣстно; наконецъ дошелъ до одного „гюнбаза“, пострашеннаго жадъ могилкою какого-то знатнаго лица или хана, вошелъ къ нему и сказалъ:

— „Здравствуй, гюнбазъ! привалъ тебѣ жирнаго бычка, отдамъ дешево, всего за двѣнадцать рублей“.

Эхо повторило послѣднія слова, и дуракъ, принявъ это за отвѣтъ „гюнбаза“, сказалъ:

— „Если теперь у тебя нѣтъ денегъ, то не бѣда, можешь уладить черезъ пять дней“.

Сказавъ это, дуракъ привалъ бычка въ „гюнбазъ“, а самъ вернулся домой. Когда онъ пришелъ домой безъ бычка, братъ спросилъ его:

— „Куда же ты дѣлъ своего бычка?“

— „Продамъ“, отвѣтилъ дуракъ.

— „За сколько?“ спросилъ умный.

— „За двѣнадцать рублей“, отвѣтилъ дуракъ.

— „А гдѣ деньги?“ спросилъ умный.

— „Продамъ въ долгъ“, отвѣтилъ дуракъ, „долженья получить черезъ пять дней“.

Старшій братъ сказалъ, что должники ему ничего не отдастъ. А дуракъ, указывая на свою дубинку, сказалъ:

— „Видишь эту дубинушку?—если не пожелаетъ уплатить, задамъ дубиной и получу“.

По истеченіи пяти дней, дуракъ пошелъ къ гюнбазу и нашалъ тамъ только ножки да рожки отъ своего бычка (послѣдніе были привязаны) и спросилъ:

— „Ну, что? какъ панравился тебѣ бычокъ,—жирень оказался или нѣтъ?“

Послышалось эхо, и дуракъ, принявъ его за отрицательный отвѣтъ гюнбаза, сказалъ:

— „Худымъ ли оказался онъ, или жирнымъ, мнѣ нѣтъ дѣла; съѣлъ его, такъ теперь не угодно ли за него расплатиться?!“

Однѣжды послышалось эхо и дуракъ повторилъ:

— „Я тебѣ говорю, что мнѣ нѣтъ дѣла; съѣлъ его, ну и нечего теперь дожидаться: плати скорѣе свой долгъ!“

Думая, что пробазъ смѣется надъ нимъ, дуракъ совсѣмъ разгнѣвался, махнулъ дубиной нѣсколько разъ, и одинъ дятъ камней, въ слѣдствіе удара, растреснулся, и изъ него посыпалось множество червонцевъ. Видя это, дуракъ разсердился еще больше и сказалъ:

— „Не слѣдуетъ быть низкимъ и нечего гордиться своимъ богатствомъ! Я знаю, что у тебя много золота, но убери твоё богатство и уходи, мнѣ мой двѣнадцать рублей!“

Съ этими словами онъ нагнулся, взялъ двѣнадцать рублей и побрѣлъ домой.

Придя домой, дуракъ показалъ деньги брату, а тотъ, видя у него монеты, немало былъ удивленъ, такъ-какъ быновъ стоилъ не болѣе четырехъ или пяти рублей, и поэтому сталъ допытываться, откуда онъ ваялъ ихъ.

— „Ну, что?“ сказалъ дуракъ, „теперь ты видишь, что я получилъ свои деньги? А ты еще смѣлся надо мною, говорилъ, будто я ничего не получу за бычка. Правда, онъ не хотѣлъ платить, но потомъ, какъ я махнулъ своей дубишкой разокъ-другой, онъ рассыпалъ предо мною несмѣтное число золотыхъ монетъ. Только некому быдо ихъ подбирать!“

Старшій братъ теперь не могъ не повѣрить и сталъ просить, чтобы дуракъ указалъ мѣсто, гдѣ онъ увидалъ это множество золотыхъ монетъ. Но дуракъ говоритъ ему:

— „Нѣтъ, не укажу; ты такой жадный, что если укажу тебѣ, такъ ты наберешь столько золота, что не въ состояніи будешь самъ донести и меня заставишь помогать. Нѣтъ, не укажу тебѣ этого мѣста.“

Старший братъ не отстаётъ и всячески упрашиваетъ дурака, обѣщая не заставлять его нести тяжесть. Дуракъ наконецъ соглашается и говорить:

— „Пойдемъ, укажу тебѣ мѣсто, только помни: если станешь просить о помощи, я побью тебя этой дубиной“.

Они пошли. Дуракъ ввелъ брата въ знакомый гонбазъ, и умный съ жадностью набралъ полный чумаль золотыхъ монетъ, такъ что не могъ поднять его съ мѣста и, дѣйствительно, сталъ просить помощи у дурака. Тотъ возмущается поступкомъ брата и угрожаетъ пустить въ ходъ свою дубину. Старший братъ сталъ ему объяснять, что онъ не просить его нести, а только просить содѣйствія, чтобы поднять чумаль. Дуракъ согласился на это: поднялъ чумаль на спину своего брата, и они направились вмѣстѣ къ своему дому.

Все шло хорошо. Но у городскихъ воротъ ихъ встрѣтилъ везирь хана и, замѣтивъ, что чумаль не особенно большой, но такъ тяжелъ, что умный братъ подъ нимъ пыхѣлъ и крахѣлъ, спросилъ, что они несутъ. Несшій отвѣтилъ, что несутъ мусоръ, но дуракъ прервалъ его и сказалъ:

— „Зачѣмъ врешь? не мусоръ, а золото въ чумалѣ!“

Везирь подошелъ, убѣдился въ справедливости сказаннаго дуракомъ и сталъ угрожать, что несшій заплатится за то, что присвоилъ достояніе хана. Умный братъ предложилъ тогда везирию подѣлиться богатствомъ, и везирь согласился. Пришли они въ домъ братьевъ и стали дѣлить золото, а жена старшаго брата, чтобы отвлечь вниманіе болтливаго дурака, заняла его „шютрикомъ“*), его любимымъ кушаньемъ. Везирь хотѣлъ дѣлить золото на двѣ части: одну взять себѣ, а другую дать братьямъ; но братъ дурака желалъ

*) „Шютрикъ“ или „пфутрукъ“—блюдо, приготовляемое изъ кусочковъ тѣста, сваренныхъ въ водѣ съ лукомъ и орѣхами. *Ред.*

дѣлить на три части: одну дать везиру, а двѣ взять себѣ, — на себя и на дурака. Изъ-за этого между ними завязался споръ, который перешелъ скоро въ драку. Дуракъ, видя это, говоритъ имъ:

— „Деритесь, сколько угодно, но только подалше отъ меня, а не то, если, не дай Богъ, разрешете мой „шютригъ“, то не просите нащипанія: какъ махну дубинушкой по башкѣ, такъ сразу на тотъ свѣтъ спроважу.“

Братъ, отлично зная характеръ дурака, во время драки постарался такъ стать, что везиръ задѣлъ ногою миску дурака, и его „шютригъ“ весь разлился по полу. Дуракъ разгнѣвался и, не долго думая, хватилъ дубиной везира по головѣ, да такъ сильно, что тотъ повалился на полъ мертвымъ.

Старшій братъ, боясь ответственности за убійство, тотчасъ же вышелъ на дворъ, заперъ ворота и, вернувшись въ комнату, сказалъ дураку:

— „Знаешь ли братъ, что по городу летаетъ ворона и выклеиваетъ всѣмъ глаза?“

Дуракъ повѣрилъ этому и сказалъ:

— „Я тебѣ столько добра сдѣлалъ; теперь ты мнѣ отплати, выручи изъ этой бѣды: устрой, чтобы ворона не выклевала мнѣ глазъ, — спрячь меня куда-нибудь!“

Старшій братъ занеръ тогда дурака въ тундиръ, закрылъ туда ходъ, сверху наложилъ много тяжестей, оставилъ только маленькое отверстіе для свѣта и воздуха и для подачи дураку пищи и питья. Потомъ онъ дождался, когда совсѣмъ стемнѣло и на дворѣ не стало видно ни зги, завернулъ трупъ везира въ палась, свалъ на спину, отнесъ и бросилъ его на многолюдной городской площади, а самъ преспокойно вернулся домой. На другой день утромъ, замѣтивъ трупъ везира, полицейскіе доложили хану, и онъ приставилъ къ трупу тайный караулъ, для открытія преступника.

По временамъ братъ подходилъ къ тундиру и, чтобы напугать дурака еще больше, стучалъ по доскѣ, которой закрытъ былъ онъ, а дуракъ отъ страху чуть не умиралъ. Такимъ образомъ дней пять онъ продержалъ брата въ тундирѣ: онъ боялся, что дуракъ увидитъ трупъ и выдастъ себя и брата. На шестой день братъ вытащилъ его изъ тундиры. Дуракъ попросилъ у него денегъ на расходы и, получивъ два абаза, пошелъ на базаръ. Здѣсь онъ увидѣлъ трупъ везира и сказалъ:

— „Это развѣ ударилъ, и ты лежишь въ обморѣ пять дней; а что если бы повторилъ свой ударъ? тогда, вѣроятно, ты уснулъ бы на цѣлый годъ!“

Тотчасъ караульные окружили дурака и спросили, кто убилъ везира. Дуракъ отвѣтилъ, что убилъ онъ самъ. А когда спрашивали о причинѣ убійства, дуракъ отвѣтилъ: — „Я за то ударилъ его, что онъ разлилъ мой „пютрикъ“.

Тотчасъ схватили дурака и повели къ хану. Ханъ распросилъ его, и дуракъ далъ тотъ же самый отвѣтъ, каковой давалъ караульнымъ. Ханъ былъ на одинъ глазъ слѣпъ. Когда онъ приказалъ взять дурака въ тюрьму, чтобы судить потомъ, послѣдній посматрѣлъ на него искоса и произнесъ:

— „Дрянъ ты этая, ворона; вѣтъмъ ты, выклевывая у него одинъ глазъ; оставила другой?! выклевая бы и другой, и тогда онъ не осуждалъ бы своихъ подданныхъ несправедливо!“

Услышавъ это, ханъ убѣдился, что подсудимый — дуракъ набитый, и приказалъ выпнать его вонъ. Такимъ образомъ дуракъ былъ освобожденъ отъ наказанія, а братъ его присвоилъ себѣ всю находку.

13. Рамазанъ.

Въ одномъ городѣ по случаю небывалыхъ продолжительныхъ дождей привозъ предметовъ первой необходимости совсѣмъ прекратился, а потому все вадорожало. Когда же, наконецъ, погода установилась, и дороги пробѣгли, то привозъ настолько увеличился, что все вдвое удешевилось и продавалось почти за безцѣнокъ. Этому въ особенности способствовало то обстоятельство, что жители окрестныхъ селеній, узнавъ о дороговизнѣ, старались привозить для сбыта все, годное къ тому. Одинъ изъ мѣстныхъ жителей, скрага, прельстился небывалой дешевизной и вспомнилъ завѣтъ своего покойнаго отца, который говорилъ: „нужную вещь покупай въ ненужное время;“ т. е. покупай тогда, когда дешево. Онъ купилъ пудъ масла, пять пудовъ рису и потребное для того количество кипшишу (пшюма) и „кайсій“ (сушеныхъ абрикосовъ), послалъ съ „амбаломъ“ (носильщикъ) домой и вслѣдъ затѣмъ пошелъ и самъ. Жена стала бранить мужа, говоря:

— „Не съ ума ли сошелъ ты? на что тебѣ столько привизія?! вѣдь сыну свадьбу не играть, поминки по отцу не совершить!“

Чтобы успокоить обновавшуюся жену, мужъ сказалъ: это „осрумъ“ *) рамазана. Этимъ казалось дѣло улажено было: привизія осталась съ амбаръ въ цѣлости. Случая нѣкоторое время послѣ этого случая, какъ-то жонивка дома сидѣла у окна и, увидѣвъ какого-то престынина, гманиаго предъ собою пару быковъ, приняла его за кочевника и спросила:

— „Слушай, не ты ли Рамазанъ?“

*) Кочевники, при перекочевкѣ, часть своего достоянiя отдають на храненiе осѣдлымъ жителямъ. Она то и называется осрумомъ.

— „Да, я; а что прикажешь, барыня?“ спросил онъ, понавъ по вопросу, съ кѣмъ имѣеть дѣло.

— „Ахъ ты такой-сякой! я тебѣ не рабыня и не слуга“, продолжала, она, „сколько хранила твое добро! что не возьмешь его и не освободишь насъ?“

Незнакомецъ, смекнувъ, въ чемъ дѣло, и сталъ тихимъ, умоляющимъ голосомъ говорить:

— „За чѣмъ бранишься? Вѣдь видишь, что я явился, значитъ, — ворюму. А что ты сохранила, за то спасибо тебѣ; сдѣланное добро, нужно довести до конца.“

Говоря это незнакомецъ, вошелъ, вмѣстѣ съ хозяйкою во дворъ; она указала ему чухаль съ рисомъ, горчицой съ масломъ и мѣшочки съ кинимшоу и кайсией и спросила:

— „Ну, что? въ цѣлости ли сохранила все?“

Незнакомецъ поблагодарилъ ея за сохраненіе, удѣлилъ ей фунтовъ пять масла, съ долъ, нула рису и, необходимое количество кинимшоу и кайси и, оглядываясь изъ предосторожности до сторонамъ, чтобы кто не замѣтилъ его и не накрылъ на мѣстѣ за обманъ, немедленно навявчиль быдовъ, еще разъ поблагодарилъ хозяйку и оставилъ ея дворъ. Чтобы не могли его настигнуть, онъ, вышедши на улицу, не забылъ переимѣнить направленіе своего пути: онъ направился въ противоположную сторону, а потомъ, пройдя такъ 2—3 улицы, повернулъ назадъ и пошелъ своей дорогою.

Хозяйка, послѣ ухода мнимаго Рамазана, засушила рукава, развѣла огонь въ очагѣ и принялась готовить шювъ. Какъ разъ въ это время вернулся домой мужъ и, видя ея приготовленія, говоритъ:

— „Что ты дѣлаешь? Развѣ я тебѣ не говорилъ, что все это припасено для рамазана?“

— „Вѣдь это я не самовольно взяла“, отвѣтила жена: „Рамазанъ уже приходилъ, взялъ все и часть своего запаса подарилъ мнѣ“.

— „Что съ тобою, не опатѣла ли ты?“ раскрычался мужъ, „какой тамъ Рамазанъ приходитъ?! Я тебѣ говорю, что я припасалъ все это для поста-рамазана, а ты, дура, взяла да и передала наше добро Богъ знаетъ кому!“

Мужъ спросилъ, куда направился мнимый Рамазанъ, и пустился преслѣдовать его; но уже было поздно: его и слѣдъ простылъ. Обворованный домохозяинъ, однако, продолжалъ поиски: вышелъ и за городъ, и хотя ничего не видѣлъ, но настойчиво продолжалъ путь. Долго ли шелъ, или коротко, наконецъ дошелъ до одной деревни, гдѣ ему захотѣлось пить, и онъ повернулъ къ фонтану, устроенному надъ рудникомъ. Въ это время здѣсь наполняла свой кувшинъ какая-то женщина. Она, увидѣвъ загорѣлую, почернѣвшую, какъ уголь, физиономію прохожаго, изумилась и спросила, откуда онъ идетъ.

— „Изъ ада,“ отвѣтилъ онъ съ досады.

— „Я тебя спрашиваю, какъ человекъ, и ты отвѣчай вѣжливо, откуда идешь!“ сказала набравшая воду женщина, будучи рассержена такимъ грубымъ отвѣтомъ.

— „Зачѣмъ же мнѣ агать? Я иду изъ ада и говорю правду!“ отвѣтилъ онъ.

Женщина, повѣривъ ему, спросила:

— „Скажи, пожалуйста, не видалъ ли ты тамъ моего дѣда и мою бабушку?“

— „Какъ же не видать, когда они постоянно бываютъ съ нами вмѣстѣ?! Отъ твоего дѣда требуютъ тамъ тридцать рублей деньгами и шару платья; а онъ не въ состояніи заплатить, поэтому каждый день по утру рано его вѣшаютъ за ноги и освобождаютъ только поздно вечеромъ. На другой день опять повторяется то же, и такъ всякій день, пока не уплатитъ онъ требуемаго съ него.“

— „Ахъ, я вспомнила“, говоритъ женщина, „когда-то отъ него одинъ бѣднякъ требовалъ эту сумму, а онъ не хо-

тѣмъ платить. Значить, бѣднякъ былъ правъ, а мой дѣдъ — нѣтъ. Скажи, пожалуйста, если я тебѣ дамъ эти деньги и платье, можешь ли доставить ихъ моему дѣду? За это я была бы тебѣ очень благодарна“, говорила растроганная женщина.

— „Отчего нѣтъ! Если хочешь, дай!“ говорить прохаживавшій.

Женщина тогда пригласила его къ себѣ домой, передала ему деньги и пару платья для дѣда и десять рублей подарила ему. Получивъ все это, онъ сказалъ:

— „Это ти хорошо сдѣлала: тридцатью рублями онъ уплатить долгъ, пять рублей переходую я, а пять удѣлю твоему дѣду на мелкіе расходы.“

— „Ахъ, да!“ догадалась она, „я забываю, возьми и эти двадцать рублей,—отдай моему дѣду на расходы, а тѣ десять рублей оставь себѣ, я дарю ихъ тебѣ.“

Получивъ отъ нея пару платья и шестьдесятъ рублей, онъ обрадовался, что на свѣтѣ существуютъ созданія и глупѣе его жены, простился съ преследующею женщиною и поскорѣе скрылся, оглядываясь назадъ и опасаясь, какъ бы мужъ обманутой женщины не настигъ его.

Послѣ его ухода, скоро вернулся домой мужъ. Дѣти сообщили ему радостную вѣсть, что отъ дѣда прѣхалъ посланецъ; жена тоже подтвердила это и добавила, что бѣднаго дѣда тамъ вѣшаютъ за ноги и требуютъ пару платья и тридцать рублей деньгами; и что она послала ему и платье, и шестьдесятъ рублей денегъ. Услышавъ это, мужъ возбѣсился, сталъ бранить жену за несообразительность; спросилъ, по какому направленію пошелъ этотъ человѣкъ, осѣдлавъ коня и шутился въ потюю. Обманувшій, видя всадника, догадался, что тотъ преслѣдуетъ его, сбѣжалъ въ ближайшую мельницу и сообщилъ встрѣтившему его мельнику, что царевна сошла съ ума и для своего исцѣленія

должна съѣсть голову мельника, и потому онъ долженъ убить его. Мельникъ сталъ упрашивать его:

— „У меня“, говоритъ онъ, „большая семья, пожалей меня и моихъ дѣтей; убей слѣдующаго мельника, у котораго нѣтъ никакой родни, — только своя голова на плечахъ“.

— „Ну, если такъ, а тебя добавлю отъ бѣды“, сказалъ плутъ, „спрячься гдѣ-нибудь, — я сважу вѣдущему сюда всаднику, что здѣсь мельникъ нѣтъ; тогда онъ пойдетъ въ слѣдующему мельнику, а ты избавишься отъ смерти“.

Мельникъ спрятался въ „довузлыгъ“ (мѣсто подъ черновоземь), а плутъ обсыпавъ себя мукой, преобразился въ мельника и сѣлъ у дверей мельницы. Подѣзжалъ всадникъ, позывалъ его и спросилъ:

— „Гдѣ прибѣжавшій сюда человекъ?“

Онъ отвѣтилъ, что какой-то человекъ, котораго онъ въ первый разъ видитъ, вбѣжалъ въ мельницу и спрятался въ „довузлыгъ“. Всадникъ немедленно сѣлъ съ коня, попросилъ мнимаго мельника поддержать его, а самъ хотѣлъ войти въ мельницу, но плутъ отстоялъ его, говоря:

— „Господинъ, какъ вижу, ты очень сердитъ въ настоящее время, — отдай твое оружіе, а сохранию его, дабы ты въ пылу гнѣва твоей благородной рукой не пролил напрасно крови“.

Всадникъ послушался мельника, передалъ ему и свое оружіе, самъ вошелъ въ мельницу и сталъ звать бѣглеца. Тѣмъ временемъ мнимый мельникъ сѣлъ на коня, взялъ ружье и поднялся на ближайшій холмъ. Настоящій мельникъ изъ „довузлыга“ сталъ просить:

— „У меня“, говоритъ онъ, „четыре дѣтей; бери слѣдующаго мельника, онъ одинокъ“...

Прибѣжавшій, не понимая его, возражалъ:

— „Что за чушь говоришь ты? выходи и возврати мнѣ мои деньги, а не то убью тебя“...

Мельникъ, видя, что его принимаютъ за вора, изъ доузымга отвѣтилъ, что онъ самъ и есть настоящій мельникъ и нигуда отъ мельницы не отходилъ и разсказалъ, какимъ путемъ онъ попалъ подъ доузымгъ. Теперь преслѣдователь догадался, что онъ попалъ въ обманъ подобно своей женѣ: что лошадь и ружье онъ далъ тому, кто обманулъ его жену; онъ вышелъ изъ мельницы, надѣясь найти злодѣя, но уже не засталъ бѣглеца и только издали видѣлъ его на холмѣ, верхомъ на конѣ и вооруженнымъ. Одураченный простакъ закричалъ ему:

— „Бери деньги и платье себѣ; а лошадь и оружіе возврати мнѣ!“ но тотъ въ отвѣтъ только усмѣхнулся и по-скакалъ дальше...

Бѣдный съ пустыми руками вернулся домой, и, когда упрекала жену за ея поступокъ, она вмѣсто прямого отвѣта, спрашивала:

— „Скажи лучше, куда ты дѣлъ коня и оружіе свое?“

Записалъ въ Шемахинскомъ и Геокчайскомъ уѣздахъ Бакинской губерніи *Н. Д. Калашевъ*.

III. Юмористическіе рассказы, анекдоты и басни.

1. Три муллы.

Шли три муллы по большой дорогѣ и встрѣтили одного всадника. При встрѣчѣ, онъ, по обычаю, поклонился и сказалъ привѣтствіе: „Саламъ алейкумъ!“

Всадникъ проѣхалъ, а муллы остановились и подняли споръ о томъ, кому изъ нихъ поклонился онъ. Спорили долго и рѣшили догнать всадника и спросить его самого. Какъ рѣшили, такъ и сдѣлали; догнали всадника, остановили и спрашиваютъ:

— „Скажи намъ, Божій человекъ, къ кому изъ насъ относилось твое привѣтствіе? Мы долго спорили, но не могли рѣшить спора“.

Нѣтъ сомнѣнія, что всадникъ поклонился всѣмъ тремъ; но, вида глупость этихъ людей, захотѣлъ посмѣяться надъ ними.

— „Мое привѣтствіе“, говоритъ онъ, „относится къ тому изъ васъ, кто глупѣе; а чтобы я могъ сравнить васъ въ этомъ отношеніи, пусть каждый изъ васъ расскажетъ мнѣ исторію изъ своей жизни, когда обнаружилась его глупость“.

Муллы согласились, и первый изъ нихъ рассказалъ слѣдующее.

— „Когда я былъ учителемъ, прихожу однажды въ школу. Еще на дворѣ встрѣчаетъ меня „хальфа“ *) и говорить мнѣ:

*) Старшій ученикъ.

— „Мулла, не ходи сегодня въ школу, — ты очень блѣденъ, и глаза у тебя совсѣмъ мутные... Я замѣню тебя“.

— „Что съ тобою, хальфа?“ отвѣтилъ я, „Я чувствую себя впаднѣ здоровымъ и пойду въ классъ“...

Вхожу въ классъ, и вдругъ всѣ ученики, послѣ обычнаго привѣтствія, закричали: „Бѣдный нашъ мулла, что съ тобой? ты совсѣмъ на себя не похожъ!“ и т. п. Я не шутя перепугался, вышелъ изъ класса и побѣжалъ домой, а дома въ это время жена стряпала долму *).

— „Я боленъ!“ закричалъ я женѣ, „бѣги скорее за докторомъ!“

Видя, что я совсѣмъ расстроены и блѣденъ, жена встревожилась, бросила свою стряпню, которая была уже почти окончена, и побѣжала за врачомъ. Пока она ходила, я обратилъ вниманіе на долму: не смотря на болѣзнь, она мнѣ очень понравилась и, пока вернулась жена, я успѣлъ все закончить; жена и врачъ зашли тогда, когда я забралъ въ ротъ послѣднюю долму, но не успѣлъ прожевать и проглотить ее. Врачъ торопливо побѣжалъ ко мнѣ и началъ осматривать и, видя, что одна щека у меня неестественно ввдута, такъ что я и говорить не могъ, принялъ ее за нервъ; врачъ досталъ бритву и прежде, чѣмъ я ротъ разинулъ, разрѣзалъ мнѣ щеку и вытаскивалъ, въ моему удивленію, наодившуюся тамъ долму. Поднялся кохоть. Я же, истекая кровью, упалъ въ обморокъ. Когда я снова открылъ глаза, то врача уже не было, а за мною гонялась моя жена. Цѣлый мѣсяцъ пролежалъ я въ постели, а когда выздоровѣлъ, то бросилъ свою школу, куда мнѣ стыдно было и глаза показать. И вотъ теперь безъ дѣла бреду по міру, собирая подаяніе“.

Второй мулла послѣ того разсказалъ слѣдующее.

*) Кушанье вродѣ голубцовъ, только въ виноградныхъ листьяхъ и подъ соусомъ изъ кислаго молока съ корицей.

— „Я тоже былъ учителемъ въ школь, в. со мною однажды произошло неприятный случай. Во дворъ школы находилась въ землѣ громадный кувшинъ, тавой, что въ немъ могли свободно помѣститься три человека; кувшинъ стоялъ пустой. Разъ ученики приближались ко мнѣ съ перемученными лицами и объявляютъ мнѣ, что видѣли въ кувшинѣ чорта, который грозилъ имъ своимъ двуларчиннымъ пальцемъ. Я отправился съ учениками на дворъ и подошелъ въ кувшину, на днѣ котораго, какъ потомъ оказалось, была вода, и, когда я нагнулся надъ кувшиномъ, на днѣ его отразилось лицо... Убѣдившись, что въ кувшинѣ находится чортъ, то безъ двуларчиннаго пальца, я рѣшился войти въ кувшинъ, чтобы выгнать оттуда чорта; учениковъ я снабдилъ палками и приказалъ имъ, чтобы, какъ плавается голова чорта въ кувшинѣ, они били его палками, пока не издохнетъ. Когда я влѣзъ въ кувшинъ, то никакого чорта тамъ не нашелъ и, убѣдившись въ своей ошибкѣ, хотѣлъ выбраться изъ кувшина. Но едва я подымалъ голову, какъ на меня посыпался жѣлый градъ палочныхъ ударовъ. Я подымалъ отчаянный крикъ, но ученики не узнали моего голоса и продолжали свое дѣло, пока прибѣжавшая на мой вопль жена моя не разогнала ихъ и не вытащила меня, еле живого, изъ кувшина, который въ свою очередь пострадалъ отъ палочныхъ ударовъ и оказался разбитымъ. Съ трудомъ я оправился отъ этихъ побоевъ и отъ стыда бросилъ свою школу“.

Наконецъ началъ свой рассказъ третій мулла.

— „Къ моему несчастью, и я былъ приподобенъ учителемъ, и со мною также вышла въ школѣ неприятная исторія. Однажды наше ведро упало въ глубокой колодезь. Я предлагалъ, чтобы кто-нибудь изъ учениковъ влѣзъ въ колодезь и досталъ ведро, но изъ нихъ никто не рѣшился опуститься въ колодезь. Дѣлать нечего, пришлось мнѣ самому спускаться: одинъ конецъ веревки держали ученики, а на

другомъ прочно укрѣпился я. И дѣло пошло успешно: уже спустили меня до половины глубины; вдругъ въ это время одинъ изъ учениковъ зѣвнулъ. А у меня въ школѣ заведено было такъ, что когда одинъ зѣвнетъ, то прочіе должны бить въ ладоши, пока пройдетъ зѣвота; это поддерживало вниманіе... На бѣду мои ученики и въ этомъ случаѣ не забыли моихъ наставленій: какъ по командѣ, они оставили веревку и принялись хлопать въ ладоши, а я стремглавъ полетѣлъ на дно, сильно разбился и на вѣрное утопулъ бы, если бы жена моя не успѣла собрать кое-кого изъ сосѣдей, которые и вытащили меня съ большимъ трудомъ изъ колодезя. Послѣ этого мои прихожане перестали коснлать во мнѣ въ школу своихъ дѣтей и я рѣшился перебраться въ какой-нибудь другой городъ, чтобы тамъ получить нѣчто приходскаго муллы⁴.

Когда муллы окончили свои разсказы, всадникъ, взглянувъ на нихъ, сказалъ:

— „По моему, вы всѣ-трое вполне заслуживаете названіе глушцовъ“.

2. Какъ Гасанъ ѣлъ плоть.

Жилъ бѣдный мусульманинъ Гасанъ, у котораго было пятеро дѣтей. Жили они, что называется, впроголодь, и поѣсть плову было давнишнею мечтою семейства Гасана. Какъ ни трудно это было для бѣднаго Гасана, онъ рѣшился все-таки однажды показать дѣтей своимъ пловомъ: продалъ на рынкѣ нѣсколько своихъ курицъ, закупилъ крупы, баранины, масла и, вернувшись домой, передалъ провизію въ распоряженіе своей жены.

Велика была радость бѣдныхъ дѣтей Гасана! Жена его тотчасъ же принялась за стряпню, а самъ хозяинъ въ ожиданіи вкуснаго блюда, вышелъ на улицу, посидѣть, и съ удо-

вольствием несмотривалъ на дымъ, который струился изъ кухонной трубы его дома.

По улицѣ въ это время проходили три муллы, десятка наивысшей шова: мы сосѣдствуемъ домъ и теперь совращающіеся по домамъ, чтобы передать сладкому сну. Гасанъ, какъ хороша мусульманинъ, въшиве привѣтствовалъ духовныхъ себя и, будучи увѣренъ, что они ситы вволю, приласкалъ ихъ отвѣдать плова, ожидая, что они откажутся. Но вышло совсѣмъ не такъ, — муллы изъявили согласіе попробовать и это плова.

Жена Гасана, видя гостей, подала имъ весь пловъ, а сама съ дѣтьми только смотрѣла, какъ они угощались. Между тѣмъ муллы атаквали блюдо самымъ серьезнымъ образомъ; и несчастный Гасанъ, почтительно стоя предъ своими гостями, скоро убѣдился, что ни ему, ни его дѣтямъ отъ плова и зерна не останется. Съ тревогою и чуть не со слезами видѣли дѣти Гасана изъ сосѣдней комнаты, какъ нустѣть блюдо, и матери немало пришлось потратить краснорѣчія, чтобы убѣдить ихъ, что останется и на ихъ долю. Но скоро фактъ былъ на лицо: муллы истребили весь пловъ и, даже не поблагодаривъ хозяина, направились къ дверямъ савли.

Раздосадованные такимъ поведеніемъ муллъ, Гасанъ съ женною началъ на нихъ и, являя удары, приговаривали:

— „Впередъ явите совѣсть и не лишайте добрыхъ людей возможности утолить голодъ, когда сами вы ситы!“.

. Смотритель Кагивманскаго училища *Д. Носруловъ*.

3. Лисица и куропатка.

Въ одномъ крестьянскомъ домѣ нѣсколько гостей вели за ужиномъ разговоръ между собою. Хозяйка, подавая имъ вареную курицу и разныя закуски, сказала:

— „Сегодня одинъ изъ нашихъ друзей застрѣлилъ на охотѣ джейрана и обѣщалъ вечеромъ прислать намъ мяса его на шишлыкѣ; такъ что, Богъ дастъ, я попотчую васъ этимъ лакомымъ блюдомъ“.

Гости выразили ей свою благодарность и пожелали другу хозяйки за его любезность всего хорошаго. Но одинъ изъ гостей по этому поводу счелъ умѣстнымъ разсказать слѣдующее.

— „Лисица какъ-то поймала куропатку и хотѣла ее съѣсть, но куропатка взмолилась къ ней и сказала:

— „Лисичка-сестричка, теперь я уже твой, съѣшь меня! Такова, значитъ, судьба моя! Но не ѣшь меня, пожалуйста, на этомъ жесткомъ холмикѣ, а снеси меня на зеленую поляну и тамъ прославь Бога, что такое красивое созданіе Онъ послалъ тебѣ въ пищу, и потомъ уже съѣшь“.

Лисица нашла, что куропатка права, и для хорошаго кушанья нужна и обстановка такая же. Она отнесла куропатку на зеленую лужайку и готовилась приняться за свой обѣдъ. Но едва на лужайкѣ отерла она ротъ, чтобы поблагодарить Бога, куропатка, которой только этого-то и нужно было, вдругъ вспорхнула и улетѣла и, словно на зло лисицѣ, еще издавала при этомъ веселые крики. Лиса ахнула, но было уже поздно: куропатка была утрачена безвозвратно. Съ тѣхъ поръ лиса завѣщала своимъ потомкамъ, никогда не благодарить раньше, нежели наѣшья досыта“.

— „И вы, братцы“, заключилъ разсказчикъ, „не слишкомъ ли поторопились благодарить за джейрана?! Лучше сперва поѣдимъ шишлыка, а потомъ и благодарить будемъ“.

Гость оказался правъ: ужинъ окончился, гости уже расходились по домамъ, а мяса джейрана все еще не было доставлено хозяину.

4. Осленокъ и свиньи.

У одного человека были: ослица, осленокъ и нѣсколько свиней. Хозяинъ ихъ, казалось, особенно заботливо присматривалъ за свиньями и каждый день кормилъ ихъ ячменемъ. Глядя на ихъ довольство и счастье, осленокъ завидовалъ имъ и однажды, обратясь къ матери, сказалъ:

— „Матушка, почему и намъ не даютъ также ячмень? Мнѣ очень бы хотѣлось покушать этого лакомого блюда“.

— „И я съ удовольствіемъ поѣла бы ячменя. Но что же дѣлать! Такова наша судьба!“ грустно отвѣтила ослица.

Но вотъ настало время, когда начали рѣзать свиней. Слыша ихъ жалобный, раздирающій душу, ревъ и крикъ, осленокъ спросилъ мать:

— „Матушка, почему такъ жалобно кричать эти свиньи?“

— „А помнишь, дитя мое“, сказала мать, „какъ весело и счастливо они ѣли ячмень? Такъ это теперь съ нихъ требуютъ расплаты за тотъ ячмень!“.

5. У всякаго свой вкусъ.

Одинъ оселъ заболѣлъ. Его посѣтили друзья и знакомые и спрашивали, не хочетъ ли онъ чего-нибудь!

— „Болезнь моя такъ сильна, что ничего не хочу“, отвѣтила больной.

— „Какъ же такъ не хочешь?!“ уговариваютъ его друзья. „Подумай,—можетъ быть чего-нибудь и захочется: мы: посылемъ воли подъ тебя и съ удовольствіемъ принесемъ тебѣ на

закуску выброшенныхъ въ сорную кучу травъ и соломы. Неужели и это не соблазнитъ тебя?».

— „Нѣтъ, нѣтъ! Спасибо вамъ! Хоть это и лакомыя вещи, но мнѣ такъ нездоровится, что я отказался бы, вѣроятно, даже и отъ старыхъ вѣшниковъ“..

6. Услужливый сынъ.

Одинъ человѣкъ имѣлъ сына, по имени Серона. Однажды отцу понадобилось отиѣрить кусокъ бязи: онъ и говорить сыну, чтобы тотъ сходилъ къ сосѣду за аршиномъ. Сынъ возражаетъ:

— „Совсѣмъ невачѣтъ идти къ сосѣду!.. Я самъ сѣрилъ напу черную кошку: у нея отъ конца хвоста до ушей ровно двѣнадцать вершковъ. Можно обойтись и безъ аршина“.

На этотъ разъ не стали безновотъ сосѣда. Но вотъ другой разъ отцу понадобилось свѣсить фунтъ гвоздей,—онъ и говорить ласково своему сыну:

— „Серопъ, сходи, пожалуйста, къ сосѣду и попроси у него фунтовую гиру“.

— „Зачѣмъ ходить?“ возражаетъ опять сынъ. „У меня есть копыто отъ дохлаго осла,—оно вѣситъ ровно фунтъ; возьми и обойдись имъ!“.

Въ третій разъ отецъ говорить сыну:

— Серопъ, пойди на дворъ (это, вѣдь, не далеко) и посмотри, какова сегодня погода!“.

— „Ахъ, батюшка“, возражаетъ сынъ, „на что ходить мнѣ? я позову сюда Боздару (сабака): если она будетъ суха,—значитъ и на дворѣ сухо; а если мокра она, такъ и на дворѣ мокрая погода!“.

Въ четвертый разъ отецъ говорить сыну:

— „Серопъ, всданы, пожалуйста, и дай мнѣ кружку воды, напиться!“

— „Ахъ, батюшка, сколько порученій ты даешь мнѣ!“ говоритъ на это сынъ. „Ну, до сихъ поръ я все для тебя устраивалъ, а на этотъ разъ можешь обойтись безъ меня!“

7. Было хорошо, стало лучше.

Былъ одинъ человекъ, по прованію „Эшъ“ (ослевокъ). Это прованіе, какъ поводъ для остротъ и насмѣшекъ, не нравилось его женѣ, и потому она постоянно докучала мужу просьбою позаботиться о томъ, чтобы перемѣнить свое прозвище на другое, лучшее. И вотъ однажды они приготовили хорошій обѣдъ и пригласили всѣхъ почетныхъ людей своего селенія. Приглашенные у нихъ ѣли, пили, веселились и, наконецъ, перемѣнили прозвище хозяина: назвали его „Аванакъ“ (большой осель). Мужъ, обрадованный, что избавился отъ стараго прозвища, пришелъ въ комнату жены и съ радостью воскликнулъ:

— „Ну, жена, теперь наше прозвище не Эшъ, но Аванакъ!“

Взбѣшенная этимъ, жена, въ отвѣтъ своему мужу, сказала:

— „Иного и ждать нельзя было: чѣмъ больше ты живешь, тѣмъ бблшимъ ашакомъ и становишься!“

8. Умѣнье продавать.

Одинъ молодой человекъ сказалъ:

— „Я продаю своего отца!“

— „Какой ты дуракъ! развѣ можно продать отца?“ замѣтили ему присутствующіе.

— „Я буду просить такую цѣну, что никто не сможетъ заплатить“, спокойно отвѣтилъ онъ.

Записалъ мастеръ бондарнаго и колеснаго ремесла въ Елисаветп. професс. училищѣ П. И. Томска.

9. Слепой, хромой и нищій.

Въ день „мерелоца“, когда армяне на кладбищахъ совершаютъ поминки по своимъ покойникамъ, хромой, слѣпой и простой нищій собрали очень много подаенія: денегъ, съѣстнаго. На собранныя деньги они купили вина и, со своими съѣстными припасами, забрались въ дальній и глухой садъ кутить. Выпито было немало, и они сильно опьянѣли. И вотъ слѣпой взялъ стаканъ съ виномъ и сказалъ:

— „Эй, братцы, смотрите, какое чистое и прелестное вино! Честное слово, стоитъ пить его!“

— „Пей скорѣе, а не то такъ лягну тебя, что отлетишь, смотри, вонъ куда, на три сажени!“ сказалъ ему хромой.

Услышавъ это, нищій завопилъ:

— „Бей его, подлеца! за кровь я заплачу десять тысячъ рублей, подкуплю старшину и судей и не дамъ тебя арестовать!“.

10. Одинъ лучше другого.

Въ полѣ шли однажды два татарина, крестьяне; одного изъ нихъ звали Ирза, а другого—Аббасъ. Оба они жаловались на свою горькую судьбу. Ирза, въ разговорѣ, поднимавъ свои взоры на небо, сказалъ:

— „Аллахъ, Аллахъ, не откажи мнѣ въ милости твоей,

выведи изъ моего невыносимаго положенія,—пошли мнѣ по тысячѣ овецъ и ковъ!“.

— „А дашь ли мнѣ что-нибудь изъ того, что тебѣ Богъ пошлетъ?“ спросилъ его на это Аббасъ.

— „Конечно нѣтъ!“ послѣшно отвѣтилъ Ирза: „съ чего ты взялъ, чтобы я дѣлился съ тобою? Ты, кажется, знаешь, что у меня семья большая: семь женъ, да двадцать шесть дѣтей, не говоря про другую родню... Дай Богъ, чтобы самому стало прокормиться!“.

— „О, Аллахъ!“ воскликнулъ Аббасъ, „дай мнѣ пятьсотъ волковъ, чтобы я въ одну ночь уничтожилъ стада этого безжалостнаго человѣка!“.

Отъ словъ скоро перешли къ дѣлу, и между Аббасомъ и Ирзой завязалась жаркая драка... По счастью къ дерущимся подошелъ одинъ хаджи, который гналъ лошадь, навьюченную двумя бурдюками нарбека *). Разспросивъ и узнавъ причину спора и драки, хаджи пришелъ въ изумленіе отъ глупости спорщиковъ: выхватилъ изъ кармана свой ножъ и, вонзивъ его въ одинъ изъ своихъ бурдюковъ съ нарбекомъ, воскликнулъ:

— „Пусть Аллахъ прольетъ мою кровь такъ, какъ льется этотъ нарбекъ, если изъ тварей Его на свѣтѣ есть хоть одна глупѣе васъ!“...

Записалъ смотритель Эриванскаго городского начальнаго училища *Ст. Сумбатянцъ*.

*) Сгущенный посредствомъ кипяченія сладкій сокъ винограда.

ОТДѢЛЪ Ш.

ЧЕЧЕНСКІЕ ТЕТКСТЫ.

1. Отъ бабъ въ домъ разладъ.

Дѣх дісна дѣхні ца-дѣкуш, зудурш бѣліна,
Отъ отца оставшагося имущества не дѣля женщины привелъ,

цѣнің кѣртахъ, цѣа барт болуш, вѣхіш хілла куа ваша.
въ одномъ дворѣ, одно согласіе имѣя, живя были три брата.

Цѣнің сарах вѣккучу вашас ѣлле шіең стѣче: „тхо санна
Въ одинъ вечеръ старшій братъ сказалъ своей женѣ: „мы какъ

цѣнің кѣртахъ тарлуш, дѣллучу-һуманна а цѣа барт болуш,
въ одномъ дворѣ уживаясь, во всемъ одно согласіе имѣя,

бѣхіш вѣжрі хір-бац, тхо дікің қенті хілар-ду і“. І
живя братья есть нѣтъ, мы хорошіе молодцы бывъ есть это“. Это

ѣлла мајрачу-а, шајх хѣстам бічахъ, стѣчуа ѣлле: „шўна
сказавъ мужъ, изъ себя хвалу сдѣлавъ, жена сказала: „вамъ

јуккѣх барт лѣтбірш тхо зудурш ду, шуң
въ серединѣ согласіе что поддерживаемъ мы женщинымъ есть вашей

дікулла ца-летта і, тхуана ліічахъ, цѣнің дінахъ
отъ доброты не стоятъ это, намъ если бы захотѣтъ въ одинъ день

барт лѣттір бацара шўна јуккѣх“. „Ахъ діцуріг
согласіе держатся нѣтъ вамъ въ серединѣ“. „Ты, что говоришь,

сѣнта хабар ду; зударша іѣзабуар тхуана јук-
дурацкіі разговоръ есть; женщины разстроятъ развѣ намъ въ сере-

кѣр барт, кің іштаң сѣнта хабар
днѣи находящеяся согласіе, еще (другой разъ) такой дурацкіі разговоръ,

суана махазі талахъ“, мајрачуа ѣлчахъ, „суа
мнѣ не допусти, чтобы я слышалъ“, мужъ когда сказалъ, „я

бăк-лѣх, цалѣх ѓс хоојтурду хуана“, шиец
 правду ли говорю, не говорю ли сама дамъ знать тебѣ“, въ своемъ
 дагахъ ѣлле, зудаң ѓад-ѓіна. Пул-тѣха цѣха хаң јѣл-
 сердцѣ сказавъ, женщина тихо осталась. После этого одно время когда
 чах, жимах волуң вапша веана жа-тѣриң ѓахара-а бахаш
 прошло, меньшій, что есть, братъ пришелъ отъ стада барашекъ несъ
 ца. І ѓахара ша бичахъ, жиҗгахъ куа дăка-а діна,
 домоѣ. Этого барашка самъ зарѣзавъ, изъ мяса три части сдѣлавъ,
 накѣ, куартѣ сов-а ділліна, цѣха дăка шиец вѣккучу вѣшіена
 грудь, голову сверхъ положивъ, одну часть своему большому брату
 дахајтір цуа. Хăлха шиец мајрачуң хілла камѣл, дăга-а-
 послалъ онъ. Раньше самой съ мужемъ бывъ разговоръ, въ сердцѣ
 деана, даајтінчу дѣкі јуккѣх ѓахариң хăлхарін куаг
 пришла, присланной части въ серединѣ барашка переднюю ногу
 бајна, цунах дѣш-а діна, тѣк дѣа-атѣттена,
 увидѣвъ, изъ этого слово сдѣлавъ, блудо (деревян.) оттолкнувъ,
 зудчуа ѣллѣ мајраче: „шиѣгахъ јіллак хіллѣхар, хан
 женщина сказала мужу: „въ себѣ учтивость если бы было, твое
 сї шіена дăң ліинѣхар, хăлхарің, тѣхарің куаг
 почтение себѣ сдѣлать если бы пожелалъ, передняя, задняя нога
 биеңбацахъ, хуана тіѣхарің куаг боојтур бар хаң вашас“. .
 хотя все равно, тебѣ послѣднюю ногу прислать есть твой братъ“.
 Зудчуа һуң дагăх дѣлуш і діціна-а цахууш, шиец вѣшіец
 Женщина, что въ сердцѣ имѣя это сказано, не зная, своему брату
 чѣбуң іѣбуз-а-вахана, шіна вешѣ сѣа-а кајзана, ѣлле
 вѣрно рассердился, двухъ братьевъ къ себѣ позвавъ, сказали
 цуа: „суа вѣзаш цахілла шуна, суа воқкуң цахѣта
 онъ: „я любя не было вамъ, я большимъ не представляется
 шуна, вај кің цѣнің кѣртахъ дахалур-дац“, ѣлле—цуа
 вамъ, мы больше въ одномъ дворѣ жить не можемъ“, сказавъ—онъ
 бăліна бăккің нăх шајң долуң һума дѣкаң. Мăр-ва-
 пришелъ большихъ людей свое имѣющее что есть подыгитъ. Мужа бра-
 шас даајтана жиҗг-а кѣхвіна хăлха-а ділліна, зудчуа ѣлле
 томъ присланное мясо сваривъ впереди положивъ, женщина сказала

нѣхе: „Аш сајна пурма лахѣр, ас цѣа дѣш ѣр-
народу: „Ви себѣ разрѣшеніе если бы дали, сама одно слово сказа-
дар шуѣга“. „Ала, ѡху пурма ло хуана“, нѣха
ла бы вамъ“. „Скажи, ми согласіе (разрѣшен.) даемъ тебѣ“, народъ

ѣлчах, зудчуа ѣлле: „Цѣа саң мајрачуа суѣга ѣллѣр:
сказавъ, женщина сказала: „Разъ моймъ мужемъ миѣ было сказано:

„тхо сѣнна, цѣеніѣ кѣртах, цѣа бѣрт гѣттуре-а лѣттеш
„ми какъ, въ одномъ дворѣ, одно согласіе всегда стои

вѣжрі хір-бац, тхо дівіѣ кѣиті хілар ду і“, ѣлле
братя будеть-нѣтъ, ми хороміе молодци бнѣтъ естъ это“, сказавъ

цуа шѣш хѣстичах, ѣс ѣллер, тхуана-зударшна ла-а-
онъ сами похваливъ, сама сказала, намъ женщинамъ если бы захо-

хар, шуна јуккѣх бѣрт хірбѣцар; ас і ѣлчах, саң
тѣтъ, вамъ въ серединѣ согласіа не было бы; сама это сказавъ, мое

дѣш тѣцадітір саң мајрачуа, суѣна бѣрт-біттір; саң
слово на себя не допустилъ мой мужъ, миѣ побранилъ; мое

дѣш хѣрц дѣцујл ас хоојтурду хуана сајц дагах
слово неправда что нѣтъ сама дамъ звать тебѣ въ своемъ сер цѣ

ѣлле, ѣд-ѣнѣр суа. Жѣмах волчу кѣріѣ вашас ша
сказавъ, тихо-осталась я. Меньшій что естъ ихъ братъ самъ

ѣѣхара бѣчах, туѣлеш долуѣ дѣка да-ајтанер тхуана, ѣѣ-
барашка зарѣзавъ, большую что естъ часть прислалъ намъ, ба-

харіѣ тѣхаріѣ, хѣлхаріѣ куаг бѣѣцбацара, хѣтте-а ас
рашекъ задняя, передняя нога все равно, не смотря на это сама

хуа ца-лѣруш баајтана хуана хѣѣ вашас хѣлхаріѣ куаг,
ты не считаа прислалъ тебѣ твоимъ братомъ переднюю ногу,

шѣга ѣлчах, цунах цѣа дѣш-а діна, даајтінчу
себѣ когда сказала, изъ этого одно слово сдѣлавъ, на присланныю

дѣке-а ца-хѣнеуш, шѣѣ вѣжерашціѣ дѣв-адіна, шуіге
часть не смотря, (со) своимъ братьями поссорившись, васъ

јѣллуѣ хума јѣкаѣ кајкіна саң маѣра, цунах хаандѣса
имѣющее что естъ раздѣлитъ повзавъ мой мужъ, изъ этого слѣдуетъ звать

суа бѣклінеа“, зудчуа ѣлчах, „хуа бѣкліна хілла“,
я что говорила правду“, женщина сказавъ, „ты правду говорила была“;

шіең зудче ёлле, нѣх ца-бахайгір воккучу вашас,
своей жепцинѣ (женѣ) свазать, народъ домој отнусталъ большой братъ,
Һумма-а ца-дѣкуш.
ничего не дѣла.

Три женатыхъ брата жили въ одномъ дворѣ, не дѣля имущества, оставшагося отъ отца. Миръ да ладъ всегда были между ними. Однажды старшій изъ братьевъ похвастался предъ своей женой, говоря: «едва ли на свѣтѣ найдутся такіе молодцы, какъ мы братья. Это ясно видно изъ того, что мы, живя въ одномъ дворѣ и, вдобавокъ, имѣя общее имущество, не ссоримся никогда». Въ отвѣтъ жена говоритъ ему: «не потому между вами миръ, что вы хорошіе братья, а потому, что мы, жены ваши, не даемъ вамъ повода ссориться; если бы мы пожелали, то и одного дня не жили бы вы въ согласьѣ». — «Ты говоришь вздоръ», сказалъ ей мужъ: «развѣ женщины могутъ разстроить наши отношенія? да и что это за согласіе, которое держится благодаря только женщинамъ. Развѣ женщины могутъ поколебать наши отношенія; смотри, чтобы я больше не слышалъ такихъ глупыхъ разговоровъ». Жена не осмѣлилась больше выговорить слова, но въ душѣ затаила мысль доказать, что она права.

Вскорѣ послѣ этого младшій изъ братьевъ, возвращаясь отъ стада, привелъ съ собою барашка. Онъ зарѣзалъ его и мясо раздѣлил на три части; лучшую часть, а въ придачу къ ней — грудину и голову, послалъ своему старшему брату. Жена послѣдняго замѣтила въ блюдѣ среди мяса переднюю ножку барашка и, помня свое обѣщаніе, говоритъ мужу, оттолкнувъ блюдо: «хотя и нѣтъ большой разницы между передней и задней ножками барашка, но все же слѣдовало брату прислать тебѣ, какъ старшему, заднюю ножку; я давно замѣчала, что братья не оказываютъ тебѣ должной чести и обманываютъ тебя, но какъ-то не приходилось говорить объ этомъ съ тобою». Мужъ, не догадавшись, съ какимъ умысломъ говоритъ жена, сильно разгнѣвался на братьевъ. Онъ позвалъ ихъ къ себѣ и говоритъ имъ: «вы меня до сихъ поръ обманывали: жить съ вами, какъ живу, я больше не могу». Затѣмъ, онъ попросилъ къ себѣ муллу и почетныхъ стариковъ, чтобы подѣлить отцовское добро на три части. Хозяйка сварила то самое мясо, которое было прислано ей дѣверомъ, и, подавъ

его гостямъ, обратилась къ нимъ съ просьбой разрѣшить ей сказать нѣсколько словъ. Гости дали свое согласіе. Она сказала имъ: «Разъ мужъ похвастался предо мною, что они примѣрные братья, а это, по его словамъ, видно изъ того, что они живутъ въ одномъ дворѣ въ полномъ согласіи. Я осмѣлилась сказать мужу, что миру и согласію между собою они обязаны намъ, женамъ ихъ, но мужъ мой не согласился съ этимъ. Онъ приказалъ мнѣ замолчать. Я должна была исполнить его волю, но въ душѣ своей затаяла мысль—доказать ему справедливость своихъ словъ. Случай представился. Разъ младшій изъ братьевъ, возвращаясь отъ стада, привелъ барашка. Онъ зарѣзалъ его, раздѣлилъ мясо на три части, и лучшую часть, по обменовенію, прислалъ намъ, а въ придачу—грудину и голову. Увидя среди мяса переднюю ножку барашка, я сказала мужу, что его братъ поступилъ непочтительно, приславъ намъ переднюю ножку барашка, оставивъ себя заднюю—лучшую. Этого было достаточно для моего мужа, чтобы поссориться съ братьями и пригласить васъ подѣлить имущество. Не видно ли изъ этого», сказала она обращаясь къ гостямъ: «что я была права, говоря мужу, что миру да ладу между собою они, братья, обязаны намъ, женамъ ихъ».—«Да, ты права», сказали ей гости. Мужъ помирился съ братьями и отпустилъ гостей, не подѣливъ имущества.

2. *Завѣтъ отца.*

Цѣха ёлі хілла, цѣха қант хілла цуінің. Ша леш
 Одинъ князь былъ, одинъ сынъ былъ у него. Самъ умирая
 ёлле цуа шіең қантё: „Цѣріскіңдінахъ дѣлаң ара мавѣлалахъ“.
 сказалъ онъ своему сыну: „Въ пятницу ходитъ вонъ не выходи“.
 Кетта дѣ вѣлла цуінің. Цѣка чуахъ віжина хара ұл-
 Ударился отецъ умеръ у него. Разъ внутри покоился этотъ когда де-
 лухъ чу сёрлуа кетта, дің терсена, іѣраш цојзана,
 жалъ внутрь свѣтъ ударился, конь заржалъ, борзны собаки завизжали,
 куірірчі дѣкка. Чуахъ ұа-ацавѣлла ара-а вѣлла, шіең
 коршунъ залѣли. Внутри сидѣть не могли, изнутри вылезъ, своего
 діна хііна, іѣраш тіѣха-а дѣхна, куірінаш бѣлендѣ-а
 на коня сѣвъ, борзыхъ собакъ сзади выведши, коршунъ на плечи

хоувшіна, вахана і сёрлуанаш гуччухула за. Дука,
посадивъ, уѣхалъ этотъ освѣщеніе гдѣ было видно туда. Много
қазіг іѣхуш, і кешна цхенің бѣрзуге. Оцу бѣрзук
мало уходи, этотъ прибылъ одинъ на курганъ. Этотъ въ курганѣ
дѣлуш ъуіріг хілла, оцу ъуіргічу вахана і. Ђуіргах хілла
находься нора была, эту въ нору пошелъ этотъ. Въ норѣ былъ
каңвѣлла стѣг, канъелла зудаң, пхиттар
состарѣвши человекъ, состарѣвшая женщина, въ пятнадцатилѣтній возрастъ

вѣлаң пхі шуа іѣшуш қант-а Ғенің Кургул бѣхуш це-а
войти пять лѣтъ не досталщій молодець Хама Кургуль говоря или
јблущ волуң. Те-вванчу қанте хѣттіна вѣккучу стага:
ниѣ. Намеднато молодца спросилъ большой (старый) человекъ:

„ахъ һуң лѣладуа“ ѣлле. Цуа ѣлле: „саң дѣс:
„ты что носишь съ собою“ сказалъ. Онъ сказалъ: „моимъ отцомъ
ша дѣна волуш ѣллер суѣга: „дѣріскің дѣнахъ лѣлаң
самъ жилъ будучи сказано было мнѣ: „въ пятницу днемъ ходитъ

маѡуалахъ“ ѣлле. Цка віжина суа Ғиллучу хѣнахъ чу
не ходи“ сказалъ. Разъ покоюло я лежащему во время внутри

сёрлуа кітір суана, арарің дің терсер, іѣраш цојзар,
свѣтъ ударилаь мнѣ, извинѣ конь заржалъ, борзны заивжали.

куірінаш дікір, тѣкка Ғіѣ-а-павѣлла, вѣбу ша“ цуа ѣл-
воршунн запѣли, потомъ сидѣть не могли, иду (ѣду) самъ“ онъ когда

чахъ, воккучу стага ѣлле: „і сёрлуа јѣттаріг
сказалъ, большой (старый) человекъ сказалъ: „этотъ свѣтъ ударяющая

јуоѡ ју, куа ваша-а ву цуінің, сёрлуанаште хуа
дѣвица (дочь) есть, три брата есть у нея, на освѣщеніе ты

маѡуа, вуірву хуа; цѣр ханъ муххуле-а кѣчурбацара
не ходи, убьютъ ты (тебя); они твой ни въ коемъ случаѣ не достала бы

ціга вахаң ницк, һѣку саң қентің кѣчурбара ціга вахаң
туда пойти сила, этого моего сына достала бы туда пойти

ницк пхиттар вѣлчахъ, пхиттар
сила въ пятнадцатилѣтній возрастъ выйдя, въ пятнадцатилѣтній возрастъ

вѣлаң пхі шуа іѣшуш ву і“. „Суа вахазаң Ғір-вац“
выйти пять лѣтъ не хватая есть этотъ“. „Я не пойти сидѣть-рѣтъ“

Әле һара туа-хавәлчәх, „хуа джа-а вахајтана суа зир
сказавъ этотъ когда собрался, „ти (тебя) туда отпустивъ а сидѣтъ
вѣц бухах“, Әле вѣч-авәлла ара вәлла і хә-
нѣтъ на днѣ“, сказавъ нарядившись, вонъ (изнутри) вышелъ этотъ съ
пшпцаң. Дука, қәзіг іехуш іуш кешна оцу јуоҗаң вѣжірша
гостемъ. Много, мало уходя они прибыли этой дѣвцы братьями
бај-анчу нѣхиң дѣкеште. Кѣ-а дінах, кѣ-а бусә іхна іуш
убитыми народа на трупн. Въ три дня, въ три ночи уходили они
цәр бај-анчу нѣхиң хожудуәлмечу дѣкештехула; тәкка іуш
эти убитимъ народа вонъ издающими надъ трупами; потомъ они
кешна кәрлечу дѣкеште, цәрна тәхулу кѣ-а дінах, кѣ-а
прибыли свѣжимъ на трупн, имъ надъ ними въ три дня, въ три
бусә іхна тәхбојлачах, іуш кешна цхенің боккучу
ночи уходя впередъ когда вышли, они прибыли въ одинъ большой
бәрзүте. Бҗенің Курбула пхо туәхна ләттех ша-а, шиең
на курганѣ. Князя Кургула стрѣлу ударивъ въ земля самаго, своего
дің хулдал ларма дѣкка, тәкка пхо туәхха
кона настолько, чтобы скрыться яму извлекъ, потомъ стрѣлу ударивъ
шиең нәкуаст-а, цүінің дің-а чуһуоттәл ларма дѣкка.
своего товарища, его коня настолько, чтобы стать яму извлечь.
Оцу бәрзүқл вәхш вблчу ка а нәрт-ерхстуајң вашас
Этого подъ курганомъ живя бывшимъ три нарти-эрхстойцевъ братья
шајн зімхуволуң ваша ара вәлітана ладуараң. Ара вәл-
своего младшій что есть брата вонъ выпустили послушать. Вонъ вышед-
лечу куінің дің-а терсена, іәраш цојзана, куірінаш дѣкка.
шему его конь заржалъ борзны завизжали, коршунн запѣли.
„Шајң дә валаң шуң, шу стәнна дѣка, стәнна ціза,
„Свой отецъ да умри у васъ, вы на что поете, на что визжите,
хуа стәнна терса, куза вәачах вобуң-вәріг Бҗенің Курбул
ты на что ржешь, сюда если притти придетъ сущій Хава Кургула
ву, пхитгара валаң пхі шуа іешуш волуң“.
есть, въ пятнадцатилѣтній возрастъ шѣти лѣтъ не достигающій есть“.
„Вәм-маванер ша, вәача туалах“ Әле хәла-а іккіна
„Притти пришелъ самъ, если притти одолѣю“ сказавъ вверх прыгнувъ

пхо туєхна, віна цуа і. Такка вуаж ваша вахај-
стрѣлу ударивъ, убилъ онъ этого (его). Потомъ другой братъ отпу-
тана вѣккучуа: „хѣжа, һунда хѣвѣлла вахајтанаріг“,
стиял старшій (большой): „смотри, зачѣмъ замѣшкался посланный“,
ѣлле; ара вѣлчахъ цуініцъ дің терсена, іѣраш-а цѣозана,
сказавъ; вонъ вышедши его конь заржалъ, борзны завизжали,
куірірчі дѣкка. „Шајн дѣ валаң шуң, шу стѣнна дѣка,
жоршунъ запѣли. „Свой отецъ да умри вашъ, вы на что поете,
стѣнна цѣза, хуа стѣнна терса, куза вѣачахъ вѣбуң-веріг
на что визжите, ты на что ржешь, сюда если притти придетъ сущій
Бѣніцъ Курбул ву, іх пхиттаріцъ вѣлаң пхі шуа
Хана Кургулъ есть, этотъ пятнадцатилѣтній возрастъ выйти пять лѣтъ
іѣшупш ву“. „Вѣм-мавеанер ша, веача туалахъ“, ѣлле
не достающій есть“. „Притти-пришелъ самъ, пріяда одолѣю“, сказавъ
пхо туехна і-а віна цуа. Тѣха вахајтанаріг-а вуа
стрѣлу ударивъ и этого убилъ онъ. Послѣ посланный назадъ
цавеачахъ, вѣккуху-вѣрігъ ара вѣлла куа куаг болуш,
не пріяда, старшій сущій вонъ (изнутри) вышелъ три ноги имѣющій,
куа лѣріг долуш болчу діна-а хііна, ѣліцъ рѣбъ сѣнна јѣккунъ
три уха имѣющій сущій на коня сѣвъ, сѣна скырду какъ большой
бѣрзана чхоньур јуктѣхѣ јуоллѣна, куініцъ дің-а терсена, іѣ-
булатный кистень за талію заткнувъ, его конь заржалъ, бор-
раш-а цѣозіна, куірінаш дѣкка: „шајң дѣ валаң шуң,
змя завизжали, коршунъ запѣли: „свой отецъ да умри у васъ,
кѣва вѣачахъ вѣбуң верігъ Бѣніцъ Курбул-ву, іх пхит-
сюда если притти придетъ сущій Хана Кургулъ есть этотъ пятнадцати-
таріцъ вѣлаң пхі шуа іѣшупш ву“. „Вѣм-мавеанер
лѣтній возрастъ выйти пять лѣтъ недостающій есть“. „Притти прешелъ
ша, веачахъ туалахъ“ ѣлле, пхо туєхна цуа цунна; пхо
самъ, пріяда если одолѣю“ сказавъ, стрѣлу ударивъ онъ ему; стрѣла
зѣввв... ѣлле буха іккіна, такка сха-а-дѣхна тѣрраш
зѣввв... сказавъ назадъ прыгнула, потомъ обнаживъ шапки
туєхна цѣр вѣвмашна, тѣрраш-а вѣг-а-дѣлла уоха-ѣгна; тѣкка
ударили они другъ другу, и шапки сломавшись внизъ-цали; потомъ

жуктѣхар сха-жѣккіна ёлің рѣз санна жоккуң-жолуң борзана
няъ-за талин сьуда-излекши сѣна скырѣ какъ большой-сущій булатный
чѣбнѣур туѣхха. Шіена тѣхарцің Җѣнің Курбула сха-лѣцца
кыстѣнь ударилъ. Себѣ съ ударомъ Хана Еургулъ сьуда-поймалт

і. Куа сха-уозза, вукуа дѣа уозза; уеаъ
этогоъ. Онъ сьуда-потануаъ (къ себѣ), другой туда потануаъ; потануаъ
цуінгарің сха жѣккіна, куігің-тѣх мѣлделуң марцхаг-а дѣк-
отъ него сьуда излекъ, рука-на верху сколько есть конецъ изме-

кун, лаестіна вѣртунах туехха, вортунъ жуојна, гѣвратѣрің
кал, размахнувшись на шею у аровъ, шею сломавъ, съ лошади
чувахажтіна. Таѣкка цігарің шіең нѣкуаст іецца вахана Җѣнің
внизъ послалъ. Потомъ оттуда свой товарищъ изьявъ пошелъ Хана

Курбул і нѣртіш бѣхнечу зурга. Оцу зургахъ җаш
Кургулъ этогоъ нарти живущимъ въ нору. Въ этомъ въ норѣ сьидя
хілла жуоз чуѣ сѣрла-а-жѣккіна, тѣех нур дѣгуш.
была дѣвица (дочь) нутро освѣтилось излекши, на верху молнія горя.

„Саң вежрі бај-ана дѣбу шу“, ёлле муахъ туѣхна јілхіна
„Мои братья убивъ идете вы“, сказавъ крикъ ударивъ заплакала

і. „Мајѣлха, хуа јѣлхаң мѣттігъ јѣц, хѣң вежрша бај-анчу
эта. „Не плачь, ты плакать мѣста нѣтъ, твои братьями убитымъ

нѣхің хѣжу дуѣллечу декештѣхула кѣ-а дѣнахъ, кѣ-а
народа вонъ начавшимъ издавать надъ трупами три дня, три

бусе нак бѣна оху-шімму-а, хѣң вежрша бај-анчу керлечу
ночи дорогу сдѣлали мы двое, твои братьями убитымъ новымъ

нѣхің дѣкештѣхула кѣ-а дѣнахъ, кѣ-а бусѣ нѣк бѣна оху-
народа надъ трупами три дня, три ночи дорогу сдѣлали мы

шіммуа, цѣрің масаң јіша хілла хірју, масаң нѣна хілла
двое, ихъ сколько сестра была будетъ, сколько мать была

хір-ју. Хуа јѣлхаң мѣттігъ јѣц, саң нѣкуаст мајра хір-ву
будетъ. Ты плакать мѣста нѣтъ, мой товарищъ мужъ будетъ

хуана, хуа цуінің зудаң хіла. Суа вѣзурву шу долчу
тебѣ, ты его женщина будь. Я приду вы гдѣ находитесь

кѣстаң, хоку зудчуа бѣхуріг-біең һумма-а мадѣлахъ“, ёлле
скоро, эта женщина говоритъ только то чьего не дѣлай“, сказавъ

ца вахана Ыѣниң Кургул. I ца вахачах, мајрачуа
 домој пошелъ Хана Кургул. Этотъ домој когда пошелъ, мужъ
 ёлле шиең зудчѣ: „сха-дѣл вајң зїшлең
 скызалъ своей женщины: „сюда дай наши отъ надворникъ построекъ
 дѣбунуш, вајң јолуң, јѣцучу һумне хожур-вар суа“. Зуд-
 клучи, наши что есть, что нѣтъ нѣчто посмотрѣть-есть л“. Жен-
 чуа дѣлле куинге дѣбунуш, „цхѣниң цїниң дѣбу мадаккалах“,
 щина дала ему ключи, „одного дома ключъ не извлекай“,
 ёлле і ца-а дїцина. Цхѣниң цїниң дѣбу дѣккіна куа,
 сказавъ этотъ домъ рассказавъ. Одного дома замокъ извлекъ онъ,
 деші карајна, вука цїниң дѣбу*) дѣккіна—дѣті карајна;
 золото нашелъ, другого дома замокъ извлекъ—серебро нашелъ;
 такка шїега мабуа ёлле дѣллушехъ ѣе-а цавелла козлубучу
 потомъ себѣ не ходи сказано хотя было сидѣть не могли третяго
 цачу вахана і дѣбуа дѣккіна. Цу цачуахъ хїлла цха
 въ домъ пошелъ этотъ замокъ извлекши. Этотъ въ домъ былъ одиңъ
 нерт хѣјукке туѣхха хоку куагаң кѣриң јуккѣхула чѣк-а
 нартъ среди мозга вбитый колъ ноги ладонь по срединѣ насквозь
 бѣккіна, куагаң, куіриң цѣлгех дїттїна хастамаш чѣк-а
 извлекши, ноги руки въ пальцы вбитые гвозди насквозь
 дѣхна лѣттех іехїтїна, ёшкїң зѣнецең дѣа-а-вїхкіна.
 извлекши въ землю заставивши пойти, желѣза цѣпью туда связанный.
 „Дѣаваста суа“ ёлле нѣрта цуинге. Зудчуа мѣх ту-
 „Развязаи л“ сказавъ нартъ его. Женщина (жена) крикъ у а-
 ёхха „дѣамавасталах“ елчах, һара цавостуш зїна. „Зуд-
 рїла „не развязывай“ сказавъ, этотъ не развязывал остался. „Жен-
 чуа дїцурїг дѣш дац, ас дѣккучу дїкнѣ кѣ-
 щина что говорятъ слова нѣтъ, самъ большому до добраго дѣла до-
 чуар-ву хуа, ахъ куѣсах бѣллуң хастам малбах“; куа
 веду ты, самъ въ ногѣ находящїйся гвоздь если ослабишь“; этотъ
 хастамах куіг тѣѣхха і ваставѣлла. „Ахъ суана дїнаріг
 гвоздь рука ударилъ этотъ развязался. „Ты мѣх сдѣланный

*) Ключъ, замокъ—имѣютъ по-чечен. одно и тоже назв. кажд. дѣбу.

Дѣвица, дочь—тоже одно назв.—јуос.

Женщина, жена „ „ „ зудаң.

дѣккүң дѣиң дѣахар, ас вуйвара хуа“ ѳлле
большое доброе дѣло если бы не было, самъ убилъ бы ты“ сказавъ
буң туѳхха јуіх сѣнна хѣрцах-а вѣккіна і уоха-а
кулакъ ударивъ книшу какъ на изнанку невзвѣсивъ этотъ мизъ-
виліна, цуінің зудаң іѳцца, уча ші куаг туѳхха
положивъ, его женщину (жену) взявъ, въ коридоръ двѣ ноги ударивъ
і ецца тапп-ѳлле вајна і. Цулѳіека цѳа
эту взявъ невзвѣстие куда сказавъ пропалъ этотъ. Послѣ этого одво-
хаң јѳлчах веана ѳѳиң Курбул кѳрге. Јуіх сѣнна
время когда прошло пришелъ Хана Кургулъ къ нимъ. Книшка какъ
харцаха-а вѣккіна јіллучу шіең нѣкуасте хѳтгіна: „хуана
на изнанку извлеки лежащему своего товарища спросилъ: „тебѣ
хілларіг һуң ду, сѳадіца суѳга“ ѳлчах, цуа дѳіпр:
случившееся что есть, расскажи мнѣ“ когда сказавъ, этотъ рассказавъ:
„Сѳјга зудчуа мадѣккалах“ ѳлле дѳллушех, ѳс дѣккір цінің
„Себѣ женщина не извлекай“ сказано хотя было, самъ извлекъ дома
дѳбу, оцу цѳачуах суѳна карір вѳхѳіна цілуш цѳа нѳрт;
замокъ, этомъ въ домѣ мнѣ нашелъ связанннй лежащій одинъ вартъ;
хејуккѳхула туѳхна ешкің хоку куагаң кѳрің
черезъ средину мозга ударенннй (вбитнй) желѣзннй колъ ноги ладонъ-
јуккѳхула чѳк-а-бѳккіна, куагаң, куігің цѳлгех дѳтгіна
черезъ средину насквозъ извлеки, ноги руки въ пальцы вбитне
ѳшкің хѳстамаш лѳтгех іѳхајтіна. Цуа суѳга
желѣзине гвозди въ землю заставивши пойти. Этомъ (онъ) меня
дѳваста ѳлле дѳхар дѳр, зудчуа мавасталах ѳлле
развѣжи сказавъ просьбу сдѳлалъ, женщина (жена) не отвѣзвая ска-
мѳх туѳхчах, суа цѳавостуш-ѳір. „Зударша дуі-
завъ крикъ когда ударила, я не отвѣзвая остался. „Женщина что
цуріг дуаш дац, куагаң цѳлгіх бѳллуң хѳстам малбе
говорятъ слова нѳтъ, ноги въ пальцы находящійся гвоздь ослабъ
ах“ ѳлле цуа дѳхар дѳчах, ша хѳстам малбір і
ты“ сказавъ этотъ просьбу сдѳлавъ, самъ гвоздь ослабилъ этотъ
вѳставелір. „Ах суана дѳнаріг дѳккүң дѣиң дацахар,
развязался. „Ты мнѣ сдѳланное большое доброе дѣло если бы не было,

ас вуір-вар жуа“ ёлле бујң туёхна јуіх сѣнна суа
самъ убить есть ти“ сказавъ кудакъ ударивъ женщину какъ
жарѣха вѣккіна, ўча ші куаг туёхха, саң зудаң
на изнанку измекши, корридоръ двѣ ноги ударивъ, мою женщину (жесу)
іёсна вајна і, цуа шіега ёлчаѣ, цуа туёххечу ші
взавъ пропалъ этотъ, этотъ себѣ когда сказала, этотъ гдѣ ударилъ двѣ
куаг туёхха, тѣп ёлле вајр Ыёниң Кургул. Цѣёниң пѣ-
ноги ударивъ, сказавъ пропалъ Хама Кургул. Въ одно пусти-
на мѣхкѣ вѣлчаѣ, уоха вѣжжа і. Цігаѣ нѣрт-ва-
ня мѣсто вышедши, внизъ (попонтъся) легъ этотъ. Тамъ нартъ умел-
ханчу лѣрте-а вѣлле, оцу лѣрух іёхуш цѣёниң љуіргіте
шему на слѣдъ вышелъ, этотъ по слѣду уходя въ одно на нору
кѣчча і. Оцу љуірга іёхуш кунна карајна нѣрта јігінчу
прибылъ этотъ. Эту въ нору уходя ему найдено нартъ увешей
зудчуң мухур. І тѣсна хілла зудчуа кунна шѣш
женщины мухуръ (печатъ). Этотъ брошена былъ женщиной ему сами
дахана нѣк . бовзајтаң, һара тѣха вѣзаң-љрвоцујла-а
куда пошли дорога чтобы опозналъ, этотъ послѣ войти что не останется
хіина. Дука, қёзіг іёхуш һара кѣчча љуіргабуха; бухѣѣ
узнавъ. Много, мало уходя этотъ прибылъ на дно норы; на двѣ
карајна цунна јѣккунъ шехер, шехераѣ хілла лѣвзар. „Һара
нашелъ ему большой городъ, въ городѣ была свадьба. „Этотъ
һун ловзар-ду“ ёлле хѣттечаѣ, нѣха ёлле Куинге:
что (какое) свадьба есть“ сказавъ когда спросилъ, народъ сказалъ ему:
„цѣа нѣрт ву вѣхіш һѣку шехераѣ, һінца ша јѣліна
„однѣвъ нартъ есть жива въ этомъ городѣ, теперь самъ приведенная
зудаң јѣлуаң вахачаѣ і вајна лѣттең һара шіт-
женщина привести когда пошелъ этотъ пропалъ что стоялъ этотъ двѣ-
тулѣаң шуа-дара, һінца і зудаң јѣлуаш і сѣаведана,
надчатнѣ годъ было, теперь эту женщину приведи этотъ сюда пришелъ,
цунна дѣң ловзар-ду һара“. Оцу шехериң јуккѣхула
ему дѣлаемая свадьба есть этотъ“. Этотъ города черезъ середняу
дѣвуёдеш і кѣчче шуірең љѣмте. Оцу шуірең љѣмте
туда уходя этотъ прибылъ молоко на озеро. Это молоко на озеро

жеана цха зудац. Бѣнің Кургула хѣттема цуингѣ: „хуа
пришла одна женщина. Хана Кургуль спросилъ ее: „ты

буц зудац жу“ ѣлле. Зудчуа ѣлле: „һинца ја-
что (вакая) женщина есть“ сказавъ. Женщина сказала: „теперь при-

лнчу нѣртің зудчуң вѣрбаш жу ша ѣлле. Шура маліта
веденной марта женщиной рабыня есть сама сказала. Молоко разрѣши

суѣга“ ѣлле куа дѣхар дѣчах, „малітаң јини
пить мѣ“ сказавъ онъ просьбу сдѣлавъ, „дать пить возможности

јац, адам хожу јобу“ ѣлле јуір-ју ша цуа; вѣрбаша
нѣтъ, человекъ вонь идетъ“ сказавъ убьетъ сама эта; рабыня

ѣлчах, „кѣчадѣлалц куігінте дѣтгита, ала ах,
когда сказала, „нока не кончится на руки разрѣши пить, скажи ты,

тѣкка хумма-а дѣр дѣц хуана“. Тѣкка цуа сѣа-јѣлле куинге
потомъ ничего сдѣлать нѣтъ тебѣ“. Потомъ эта сюда дала ему

вѣммаѣа. Шѣ хі молчуѣац, вѣммаѣаңчу мухур-а
рукомойникъ. Самъ вода будто пилъ, въ рукомойникъ мухуръ (печатъ)

дѣжина, вѣммаѣа дѣајѣлла цуинге Бѣнің Кургула. І
уронивъ; рукомойникъ назадъ отдалъ ей Хана Кургуль. Эта

вѣммаѣа-а ецца ца-јахачах, шуірех адам хожуа
рукомойникъ влявъ домой когда пошла, отъ молока человекъ вонь (духъ)

је-ана, ас јуір-ју хуа“ ѣлле ховзіна вѣрбаш шіең сту-
пришла, сама убью есть ты“ сказавъ закрутила рабыню свою госпо-

нуа. Вѣрбаша ѣлле: „кѣчадѣлалц куігінте дѣтгита суѣга
жа. Рабыня сказала: „до конца на руки разрѣши пить мѣ

хі, тѣкка хажна лууіріг дѣр-ах суах“. Стунуа кунна
воду, потомъ себѣ что угодно сдѣлаешь ты съ меня“. Госпожа ей

пурма дѣлла. Хі дуттуш качаделчах, стунна вѣігінте
разрѣшеніе дала. Вода наливая когда кончалась, господѣ на руки

дуѣжаа мухур. І мухур дојзана: „ѣант мѣча-ву“
унала мухуръ (печатъ). Этого мухура осознавъ: „молодецъ гдѣ есть“

ѣлле хѣттема цуа вѣрбаше. „Шуірац ѣмі јистең ву“
сказавъ спросила она рабыню. „Молока овера на край есть“

ѣлле шіега ѣлчах, јахана і Бѣнің Кургул вол-
сказавъ себѣ когда было сказано, пошла эта Хана Кургуль гдѣ на-

чу. Јакана текешчах ёлле куа қантё: „Ёј, қант,
ходится. Ушедши на него приближь сказала эта молодцу: „Әй, молодец,
вуаң веана хуа куаа, летчах туёлар вац хуа цул,
не хорошо пришелъ ты сюда, подравнись. одолеть нѣтъ ты сверху него,
шиёң дѣвацің шиёң са долуш вац і, шітгі шарах,
своимъ съ тѣломъ своимъ думу явнѣишій нѣтъ этого, двѣнадцать лѣтъ,
цка гума цакѡлгуш, цка хі цамолуш векеіна леттіна
разъ ничего не проглотить, разъ воду не пившая связаннй стоимъ
і, һёттё-а цавелла і“. „Цуінің са мичха дѡл-
этотъ, не смотря на это не умеръ этотъ“. „Его дума гдѣ нахо-
лу хажа хуа, тѣкка хуур вајна“ ёлле Ғёнің Бур-
дится посмотри ты, потомъ посмотримъ ми“ сказалъ Хава Бур-
гула. Цигариң дѣјахачах, ёлле цуа мајрачё: „хуёцің са-
гуль. Оттуда вернувшись, сказала эта мужу: „съ тобой дума
цакіёралуа саң, тахана цѣресвің дінах віжчах, цунна
не развлекаемая моя, сегодня въ пятницу днемъ легши, ей
тѣдѡбучу цѣрісвің дінах-біёң хеле-а цаѡтту хуа, хајң са
сверху идущій пятницу днемъ только верхъ не стоимъ ты, своя дума
мичха дѡллу діцахѡр-ах суёга, цунах сакіёрурдар ас“.
гдѣ находимся гдѣ укажи ты мнѣ, съ ней развлекается бы сама“.
„Зуідѣх дѣлле зуд, суана хёнге һуң дајтаң
„Въ сторону сучки ставшая сучка, мнѣ кому что заставишь сдѣлать
јѡллуур хуа“ ёлле ара-а јѣккена, ёлле цуа
собираемое ти“ сказалъ вонь (изнутри) извлеки, сказалъ этотъ
цуінге: „І дѣа-гуң ёрз гој хуана, оцу ёрза-
ей: „Этотъ вонь что видно вамнѣ видно тебѣ, въ этомъ камн-
лах бірнал ју, һѡку дуёнёнак дѡллуң-һума летчах, туёлер
мѣ носорогъ есть, этомъ въ свѣтѣ все нѣчто подравнись, осилить
дац, цул туёхна јічах, іккіна лу додур-лу
(одолѣть) нѣтъ, этого ударивши убивъ, бросившись лань бѣжать есть
цунна чуірің, цхённе-а һумануа лѡцур дац і, туёхна
ей изнутри, ни одинъ нѣчто поймаетъ нѣтъ эту, ударивши
і дічах, іккіна пхагал јодур-ју цунна чуірің, цхённе-а
эту убивъ, бросившись заляцъ побѣжитъ ей изнутри, ни одинъ

Һумануа лѳцур жац і, туѳхна і јічаѳ, ѳцу пѳагал-
нѳчто воймасть нѳтъ этотъ, ударивши этотъ убивъ, этотъ внутри
чуаѳ варѳр-ду бутук, оцу бутукчуаѳ ју ко ѳѳгардагац
заядца найдется шкатулка, этѳй въ шкатулкѳ есть три ласточки
ѳуарні, іуш куѳ јічаѳ, лір-ву ша“ цуа ѳл-
дѳтениша, они всѳхъ трехъ убивъ, умру самъ“ онъ (этотъ) когда
чаѳ, і јахана, мајра уѳѳа-а вижітина, ѳѳниц Курбул
сказалъ, эта пошла, мужъ вишь когда легъ; Хава Кургулъ
волчу. „ѳј, ѳѳнт, цахуілуц ду і, і дѳѳа-гуц
гдѳ находится. „ѳѳ, молодецъ, не будетъ есть этотъ, этотъ тамъ что видно
іѳрз гѳј хуана, оцу ѳрзалаѳ бірнал ју, һѳку дуѳ-
камышъ видно тебѳ, этѳмъ въ камышахъ носорогъ есть, этѳмъ въ
ненаѳ дѳллуц һума лѳтчаѳ, цул туѳелер дац ѳѳху, ту-
свѳтъ все нѳчто подравшись, этѳго одолѳтъ нѳтъ говорятъ, уда-
ѳхна і јічаѳ, цунна чуіріц додур-ду лѳ, і лѳ дѳчаѳ,
ривши этотъ убивъ, ѳй изнутри побѳжать ланъ, эта ланъ убивъ,
цунна чуіріц јодур-ју пѳѳгал, і пѳѳгал јічаѳ, цуініц
ѳй изнутри побѳжитъ заядцъ, этотъ заядцъ убивъ, ему
чуаѳ варѳрду бутук, оцу бутукчуаѳ ју ко ѳѳгардагиц
внутри найдется шкатулка, этѳй въ шкатулкѳ есть три ласточки
ѳуарні, і куарнан јаж-ачаѳ, лір-ву і“ зудчуа-ѳлчаѳ,
дѳтениша, этѳхъ дѳтенишей перебивши, умереть этотъ“ женщина когда сказала,
„дѳѳѳуа хажна“ цуінге-а ѳлле, ша вахар і оцу ѳрз-
„иди назадъ себѳ“ ѳй сказалъ, самъ пошелъ онъ этотъ на ка-
ѳе. ѳрзалаѳ јѳллучу бірнелуа ѳлір цуінге: „тема-
мышъ. Въ камышахъ находящійся носорогъ сказалъ ему: „на меня
вѳла, ѳѳнт, хажъ дѳѳ, нѳніц ка малатѳ суаѳ“.
не ид, молодецъ, своихъ отца, мать грѳхъ не приѳшила ко мнѳ“.
ѳѳнт вістцахілчаѳ, пѳітта мангалхуачунна пѳѳ
Молодецъ когда ничего не сказалъ, пятнадцати косарямъ въ пять
дѳнаѳ хаккал болуц ѳр ѳѳка бага-а лѳцпа,
дней столько, чтобы скосить сущій камышъ разъ въ ротъ поймавъ,
ѳужедде куина бірнал. Тѳѳѳѳѳѳѳѳ пѳѳо туѳхна і
бросился ему носорогъ. Давъ приблизиться стрѳлу ударивъ этотъ

нісса қёғар хаајна Ғәниң Курбула. Тақка цунна-чуірің
 ровно на хвостъ посадивъ Хана Кургуль. Потомъ ему изнутри
 іккіна лу дёдда. І туёхна куа дічах, цўнна
 бросилась лань побѣжала. Эту ударивъ этотъ когда умертвилъ, ей
 чуірің јёдда пхйгал; туёхна і уоха-а јілліна, і
 изнутри побѣжалъ залцъ; ударивъ этотъ внизъ положивъ, этотъ
 јаца-ајіна чуірің бутук схабца Ғәниң Курбула. Бутук-
 распоровъ изнутри шкагулу валъ Хана Кургуль. Въ ма-
 чуах ко чёбардағиң қуарни варајна цўнна. Шіна куарниң
 гулкъ три ласточки дѣтениша найдено ему. У двухъ дѣтенишей
 куарта-а беккіна, вўкуң лаг ыдуш вблавёлла Ғәниң Кургуль.
 голони извелиши, другого шею дава пошелъ Хана Кургуль.
 Ғўнна тѣха ведда вбруш хїлла перт, куа лаг җодічах оха-а
 Ему сзади бѣгомъ идя былъ нартъ, этотъ шею подавивъ внизъ
 вужуш, дѣхесчах водуш. Ша тѣха-кїічах ёлле перта куинге:
 падал, отпустивъ бѣжить. Самъ нагнавши сказалъ нартъ ему:
 „І чёбардагаң қуарни сха-лаха̄р ах суана, ах бох-
 „Этихъ ласточки дѣтенишей сюда если бы далъ ты мнѣ, ты что по-
 хуң гума дїрдара ас хуана“. „Сој, хајң зудаң
 желашъ нїчто сдѣлалъ бы самъ тебѣ“. „Я, твою женщину (жену)
 тѣрачу дуинене ах дакках, ас қуарни лурју хуана“
 верхній на свѣтъ ты если выведешь, самъ дѣтенишей дамъ тебѣ“
 Ғәниң Курбула ёлчах, іуш шіена те-а ховшіна, тїерачу
 Хана Кургуль когда сказалъ, онъ себѣ на себя посадивъ, верхній
 дуинена дёккіна нёрта іуш. Тақка куарта-а беккіна чёбар-
 на свѣтъ извелихъ нартъ ихъ. Потомъ голову извелиши лас-
 дагаң куарни јіна, цуінциң нёрт вёлла. Зудчунна, шіең
 точки дѣтенишей убивъ, съ нимъ нартъ умеръ. Женщину, свой
 мајра волчу-а цајуёдеш, шіега јаң ліічах, цунах
 мужъ гдѣ находится не ухода, себѣ пойти когда полагала, изъ нег
 шіена зудаң јіна Ғәниң Курбула.
 себѣ женщину (жену) сдѣлавъ Хана Кургуль.

Жиль-былъ одинъ князь. У него былъ единственный сынъ.
 Умирая, онъ сказалъ ему: «не выѣзжай изъ дому въ пятницу, а
 то быть бѣдѣ». Вскорѣ послѣ смерти отца—въ пятницу, когда мо-

лодой человекъ повоился въ комнатѣ, послѣдняя озарилась вдругъ необыкновеннымъ свѣтомъ; одновременно съ этимъ конь заржалъ, борзья завизжали и соколы подняли крикъ. Помня отповскій завѣтъ, онъ долго крѣпился, но не могъ усидѣть въ комнатѣ. Онъ вышелъ на дворъ, вывелъ изъ конюшни коня, осѣдлалъ его и поѣхалъ, имѣя съ собою борзыхъ собакъ, въ ту сторону, откуда шелъ свѣтъ. Соколы сѣли ему на плечи. Ъхалъ, ѣхалъ онъ и, наконецъ, прибылъ къ кургану среди пустыни. Въ курганѣ находилась яма, куда онъ и спустился. На днѣ этой ямы онъ увидѣлъ старика, старуху и сына ихъ, по имени Ханъ-Кургуль, которому до пятнадцатилѣтняго возраста не хватало пяти лѣтъ. Старикъ спросилъ его: «По какому дѣлу ты здѣсь?» Въ отвѣтъ онъ сказалъ ему: «Умирая, отецъ завѣщалъ мнѣ въ пятницу изъ дома не выѣзжать. Вскорѣ послѣ смерти отца— въ день пятницы, когда я лежалъ въ комнатѣ, послѣдняя озарилась вдругъ необыкновеннымъ свѣтомъ; одновременно съ этимъ конь мой заржалъ, борзья завизжали и соколы подняли крикъ. Я долго крѣпился, но не могъ усидѣть въ комнатѣ и выѣхалъ. Ъхалъ я въ ту сторону, откуда шелъ свѣтъ. Долго я ѣхалъ и, наконецъ, прибылъ сюда». Старикъ сказалъ ему: «Этотъ свѣтъ идетъ отъ красавицы, сестры трехъ братьевъ нартовъ-эрхустойцевъ; не ѣзжай дальше: не вернешься назадъ, какъ не вернулись многіе другіе. Нарты эти неимовѣрной силы; ихъ никто, кромѣ моего сына, не одолѣетъ, но моему сыну до пятнадцати лѣтъ недостаетъ пяти лѣтъ». Не послушался гость старика и собрался ѣхать дальше. Тогда Ханъ-Кургуль сказалъ, что неприлично, стыдно оставаться дома, отпустивъ гостя одного въ опасный путь, и поѣхалъ съ нимъ. Много ли, мало ли ѣхали, но пріѣхали они въ пустынное мѣсто, усѣянное трупами людей, убитыхъ нартами. Три дня, три ночи они ѣхали по трупамъ, издававшимъ вонь, затѣмъ три дня и три ночи они ѣхали по свѣжимъ трупамъ и, наконецъ, прибыли къ большому кургану. Ханъ-Кургуль разъ ударилъ стрѣлою и вырылъ яму, въ которой могъ свободно съ конемъ скрыться; другой разъ ударилъ стрѣлою и вырылъ яму, въ которой гость съ конемъ могъ свободно скрыться. Подъ этимъ курганомъ жили братья нарты-эрхустойцы. Они выслали младшаго своего брата узнать, все ли благополучно кругомъ. Конь выѣхавшаго нарта заржалъ, борзья завизжали и

соколы подняли крикъ. «Да умреть вашъ отецъ!», воскликнулъ нартъ: «зачѣмъ ржешь, зачѣмъ вы визжите, зачѣмъ подняли крикъ? кто могъ осмѣлиться показаться сюда! Только одинъ Хань-Кургулъ могъ бы быть здѣсь, но ему до пятнадцатилѣтняго возраста недостаетъ пяти лѣтъ». — «Пріѣхать-то я пріѣхалъ» сказалъ Хань-Кургулъ: «авось, пріѣхавши, одолѣю»; сказавъ это, онъ натянулъ лукъ и стрѣлой положилъ нарта на мѣстѣ.

Долго ждали нарты посланнаго, но не дождались. Почувявъ что-то неладное, выѣхалъ средній изъ братьевъ. И у него конь заржалъ, борзья завизжали и соколы подняли крикъ. «Да умреть вашъ отецъ» воскликнулъ онъ съ сердцемъ: «зачѣмъ ржешь, зачѣмъ вы визжите, зачѣмъ подняли крикъ? кто смѣетъ показаться сюда; только одинъ Хань-Кургулъ могъ бы быть здѣсь, но ему до пятнадцатилѣтняго возраста недостаетъ пяти лѣтъ». Тогда Хань-Кургулъ сказалъ: «Пріѣхать-то я пріѣхалъ; авось, пріѣхавши, одолѣю!» Съ этими словами, онъ натянулъ лукъ и ударомъ стрѣлы положилъ нарта на мѣстѣ.

Наконецъ, выѣхалъ старшій изъ братьевъ; онъ сѣлъ на трехногаго, треухаго коня, заткнувъ за поясъ кистень, величиною въ скирду сѣна. И у него конь заржалъ, борзья завизжали и соколы, сидѣвшіе на его плечахъ, подняли крикъ. «Да умреть вашъ отецъ!», воскликнулъ и онъ: «зачѣмъ ржешь, зачѣмъ визжите, зачѣмъ подняли крикъ? кто осмѣлился бы показаться сюда, кромѣ Хань-Кургула, которому до пятнадцатилѣтняго возраста недостаетъ пяти лѣтъ». — «Пріѣхать-то я пріѣхалъ» сказалъ Хань-Кургулъ: «авось, пріѣхавши, одолѣю». Сказавъ это, онъ изо всѣхъ силъ натянулъ лукъ и пустилъ въ него стрѣлу, но она со звономъ отскочила назадъ, не причинивъ нарту никакого вреда. Тогда они съ обнаженными пашками кинулись другъ на друга и такъ сильно ударились, что въ рукахъ у нихъ остались только однѣ рукоятки. Затѣмъ нартъ выхватилъ изъ-за пояса кистень и рязмахнулся на Хань-Кургула, но послѣдній увернулся отъ страшнаго удара, ловко вырвалъ его изъ рукъ нарта и однимъ ударомъ по головѣ его же собственнымъ кистенемъ положилъ его на мѣстѣ.

Покончивъ съ нартами, Хань-Кургулъ съ гостемъ спустились въ яму—жилище нартовъ. На днѣ ея, сіяя красотой, сидѣла сестра нартовъ. Увидя чужихъ, она горько заплакала, гово-

ри: «вы пришли сюда не иначе, какъ только убивъ моихъ братьевъ». «Не плачь—не горюй: мы три дня, три ночи ѣхали по трупамъ, издававшимъ вонь, столько же по свѣжимъ трупамъ людей умерщвленныхъ твоими братьями. Подумай только сколько сестеръ осталось безъ любимыхъ братьевъ, сколько матерей безъ сыновей. Успокойся, будь женой моего товарища». Затѣмъ сказавъ, что онъ ихъ навѣститъ скоро, Ханъ-Кургуль поѣхалъ обратно домой. Прощаясь, онъ сказалъ своему гостю: «не дѣлай ничего безъ согласія жены, а то худо тебѣ будетъ».

Послѣ отъѣзда Ханъ-Кургула, мужъ обратился къ женѣ съ просьбой дать ключи отъ всѣхъ подворныхъ построекъ: онъ задумалъ взглянуть на богатство свое. Жена дала ему ключи, съ тѣмъ, чтобы онъ не отворялъ только одной комнаты. Отворивъ первую комнату, онъ нашелъ, что она полна золотомъ; отворивъ вторую комнату, онъ нашелъ въ ней груды серебра; тогда онъ отворилъ третью комнату, куда жена строго наказала ему не ходить, и увидѣлъ на полу нарта, связаннаго желѣзною цѣпью; желѣзный коль, вбитый въ голову его, прошелъ черезъ середину ступни и былъ вогнанъ глубоко въ землю; гвозди, вбитые въ пальцы рукъ и ногъ его, прошли черезъ нихъ и вонзились въ землю. Нартъ сталъ просить вошедшаго развязать его. Въ это время съ крыльца жена крикнула ему не развязывать его. «Не слушайся жены своей; я сдѣлаю тебѣ доброе дѣло, если ты хоть одинъ гвоздь, вбитый въ пальцы ноги моей, ослабишь», сказалъ ему нартъ. Лишь только онъ дотронулся до гвоздя, какъ нартъ развязался. «Если бы доброе дѣло, которое ты сдѣлалъ мнѣ, не было столь велико, я бы умертвилъ тебя», сказалъ ему нартъ. И слегка ударивъ его кулакомъ по головѣ, онъ вывернулъ его на изнанку, какъ кишку. Затѣмъ онъ схватилъ его жену и, топнувъ ногами о полъ коридора, поднялся съ ней и исчезъ.

Черезъ нѣкоторое время послѣ этого пріѣхалъ къ нимъ, какъ общалъ, Ханъ-Кургуль, чтобы взглянуть на житье-бытье ихъ. Въѣхавъ во дворъ, онъ былъ пораженъ видомъ своего товарища: онъ былъ вывернутъ на изнанку и страшно стоналъ. Ханъ-Кургуль спросилъ его, что съ нимъ случилось. «Однажды я выпросилъ у жены ключи отъ надворныхъ построекъ», началъ онъ: «чтобы взглянуть на свое богатство. Жена, давая ключи, указала мнѣ на одну комнату, куда строго запретила не ходить, но я по

слабости своей отворилъ и вошелъ въ нее. Въ комнатѣ я увидаль связаннаго нарта, которому колъ, вбитый въ голову, прошелъ черезъ ступню и былъ вогнанъ глубоко въ землю; гвозди, вбитые въ пальцы ногъ и рукъ его, тоже прошли черезъ нихъ и вонзились въ землю. Нартъ сталъ просить меня развязать его. Въ это время жена крикнула мнѣ не развязывать его, но нартъ сказалъ мнѣ: не слушайся жены, если ты ослабишь хоть одинъ гвоздь, вбитый въ палецъ ноги моей, то я сдѣлаю тебѣ доброе дѣло. Я рѣшился исполнить его просьбу. Лишь только я дотронулся до гвоздя, какъ нартъ развязался. Тогда онъ сказалъ: если бы доброе дѣло, которое ты мнѣ сдѣлалъ, не было столь велико, то я убилъ бы тебя. Съ этими словами онъ ударомъ кулака по головѣ вывернулъ меня на изнанку, какъ кишку. Затѣмъ, онъ схватилъ мою жену и, топнувъ ногами о полъ коридора, поднялся съ нею». Ханъ-Кургуль, топнувъ ногами о то же мѣсто коридора, тоже скрылся. Поднявшись на землю, онъ напалъ на слѣдъ похитителя. Идя по этому слѣду, онъ пришелъ къ ямѣ; спускаясь въ нее, онъ нашелъ перстень, который былъ брошенъ похищенной, чтобы указать Ханъ-Кургулу дорогу, которой ее увелъ нартъ: она знала, что онъ, во что бы то ни стало, пустится за ней въ погоню. Долго ли, коротко ли онъ спускался въ эту яму, но наконецъ, достигъ два ея, гдѣ увидѣлъ большой городъ. Въ этомъ городѣ было общее веселіе. Ханъ-Кургуль распросилъ встрѣчныхъ, по какому поводу въ городѣ такое веселіе. Ему отвѣтили: «Въ этомъ городѣ живетъ одинъ нартъ; когда онъ отправился за той женщиной, которую онъ теперь привезъ съ собою, то двѣнадцать лѣтъ пропадалъ безъ вѣсти; теперь онъ съ ней воротился, и мы веселимся, радуясь его возвращенію». Прогуливаясь по этому городу, Ханъ-Кургуль пришелъ къ молочному озеру, гдѣ на берегу увидѣлъ женщину съ кувшиномъ. Онъ спросилъ ее, кто она. Она отвѣтила: «Я рабыня жены нарта, недавно имъ приведенной». Ханъ-Кургуль попросилъ дать ему выпить молока изъ кувшина. «Я боюсь, что меня убьетъ госпожа, почуявъ духъ человѣческой отъ молока», сказала рабыня. «Не бойся; попроси свою госпожу разрѣшенія вылить ей на руки все молоко изъ кувшина; тогда она, ручаясь, не убьетъ тебя». Женщина дала ему кувшинъ. Ханъ-Кургуль, показывая видъ, что пьетъ, незамѣтно для нея бросилъ въ кувшинъ найденный имъ перстень. Поблагодаривъ, онъ подалъ ей

кувшинъ. Рабыня пошла домой, но на нее набросилась госпожа съ угрозами, что она ее убьетъ, такъ какъ отъ молока слышенъ духъ человѣческій. «Разрѣши мнѣ, госпожа, вылить все молоко изъ кувшина тебѣ на руки, и тогда дѣлай, со мной, что тебѣ угодно», сказала ей рабыня. Госпожа согласилась. Когда все молоко вылилось ей на руки, упалъ перстень. Опознавъ этотъ перстень, она спросила ее: «Гдѣ находится молодой человѣкъ, съ которымъ ты видѣлась на берегу молочнаго озера; проводи меня къ нему». Подойдя къ Ханъ-Кургулу, она сказала ему: «Эй, молодецъ, напрасно ты пришелъ сюда; не сбьтсья твоимъ затѣямъ. Нартъ силы неимовѣрной; душа его не обитаетъ въ его тѣлѣ; ни разу не принявъ ни пищи ни питья, онъ связаннымъ находился двѣнадцать лѣтъ». «Пойди узнай», сказалъ ей Ханъ-Кургулъ: «гдѣ находится его душа, а тамъ увидишь, что будетъ. Возвратясь домой, она говоритъ нарту: «нѣтъ мнѣ съ тобою развлечения: въ пятницу заснувши, ты въ пятницу только просыпаешься; скажи мнѣ, гдѣ твоя душа находится; быть-можетъ, съ нею мнѣ было бы веселѣе». Нартъ догадался, съ какою цѣлью жена спрашиваетъ его о его душѣ и говоритъ ей: «Сучка! кого подговариваешь ты погубить меня?» Затѣмъ онъ вывелъ ее на дворъ и, указывая на камышъ, который росъ неподалеку, говоритъ ей: «Видишь ли вонъ тотъ камышъ? Въ немъ находится носорогъ; все существующее въ мирѣ не одолѣетъ его. Если его убить, то изнутри его выскочитъ олень, быстрѣ котораго никого нѣтъ на свѣтѣ. Если оленя убить, то изнутри его выскочитъ заяцъ, котораго никто не поймаетъ; если убить и того и распоротъ ему животъ, то внутри его найдется шкатулка; въ ней находятся три дѣтеныша ласточки; если ихъ убить, то умру и я». Когда нартъ послѣ этого заснулъ своимъ продолжительнымъ сномъ, она пошла къ Ханъ-Кургулу и говоритъ ему: «Эй, молодецъ, не сбьтсья твоимъ намереніямъ; видишь ли вонъ тамъ—густой камышъ. Въ этомъ камышѣ находится носорогъ: его никто не одолѣетъ; если убить его, то изнутри его выскочитъ и побѣжитъ олень, быстрѣ котораго нѣтъ никого въ свѣтѣ; если оленя убить, то изнутри его выскочитъ заяцъ, котораго никто не поймаетъ; если и того убить, то внутри его найдется шкатулка, въ которой находятся три дѣтеныша ласточки; если ихъ убить, то умретъ и нартъ». Сказавъ ей, чтобы она вернулась домой, Ханъ-Кургулъ пошелъ въ тотъ

камышъ, гдѣ обиталъ страшный носорогъ. При его приближеніи, показался носорогъ и говоритъ ему: «Убирайся отсюда поскорѣе по добру-по здорову!» Но Ханъ-Кургуль не тронулся съ мѣста; тогда носорогъ бросился на него, захвативъ въ пасть столько камышу, что его хватило бы пятнадцати носоромъ на пять дней работы. Давъ ему приблизиться, Ханъ-Кургуль однимъ ударомъ стрѣлы убилъ его наповаль. Изнутри убитого носорога выскочилъ олень и пустился бѣжать. Когда олень былъ убитъ, изнутри его выскочилъ и побѣжалъ заяцъ. Убивъ зайца и распоровъ ему животъ, Ханъ-Кургуль вынулъ изнутри его шкатулку; въ ней онъ нашелъ трехъ дѣтенышей ласточки. Свернувъ двумъ дѣтенышамъ головы и давя у третьяго дѣтеныша горло, пошелъ впередъ Ханъ-Кургуль. За нимъ въ слѣдъ бѣжалъ нартъ. Онъ падалъ на землю, когда Ханъ-Кургуль придавливалъ шею дѣтенышу, и бѣжалъ—когда тотъ отпуская. Догнавъ Ханъ-Кургула, нартъ говоритъ ему: «Отдай мнѣ живого дѣтеныша, я тебѣ сдѣлаю все, что ты пожелаешь». — «Если ты меня и свою жену вывезешь на себѣ на землю, то я отдамъ тебѣ его». Нартъ согласился. Онъ посадилъ ихъ себѣ на спину и вывезъ на землю. Ханъ-Кургуль свернулъ голову и послѣднему дѣтенышу; съ нимъ палъ мертвымъ и нартъ. Но женщина не желала больше вернуться къ своему мужу и сдѣлалась женой своего избавителя.

3. Какъ Насръ-Эддинъ одурачилъ вѣтхъ?

Ша цавојзачу јуирта-а вахана вуѣссина мѡл-Несерт
 Самого гдѣ не знаютъ въ аулѣ пошелъ слѣзъ мулла Насръ-Эддинъ
 цѣа зудац јолчу. Цуа ѣлле зудче: „суа ѣхертер
 одна женщина гдѣ находится. Онъ сказалъ женщицѣ: „я съ того свѣта
 вѡбу, цѣгарчу хѡц дѡс, нѡнас; пхѣ гѡлі сѣскалѣцѣ
 иду, оттуда твои отецъ, мать; пять мѣшковъ кукурузной муки
 да-ајта бѡхара суѣцѣцѣ“, цуа ѡлчаѣ, „јѣш-јѡц
 чтобы прислала говорила со мною“, онъ когда сказалъ, „возможности нѣтъ
 мацал-балајтацѣ“, ѣлле шѣцѣ дера гулдѣна, ѣѣшу-
 отъ голода чтобы умерли“, сказавъ свою сколько есть собравъ недо-

ріг нәхе дехна, шајң вәрдана і сіскалға-а дїлліна,
стающую народа просивъ, своѣ на арбу эту кукурузную муку положивъ,
бұллук діна вёлчахъ ца јо-ајтур ахъ вардаң ёлле,
дѣло сдѣлалъ когда выйдешъ домой пришлешъ ты арбу сказавъ,

вахажтар цуа мѡл-Несерт. Зудаң җіехіна вуёдаң і,
послала она мулла Насрь-Әддина. Женщину надувши идущій этотъ
кечір жа дѣжуаш җачу җуинте. „Хуа вѣла вёлла,
прибыль стадо пасущій сидящему на пастуха. „Ты выйди умерши,

ішта дѣжадуа жа“ шіёга мѡл-Несерта алчахъ, „мұха
такъ развѣ пасуть стадо“ себя мулла Насрь-Әддинъ сказавъ, „какъ
дѣжадуа жа, хіёха суана“, ёлір җуинуа. Мѡл-Несерта
пасуть стадо, научи меня“, сказавъ пастухъ. Мулла Насрь-Әддинъ

дїр цунна хёхар: „Гѣза-а јіна, дїнна цуаа-а јеккіна
сдѣлалъ ему совѣтъ: „Козу заръзавъ, дѣлникомъ шкуру измекши,

і куартах-а јуёллана хуа җадда лѣттахъ, жа ша дѣ-
эту на голову надѣвъ, ты тихо если постоишь, стадо само па-

жїр-ду сарраң, дивің дузур-ду“. Шіёга аллеріг бак-а
стись будетъ до вечера, хорошо сытымъ есть“. Себѣ что сказано правда

муёттіна, цуа аллеріг-а діна і дѣа-һуёттічахъ, цуінің
подумаваъ, онъ что сказано сдѣлавъ этотъ туда когда сталъ, его

жа мёллеша лѣхкіна вахана мѡл-Несерт. Вуёдеш і
стадо тихо погнавъ пошелъ мулла Насрь-Әддинъ. Идя этотъ

кешна гүл баҗуаш вѡллучу стаган-те. Цуінің вардаң,
прибыль стволъ расколотъ собирающемуся на человекъ. Его арбу,

стѣрчі дїгаң уѡјла-а хїлла, мѡл-Несерта ёлле цуинге:
быковъ увезти думу (въ думѣ) бывъ, мулла Насрь-Әддинъ сказавъ ему:

„Хуа вѣла вёлла, ахъ сәнна цабаҗтобј гүл“. „Мұха
„Ты выйди умерши, самъ какъ не раскалываютъ стволъ“. „Какъ

баҗуаң бѣзара і, хіёха суана“ цуа алчахъ, цуинге ёлле
расколотъ слѣдовало этотъ, научи меня“ онъ сказавъ, ему сказавъ

мѡл-Несерта: „дїг суёга-а лој, хажъ кугіш гүл бѣт-
мулла Насрь-Әддинъ: „гопоръ мною давъ, твои руки стволъ гдѣ рас-

чу-а дуахве, хуа дѣа-һуатта, тѣкка ас дѣр хуана хё-
кологса всунувъ, ты туда стань, тогда самъ сдѣлавъ тебѣ со-

хар". Цуа бохуріг-а діна і дѣа-хуѣттечах, дїг туѣхна
вѣтъ". Онѣ что говорятъ сдѣлавъ эту туда когда сталъ, тоноръ ударивъ
зѣл дѣа-а бахајтіна, цуінің вардаңте ах сіскілдѣа-а
клинъ туда послалъ, его на арбу половину кукурузной муки
дїлліна, і вітіна, вахана мѣл-Несерт. Ёццѣрің дѣа-
положивъ, зготъ оставивъ, послалъ мулла Насръ-Эддинъ. Оттуда туда
вуѣдечу цунна јѣйна шіѣна дуіхіл јѣбуш іс вѣрда,
идущему ему увидѣлъ себѣ навстрѣчу идущія девять арбъ,
цѣаңца стѣг тїѣх јѣш. Іуш шіѣна бајчах, варданаш,
по одному человѣку на верху сядя. Они себѣ увидѣвъ, арбн,
жаа соуцајна, јуххѣхула дуѣдачу хічу-а іккіна бѣрд-а
стадо остановивъ, близко текущую въ воду бросившия берегъ
таѣјна і чуцаба-ајтаң санна дѣа-хуѣттеена. Шіѣш тѣ-
придавивъ зготъ чтобы не упалъ какъ туда сталъ. Сами на него
кешчах дуіхіл бѣбучу нѣха хѣттена цуінге: „хуа һуң дѣш
прививъ навстрѣчу идущій народъ спросилъ его: „ты что дѣлал
вѣллу“ ёлле. Мѣл-Несерта ёлле: „тахана һара бѣр-
нахожусь“ сказалъ. Мулла Насръ-Эддинъ сказалъ: „сегодня зготъ бе-
д-а хѣрціна, ахча чуѣбодуң де ду, қѣлдїллаң істїнг
регъ свалившисъ, деньги внизъ бѣжать день есть, внизъ положить войлокъ
цѣаха дїцдѣлла веана суа, шу суа јуха вѣллалц бѣрд
дома позабивъ пришелъ а, вы а назадъ пока не придутъ берегъ
лѣсна лѣттахѣр, істїнг дѣц јуір вар суа“ цуа алчах,
держа если постоите, войлокъ принести пойти есть а“ онѣ сказавъ,
нѣх бѣрдаң қѣл хуѣттеена. Ёццѣрің пѣрің шіѣң варданаш
народъ берега внизу стали. Оттуда ихъ свои арбн
ѣсна, жа хѣлха-а дѣккіна, вахана мѣл-Несерт. Іѣхуш
взявъ, стадо впередъ извлеки пошелъ мулла Насръ-Эддинъ. Ида
і кѣшна цѣхѣнің јуїрта: цїггах варданаш-а стѣрчі, жа-а
зготъ привилъ въ одинъ аул: тамъ арбн бнвовъ, стадо
дуѣхѣіна, вѣрданапшѣх хїлла қадїң шіѣна-а дїтіна, ахчанах
продавъ, на арбахъ бывшїя товаръ себѣ оставивъ, на деньги
туїка-а ѣсна, чу нѣхїң қадї-а дїлліна, соудѣгар-а хїлла
лавку купивъ, ввутьр чужой товаръ положивъ, купцомъ сдѣлавши

вѣхаң хііна мѡл-Несерт. Цѣха хаң јѣлчах, ца
живъ сѣлъ мулла Насръ-Эддинъ. Одно время когда прошло, домоѣ
везачу стагана шіең стѣрчі, вардаң зудаң ѣіѣха-ајіна,
прибывшему человеку свои бики, арба женщину надувъ,

дїгна-а карајна, мѡл-Несертана тѣха вахана. Вуѣдеш і
увелъ нашелъ, мулла Насръ-Эддинъ послѣ пошелъ. Уходя этотъ
кѣшна ѣазана ѣуака куартах-а јуѣллана, лѣттечу стаганте.
прибывъ козы шкуру на голову надѣвъ, стоящему на человекѣ.

Траввахана цуинге хѣттена мѡл-Несерта: „Хуа һуң дѣш
На него пойдя его спросилъ мулла Насръ-Эддинъ: „Ты что дѣлая
лѣтта кузах“, ѣлле. „Жа дѣжуаш лѣтте суа“ ѣлір цуа.
стойшь здѣсь“, сказалъ. „Стадо пасу стою я“, сказалъ онъ.

„Жа дѣң кузах“, шіѣга ѣлчах, ѣуака дѣа-ајѣккіна хѣжчах,
„Стада нѣтъ здѣсь“, себя сказавъ, шкуру туда извлекши посмотрѣлъ,
жа дїгна-а карајна, ша ѣѣхіна стѣг вїцір цуа.
стадо угналъ найдя, себя надувшаго человекѣмъ сказалъ кто онъ.

„Хуа, суа ѣѣхінаріг цѣха стѣг-ву“ ѣлле і ѣсна,
„Ты, я надвавший одинъ человекѣмъ есть“ сказавъ этого взявъ,

бахар іуш мѡл-Несертана тѣха. Іѣхуш іуш кѣшна бѣллух
пошли они муллѣ Насръ-Эддину послѣ. Уходя они приближи въ стволѣ

вѡллучу стаганте. „Хуана дїнаріг хаң дїна“ ѣлле,
находящемуся на человекѣ. „Тебѣ сдѣланное кто сдѣлалъ“, сказалъ,

шіѣга хѣттечах, цуа вїціна ша ѣіѣхіна стѣг.
себя спросивши, онъ рассказалъ кто бы себя надувший человекѣмъ.

„Вѣј лѣдїнаріг цѣха стѣг-ву“ ѣлле кѣа цѣені бахар
„Насъ надувши одинъ человекѣмъ есть“ сказавъ трое вмѣстѣ пошли

іуш. Іѣхуш іуш кѣшна бѣрд тајуаң мѡл-Несерта хот-
они. Уходя они приближи берегъ давить мулла Насръ-Эддинъ поста-

тїнчу нѣханате. „Шу һуң дѣш лѣтте, хѣң һуоттїна шуа“
взвѣннѣмъ на людей. „Вы что дѣлая стоите, кто поставилъ васъ“

ѣлле шѣјга хѣттечах, цѣр дїціна һунда шѣш лѣтта, хаң
сказавъ себя спросивши, эти рассказали зачѣмъ сами стоятъ, кто

һуѡттїна. „І стѣг-а војзана, цѣр ѣлле: „Шу ѣіѣхіна,
оставилъ. „Этотъ человекѣмъ познавъ, эти сказали: „Васъ надули,

шеш цатешах дъадовла^а шајга алчах, цѣацца вѣлуш
сами не вѣрите туда отойдите^а себѣ когда сказали, по одному выхода
іуш дъабојлачах, бѣрд цахѣрціна; цунах хіір цѣрна шеш
они когда отошли, берегъ не свалился; изъ этого узнали имѣ сами

ѣіехіне^л. Вѣрдана^ш јігна-а карајна, чѣбу^ц іебу^з-абахана
что надули. Арби увелѣ найдѣ, крѣико рассердивши^{сь}
іуш тѣбехкінчех кѣтта бахар шеш ѣіехінчу ста-
они нашихъ прибывшихъ соединивши^{сь} пошли сами надувшему за чело-

ганте^х. Іехуш, іехуш кѣчир іуш мѣл-Несерт ваха^ц
вѣкомѣ. Уходѣ, уходя прибли^л они мулла Насрѣ-Эддинѣ житѣ
хіінчу јуірта. Ціга^х цінах-хісуп лѣлаш іуш бахна
гдѣ остано^лвися въ аулѣ. Тамѣ дома обискивалѣ ходѣ они пошли

цѣені^ц туікінчу. Чуа^х лѣтти^ц мѣл-Несерт-а војзіна, цѣр
въ одну лавку. Внутри стоявшаго муллу Насрѣ-Эддина познавѣ, эти
ѣлле: „Хуа ву тхо лѣдинарѣ, лінца тхо^ц һуманаш сѣајѣ-
сказали: „Ты есть насѣ надуши, теперѣ наши вещи если не

ла^х, ѣху хѣјна дѣц дѣрѣг хѣјна-а хѣ-а хуана“, бѣхуш
дашѣ, мы тебѣ дѣлать что есть себѣ знаешь тебѣ“, гора

ша хѣвзіча^х, мѣл-Несерта ѣлле: „Шу тилдѣлла,
себѣ покрутивѣ, мулла Насрѣ-Эддинѣ сказалѣ: „Вы заблудили^{сь} (ошибили^{сь})

суа ва^ц і“. „Кѣрста^нмадѣ, тху^ана кѣлхѣрѣц вѣрг
я нѣтъ этотѣ“. „Не отказываться не дѣлай, намѣ снizu выйтѣ

вѣц хуа“ шіѣга алча^х, мѣл-Несерта ѣлле: „Шух
нѣтъ ты“ себѣ сказавѣ, мулла Насрѣ-Эддинѣ сказалѣ: „Изъ васѣ

хѣрцлічуінга тховса вѣжча^х нѣра јѣр-ју, цајѣл-
неправду говорящѣй вступающую ночь легши поносѣ выйдѣтъ, не вышед-
лерг бак лі, цуа бѣхурѣг ас да^ц сѣјна тѣ-
ши правду говорятѣ, этотѣ что говоритѣ самѣ сдѣлать себѣ беру

лѣцу, јѣллечуа суѣга кѣтѣ ала^ц цадѣза“ алча^х, іуш
на себѣ, миѣ ничего сказать не слѣдуетѣ“ сказавѣ, они

рѣзахілла мѣл-Несерт бѣхучунна. Мѣрза^ц һума-а јііна,
согласили^{сь} мулла Насрѣ-Эддинѣ что говоритѣ. Сладкое кушанье сѣвѣ,

іуш бішіна мѣл-Несерт-чуа^х. Цѣрна нѣбакѣтѣтана, хѣ-
они легли мулла Насрѣ-Э дина внутри. Имѣ даѣв заснутѣ, шта-

чѣш-а јѡстуш мѡл-Несерта јіттіна хѣчеш-чу ѡјна
 ни развязивал мулла Насръ-Эддинъ валкатъ въ штаны пшенинѣ
 чѡрпа. Буса самбојлчах, шѣш бѣхдѣллѣла-а хііна бојдда
 супъ. Ночью проснувшись, сами что замарались узнавъ бѣгомъ
 бахана іуш, мѡл-Несерт шіѣң хѡлтѣх вісіна.
 пошли они, мулла Насръ-Эддинъ своемъ на богатствѣ остался.

Мулла Насръ-Эддинъ однажды пошелъ въ аулъ, гдѣ его вовсе не знали. Зайдя въ одинъ изъ домовъ, онъ засталъ одну только женщину; мужъ ея былъ въ отлучкѣ. Насръ-Эддинъ говоритъ ей: «Я иду съ того свѣта; тамъ отецъ и мать твои сильно голодаютъ; они просили, чтобы ты непременно черезъ меня прислала имъ пять мѣшковъ кукурузной муки». Она повѣрила словамъ его и, собравъ требуемое количество муки (часть нашла дома, часть она взяла въ долгъ у сосѣдей) отпустила его, положивъ муку на свою арбу и сказавъ, чтобы онъ, по минованіи надобности, вернулъ арбу и быковъ. Идя оттуда, Насръ-Эддинъ увидѣлъ въ полѣ стадо овецъ. Подойдя къ пастуху онъ говоритъ: «Глупый! развѣ такъ пасутъ стадо». — «Какъ же нужно, научи меня» говоритъ пастухъ. Насръ-Эддинъ даетъ ему такой совѣтъ: «Нужно зарѣзать козла, шкуру содрать цѣбликомъ, ее надѣть на голову и стоять на одномъ мѣстѣ; вечеромъ шкура сама снимется; овцы будутъ сыты, какъ никогда». Пастухъ зарѣзалъ козла, шкуру ея надѣлъ на свою голову и сталъ, а тѣмъ временемъ Насръ-Эддинъ угналъ его стадо. Идя дальше, онъ увидѣлъ человѣка, вбивавшаго клинъ въ стволъ, чтобы расколоть его. Быки и арба этого человѣка стояли неподалеку. «Не такъ нужно раскалывать стволъ», говоритъ ему Насръ-Эддинъ, подойдя. «Какъ же нужно, научи меня», сказалъ тотъ. Взявъ топоръ, Насръ-Эддинъ говоритъ: «Засунь свои руки въ образовавшуюся щель и смотри впередъ». Когда онъ это сдѣлалъ, Насръ-Эддинъ выбилъ клинъ топоромъ, и руки прищемило. Положивъ половину муки на его арбу и оставивъ его мучиться, Насръ-Эддинъ пошелъ дальше. Идя оттуда, онъ увидѣлъ, что навстрѣчу ему ѣдутъ девять арбъ, нагруженныхъ товаромъ; на каждой арбѣ сидѣло по одному человѣку. Насръ-Эддинъ, желая воспользоваться ихъ арбами, незамѣтно для приближающихся бросился въ мимо протекавшую рѣку. Стоя въ водѣ, онъ изо всѣхъ силъ сталъ напирать на

берегъ. Насръ-Эддинъ привлекаетъ вниманіе подѣхавшихъ: они спрашиваютъ его: «Что ты дѣлаешь?»—«Сегодня берегъ свалится и посыпятся деньги. Бѣда въ томъ, что я забылъ взять съ собою войлокъ, чтобы его подложить. Если бы вы согласились постоять здѣсь за меня, я сбѣгалъ бы домой за войлокомъ». Всѣ девять человѣкъ вошли въ воду и стали напирать на берегъ, а Насръ-Эддинъ со своими и ихъ арбами, имѣя впереди стадо овецъ, пошелъ дальше. Шелъ онъ, шелъ и, наконецъ, прибылъ въ большой аулъ, гдѣ, распродавъ все, кромѣ товара, купилъ на вырученные деньги лавку и въ немъ сталъ продавать чужой товаръ.

Мужъ обманутой женщины скоро послѣ ухода Насръ-Эдина пришелъ домой и, узнавъ отъ жены о случившемся, выругалъ ее и отправился на поиски. Идя, онъ увидѣлъ въ полѣ стоящаго человѣка, съ натянутой на голову козьею шкурою. «Что ты дѣлаешь здѣсь?» спросилъ онъ его, подойдя ближе. «Пасу стадо овецъ», отвѣтилъ тотъ. «Здѣсь нѣтъ, стада; ты, вѣрно, не въ своемъ умѣ», сказалъ прибывшій. Пастухъ снялъ шкуру, посмотрѣлъ кругомъ и, не видя стада, понялъ, что онъ обманутъ. На вопросъ прибывшаго, кто научилъ его такъ пасти стадо, онъ рассказалъ, что утромъ къ нему подошелъ какой-то человѣкъ; съ нимъ была арба, на арбѣ пять мѣшковъ кукурузной муки; онъ-то обманулъ его. Прибывшій, въ свою очередь, рассказалъ, какъ въ его отсутствіи тотъ же человѣкъ обманулъ его жену. Дальше они пошли вмѣстѣ. Идя, они увидѣли полумертваго человѣка. Руки его были въ щели ствола. Они посвѣтили освободить его. Освобожденный рассказалъ, кто и какъ его обманулъ. Затѣмъ, понявъ, что ихъ обманулъ одинъ и тотъ же человѣкъ, они пошли вмѣстѣ. Идя по берегу рѣки, они увидѣли людей, стоящихъ въ водѣ и напирających на берегъ. На вопросъ прибывшихъ, что они дѣлаютъ, они рассказали, въ чемъ дѣло. Узнавъ изъ ихъ рассказовъ обманщика, прибывшіе сказали: «вы обмануты; берегъ и не думаетъ валиться; если не вѣрите намъ, то отойдите отъ берега». Тѣ отошли и обманъ обнаружился. Поднявшись на берегъ, они не нашли своихъ арбъ. Когда прибывшіе сказали, что ихъ надулъ одинъ и тотъ же человѣкъ, они присоединились къ нимъ, и всѣ пошли по слѣдамъ Насръ-Эдина. Шли они, шли и, наконецъ, пришли въ тотъ большой аулъ, гдѣ остался жить Насръ-Эддинъ. Производя въ аулѣ обыскъ,

они зашли въ лавку Насръ-Эддина. Послѣдній, безъ признаковъ какого бы то ни было безпокойства, продолжалъ отмѣривать товаръ покупателямъ. Узнавъ обманщика, вошедшіе закричали: «Обманщикъ! отдай намъ наши вещи безъ разговоровъ; если не дашь, мы тебя поколотимъ и поведемъ разбираться; и тебя, повѣрь, заставить удовлетворить насъ». — «Вы ошиблись; я васъ въ первый разъ вижу; здѣсь крупное недоразумѣніе; для выясненія дѣла я предлагаю слѣдующее испытанное средство: наступающую ночь проведете у меня; кто изъ васъ въ эту ночь заболѣетъ разстройствомъ желудка, то изъ этого будетъ видно, что онъ неправъ и не долженъ безпокоить меня; кто же не заболѣетъ, тотъ правъ, и я его удовлетворю». Съ предложеніемъ Насръ-Эддина всѣ согласились. Наступила ночь. Гости легли и скоро заснули. Въ полночь, когда всѣ они спали крѣпкимъ сномъ, Насръ-Эддинъ налилъ каждому въ штаны пшенной похлебки. Гости въ ту же ночь, узнавъ, что съ ними случился грѣхъ, скрылись; Насръ-Эддинъ же остался при своемъ богатствѣ.

4. Какъ Насръ-Эддинъ наказалъ невѣрную жену?

Мѡл-Нѣсертаң стѣ хілла нѣхацаң дѣлаш, шіена вѣ-
 Мулла Насръ-Эддина жена была съ людьми хода, себѣ лю-
 зарг-а лѣсна. Цѣха һума дагаҳ долуш, мѡл-Несерта
 бовника поймавъ. Одинъ предметъ въ сердцѣ имѣя, мулла Насръ-Эддинъ
 ѣлле цуинге: „дѣрг-а бежніш дѣлла; цѣха јѣтбіең
 сказалъ ей: „всѣ домашнія животныя издохли; одна корова
 бѡдуш дісна вај, хуінхаҳ тѡвң һума діцуш цѣха
 не имѣя остались мы, въ лѣсу что идетъ предметъ говорящій одинъ
 хара пѡп-бу, і бѡлчу баҳār хуа ѳепелгіш діна.
 душистнй чинаръ есть, зотѡ гдѣ есть пошла бы ты блинн сдѣлавъ.
 Пѡп мічха-бу-а діцитіна, ѳепелгіш-а діна, јѣхаң
 Чинаръ гдѣ есть разсказать заставивъ, блинн сдѣлавъ, пойти
 і āра јѣлчаҳ, га дѣккіна вѣдда вахана мѡл-Не-
 эта вонъ когда вышла, вѣтгу извлеки бѣгомъ пошелъ мулла Насръ-

серт хііна о́ду хāра пōпчу. Дўка хāң жāла-
Эддинъ стѣ въ этотъ дуилистнй (внутри) чинаръ. Многое время не уснѣ-
ле куйинің стѣ сха-кѣшинѣ. Цуйнге мōл-Несерта хѣт-
пройти его жена сюда прѣбыла. Ее мулла Насръ-Эддинъ свро-

тена: озā-а хіціна ша цавовзїтаң: „чпелгїш дѣ-
силъ: выговоръ перемѣнивъ самъ чтобы не дать знать: „блины при-
анї ах̣“. „Дѣана“, стѣчуа āлчах̣, іуш шїена чуко-
несла ли ты“. „Принесла“, жена когда сказала, самъ себѣ заставиъ

удајгїна, мōл-Несерта ѓлле: „суѣга хōттурду āх̣, је
по ать, мулла Насръ-Эддинъ сказаль: „меня спросишь ты, или
āјха дуїцїрду ах̣“. „āх̣ дуїцїрду, ѓлле: жајгїна суа“, цуа
сама расскажешь ты“. „Ты расскажешь, сказаль: прислала а“, эта

āлчах̣, „мāр вѣза хуана, је вѣзарг вѣза“, ѓлле
когда сказала, „мужъ любъ тебѣ, или любовникъ любъ“, сказаль

шїега хѣттечах̣, жуāп далаң іѣх̣ хѣташ јїсна і. „Ах̣ āс
себя спросивъ, отвѣтъ дать стыдъ думая осталась эта. „Ты самъ

хѣттенчунна жуāп палах̣, хуāна дїцаң һўма дāц саң“,
что спрашиваю отвѣта не дашь, тебѣ рассказать предмета не есть мой“,

ѓлле мōл-Несерта āлчах̣, зудчуа дїціна: „вѣзарг вѣза
сказаль мулла Насръ-Эддинъ сказавъ, женщина сказала: „любовникъ любъ

суāна“. Тāкка мōл-Несерта ѓлле: „шајң цѣриң јѣт-а
миѣ“. Тогда мулла Насръ-Эддинъ сказаль: „ваши дома корову

бїна і ах̣ цха ѓāјг āјха чуарпѣң цамōлуш, бергѣа
зарѣзавъ эту ты ни одной ложки сама супа не кушала, все

хāјң куѣнахчунна ба-абах̣, і бѣарз-а, кāравелла,
своему мужчннѣ если дать ѣсть, этотъ ослабнеть, оглохнетъ,

хāјң вѣзаргацаң пāрзат лѣлар-ју хўа“. Шїега
своимъ любовникомъ какъ угодно (свободно) ходить есть ты“. Себѣ

āллѣриг дїкїң хѣташ, цѣхїјїрзїр і. Пōпчурїң āра-а
сказанное хорошимъ думая, домой направилась эта. Изъ чїнара вонъ

їккїна, га дѣккїна вѣдда цāвеана шїең стѣчул хāл-
брвсившись, вѣтгу изылекши бѣгомъ домой пришелъ своей жены ран-

ха мōл-Несерта. Ца кѣшчах̣, стѣгуа ѓлле мōл-
ше (впереди) мулла Насръ-Эддинъ. Домой прѣбывъ, жена сказала муллѣ

Несертѣ: „пѣпуа суѣга ѣлір јѣт-а бѣна, і ах бѣрге-а
Насрь-Эддину: „чинарь миѣ сказаць корову зарѣзавъ, эту ты все
ѣѣха ба-ахъ, вајна-дѣхні тѣурду“. „Пѣпуа бѣху-
самъ если съѣшь, намъ домашнія животныя пойдутъ“. „Чинарь что гово-
риг даѣ дѣза“ ѣлле, мѣл-Несерта бѣна шіѣң
ривъ сѣлмать сѣлдуѣтъ“ сказаць, мулла Насрь-Эддинъ зарѣзавъ свою
јѣт. Бѣна јѣт бууш ѣка тѣссал жѣжг дѣсчахъ,
корову. Зарѣзанную корову кушавъ разъ бросить мясо когда остало,
мѣл-Несерта ѣлле стѣче: „суа бѣярзвѣлла, кѣр-
мулла Насрь-Эддинъ сказаць женѣ: „я сѣлпниѣ сѣлмалса, глухнѣ
вѣлла, суѣна гуахъ ѣха са кѣчбѣе, ара-а вѣлла
сѣлмалса, миѣ въ комнать о нѣ уголь приготоувъ, вонъ вѣйди
һинцалѣ дѣвиѣ куѣнаха-а бахѣтина, һинца
до сихъ поръ хорошѣй человекъ (мужчина) заставилъ говорить, теперъ
бѣрзиѣң гүіриг бѣхүјтур даѣ ас сајна нѣхе“, цуа ѣл-
слѣпой чурбанъ говоритъ вѣтъ самъ себѣ народа“, онъ когда ска-
чахъ, меттѣг-а вѣѣјина, і хаѣјна стѣчуа ѣха. Сарахъ
залъ, мѣсто приготоувивъ, этого посадила жена внизъ. Вечеромъ
шѣна јѣчуахъ жѣжг-а тѣсна, цхѣнчуах шіѣнѣ, везарганѣ
въ двухъ котлахъ мясо бросивъ, въ одномъ себѣ, любовнику
ѣснариг, вука-чуахъ, ѣттѣниг куѣнахчуннѣ, вѣзаргѣ кајкаң
купленное, въ другомъ, коровѣе мужнинѣ, любовника позвать
стѣг вахајтана цуа. Вѣана сѣа-кѣшчахъ, вѣзаргуа ѣлле:
человѣка послала она. Иди сюда прибывъ, любовникъ сказаць:
„суа һинца уѣха-вијур, пхѣрдѣчахъ лѣвзар вѣјша“. Вијчахъ,
„я теперъ внизъ лягу, поужинавъ поиграемъ мы“. Когда легъ,
цүнна кѣстаң нѣб-кѣтта. Стѣ ара-а јалѣтана, кѣхкаш лѣт-
ѣму скоро сонъ ударилса. Женѣ вонъ давъ выйти, кипя стол-
таң чуарпа бѣга-а јуѣттена, і стѣг-а вѣна. јүха шіѣң
щѣй сушъ въ ротъ наливъ, этого человекъ убивъ, назадъ свое
мѣттѣ хѣина мѣл-Несерт. Чујѣачахъ вѣзарг вѣлла-а
на мѣсто сѣлъ мулла Насрь-Эддинъ. Комнату зайдя любовникъ (что) умеръ
карѣна, цуа ѣлле мѣл-Несерте: „вѣјна чу вѣлла
найдя, она сказала муллѣ Насрь-Эддину: „намъ въ комнату умершѣй

стӑг тесна, һуң дӑң дѣза ас? Цахезеш-сӑнна
 человекъ брошенъ, что сдѣлать слѣдуетъ самой? Не слышанъ какъ
 ына мӑл-Несерт. Стѣчуа кӑң чӑбуң и ӑлчаӑ,
 остался мулла Насръ-Эддинъ. Жена еще крѣче этотъ когда сказала,
 мӑл-Несерта хѣттена: „мӑла ву и, мӑчӑа вѣхи и?“
 мулла Насръ-Эддинъ спросилъ: „кто есть этотъ, гдѣ живетъ этотъ?“
 Стѣчуа дӑцӑчаӑ, шӑена и стӑг гӑ-а тасај-
 Жена когда рассказала, себѣ этотъ человекъ на спину заставилъ
 тӑна, ша вӑгӑтана цуа цӑрӑң кӑтӑкӑчӑлц. „Суа
 бросить, самъ заставилъ повести оны нкъ до воротъ дошелъ. „Я
 кӑртах ӑаж-а јѣтташ вӑбур-ву“, ӑлле шӑең стӑ ца-а ја-
 о плечень палку ударила пойдутъ есть“, сказала свою жену домой по-
 хажтана, дӑка гӑхӑдӑллушӑх цуӑниң цӑниң неӑарах цӑлг-а ту-
 славъ, группъ на спинѣ имѣл его дома о дверь палець уда-
 ӑхна ӑлле: „Сте! неӑ јӑлӑлӑј суа чува-ајта“. „Хуанам
 ривъ сказалъ: „Жена! дверь отворишь меня внутрь пусти“. „Тебѣ
 мӑл-Несертаң зудаң тӑ-арјӑр, јӑллур јӑц ӑс“, зудчуа
 мулла Насръ-Эддина женщина достаточно, отворишь нѣтъ сама“, женщина
 ӑлчаӑ, мӑл-Несерта ӑлле: „Суа вӑлаң вӑллу,
 когда сказала, мулла Насръ-Эддинъ сказалъ: „Я умреть собираюсь,
 дӑјӑлла неӑ“, ӑлле мӑл-Несерта. „Хуа лӑх јӑллур
 отвори дверь“, сказалъ мулла Насръ-Эддинъ. „Ты умрешь отворишь
 јӑц“, чурчу зудчуа ӑлчаӑ, „суа вӑлиң хуана“,
 нѣтъ“, внутри находящаяся женщина когда сказала, „я умреть тебѣ“,
 ӑлле, дака неӑерцаң іра-а јӑттӑна, ца вахана мӑл-
 сказалъ, группъ съ дверью вверхъ поставилъ, домой пошелъ мулла
 Несерт. Јӑрре ӑра јӑлаң зудчуа неӑ јӑлчаӑ, цуӑниң
 Насръ-Эддинъ. Рано утромъ вонъ выйти женщина дверь отворишь,
 ея
 мӑјрачуң дака цӑнка дуӑжна. „Лӑрву сӑсара бӑхар бӑк
 мужа группъ на полъ упалъ. „Умру ночью говорилъ правда
 хӑллӑне“, ӑлле зудаң јӑлхӑна. „Стӑг вӑллечу нӑхе
 была“, сказала женщина заплакала. „Человекъ гдѣ умреть народа
 кадам баң јахаң јӑза саң, һуң ӑлаң дѣза ас
 соболѣзнованіе сдѣлать пойти надо мнѣ, что сказать слѣдуетъ самой

цѣрге“, ёлле шіѣга стѣчуа ѿлчах, мѡл-Нѣсерта
имѣ“, сказала себѣ жена когда сказала, мулла Насръ-Эддинъ

ѣлле: „Вѡлац цавѣзаріг лѡлву шуц бѡхуш кѣрта жахац
сказалъ: „Умереть не должный да умереть вашъ говора во дворъ пойти

јѣза хуа“. Шіѣга ѡла ѡллеріг-бѡхуш і кѣрта жаха-
слѣдуетъ тебѣ“. Себѣ сказать сказанное говора эта во дворъ когда

чах, „тхац кің мѡла валајтац јѡллур хуа“ ѣлле јіттїна
пошла, „нашъ еще кто чтобы умеръ собиралась ты“ сказавъ побивъ

нѡха јїна мол-Несертац стѣ.
народъ убилъ муллу Насръ-Эддина жену.

Жена Насръ-Эддина имѣла любовника. Чтобы какъ-нибудь
наказать невѣрную жену, онъ говоритъ ей: «Всѣ наши домашніи
животныи, за исключеніемъ одной коровы, подошли; въ лѣсу есть
дуплистый чинаръ, который говоритъ, кому какой масти нужно
держатъ животныхъ, чтобы они множились. Сходи къ тому чинару
и узнай, что онъ намъ скажетъ. Не забудь взять съ собою бли-
новъ: иначе онъ ничего не скажетъ». Жена Насръ-Эддина спекла
много блиновъ и, руководствуясь указаніями мужа, гдѣ найти въ
лѣсу говорящій чинаръ, пошла туда. Вслѣдъ за ней побѣжалъ
туда, но по другой дорогѣ, и Насръ-Эддинъ. Прибѣжавъ рань-
ше жены, онъ влѣзъ въ дупло. Скоро пришла и его жена. Измѣ-
нивъ голосъ, чтобы жена его не узнала, Насръ-Эддинъ спросилъ
ее: «Принесла ли ты блины; если принесла, то подай ихъ мнѣ,
прикрывъ лицо платкомъ и смотря внизъ». Когда блины были
поданы, Насръ-Эддинъ спросилъ ее: «спрашивать будешь или по-
слушаешь меня». — «Мужъ мой говорилъ мнѣ, что ты самъ раз-
скажешь» сказала она. — «Если такъ», сказалъ мужъ: «то от-
вѣть мнѣ на вопросъ, кого больше любишь—мужа или любов-
ника». Такой вопросъ озадачилъ ее; она не рѣшается отвѣтить.
«Если не дашь отвѣта на предложенный вопросъ, то я ничего
не могу тебѣ сказать», проговорилъ изъ дупла Насръ-Эддинъ.
«Я больше люблю любовника» сказала она наконецъ. «Въ такомъ
случаѣ вотъ тебѣ мой совѣтъ: зарѣжь свою послѣднюю корову;
если ея мясо съѣсть только одинъ твой мужъ, то онъ ослѣпнетъ
и оглохнетъ, и тогда ты свободно можешь жить съ любовникомъ».
Совѣтъ этотъ пришелся по душѣ ей, и она, радуясь, направи-

лась домой. Когда жена отошла от чинара, Насръ-Эддинъ, доѣвъ остатки блиновъ, выскочилъ изъ дупла и прибѣжалъ раньше жены домой. Жена, придя домой, говоритъ ему: «Чинаръ сказалъ мнѣ, что во всѣхъ дѣлахъ у насъ будетъ благополучіе, если ты зарѣжешь нашу корову и мясо ея съѣшь самъ». Насръ-Эддинъ зарѣзалъ корову. Когда мяса осталось только на одинъ ужинъ, онъ говоритъ ей: «Я ничего не вижу и не слышу. Имя мое произносилось всѣми съ уваженіемъ; теперь я больше не думаю выходить: меня назовутъ «слѣпымъ чурбаномъ», этого я не вынесу; приготовь мнѣ въ комнатѣ уголь». Затѣмъ вечеромъ въ тотъ же день, повѣсивъ надъ огнемъ два котла: одинъ съ коровинымъ мясомъ для мужа, другой съ купленнымъ мясомъ для себя и любовника, она послала позвать любовника. Послѣдній скоро пришелъ и, узнавъ отъ любовницы, что случилось съ Насръ-Эджиномъ, сказала: «я усталъ: посплю немного, а послѣ ужина, поиграемъ!» Затѣмъ онъ легъ и заснулъ. Улучивъ минуту, когда жена по дѣлу вышла на дворъ, Насръ-Эддинъ вскочилъ и, вливъ въ ротъ спящаго кипяткомъ, умертвилъ его. Приготовивъ ужинъ, жена Насръ-Эджина будитъ любовника; но, замѣтивъ, что онъ умеръ, закричала: «къ намъ подбросили покойника, что я должна сдѣлать». Насръ-Эддинъ сидитъ, будто ничего не слышитъ; тогда она, подойдя близко, крикнула еще громче. Тогда онъ говоритъ: «Кто онъ, гдѣ живетъ»? Она ему все это сказала. «Положи его мнѣ на спину и веди меня къ воротамъ дома покойника!» Жена его повела. Когда пришли, онъ сказалъ ей: «Поди домой, оставь меня одного съ покойникомъ; назадъ дорогу домой я найду съ помощью палки». Когда жена ушла, Насръ-Эддинъ подошелъ къ дверямъ дома покойника и говоритъ, поддѣлываясь подъ его выговоръ: «Жена! отвори дверь,пусти меня».—«Не отворю», крикнула изнутри жена: «тебѣ довольно и жены Насръ-Эджина».—«Я умираю, отвори дверь», сказалъ опять Насръ-Эддинъ. Когда она и на этотъ разъ не отворила дверей, Насръ-Эддинъ, сказалъ: «Я умеръ!» и, оперши покойника о дверь, пошелъ домой. Утромъ, когда къ ногамъ жены любовника упалъ его трупъ, она говоритъ плача: «Видно, мужъ мой не шутилъ, говоря, что онъ умираетъ». Жена Насръ-Эджина, собравшись пойти поплакать въ домъ покойника, говоритъ своему мужу: «какими словами я должна выразить

сочувствіе горю его родственниковъ». Насръ-Эддинъ далъ ей совѣтъ говорить безпрестанно: «Да умреть у васъ еще тотъ, который не долженъ бы умереть!» Она поступила такъ, какъ посовѣтовалъ ей мужъ. Тогда родственники, возмущенные ея словами, убили ее кольями.

5. Злая жена.

Цѣненің замалахъ цѣненің жѳккучу жујртахъ вѣхіш хілла
 Въ одно время въ одномъ большомъ въ селѣ живя былъ
 цѣа дѳку хѳл долуш стаг. Шіѳң хѳл қуарда-адіна,
 одинъ много богатства имѣющій человекъ. Свое богатство (ему) надоѣвъ,
 хѳлух ша мѳха вѣріг-ву цахууш, нѳхе хѳттаң ар
 отъ богатства самъ какъ выйти есть не зная народа спросить вонъ
 вѣлле хілле і. Дѳка, қѣзіг уехуш, цѣненің нѳхана-тје
 вышелъ былъ онъ. Много, мало уходя, однимъ людямъ (къ) на нихъ
 кѣшна хілла і. Цѳа хеттана нѳхе: „Хѳл қуардіна
 пошелъ былъ этотъ. Онъ спросилъ народа: „Богатство надоѣло
 суѳана, һуң дічѳхъ вѣріг-вартехъ суа сајң хѳлух?“ Нѳха
 мнѣ, что сдѣлавъ выйдю я свое(го) отъ богатства?“ Народъ
 хѳхар-діна цунна: „ахъ јѳлаје лѣкің-јолуш, куарта хѳрсің
 совѣтъ сдѣлалъ ему: „ты приведи высокую имѣющая(ую), голова(у) рыжую
 болуш, сінің бѣргіш долуш, ірің қажеш болуш јѳ-
 имѣющая(ую), синія глаза имѣющая(ую), острия пятки имѣющая(ую) что
 луң зѳдаң. Нѳха діціна сібташ долуң зѳдаң лаха-а-
 есть женщину. Народъ(омъ) сказанныя примѣты имѣющую женщину искавъ
 лехна јѳліна хѳл долчу стага. Јѳліначу зѳдчуа дѳка
 найдя привелъ богатство имѣющій человекъ. Приведенная женщина много
 хѳң јѳлалѣ хѳлух-а вѣккѣна, гіхъ дѣчіг кѣхочу
 время не прошло отъ богатства изыекла, на спинѣ дрова куда носить
 вѣккѣна і. Цѳка дѣчіг дѳң ваханчѳхъ, цѳа јіна уојла:
 изыекла этотъ. Разъ дрова принесть куда ушелъ, онъ сдѣмалъ дума(у):
 „гіхъ дѣчіг кѣхна буктѣхъ чојнаш ју суѳана, цѳа вахчахъ
 „на спинѣ дрова носивъ на спинѣ раны есть мнѣ, домой придя

дѣчиг ѣсна зѣдчуа хѣза-вуа суа: дѣкініг деачах, тѣдініг
дрова неса женщина безпозонтъ я (мена): сухія принесши, мокрыя
һѳнда цадахар ах бѣхуш, тѣдініг деачах, дѣкініг һѳнда
зачѣмъ не принесѣ ты говора, мокрыя принесши, сухія зачѣмъ

цадахар ах бѣхуш; вѣхна-а һѳн дѣр-ду ас һѣку дујенѣ-
не принесѣ ты говора; живши что сдѣлать есть я (миѣ) это(миѣ) (вѣ) свѣ-
нах, ајса сајна тјѣхна валар дѣкка-а тјѣлар суѳана ѣлле“.
тѣ, самъ себѣ ударивъ умирать много лучше миѣ сказалъ“.

Убјла јѣш һѳра ѳаш, куінің бѣѣрг кѣтта қѣргочу лѣттах
Дума дѣлая этотъ сидя, его глазы ударилъ глубокому(у) въ земаѣ
дѣлочу ѳуіргах. Шіѣна і ѳуірг дѣячах, ѳіѣха-а јіна
находлщему(у) на нору. Себѣ эта(у) нора(у) увидя, обманъ сдѣлавъ

кѳза-а јѣліна сѣјң зудаң јуір ас ѣлле ца вахана і.
сюда приведа, свою женщину убью я сказаѣ, домој пошелъ этотъ.

Вахана ца-кѣшчах, цуа ѣлле зудче: „дѣка деші чоҳ-а
Ида домој прида, онъ сказалъ женщиѣ: „много золото(а) внутри

долуш ѳуірг каріна тахана суѳана; гѣлеш, машшаш вѣдѣ,
имѣд(ющю) нора(у) нашелъ сегодня миѣ (а); мѣшки, веревки приготоѣ,
суа кѳна ѳуррѣ деші дѣң ѳуір-ву“. „Хѳа ѳовдал-ву,
я завтра рано утромъ золото принесѣ пойду есть“. „Ты дуракъ есть,

ах вахчах деші қѣзіг дахар-ду, сѳа јахаң јѣза ціга ѣлле
ты уїда золото(а) мало принесѣ есть, я (миѣ) пойти надо туда сказала
зудчуа“. Шѣлѳучу дінах ѳуррѣ бахаң ѳра-бојла һѣруш,
женщина“. На другой днѣмъ (дѣнь) рано утромъ пойти вонъ вышли эти,

куѣнаха халха-а вѣккіна гѣлеш, машшаш гі-а дјехкана.
мужчина вперѣ ь извлекъ мѣшки, веревки на синѣ положиѣ.

Бахана һѣруш дѣа-кѣшчах, зѣдчунна ѳуірга јахаң мѳрѣ-
Ида они туда прида, женщиѣ въ нору пойти сладко

далајтаң, куѣнаха шѳа вахаң тѣхавелла. Пара тѣхавел-
чтоби сдѣлалось, мужчина самъ пойти собрался. Этотъ когда собрал-

чах, зудчунна ша јахаң мѳрѣ-дѣлла. Суах ах муш
ся, женщиѣ сажа(оѣ) пойти сладко сдѣлалось. Отъ меня ты веревка(у)

бѣхва, ѳс мѳш бѣгічах, сѳа хѣла-а уѣза ѣлле, ша ѳуірга
приважи, я веревку дернувши, я (мена) вѣрхъ тани сказаѣ, сама(у) въ нору

јахајта ёлле куёнахчё. Хілла јуїрга-а јахајтана, зудаң
опусти сказала мужнинѣ. Нѣсколькo въ нору опутивъ, женщина(у)
чу-а хёсна, ца веар куёнаха ша дінчух вёккучвёш.
туда путивъ, домой пришель мужнина самъ сдѣланнаго(ому) радуясь.

Қира дёлчах, куёнаха вахана јуїргате шіёң зудчух
Недѣля когда прошла, мужнина пошелъ къ норѣ свок(его) съ женщиной
һуң хіллёла хажая. Вахана дѣа-кёшчах, куиге діна
что сдѣлалось посмотреть. Идя туда приля, его (къ нему) сдѣлал(а)

јуїрга-чурчу сёрмикуа дёхар: ку-чоҳ цхёниң
въ норѣ находящаяся змѣя-чудовище просьба: здѣсь внутри одна (однѣ)
адам-јилбізуа јіёң ца-буита сја, ас ко дікиң дёр
человѣкъ-чортъ жить не оставляетъ я (мнѣ), самъ три добрыхъ дѣла сдѣлаю

хуана, суа ара ах баккаҳ. Куёнахчуа і сёрмик ара
тебѣ, я вонъ ты если извлечешь. Мужнина эту змѣю-чудовище вонъ

бёккір. Ша ара бёккічах, јуїртиң гуа лёсна, нах-а бууш
извлекъ. Сама(у) вонъ когда извлекиши, аула кругъ занявъ, народъ ѣдя

біжір і; чувахаң, аравалаң стаг-а цавүгитш. Куёнахчуа
легъ(ло) она(о); внутрь пойти, вонъ пойти никого не допуская. Мужнина (отъ
шіёга дёхар дічах, цігарің дѣбахар і. Цултѣха шёзза
себя) себѣ просьбу сдѣлавъ, оттуда ушла(о) это. Этого послѣ два раза

јуїртаң гуа лесначурің дѣбахана, шіёга
аула кругъ(а) онъ (отъ) занятого мѣста уйдя, себѣ (отъ себя)

дёхар-дічах: „ша дїрду“, ёлле: „ко дікиң дїр цуа
просьбу сдѣлавъ: „сама сдѣлаю“, сказавъ: „три добрыхъ дѣла сдѣлала она

куёнахчунна“. Ша тѣххариң дѣабједаш цуа ёлір цуінга:
мужнинѣ“. Сама послѣдній разъ уходя она сказала ему:

„кің суа блчу мавеллаҳ, ас кёллур-ву хуа“. Цігірің
„больше я гдѣ нахожусь не приходи, сама проглочу естъ тебя“. Оттуда

дѣа-а-бахчах сёрмикуа лёцір кёчу јуїртиң гуа. Куёнах-
назадъ уйдя, змѣя-чудовище заняла другого аула кругъ. Чтó, мужчи-

чуа ёллеріг-доа сёрмикуа ёлле, кунна дўкка-а ахча-а
на(ѣ) сказанное, дѣласть змѣя-чудовище, сказавъ, ему много денегъ

даҳаш бехкінчу нѣха дёхар даң сёрмике јуїртаң
неся пришедши, народъ просьба(у) сдѣлать, змѣя(я)-чудовище отъ

тїерің дѣа-буа āлаң куёнаха вахајтаң. Шā нāха
аула назадъ чтобы ушла(о) сказать мужчина чтобы пошелъ. Самъ народъ
цавітчахъ, вахар і сёрмік біжінчу јуїрта. Пāра дѣа
не оставилъ, пошелъ онъ змѣа-чудовище гдѣ лежитъ въ аудъ. Этогъ гдѣа
кѣшчахъ, бага-а заттіна кўнна чухѣдде сёрмік.
когда пришелъ, пастъ разинувъ ему (на него) бросилась змѣа-чудовище.

Шіёна і чухѣдчахъ, куёнахчуа ёлле: „суа хуёга
Себъ (на него) эта когда бросилась, мужчина сказали: „я теби
дѣхар даң ца-веана, суа веана хуёга āлаң: хуа жуїргахъ
просьба(у) сдѣлать не пришелъ, я пришелъ тебѣ сказать: ты въ норѣ
хїзіна зудаң āра-а јāлле, хуа лїхуш лѣла“, ёлле.
безпокойная женщина вонъ вышла, ты (тебя) отыскивая ходитъ“, сказали.

І шіёна хезчахъ, бѣдда бахана сёрмік. Цултѣха
Это себъ (она) услмшавъ, бѣгомъ пошла змѣа-чудовище. Этого послѣ
цу махба цабеана і.
это (въ) мѣсто не прошла эта.

Когда-то въ одномъ большомъ селѣ жилъ-былъ очень бога-
тый человекъ. Ему надоѣло жить въ богатствѣ, и, не зная самъ,
какъ отъ него избавиться, онъ отправился къ мудрецамъ за со-
вѣтомъ. Ему дали такой совѣтъ: жениться на женщинѣ высо-
каго роста, съ рыжими волосами, съ синими глазами и острыми
пятками. Долго онъ искалъ женщину съ указанными примѣтами,
но, наконецъ, нашель какъ разъ такую и, не долго думая, же-
нился на ней. Въ короткое время жена довела богача до такой
степени нищеты, что онъ вынужденъ былъ на собственной спи-
нѣ носить дрова изъ лѣсу. Непривычный трудъ, постоянныя
придириги жены сдѣлали свое дѣло: онъ сталъ неузнаваемъ.
Разъ въ лѣсу онъ утомился сильно, собирая валежникъ, и сѣлъ
подъ деревомъ отдохнуть. И тутъ онъ думаетъ: «Не сладка
моя жизнь, нѣтъ мнѣ покоя ни дома, ни внѣ дома. Лучше: на-
ложить на себя руки, чѣмъ влачить такую жизнь». Въ это
время случайно взгляды его упалъ на глубокую яму; тогда
въ головѣ его зародилась мысль—погубить злую жену, обма-
номъ заманивъ ее сюда. Придя домой, онъ говоритъ женѣ: «Се-
годня въ лѣсу я нашель глубокую яму; въ ней много золо-
та; приготожь мнѣ мѣшки и веревки; я завтра думаю пойти

за золотомъ». Жена говоритъ: «Ты дуракъ, ты мало принесешь золота: я должна пойти туда». На другой день рано утромъ пошли они къ ямѣ, при чемъ мужъ шествовалъ впереди съ мѣшками и веревками на спинѣ. Когда пришли къ ямѣ, мужъ собрался самъ спуститься туда. Онъ имѣлъ этимъ въ виду вызвать со стороны жены желаніе самой спуститься въ яму. И дѣйствительно, жена отнеслась враждебно къ намѣренію мужа и говорить: «Обмотай-ка мой станъ веревкой, да спусти меня въ яму; когда я дерну веревку, знай, что меня нужно тянуть обратно». Довольно глубоко спустивъ жену, мужъ выпустилъ изъ рукъ веревку: жена его полетѣла на дно ямы. Затѣмъ мужъ пошелъ домой, радуясь, что такъ легко избавился отъ злой жены. Проходитъ недѣля. Мужъ все не можетъ успокоиться; онъ идетъ къ ямѣ узнать, чтоъ стало съ его женой. Когда онъ подошелъ къ ямѣ, изъ глубины ея къ нему съ мольбой обратился змѣй-чудовище, говоря: «Здѣсь мнѣ не даетъ покоя женщина-сатана; если меня вытащишь изъ ямы, то я сдѣлаю тебѣ три добрыхъ дѣла». Бывшій богачъ сжалился надъ чудовищемъ и вытащилъ его изъ ямы. Очутившись на поверхности земли, чудовище легло вокругъ какого-то села. Оно пожирало ежедневно много людей; никого не впускало въ село, никого не выпускало изъ него. Вспомнивъ о трехъ добрыхъ дѣлахъ, обѣщанныхъ ему чудовищемъ, бывшій богачъ спѣшитъ въ то село. По просьбѣ его чудовище оставляетъ село. Избавленное село благодаритъ его; вѣсть, что чудовище во всемъ слушается его, разнеслась по всей землѣ. Затѣмъ чудовище, сдѣлало бывшему богачу еще два добрыхъ дѣла, уйдя отъ двухъ другихъ селеній, гдѣ оно также пожирало много людей. Уходя, змѣй сказалъ ему: «Я тебѣ сдѣлалъ три добрыхъ дѣла: больше ко мнѣ не являйся, а то проглочу». Съ этими словами, чудовище легло вокругъ какого-то села. Народъ пристааетъ къ бывшему богачу, предлагая ему много денегъ, чтобы онъ избавилъ село отъ страшнаго чудовища. Онъ отказывается, говоря, что чудовище его больше не послушается: съѣсть его. Народъ отъ него не отстаетъ, плачетъ, умоляетъ его. Настойчивыя просьбы заставляютъ его идти къ чудовищу. При его приближеніи змѣй, разинувъ пасть, бросается на него, говоря: «Я тебя предупреждалъ больше ко мнѣ съ просьбой не являться; теперь отъ меня не уйдешь». Тогда онъ говоритъ ему: «Не съ

просьбой я къ тебѣ пришелъ, а съ вѣстью неприятной: женщина-сатана, которая тебѣ не давала житья въ ямѣ, выползла оттуда и ищетъ тебя». Когда это услышало чудовище, то оно, испугавшись, бросилось бѣжать и исчезло навсегда.

Записаны учит. Грознен. гор. школы
Т. Эльдархановымъ.

~~~~~

Замѣтка.

Всѣ почти помѣщенныя здѣсь сказки записаны со словъ жителей аула Гехи (въ 30 в. къ юго-западу отъ г. Грознаго), за исключеніемъ одной—№ 2, которая сообщена воспитанникомъ Гроз. горской школы Шаханомъ Батукаевымъ, уроженцемъ Наура, аула надъ р. Терекомъ. Такъ какъ въ говорѣ надтеречныхъ ауловъ замѣчаются нѣкоторыя уклоненія отъ другихъ чеченскихъ говоровъ, то неизлишнимъ будетъ отмѣтить самыя выдающіяся изъ нихъ:

Въ Гехи говорятъ:		въ надтер. аулахъ:	
дѣкна	ѣццерің	дѣкка	ецца
запѣди	оттуда	запѣди	оттуда
віжна	туехна	віжжа	туехха
легъ	ударилъ	легъ	ударилъ
уѣзна	лѣсна	уѣзза	лецца
натянувъ	поймалъ	натянувъ	поймалъ
сѣнна	жімхуволуң	стѣнна	зімхуволуң
на что	младшій что есть	на что	младшій что есть
	ѣлле	ѣлле *).	

Л. Л.

---

*) Къ сожалѣнію, форма ѣлле вездѣ исправлена въ корректурѣ въ ѣлле.

Замѣченныя опечатки.

<i>Стран.</i>	<i>Стѣроки сверху. снизу.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Слѣдуетъ читать.</i>
Отдѣль II.			
25	1 —	Бѣднякъ	бѣднякъ
27	— 9	его	Его
30	— 4	узнать	узнать
31	— 6	гостя	гостя
39	— 14	дѣйствительно	дѣйствительно
48	— 1	могли	могли,
49	17 —	колѣни и,	колѣни, и
52	— 12	согласилась	согласилась
60	8 —	просиль	просиль,
62	1 —	состояніи	состояніи,
64	12 —	начастливаго	несчастливаго
76	— 5	матери	матери и
81	5 —	разказалъ	разказалъ
96	2 —	поперегъ	поперекъ
127	9 —	и	и,
129	— 14	недождавшись	не дождавшись
134	— 7	человѣку“.	человѣку?“
139	12 —	сограсилась	согласилась.
Отдѣль III.			
17	9 —	яма	нора
17	— 6	яму	нору
18	— 2	яму	подземелье
20	17 —	въ ямѣ	въ подземелью.